

Национальный исследовательский
институт развития коммуникаций

Серия «Научные конференции»

РОССИЯ И МИР: ДИАЛОГИ – 2026. НОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

X Международная научно-
практическая конференция.
Сборник материалов

Москва, 2026

Национальный исследовательский институт развития
коммуникаций

Серия «Научные конференции»

Россия и мир: диалоги – 2026. Новая реальность

X Международная научно-практическая конференция.
Сборник материалов

Москва, 2026

УДК 327
ББК 66.4
Р76

Россия и мир : диалоги – 2026. Новая реальность : X Международная научно-практическая конференция (20 мая 2026 г.) : сб. материалов / Под научной редакцией В.В.Комлевой, О.В.Жуликовой. – Москва : Национальный исследовательский институт развития коммуникаций, 2026. – 528 с.

ISBN 978-5-7151-0698-8

Научные редакторы:

В.В.Комлева, доктор социологических наук, профессор
О.В.Жуликова, кандидат социологических наук, доцент

Рецензенты:

Н.П.Грибин, доктор юридических наук, профессор
О.Г.Карпович, доктор юридических наук, доктор политических наук, профессор

Редакционная коллегия:

В.В.Комлева, доктор социологических наук, профессор
О.В.Жуликова, кандидат социологических наук, доцент
А.В.Гасумянова, кандидат юридических наук
Е.А.Кузьменко, кандидат исторических наук
О.В.Гуржиева, М.С.Савина, Л.А.Шилова

Корректор:

И.А.Емелин, кандидат филологических наук

Организатор X Международной научно-практической конференции:

- Национальный исследовательский институт развития коммуникаций

Генеральный партнер конференции:

- Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН

Академические партнеры X Международной научно-практической конференции:

- Институт востоковедения РАН
- Национальная академия наук Таджикистана
- Академия наук Узбекистана
- Кыргызский национальный университет имени Ж.Баласагына
- Дипломатическая академия МИД Кыргызской Республики имени К.Дикамбаева
- Ереванский государственный университет (Армения)
- Юго-Осетинский государственный университет имени А.А.Тибилова
- Белградский университет (Сербия)
- MB University (Сербия)

Информационные партнеры конференции:

- Научный журнал «Россия и мир: научный диалог»
- Научный журнал «Россия: общество, политика, история»
- Международный информационный телеканал Euromedia24TV
- Информационное агентство EADaily
- Журнал «Перспектива. Поколение поиска»
- Журнал «Человек и мир. Диалог»



> УДК: 327 ББК 66.4

Р76

Россия и мир : диалоги – 2026. Новая реальность : X Международная научно-практическая конференция (20 мая 2026 г.) : сб. материалов / Под научной редакцией В.В.Комлевой, О.В.Жуликовой. – Москва : Национальный исследовательский институт развития коммуникаций, 2026. – 528 с.

Сборник материалов X Международной научно-практической конференции «Россия и мир: диалоги – 2026. Новая реальность» представляет собой научное издание, подготовленное по итогам юбилейной конференции, посвященной осмыслению ключевых тенденций и вызовов современного мирового развития. В сборнике представлены научные доклады, аналитические материалы и экспертные оценки российских и зарубежных исследователей и политиков, раскрывающие содержание «новой реальности» как многомерного феномена, связанного с трансформацией глобальной архитектуры, политических интересов, изменением экономических моделей, технологическими сдвигами и обновлением социальных парадигм. Особое внимание уделено вопросам формирования многополярного мира, обеспечения суверенитета и безопасности, адаптации национальных систем к внешним вызовам, а также поиску новых направлений международного сотрудничества. Издание адресовано научным сотрудникам, преподавателям, аспирантам, студентам, представителям органов государственной власти и экспертного сообщества, а также всем, кто интересуется актуальными проблемами развития России и ее места в меняющемся мире. Материалы сборника способствуют развитию профессионального диалога, обмену исследовательскими подходами и формированию новых направлений научного анализа.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	12
--------------------------	-----------

Приветствия участникам конференции

Гасумянов Владислав Иванович, директор Национального исследовательского института развития коммуникаций, доктор экономических наук	18
---	-----------

Наумкин Виталий Вячеславович, академик РАН, член Наблюдательного совета Национального исследовательского института развития коммуникаций, научный руководитель Института востоковедения РАН, главный редактор журнала «Россия и мир: научный диалог», доктор исторических наук	21
---	-----------

Кузнецов Алексей Владимирович, и.о. директора Института научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук	23
---	-----------

Лебедев Сергей Николаевич, Генеральный секретарь СНГ	25
--	-----------

Свистунов Аркадий Николаевич, депутат Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации	26
--	-----------

Исаков Владимир Павлович, депутат Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации	28
--	-----------

Маргиев Алан, председатель Парламента Республики Южная Осетия	30
---	-----------

Барциц Олег Мсасович, Министр иностранных дел Республики Абхазия.....	31
---	-----------

Игнатъев Виталий Викторович, Министр иностранных дел Приднестровской Молдавской Республики	33
--	-----------

Пленарная сессия «Современный мир: новые риски, вызовы, возможности. Академический взгляд»

Кузнецов Алексей Владимирович, и.о. директора Института научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук Трансформация глобализации и перестройка иерархии ведущих экономических центров силы	36
--	-----------

Дегтерев Денис Андреевич, главный научный сотрудник Центра изучения проблем переходной экономики Института Африки РАН, доктор политических наук Подходы к безопасности и развитию незападного мира	41
---	-----------

Комлева Валентина Вячеславовна, заместитель директора по научной работе Национального исследовательского института развития коммуникаций, доктор социологических наук Логика современной мировой политики: социологический взгляд	49
---	-----------

Шабров Олег Фёдорович, профессор кафедры государственной политики факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, президент Академии политической науки, доктор политических наук Национальное государство в условиях глобальной трансформации	59
--	-----------

Материалы экспертных дискуссий

Экспертная дискуссия «Современный мир: новые риски, вызовы, возможности. Взгляд государственных, политических и общественных деятелей»

Пырванов Ивелин, депутат Народного собрания Республики Болгария LII созыва ...	65
---	-----------

Саиди Дилафруз Раббизода, депутат Маджлиси намояндагон Маджлиси Оли Республики Таджикистан VII созыва, кандидат технических наук	69
--	-----------

Йованович Милош, депутат Народной скупщины Республики Сербия XIV созыва, PhD по международным отношениям	71
--	-----------

Тадтаев Таймураз Валерьевич, вице-спикер парламента Республики Южная Осетия, кандидат исторических наук75

Айдарбеков Чингиз Азаматович, экс-министр иностранных дел Кыргызской Республики, депутат Жогорку Кенеша VII созыва Кыргызской Республики, кандидат юридических наук.....77

Назаралиев Ислам Замирович, Председатель Российско-Таджикского делового совета при Торгово-промышленной палате Российской Федерации, генеральный директор АНО «Международный центр региональной интеграции»80

Экспертная дискуссия «Россия и Южный Кавказ: диалог в новой реальности»

Айвазян Диана Степановна
Организация тюркских государств во внешней политике Азербайджанской Республики и интересы России84

Гукасян Арман Феликсович
Новая архитектура Южного Кавказа: кто и как формирует будущее региона89

Кикнадзе Тамар
Грузино-российские отношения на фоне глобальных вызовов93

Котова Юлия Артемовна
Геоэкономическое измерение проекта TRIPP как инструмента реформирования баланса сил на Южном Кавказе.....97

Понамарёва Анастасия Михайловна
Геополитическое измерение противостояния между правительством Никола Пашиняна и Армянской апостольской церковью102

Тадтаев Таймураз Валерьевич
Южная Осетия и Россия: вековое военное, политическое и культурное сотрудничество.....110

Тедеев Вадим Ботазович
Южная Осетия и Россия: новые перспективы союзнических отношений115

Тихонов Юрий Павлович
Интернационализация программных тезисов избирательной кампании в Республике Армения в условиях геополитической турбулентности120

Резюме экспертной дискуссии «Россия и Южный Кавказ: диалог в новой реальности»130

Экспертная дискуссия «Стратегическое партнерство России и стран Центральной Азии: вызовы и возможности»

Бегалинова Калимаш Капсамаровна, Бегалинов Алибек Серикбекович
Центральная Азия на перекрестке цивилизаций.....134

Вышегородцев Даниил Денисович
Энергетический сектор Казахстана: геоэкономические риски и перспективы сотрудничества с РФ145

Искандаров Косимшо
Современные угрозы безопасности, исходящие из Афганистана, и перспективы повышения эффективности таджикско-российского взаимодействия по их противодействию157

Козюлин Вадим Борисович
Россия и Центральная Азия в мировом информационном пространстве.....167

Минасян Нелли Арташесовна
Политика «мягкой силы» Турции в Центральной Азии: идеологические основы и инструменты.....175

Нессар Омар
Влияние афгано-пакистанских противоречий на безопасность и логистику в Центральной Азии183

Рахимов Мирзохид Акрамович
Международные и региональные отношения в Центральной Азии в контексте устойчивого развития185

Саиди Дилафруз Раббизода

От стратегических соглашений к технологическому единству: реализация
партнерства Таджикистана и России..... 192

Сайидзода Зафар Шерали

Современный мир: новые вызовы, риски и возможности
(академический взгляд)..... 196

Салимзода Каримджон Хасан

ОДКБ как пояс безопасности Центральной Азии в условиях новых вызовов
и угроз 201

Тажибаев Алибек Тимитаевич

Партнерство под давлением: Центральная Азия между евразийской интеграцией и
стратегической автономией 208

Фрадин Илья Михайлович

Международный опыт финансирования инвестиционных проектов в области
чистой энергетики: от практик к инструментам 215

**Резюме экспертной дискуссии «Стратегическое партнерство России и стран
Центральной Азии: вызовы и возможности» 225**

Экспертная дискуссия «Россия и Европа в эпоху перемен»

Аветисян Александра Сергеевна

Технологическая конкуренция России и Европейского союза в энергетическом
секторе Республики Сербия 230

Антипов Даниил Романович

Эволюция политики Франции в отношении Украины (2022–2026 гг.) 237

Атлагич Синиша

Россия и эпоха нового мирового порядка 244

Бовдунов Александр Леонидович

Перспективы взаимодействия России и стран Восточной Европы после 2025 г.:
угрозы, вызовы, возможности..... 248

Ефременко Дмитрий Валерьевич

Европейский союз и страны-члены Европейского союза: проблемы геополитической
субъектности..... 256

Игнатъев Виталий Викторович

Фактор Приднестровья в контексте противодействия стратегии изоляции России со
стороны Европейского союза и НАТО 262

Йованович Милош

Россия и Европа: желательный цивилизационный разрыв?..... 268

Кара Юрий Иосифович

Народная дипломатия в условиях изоляции: как гуманитарные связи создают
признание вопреки барьерам 279

Котов Александр Владимирович

Экономические отношения России и Европейского союза на современном этапе 284

Лазоркина Ольга Игоревна

Беларусь на перекрестке геополитики 289

Рубцов Юрий Викторович

Геноцид народов – общая родовая черта нацистского режима гитлеровской
Германии и неонацистского режима Украины 292

Тимакова Ольга Александровна

Продвижение европейских ценностей в стратегии коннективности Евросоюза на
постсоветском пространстве..... 298

Фаттахов Азамат Ильгисович

Перспективы гибридного противостояния России и Европы 303

Резюме экспертной дискуссии «Россия и Европа в эпоху перемен» 308

Экспертная дискуссия «Арктика в новой реальности: стратегии России и глобальные вызовы»

Афонькина Юлия Александровна

Семейные сценарии студенческой молодежи Арктики в контексте социально-
демографических рисков территории (на примере Мурманской области) 312

Большаков Сергей Николаевич

Территориальные и глобальные нарративы Китая в Арктическом регионе..... 322

Желнина Зоя Юрьевна

Потенциал креативных пространств и тематической инфраструктуры в туризме арктических территорий..... 330

Жуликова Ольга Валентиновна

Арктика 2.0: Россия между санкциями, климатом и новым миропорядком 338

Коваль Василий Петрович

Арктика в меняющемся мире..... 343

Шевелёва Юлия Романовна

Арктический режим международной коммуникации в условиях геополитического кризиса 354

Резюме экспертной дискуссии «Арктика в новой реальности: стратегии России и глобальные вызовы» 366**Экспертная дискуссия «Интеграции евразийского пространства: к 35-летию СНГ»****Акулович Ирина Борисовна**

Особенности белорусско-российской интеграции 370

Байльдинов Ергали Темуржанович

Куда идти и что делать? К вопросу об интеграционном целеполагании..... 373

Джоробекова Айнура Эшимбековна

Интеграционные форматы в Евразии..... 387

Исаев Евгений Николаевич

Роль мигрантов на рынке низкоквалифицированного труда России 390

Калин Виталий Иванович

Приднестровье и евразийские интеграционные процессы: адаптация к современным геополитическим реалиям..... 393

Крыштановская Ольга Викторовна, Киреев Егор Юрьевич

Политические элиты постсоветского пространства: интеграция или разобщение? 396

Ленькин Денис Юрьевич

Конструктивистский подход к изучению истоков приднестровского конфликта 403

Матяш Александр Иванович, директор информационно-аналитического

департамента Исполнительного комитета СНГ

Приветствие участникам 411

Прудников Антон Дмитриевич

ГУАМ как главный антироссийский проект на постсоветском пространстве

в 1992–2025 гг. 413

Рахимов Комрон Хакиджонович, Никонова Вера Андреевна

Террористические угрозы в Центральной Азии как фактор энергетической

безопасности в атомной дипломатии России 418

Рязанцев Роман Сергеевич

От сетевой дипломатии к «российской диаспоре в мире»: проектная трансформация государственного управления в условиях глобальной турбулентности 428

Саркисян Павел Игоревич

Организация Договора о коллективной безопасности как фактор интеграционных процессов в Евразии..... 431

Сащенко Наталья Петровна

Ментальные ресурсы интеграционных процессов: проблема диагностики..... 435

Таалайбек кызы Жанара

Россия и Кыргызстан: инструменты образовательного сотрудничества 441

Шадский Алексей Викторович, начальник отдела сотрудничества в гуманитарной

сфере Первого департамента стран СНГ МИД России, кандидат политических наук

Приветствие участникам 448

Резюме экспертной дискуссии «Интеграции евразийского пространства: к**35-летию СНГ»** 454**Фотогалерея** 457

Предисловие

Уважаемые читатели!

Настоящий сборник подготовлен по итогам X Международной научно-практической конференции «Россия и мир: диалоги – 2026. Новая реальность», объединившей представителей академического сообщества, органов государственной власти, дипломатического корпуса, экспертных и аналитических центров, высших учебных заведений, общественных организаций и международных структур. В очередной раз Конференция стала значимой научно-экспертной площадкой для обсуждения ключевых процессов, определяющих развитие современного мира. В 2026 г. ее тематика была обращена к осмыслению новой международной реальности, в которой усиливаются политические и социальные риски, трансформируется архитектура безопасности, меняются экономические связи, возрастает роль региональных форматов сотрудничества и усложняется характер международного диалога.

Особенность конференции заключалась в соединении академического анализа и практического опыта. В рамках дискуссий рассматривались как фундаментальные вопросы современного мирового развития, так и конкретные действия на региональных направлениях, имеющих стратегическое значение для России: Южный Кавказ, Центральная Азия, Европа, Арктика и вопросы интеграций на евразийском пространстве. Такой подход позволил представить современную международную ситуацию не как совокупность отдельных кризисов, а как сложный и взаимосвязанный процесс формирования новых политических, экономических и гуманитарных контуров мирового порядка.

Широкий состав участников придал конференции международный характер. В конференции приняли участие более 200 человек. В качестве спикеров выступили 90 участников из России, Абхазии, Армении, Беларуси, Болгарии, Грузии, Казахстана, Кыргызстана, Приднестровья, Сербии, Таджикистана, Узбекистана, Южной Осетии. Российская сторона была представлена институтами РАН, ведущими университетами, органами государственной власти, экспертными центрами и общественными организациями. Среди зарубежных участников были представители парламентских структур, органов исполнительной власти, дипломатических миссий, университетов, научных институтов и аналитических организаций. В работе конференции также приняли участие представители международных объединений, включая Исполнительный комитет СНГ, Организацию Договора о коллективной безопасности, ЕАЭК.

Программа конференции содержала семь сессий, каждая из которых представляла собой самостоятельное направление анализа современной международной повестки.

На сессии «Современный мир: новые риски, вызовы, возможности. Академический взгляд» были представлены четыре научных доклада: «Транс-

формация глобализации и перестройка иерархии ведущих экономических центров силы» (А.В.Кузнецов), «Логика современной мировой политики: социологический взгляд» (В.В.Комлева), «Подходы к безопасности и развитию незападного мира» (Д.А.Дегтерев), «Национальное государство в условиях глобальной трансформации» (О.Ф.Шабров). Основные позиции авторов этих докладов представлены в данном сборнике. Материалы этой сессии задали общий теоретико-методологический вектор конференции. Современный мир рассматривался через призму системных изменений, затрагивающих политическую сферу, безопасность, экономику и социальные процессы. Академический взгляд докладчиков позволил прояснить глубинные причины происходящих трансформаций, определить долгосрочные тенденции и обозначить исследовательские подходы к изучению новой международной реальности.

Практическая сторона международных отношений была обсуждена на сессии «Современный мир: новые риски, вызовы, возможности. Взгляд государственных, политических, общественных деятелей». Материалы этой сессии дополнили академический анализ практическими оценками представителей государственного, политического и общественного уровня. Особое внимание уделялось прикладным аспектам современных политических, экономических и социальных процессов, а также возможностям международного взаимодействия в условиях растущей турбулентности. Представленные в сборнике материалы этой сессии позволяют рассматривать современные вызовы не только как предмет научного анализа, но и как практическую задачу, требующую выработки новых механизмов взаимодействия и коммуникации.

Сессия «Россия и Южный Кавказ: диалог в новой реальности» имела целью обсуждение вопросов региональной безопасности, экономического сотрудничества и роли внешних акторов на Южном Кавказе. Южный Кавказ был представлен участниками конференции как один из наиболее динамичных и чувствительных регионов, где вопросы безопасности тесно связаны с экономическим сотрудничеством, транспортно-логистическими процессами и влиянием внешних акторов. Докладчики обращались к проблемам регионального диалога, устойчивости существующих механизмов взаимодействия и перспективам сотрудничества России со странами региона в новой международной обстановке.

Сессия «Стратегическое партнерство России и стран Центральной Азии: вызовы и возможности» содержала анализ современного состояния, эффективности и перспектив стратегического партнерства России и стран Центральной Азии. Центральнoазиатское направление заняло одно из ключевых мест в программе конференции. В материалах сборника оно раскрывается через вопросы безопасности, политики, региональной интеграции, экономики, энергетики, логистики и устойчивого развития. Особое внимание уделяется оценке современного состояния стратегического партнерства России и стран Центральной Азии, перспективам углубления вза-

имедействия, а также факторам, влияющим на устойчивость регионально-го сотрудничества. Центральная Азия рассматривается авторами не только как пространство традиционных связей России, но и как регион, в котором возрастает значение транспортных маршрутов, энергетических проектов, миграционной повестки, образовательных и гуманитарных контактов, а также конкуренции внешних акторов.

Участники сессии «Россия и Европа в эпоху перемен» проанализировали отношения России и Европы в условиях политической, экономической, ценностной неоднородности европейского пространства, внутренних противоречий европейских стран и институтов. Материалы данной сессии посвящены анализу отношений России и Европы в условиях глубокой трансформации европейского пространства. В центре внимания докладчиков находились внутренние противоречия европейских стран и институтов, а также возможные направления взаимодействия России с ценностно и культурно близкими европейскими государствами. Важной особенностью представленных материалов является отказ от упрощенного восприятия Европы как единого политического субъекта и переход к анализу европейского пространства как сложной системы с различными центрами интересов, внутренними линиями напряжения и неодинаковыми подходами к вопросам безопасности, экономики и международного сотрудничества.

На сессии «Арктика в новой реальности: стратегии России и глобальные вызовы» было рассмотрено влияние геополитических изменений на развитие арктического пространства, региональной архитектуры безопасности, экономического освоения. Арктическая проблематика представлена на Конференции как одно из стратегически значимых направлений современной международной повестки. Арктика рассматривалась не только как регион экономического освоения и транспортно-логистического развития, но и как пространство, где пересекаются вопросы безопасности, международного права, ресурсной политики, климатических изменений и конкуренции региональных и внерегиональных акторов. Материалы сессии подчеркивают, что значение Арктики для России возрастает в условиях геополитических изменений.

Завершающая тематическая сессия была приурочена к 35-летию СНГ и названа «Интеграции евразийского пространства: к 35-летию СНГ». Представленные материалы сессии обращены к анализу динамики интеграционных процессов, форматов сотрудничества государств евразийского пространства, перспектив интеграционного диалога и эффективности действующих механизмов. Евразийская интеграция рассматривалась на Конференции значительно шире, чем сотрудничество в рамках СНГ. Анализировались форматы ЕАЭС, ОДКБ, БРИКС и др. При этом особое внимание уделялось необходимости содержательного обновления интеграционной повестки, повышения практической отдачи существующих и новых форматов и адаптации интеграционных механизмов к условиям актуальной международной реальности.

В 2026 г. в рамках конференции состоялось торжественное мероприятие, посвященное 5-летию научного журнала «Россия и мир: научный диалог». Юбилей стал поводом подвести итоги развития издания, отметить его вклад в укрепление научной коммуникации и поблагодарить авторов, членов редакционной коллегии и экспертов. Лучшие авторы и представители редколлегии были награждены за значимый вклад в развитие журнала. Материалы их выступлений также представлены в нашем сборнике.

Важным этапом формирования содержательной повестки Конференции стали зарубежные экспертные диалоги, проведенные в преддверии Конференции.

7 апреля в Бишкеке НИИРК совместно с Центром российских исследований Кыргызского национального университета имени Ж.Баласагына провел Бишкекский экспертный диалог «Интеграционные форматы в Центральной Азии». Участники из Казахстана, Кыргызстана, России, Таджикистана и Узбекистана обсудили актуальные проблемы интеграции, вопросы политики, экономики и безопасности, роль образования, науки, коммуникаций и медиа в развитии интеграционных процессов. Были рассмотрены вопросы влияния интеграционных процессов на устойчивость Центральной Азии, коммуникационные режимы стран и практические механизмы взаимодействия в условиях многовекторности и меняющейся региональной повестки.

15–16 апреля в Ереване НИИРК совместно с Центром российских исследований ЕГУ и телеканалом Euromedia24TV провел Ереванский экспертный диалог «Южный Кавказ: новые реалии и перспективы». В формате панельных дискуссий участники обсудили политические трансформации в странах Южного Кавказа, изменение регионального баланса сил и влияние внешних акторов на политическую динамику региона. Отдельное внимание было уделено архитектуре безопасности, конфликтному потенциалу, военным и гибридным угрозам, а также эффективности существующих и возможных новых механизмов стабилизации. В экономическом блоке рассматривались перспективы региональной кооперации, развитие транспортных коридоров, энергетики, инфраструктурных и инвестиционных проектов. Также обсуждалась трансформация информационного пространства, роль медиа и цифровых платформ в формировании общественного мнения, ценностей новых поколений и общественно-политических настроений.

29 апреля в Белграде НИИРК совместно с Центром русских исследований Факультета политических наук Белградского университета провел Белградский экспертный диалог «Славянский мир в меняющихся реалиях: стратегии диалога». Рабочими языками мероприятия стали русский и сербский. Участники обсудили новые условия развития славянского мира, запрос на диалог, политические, информационные и ценностные барьеры взаимодействия, вопросы исторической памяти и взаимного восприятия, а также практические механизмы поддержания коммуникации – экспертные площадки, сетевые форматы, академические обмены, культурные проекты и общественную дипломатию.

Зарубежные экспертные диалоги позволили расширить международное экспертное участие, выявить региональные приоритеты, сопоставить позиции зарубежных партнеров и определить ключевые темы для последующего обсуждения на основной площадке Конференции в г. Москве.

Материалы, включенные в настоящий сборник, отражают широкий спектр научных и экспертных подходов к анализу современных международных процессов. Они позволяют увидеть, что новая реальность характеризуется не только ростом конфликтности и неопределенности, но и поиском новых возможностей для взаимодействия, укрепления региональных связей, развития интеграционных механизмов и сохранения профессионального диалога.

Значение конференции состоит также в том, что она стала пространством содержательной коммуникации между представителями разных стран, научных школ, государственных и общественных институтов. В условиях усложнения международной обстановки такие площадки приобретают особую ценность, поскольку позволяют поддерживать экспертный обмен, формировать доверительные профессиональные связи и вырабатывать предложения, основанные на комплексном понимании происходящих процессов.

Организаторы конференции выражают благодарность генеральному партнеру конференции – ИНИОН РАН и всем участникам конференции, авторам представленных материалов, модераторам, экспертам и зарубежным и российским академическим информационным партнерам за вклад в подготовку и проведение конференции, а также за содержательное участие в обсуждении актуальных вопросов современной мировой и региональной политики.

С уважением,

Валентина Вячеславовна Комлева,
председатель оргкомитета конференции,
заместитель директора по научной работе
Национального исследовательского института развития коммуникаций,
доктор социологических наук

ПРИВЕТСТВИЯ УЧАСТНИКАМ КОНФЕРЕНЦИИ

Приветственное слово

**Гасумянов Владислав Иванович,
директор Национального исследовательского
института развития коммуникаций,
доктор экономических наук**

Уважаемые коллеги, дорогие участники конференции!

Тема нашей конференции: «Россия и мир: диалоги – 2026. Новая реальность». Уже сама формулировка этой темы задает важный вопрос: каким может быть диалог в условиях, когда прежние правила международного общения заметно изменились, а доверие между государствами, обществами и культурами оказалось под серьезным испытанием?

Современная реальность характеризуется высокой неопределенностью. Мир переживает период трансформации. Меняется архитектура международных отношений, усиливается конкуренция политических и экономических моделей, обостряются информационные противостояния, пересматриваются представления о безопасности, суверенитете, развитии и культурной идентичности. На наших глазах формируется более сложный, многополярный мир, в котором ни один центр силы уже не способен единолично определять повестку для всех.

В этих условиях Россия оказывается не просто участником глобальных процессов, но и одним из ключевых субъектов обсуждения будущего мирового порядка. Для России диалог с миром – это не только внешнеполитический инструмент. Это способ осмысления собственного места в истории, собственной цивилизационной идентичности и своего вклада в решение общих проблем человечества.

Однако сегодня сам диалог стал сложнее. Он всё чаще подменяется языком санкций, давления, информационных кампаний и взаимных обвинений. Вместо стремления понять позицию другой стороны нередко возникает желание навязать собственную интерпретацию событий. В результате пространство доверия сужается, а международная коммуникация становится фрагментированной.

Но именно поэтому диалог сегодня особенно необходим. Диалог не означает полного согласия. Он не предполагает отказа от национальных интересов, исторической памяти или культурной самобытности. Напротив, настоящий диалог возможен только тогда, когда стороны осознают собственную позицию, но при этом готовы слышать аргументы другого. Диалог – это не слабость, а форма ответственности.

Для России в новой реальности особенно важны несколько направлений такого диалога.

Первое – это диалог цивилизаций и культур. Россия исторически развивалась как многонациональное и многоконфессиональное пространство. Этот опыт сосуществования различных народов, языков и традиций является важным ресурсом в современном мире, где культурные различия всё чаще становятся источником на-

пряжения. Российский опыт показывает, что многообразие может быть не угрозой, а основой устойчивости.

Второе направление – это научный и образовательный диалог. Даже в периоды политических кризисов наука, образование и академическое сотрудничество должны оставаться пространством профессионального общения. Университеты, исследовательские центры, молодежные форумы, международные конференции способны сохранять каналы коммуникации там, где официальная дипломатия сталкивается с ограничениями. Именно гуманитарное знание помогает понять не только политические решения, но и ценности, страхи, ожидания обществ.

Третье направление – экономический и технологический диалог. Новая реальность требует поиска новых партнерств, новых логистических маршрутов, новых форм сотрудничества. Россия развивает связи со странами Азии, Африки, Латинской Америки, Ближнего Востока, государствами постсоветского пространства. Это не просто переориентация, а участие в формировании более сбалансированной системы международного развития, где разные регионы получают право на собственный голос.

Четвертое направление – диалог о безопасности. Сегодня безопасность уже не может пониматься только как военная категория. Она включает продовольственную, энергетическую, информационную, экологическую, демографическую и культурную составляющие. Ни одна страна не способна решить эти вопросы изолированно. Поэтому даже при наличии противоречий необходимо сохранять пространство переговоров, экспертных контактов и международных механизмов урегулирования.

Особое значение имеет и диалог внутри самой России – между поколениями, регионами, научными школами, общественными группами. Невозможно вести содержательный разговор с внешним миром, если внутри общества отсутствует способность к взаимопониманию. Новая реальность требует не только внешнеполитической устойчивости, но и внутренней консолидации, основанной на уважении, ответственности и осознании общих целей.

Говоря о России и мире, важно избегать двух крайностей. С одной стороны, нельзя воспринимать мир исключительно как источник угроз. С другой стороны, нельзя игнорировать реальные противоречия и конфликты интересов. Задача состоит в том, чтобы видеть сложность международной ситуации и одновременно искать возможности для сотрудничества.

Новая реальность – это не только кризис. Это еще и пространство возможностей. Она заставляет переосмыслить привычные подходы, укрепить собственные институты, развивать новые партнерства, внимательнее относиться к национальной культуре и исторической памяти. В этом смысле диалог становится не просто формой общения, а стратегией выживания и развития.

Подводя итог, хочу подчеркнуть, что будущее международных отношений зависит не только от силы государств, но и от их способности разговаривать друг с другом. Россия, обладая богатым историческим опытом, культурным многообразием, научным потенциалом и геополитическим значением, может и должна участвовать в формировании такого диалога – равноправного, уважительного и ориентированного на долгосрочную стабильность.

Диалог в новой реальности – это не возвращение к прошлому. Это поиск новых оснований для взаимопонимания в мире, который уже изменился. И от того, насколько ответственно мы подойдем к этому поиску, зависит не только место России в современном мире, но и качество будущего этого мира.

В заключение хотелось бы поблагодарить руководство ИНИОН РАН, лично Алексея Владимировича Кузнецова за предоставление площадки ИНИОН РАН и отметить, что наша конференция проходит здесь уже второй раз. Это важно отметить, так как именно ИНИОН РАН – российский научно-информационный центр в области общественных и гуманитарных наук, объединяющий исследовательскую работу, фундаментальную библиотеку, информационные ресурсы и международный научный обмен для поддержки исследований, образования, экспертизы и коммуникации.

Желаю всем участникам конференции конструктивного диалога, содержательных предложений и рекомендаций и новых научных и профессиональных контактов.

Приветственное слово

**Наумкин Виталий Вячеславович,
академик РАН, член Наблюдательного совета
Национального исследовательского института
развития коммуникаций, научный руководитель
Института востоковедения РАН, главный редактор
журнала «Россия и мир: научный диалог»,
доктор исторических наук**

Прежде всего хочу приветствовать всех, кто приехал и пришел на эту конференцию, всех ее участников, а также организаторов – Владислава Ивановича и его коллег. Благодарю вас за созданные условия и за возможность обсудить действительно важные, острые и актуальные проблемы, связанные с современным состоянием мира.

Здесь уже многое было сказано, особенно в выступлении нашего модератора, который содержательно обозначил те трансформации, которые происходят сегодня на мировой арене. Речь идет не просто об отдельных политических изменениях, а о более глубокой перестройке мирового порядка, о новых тенденциях его развития и о той роли, которую в этих процессах играет Россия.

На мой взгляд, именно это и является одним из ключевых вопросов, которые мы должны обсуждать в рамках нашей конференции. Сегодня международное сообщество сталкивается с большим числом новых вызовов. Это не только продолжение старых противоречий, но и появление качественно новых угроз, на которые приходится отвечать. Эти вызовы затрагивают вопросы международной безопасности, устойчивости государств, региональной стабильности и перспектив формирования более справедливого мирового порядка.

Россия в этих условиях последовательно отстаивает принципы стабильности, безопасности и суверенного развития. И для нас, как для граждан страны и представителей академического сообщества, важно понимать природу тех процессов, которые происходят сегодня в мире. Нападки на международную стабильность и безопасность носят деструктивный характер. Они отражают интересы тех сил, которые стремятся не к мирной трансформации мирового порядка, а к его разрушению и замене более конфликтной и нестабильной системой отношений.

При этом, на мой взгляд, перспективы для конструктивного развития существуют. Мировой порядок действительно нуждается в изменении, но это изменение должно вести не к хаосу, а к большей устойчивости, предсказуемости и справедливости. Поэтому так важно обсуждать не только сами кризисы, но и возможные механизмы их преодоления.

Поскольку я представляю востоковедческое направление академической науки и многие годы занимаюсь проблемами Ближнего Востока, хотел бы отдельно

подчеркнуть значение регионального измерения современной мировой политики. То, что сегодня происходит на Ближнем Востоке, вызывает серьезную тревогу. Количество вызовов, конфликтов и кризисов в этом регионе чрезвычайно велико. Нестабильность постепенно расширяется, затрагивает всё новые пространства и создает угрозы для государств, которые еще недавно воспринимались как относительно устойчивые.

Мы видим, что действия Соединенных Штатов и Израиля формируют новые риски для региональной безопасности. Под угрозой оказывается стабильность всё большего числа государств. Это касается и тех стран Ближнего Востока, которые до последнего времени рассматривались как своеобразные острова стабильности и развития. В регионе сохраняются и застарелые конфликты, прежде всего палестинская проблема, которая на протяжении десятилетий остается нерешенной и сегодня приобрела особенно острый характер.

Региональные проблемы должны быть поставлены в центр нашего внимания, когда мы говорим и о мировых процессах. От них невозможно уйти, поскольку они напрямую влияют на глобальную безопасность. В современном мире региональные кризисы быстро выходят за рамки отдельных территорий и становятся фактором международной политики в целом.

Вместе с тем важно учитывать не только Ближний Восток, но и другие регионы. Для России чрезвычайно значимо и восточное направление, прежде всего Дальний Восток, где особую роль играет стратегическое партнерство России и Китая. Это партнерство является одним из факторов, способных сдерживать внешние угрозы и формировать более устойчивую систему международных отношений.

Таким образом, перед нами стоит задача рассматривать современный мировой порядок одновременно в двух измерениях – глобальном и региональном. Глобальные процессы задают общую рамку международных изменений, но именно на региональном уровне чаще всего проявляются конкретные конфликты, риски и угрозы. Их изучение, анализ и прогнозирование имеют не только научное, но и практическое значение.

Хотел бы пожелать всем участникам конференции успешной и плодотворной работы. Надеюсь, что в ходе наших дискуссий мы сможем содержательно обмениваться мнениями и предложить научно обоснованные подходы к пониманию того, что происходит сегодня и что может произойти в ближайшие годы.

Благодарю за внимание.

Приветственное слово

**Кузнецов Алексей Владимирович,
и.о. директора Института научной информации
по общественным наукам (ИНИОН) РАН,
член-корреспондент РАН, доктор экономических наук**

Уважаемые коллеги, дорогие друзья!

Позвольте от имени генерального партнера конференции приветствовать вас на X Международной научно-практической конференции «Россия и мир: диалоги – 2026».

Особая важность нынешней конференции определяется не только ее юбилейным статусом, но и исключительной актуальностью заявленной тематики. В условиях формирования новой международной реальности, трансформации глобальных связей, изменения научных коммуникаций особенно значимыми становятся площадки, которые позволяют сохранять профессиональный диалог, обмениваться экспертными оценками и формировать новые исследовательские подходы.

Для ИНИОН РАН участие в подобных инициативах имеет принципиальное значение. Мы рассматриваем конференцию «Россия и мир: диалоги» как важную интеллектуальную площадку, объединяющую представителей научного сообщества, государственных структур, экспертных организаций, средств массовой информации и международных партнеров. Именно такие форматы позволяют не только обсуждать текущие вызовы, но и вырабатывать более глубокое понимание процессов, происходящих в России, Евразии и мире в целом.

Пользуясь случаем, хочу подчеркнуть, что мы всегда рады видеть вас не только на этой конференции, но и на других научных мероприятиях, которые регулярно проходят в ИНИОН РАН. Мы также приглашаем вас пользоваться возможностями фундаментальной библиотеки ИНИОН. Ее двери всегда открыты для исследователей, преподавателей, аспирантов, студентов и всех, кто профессионально занимается общественными и гуманитарными науками. Мы последовательно расширяем доступ к современной научной литературе по общественным наукам. В этом направлении ИНИОН обладает одной из наиболее обширных и уникальных библиотечных и информационных баз в Москве. У нас представлены значительные массивы литературы по актуальным направлениям гуманитарного и социального знания, включая литературу по важным историческим, социальным и политическим темам.

Мы продолжаем активные закупки научной литературы за рубежом, в том числе в Индии, Иране, арабских странах, государствах Африки. Несмотря на существующие ограничения и санкционное давление, мы обеспечиваем поступление западной литературы по актуальным вопросам общественных наук. Параллельно развивается работа с электронными базами данных. Мы благодарны Российскому центру научной информации, который обеспечивает доступ к западным электронным ресурсам в России.

Вместе с тем ИНИОН РАН усиленно развивает и китайское направление. Все общественно-гуманитарные журналы, которые китайские партнеры предоставляют за рубежом, представлены у нас на китайском языке.

Кроме того, мы ведем масштабную работу в сфере международного книгообмена. Несмотря на сложности, связанные с современной геополитической ситуацией, у ИНИОН РАН сохраняется более тридцати активных международных партнеров. Особо хочу отметить наших сербских коллег, которые по интенсивности участия уступают только китайским и белорусским партнерам. Мы также рады, что болгарские коллеги, несмотря на понятные сложности, продолжают поддерживать с нами международный книгообмен.

Обращаясь к присутствующим здесь представителям постсоветских стран, хотел бы подчеркнуть, что мы открыты к взаимодействию с ведущими библиотеками и научными центрами ваших государств. Для нас представляет большой интерес литература Таджикистана, стран Южного Кавказа, тюркских государств. К сожалению, нам не всегда удается установить устойчивый контакт с коллегами, однако мы по-прежнему заинтересованы в развитии такого сотрудничества.

Этот диалог является взаимовыгодным. Со своей стороны мы готовы предоставлять партнерам научную литературу, прежде всего издания московских академических институтов, и рассчитываем на расширение обмена научными, библиотечными и информационными ресурсами.

Еще раз хочу подчеркнуть, что мы всегда рады видеть вас в ИНИОН РАН – как участников научных мероприятий, как исследователей, как читателей и как партнеров. Уверен, что сегодняшняя конференция станет важным вкладом в развитие научного диалога, укрепление профессиональных связей и осмысление новой международной реальности.

Желаю всем участникам плодотворных дискуссий, содержательного общения и настоящего интеллектуального пиршества.

Приветственное слово

Лебедев Сергей Николаевич,
Генеральный секретарь СНГ

Уважаемый Владислав Иванович!

Уважаемые участники конференции!

От имени Исполнительного комитета СНГ рад приветствовать участников и организаторов X Международной научно-практической конференции «Россия и мир: диалоги – 2026. Новая реальность».

Современный мир проходит через серьезные испытания. Политические, экономические и социальные процессы характеризуются высокой турбулентностью и неопределенностью.

В последние годы нашим странам пришлось столкнуться с негативными последствиями многочисленных санкций и ограничений, структурными изменениями в политике, безопасности и экономике. Постоянно возникают новые угрозы.

В этих сложных условиях страны Содружества преследуют цель роста национальных экономик и благосостояния своих народов на основе тесной взаимовыгодной интеграции.

Сохранение культурного наследия и исторической памяти всегда было одним из приоритетов Содружества, и в современном мире этот вопрос как никогда актуален.

В 2026 г. исполняется 35 лет СНГ, это хороший повод не только для осмысления пройденного пути и повышения эффективности нашей работы. Негативные мировые тенденции еще раз показывают, что альтернативы СНГ сегодня не существует. Понимая это, главы стран Содружества поддерживают инициативы, направленные на усиление многостороннего взаимодействия.

В этом году в СНГ председательствует Туркменистан. Приоритеты этого председательства охватывают практически все аспекты сотрудничества в рамках Содружества. Взаимодействие в рамках СНГ Туркменистан относит к числу ключевых приоритетов и преисполнен решимости добиться поставленных целей председательства.

Исполнительный комитет СНГ выражает признательность Национальному исследовательскому институту развития коммуникаций за многолетнюю работу в сфере укрепления гуманитарного пространства в Содружестве, за организацию этого форума и предоставление столь авторитетной площадки для международного профессионального диалога.

Желаю плодотворной работы, интересных дискуссий, новых достижений в вашей профессиональной деятельности!

Приветственное слово

**Свистунов Аркадий Николаевич,
депутат Государственной Думы Федерального
Собрания Российской Федерации**

Уважаемый Владислав Иванович, уважаемые коллеги, уважаемые гости!

Рад приветствовать всех участников конференции и пожелать вам успешной и плодотворной работы. Сегодняшняя встреча имеет особое значение, потому что она проходит в период серьезных изменений в международной обстановке. Мы все видим, что современный мир становится всё более напряженным и непредсказуемым. В международных отношениях всё чаще проявляются жесткость, давление, стремление решать противоречия не через диалог, а через силу. На мой взгляд, такая тенденция ведет к обострению конфликтов, росту недоверия между государствами и усилению общей нестабильности.

Особенно опасной эта ситуация становится потому, что ведущие страны обладают огромными политическими, военными, экономическими и технологическими ресурсами. Когда такие ресурсы используются не для сотрудничества, а для давления и противостояния, последствия могут быть крайне тяжелыми. Мы видим это на примере конфликтов на Ближнем Востоке, где происходят разрушение государственности, ослабление социальных и политических институтов, утрата устойчивости стран, которые ещё недавно воспринимались как вполне успешные. В этой связи сегодня важны все формы дипломатии и диалога.

Поэтому сегодня особенно важно говорить не только о безопасности, политике и экономике, но и о сохранении цивилизационных основ международного общения. Речь идёт об уважении к истории, культуре, традициям, суверенитету и праву народов самостоятельно определять своё развитие. Без этих принципов невозможно выстроить устойчивые и справедливые отношения между странами. Неслучайно недавно из Китая прозвучала мысль о необходимости обновления философских концепций и обращения к научному сообществу в поиске новых подходов к пониманию современного мира. Китай – страна с глубокой историей, мощной культурной и философской традицией. Поэтому такая постановка вопроса, на мой взгляд, имеет большое значение. Она показывает, что сегодня востребован не только политический, но и интеллектуальный ответ на вызовы новой реальности.

Поскольку я являюсь депутатом Государственной Думы, отмечу, что сохраняется парламентская дипломатия. Контакты между парламентами, даже в сложные периоды, помогают сохранять каналы общения и создавать основу для будущего взаимодействия. Но научная дипломатия, особенно важна тогда, когда прямой политический диалог становится затруднённым.

Именно в этом контексте такие мероприятия, как наша конференция, приобретают особую ценность. Научное сообщество создаёт пространство для спокойного и содержательного разговора, для анализа происходящих процессов и поиска реше-

ний. Там, где в политике часто преобладают эмоции и конфликтная риторика, наука позволяет сохранить глубину, объективность и способность видеть долгосрочные последствия принимаемых решений.

Научное сообщество призвано сыграть ключевую роль. Во-первых, оно должно внимательно и объективно оценивать современные вызовы. Во-вторых, оно должно предлагать возможные пути выхода из кризиса. И, в-третьих, оно должно напоминать о тех принципах, которые нам всем близки. Не проекция силы, не давление и не диктат, а сотрудничество, уважение, диалог и поиск общих решений. В этой связи значение нашей конференции трудно переоценить.

Приветственное слово

Исаков Владимир Павлович,
депутат Государственной Думы Федерального
Собрания Российской Федерации

Уважаемые участники конференции!

Для меня большая честь выступать на такой площадке, перед такой уважаемой аудиторией.

Для меня большая честь выступать на такой площадке. Тем более приятно, что конференция юбилейная, и особенно ценно обращаться к такой уважаемой аудитории.

Символично, что время проведения конференции совпало с визитом российской делегации во главе с Владимиром Владимировичем Путиным в Китайскую Народную Республику. Как мы видели, в ходе этого визита был подписан новый договор о всеобъемлющем стратегическом сотрудничестве и партнёрстве. На мой взгляд, это хороший пример того, как государства с великой историей и культурой могут выстраивать отношения на основе взаимного уважения, умения слышать друг друга и искать общую стратегию взаимодействия и диалога.

Но, к сожалению, в мировой политике существуют и другие подходы. Не так давно Китайскую Народную Республику также посещала большая делегация Соединённых Штатов Америки, которую возглавлял президент страны. Этот пример позволяет увидеть различие между моделями международного поведения. Одни государства стремятся к уважительному диалогу и согласованию интересов. Другие действуют жестко, исходя прежде всего из собственных потребностей, и нередко оказывают давление на тех, кого считают более слабыми. Я думаю, вы понимаете, о каких странах идет речь. Прежде всего это страны, представляющие Глобальный Запад. Несмотря на постоянные заявления о демократии, свободе и других демократических принципах, в их практической политике за столетия, к сожалению, мало что изменилось с колониальных времен.

Одна из ключевых проблем современного мира заключается в том, что научно-технический прогресс требует всё большего количества ресурсов. Это редкоземельные металлы, топливо, кадры, технологии, рынки сбыта. В результате усиливается глобальная конкуренция за ресурсы и влияние. Эта конкуренция всё чаще приобретает жёсткие формы и может приводить не только к экономическому и политическому давлению, но и к военным конфликтам. Возможно, впереди нас ждут еще более сложные и тяжелые испытания. Именно поэтому сегодняшняя конференция сегодня особенно важна. Она имеет не только научное, но и общественное значение, потому что создает пространство для обсуждения тех вызовов, с которыми сталкиваются Россия и весь современный мир.

Мы призываем к диалогу. Мы говорим, что наша страна открыта и готова к взаимодействию. Двери России всегда открыты для зарубежных партнеров и това-

рищей. Мы готовы слушать, слышать и обсуждать сложные вопросы. Например, Россия – единственная страна в мире, которая проводит масштабные международные фестивали молодежи и студентов. Сначала это происходило по линии Всемирной федерации демократической молодежи в Сочи. Этот фестиваль был проведен на высоком организационном уровне. Затем по решению Президента такие масштабные фестивали стали проводиться ежегодно. Тем самым Россия показывает, что мы открыты для всех, мы готовы к общению, сотрудничеству и взаимопониманию.

Вы знаете, однажды в разговоре с зарубежным коллегой я спросил: «Почему в России видят только угрозу?» Он в шутку ответил: «Россия большая. Чтобы понять, что для нас угроза, достаточно посмотреть на карту». В этой фразе, как мне кажется, отражена еще одна важная проблема – восприятие России не только как политического субъекта, но и как огромного пространства с колоссальными природными ресурсами. Когда на Россию смотрят извне, видят страну, которая простирается от западных границ до Тихого океана. Видят огромные территории, лес, пресную воду, природные богатства. И у некоторых сразу появляются расчеты, цифры, представления о том, какие ресурсы здесь сосредоточены. Это особый подход, при котором страна воспринимается прежде всего через призму ее территории и ресурсов.

Наши политики часто цитируют Петра Аркадьевича Столыпина: «Дайте России двадцать лет покоя, и вы не узнаете её». Я считаю, что это еще скромное утверждение. Пока Россия остается такой большой страной, с таким пространством и такими ресурсами, отношение к ней вряд ли будет простым. Если бы мы были размером со Швейцарию, возможно, отношение было бы другим. Но в нашем географическом и историческом положении мы всегда будем сталкиваться с вызовами. И мы всегда будем принимать эти вызовы, даже если кто-то воспринимает сам факт существования сильной и большой России как угрозу. Уверен, что эти вопросы будут более глубоко обсуждаться на сессиях конференции и на площадках, которые начнут работу после пленарного заседания.

Еще раз хочу сказать огромное спасибо за приглашение и за проведение такого мероприятия. Такие конференции особенно важны в период турбулентности, в горячей фазе конфликтов, когда кажется, что всё полыхает и невозможно найти точки соприкосновения. Именно в такие моменты миссия научного сообщества приобретает особое значение в поисках понимания и точек соприкосновения.

Поэтому большое спасибо вам и от лица депутатского корпуса, и от лица комитета по молодёжной политике, и от себя лично. Как молодой человек, я также хочу сказать спасибо от лица прогрессивных молодых людей, которые сохраняют надежду на лучшее будущее.

Приветственное слово

Маргиев Алан,
председатель Парламента Республики Южная Осетия

Уважаемый Владислав Иванович! Уважаемые участники конференции! Приветствую вас от имени Парламента Республики Южная Осетия и от себя лично.

Хочу выразить благодарность организаторам конференции за приглашение нашей делегации. Мир переживает в последние годы настолько глубокие изменения, что мы сами не до конца осознаем, в какой период истории живем. Глобальные трансформации, к несчастью, всегда характеризуются войнами, нестабильностью, подрывом доверия между государствами, внутри самих стран.

В этих условиях стратегия диалога становится необходимостью. Диалог актуален как на политическом, дипломатическом треке, так и между представителями общественных организаций, научных, культурных кругов разных стран. И Международная научно-практическая конференция «Россия и мир: диалоги» за годы своего существования стала эффективной площадкой для реализации стратегии диалога.

Нельзя недооценивать ключевую роль России в формировании нового мирового порядка, ее места в нем. От силы сопротивления России турбулентности, в которую ввергли мир, зависит будущее этого мира. Думаю, что все эти вопросы станут предметом диалога и на нынешней конференции.

Желаю всем участникам конструктивной работы, интересных докладов, взаимобогащающего обмена мнениями, опытом во благо мира и всех народов.

Приветственное слово

Барциц Олег Мсасович,
Министр иностранных дел Республики Абхазия

Уважаемые коллеги, дорогие друзья!

Позвольте от имени Министерства иностранных дел Республики Абхазия и от себя лично поприветствовать организаторов, участников и гостей X Международной научно-практической конференции «Россия и мир: диалоги – 2026. Новая реальность» и выразить благодарность Национальному исследовательскому институту развития коммуникаций – моим давним добрым знакомым, которые ведут чрезвычайно важную и содержательную работу, направленную на сохранение международных контактов и поддержание диалога.

Конференция проводится уже в десятый раз, и ее название имеет особое символическое значение. За любым кризисом и за любым обострением неизбежно следует период переосмысления и возвращения к дипломатической активности. Именно поэтому особенно значимо сохранять каналы диалога и коридоры коммуникации. Эту задачу вы успешно решаете на протяжении длительного времени и на весьма широком пространстве.

Состав участников сегодняшней конференции дает основание для оптимизма. В зале присутствуют представители органов государственной власти, научного сообщества, средств массовой информации, а также участники из различных регионов – постсоветского и евразийского пространства, Балканского региона. Такое широкое географическое и профессиональное представительство сохраняет надежду на конструктивный сценарий развития событий.

Я рад видеть здесь наших друзей, союзников и коллег. Для нас, для Министерства иностранных дел небольшой страны, какой является Абхазия, подобные площадки имеют особое значение, поскольку они способствуют сохранению коммуникации, развитию новых связей и поиску новых окон возможностей.

Абхазия и Российская Федерация выстраивают полномасштабное и комплексное сотрудничество, которое имеет принципиальное значение для небольшой страны. Российская Федерация является для нас стратегическим союзником, другом и партнером. Она не только выступает гарантом безопасности Абхазии, но и последовательно создает условия для ее устойчивого социально-экономического развития. Сегодня в Абхазии реализуются масштабные и амбициозные инфраструктурные проекты при участии России, российского бизнеса и российских органов государственной власти. Возможность осуществления таких крупных и значимых для жителей Абхазии и всего региона проектов во многом связана с тем, что договорные отношения с Россией и признание Россией государственного суверенитета Республики Абхазия фактически сняли для нас ключевые военно-политические риски.

Именно поэтому сегодня мы можем говорить не только о безопасности, но и о повестке развития. Абхазия, несмотря на свои скромные масштабы, активно дей-

ствуем на международной арене. Здесь, в зале, присутствуют представители постсоветских стран, стран Средней Азии, Южного Кавказа, региона, с которыми нас связывает историческая общность. Несмотря на отсутствие признания со стороны правительств этих стран, мы поддерживаем экономические, культурные и гуманитарные связи и намерены продолжать эту работу.

Абхазия активно действует и на внешнем контуре. У нас сложились устойчивые отношения с рядом стран, признавших государственный суверенитет Республики Абхазия, в том числе в Латиноамериканском регионе и на Ближнем Востоке. Сегодня мы также ведем поиск возможностей для установления партнерских отношений с рядом стран Африканского континента. Такая работа ведется в отношении шести государств Африки, а также стран Юго-Восточной Азии.

Мы последовательно продвигаем идею о том, что ничто не должно препятствовать общению, экономическому взаимодействию и культурному взаимопониманию со странами, которые выстраивают свою политику на принципах уважения, равноправия и признания права суверенной страны на собственный путь развития.

Мы видим попытки западного диктата и отрицания уважения к суверенитету. Такой путь для нас неприемлем. В современных условиях, при нынешнем уровне развития коммуникаций, невозможно полностью изолировать ни одну страну, даже небольшую. Мы исходим из этого глубокого убеждения и будем продолжать настойчиво развивать связи с различными государствами, прежде всего при поддержке наших партнеров и друзей в Российской Федерации.

Министерство иностранных дел Республики Абхазия проводит скоординированную внешнюю политику с Министерством иностранных дел Российской Федерации. Между нашими ведомствами поддерживаются интенсивные и плодотворные контакты. Вчера состоялись встречи нашей делегации с руководством Министерства иностранных дел России, сегодня эта работа будет продолжена. Мы очень дорожим этими контактами и теми возможностями, которые они открывают.

В завершение хочу еще раз поблагодарить организаторов конференции и пожелать всем участникам плодотворных дискуссий, содержательного общения и успешной работы.

Благодарю за внимание.

Приветственное слово

**Игнатъев Виталий Викторович,
Министр иностранных дел
Приднестровской
Молдавской Республики**

Уважаемые участники X Международной научно-практической конференции «Россия и мир: диалоги – 2026. Новая реальность»!

От имени Министерства иностранных дел Приднестровской Молдавской Республики приветствую организаторов, экспертов, ученых и всех участников конференции. Международная система переживает период глубокой трансформации, в котором прежние механизмы взаимодействия потеряли функциональность и уступили место логике конфронтации и стратегического размежевания.

Современное геостратегическое противостояние носит многоуровневый характер и охватывает различные региональные пространства, сферы безопасности, экономики, информации, гуманитарных связей и идентичности. В этой новой реальности локальные процессы оказываются частью более широких международных тенденций, а отдельные регионы становятся чувствительными точками пересечения интересов ведущих центров силы.

Приднестровье является одним из таких пространств, где в концентрированном виде проявляются противоречия современного миропорядка, вопросы безопасности, прав народа, исторической памяти и выбора собственного пути развития.

За последние годы Приднестровская Молдавская Республика подвергается усиливающемуся санкционно-блокадному давлению в первую очередь со стороны соседней Молдовы.

Как известно, Молдова присоединилась к 80% санкций ЕС против России, завершает процедуру выхода из СНГ (8 апреля 2026 г. был уведомлен секретариат СНГ, официальный выход РМ наступит 8 апреля 2027 г.). Молдова находится под полным управлением НАТО, с 2022 г. на ее территории действует европейская погранично-полицейская миссия Frontex, Кишинев инициативно проводит агрессивную политику, провоцируя нестабильность.

Можно уверенно сказать, что геополитические соперники целят по России, а бьют по Приднестровью.

15 мая с.г. был принят Указ Президента Российской Федерации об упрощенном порядке получения гражданства России всеми жителями Приднестровья. Признательны за это долгожданное и крайне своевременное решение.

В силу вышеуказанных причин профессиональный, объективный и научно обоснованный диалог по данным вопросам имеет не только теоретическое, но и практическое значение.

Желаю всем участникам плодотворной работы, конструктивной дискуссии и значимых результатов.

ПЛЕНАРНАЯ СЕССИЯ «Современный мир: новые риски, вызовы, возможности. Академический взгляд»

Кузнецов Алексей Владимирович,
и.о. директора Института научной информации
по общественным наукам (ИНИОН) РАН,
член-корреспондент РАН,
доктор экономических наук

Трансформация глобализации и перестройка иерархии ведущих экономических центров силы

АННОТАЦИЯ

Анализируется трансформация глобализационных процессов в 2020-е гг., проявляющаяся в усилении регионализации, фрагментации внешней торговли и географическом укорачивании цепочек создания стоимости. Показано, что на смену биполярной модели приходит полицентричное мироустройство, в котором перестраивается иерархия ведущих экономических центров силы. Автор предлагает развёрнутую типологию стран – от супердержав и гигантов Востока до восходящих региональных держав и активных средних стран. Особое внимание уделяется факторам, определяющим будущую роль государств в мировой экономике: демографии, технологическому прогрессу, военно-политическому потенциалу, инновационному развитию и культурному влиянию. В заключение формулируются вызовы для позиционирования России, связанные с демографическими ограничениями, недофинансированием НИОКР и недостаточным использованием инструментов «мягкой силы» и интеграционной политики.

Ключевые слова: глобализация, деглобализация, регионализация, полицентричный мир, иерархия экономических центров силы, типология стран, БРИКС, международные отношения, неоколониализм, технологический прогресс, демографический потенциал, «мягкая сила», Россия, Глобальный Юг

На рубеже XX–XXI вв. и в научной литературе, и в широком общественном дискурсе обсуждение глобализации стало очень популярным. Фактически этот процесс был признан магистральным явлением мирового развития, хотя эксперты предупреждали, что в последние два-три столетия скорее наблюдается циклический характер интернационализации¹. Очередной виток деглобализации не заставил себя долго ждать – сначала пандемия COVID-19, а потом очередное обострение геополитической напряженности (прежде всего вокруг Украины и на Ближнем Востоке) замедлили, а в ряде случаев даже обратили вспять некоторые тренды глобализации. Вместе с тем, на мой взгляд, было бы ошибкой считать, что эпоха глобализации закончилась – имеет место лишь трансформация этого явления.

Прежде всего следует отметить усиление процессов «регионализации», которая даже в годы наивысшей динамики глобализации всегда выступала в качестве «обратной стороны медали». Другое дело, что в 2020-е гг. происходит

почти повсеместная фрагментация внешней торговли на фоне географического укорачивания трансграничных цепочек создания стоимости. Разумеется, «эффект соседства» имеет немало объективных причин, связанных прежде всего с закономерностями развития транснационального бизнеса, служившего всегда мотором глобализации [1]. Однако именно сейчас регионализация усилилась вследствие расцвета протекционизма, причем «санкции» по политическим поводам служат для бизнеса стран Запада, теряющего свои международные позиции на фоне возвышения ТНК из стран Азии, инструментом недобросовестной конкуренции.

Перестройка глобализационных процессов повышает общую неопределенность, в которой, на мой взгляд, для некоторых стран могут в долгосрочной перспективе открыться дополнительные возможности. Однако далеко не все государства способны оказывать влияние на контуры формирующегося нового полицентричного мироустройства. Так, небольшой размер страны ограничивает ее роль на мировой арене – несмотря на успех на поприще посредников Швейцарии, Австрии, Финляндии (особенно в годы «холодной войны»), есть немало ярких отрицательных примеров, особенно за пределами Европы, которая исторически доминировала несколько столетий. Достаточно вспомнить Ливию, которая во времена М.Каддафи стремилась стать лидером panaфриканской интеграции. Простые жители соседних стран до сих пор с теплотой вспоминают времена стабильности и надежды, которые были разрушены бомбардировками НАТО, ввергшими ради разворовывания зарубежных ливийских активов одну из самых экономически благополучных стран в пучину гражданской войны, заодно дестабилизировав и многие соседние государства. Наверняка, адепты западного неоколониализма попытались бы в такой дискуссии свалить вину на личность М.Каддафи, однако другие примеры показывают, что даже миролюбивые и нацеленные главным образом на экономическое процветание небольшие неевропейские страны оказываются заложниками агрессивной политики ведущих в военном отношении держав. В частности, ОАЭ десятилетиями пытались развивать международный финансовый центр и играть роль транспортного хаба глобального уровня, но имидж страны был подорван за несколько недель в результате военной агрессии Израиля и США в 2026 г. против соседнего Ирана.

Международная активность стран в процессах трансформации мироустройства лимитирована и другими их типологическими характеристиками. Например, узкая, однобокая специализация во внешнеэкономических связях не способствует значимости международных позиций страны, особенно из-за зависимости от конъюнктуры мировых рынков и слабости собственной финансовой системы. К сожалению, довольно яркой иллюстрацией служит Россия, которая по большинству других параметров способна обеспечить себе попадание в число ведущих мировых держав при любых сценариях эволюции мироустройства. Принадлежность страны к группе «развивающихся стран» (при всей условности ее границ, особенно в XXI в.) также лимитирует возможности государства. Специфика современной внешней политики

1 Одна из пионерных отечественных работ – [2].

Индии и КНР показывает, что руководство их стран пока не готовы к такой же активной деятельности на мировой арене, как противоборствовавшие в «эпоху биполярности» две сверхдержавы «развитого мира». В целом это очень важно для оценки перспектив БРИКС, поскольку именно на это объединение многими возлагаются большие надежды в части предложений по институциональному оформлению нового мироустройства.

Для более глубокого анализа, разумеется, требуется кропотливая работа по типологии стран, которые можно отнести к ключевым или же хотя бы «средним» державам, причем вряд ли стоит отбрасывать достижения советского периода². На мой взгляд, основные параметры, которые следует учитывать:

- численность населения (вернее демографический потенциал, так как «фактор старения» может иметь негативное значение, хотя стимулирует, например, НИОКР в области наук о жизни, не говоря о том, что общества с огромной долей молодежи имеют больше проблем с обеспечением устойчивости социума от различных шоков, в том числе привнесенных извне);
- размер экономики (в основе лежат оценки ВВП, в том числе на основе вычисления паритетов покупательной способности валют, но в любом случае конечной задачей является оценка емкости внутреннего рынка сбыта, позволяющего решать стратегические задачи развития даже в условиях обострения протекционизма);
- военный и международно-политический потенциал (как показывают события последних лет, социально-экономические достижения надо по-прежнему защищать с оружием в руках, не говоря о том, что в условиях сохранения проявлений неокOLONиализма военно-политическое давление ведущих держав на небольшие страны обеспечивает первым дополнительные экономические дивиденды);
- место в НИОКР и инновационном бизнесе, в том числе транснациональном (к сожалению, этот параметр в России хронически недооценивают, хотя именно он определяет будущую роль стран, поскольку с интервалом в несколько десятков лет технологическая база мирового развития радикально обновляется);
- культурное и идеологическое влияние (например, через языковой фактор, который позволил, в частности, Испании войти в число значимых держав в мире через влияние в Латино-Карибской Америке – следует подчеркнуть, что речь идет не столько о числе носителей языка, сколько о размере информационного контента, его качестве и опоре системы образования, НИОКР, бизнеса и государственного управления на национальные языки);
- иные признаки (локализация глобальных городов, эмиссия мировой валюты и т.п.).

В итоге, на мой взгляд, можно говорить о нескольких совершенно разных типах стран:

- супердержавы исчезнувшего биполярного мира (США и Россия), которые по-прежнему только и способны «встряхнуть» современное мироустройство;
- гиганты Востока (Китай и Индия), действия которых пока соответствуют скорее духу глобального Юга, только освобождающегося от наследия колониализма и преодолевающего новые явления неокOLONиализма;
- крупные высокоразвитые страны (Япония, ФРГ, Франция, Великобритания, а также с рядом оговорок Италия и даже Испания);
- восходящие региональные державы (Индонезия, Бразилия, Турция, тогда как дальнейшее продолжение списка будет усиливать дискуссии, что не мешает мне начать: Республика Корея, Саудовская Аравия, Египет, Иран, Пакистан, ЮАР, возможно даже Нигерия и Аргентина);
- страны «переселенческого капитализма» (Канада, Австралия, отчасти Израиль);
- группа активных стран с претензией на статус средней региональной державы (например, Казахстан, Польша, Вьетнам, возможно даже Алжир и Эфиопия).

Сдвиги в экономической силе ведущих стран хорошо отражаются международной статистикой. Достаточно вспомнить растиражированные в СМИ многочисленные графики увеличения доли в мировом ВВП или внешней торговле Китая и других стран БРИКС на фоне сокращения удельного веса США и других участников «большой семерки». Особо подчеркну, что даже по экспорту прямых инвестиций «восходящие» страны резко увеличили свою долю (как Китай, так и Индия, Республика Корея, Саудовская Аравия, Мексика), что показывает способность стран Глобального Юга теснить «коллективный Запад» в таких, казалось бы, его неоспоримых сферах, как деловая экспансия ТНК.

Завершая, отмечу, что при важности многих факторов перестройка иерархии ведущих экономических центров, вероятно, определяется прежде всего демографией и технологическим прогрессом. Эти два фактора оказываются самыми проблемными именно для позиционирования России – у нас объективно не будет быстро расти население и за последние три десятилетия мы слишком много осознанно уничтожили в сфере НИОКР. Ресурсный потенциал важен, но в значительной мере страны могут использовать соответствующие отрасли лишь как «дойные коровы», но они не способны стать основой для технологического рывка.

Опыт США показал, что неокOLONиализм «живее всех живых», однако он все-таки базируется на диверсифицированной экономике страны-лидера и мощном технологическом заделе. Вместе с тем нельзя забывать про интеграционные усилия, в том числе форматы «мягкой», «открытой» интеграции, поскольку это смягчает демографическую проблему, а также позволяет при политической воле достигать синергии в НИОКР. Можно как угодно критиковать термин «мягкая сила», но пока в России не будут выделять на это деньги и доводить их до цели, мы будем терять союзников в странах не-Запада, Глобального Юга.

Наконец, в России надо помнить, что кто не хочет кормить своих обществоведов, будет жить по рецептам обществоведов стран, где на их НИОКР

2 Прежде всего отметим две книги: [3; 4].

тратят адекватные деньги (т.е. США, ЕС и все больше КНР). Разумеется, все это лишь вершина айсберга. В России не предпринимается никаких серьезных усилий для ликвидации давно существующих проблем: от повышения транспортной связанности территорий до удвоения расходов на все НИОКР, без чего не получится создать мощный внутренний рынок с диверсифицированной отраслевой структурой производства.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Кузнецов А.В. Прямые иностранные инвестиции: «эффект соседства» // МЭ и МО. 2008. № 9. С. 40–47.
2. Синцеров Л.М. Длинные волны глобальной интеграции // МЭ и МО. 2000. № 5. С. 56–64.
3. Типология зарубежных стран: учебно-методическое пособие с текстами В.В.Вольского и Л.В.Смирнягина. М.: МГУ им. М.В.Ломоносова, 2019.
4. Типология несоциалистических стран (опыт многомерно-статистического анализа народных хозяйств). М.: ГРВЛ изд-ва «Наука», 1976.

Дегтерев Денис Андреевич,
главный научный сотрудник Центра изучения
проблем переходной экономики Института
Африки РАН, доктор политических наук

Подходы к безопасности и развитию незападного мира

АННОТАЦИЯ

В докладе анализируется кризис западных подходов к безопасности и развитию, сложившихся в период однополярного мира. Автор показывает, что либеральное миротворчество и институт международной помощи, основанный на системе ОЭСР, переживают концептуальный кризис, проявляющийся в бюджетных ограничениях, утрате легитимности и политической обусловленности. В качестве альтернативы рассматриваются незападные подходы, акцентирующие суверенитет, структурное развитие, посредничество и позитивный мир. На основе анализа практик России, Китая, стран Африки и БРИКС делается вывод, что незападные коалиции часто выигрывают горячие фазы конфликтов, но проигрывают постконфликтное миростроительство из-за недостаточной координации, отсутствия собственных теорий изменений и альтернативных систем оценки эффективности. Отдельное внимание уделяется феномену незападного донорства, роли цифровых двойников в моделировании конфликтов и запросу на альтернативные индексы со стороны стран Глобального Юга.

Ключевые слова: безопасность, развитие, либеральное миротворчество, ОЭСР, суверенитет, позитивный мир, медиация, незападное донорство, Россия, Китай, БРИКС, ШОС, структурное насилие, постконфликтное миростроительство, альтернативные индексы, цифровые двойники, Африка

Уважаемые коллеги,

Рассмотрим связку безопасности и развития. В классическом западном подходе она во многом является наследием однополярного мира. Изначально ее истоки связаны с академическим дискурсом – исследованиями в области безопасности и развития, в том числе работами Б.Хеттне [18], Б.Бузана [12] и других авторов. В дальнейшем этот подход перешел в сферу практической науки (policy science), то есть в область прикладных рекомендаций для политической практики.

Особую роль здесь сыграла ОЭСР, которую иногда называют «экономическим НАТО», поскольку именно на этой площадке западные страны координируют свои подходы в экономической сфере. В рамках этого дискурса появляются такие концепты, как «хрупкие государства», «несостоявшиеся государства», «ответственность по защите» и другие. На их основе формируются практические рекомендации и так называемые теории изменений, то есть представления о том, как должно трансформироваться общество или возникнуть конфликт в других странах [22].

Ключевой момент состоит в том, что постконфликтное государство в такой логике стигматизируется. Тем самым легитимизируется ситуация, при которой секьюритизирующим актором выступает не само это государство, а внешние игроки. В результате проводится разделение между «нашей безопасностью» и «их безопасностью».

Если развивать эту логику дальше, то она фактически ведет к представлению о том, что безопасность одних обеспечивается за счет безопасности других. В такой системе координат одни акторы оказываются вправе определять параметры безопасности и развития для других, исходя из предположения о собственном превосходстве.

Следующий важный сюжет связан с международным миротворчеством. Мы с коллегами подробно изучали этот вопрос и провели восемь научных семинаров по основным регионам мира: постсоветскому пространству, Юго-Восточной Азии, Ближнему Востоку, Латинской Америке, в т.ч. три семинара по Африке, издали монографию с результатами анализа [8].

Что можно отметить по итогам этой работы? В период холодной войны существовала система сдержек и противовесов, поэтому крупных миротворческих операций было сравнительно немного. Кроме того, ключевой департамент ООН, занимавшийся вопросами миростроительства, до 1993 г. курировался представителями СССР.

Затем начался пик так называемого либерального миротворчества. Вероятно, его максимум пришелся примерно на 2012 г., когда осуществлялись крупные миротворческие операции с бюджетами в миллиарды долларов и участием десятков тысяч человек. С 1997 г. Департамент миротворческих операций в ООН возглавляет представитель Франции, а с 2007 г. ооновское миростроительство, которое в годы «холодной войны» курировал Советский Союз, оказалось связано с США [2].

Далее стал наблюдаться кризис миротворчества: крупных операций стало меньше, а при администрации Дональда Трампа началось сокращение бюджета. Показателен пример МИНУСМА – миротворческой операции ООН в Мали, которую фактически были вынуждены свернуть. Похожие проблемы наблюдаются в ЦАР, где действует МИНУСКА [3], в ДР Конго, а также в Сомали, где постоянно происходит смена операций [10]. Местное население все чаще задается вопросом, почему при росте числа ооновских структур и техники ситуация не стабилизируется, а, напротив, ухудшается (не смогли или не захотели?).

Второй сюжет, связанный с повесткой развития, – это кризис западно-центричного института помощи [4]. Его основой выступает Комитет содействия развитию ОЭСР. Причем важно, что речь идет не просто о дискурсивной гегемонии, а о более серьезной вещи. Если смотреть на это через социологическую оптику, в том числе через подход П.Бурдьё и понятие доха [15], можно сказать, что фактически были предзаданы жесткие социальные роли: одни страны выступают донорами, другие – реципиентами.

В этой логике заранее определяется, кто может оказывать помощь, а кто не может. Например, если бедная страна сталкивается с проблемами у соседей и готова оказать помощь, то в рамках такой системы она как бы не должна этого делать, потому что помощь оказывают богатые страны. Таким образом, закрепляется определенная иерархия ролей: есть доноры, есть получатели помощи, и эти позиции институционально зафиксированы.

Сейчас этот институт переживает кризис. Во-первых, украинский конфликт показал резкое перераспределение ресурсов. Помощь Украине выросла буквально

с нескольких миллиардов до 30 млрд долл. США в год, тогда как помощь другим регионам мира стала сокращаться. В результате многие страны, в том числе африканские, задают вопрос: на что в действительности направлена помощь – на сокращение бедности или на другие цели?

Становится очевидно, что речь идет о бюджетировании порядка, основанного на правилах. Поскольку главным вызовом для коллективного Запада сегодня рассматривается украинский конфликт, основные ресурсы в сфере помощи направляются именно туда.

Дополнительную роль в этом процессе сыграл Дональд Трамп. По сути, он деконструировал американский институт международной помощи и серьезно ослабил международный институт помощи в целом: USAID*¹ был распущен, а США вышли из ряда организаций [6]. Показательно, что четвертую конференцию ООН по финансированию развития в Севилье американская делегация проигнорировала. Это стало демонстрацией того, что прежняя повестка помощи для США утрачивает актуальность.

Даже западные эксперты признают, что помощь развитию переживает бюджетный кризис, кризис легитимности и кризис политической обусловленности [14]. Таким образом, сегодня наблюдается концептуальный кризис как либерального миротворчества, так и западно-центричного института помощи.

Что может быть предложено взамен? Здесь я бы сделал отсылку к Йохану Галтунгу, это норвежский исследователь. На мой взгляд, он был достаточно честным и позитивно ориентированным автором. В его работах важное место занимают концепции позитивного и негативного мира [17]. Негативный мир связан прежде всего с отсутствием прямого насилия, которое обычно и пытаются остановить в ходе миротворческих операций. Однако, помимо прямого насилия, существует еще и структурное насилие [13].

Структурное насилие можно понимать как такие условия, при которых человек или общество формально не подвергаются прямому принуждению, но все равно находятся под давлением. Например, это может быть бедность или зависимость от кредита: вас напрямую никто не бьет и не угрожает, но вы все равно находитесь в ситуации насилия. Кроме того, существует культурное насилие, которое может воспроизводиться через СМИ и другие каналы влияния [16]. Хотя Й.Галтунг является западным исследователем, многие незападные концепции очень близки к этой логике [9].

В незападных подходах основной акцент, конечно, делается на суверенитет. При этом Россия в большей степени предлагает подход, который можно обозначить как «суверенитет под ключ» [11]. Китай, со своей стороны, называет свой подход *developmental peace* [21]. Китайские исследователи подчеркивают идею позитивного мира: главные проблемы возникают из-за бедности, поэтому не нужно вводить войска, а нужно накормить людей, дать им работу и создать условия для развития.

В последнее время важное значение приобрела китайская Глобальная инициатива по безопасности. Ключевым моментом здесь стало создание в прошлом

¹ *С 1 октября 2012 г. деятельность в РФ Агентства США по международному развитию прекращена.

году Международной организации по медиации², в которую уже входят 40 стран, причем больше половины из них – африканские государства. Это показывает, что либеральное миротворчество связано прежде всего с западной парадигмой, тогда как незападный подход в большей степени ориентирован на посредничество и медиацию.

У России здесь также накоплен значимый опыт. В первую очередь можно сослаться на пример Центральноафриканской Республики, где российские инструкторы сегодня занимаются миростроительством в полном смысле слова [7].

Следующий момент связан с ролью исследователей. Мы занимаемся изучением этих процессов, и то, что мы привносим, в том числе в прикладные исследования (policy science), – это определенные научные наработки. При этом понятно, что незападные страны сегодня еще не формируют целиком правила (rule makers), скорее они пока выступают в качестве тех, кто меняет существующие правила (rule changers).

Чтобы стать подлинными «создателями правил» (rule makers), необходимы не только политические позиции, но и большие теории, собственные теории изменений, показатели и ключевые критерии оценки эффективности.

Что касается больших теорий, то у Запада сегодня сохраняется дискурсивная гегемония. В качестве примера можно привести Алекса Беллами, главного редактора журнала «Responsibility to Protect» (r2p) – «Ответственность по защите». Фактически они сначала разработали концепцию, затем создали под нее специализированный журнал, в котором публикуются исследователи со всего мира, и через это продвигают саму концепцию.

У нас этим занимались в меньшей степени. Однако практический материал для такой концептуализации есть. Например, сегодня на конференции выступал министр иностранных дел Абхазии О.М.Барциц, который говорил о том, что Россия реализует там ряд программ помощи. В отношениях с Африкой сейчас происходит переход к промышленной кооперации. В качестве примера можно назвать строительство АЭС в Египте.

Практически любой крупный инфраструктурный проект предполагает определенную концептуализацию: необходимо объяснить, как этот проект влияет на местное социально-экономическое развитие. Это еще не большая теория, но уже теория среднего уровня.

Например, если мы описываем, как строительство АЭС влияет на социально-экономическое развитие Египта, или рассматриваем влияние мирной атомной энергетики на развитие стран Африки, то это и есть теория среднего уровня. Такие работы уже цитируются, а значит, они становятся частью более широкой научной и экспертной дискуссии.

Именно из таких теорий среднего уровня затем могут формироваться более крупные, глобальные теории. У Китая это проявляется в его международных инициативах. В западных подходах проблема часто состоит в том, что мы сразу

² Bao Y. The International Organization for Mediation Is 1 Year Old. How Is It Faring? // The Diplomat. 03.06.2026. URL: <https://thediplomat.com/2026/06/the-international-organization-for-mediation-is-1-year-old-how-is-it-faring/>.

переходим к декларациям, например в рамках БРИКС [1], но не всегда достаточно рефлексируем и концептуализируем собственный практический опыт.

Следующий сюжет – это теория изменений, то есть вопрос о том, как конкретно прийти к заявленной зонтичной теории и что для этого нужно делать. Здесь меня несколько беспокоит постепенный акцент в сторону усиления того, что называется цифровыми двойниками.

Когда происходила «арабская весна», Университет Джорджа Мейсона занимался, по сути, созданием цифровых двойников арабских революций. Речь идет о проектах вроде Afriland и Rebeland [19]. Смысл такого подхода заключается в том, что сначала оцифровывается ситуация на местности: как примерно все устроено, какие акторы действуют, как они взаимодействуют. Затем эта ситуация прогоняется в электронном виде, чтобы понять, каким образом можно добиться нужного исхода, а после этого соответствующие действия уже переносятся в реальность.

Это агентное моделирование, различные виды каузального моделирования и другие подобные инструменты. В последнее время тревожно выглядит то, что такие модели формируются и по Сахелю. По сути, создаются цифровые двойники региона, где видно, что происходит буквально на каждом квадратном километре: куда перемещаются племена, какие идут миграционные потоки и так далее [20].

Однако, насколько я понимаю, пока особые усилия в этом направлении не предпринимаются, поскольку для Запада основными стратегическими театрами военных действий остаются европейский и тихоокеанский, а такие регионы воспринимаются как периферийные театры.

Что касается нас, то успешно реализуются проекты и в Африке, и на постсоветском пространстве. Но здесь важно именно обобщать эти теории изменений и переходить к выработке общих практических рекомендаций. Например, можно показывать, какое позитивное влияние на социально-экономическое развитие оказывают проекты по строительству школ, бассейнов и других социальных объектов, а какие проекты дают меньший эффект.

Отдельный вопрос – это показатели эффективности. Для Запада KPI давно стали целой индустрией. Мы знаем различные индексы, в том числе такие, как Polity IV и другие. Однако уже сами западные эксперты во многом в них не верят, потому что с их помощью все равно приходится обосновывать вмешательства – например, в Ирак, Афганистан, а в перспективе, возможно, и на Украину.

Нужно показать, что уровень демократии где-то повысился, что под это были потрачены триллионы долларов, но у серьезных экспертов даже на Западе такие аргументы уже не вызывают большого доверия. При этом проблема в том, что западных индексов пока практически нет. Большую работу в этом направлении ведет НИИРК, в том числе с Рейтингом дружелюбности коммуникационных режимов³, но это все же национальный индекс.

Сегодня в западном мире существует очень серьезный запрос на альтернативные индексы и собственные системы оценки.

³ Комлева В.В. Рейтинг дружелюбности коммуникационных режимов соседних стран // НИИРК. URL: https://nicrus.ru/analytics/pub_reitingdrugestvennosti/.

В прошлом году на апрельской конференции в ВШЭ мы обсуждали этот вопрос, в том числе с арабскими коллегами⁴. Они прямо говорили, что им эта тема тоже интересна и что они готовы к такой работе. Причина в том, что существующие индексы встроены в систему оценки эффективности агентств помощи и региональных банков развития. Поэтому альтернативные индексы действительно необходимы, и здесь может быть важен наш вклад как ученых.

Что касается БРИКС, то здесь важно отметить следующее. Изначально БРИКС не стремился секьюритизировать свою повестку. Жесткая, традиционная безопасность занимала в ней сравнительно небольшое место, и только с 2017 г. стали появляться отдельные разделы, связанные с этой тематикой.

Однако в БРИКС всегда присутствовало широкое понимание безопасности – продовольственной, информационной, энергетической и других ее измерений. Это связано с тем, что страны видят угрозы для отдельных аспектов собственного развития и, соответственно, стремятся их парировать. В результате эти направления начинают рассматриваться через призму суверенитета: энергетического суверенитета, информационного суверенитета и так далее.

Россия в этом смысле выступает как провайдер комплексного суверенитета. Причем можно отметить, что именно в периоды российского председательства, когда саммиты БРИКС проходили в России, повестка заметно секьюритизировалась. Россия продвигает не только общее понимание суверенитета, но и его отдельные измерения – энергетическое, информационное и другие.

Мы с коллегами в Институте Африки также занимались темой укрепления суверенитета стран Африки и концептуализировали различные направления этого суверенитета [5]. Отдельный важный момент, с которым я столкнулся в последние годы, заключается в том, что количество незападных доноров на самом деле очень велико, хотя мы сами это не всегда осознаем.

На постсоветском пространстве тоже есть страны, которые выступают донорами и финансируют различные проекты, например Казахстан и Азербайджан. В Африке ситуация также интересна. Африка здесь является особенно показательным кейсом, потому что обычно она воспринимается как пространство, где сосредоточено много наименее развитых стран. Возникает вопрос: как там могут быть доноры? Но они там действительно есть.

В качестве примера можно привести кейс Египта. Речь идет о технической помощи, которую Египет оказывает другим странам. Эта линия связана еще с деятельностью Бутроса Бутроса-Гали с 1980-х гг., а затем – с созданием фонда технической помощи странам СНГ. За последние годы через такие механизмы прошло более 10 тысяч экспертов со всего мира, в том числе по Казахстану, Армении и Таджикистану.

На первый взгляд Египет может восприниматься как не самая богатая страна. Однако он оказывал и продолжает оказывать техническую помощь многим странам СНГ. Это показывает, что западное донорство значительно шире, чем мы обычно себе представляем.

⁴ НИУ ВШЭ расширяет сотрудничество со странами Персидского залива // НИУ ВШЭ. 16.04.2025. URL: <https://www.hse.ru/news/science/1036760093.html>.

Завершая, хотел бы отметить одну важную проблему. Независимая, незападная коалиция, включая Россию, часто выигрывает войны, то есть фазы горячего противостояния, но проигрывает борьбу за мир. Все более актуальным становится вопрос незападного миростроительства – именно постконфликтного миростроительства, когда горячая фаза уже завершена и возникает вопрос: что делать дальше?

После завершения конфликта должны заходить другие игроки. Желательно, чтобы это были западные компании – в энергетике, сельском хозяйстве, финансовом секторе и других направлениях. Но для этого необходима координация. Именно здесь мы пока проигрываем, потому что страны Запада координируются очень эффективно. У них может быть меньше ресурсов, но сама координация выстроена значительно сильнее.

Например, в ОЭСР, о которой я уже говорил, работают около 2700 экспертов, которые фактически постоянно занимаются координацией экономических усилий Запада. В случае БРИКС, напротив, часто звучит тезис о том, что организацию нельзя чрезмерно институционализировать.

Дополнительный вопрос возник в связи с иранским кризисом. Он снова поставил проблему суверенитета. Наши оппоненты говорят: что это за институт (БРИКС), в рамках которого одна страна бомбит другую (Иран–ОАЭ)? Но здесь важно уточнить: речь идет не просто о другой стране, а о стране, на территории которой находятся базы иностранных государств, в том числе стран-членов НАТО. Поэтому возникает вопрос: почему на территории стран БРИКС вообще находятся базы стран-членов НАТО?

Все чаще звучит предложение координироваться по линии ШОС. Если мы говорим о суверенитете, то ШОС действительно может рассматриваться как площадка, где аккумулированы основные суверенные западные доноры. Однако здесь возникает возражение: ШОС – это все-таки региональная структура, и не все готовы распространять ее логику на третьи страны.

Наконец, существует страновой уровень, когда в конкретных странах можно координировать усилия напрямую. Западные послы так и делают: они договариваются между собой, распределяя проекты и возможности между США и странами-членами ЕС (либо на основе делегации ЕС, либо – Всемирного банка). Например, один участник не может самостоятельно реализовать проект в сельском хозяйстве, но местным властям данный проект позарез нужен. Тогда возникает вопрос: может быть, этот проект интересен другому участнику коалиции?

Спасибо за внимание!

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Абрамова Е.А., Зеленова Д.А. Повестка национальной безопасности африканских участников и партнеров БРИКС // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2025. Т. 25. № 3. С. 428–448.
2. Аду Я.Н., Бокерия С.А., Дегтерев Д.А., Мезяев А.Б., Шамаров П.В. Незападное миротворчество как фактор многополярного мира: контуры исследовательской программы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2023. № 23(3). С. 415–434.

3. Бовдунов А.Л. СОМБ и МИНУСКА в ЦАР: эффективность реалистской и либеральной парадигм миротворчества // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2023. 23 (03). С. 480–496.
4. Дегтерев Д.А. Переоценка глобальной системы международной помощи: структурный кризис и глубина «перезагрузки» // Общественные науки и современность. 2026. № 6. В печати.
5. Дегтерев Д.А. Ресуверенизация Африки в контексте формирования нового миропорядка // Ученые записки Института Африки РАН. 2024. № 4. С. 29–48.
6. Дегтерев Д.А., Кирикова Т.Н. «Стратегия без стратегии»: африканская политика Д. Трампа // Россия и мир: научный диалог. 2025. № 4. С. 37–57.
7. Кирикова Т.Н. Генезис конфликтов и стратегии построения устойчивого мира в ЦАР // Пути к миру и безопасности. 2025. № 2(69). С. 203–221.
8. Миротворчество в многополярном мире / Под ред. С.А.Бокерия, Д.А.Дегтерева. М.: Аспект Пресс, 2024. 492 с.
9. Ранджбар Д., Чикризова О.С. «Позитивный мир» в исламском восприятии международных отношений: пример внешней политики Ирана // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2023. № 23(2). С. 278–295.
10. Тишков С.А., Харичкин И.К. Взаимодействие ООН и региональных акторов в Сомали: в поиске новых моделей // Ученые записки Института Африки РАН. 2025. Т. 11. № 4. С. 83–98.
11. Укрепление суверенитета стран Африки в контексте формирования многополярного мира. / Под ред. И.О.Абрамовой, Д.А.Дегтерева. М.: ИАФР РАН, 2025. 492 с.
12. Buzan B. Rethinking security after the Cold War. Cooperation and Conflict. 1997. № 32(01). P. 5–28.
13. Degterev D.A. The Sahel Belt: In Search of a 'Positive Peace' Formula. Russia in Global Affairs. 2025. № 23(1). P. 104–122.
14. Dercon S. Rethinking aid in a contested world. Kiel Working Paper № 2301. Kiel: Kiel Institute for the World Economy (IfW Kiel).
15. Esteves P., Assunção M. South-South cooperation and the international development battlefield: between the OECD and the UN // Third World Quarterly. 2014. 35 (10). P. 1775–1790.
16. Galtung J. Cultural Violence // Journal of Peace Research. 1990. № 27(03). P. 291–305.
17. Galtung J. Violence, Peace, and Peace Research // Journal of Peace Research. 1969. 6 (03). P. 167–191.
18. Hettne B. Peace and Development Contradictions and Compatibilities // Journal of Peace Research. 1983. № 20(04). P. 329–342.
19. Idahosa S. O., Abiodun Bakare I. Conceptualisation of regional instability in Sahel: modelling ABM–AfriLand–Rebel Approach // Journal of Contemporary African Studies. 2022. № 40(2). P. 190–205.
20. McGuirk E.F., Nunn N. Development Mismatch? Evidence from Agricultural Projects in Pastoral Africa. NBER Working Paper 33191. Cambridge, MA: US National Bureau of Economic Research, 2024.
21. Wong K.C. The Rise of China's Developmental Peace: Can an Economic Approach to Peacebuilding Create Sustainable Peace? // Global Society. 2021. № 35(4). P. 522–540.
22. Woodrow P., Oatley N. Practical Approaches to Theories of Change in Conflict, Security and Justice Programmes. Part I: What they are, different types, how to develop and use them. DFID, 2013.

Комлева Валентина Вячеславовна,
заместитель директора по научной работе
Национального исследовательского института
развития коммуникаций,
доктор социологических наук

Логика современной мировой политики: социологический взгляд¹

АННОТАЦИЯ

Рассматриваются обновление структуры международных акторов и особенности их сетевого взаимодействия. Анализируются акторные и содержательные изменения в политической социализации людей и государств. Отдельное внимание уделяется закономерностям принятия внешнеполитических решений и ошибкам политических элит, возникающим под влиянием группового мышления и использования исторических аналогий. Исследование доказывает, что мир находится в транзитной фазе между старым либеральным миропорядком и новой, фрагментированной и эгоистичной социальной реальностью. Современная мировая политика находится в состоянии структурного и нарративного транзита, при котором эрозия прежнего порядка сопровождается фрагментацией социальных связей, кризисом институционального доверия, конкуренцией коллективных идентичностей, исторической памяти и нормативных проектов будущего устройства мира. Формирующаяся многополярность является не только изменением баланса сил, но и борьбой за новое понимание легитимности, суверенитета, развития и безопасности в XXI в.

Ключевые слова: мировая политика, социология международных отношений, мировой порядок, глобализация, цивилизация, суверенитет, легитимность, политическая социализация, идентичность, внешняя политика, многополярность

Современная мировая политика является совокупностью различных корпораций, медиа, общественных структур, религиозных организаций и др. Поэтому ее анализ требует не только политологического, но и социологического подхода, учитывающего интересы, идентичности, ценности и конфликты. Применение социологического подхода позволяет выявить социальные основания, механизмы и долгосрочные последствия процессов, происходящих в мировой политике. Социология позволяет рассматривать мировую политику как пространство взаимодействия разных социальных акторов, ценностей, норм, интересов и коллективных представлений. Социологический подход позволяет глубже понять формирующиеся международные сети взаимодействий, современные противоречия и конфликты, кризисы идентичности, трансформацию национального суверенитета, последствия распространения новых форм коммуникации, роль общественного мнения и механизмы его формирования. С этих позиций социология мировой политики представляется весьма актуальным, самостоятельным направлением исследований.

¹ Полный текст статьи опубликован в журнале «Россия и мир: научный диалог». 2026. № 3(21). URL: <https://www.russia-world.ru/jour>.

Целью моего доклада является социологический анализ логики современной мировой политики с учетом накопившихся противоречий, изменяющейся структуры игроков, агентов социализации и особенностей принятия решений.

Но прежде чем перейти к докладу, определю, что такое мировая политика. Мой анализ строился, исходя из следующего понимания: мировая политика – это сфера общественной жизни, связанная с завоеванием, реализацией и удержанием власти в глобальном сообществе, распределением ресурсов, принятием решений, согласованием интересов разных групп, а также формированием норм, правил и механизмов легитимизации международного порядка. Сложившаяся система международных отношений во многом является результатом действий акторов мировой политики, от качества и интересов которых зависит устойчивость международного порядка и направленность международных отношений.

Социальные противоречия и современная мировая политика. Современный кризис международных отношений стал следствием противоречий, которые накапливались годами, обострялись и постепенно образовали критическую массу. К 2025–2026 гг. они проявились сразу в нескольких направлениях.

Во-первых, сохраняется высокий уровень глобального социального неравенства. Значительная часть населения мира остается в состоянии бедности, продовольственного кризиса, нестабильной занятости. По данным докладов ООН, в 2025 г. около 9,9% населения мира жили в условиях крайней бедности. Даже за пределами этой категории многие остаются экономически уязвимыми. Международная организация труда отмечает, что глобальная безработица в 2024 г. составляла около 5%, а молодежная – 12,6%².

Во-вторых, усиливается классовый раскол, кризис доверия к институтам и недовольство элитами. Социально уязвимые группы все реже доверяют правительствам и чаще ощущают исключенность из процесса принятия решений. В странах ОЭСР только 39% респондентов выражают высокий или умеренно высокий уровень доверия национальному правительству. По данным Edelman Trust Barometer 2025, 61% респондентов в мире демонстрируют умеренный или высокий уровень чувства обиды и несправедливости³. Недовольство элитами становится не маргинальным, а массовым фоном политики.

В-третьих, меняется баланс сил. Китай и страны Глобального Юга, особенно в формате БРИКС, все активнее выступают за реформу международных институтов и более справедливое распределение влияния. В 2024 г. страны БРИКС обеспечивали

около 40,2% мировой экономики по паритету покупательной способности, тогда как доля G7 составляла примерно 28,8%⁴. БРИКС также объединяет более 40% населения мира. Эти страны заявляют о необходимости реформы ООН, Совета Безопасности ООН, Бреттон-Вудских институтов и усиления представительства развивающихся государств. Китайские амбиции имеют и военно-стратегический характер (военные расходы Китая продолжают расти более трех десятилетий подряд).

В-четвертых, сохраняются противоречия в сфере безопасности. Россия исходит из принципа неделимой безопасности, зафиксированного в документах ОБСЕ, тогда как Запад к 2025 г. окончательно перешел к логике сдерживания. В Hague Summit Declaration NATO 2025 г. Россия прямо названа долгосрочной угрозой евроатлантической безопасности, а союзники по НАТО обязались к 2035 г. ежегодно направлять 5% ВВП на оборонные и связанные с безопасностью расходы, из которых 3,5% ВВП – на основные оборонные потребности⁵. Данные SIPRI подтверждают системную милитаризацию. Мировые военные расходы в 2025 г. достигли 2,887 трлн долл. США, а Европа показала резкий рост оборонных затрат [6]. Это вызывает сомнения в скором урегулировании противоречий. Скорее можно говорить об их переходе в режим долгосрочного военно-политического противостояния.

В 2020-е гг. накопленные проблемы перешли в новое качество, выразившееся в демонтаже прежнего миропорядка. Точку невозврата сформировали пандемия, конфликт на Украине, эскалация на Ближнем Востоке, торговые войны. Санкционные форматы в отношении разных стран (не только России). При этом внутренние противоречия характерны и для самой глобализации. С одной стороны, взаимозависимость должна была сделать мир безопаснее, но, с другой стороны, именно она превратилась в инструмент давления. Поставки ресурсов, технологии, рынки и финансовые связи стали использоваться как политическое оружие.

Одним из эффектов глобализации стало появление глобального класса (IT-специалистов, финансистов, топ-менеджеров транснациональных корпораций и др.), выигравших от глобального рынка. В то же время рабочие и средний класс в ряде стран столкнулись с потерей рабочих мест, потерей чувства стабильности, социального и культурного статуса. Так возникло противоречие между «людьми отовсюду» и «людьми конкретного места», описанное Д.Гудхартом [3]. Этот раскол можно считать социальной основой феномена Трампа в США или правого популизма в Европе.

Отдельный блок противоречий связан с демографией. Мир разделен на стареющий богатый Север и молодой бедный Юг. Это усиливает миграционное давление, а миграция все чаще секьюритизируется и становится триггером внешней и внутренней политики. Страх перед утратой социальной и культурной идентичности способствует росту правого радикализма и ксенофобии.

На стыке демографии и социологии мы видим ментальный разрыв между поколениями, управляющими мировой политикой, и поколениями, которым

² World Inequality Report 2026 World Inequality Report 2026: Executive Summary. Paris: World Inequality Lab, 2026. URL: <https://wir2026.wid.world/insight/executive-summary/>; The State of Food Security and Nutrition in the World 2025: Addressing High Food Price Inflation for Food Security and Nutrition. Rome/New York: FAO et al., 2025. URL: <https://data.unicef.org/resources/sofi-2025/>; United Nations Statistics Division. The Sustainable Development Goals Report 2025: Goal 1 – No Poverty. New York: United Nations, 2025. URL: <https://unstats.un.org/sdgs/report/2025/goal-01/>; World Bank Group. June 2025 Update to Global Poverty Lines. Washington, DC: World Bank, 5 June/2025. URL: <https://www.worldbank.org/en/news/factsheet/2025/06/05/june-2025-update-to-global-poverty-lines>; World Employment and Social Outlook: Trends 2025. Geneva: ILO, 2025. DOI: <https://doi.org/10.54394/IZLN1673>. URL: <https://researchrepository.ilo.org/esploro/outputs/report/World-employment-and-social-outlook-Trends/995632443102676>.

³ Edelman Trust Institute. 2025 Edelman Trust Barometer: Trust and the Crisis of Grievance — Global Report. New York: Edelman, 2025. URL: <https://www.edelman.com/trust/2025/trust-barometer>.

⁴ “BRICS GDP outperforms global average, accounts for 40% of world economy.” Brasília/Rio de Janeiro: BRICS Brazil, 2 May 2025. URL: <https://brics.br/en/news/brics-gdp-outperforms-global-average-accounts-for-40-of-world-economy>.

⁵ North Atlantic Treaty Organization. The Hague Summit Declaration. The Hague/Brussels: NATO, 25 June 2025. URL: <https://www.nato.int/en/about-us/official-texts-and-resources/official-texts/2025/06/25/the-hague-summit-declaration>.

предстоит жить в будущем. Старшие элиты социализировались в логике холодной войны, границ и альянсов, тогда как молодежь формируется в сетевых сообществах без жестких границ. Молодые поколения все меньше доверяют правительствам и все чаще воспринимают их решения как «устаревшие». Особое значение приобретает молчаливое сопротивление молодежи через отказ от воспроизводства. Женщины в ряде стран отказываются рожать детей в условиях отсутствия поддержки, доступного ухода за детьми и справедливого распределения семейной нагрузки. В Южной Корее, Китае и Японии – феномены социальной изоляции. Например, хикикомори или философия *tangping* – отказ от гиперконкурентной культуры труда, брака, потребления и обязательной репродуктивной роли. По сути, молодое поколение отказывается поставлять демографический и экономический ресурс государствам для их геополитических амбиций.

В ближайшие годы урегулировать все вышеобозначенные противоречия вряд ли удастся. Более того, вероятно появление новых проблем, связанных с социальной фрустрацией, институциональным недоверием, технологической зависимостью, ресурсной конкуренцией и будущими противоречиями постгуманистических обществ.

Структурные изменения мировой политики. На протяжении последних веков мировая политика оставалась преимущественно государственноцентричной. Ее основными акторами были суверенные государства, а структура международных отношений имела относительно понятный иерархический характер. Сегодня эта модель трансформируется в сложную сетевую матрицу, где наряду с государствами действуют новые акторы влияния.

Одним из таких акторов стали владельцы глобальных технологических платформ и экосистем искусственного интеллекта. Big Tech-компании контролируют не только информационные потоки, но и когнитивное пространство, эмоциональные реакции и повседневные практики миллиардов людей. Платформы все глубже проникают в рынки, труд, образование, медиа, здравоохранение и сферу публичных ценностей. Государства уже не могут единолично управлять обществами и вынуждены учитывать ресурсы цифровых корпораций. Это не означает исчезновения государства, но ведет к ослаблению суверенитета и формированию элементов цифрового нефеодализма, где контроль над обществом делится между государствами, платформами, владельцами данных и технологий ИИ.

Второе изменение связано с ростом сетей гражданских активистов. Гражданская журналистика размывает роль официальных СМИ, а сетевая мобилизация – роль профессиональных политических и военных институтов. Люди, объединенные через Telegram, X*, Discord и другие платформы, собирают средства на решение каких-то общих проблем, ведут информационные кампании и пытаются влиять на ход конфликтов и политических решений.

Одновременно ослабевает роль профессиональной дипломатии и универсальных международных институтов. Решения все чаще принимаются через

6 * Доступ к X (бывш. Twitter) на территории Российской Федерации заблокирован на основании требования Генпрокуратуры от 24 февраля 2022 г. в связи с распространением недостоверной общественно значимой информации, 18+.

закрытые коммуникационные каналы, клубные форматы, прямые договоренности лидеров и ситуативные коалиции.

Наконец, происходит пересборка глобальной структуры. Вместо прежней модели с одним лидером и едиными правилами формируются закрытые макрорегионы. Запад, Глобальный Юг и Восток, БРИКС+, Китай с собственной технологической и военной экосистемой. Каждый блок создает свои финансовые, политические, культурные и технологические стандарты. Доверие между ними снижается, а мировая политика все чаще строится не через универсальные институты, а через региональные союзы, временные коалиции и двусторонние сделки.

Некоторые особенности принятия внешнеполитических решений, связанные с закономерностями социальной жизни и группового поведения. Внешнеполитические ошибки государств целесообразно анализировать не только через объективную сложность международной среды, но через особенности группового поведения, внутриэлитной борьбы и когнитивных ограничений лиц, принимающих решения в кризисных, экстремальных, стрессовых ситуациях.

Рассмотрим синдром группового мышления. В условиях политического или внешнеполитического кризиса вокруг лидера обычно формируется узкий круг доверенных лиц, имеющих прямой доступ к процессу принятия решений. Внутренняя логика такой группы часто строится на поддержании консенсуса и лояльности. В результате несогласие или критическая оценка ситуации начинают восприниматься не как элемент аналитической работы, а как признак нелояльности. В этих условиях появляется самоцензура. Участники группы отбирают и интерпретируют информацию так, чтобы она соответствовала ожиданиям лидера и не угрожала их положению во властной иерархии. Альтернативные сценарии, неудобные оценки и критические экспертные заключения постепенно вытесняются. В итоге формируется искаженная картина реальности, на основе которой лидер принимает решение не по полному спектру информации, а по версии событий, уже предварительно отфильтрованной окружением. Именно этот механизм способен приводить к серьезным внешнеполитическим просчетам.

Режим перманентного кризиса, в котором находится современная политика (войны, санкции, пандемии, технологическое соперничество, миграционные кризисы, энергетическая нестабильность и др.) усиливает значение группового мышления. Решения принимаются быстро, в узком кругу, при дефиците времени и высокой цене ошибки. Это повышает роль ближайшего окружения лидера, спецслужб, советников и аппаратных групп, но одновременно снижает возможности независимой экспертизы, внешней проверки и публичного обсуждения.

Актуализация синдрома группового мышления связана также с ростом идеологической и корпоративной лояльности внутри институтов. Чиновники, аналитики и советники хорошо понимают, какие выводы считаются допустимыми, а какие могут быть восприняты как проявление нелояльности. Поэтому самоцензура становится рациональной карьерной стратегией.

Второй важный фактор – внутриэлитная конкуренция и ведомственная борьба за внешнеполитический курс. Внешняя политика нередко становится результатом борьбы между различными группами влияния, министерствами и

ведомствами (это соответствует классической модели бюрократической политики Грэма Аллисона [2]). Решения высокого уровня (введение санкций, отправка войск, подписание соглашений, инвестиции и т.п.) могут быть не оптимальным выбором, а компромиссом, достигнутым в ходе борьбы разных групп за ресурсы и влияние на первое лицо. Например, военные структуры могут настаивать на силовых сценариях, дипломатические ведомства – на переговорах, спецслужбы – на закрытых операциях, экономический блок – на минимизации издержек. В результате итоговое решение может отражать не столько стратегический расчет, сколько баланс влияния внутри правящей коалиции. В последние годы эта борьба усиливается, поскольку в условиях кризиса резко возрастает цена решения. От выбранного курса зависят бюджеты, полномочия, кадровые назначения, доступ к информации и близость к лидеру.

Третий фактор – ограничения когнитивных возможностей лиц, принимающих решения, в условиях быстро меняющейся реальности и стресса. Современная мировая политика развивается в режиме постоянного аврала. Лидеры вынуждены принимать решения при дефиците времени и избытке как информации, так и дезинформации. В состоянии перманентного стресса снижается способность к долгосрочному, рефлексивному и многофакторному анализу. Стресс нарушает когнитивный контроль, рабочую память, регуляцию поведения и сложное принятие решений. В таких условиях решения все чаще принимаются на основе когнитивных эвристик, стереотипов, эмоционально окрашенных представлений об угрозе, исторических аналогий. Однако аналогии могут упрощать реальность и переносить опыт прошлого на ситуацию, которая имеет иную природу. Так, исследования решений США по Вьетнаму показывают, как аналогии с Кореей, Мюнхеном и Дьенбьенфу структурировали восприятие кризиса, помогали определять угрозу и выбирать варианты действий, но одновременно вели к ошибочным выводам [5].

Похожий механизм проявляется и в современной европейской политике. В исследованиях реакций Германии, Польши и Чехии на начало СВО подчеркивается, что обоснования поддержки Украины часто формировались через собственные исторические травмы этих государств [4]. В других работах анализировались выступления В.Зеленского, насыщенные историческими аналогиями со Второй мировой войной, Перл-Харбором, 11 сентября и Холокостом [7]. Вывод состоял в том, что убедительный потенциал таких аналогий ограничен. Следовательно, использование исторических аналогий может приводить к ошибочным ожиданиям и неверной оценке реального политического эффекта.

Четвертый фактор – приоритет внутренней управляемости. Внешнеполитические решения оцениваются не только с точки зрения внешних интересов государства, но и с точки зрения их последствий для внутривнутриполитической устойчивости, воспроизводства власти и контроля над обществом. Поэтому внешняя политика часто становится продолжением внутренней политики. Чем слабее внутренняя устойчивость режима, тем сильнее соблазн перевести социальное напряжение во внешнеполитическую мобилизацию. Конструирование образа внешнего врага позволяет объяснить внутренние проблемы действиями противника, временно снизить давление на власть и мобилизовать население вокруг

лидера. Однако эта стратегия противоречива. В краткосрочной перспективе она может повысить легитимность власти и нейтрализовать оппозиционную критику. В долгосрочной перспективе она повышает риск внешнеполитической эскалации, поскольку сужает пространство компромисса, ограничивает возможности межгосударственного взаимодействия и закрепляет конфронтационную логику принятия решений.

Новые социальные качества мировой политики. Одним из новых качеств современной мировой политики становится нормализация чрезвычайного. В последние десятилетия кризисные состояния перестали восприниматься как временные нарушения порядка и все чаще становятся постоянной средой жизни людей, обществ и государств. Терроризм, преступность, миграция, социальная нестабильность, войны, санкции, климатические аномалии, цифровые угрозы и информационные атаки связываются в единую «тревогу». Такое состояние поглощает ресурсы, сокращает горизонт планирования, снижает доверие к институтам и переносит ответственность за безопасность на самого человека, семью и ближний круг.

Политика в этих условиях все чаще концентрируется не на развитии, а на минимизации ущерба, управлении рисками и сохранении управляемости в ближайшей перспективе. Элиты становятся более тревожными и склонны переводить обычные проблемы в режим «экзистенциальной угрозы». Это позволяет оправдывать чрезвычайные меры и усиливать контроль. Их легитимность все меньше строится на обещании будущего развития и все больше на обещании защиты. На уровне мировой политики это означает, что проекты будущего все чаще осмысливаются через управление рисками, а стратегическое мышление вытесняется реактивными решениями.

Второе важное изменение связано с трансформацией агентов политической социализации. Если раньше представления о мире формировались преимущественно через семью, школу, университеты, государственные СМИ и официальные идеологические нарративы, то сегодня эти институты утрачивают монополию. Социализирующую функцию выполняют и цифровые платформы и неформальные медиасреды (TikTok, Telegram, YouTube*, X*, VK и др.). Они нередко продвигают конкурирующие нарративы и действуют вне прямого контроля государства.

Международные события все чаще воспринимаются не через систематизированные знания и причинно-следственные объяснения, а через короткие видеоролики, стримы, посты лидеров мнений, визуальные образы и эмоциональные реакции. В результате политическая социализация становится ситуативной, фрагментарной и эмоционально насыщенной. Мировая политика начинает восприниматься не как сложная система взаимосвязанных процессов, а как поток кризисных событий, требующих немедленных оценок и быстрых решений.

7 *Доступ к информационному ресурсу YouTube ограничен на основании Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», 18+.

8 *Доступ к X (бывш. Twitter) на территории Российской Федерации заблокирован на основании требования Генпрокуратуры от 24 февраля 2022 г. в связи с распространением недостоверной общественно значимой информации, 18+.

Меняется и социализация самих государств. В 1990–2010-е гг. многие из них социализировались через международные организации и инициативы в нормах либерального международного порядка (правилах ВТО, принципах свободного рынка, западных стандартах демократии, институционального многостороннего регулирования). Сегодня наблюдается десоциализация в отношении этих норм и переход к логике стратегической автономии. На первый план выходят защита суверенитета, национальных интересов и международной субъектности. Это сопровождается силовыми способами отстаивания позиций, санкционными режимами, блокировкой активов, стремлением к технологической автономии и контролю информационных потоков. В результате мировая политика движется от универсалистских моделей к более фрагментированным форматам международных отношений и конкуренции суверенитетов.

Третье качество – рост эффективности мировой политики. Внешнеполитические решения все чаще опираются не только на рациональный расчет, но и на такие эмоции, как обида, унижение, страх, гордость, стремление к реваншу и восстановлению исторической справедливости. Конечно, не стоит рассматривать эмоции как отклонение от «нормальной» политики. Но в последнее время они все чаще лежат в основе механизма формирования коллективной идентичности и политической солидарности.

Государства и политические лидеры обращаются к образам коллективного достоинства, признания, утраты и восстановления статуса. Поэтому внешняя политика формулируется как защита не только территории или ресурсов, но и «себя» – исторического образа нации, ее места в мире и морального права на самостоятельное действие. Прошлое превращается в политический ресурс, с помощью которого конструируются представления о справедливости, вине, жертвенности и исторической миссии.

В таких условиях конфликтующие стороны воспринимают друг друга не просто как рациональных акторов, с которыми возможно согласование интересов, а как угрозу коллективной идентичности, ценностному порядку и символическим основаниям политического режима. Компромисс становится труднодостижимым, поскольку уступка интерпретируется как слабость, предательство, национальное унижение. Это создает базу для популистской, националистической и реваншистской политики и ограничивает возможности традиционных методов анализа международных отношений и урегулирования конфликтов.

Четвертая характеристика – усиление конкуренции идентичностей и моделей порядка. Современная мировая политика все больше становится не только борьбой государств и блоков за ресурсы и влияние, но и столкновением разных представлений о легитимности, справедливости, суверенитете и будущем международного порядка. Конфликты становятся многослойными, поскольку международная политика часто понимается как пространство производства идентичностей, норм и границ между «своими» и «чужими». Наряду со спорами о демократии, правах человека и рыночной экономике все большее значение получают дискуссии о цивилизационном суверенитете, культурной автономии, постколониальном неравенстве и праве государств на собственную модель развития. Конкуренция идет уже не только вокруг

вопроса о том, какой политический режим эффективнее, но и вокруг вопроса о том, кто имеет право определять универсальные нормы мирового порядка.

Одним из проявлений этой трансформации становится обращение государств к идеям цивилизационной исключительности и культурно-исторической самобытности. Понятия «государство-цивилизация», «суверенная цивилизация», «традиционные ценности» используются не только для внутренней легитимации, но и как инструменты внешнеполитического позиционирования. Они позволяют государствам представлять себя носителями особой исторической миссии и альтернативного видения мировой политики.

На этом фоне апелляция западных государств к либеральному международному порядку, демократии, правам человека и «порядку, основанному на правилах» все чаще воспринимается другими акторами как проявление западного доминирования, асимметрии и неравномерного распределения власти в международных институтах. Альтернативными категориями становятся «Глобальный Юг», «многополярность», «суверенная цивилизация» и т.п. Эти категории не только описывают международную реальность, но и предлагают другие ее интерпретации.

Таким образом, современная мировая политика развивается как конкуренция не только интересов, но и идентичностей, исторических нарративов и моделей легитимного порядка. В центре этой конкуренции находится борьба за право определять смысл справедливости, суверенитета и допустимых форм международного взаимодействия.

Мной был проведен анализ четырех глобальных игроков (России, США, Китая и ЕС) с целью сравнения восприятия миропорядка и своей роли в нем. Для сравнения были взяты представления стран о коллективной идентичности, исторической памяти, главной ценности и образе мира. Отмечу, что эти категории не следует воспринимать как вторичные идеологические надстройки. Они задают основы интерпретации международной среды, определяют границы допустимого, формируют образы угроз и легитимизируют модели внешнеполитического поведения. Подробности анализа описаны мной в статье, в журнале «Россия и мир: научный диалог» [1]. Здесь же кратко скажу, что четыре глобальных игрока предлагают различные модели интерпретации современного миропорядка. Россия видит его как пространство борьбы цивилизационных центров за суверенитет и признание. Китай – как взаимозависимую систему, где стабильность и развитие должны преобладать над идеологической унификацией. США – как арену защиты американского лидерства, свободы и национальных интересов (причем в 2026 г. либеральный универсализм все заметнее сочетается с прагматикой America First). ЕС – как правовой и многосторонний порядок, который, однако, все сильнее сопрягается с логикой силы. Эти различия показывают, что современная конкуренция миропорядков является не только борьбой за ресурсы и институты, но и конкуренцией исторических нарративов, ценностных иерархий и представлений о легитимной власти в международной системе.

Подводя итоги, отмечу, что мир находится в транзитной фазе между старым либеральным миропорядком (который умер) и контурами новой, фрагментированной и эгоистичной социальной реальности. Логика современной мировой политики

закладывается в переходе от универсального, институционального и преимущественно западноцентричного порядка к фрагментированной, сетевой и конфликтной многополярности, где борьба и спор идет не только за ресурсы и безопасность, но и за право определять нормы, идентичности, модели развития и смысл суверенитета.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Комлева В.В. Мировая политика: социологический анализ актуальных процессов // Россия и мир: научный диалог. 2026. № 3(21).
2. Allison G.T., Zelikow P. *Essence of Decision: Explaining the Cuban Missile Crisis*. 2nd ed. New York: Longman, 1999. 416 p. ISBN 978-0-321-01349-1.
3. Goodhart D. *The Road to Somewhere: The Populist Revolt and the Future of Politics*. London: C.Hurst & Co., 2017. 280 p. ISBN 978-1-84904-799-9.
4. Kalhousová I., Finkel E., Kocián J. Historical Analogies, Traumatic Past and Responses to the War in Ukraine // *International Affairs*. 2024. Vol. 100, № 6. P. 2501–2523. <https://doi.org/10.1093/ia/iiae228>.
5. Khong Yuen Foong. *Analogies at War: Korea, Munich, Dien Bien Phu, and the Vietnam Decisions of 1965*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1992. 286 p. ISBN 978-0-691-07846-5.
6. Liang Xiao; Tian Nan, Lopes da Silva D., Scarazzato L., Karim Z.A., Guibertau R.Jade. *Trends in World Military Expenditure*, 2025. Stockholm: Stockholm International Peace Research Institute, April 2026. <https://doi.org/10.55163/ZLHQ1057>.
7. Menon A., Abramson Ye., Dulay D., Jones P. The Effect of Historical Analogies on Foreign Policy Attitudes // *Security Studies*. 2025. Vol. 34, № 4. P. 689–713. <https://doi.org/10.1080/09636412.2025.2537651>.

Шабров Олег Фёдорович,
профессор кафедры государственной политики
факультета политологии МГУ
имени М.В.Ломоносова,
президент Академии политической науки,
доктор политических наук

Национальное государство в условиях глобальной трансформации

АННОТАЦИЯ

В современном мире сформировался целый ряд факторов, препятствующих воспроизводству национального государства. Это, с одной стороны, борьба за ресурсы между Соединенными Штатами Америки и новыми глобальными центрами силы – Китайской Народной Республикой и транснациональными корпорациями – в условиях высокой антропогенной нагрузки на окружающую среду. В процессе этой борьбы происходит ущемление государственного суверенитета менее слабых государств, нивелируя один из основных признаков государства. С другой стороны, доминирование ТНК в объеме мирового промышленного производства ставит под вопрос правомерность применения привычного понятия «капитализм» к современным социальным системам ввиду отсутствия внутри корпораций свободного рынка. Наконец, современные производственные и коммуникационные технологии негативно влияют на национальные идентичности, сплавляющие современные общественные системы. Это – сокращение технологических циклов, затрудняющее действие механизма культурного наследования; перенос социального общения между людьми из реального в виртуальное пространство, в котором невозможно эффективное воспроизводство в новых поколениях ценностей национальной культуры; реализация стратегии soft power в политике претендующих на лидерство государств и глобальных элит. Сохранение национальных государств требует от них сильной политики в сфере воспроизводства ценностей культуры своих народов и обеспечения экономического суверенитета.

Ключевые слова: антропогенная нагрузка, государство, глобализация, идентичность, культура, нация, транснациональные корпорации

Наступление XXI столетия ознаменовалось целым рядом изменений глобального характера, существенно отразившихся на мире политики и роли современного государства.

Наиболее, пожалуй, очевидным является завершение очередного цикла мировой гегемонии. Не успел с распадом СССР сформироваться однополярный мир с центром влияния в США, как на Востоке образовался новый полюс – Китайская Народная Республика, бросившая вызов гегемонии Соединенных Штатов Америки. Уже по итогам 2014 г. КНР по размеру валового внутреннего продукта (ВВП) по паритету покупательной способности (ППС) впервые обошла США¹, а к 2022 г. доля КНР в мировом ВВП по ППС составила 18,4%, тогда как доля США – 15,5% [10]. Как следствие, началась острая борьба за ресурсы и, соответственно, за передел сфер влияния.

¹ Сухаревская А. Китайская экономика официально стала крупнейшей в мире // Радио РБК. URL: <https://www.rbc.ru/economics/08/10/2014/5434f48dcbb20faeeafe2a0a>.

В это противоборство все более активно вмешивается, однако, еще один влиятельный игрок – глобальные элиты, представляющие интересы транснациональных корпораций и мировых финансовых центров. Можно считать уже свершившимся фактом существенное смещение центра принятия решений с государственного на надгосударственный уровень [4]. Анализируя мировой экономический кризис 2008 г., Дж.Сорос верно отметил роль международного в принятии решений государствами – «в ущерб ожиданиям собственных граждан» [8, с. 197]. Сформировались глобальные элиты, не связанные с интересами народов конкретных стран и пытающиеся навязать свои правила игры суверенным государствам даже в крупнейших мировых державах, включая США [11]. Появление влиятельного наднационального игрока, существенно ущемляющего государственный суверенитет, уже само по себе ставит вопрос о роли в этих условиях государства.

Борьба за «новый передел» многократно обостряется на фоне запредельного роста антропогенной нагрузки на природу, спрогнозированного еще в 1972 г. в докладе Римскому клубу [6]. Сегодня из экономической плоскости проблема ресурсов переросла уже в проблему выживания человечества. В 2017 г. более 15 тыс. ученых из 184 стран подписали «предупреждение человечеству» о реальной угрозе истощения природных ресурсов [12]. Возник реальный конфликт интересов: либо существенное сокращение потребления – прежде всего, наиболее обеспеченной и влиятельной части населения планеты, включая глобальные элиты, – либо не менее существенное сокращение численности массовых потребителей. В информационном пространстве речи о первом варианте практически не идет, зато о необходимости второго в 2011 г. было вполне откровенно заявлено главой корпорации «Роснано» А.Б.Чубайсом².

Возрастание экономической роли транснациональных корпораций ставит под вопрос правомерность применения привычного понятия «капитализм» к современным социальным системам. Дело в том, что сегодня на долю ТНК приходится около половины мирового промышленного производства и свыше двух третей внешней торговли [3]. Представляется достаточно очевидным, что внутри корпораций обмен продукцией и ценообразование вполне свободными быть не могут. К тому же и международные санкции стали привычным инструментом управления ценами, а массовая миграция – инструментом управления ценой труда. Но свободный рынок труда и капитала – это основной признак экономического базиса капитализма. Сегодня объем такого рынка становится все меньше, уступая место обмену, регулируемому национальными и транснациональными корпорациями.

Отсюда возникает и еще одна проблема, связанная со спецификой современных общественных систем. Ведь современное понятие нации появилось во второй половине XVIII столетия, в процессе формирования капиталистических отношений. До эпохи модерна не было проблемы идентичности. Только в процессе индустриализации, разрушившей традиционные формы господства, сформировались принципиально новые отношения между государством и обществом. В условиях капитализма появился новый, помимо государства, фактор устойчивости социальных систем, – он образует

² Чубайс о сокращении населения планеты Земля до 1,5 млрд человек // RUTUBE. URL: <https://rutube.ru/video/fef3b43e29b9ef368e4a75d88e476054/>.

у людей чувство принадлежности этому обществу и государству, готовности за них постоять, – национально-государственную идентичность. Известный французский социальный психолог прошлого столетия Г.Лебон писал в этой связи о душе народа и предупреждал, что «с того времени, как она исчезает, народы распадаются» [5]. Нация как сплоченная социальная общность людей, населяющих территорию государства, появляется в условиях капитализма, и разрушение его экономического базиса уже само по себе ставит под вопрос существование нации.

Проблема существует, однако, не только в экономической плоскости. Разрушается и «политическая надстройка» капитализма, народовластие. Как верно заметил известный глобалист и противник «рыночного фундаментализма» Дж.Сорос, «государствам приходится уделять все больше внимания требованиям со стороны международного капитала в ущерб ожиданиям собственных граждан» [8, с. 197]. Появление влиятельных наднациональных игроков ставит под вопрос и смысл функционирования сформированной на Западе модели представительной демократии: в той мере, в которой государство утрачивает внешний суверенитет, принадлежащая народу доля власти сокращается.

При этом и сам народ становится объектом воздействия целого ряда разрушительных факторов, объективных и субъективных. На первый из них, объективный, указал еще четверть века назад известный советский и российский физик С.П.Капица [2] – радикальное ускорение хода истории, связанное с сокращением технологических циклов и затрудняющее действие механизма культурного наследования: опыт предшествующих поколений все меньше соответствует миру, в который вступают молодые люди. Второй – перенос растущего объема социального общения между людьми из реального в виртуальное пространство, в котором невозможно эффективное воспроизводство в новых поколениях ценностей национальной культуры. Разрушительно влияет на культуру народов развитых стран и тем самым на национально-государственную идентичность массовая иммиграция. В результате народ неуклонно превращается в население – совокупность индивидов, ориентированных, прежде всего, на личное благо и не отягощенных ни памятью предков, ни ответственностью за судьбу будущих поколений. Разрушение общих образцов культуры размывает, таким образом, и нацию.

Наконец, современные технологии дали средствам информационного воздействия недоступные прежде возможности манипулирования общественным сознанием. Эффективность их использования многократно увеличивается в условиях, когда объектом манипулирования становится общество с разрушенными ценностными ориентирами. По итогам основательного исследования западных демократий, проведенного еще в конце прошлого столетия, американский профессор М.Дин пришел к заключению, что «развитая либеральная власть превратила свободу в техническое средство управления» [1, с. 518]. Ранее Дж.Сорос выразил ту же мысль в более деликатной форме: «Люди поступают так или иначе не в соответствии со своими интересами, а в соответствии с собственным восприятием своих интересов» [8, с. 161]. Ту же мысль применительно к надгосударственному управлению сформулировал автор стратегии «soft power» Дж.Най: «Эта гибкая власть – понуждение других хотеть результатов, которые вы желаете получить» [7, с. 30]. Иными словами, в современных

демократиях народы все больше превращаются из реального источника власти в номинальный, и понятие нации становится все менее к ним применимым.

В итоге возникает вопрос о перспективах национального государства. Уже сами по себе процессы деградациии культур ставят, – там, где они происходят, – под сомнение возможность сохранения наций, – а значит, и национальных государств в соответствующих обществах. А утрата внешнего суверенитета, полная или частичная, лишает институты, называемые по инерции государствами, одного из их существенных признаков. Эти тенденции оторефлексированы и в научной литературе. Обсуждаются возможные альтернативы нации-государству, в том числе корпорация-государство, регион-государство, империя-государство, цивилизация-государство [9]. В качестве одной из вероятных перспектив нельзя не рассматривать и формирование глобального государства.

В любом случае сохранение государственных образований, опирающихся на культурную матрицу соответствующих народов, требует, прежде всего, сохранения самих народов, невозможного без целенаправленной и сильной государственной политики в образовании, культуре, науке, искусстве, информационном пространстве и в других сферах. А для сохранения внешнего суверенитета нужна как минимум адекватная экономическая политика, обеспечивающая независимость государственных экономик. Без выполнения этих условий перспективы национального государства становятся как минимум проблематичными.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Дин М. Правительность: власть и правление в современных обществах / Пер. с англ. А.А.Писарева. М., 2016. 592 с.
2. Капица С. П. Глобальная демографическая революция и будущее человечества // Новая и новейшая история. 2004. № 4. С. 42–54.
3. Кочетков А.П. Национальное государство в условиях глобализации // Полис. Политические исследования. 2014. № 4. С. 63–75.
4. Кочетков А.П. Транснациональные элиты в глобальном мире. М., 2020. 208 с.
5. Лебон Г. Психология народов и масс. СПб., 1995. 311 с.
6. Медоуз Д. и др. Пределы роста / Пер. с англ.; предисл. Г.А.Ягодина. М., 1991. 208 с.
7. Най Дж.С. Гибкая власть: как добиться успеха в мировой политике / Пер. с англ. В.И.Супруна. Новосибирск, 2006. 221 с.
8. Сорос Д. Мировой экономический кризис и его значение. Новая парадигма финансовых рынков / Пер. с англ. К.Вагнера. М., 2010. 272 с.
9. Харин А.Н. Альтернативные модели нации-государства в современном мире: монография. М., 2016. 386 с.
10. Храмова И.Ю., Морозова Т.С. Сравнительная оценка экономических потенциалов стран БРИКС и «Группы семи» // Вестник Алтайской академии экономики и права. Экономические науки. 2024. № 1. С. 179–184.
11. Шабров О.Ф. Глобальные факторы политического управления: новые возможности и новые риски // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2019. Т. 15. № 2. С. 236–244.
12. World Scientists' Warning to Humanity: A Second Notice // BioScience. December 2017. Vol. 67. № 12. P. 1026–1028.

МАТЕРИАЛЫ ЭКСПЕРТНЫХ ДИСКУССИЙ

Экспертная дискуссия «Современный мир: новые риски, вызовы, возможности. Взгляд государственных, политических и общественных деятелей»

Пырванов Ивелин,
депутат Народного собрания
Республики Болгария LII созыва

Уважаемые коллеги!

В ходе предыдущих выступлений уже была затронута тема освобождения, исторической борьбы России и ее роли в судьбах других народов. В этой связи хотел бы подчеркнуть, что в болгарской исторической памяти Россия выступает как сила, которая трижды сыграла освободительную роль для Болгарии и, шире, для Европы.

Первый раз это произошло около полутора столетий назад, когда Болгария восстановила свою государственность благодаря русской армии. Для болгарского народа это не абстрактный исторический факт, а элемент национального самосознания. Каждый болгарин знает, что восстановление болгарской государственности стало возможным благодаря жертвенности русских солдат. Это изучается в школе, это является частью исторической памяти. Неслучайно национальный праздник Болгарии отмечается 3 марта – в день подписания Сан-Стефанского мирного договора, когда русские войска находились у подступов к Босфору, недалеко от Царьграда.

Второй раз Россия освободила Европу 81 год назад. Сегодня об этом все чаще забывают или сознательно умалчивают, хотя освобождение европейского континента от нацизма стало одним из ключевых событий мировой истории XX в.

Третий раз, на мой взгляд, освобождение началось четыре года назад, с началом специальной военной операции. В этой логике речь идет не только о военном измерении, но и об освобождении мира от пандемической истерии, от того режима страха и принуждения, который можно назвать формой санитарного авторитаризма. Мы хорошо помним, что происходило в тот период: люди месяцами находились в изоляции, не могли свободно передвигаться, посещать школы, университеты, работать, выезжать за пределы своих городов. Наши сербские коллеги, вероятно, особенно хорошо понимают, о чем идет речь: в Сербии действовал комендантский час, людям запрещали выходить на улицу, ограничивали элементарные формы социальной жизни.

Именно тогда, на мой взгляд, начался процесс освобождения от одного из наиболее опасных транснациональных ударов по обществу и человеку. Я не знаю, как в России сегодня оценивают бывшего министра обороны и начальника Генерального штаба, но считаю, что именно эти люди сыграли значимую роль в освобождении мира от наиболее опасной формы глобального принуждения.

Сегодня я хотел бы говорить о главной угрозе, стоящей перед национальными государствами, – угрозе их самого существования. Крупнейшие национальные государства современности, прежде всего Россия и Китай, подвергаются системному давлению. Это давление исходит не только от отдельных государств, но и от транснациональных структур, которые имеют длительный исторический опыт разрушения национального суверенитета.

Национальные государства начали формироваться в XVI–XVII вв, когда происходило объединение различных народов в единую политическую общность либо формирование крупных государств на основе одного народа. В это же время действовали и ранние транснациональные структуры, наиболее ярким примером которых стала Ост-Индская компания. Она была не просто торговой организацией, а инструментом политического и экономического подчинения, своего рода «молотом» в руках транснациональных сил, разрушавших традиционные формы государственности.

Индия хорошо помнит последствия такого воздействия: Бенгалия, маратхские государства и другие политические образования испытали на себе разрушительное влияние подобных структур. Сегодня транснациональные силы действуют иначе, но логика остается прежней: давление на национальное государство осуществляется на разных уровнях – финансовом, продовольственном, институциональном, информационном и культурном.

Особое значение имеет финансовый удар. Болгария в течение 145 лет имела собственную национальную валюту – болгарский лев. Эта валюта была одним из символов государственного суверенитета. Однако с 1 января 2026 г., после перехода Болгарии на евро, национальная валюта была фактически ликвидирована. С моей точки зрения, это стало финансово-институциональным ударом по болгарскому государству со стороны Европейского союза и Европейского центрального банка.

Теперь наднациональная валюта будет доминировать над национальным государством. Болгарское правительство уже не сможет в полной мере самостоятельно формировать бюджет и определять расходы, не соотнося их с решениями европейских финансовых институтов во Франкфурте. Это означает ограничение бюджетного суверенитета, особенно в социальной сфере, где национальное государство должно иметь возможность самостоятельно принимать решения.

Другой важнейший удар по национальному государству связан с продовольственным суверенитетом. Об этом уже говорили наши коллеги из Центральной Азии. Современная глобалистская модель выстроена таким образом, чтобы ни одно государство не могло существовать полностью самостоятельно, без внешних поставок, торгового обмена и транспортных коридоров. Такая зависимость делает государство уязвимым.

Болгарии в этом отношении отчасти повезло: в стране сохранился и развивался зерновой сектор, поэтому хлеб у нас будет всегда. Однако по другим направлениям ситуация значительно сложнее. За последние десять лет производство мяса и молока резко сократилось. Это, на мой взгляд, связано с политикой Европейского союза и с директивами, которые ограничивают возможности национальных сельскохозяйственных производителей выращивать и производить именно то, что необходимо государству и обществу.

Следовательно, продовольственный суверенитет – это второй ключевой рубеж борьбы за национальное государство.

Есть и еще один, более скрытый, но не менее опасный процесс – приватизация национальных институтов. В Болгарии, в соответствии с европейскими директивами,

уже более десяти лет отсутствуют государственные судебные исполнители: их функции переданы частным структурам. Подобные процессы означают постепенное вытеснение государства из тех сфер, которые традиционно составляли основу его власти и ответственности.

Аналогичная логика проявляется и в сфере безопасности. Частные охранные структуры все чаще начинают дублировать функции полиции. На глобальном уровне действуют частные военные компании – своего рода современные наследники Ост-Индской компании, которые функционируют вне полноценного контроля национального законодательства и международного права.

Таким образом, демонтаж национального государства угрожает свободе всех народов. Национальное государство – это не просто административный аппарат. Это форма политической организации, которая гарантирует человеку свободу, безопасность и право на нормальную жизнь. Именно национальное государство превращает человека из бесправного индивида в гражданина.

Транснациональным структурам, напротив, не нужны свободные граждане. Им нужна атомизированная, аморфная масса потребителей, объединенная не общей культурой, не исторической памятью и не политической ответственностью, а страхом. В.В.Комлева в своем докладе уже говорила о роли страха в современных политических процессах. Страх сегодня активно используется через информационное пространство и направляется против государственных институтов, против доверия к ним, против самой идеи национального суверенитета.

Показательный пример – период пандемии. Мы помним, что даже 9 мая парад не состоялся, а граждане многих государств не могли выйти за пределы собственного дома. В Барселоне, например, людям разрешалось посещать только аптеку, расположенную на их улице; в аптеку другого квартала их уже могли не допустить. Это был не просто медицинский режим, а форма тотального социального контроля, основанного на страхе.

Болгарский народ имеет большой исторический опыт сопротивления внешнему давлению и оккупации. Болгария пережила византийское господство, затем османское владычество. Поэтому у нас существует особая историческая чувствительность к попыткам лишить народ свободы, государственности и самостоятельности.

Когда транснациональные структуры пытались сломать общество через финансы, через страх и через медицинское принуждение, люди находили способы сопротивления. Например, когда медицинским работникам выплачивались дополнительные премии за вакцинацию, общество вырабатывало собственные формы противодействия этому давлению. Это был своего рода контрфинансовый ответ на финансовое принуждение.

Я когда-то работал в медицинской компании и знаю, что для полноценной проверки лекарства или вакцины обычно требуется не менее двух лет испытаний, прежде чем препарат получает лицензию для применения в системе здравоохранения. Однако в период пандемии эти нормы фактически были отодвинуты. Люди забыли, что такое свобода; всем миром управлял страх. Но этот страх был побежден.

На мой взгляд, он был побежден русской армией, которая сегодня продолжает проливать кровь на западных рубежах русского этнокультурного пространства. Я благодарен русской армии. Не знаю, осознают ли это другие народы мира, но, с моей точки зрения, они получили свободу благодаря крови русских солдат.

Мы снова можем ездить на работу, отдыхать на курортах, свободно ходить по улицам. И во многом это стало возможным благодаря современной армии Российской Федерации – армии-освободительнице, армии, которая несет жертвы, но не сдается; армии, которая противостоит транснациональному миру, мировому капиталу и интересам глобалистов.

Для Болгарии русская армия – это армия, которая освобождала нас трижды. Мы помним это и воспринимаем ее как близкую нам исторически и духовно.

Эта близость имеет глубокие культурные основания. Более тысячи лет назад в Болгарском царстве появилась Первая славянская академия – Преславская книжная школа. Затем возникла Охридская книжная школа, где ученики Кирилла и Мефодия, память которых мы будем отмечать в ближайшие дни, создали уникальный культурный и коммуникационный продукт – славянскую письменность.

С современной точки зрения это была цивилизационная инновация, которая действует уже более тысячи лет. Она объединяет нас, помогает нам понимать друг друга и сохранять общее культурное пространство. Славянская письменность – это не только алфавит, но и основа нашего исторического единства.

Я надеюсь, что мы достойно отметим этот праздник. Пусть существует наш общий мир, наша общая культура и наша общая духовная связь. Ведь все это показывает, что мы действительно говорим на одном большом славянском языке, который имеет множество диалектов, но сохраняет общее цивилизационное основание.

Благодарю за внимание.

Саиди Дилафруз Раббизода, депутат Маджлиси намояндагон Маджлиси Оли Республики Таджикистан VII созыва, кандидат технических наук

Уважаемые коллеги!

Уважаемые организаторы и участники Международной научно-практической конференции!

От имени Парламента Республики Таджикистан приветствую всех участников сегодняшнего пленарного заседания и выражаю искреннюю признательность организаторам конференции – Национальному исследовательскому институту развития коммуникаций и Институту научной информации по общественным наукам РАН – за создание авторитетной международной площадки для открытого и профессионального диалога.

Современный мир вступил в период глубокой трансформации. Мы наблюдаем одновременно ускорение технологического прогресса, изменение архитектуры международных отношений, рост геополитической напряженности, климатические угрозы, энергетические и продовольственные вызовы. Эти процессы затрагивают все государства – независимо от их масштаба, уровня экономического развития или географического положения.

Особенность нынешнего этапа заключается в том, что риски становятся взаимосвязанными. Конфликты влияют на рынки продовольствия и энергии. Климатические изменения усиливают миграционные процессы и давление на водные ресурсы. Технологическое развитие открывает новые возможности, но одновременно создает угрозы кибербезопасности, информационной стабильности и социальной устойчивости.

Для Таджикистана, как и для многих государств Центральной Азии, вопросы безопасности, устойчивого развития и международного сотрудничества имеют стратегическое значение.

Наш регион находится на пересечении транспортных и геоэкономических процессов и постепенно становится пространством не только регионального взаимодействия, но и международного диалога. Поэтому особенно важно сохранять атмосферу доверия, взаимного уважения и прагматичного партнерства.

Республика Таджикистан последовательно выступает за укрепление добрососедских отношений со всеми странами региона. Сегодня Центральная Азия демонстрирует положительный пример конструктивного взаимодействия, развития политического диалога, экономической кооперации и совместного решения региональных вопросов. Мы убеждены, что именно атмосфера взаимного доверия и уважения национальных интересов является ключевым условием стабильности и устойчивого развития всего региона.

Одним из ключевых вызовов XXI в. становится проблема изменения климата и сохранения водных ресурсов. В этой связи хотела бы особо отметить глобальные инициативы Президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмона, направленные на продвижение международной климатической повестки.

По инициативе Таджикистана Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций приняла резолюцию об объявлении 2025 г. Международным годом сохранения ледников. Это решение стало важным международным признанием необходимости объединения усилий в борьбе с последствиями изменений климата.

Для Таджикистана тема ледников имеет не только экологическое, но и жизненно важное социально-экономическое значение. Ледники являются основным источником пресной воды в регионе, и их стремительное таяние представляет серьезную угрозу для устойчивого развития, продовольственной и энергетической безопасности миллионов людей.

Мы рассматриваем вопросы воды и климата не как предмет политических разногласий, а как основу для международного сотрудничества и солидарности. Именно поэтому Таджикистан на протяжении многих лет активно продвигает глобальную водную повестку и поддерживает развитие «зеленой» энергетики и экологически устойчивой экономики.

Не менее важным вопросом остается продовольственная безопасность. Последние годы показали, насколько уязвимыми могут быть глобальные цепочки поставок. В этих условиях особую актуальность приобретают региональная кооперация, развитие транспортных коридоров, цифровизация торговли и поддержка устойчивого сельского хозяйства.

Отдельно хотела бы отметить значение гуманитарного сотрудничества. В условиях глобальной турбулентности именно культура, образование, межпарламентский диалог и контакты между людьми становятся важнейшими инструментами укрепления доверия. Парламентская дипломатия сегодня играет все более значимую роль в поиске компромиссов и формировании атмосферы взаимопонимания.

Особое внимание необходимо уделять молодежи. Более половины населения многих стран нашего региона – молодые люди. Именно они будут определять будущее экономики, политики и международных отношений. Наша общая задача – создать условия, при которых молодое поколение будет видеть перспективы развития, образования и самореализации, а не становиться объектом радикальных идеологий и деструктивного влияния.

Уважаемые коллеги!

Сегодня мировому сообществу необходима новая культура международного взаимодействия, основанная на уважении суверенитета, равноправии, учете интересов друг друга и ответственности за общее будущее.

Таджикистан готов и далее вносить вклад в развитие конструктивного диалога, укрепление региональной стабильности и расширение международного сотрудничества.

Убеждена, что только совместными усилиями мы сможем превратить современные вызовы не в источник разделения, а в возможность для формирования более справедливого, устойчивого и безопасного мира.

Йованович Милош, депутат Народной скупщины Республики Сербия XIV созыва

Прежде всего хотел бы выразить благодарность за возможность принять участие в сегодняшней дискуссии. Для меня особенно важно, что в рамках этой конференции звучит сербский голос – не только в буквальном смысле, как сербский язык, но и как выражение сербской позиции, сербского исторического опыта и сербского взгляда на современные международные процессы.

Говоря о рисках, вызовах и возможностях современного мира, представляется целесообразным рассматривать их как минимум на двух уровнях. Первый уровень – политико-правовой, связанный с классическими отношениями между государствами, вопросами суверенитета, международного права и баланса сил. Второй уровень – идеологический и цивилизационный, затрагивающий проблему коллективной идентичности, культурной принадлежности и ценностного выбора.

Начну с первого уровня. Современная международная система находится в состоянии глубокой турбулентности. Те рамки, в которых государства существовали на протяжении нескольких десятилетий после Второй мировой войны и особенно после окончания холодной войны, в значительной степени утратили устойчивость. Международное право, которое должно было выполнять функцию универсального регулятора межгосударственных отношений, сегодня переживает глубокий кризис. При этом важно понимать, что речь идет не только о сегодняшнем дне. Международно-правовой порядок и ранее не всегда был равным и справедливым для всех участников мировой политики. Однако он создавал определенные рамки, внутри которых государства могли апеллировать к нормам, процедурам и принципам легитимности.

Сербский исторический опыт позволяет особенно остро видеть процесс разрушения этих рамок. На мой взгляд, один из ключевых этапов кризиса международного права начался в 1990-е гг. и был связан с отношением западных держав к Югославии. Распад Югославии показал, что принципы самоопределения, территориальной целостности и защиты прав народов стали применяться избирательно. Сербский народ оказался одной из главных жертв этого процесса. Право на политическое самоопределение и безопасность было признано за одними народами бывшей Югославии, но фактически ограничено для сербов, которые исторически проживают не только в Сербии, но и в других государствах региона.

Кульминацией этого процесса стало нападение НАТО на Союзную Республику Югославию. Для Сербии это событие стало не только военной и политической травмой, но и символом разрушения прежнего понимания международного права. Оно продемонстрировало, что применение силы может быть оправдано вне универсального правового консенсуса, если за ним стоит воля сильнейших акторов. Именно поэтому для сербского общества события

1999 г. имеют принципиальное значение. Они воспринимаются как момент, когда международное право перестало быть равным для всех.

С этой точки зрения события последних лет, в том числе украинский кризис, могут рассматриваться не как изолированное явление, а как продолжение более длительного процесса демонтажа прежнего мирового порядка. В современном мире усиливается ощущение, что при наличии достаточной силы и политической воли возможно практически любое действие, даже если оно вступает в противоречие с ранее провозглашенными нормами. Поэтому формирующийся многополярный мир, несмотря на открывающиеся возможности, остается нестабильным и конфликтным.

Для сербов особое значение имеет роль России в этой трансформации. Россия воспринимается не только как крупная мировая держава, но и как страна, исторически близкая сербскому народу в культурном, религиозном и цивилизационном отношении. Для нас, как для православного славянского народа, принципиально важно, чтобы Россия сохранила свое место в мировой политике и смогла отстоять право народов на суверенное развитие, историческую память и цивилизационную самобытность.

Второй уровень современных противоречий связан уже не столько с материальными условиями или межгосударственными конфликтами, сколько с идеологией. Как человек, живущий в Сербии и Европе и имевший опыт жизни в западноевропейском обществе, я понимаю силу западной идеологической модели. Однако именно с этой моделью я принципиально не согласен. Ее ключевая особенность заключается в радикальном акценте на индивидуализме, на первом лице единственного числа, что в перспективе ведет к деконструкции коллективных форм идентичности – семьи, народа, традиции, религиозной общности, исторической преемственности.

На Западе эта тенденция проявляется не только в сфере политики, но и в сфере антропологии. Например, трансформация представлений о браке, семье и родстве означает не просто изменение правовых норм. Речь идет о более глубоком процессе – пересмотре базовых оснований социальной жизни. В этом смысле можно говорить об антропологической революции, которая затрагивает само понимание человека, его принадлежности, его связи с семьей, родом, народом и культурой.

Поэтому современное противостояние нельзя сводить только к геополитике. Оно имеет и идеологическое измерение. Необходима борьба за альтернативный ценностный образец, который был бы основан не на разрушении коллективной идентичности, а на ее сохранении и развитии. Я убежден, что Россия способна сыграть важную роль в формировании такого контридеологического проекта – проекта, ориентированного на защиту традиции, народа, исторической памяти, суверенитета и коллективного начала.

В этом контексте положение Сербии является особенно сложным. Уже более тридцати лет Сербия находится в состоянии постоянного давления со стороны Запада. Геополитически она расположена на своеобразном перепутье. Во время холодной войны Югославия находилась между НАТО и Варшавским договором.

Сегодня Сербия окружена государствами – членами НАТО и Европейского союза. Это объективно создает для нее сложную внешнеполитическую ситуацию.

Перед Сербией стоит вопрос о возможном членстве в Европейском союзе. Однако для значительной части сербского общества этот вопрос не является исключительно экономическим или административным. Он имеет фундаментальное политическое и национальное значение. Сербия может войти в Европейский союз только при условии серьезных уступок, прежде всего в вопросе Косово. Признание независимости Косово означало бы для сербского народа отказ от части собственной территории, исторической памяти и национального достоинства.

В этой связи я хотел бы особо поблагодарить Российскую Федерацию за последовательную поддержку территориальной целостности и суверенитета Республики Сербия. Для нас это не второстепенный, а фундаментальный вопрос. Позиция России по Косово имеет огромное значение, поскольку она подтверждает, что принцип территориальной целостности не может применяться избирательно и не должен зависеть от политической конъюнктуры.

Кроме того, членство Сербии в Европейском союзе означало бы не только решение вопроса Косово, но и фактическое ограничение самостоятельности во внешней политике. Сербия должна была бы присоединиться к общей внешней политике и политике безопасности ЕС, включая антироссийский курс. Для нас это неприемлемо не только по политическим, но и по историческим, культурным и цивилизационным причинам.

Причины напряженности между Россией и Западом нельзя объяснить только геополитическими интересами. Здесь существует и более глубокое цивилизационное различие. Об этом писали русские мыслители, в том числе Н.Я.Данилевский и Н.А.Бердяев. Россия не является просто частью Запада. Она представляет собой особый историко-культурный мир, соединяющий в себе европейское и евразийское начала. Именно поэтому конфликт между Россией и Западом имеет не только политическое, но и онтологическое измерение: речь идет о разных представлениях о человеке, обществе, государстве, свободе и историческом предназначении.

Исходя из этого, моя позиция и позиция политической партии, которую я представляю, заключается в том, что Сербия не должна становиться членом Европейского союза ни при каких условиях, если ценой этого членства станет отказ от суверенитета, территориальной целостности, исторической памяти и самостоятельной внешней политики. Это будет сложная борьба, поскольку географическое положение Сербии и ориентация части политических элит создают сильное давление в пользу европейской интеграции. Однако сербский народ исторически умеет сопротивляться внешнему давлению и отстаивать свое право на самостоятельное существование.

Таким образом, современный мировой кризис необходимо понимать не только как кризис международных институтов или перераспределение сил между государствами. Это также кризис ценностей, идентичностей и цивилизационных моделей. Для Сербии данный кризис имеет непосредственное

значение, поскольку он затрагивает вопросы Косово, национального суверенитета, отношения к России, выбора внешнеполитического курса и сохранения коллективной идентичности. Именно поэтому сербская позиция должна звучать ясно – без суверенитета, без исторической памяти и без права народа на собственный путь невозможно ни подлинное развитие, ни справедливый международный порядок.

Благодарю за внимание.

Тадтаев Таймураз Валерьевич,
вице-спикер парламента Республики Южная
Осетия, кандидат исторических наук

Уважаемые коллеги, дорогие друзья!

Позвольте поприветствовать вас на этом важном мероприятии – X Международной научно-практической конференции «Россия и мир: диалоги». Значимость этой конференции определяется не только ее юбилейным статусом, но и исключительной актуальностью тем, которые сегодня находятся в центре нашего обсуждения.

Начать хотел бы с того, что в современных международных условиях особое значение приобретает диалог. Диалог, который ведет Россия, имеет принципиальное значение для многих государств и народов, связанных с ней исторически, политически и культурно. Для Республики Южная Осетия отношения с Россией имеют не краткосрочный, а глубоко исторический характер. Они измеряются не десятилетиями, а гораздо более продолжительным периодом совместной истории, общей памяти и союзнического взаимодействия.

За последние восемнадцать лет, с момента признания Российской Федерацией государственного суверенитета и независимости Республики Южная Осетия, между нашими государствами были подписаны три полноценных межгосударственных договора. Последний из них был подписан в особо значимый для нас день – 9 мая 2026 г. Это событие еще раз подтвердило стратегический вектор, обозначенный руководителями наших государств: сближение, сотрудничество и развитие братских отношений с Россией.

На протяжении многих лет мы доказывали себе и всему миру, что дружба между нашими народами является прочной и устойчивой. Эта связь подтверждалась не только политическими заявлениями, но и участием в ключевых исторических событиях, в том числе в войнах и международных испытаниях, через которые прошли наши народы.

Одним из важнейших оснований нашего единства является историческая память. Сегодня уже неоднократно говорилось о необходимости бережно относиться к прошлому, помнить тяжелый путь, который прошли наши народы, и сохранять память о Великой Победе. Для нас 9 мая – это священный праздник, который был, есть и всегда будет одним из главных символов исторической преемственности. В Республике Южная Осетия традиционно проходят акции «Бессмертный полк», сохраняется глубокое уважение к памяти ветеранов Великой Отечественной войны и к памятникам, посвященным их подвигу.

С этой трибуны хотел бы еще раз выразить благодарность Президенту Российской Федерации Владимиру Владимировичу Путину, который в прошлом году выделил из резервного фонда финансовые средства на восстановление и реконструкцию памятников ветеранам Великой Отечественной войны в Республике Южная Осетия. Благодаря этой поддержке даже в моем небольшом отдаленном селе впервые за восемьдесят лет был установлен памятник ветеранам Великой

Отечественной войны. Для нас это имеет огромное значение, поскольку народ Южной Осетии внес свой вклад в общую Победу советского народа над фашистской Германией.

Сохранение исторической памяти особенно важно сегодня, когда в мире вновь проявляются опасные политические тенденции. Общаясь с коллегами и друзьями из разных стран, я еще раз убедился в том, что незнание истории и отказ от уважения к памяти прошлого способны привести к повторению трагических событий. Если мы перестанем помнить, что происходило всего лишь несколько десятилетий назад, мир вновь может столкнуться с угрозами, которые уже однажды привели человечество к катастрофе.

И сегодня Республика Южная Осетия вместе с Россией проходит через серьезные испытания. Наши люди находятся рядом с российскими товарищами в зоне специальной военной операции, участвуют в общей борьбе и воспринимают ее как борьбу за общие интересы, безопасность и будущее. Это подтверждает, что наши союзнические отношения имеют не только формально-правовой, но и ценностный, исторический и человеческий характер.

Республика Южная Осетия исторически связывала свою судьбу с Россией. Эти отношения формировались на протяжении длительного времени, в том числе в период Российской империи и последующих исторических этапов. В периоды распада прежних государственных форм Осетия последовательно выражала стремление сохранить связь с Россией и быть частью общего исторического пространства. Так было и в период распада Российской империи, и позднее, во время распада Советского Союза, когда Южная Осетия стремилась сохранить свою принадлежность к общему союзному пространству.

Эти процессы подробно изучены современными исследователями и являются важной частью политической истории нашего региона. Сегодня, спустя десятилетия, мир стремительно меняется, но для нас неизменным остается главное – необходимость укреплять союзнические и братские отношения с Россией, развивать сотрудничество и делать все возможное для улучшения жизни наших народов.

Современный мир находится в состоянии сложного геополитического равновесия. От того, какую позицию займут государства, народы и бывшие союзники, во многом зависит будущее следующих поколений. Именно поэтому сегодня особенно важно понимать, что мир – это не абстрактное понятие, а результат ответственного выбора, исторической памяти и готовности защищать справедливый порядок. В этом смысле название конференции – «Россия и мир» – является очень точным и содержательным.

В завершение хочу пожелать всем коллегам и друзьям, приехавшим из разных стран, мира, добра и плодотворной работы. Мир всегда лучше любого конфликта, и именно ради мира, безопасности и будущего мы должны сохранять диалог, укреплять историческую память и развивать сотрудничество.

Благодарю за внимание.

Айдарбеков Чингиз Азаматович, экс-министр иностранных дел Кыргызской Республики, депутат Жогорку Кенеша VII созыва Кыргызской Республики, кандидат юридических наук

Добрый день, уважаемые участники, дамы и господа!

В настоящее время происходящие в мире события определяют и ведут к тектоническим изменениям. Поэтому тема нашего обсуждения – «риски, угрозы и возможности в современном мире» – как никогда актуальна!

Мир меняется не постепенно – он трансформируется быстро, глобально, глубоко, зачастую болезненно.

Меняются центры силы, модели экономики, структура международных отношений, технологическая архитектура, ценностные ориентиры общества и даже само понимание человеческой природы.

Сегодня человечество одновременно сталкивается с несколькими кризисами, которые накладываются друг на друга и формируют новую глобальную реальность и турбулентность.

И именно поэтому вопрос оценки рисков, угроз и возможностей становится не только научной или политической задачей, но и вопросом цивилизационного выбора.

Говоря о глобальных рисках, прежде всего необходимо признать, что современный мир вошел в период глубокого кризиса доверия.

Мы наблюдаем кризис доверия между государствами.

Кризис доверия между обществом и институтами власти.

Кризис доверия между человеком и информацией.

И, возможно, самый опасный кризис – утрата веры человека в устойчивое будущее и его предсказуемость.

Среди глобальных угроз особенно выделяется нарастающая геополитическая фрагментация.

Формируется новая многополярность, новая геополитическая архитектура, и переход к ней сопровождается жесткой конкуренцией, санкционными войнами, конфликтами интересов и попытками сохранить старые модели доминирования любыми способами.

Созданные 80 лет назад после Второй мировой войны международные институты испытывают серьезный кризис эффективности. Мы видим рост региональных конфликтов, превалирование жесткой силы в международных отношениях и, как следствие, усиление гонки вооружений.

Наращивание маховика военного производства во многих странах мира – это крайне тревожный сигнал.

Переход ведущих экономик на военные рельсы не сулит ничего хорошего.

Серьезным глобальным риском также является технологический дисбаланс.

Сегодня государства конкурируют уже не только за территории и ресурсы. Они

конкурируют за данные, алгоритмы, вычислительные мощности и контроль над сознанием.

Человечество вступило в эпоху искусственного интеллекта, больших данных, цифрового контроля и биотехнологий.

Мы свидетели новой научно-технической революции, последствия которой неизбежно повлияют на судьбу всего человечества, причем в очень короткие сроки.

Да, технологии открывают колоссальные возможности. Но одновременно они создают новые формы неравенства.

Прежние технологические революции давали преимущество в экономическом рывке многих государств.

Новые же технологии – это мощнейший инструмент в руках ограниченного круга государств, которые, используя передовые достижения в сочетании с искусственным интеллектом, будут способны диктовать свои правила игры всему остальному человечеству.

Искусственный интеллект может стать инструментом тотального контроля, информационных манипуляций и разрушения миллионов рабочих мест.

В ближайшие годы совмещение искусственного интеллекта с робототехникой способно будет компенсировать последствия демографического спада в конкретных государствах и обеспечить их глобальное технологическое доминирование.

При этом человечество столкнется с очень серьезным вопросом: сможет ли мораль и гуманизм успевать за скоростью технологий?

Совпадение это или нет, но факт остается фактом: за период борьбы с глобальной пандемией COVID-19, а также обострения на Евразийском континенте ситуаций и конфликтов в мире произошли фундаментальные сдвиги. Мы видим, какой колоссальный технологический рывок совершили самые передовые экономики, в том числе по внедрению систем персонального контроля и обработки данных за последние 6 лет.

Какие контрмеры способны предпринять наши государства и на сколько они будут эффективны? Это экзистенциальный вопрос для наших государств.

К числу глобальных рисков можно отнести деградацию духовно-нравственных ориентиров.

Мы наблюдаем рост эгоцентризма, поляризации общества, кризис семьи, культуры диалога и ответственности.

Проблема, как я понимаю, в превалировании материально ориентированного сознания современного человека. Ценностные ориентиры сместились с духовно-нравственных в сторону оценки материальных достижений человека во всех сферах жизнедеятельности общества.

Современный мир становится все более технологичным, но не всегда более человечным.

Экономический прогресс не гарантирует внутреннего развития человека. И если человечество не научится сочетать научный прогресс с духовной зрелостью, то многие достижения могут обернуться против самого человека.

Безусловно, определяющим фактором будущего наших государств являются климатические изменения, которые способны менять традиционный уклад жизни

народов, влиять на целые регионы. В частности, государства ЦА сталкиваются с этим непосредственно. За последние 10 лет количество наших ледников уменьшилось более чем на 20 процентов. При сохранении таких тенденций в ближайшие 15–20 лет, по имеющимся прогнозам, ледники Кыргызстана и Таджикистана могут потерять более 25% общей площади поверхности.

Глобальным риском являются также изменения мировой экономики.

Мировая финансовая система переживает серьезную трансформацию. Снижается доверие к прежним экономическим моделям. Растет долговая нагрузка государств. Усиливается борьба за энергоресурсы, логистические маршруты, продовольственную безопасность.

Несмотря на все это, каждый период мировой трансформации одновременно несет риски и открывает окно возможностей.

Сегодня формируется новая архитектура мира. И у государств, обладающих стратегическим мышлением, культурной устойчивостью и человеческим потенциалом, появляется шанс занять достойное место в будущем.

Главной ценностью XXI в. становится не только экономика и ресурсы. Главной ценностью становится человек.

Человеческий капитал. Интеллект. Культура. Образование. Способность общества к объединению. Все это ключи к успеху.

Будущее будет принадлежать не самым агрессивным, а самым устойчивым. Не самым громким, а самым мудрым.

В новом многополярном мире для нас особенно важно не только сохранить стратегическую устойчивость, но и сформировать привлекательную модель будущего.

В XXI в. конкурируют не только армии и экономики. Конкурируют идеи. Ценности. Смыслы.

Благодарю вас за внимание.

Назаралиев Ислам Замирович,
председатель Российско-Таджикского делового
совета при Торгово-промышленной палате
Российской Федерации, генеральный директор
АНО «Международный центр региональной
интеграции»

Уважаемые коллеги, дамы и господа!

Прежде всего позвольте от души поблагодарить директора НИИРК Владислава Ивановича Гасумянова – за приглашение, за многолетнюю работу по выстраиванию содержательного экспертного диалога на евразийском пространстве и за то, что юбилейная, десятая конференция «Россия и мир» год за годом остается одной из тех немногих площадок, где академическая глубина встречается с практикой государственного управления и реального бизнеса. Для меня большая честь выступать здесь, в стенах ИНИОН РАН, в столь представительном составе.

Прежде чем перейти к нашему проекту, позвольте обозначить контекст. Гуманитарное и цифровое пространство Центральной Азии сегодня – поле острой конкуренции. Целый ряд внерегиональных игроков заходит в регион не с декларациями, а с конкретными проектами и ресурсами – по линиям образования и работы с молодежью, медиа, культурной и языковой политики, цифровой инфраструктуры, искусственного интеллекта, критических минералов и логистики. Каждое из этих направлений несет свои риски и вызовы для российского присутствия. В самой Центральной Азии параллельно начинает формироваться собственная цифровая архитектура – на базе национальных решений и с учетом лучших иностранных практик, причем во многих случаях без российского участия. Россия по-прежнему сохраняет статус ключевого экономического партнера региона, однако именно в стратегических отраслях новой интеграции – информационно-коммуникационных технологиях, транспорте, цифровой инфраструктуре – наше участие пока недостаточно соответствует масштабу процессов. Существует риск, что из естественного субъекта внутрирегиональной интеграции мы постепенно перейдем в позицию внешнего игрока – особенно там, где определяется облик региона завтрашнего дня. Этот риск усиливается еще одним обстоятельством: пока новые игроки работают непосредственно «на земле» – с проектами, инвестициями, цифровыми платформами, – российский подход во многом остается аналитико-кабинетным, что создает известный разрыв между живой динамикой региона и нашей позицией. Сохраняющееся языковое и культурное преимущество – это во многом наследие нашей естественной включенности в регион; но и оно – не вечный ресурс: без системной работы с медиа, контентом и молодежью его можно утратить уже в следующем поколении. Для нас это окно возможностей: запускаемые региональные цифровые и инфраструктурные инициативы объективно нуждаются в российском вкладе – в энергетике, промышленных решениях, образовательной и научной базе. Если мы не предложим себя как соавтора этой архитектуры сегодня, место будет занято другими, причем в обозримой перспективе. И есть еще одно обстоятельство, на

первый взгляд менее очевидное, но, на мой взгляд, фундаментальное. За последние десятилетия мы – и Россия, и страны Центральной Азии – стали хуже знать друг друга. Сменились поколения, истончились прямые человеческие связи, образ соседа всё чаще формируется не личным опытом, а чужими медиа и чужими интерпретациями. А без живого взаимного знания, без того, что на разных уровнях видишь и понимаешь своими глазами, никакая, даже самая выверенная, стратегия интеграции не сможет работать в полную силу. Именно поэтому формат «Путешествия в Сердце Евразии» – это не только народная дипломатия, но и инструмент расширения позитивной интеграции в гуманитарном и цифровом контурах региона.

Тема нашей конференции – «Новая реальность». А новая реальность Евразии устроена так, что ее больше нельзя изучать из столичных кабинетов. Перефразируя Гоголя: чтобы понять, что сегодня представляет собой Центральная Азия и какое место в ней занимает Россия, «нужно непременно проездиться самому. Слухам не верьте никаким».

Именно поэтому летом 2025 г. АНО «Международный центр региональной интеграции» совместно с Российско-Таджикским деловым советом и более чем 50 партнерами – среди них Фонд «Росконгресс», Госкорпорация «Росатом», АВТОВАЗ, Институт востоковедения РАН, Институт этнологии и антропологии РАН и др. – организовали международную экспедицию «Путешествие в Сердце Евразии».

Несколько ключевых цифр для понимания масштаба:

- 5 стран – Россия, Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан, Таджикистан;
- более 11 000 км пути – от ВДНХ в Москве до села Нижний Пяндж на границе Таджикистана и Афганистана;
- 42 города, 51 день, более 150 деловых, научных, культурных и медийных мероприятий;
- 20 тыс. участников по маршруту и охват порядка 1,2 млрд контактов в СМИ и социальных сетях.

Экспедиция получила приветствия Президента России Владимира Владимировича Путина, Президента Таджикистана Эмомали Шариловича Рахмона, Председателя Совета Федерации Валентины Ивановны Матвиенко, поддержку Исполкома СНГ и ТПП России. Президент России охарактеризовал ее как «прекрасный пример народной дипломатии». Для нас это и определение, и задача.

В чем, на наш взгляд, новизна формата.

Классическая народная дипломатия – это, как правило, культурный обмен и побратимство регионов и городов. Мы предложили модель, в которой в едином маршруте, в одном «караване дружбы», синхронизированы четыре трека:

1. Деловой – комплекс деловых мероприятий, прямые контракты, выход МСП региона на внешние рынки, в том числе маркетплейсы стран Центральной Азии и России, и итоговый Центральноазиатский международный экономический форум в Душанбе.

2. Научно-экспертный – совместные сессии и конференции с академическими партнерами, в том числе по водно-энергетической проблематике, цифровой трансформации и защите интеллектуальной собственности.

3. Гуманитарно-культурный – «Сады дружбы» и возложения цветов к

монументам Победы в год ее 80-летия, мероприятия по продвижению русского языка.

4. Медийный – 78 блогеров и журналистов из стран Латинской и Северной Америки, Европы и Евразии, контент на пяти языках, более 11 тыс. публикаций и совокупный потенциальный медиаохват свыше 1,2 млрд человек.

Принципиальное отличие от привычных форматов – мы сознательно отказались от вертикально-императивной модели в пользу горизонтальных связей: «регион – региону», «город – городу», «вуз – вузу», «человек – человеку». И этот подход оказался быстрее и эффективнее официальных протоколов: договоренности и новые проекты рождались прямо по ходу маршрута. Наш девиз «Узнавай, доверяй, дружи, создавай» доказал свою жизнеспособность.

Позвольте поделиться выводами, которые мы получили «с земли» по ходу маршрута.

Первое. Центральная Азия – это по-прежнему единое пространство, скрепленное четырьмя мощными связями: русским языком как *lingua franca* делового и научного общения; географической связностью; глубокой экономической взаимозависимостью в энергетике, воде, сельском хозяйстве и цифре; общим историческим наследием.

Второе. В регионе идет конкуренция за рынки, ресурсы, инфраструктуру и умы. Если Россия не предлагает свою комплексную повестку, ее предлагают другие.

Третье. Запрос на Россию в регионе огромен, особенно на муниципальном и областном уровнях, в среде предпринимателей и молодежи. Наши семинары по работе на российских цифровых платформах собирали полные залы. Но этот запрос – не вечен; без системной работы с медиа и контентом языковое преимущество можно потерять за одно поколение.

Уважаемые коллеги, в развитие повестки сегодняшнего диалога – и особенно Сессии 7, посвященной 35-летию СНГ, – позвольте внести одно конкретное предложение.

Полагаем, что формат большой ежегодной евразийской экспедиции заслуживает закрепления как регулярного инструмента народной дипломатии и интеграции в повестку СНГ – с понятной институциональной «пропиской», календарем и измеримыми результатами на стыке делового, научного, гуманитарного и медийного треков.

Уже в этом году совместно с НИУ ВШЭ, Русским географическим обществом и Институтом востоковедения РАН мы готовим следующий шаг: научно-медийную экспедицию по Памирскому тракту. Приглашаем НИИРК и партнеров присоединиться к этой работе – и как к экспертной площадке, и как к соавторам аналитических продуктов по ее итогам.

Новая реальность Евразии – это реальность, в которой выигрывает тот, кто умеет соединять масштаб государственной стратегии с живой энергией людей, регионов и бизнеса. Экспедиция «Путешествие в Сердце Евразии» показала: такой синтез возможен, востребован и дает измеримый результат.

Еще раз благодарю Владислава Ивановича Гасумянова и команду НИИРК за возможность представить этот опыт сегодня здесь. Готовы к сотрудничеству и предметному диалогу.

Спасибо за внимание.

Экспертная дискуссия «Россия и Южный Кавказ: диалог в новой реальности»

Айвазян Диана Степановна,
кандидат политических наук,
независимый исследователь

Организация тюркских государств во внешней политике Азербайджанской Республики и интересы России

АННОТАЦИЯ

В докладе изучается роль Организации тюркских государств (ОТГ) во внешней политике Азербайджанской Республики во время ее председательства в организации в период с осени 2025 г. по осень 2026 г. Выявляются сферы сотрудничества стран-членов ОТГ. В контексте сотрудничества в сфере безопасности анализируется вероятность реализации совместных военных учений в рамках ОТГ, предложенных Азербайджанской Республикой во время работы двенадцатого саммита ОТГ в октябре 2025 г. Выявляются возможности для сопряжения евразийской интеграции и сотрудничества в рамках ОТГ, основанного на концепции общего тюркского пространства. Автор приходит к выводу о том, что наиболее вероятным сценарием может быть проведение в середине октября – конце ноября 2026 г. региональных военных учений в Азербайджане или других странах-членах ОТГ с участием части или большинства стран-членов ОТГ, а также, возможно, наблюдателей и партнеров. В связи с тем, что сотрудничество стран-членов ОТГ в сфере безопасности направлено на противодействие транснациональным угрозам, для Российской Федерации представляется значимым сопряжение сотрудничества в сфере безопасности в рамках ОТГ с регулярными военными учениями с участием всех каспийских прибрежных государств, а также интенсификация военно-технического сотрудничества России со странами Центральной Азии.

Ключевые слова: Организация тюркских государств, Азербайджанская Республика, военные учения, Российская Федерация

Деятельность Организации тюркских государств (далее – ОТГ), созданной в 2009 г., требует постоянного мониторинга со стороны Российской Федерации как организации, действующей в регионах ее ближайшего соседства – Центральной Азии и на Южном Кавказе. В состав ОТГ входят Турецкая Республика, Азербайджанская Республика, Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан (с 2019 г.). В качестве наблюдателей в деятельности ОТГ участвуют Венгрия с 2018 г., Туркменистан – с 2021 г., Турецкая Республика Северного Кипра – с 2022 г., Организация экономического сотрудничества – с 2023 г. Принцип «общего тюркского пространства» (закреплен в Хартии тюркского мира, принятой на саммите ОТГ в Бишкеке в ноябре 2024 г.¹), основанный на общности истории, языка, культуры, традиций тюркских стран, выступает предпосылкой для укрепления торгово-экономических, инвестиционных, транспортных связей между странами-членами ОТГ. Для тюркских стран это создает дополнительный инструмент балансирования между Россией, Китаем, Турцией и западными партнерами.

¹ Charter of the Turkic World. Organization of Turkic States. URL: <https://turkicstates.org/u/Charter.pdf>.

На 2026 г. председательство в ОТГ по итогам последнего саммита организации 5–7 октября 2025 г. в г. Габала (Азербайджанская Республика) перешло от Кыргызстана к Азербайджанской Республике вплоть до следующего, 13-го саммита глав тюркских государств в 2026 г. в Турции. Для Азербайджана участие в ОТГ особенно важно. После 2020 г. Баку укрепляет роль международного транспортного хаба и энергетического моста между Турцией, странами Центральной Азии и странами Европейского союза, опираясь в том числе на успех мирного саммита в Вашингтоне 8 августа 2025 г. с участием Армении, Азербайджана и США. В 2025 г. товарооборот Азербайджана со странами ОТГ увеличился более чем на 5%, до 7,3 млрд долл.² Азербайджан открыл совместные инвестиционные фонды с Узбекистаном в 2023 г., с Казахстаном – в 2024 г., а с Кыргызстаном – Азербайджано-Кыргызский фонд развития – в октябре 2022 г. с целью в том числе продвижения Срединного коридора (Транскаспийского международного транспортного маршрута). Поддерживая усилившуюся роль Азербайджана в ОТГ после 2020 г., Турция получает возможность развивать интеграцию тюркских стран, не показывая себя единственным лидером в организации (Турция – бенефициар Срединного коридора).

На последнем саммите ОТГ Президент Азербайджанской Республики И.Г.Алиев предложил провести в 2026 г. совместные военные учения всех стран-членов ОТГ (первые за историю существования ОТГ). В случае их проведения Азербайджан укрепит свою роль в ОТГ совместными оборонными мероприятиями, которые должны будут в том числе обеспечивать безопасность Срединного коридора. Факт совместных военных учений также будет сдерживать потенциальное противостояние с Ираном на фоне военного обострения конфликта вокруг ядерной программы Ирана и сотрудничества Азербайджана в военно-технической, энергетической сферах с Израилем – традиционным оппонентом Ирана. Азербайджан уже смог заручиться дипломатической поддержкой стран-членов ОТГ после инцидента с падением беспилотных летательных аппаратов (далее – БПЛА) в Нахичеванской автономной республике (далее – НАР) 5 марта, летевших со стороны Ирана. Совет министров иностранных дел ОТГ выпустил 7 марта совместное заявление, выразив солидарность тюркских стран с интересами безопасности Турции и Азербайджана³.

Вместе с тем участники саммита не включили предложение Баку в декларацию по итогам саммита. Можно предположить, что если инициатива обсуждалась в рамках ОТГ еще при подготовке саммита в октябре 2025 г., то не был достигнут консенсус. Вплоть до 11 ноября 2026 г. в календаре мероприятий организации на 2026 г. совместные военные учения не запланированы. Возможны три сценария.

Первый – отказ от проведения военных учений в Азербайджане с участием всех стран-членов ОТГ, поскольку такой шаг потенциально вступает в конфликт с обязательствами Казахстана, Кыргызстана как стран-членов ОДКБ, особенно если

² Товарооборот Азербайджана со странами ОТГ в 2025 году увеличился более чем на 5%. 2 апреля 2026. Report. URL: <https://report.az/ru/vneshnyaya-politika/tovarooborot-azerbajdzhana-so-stranami-otg-v-2025-godu-uvlechilsya-boleem-na-5>.

³ Joint Statement of the Council of Foreign Ministers of the Organization of Turkic States on Recent Developments in the Middle East – Istanbul, 7 March 2026. Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Türkiye. URL: <https://www.mfa.gov.tr/joint-statement-of-the-council-of-foreign-ministers-of-the-organization-of-turkic-states-on-recent-developments-in-the-middle-east-istanbul-7-3-2026.en.mfa#>.

в учениях принимает участие Турция, одновременно входящая в Организацию Североатлантического договора (далее – НАТО). Основной спектр транснациональных угроз для Кыргызстана и Узбекистана сосредоточен в Центральной Азии, а не на Южном Кавказе, и, в отличие от Казахстана, они не имеют общей морской границы с Азербайджаном на Каспийском море.

Второй, менее вероятный, – проведение совместных военных учений в ноябре 2026 г. в Азербайджане / Турции для отработки тактических задач в преддверии очередного саммита ОТГ, проведение которого запланировано осенью 2026 г. в Турции.

Третий, наиболее вероятный (в продолжение первого сценария), – проведение в середине октября – конце ноября 2026 г. региональных военных учений в Азербайджане «Единство-2026» с участием части или большинства стран-членов ОТГ, а также, возможно, наблюдателей и партнеров. Такой формат позволил бы Баку сохранить инициативу, избежать прямого конфликта с обязательствами Казахстана и Кыргызстана по линии ОДКБ и одновременно закрепить безопасность Среднего коридора как один из аргументов в пользу военно-политической координации тюркских государств.

До настоящего времени страны-члены ОТГ проводили учения преимущественно в двустороннем (с участием Турции и Азербайджана) и трехстороннем форматах, а многосторонние учения проводились с участием стран, не входящих в ОТГ (Пакистана, Таджикистана, Катара и др.) (Таблица).

Для Казахстана, Кыргызстана и Узбекистана первостепенную значимость представляют экономические проекты в рамках ОТГ, а не оборонное сотрудничество. ОТГ заявляют целью военного сотрудничества вплоть до 2040 г. противодействие транснациональным угрозам – экстремизму, терроризму, незаконной торговли наркотиками, незаконной миграции, работорговле⁴. Страны-члены ОТГ, в отличие от НАТО, официально не включают отдельные страны в качестве угроз. В этой связи в краткосрочной перспективе потенциальные военные учения с участием стран-членов ОТГ не несут в себе военные риски для Российской Федерации.

Для Российской Федерации представляется значимым сопряжение евразийской интеграции с сотрудничеством тюркских стран в рамках ОТГ. На стратегическом уровне представляется целесообразным укрепление экономической интеграции с Казахстаном и Кыргызстаном в рамках ЕАЭС. Возможно формирование для Узбекистана пакета стимулов для постепенного перехода от статуса наблюдателя к более тесному формату взаимодействия с Союзом. Это упростило бы для страны ведение торговли со странами-членами ЕАЭС, стимулировало бы транспортную связанность Узбекистана со странами-членами ЕАЭС. Узбекистан получил статус государства-наблюдателя при ЕАЭС в 2020 г. Полноценное членство требует политического решения самого Ташкента и согласования с государствами – членами Союза. В отношении Азербайджана целесообразно рассмотреть возможность политического диалога о статусе наблюдателя при ЕАЭС. Это могло бы укрепить экономическую основу мирной повестки между Азербайджаном и Арменией, способствовать большей

4 Turkic Vision 2040. Centre for Eurasian Studies. URL: <https://avim.org.tr/public/images/uploads/files/turkic-world-vision-2040-2396-97.pdf>.

Таблица. Военные учения с участием стран-членов Организации тюркских государств, 2025–2026 гг.

Учения, 2025 -2026 гг.	Участники	Место проведения	Задачи
Ежегодные учения «Erçiyes», 2025	Турция и Азербайджан	Провинция Кайсери (Турецкая Республика)	Повышение боевой готовности воздушно-десантных войск, совместные операции Турции с союзными странами
Ежегодные учения «Несокрушимое братство» и «Мустафа Кемаль Ататюрк» 2025; «Несокрушимое братство» и «Гейдар Алиев», начало апреля 2026 г.	Турция и Азербайджан, отдельная общевойсковая армия НАР (учения «Мустафа Кемаль Ататюрк», «Гейдар Алиев»)	Нахичевань (2025 г., Азербайджан); Сарыкамыш, провинция Карс, г. Карс (2026 г., Турецкая Республика)	Углубление оперативной совместимости: выполнение различных учебно-боевых задач танковыми, механизированными подразделениями и подразделениями командос при поддержке артиллерии, подразделений противовоздушной обороны и авиации
Международные учения специального назначения «Anadolu-2025», конец июня – 3 июля 2025 г.	Турция, Азербайджан, Казахстан, Кыргызстан, Пакистан, Узбекистан, Туркменистан, Катар, Грузия, Саудовская Аравия и др. (всего 33 страны)	Конья, Турецкая Республика	Повышение боевой выучки, обмен опытом и укрепление взаимодействия с подразделениями специального назначения: отработка действий в городских условиях, беспарашютного десантирования, эвакуации раненых и применения БПЛА
Международные учения «Вечное братство», сентябрь 2025 г.	Азербайджан, Казахстан, Катар, Узбекистан, Пакистан, Турция	г. Баку, Азербайджанская Республика	Обмен опытом за счет проведения совместных специальных операций между силами специального назначения дружественных и союзных стран, совершенствование навыков организации взаимодействия, а также развитие возможностей и умений по проведению совместных операций в случае необходимости
Международные учения «Единство», октябрь 2025 г.	Узбекистан, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Азербайджан	Полигон «Каттакурган», Узбекистан	Обмен опытом по тактической подготовке, подготовке по связи и военно-медицинской подготовке подразделений министерств обороны участвующих стран

Источник: составлено автором на основе данных Министерства обороны Азербайджанской Республики, Министерства национальной обороны Турецкой Республики, Министерства обороны Республики Узбекистан

вовлеченности Баку в евразийское экономическое пространство и создать условия для сопряжения Среднего коридора с Международным транспортным коридором «Север – Юг».

В военно-технической сфере целесообразно развивать совместные производства БПЛА в странах Центральной Азии, конкурентоспособные с китайскими и турецкими

БПЛА по техническим характеристикам, цене и целевому использованию в гражданской и военной отраслях. Представляется значимым обеспечить регулярность проведения многосторонних военных учений на Каспийском море с участием всех прибрежных государств (РФ, Казахстана, Туркменистана, Азербайджана, Ирана) и увеличить их частоту (от одного до двух раз в год). Для укрепления долгосрочного военного сотрудничества представляется целесообразным в ближайшие несколько лет расширить квоты на бесплатное обучение в военных вузах для стран-членов ОТГ, входящих в ОДКБ и СНГ. В перспективе такое обучение расширит возможности экспорта российского вооружения в страны-члены ОТГ, а также позволит сохранить кадровую, доктринальную и техническую связность с российской военной школой и расширить возможности военно-технического сотрудничества России со странами ОТГ.

Гукасян Арман Феликсович,
директор Гуманитарного фонда
«Международный институт развития
коммуникаций» (Армения), политолог

Новая архитектура Южного Кавказа: кто и как формирует будущее региона

АННОТАЦИЯ

Доклад посвящен трансформации геополитической архитектуры Южного Кавказа после 2020 г. Регион переходит в состояние многовекторной конкуренции между Россией, Турцией, ЕС, США, Ираном и Китаем, где борьба разворачивается за транспортные коридоры, энергетические потоки и модели развития. Автор подчеркивает, что ключевой вызов для стран региона – сохранение субъектности через прагматичную, сбалансированную политику, внутреннюю устойчивость и защиту от превращения внутриполитических расколов в инструмент внешнего давления. Итоговый вопрос: сможет ли Южный Кавказ стать пространством сотрудничества или останется ареной глобального противостояния?

Ключевые слова: Южный Кавказ, геополитическая архитектура, многовекторная конкуренция, транспортные коридоры, Россия, Турция, ЕС, США, Иран, Китай, субъектность малых государств, региональная безопасность, прагматизм

Южный Кавказ сегодня переживает один из самых переломных этапов своей современной истории. Регион, который еще недавно воспринимался многими мировыми центрами силы как периферия глобальной политики, стремительно превращается в одно из ключевых пространств геополитической конкуренции. Здесь пересекаются интересы России, Турции, Европейского союза, США, Ирана, Китая и других игроков, каждый из которых пытается закрепить собственное влияние и сформировать выгодную для себя архитектуру будущего региона.

После событий 2020 г. и Второй Карабахской войны прежняя система балансов фактически была разрушена. Старые механизмы сдерживания и договоренностей перестали полноценно работать, а новые правила еще окончательно не сформированы. Именно поэтому Южный Кавказ сегодня находится в состоянии переходного периода, когда формируется совершенно новая политическая и геоэкономическая реальность.

Главная особенность нынешнего этапа заключается в отсутствии единого доминирующего центра силы. Если раньше в регионе существовали более понятные линии влияния, то сегодня Южный Кавказ становится зоной многовекторной конкуренции. Разные государства и блоки одновременно пытаются укрепить свои позиции в вопросах безопасности, энергетики, транспортных коммуникаций, логистики, цифровой инфраструктуры, экономики и информационного пространства.

Особое значение приобретает борьба за транспортные маршруты. Южный Кавказ постепенно превращается в один из важнейших узлов глобальных логистических цепочек. Речь идет не просто о дорогах или железнодорожных линиях.

Речь идет о контроле над будущими экономическими потоками между Европой и Азией. Север – Юг, Средний коридор, энергетические коммуникации, цифровые сети, – всё это становится частью новой геополитической карты региона. Фактически сегодня идет борьба не только за территории, но и за маршруты, через которые будет проходить экономика будущего.

После 2020 г. значительно усилила свои позиции Турция. Анкара смогла превратить военный и политический успех Азербайджана в инструмент долгосрочного укрепления собственного влияния на Южном Кавказе. Турция сегодня стремится выступать не просто партнером отдельных стран региона, а одним из главных архитекторов нового регионального порядка. Это касается как вопросов безопасности, так и экономики, энергетики и транспортных проектов.

Одновременно Анкара пытается играть всё более заметную роль и в армяно-азербайджанском переговорном процессе, а также в вопросе армяно-турецкой нормализации. Несмотря на сохраняющиеся серьезные противоречия, Турция рассматривает процесс нормализации отношений с Арменией как часть более широкой стратегии укрепления собственного влияния в регионе и создания новой конфигурации коммуникаций на Южном Кавказе.

Россия, несмотря на серьезные внешнеполитические вызовы последних лет и попытки ослабления ее позиций, продолжает сохранять значительное влияние в регионе. Российское присутствие остается глубоким в инфраструктурной, экономической, гуманитарной и энергетической сферах. При этом Москва постепенно переходит от политики инерционного присутствия к более долгосрочной и системной стратегии работы на Южном Кавказе, понимая, что борьба за влияние в регионе будет носить не краткосрочный, а стратегический характер.

В этих условиях для России особое значение приобретают использование инструментов «мягкой силы», долгосрочная работа с общественным мнением, гуманитарными связями, образовательными программами, экспертной средой и информационным пространством. Очевидно, что в новых реалиях одного только традиционного политического и военного присутствия уже недостаточно для сохранения устойчивого влияния в регионе.

Западные страны, прежде всего Европейский союз и США, также существенно активизировали свою деятельность. Для них Южный Кавказ является важной частью стратегии по ограничению российского влияния и расширению собственного политического, нормативного и институционального присутствия. Европа предлагает региону программы интеграции, реформ, инфраструктурного сотрудничества и политической поддержки.

Одним из наиболее заметных элементов этого присутствия стала гражданская миссия Европейского союза на армяно-азербайджанской границе, действующая уже более двух лет. Несмотря на формально гражданский характер, сама миссия стала важным политическим инструментом закрепления европейского присутствия в регионе.

Соединенные Штаты также пытаются усиливать собственную роль в региональных процессах. В последние годы Вашингтон активизировал посреднические усилия в армяно-азербайджанском урегулировании. На этом фоне

активно обсуждаются различные проекты транспортной и инфраструктурной интеграции, включая концепции, которые в экспертной среде уже называют «Дорогой Трампа». Речь идет о попытках включения Южного Кавказа в более широкую систему западных транспортных и логистических маршрутов, которые одновременно решают как экономические, так и геополитические задачи. Для США Южный Кавказ становится частью глобальной стратегии формирования альтернативных путей торговли и снижения зависимости региона от российских маршрутов и инфраструктуры.

Отдельную роль играет Иран. Для Тегерана Южный Кавказ имеет не только экономическое, но и критически важное стратегическое значение. Иран крайне болезненно воспринимает любые изменения региональной конфигурации, которые могут привести к его геополитической изоляции, ослаблению транзитной роли или появлению внешнего военного присутствия у собственных границ. Именно поэтому Тегеран, несмотря на все сложности, старается активно участвовать в региональных процессах и демонстрирует готовность защищать свои интересы всеми доступными инструментами.

Китай пока действует осторожно и не столь активно вовлечен в политические процессы региона, однако значение Южного Кавказа для Пекина постепенно будет возрастать. В рамках глобальной инициативы транспортных и торговых маршрутов Китай заинтересован в стабильных и альтернативных путях доставки товаров между Азией и Европой. Именно поэтому в ближайшие годы китайское присутствие в инфраструктурных и логистических проектах региона может существенно усилиться.

Но Южный Кавказ сегодня – это уже не только вопрос военной безопасности или геополитики в классическом понимании. Регион становится пространством конкуренции моделей развития. Здесь одновременно сталкиваются западная модель, евразийская модель, турецкий подход и различные смешанные форматы. Конкуренция идет не только за территории или влияние на элиты, но и за общественное мнение, ценности, информационное пространство, образовательную среду и технологические стандарты.

Одной из наиболее серьезных угроз становится внутренняя политическая поляризация обществ региона. Определенные внешние игроки все чаще используют внутренние расколы в собственных интересах, превращая внутривнутриполитическую борьбу в элемент большой геополитической конкуренции. Это создает дополнительные риски дестабилизации и делает государства Южного Кавказа еще более уязвимыми перед внешним давлением.

В новых условиях перед малыми государствами региона возникает главный стратегический вызов: как сохранить собственную субъектность и не превратиться исключительно в объект чужой геополитики? Это требует не эмоциональной, а максимально прагматичной политики, основанной на национальных интересах, балансе и способности выстраивать отношения одновременно с разными центрами силы.

Для Армении этот вопрос имеет особенно важное значение. Внешняя политика не должна становиться инструментом внутренней политической борьбы. Любые крайности, особенно резкие антироссийские проявления, могут привести

к серьезным экономическим, энергетическим и геополитическим последствиям. При этом Армения должна стремиться к максимально прагматичной и реальной сбалансированной политике, одновременно укрепляя собственную устойчивость.

Необходимо понимать и главное: ни один союз, ни одна внешняя сила не смогут гарантировать долгосрочную безопасность государства без сильной экономики, устойчивых институтов, внутренней консолидации общества и эффективного государственного управления. В XXI в. безопасность определяется уже не только армией и границами, она определяется экономической устойчивостью, демографией, технологиями, информационной безопасностью и способностью общества сохранять внутреннее единство.

Новая архитектура Южного Кавказа будет формироваться не только дипломатическими переговорами и международными соглашениями. Ее определит способность стран региона адаптироваться к быстро меняющемуся мировому порядку, защищать собственные интересы и одновременно избегать превращения региона в постоянную арену глобального противостояния.

И главный вопрос ближайших лет заключается в следующем: сможет ли Южный Кавказ стать пространством сотрудничества, транзита и развития или окончательно превратится в территорию постоянного геополитического столкновения? Именно ответ на этот вопрос и определит будущее всего региона на десятилетия вперед.

Кикнадзе Тамар,
руководитель департамента политических наук
и международных отношений
Грузинского технического университета,
доктор политических наук

Грузино-российские отношения на фоне глобальных вызовов

АННОТАЦИЯ

Рассматриваются современные грузино-российские отношения в контексте глобальной турбулентности и региональной нестабильности. Автор подчеркивает важность научного, деидеологизированного диалога для преодоления исторических травм и выработки рациональных подходов к урегулированию. Анализируется парадоксальная динамика двусторонних связей: на фоне сохраняющихся политических разногласий и нерешенных вопросов территориальной целостности наблюдаются заметный прагматизм в экономической сфере и сохранение уникального «церковного моста» между Грузинской и Русской православными церквями. Особое внимание уделяется влиянию внешних факторов и внутренней аксиологической повестке Грузии, включая принятие законов о семейных ценностях и прозрачности иностранного влияния, что сближает Тбилиси с Москвой по ряду мировоззренческих вопросов, но одновременно углубляет разрыв с евроатлантическим курсом.

Ключевые слова: Грузия, Россия, сотрудничество, прагматизм, ценности, православие, территориальная целостность, региональная безопасность, Южный Кавказ

Сегодня мы отмечаем юбилей журнала «Россия и мир: научный диалог». В названии издания заложена миссия, что способствует именно научному, открытому и конструктивному диалогу между Россией и миром, включая ближайших соседей. В эпоху турбулентности и поляризации такой диалог приобретает особую ценность. Он позволяет выходить за рамки пропаганды и эмоций, искать точки соприкосновения и понимать глубинные интересы сторон.

Именно наука позволяет отделить исторические травмы и эмоциональные нарративы от рационального расчета национальных интересов. Мы можем изучать, как экономическая взаимозависимость снижает вероятность эскалации, какие международные примеры нормализации и как вписать отношения в более широкую, архитектуру региональной безопасности.

Грузино-российские отношения, на первый взгляд, кажутся классическими двусторонними, однако, мне кажется, их следует рассматривать в более глобальном измерении.

За последние 35 лет как с грузинской, так и с российской стороны были попытки нормализации и урегулирования этих отношений. Но целый ряд внешних акторов заинтересованы в сохранении их напряженности и неурегулированности. В поддержание такого положения вложены очень серьезные ресурсы.

Грузино-российские отношения имеют многовековую историю от Георгиевского трактата 1783 г., когда Россия обеспечила защиту Восточной Грузии от внешних угроз. Потом совместное «проживание» в Советском Союзе, распад Союза 1991 года и дошли мы до войны 2008 г. Наши отношения всегда сочетали культурную близость, общую православную традицию и экономические связи, с периодическими конфликтами и разным видением суверенитета. В последние годы, особенно после 2022 г., в отношениях наблюдается заметный прагматизм.

По данным Национальной службы статистики Грузии, в 2025 г. товарооборот между Россией и Грузией достиг 2,7 млрд долларов. Это рост по сравнению с предыдущим годом на 6,3%. Россия остается ключевым рынком для грузинского вина, фруктов, минеральной воды и других товаров. Грузия получает из России значительные объемы зерна, энергоносителей и других ресурсов. Число российских туристов растет.

Надо отметить, что Грузия не присоединилась к антироссийским санкциям, что позволило не только сохранить экономическую стабильность, а демонстрировать рост этих экономических отношений. При этом Тбилиси последовательно заявляет, что нормализация политических отношений невозможна без прогресса в вопросе территориальной целостности. Москва, в свою очередь, считает признание Абхазии и Южной Осетии необратимым процессом.

Я бы особо хотела отметить отношения грузинской православной и русской православной церквей. Эти отношения являются одними из самых теплых и братских в православном мире, несмотря на тяжелые политические противоречия между нашими странами. Как говорил наш патриарх Илья II, который два месяца назад ушел в мир иной: «Политики пытались разъединить наши народы, но им это не удалось». Церковь Грузии и России находятся в евхаристических отношениях, что означает, что они могут совершать таинство в церкви друг у друга. И многие верующие в Грузии считают, что такие отношения сложные между Россией и Грузией не идут на пользу ни России, ни Грузии. Потому что у нас очень много святых, общих святых. Наша ГПЦ часто занимает позицию близкую к ГРПЦ по глобальным церковным вопросам. Например, бойкот. Критского собора 2016 г. Отношения к действиям Константинопольского патриархата насчет Украины. При этом внутри Грузии церковь подвергается критике за пророссийскость со стороны прозападной части общества. Они считают, что слишком тесные связи, и это влияет и на политические связи. В целом церковные связи – один из немногих мостов, которые сохраняются даже в самые сложные периоды российско-грузинских отношений. Они помогают поддерживать человеческие и культурные контакты международными.

Рассмотрим наши отношения на фоне нескольких глобальных и региональных вызовов.

Во-первых, это война на Украине. Вы знаете, что этот конфликт усилил давление на все постсоветские государства, в том числе и на Грузию. Европейские чиновники прямо требовали от нас, чтобы мы были вовлечены в эти военные операции и поддерживали бы Украину. Но наше правительство заявило, что это не на пользу национальным интересам Грузии. И она как-то сомневалась. Смогла выдержать и не создавать казус Белли в отношениях с Россией. Из-за этого наблюдается отход. Вы

знаете, что после распада Советского Союза Грузия взяла прозападный курс. И мы являемся кандидатами в члены Европейского Союза. И это задекларировано было на уровне Конституции. И у нас, по-моему, 75-я статья прямо говорит, что мы стремимся к Евросоюзу и евроатлантической структуре. На фоне кризиса Южный Кавказ – важный коридор с севера, юга, востока, запада Грузии играет важную роль. Вы знаете, что у Грузии весьма значительное геополитическое положение. И глобальный рост спроса на альтернативные маршруты создает возможности для совместных проектов, но также усиливает конкуренцию. В обеих странах есть силы, использующие образ внешнего врага для консолидации общества. В Грузии протесты и политическая поляризация вокруг внешнеполитического курса. И в России это восприятие расширения НАТО и цветных революций. Есть и глобальные такие проблемы, как климатические изменения, миграция и особенно цифровизация. Сегодня много об этом говорилось. И вы знаете, совершенно поворот в нашем регионе меняется на глазах картина. Все больше. Больше акторов играет весьма значительную роль, тогда как Россия всегда была лидером в регионе, и она, это была бесспорно ее сферой влияния.

Самое главное, совпадает наше мнение, наше мнение в аксиологических вопросах. Грузия является страной, где 90% верующих. У нас есть не только православные, но и исповедующие ислам.

В 2022 г. Грузия приняла пакет законов о семейных ценностях и защите несовершеннолетних. То есть Грузия не принимает ЛГБТ*-пропаганду. И вы знаете, что прямо стало самым значительным запросом и требованием от Запада. Мы не можем одобрять ЛГБТ*², что в Грузии абсолютно неприемлемо, поскольку большинство населения выступает против этого. И вследствие этого закона у нас запрещена пропаганда нетрадиционных сексуальных отношений. Блокируются операции в смену пола. И в документах запрещается усыновление детей однополыми парами. Представители правящей партии открыто заявляли, что навязывание ЛГБТ*³-ценности – это насилие меньшинства над большинством. И что 90% грузин разделяют консервативные взгляды. Эти законы прямо противоречат трендам современной западной идеологии.

Принятие закона о прозрачности иностранного влияния, это приблизительно аналог российского закона о иноагентах, в 2024 г. стало переломным моментом. Власти обосновали его необходимостью защитить национальный суверенитет от внешнего вмешательства через НПО и СМИ, финансируемые из-за рубежа, в первую очередь из США и ЕС. Запад воспринял это как атаку на гражданское общество и демократию,

1 *Пропаганда ЛГБТ запрещена в России на основании Федерального закона 29.06.2013 # 135-ФЗ «О внесении изменений в статью 5 ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» и отдельные законодательные акты РФ в целях защиты детей от информации, пропагандирующей отрицание традиционных семейных ценностей». 18+.

2 *Пропаганда ЛГБТ запрещена в России на основании Федерального закона 29.06.2013 # 135-ФЗ «О внесении изменений в статью 5 ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» и отдельные законодательные акты РФ в целях защиты детей от информации, пропагандирующей отрицание традиционных семейных ценностей». 18+.

3 *Пропаганда ЛГБТ запрещена в России на основании Федерального закона 29.06.2013 # 135-ФЗ «О внесении изменений в статью 5 ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» и отдельные законодательные акты РФ в целях защиты детей от информации, пропагандирующей отрицание традиционных семейных ценностей». 18+.

грузинские власти – как защиту традиционных ценностей, идентичности от чужеродности. Грузинская мечта, это правящая партия, как я уже отмечала, все чаще апеллирует православной идентичности, грузинскости и традициям как основе государственности.

У нас в Грузии недавно, 17 мая, был день семьи и уважения родителей. Вы не можете представить, какое количество народа вышло на улицы – примерно полтора миллиона. Он превратился по инициативе нашего патриарха в государственный праздник. И если бы вы видели 17 мая – Тбилиси был полон гражданами Грузии. Даже приехали из регионов разных, и зрелище было очень впечатляющим.

Мне кажется, что сегодня очень много говорилось и о технологиях, об экономических интересах, о ДНК и разном, но меня очень тронуло выступление сербского и болгарского коллег. У них ностальгия по тем временам, когда существовал Советский Союз. Но то же самое и в Грузии – мне кажется, сегодня у нас есть точки соприкосновения, те же самые аксиологические вопросы очень совпадают с Россией. Также в геополитическом плане у нас очень много общего. Но эти отношения не регулируются. Нет инициативы. Говорится, что закончится спецоперация на Украине, может быть, тогда Россия активизируется. Но, во всяком случае, сегодня уже Грузия изменилось отношение к Евросоюзу.

Важным является идеология и эти аксиологические моменты. Люди скучают по тем ценностям, потому что этот консюмеризм, который расцветает везде, и экономические интересы не могут быть только точкой соприкосновения.

Все сегодня обращают внимание на встречи «в верхах» в Китае – кто проехал с американской стороны, кто с российской. Это говорит о том, что основной акцент будет делаться на экономике, на прибыли и на каких-то ценностях или ценностных ориентациях, но, в основном, на экономической успешности.

А нам надо вернуться к этим нашим ценностям, к людским отношениям, когда прибыль и экономика не главное, а человеческие отношения имеют очень важное значение.

Котова Юлия Артемовна,
ведущий эксперт Исследовательского
центра в сфере искусственного интеллекта
по направлению «Транспорт и логистика»
Института международных отношений
Национального исследовательского ядерного
университета «МИФИ»

Геоэкономическое измерение проекта TRIPP как инструмента переформатирования баланса сил на Южном Кавказе

АННОТАЦИЯ

Доклад посвящен анализу геоэкономического измерения проекта TRIPP (Trump Route for International Peace and Prosperity) как инструмента переформатирования баланса сил на Южном Кавказе. В работе рассматривается институциональная архитектура проекта, параметры концессионной модели и многослойные интересы ключевых внешних и региональных акторов – США, Европейского союза, Азербайджана, Турции, Армении, России и Ирана. Показано, что TRIPP выходит за рамки сугубо транспортного коридора и интегрируется в более широкий пакет энергетических, технологических и цифровых соглашений, формирующих устойчивую инфраструктурно-политическую связку Вашингтона с Ереваном. Особое внимание уделяется конкурирующим нарративам внутри Армении, а также трансформации роли России и Ирана в региональной конфигурации. На основе сценарного подхода выделяются три возможных траектории развития проекта и мирного процесса между Арменией и Азербайджаном, оценивается их вероятность и потенциальные последствия для архитектуры Срединного коридора. Делается вывод о том, что долгосрочная устойчивость TRIPP определяется не столько техническими и финансовыми параметрами, сколько политической волей вовлеченных сторон и исходом внутривнутриполитических процессов в Армении в 2026 г.

Ключевые слова: TRIPP, Южный Кавказ, геоэкономика, транспортные коридоры, Срединный коридор, «Зангезурский коридор», Армения, Азербайджан, Турция, внешняя политика США

Южный Кавказ переживает период беспрецедентной геополитической турбулентности, которая одновременно создает исторические возможности для переформатирования региональной логистики. Актуальность исследования обусловлена тремя структурными сдвигами: совокупным эффектом пандемии COVID-19 и санкционного давления на Россию после 2022 г. [1], нестабильностью маршрутов через Суэцкий канал¹ и нарастающей волатильностью иранского транзита в условиях текущей эскалации на Ближнем Востоке². На этом фоне с 2021 по 2024 г. объем грузоперевозок через Транскаспийский международный транспортный

¹ Морские перевозки через Суэцкий канал в 2026 году: риски и перспективы // CARGOTIME. 13.02.2026. URL: <https://cargotime.ru/useful/morskie-perevozki-cherez-seckij-kanal>.

² Глухов А. Новые связи: как меняется логистика из-за событий на Ближнем Востоке // РБК Тренды. 09.04.2026. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/social/69d603c79a7947ade94ef57a>.

маршрут (ТМТМ, Срединный коридор) вырос более чем в пять раз: с 840 тыс. до 4,5 млн тонн в год³. В 2024 г. в Казахстане заявили, что к 2030 г. планируется увеличить объем грузоперевозок до 10 млн тонн в год.

Важным дипломатическим катализатором стали Вашингтонские соглашения от августа 2025 г., зафиксировавшие парафирование мирного договора между Арменией и Азербайджаном и трехсторонней декларации при участии президента США Дональда Трампа. В данном контексте был провозглашен проект TRIPP – Trump Route for International Peace and Prosperity («Маршрут Трампа во имя международного мира и процветания»)⁴.

Тезис исследования заключается в следующем: TRIPP представляет собой не просто транспортный маршрут, а геэкономический инструмент, переформатирующий баланс сил между ключевыми региональными и внерегиональными акторами. Проект имеет многоуровневый инфраструктурный характер, центральным элементом которого выступает 42-километровый участок через Сюникскую область Армении, связывающий Азербайджан с его эксклавом – Нахичеванью. Институциональной основой служит консорциум TRIPP Development: Соединенные Штаты получают 74% в обмен на финансирование, Армения – 26% с правом увеличения доли до 49% при продлении концессии⁵. Срок концессионного соглашения составляет 49 лет с опцией пролонгации еще на 50 лет. Строительные работы планируется начать в 2026 г., а ввести в эксплуатацию – в 2028 г.

Необходимо отметить, что для США TRIPP выступает не отдельным коридором, а частью комплексного стратегического пакета. Вашингтонские соглашения 2025 г. включали пять отдельных документов с Арменией: помимо рамочного соглашения по транзиту, были подписаны меморандумы о взаимопонимании в сфере энергетической безопасности (включая малые модульные реакторы и возобновляемые источники энергии), соглашения по развитию искусственного интеллекта и полупроводников, а также договоренности о стратегическом партнерстве в области кибербезопасности и цифровой инфраструктуры, включая развитие оптоволоконных сетей⁶.

Для США TRIPP становится первым инфраструктурным проектом на постсоветском пространстве, в котором Вашингтон выступает принципиальным акционером. Стратегические мотивы носят многоуровневый характер. Во-первых, обеспечивается геостратегический контроль: 74-процентная доля закрепляет американское присутствие в ключевом коридоре на горизонте до 49–99 лет. Во-вторых, создаются дополнительные возможности ресурсного доступа: TRIPP открывает выход к редкоземельным металлам и стратегическому сырью Центральной

Азии в обход основных геополитических конкурентов. В-третьих, формируется канал технологической экспансии: меморандумы по искусственному интеллекту и полупроводникам формируют «мягкую привязку» Армении к американским технологическим стандартам. Наконец, накапливается дипломатический капитал: ряд экспертов характеризуют TRIPP как один из наиболее позитивных внешнеполитических результатов второй администрации Дональда Трампа⁷.

Азербайджан интерпретирует TRIPP прежде всего как реализацию т.н. «Зангезурского коридора», закреплённого в Шушинской декларации с Турцией⁸. Ключевой интерес Баку заключается в обеспечении прямого сухопутного сообщения с Нахичеванской Автономной Республикой и далее с Турцией. В октябре 2025 г. Азербайджан снял ряд транзитных ограничений для Армении⁹, что сопровождалось рекордным ростом железнодорожных поставок из Казахстана через азербайджанскую территорию¹⁰. Одновременно Баку настаивает на внесении конституционных поправок в Армении как условия ратификации мирного договора, что формирует одно из ключевых противоречий текущего процесса¹¹.

Для Турции TRIPP имеет особое значение в контексте реализации геополитического проекта Организации тюркских государств (ОТГ). Маршрут открывает прямой выход в Центральную Азию, что соответствует долгосрочным стратегическим приоритетам Анкары¹². В августе 2025 г. Турция приступила к строительству железнодорожной линии Карс–Игдыр–Аралык–Дилучу как части Зангезурского сегмента транзитной инфраструктуры¹³. Параллельно ведется работа по разблокировке контрольно-пропускного пункта Маргара–Алиджан и железнодорожного сообщения Карс–Гюмри; Армения инвестировала 2,5 млн долларов США в модернизацию пропускного пункта. Вместе с тем Анкара проявляет осторожность: длительное американское присутствие в Армении потенциально ограничивает стратегическую автономию Турции в регионе.

Европейский союз (ЕС) рассматривает TRIPP преимущественно через призму повышения пропускной способности ТМТМ. В отчете Всемирного банка (ноябрь 2023 г.) была сформулирована задача утроить объем перевозок и сократить время транзита вдвое к 2030 г. [2]. Грузооборот по Срединному коридору уже вырос, достигнув 4,5

3 Ким Е. Грузоперевозки по Среднему коридору выросли в пять раз за три года // Kursiv Media Узбекистан. 19.06.2025. URL: <https://uz.kursiv.media/2025-06-19/gruzoperevozki-posrednemu-koridoru-vyrosli-v-pyat-raz-za-tri-goda/>.

4 Agreement on Establishment of Peace and Inter-State Relations between the Republic of Azerbaijan and the Republic of Armenia. URL: [https://mfa.gov.az/files/Birge%20Beyanname-ABS/Initialed%20Peace%20Agreement%20\(EN\).pdf](https://mfa.gov.az/files/Birge%20Beyanname-ABS/Initialed%20Peace%20Agreement%20(EN).pdf).

5 МИД Армении обнародовал параметры запуска проекта TRIPP // Armlife.am. 14.01.2026. URL: <https://armlife.am/ru/mid-armenii-obnarodoval-parametry-zapuska-proekta-tripp/>.

6 Подписанные между Республикой Армения и Соединенными Штатами Америки меморандумы о взаимопонимании от 8 августа 2025 года // Официальный сайт Премьер-министра Республики Армения. 28.08.2025. URL: <https://www.primeminister.am/ru/press-release/item/2025/08/29/Nikol-Pashinyan-memorandum-08-08-2025/>.

7 Джон Хербст: TRIPP стал важнейшим вкладом Трампа в мир между Азербайджаном и Арменией // Информационное агентство Report.az. 18.11.2025. URL: <https://report.az/ru/amp/vneshnyaya-politika/dzhon-herbstv-tripp-stal-vazhnejshim-vkladom-trampa-v-mir-mezhdu-azerbajdzhanom-i-armenij>.

8 Шушинская декларация о союзнических отношениях между Азербайджанской Республикой и Турецкой Республикой. 15.06.2021 // Официальный сайт Президента Азербайджанской Республики. URL: <https://president.az/ru/articles/view/52122>.

9 Азербайджан снял все ограничения на транзит грузов в Армению // РБК. 20.10.2025. URL: <https://www.rbc.ru/politics/21/10/2025/68f751a89a7947f20fa807b3>.

10 Казахстанское зерно массово уходит в Азербайджан // Kursiv.kz. 25.11.2025. URL: <https://kz.kursiv.media/2025-11-26/tksh-kazakhstanskoye-zerno-massovo-ukhodit-v-azerbaydzhan/>.

11 Баку настаивает: конституция Армении мешает подписать мирный договор // Sputnik Азербайджан. 15.05.2025. URL: <https://az.sputniknews.ru/20250516/baku-nastaivaet-konstitutsiya-armenii-meshaet-podpisat-mirnyy-dogovor-471329938.html>.

12 Турция и Азербайджан увязывают проект TRIPP с «Зангезурским коридором»: Хакан Фидан // Alphanews. 14.01.2026. URL: <https://alphanews.am/ru/turtsiya-i-azerbaydzhan-uvyazivayut-proekt/>.

13 В Турции начали строить железную дорогу в рамках Зангезурского коридора // ТАСС. 22.08.2025. URL: <https://tass.ru/ekonomika/24847417>.

млн тонн в 2024 г., однако существующая инфраструктура остается недостаточной, особенно с точки зрения энергетического транзита в интересах ЕС. Армянский участок в этой конфигурации представляет собой критическое звено: без соединения Нахичевань–Турция через южные районы Армении ТМТМ утрачивает значительную часть своей ценности как альтернатива российским и иранским маршрутам. В рамках инициативы Global Gateway ЕС поддерживает развитие инфраструктуры в сопредельных странах, а дипломатическое содействие Брюсселя укрепляет многостороннюю легитимность TRIPP.

В самой Армении формируются два конкурирующих нарратива вокруг TRIPP. Официальный дискурс трактует проект как инструмент преодоления логистической изоляции страны, поскольку в настоящее время открыты лишь две из четырех сухопутных границ – с Грузией и Ираном. Разблокировка железнодорожного сообщения Карс–Гюмри потенциально восстанавливает выход в Россию и ЕАЭС через Азербайджан и Грузию, а реализация TRIPP призвана привлечь иностранные инвестиции в южные регионы Армении и диверсифицировать внешнеполитические ориентации за пределы зависимости от Москвы. Проект стал одним из ключевых элементов предвыборной кампании премьер-министра Никола Пашиняна¹⁴. Оппозиционный дискурс акцентирует внимание на рисках. В центре критики находятся опасения утраты контроля над Сюникской областью, восприятие 99-летней концессии как фактического внешнего контроля над частью армянской территории, требования Баку относительно конституционных поправок и уязвимость надзорных механизмов консорциума. Используемое азербайджанской стороной наименование «Зангезурский коридор» усиливает националистическую мобилизацию и воспринимается как угроза территориальной целостности¹⁵.

Для России реализация TRIPP сопряжена с постепенным ослаблением традиционных инструментов влияния на Южном Кавказе. Новая железнодорожная линия выводится из баланса Южно-Кавказской железной дороги, являющейся дочерним предприятием ОАО «РЖД». Российские пограничные подразделения последовательно покидают армянскую территорию, в том числе аэропорт Звартноц и армяно-иранский контрольно-пропускной пункт «Агарак». При этом Москва, сосредоточенная на украинском направлении, де-факто придерживается тактики выжидательной паузы.

Иран также сталкивается с негативными последствиями реализации TRIPP, поскольку теряет часть транзитных доходов и важный коридор к Армении. Президент Масуд Пезешкиан, с одной стороны, приветствовал парафирование мирного договора, с другой – выразил обеспокоенность участием США¹⁶. В Тегеране проект воспринимают как элемент американской стратегии вытеснения иранского и российского влияния с Южного Кавказа. Дополнительным дестабилизирующим

фактором выступает нарастание напряженности в отношениях Баку и Тегерана (в том числе в связи с израильским фактором), что делает Аразский коридор через Иран особенно волатильной альтернативой для азербайджанского транзита.

Пространство возможных исходов реализации TRIPP может быть описано через три сценария. Сценарий А («мирный хаб») предполагает принятие Арменией конституционных поправок, подписание полноценного мирного договора с Азербайджаном и запуск TRIPP в 2028 г.; в этом случае Южный Кавказ трансформируется в один из транзитных узлов Евразии, а Армения оказывается встроенной в Срединный коридор. Вероятность данного сценария может быть оценена как умеренная. Сценарий Б («частичная интеграция») предполагает затягивание переговоров, поэтапную реализацию TRIPP с отсрочкой запуска железнодорожного компонента при параллельной нормализации отношений с Турцией. Сценарий В («институциональный тупик») связан с возможной сменой власти в Армении, блокировкой проекта TRIPP и приостановкой мирного урегулирования с Азербайджаном; вероятность такого исхода на текущем этапе представляется низкой.

Обобщая проведенный анализ, можно выделить четыре ключевых вывода.

TRIPP является не столько транспортным, сколько геополитическим проектом: Соединенные Штаты впервые получают статус принципиального акционера крупной инфраструктурной инициативы на постсоветском пространстве.

Проект имеет различное значение для основных участников: для США он представляет собой пакет стратегических активов, для Азербайджана и Турции – реализацию концепции «Зангезурского коридора», для Европейского союза – инструмент развития Срединного коридора, для Армении – одновременно источник новых возможностей и существенных рисков.

Россия и Иран оказываются в уязвимом положении; их выжидательная позиция носит характер тактической паузы, обусловленной более широкими внешнеполитическими кризисами и ограниченностью ресурсов для проактивного реагирования.

Устойчивость TRIPP определяется не только инфраструктурными параметрами, но прежде всего политической волей вовлеченных сторон. Парламентские выборы июня 2026 года в Армении и потенциальные конституционные изменения выступают ключевыми переменными. Южный Кавказ находится на пороге структурной трансформации, исход которой еще не определен, но будет задавать долгосрочные тенденции развития регионального баланса сил.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Альбеков А.У., Пархоменко Т.В., Полуботко А.А. Современное состояние и новые тренды развития логистики под влиянием COVID-19 // Вестник РГЭУ РИНХ. 2022. № 1(77). С. 12–17.
2. Middle Trade and Transport Corridor: Policies and Investments to Triple Freight Volumes and Halve Travel Time by 2030. November 2023 // World Bank. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/099020924131532268/pdf/P180322-ae013e28-595c-4a7a-b2e0-591e01b32487.pdf>.

¹⁴ Пашинян: В Армении будет зарегистрирована компания «TRIPP Company» // NEWS.am. 10.12.2025. URL: <https://news.am/ru/news/919639>.

¹⁵ Проект TRIPP – крупнейшая угроза безопасности Армении // Yerkramas. 29.01.2026. URL: <https://yerkramas.org/article/199587/proekt-TRIPP---krupnejshaya-ugroza-bezopasnosti-armenii>.

¹⁶ Маргарян М. Армянские партнеры заверили нас, что Армения никогда не станет источником угрозы для Тегерана – посол Ирана о проекте TRIPP // Armenpress. 14.01.2026. URL: <https://armenpress.am/ru/article/1239566>.

Понамарёва Анастасия Михайловна,
старший научный сотрудник
Центра междисциплинарных
исследований ИНИОН РАН,
кандидат социологических наук

Геополитическое измерение противостояния между правительством Никола Пашиняна и Армянской апостольской церковью

АННОТАЦИЯ

В докладе представлен анализ геополитического измерения конфликта между правительством Никола Пашиняна и Армянской апостольской церковью (ААЦ). Источниковая база исследования включает в себя официальные документы, стенограммы выступлений, данные переписей населения, доклады международных организаций (CSI, FOREF Europe), а также материалы СМИ. Текущий внутривластный конфликт рассматривается в неразрывной связи с трансформацией регионального баланса сил на Южном Кавказе. Геополитический анализ позволяет вскрыть внешние детерминанты действий правительства Пашиняна, в частности, увязку антицерковной кампании с разворотом Армении от России к США и ЕС. Утверждается, что ААЦ, как институт, обладающий наибольшим кредитом доверия населения и препятствующий выбору прозападного курса, была обречена стать политической мишенью для команды Пашиняна. Также раскрывается соответствие происходящего демонтажа традиционных институтов РА долгосрочным интересам Турции и Азербайджана.

Ключевые слова: Армянская апостольская церковь, Никол Пашинян, геополитика, национальная идентичность, «реальная Армения», религиозная свобода

Первые признаки конфликта между правительством Никола Пашиняна и Армянской апостольской церковью (ААЦ) проявились на волне успеха «бархатной революции» с возникновением общественного движения «Новая Армения, новый Католикос». Тем не менее летом 2018 г. премьер, к которому активисты обращались с просьбой «освободить людей от Католикоса», был исключительно сдержан в своей риторике, постоянно напоминая своей аудитории, что в Армении церковь отделена от государства¹. Однако уже осенью 2018 г. Никол Пашинян, комментируя перед избирателями итоги работы Республиканской партии Армении (РПА), подбросил дров в костер критики ААЦ, отметив, что «церковь никогда не была столь дискредитирована, как в годы правления РПА, потому что Серж Саргсян

¹ Следователи Армении принялись изучать протестные действия против Католикоса // ИА Регнум. 17.07.2018. URL: <https://regnum.ru/news/2449822>.

и его команда превратили церковь в придаток власти – и в некоторых случаях им это удалось. Они даже вовлекли отдельных представителей духовенства в коррупцию»². Заложенная в 2018 г. концепция «освобождения» институтов стала определяющей в 2025 г., когда премьер пригрозил «освободить католикосат так же, как в 2018 году освободили Армению от Сержа Саргсяна»³.

Настоящий доклад представляет собой анализ геополитической подоплеку противостояния правительства Пашиняна и ААЦ в условиях трансформации регионального баланса сил на Южном Кавказе. В своих рассуждениях автор исходит из предположения, что наблюдаемый конфликт – это не спонтанный внутривластный кризис, а столкновение двух принципиально различных проектов национальной идентичности и закономерное следствие осознанной стратегии премьер-министра по демонтажу прежней онтологической основы армянской государственности.

Крах «карабахского проекта» и переход от Армении «исторической» к Армении «реальной»

Поражение Армении во Второй Карабахской войне 2020 г. и потеря Арцаха в 2023 г. разрушили прежнюю логику армянской внешней политики, где военный успех в Карабахе символически компенсировал травму геноцида 1915 г.

Весной 2024 г. Никол Пашинян озвучил тезис, задавший вектор дальнейших реформ: о необходимости перехода от «исторической Армении» к «реальной»⁴. Естественной жертвой этого перехода оказалась кампания по международному признанию геноцида. Факт деприоритизации данной темы публично подтвердил министр иностранных дел Арарат Мирзоян осенью 2024 г., заявив, что «изучение армянского геноцида или превращение его в приоритет номер один, безусловно, не является приоритетом в повестке Министерства иностранных дел»⁵.

Центральным элементом новой внешнеполитической стратегии стала инициатива «Перекресток мира» (Crossroads of Peace), доктринально провозглашающая Армению открытой транзитной страной. Флагманский проект в ее рамках – TRIPP (Trump Route for International Peace and Prosperity) – материализует разворот Еревана на Запад и воплощает (пусть и в мягкой форме) давние чаяния Турции и Азербайджана по формированию т.н. Зангезурского коридора.

² «Պետական կառավարման համակարգը ձեր սիրուհիներին գործի տեղավորելու տեղ էիք դարձրել. Նիկոլ Փաշինյանը՝ <<Կ-ին» (State governance system you had turned into a place to get your lovers employed. Nikol Pashinyan about RPA) // Armtimes.com. 26.11.2018. URL: <https://armtimes.com/hy/article/149177>.

³ Пашинян: Католикосат освободим так же, как Армению от Саргсяна в 2018 // PanArmenian. 16.07.2025. URL: <https://panarmenian.net/rus/news/324495/>.

⁴ “Prime Minister of the Republic of Armenia N. Pashinyan: ‘We Must Focus on Serving the Interests of the Real Armenia’.” // National Assembly of the Republic of Armenia. 10.04.2024. URL: http://parliament.am/news.php?NewsID=20398&cat_id=2&lang=eng&month=4&year=2024.

⁵ МИД Армении назвал признание геноцида не главным приоритетом Еревана // РИА Новости. 31.10.2024. URL: <https://ria.ru/20241031/armeniya-1981063471.html>.

Декларация о создании TRIPP была подписана 8 августа 2025 г. в Вашингтоне лидерами Армении, США и Азербайджана⁶. По итогам дальнейших переговоров Армения предложила США 74% акций в совместной компании «TRIPP Development» сроком на 49 лет с возможностью продления до 99 лет⁷, по сути, передав американской стороне контроль над ключевой транспортной артерией, соединяющей Азербайджан с его Нахичеванским эксклавом и далее с Турцией.

Разворот на Запад потребовал отказа от «исторического бремени» и привел к охлаждению отношений с Россией. Армения формально остается членом Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), однако приостановила участие во всех мероприятиях альянса. В апреле 2026 г. спикер парламента Ален Симонян заявил, что в случае продолжения экономического давления со стороны России Армения может выйти как из ОДКБ, так и из Евразийского экономического союза⁸.

Новая «реальность», предполагающая нормализацию отношений с Турцией и Азербайджаном в обмен на территории и сознательную историческую амнезию, а также сближение с ЕС и США ценой отказа от продуктивного взаимодействия с Россией, не была принята ААЦ. Церковь выступила последовательным противником данного курса, усмотрев в нем угрозу национальной идентичности и государственному суверенитету.

ААЦ: как максимальная легитимность превращается в максимальную уязвимость

Просто пренебречь позицией церкви властям было бы затруднительно, поскольку в практически моноэтничной Армении нет и не было института с большим кредитом доверия, чем ААЦ. С 95,2%⁹ верующих среди населения она является хранителем национальной идентичности, культуры и духовной жизни, признанным таковым в Конституции Республики Армения (статья XVIII)¹⁰. Согласно переписи 2022 г., доля идентифицирующих себя с ААЦ выросла на 2,6 процентных пункта¹¹ по сравнению с 2011 г.¹², что свидетельствует о консолидации этнорелигиозной идентичности под действием внешних угроз. Для церкви территориальные

6 U.S.-Armenia Joint Statement on the Implementation Framework for TRIPP // U.S. Embassy in Armenia. 2026. URL: <https://www.state.gov/releases/office-of-the-spokesperson/2026/01/joint-statement-on-the-publication-of-the-u-s-armenia-implementation-framework-for-the-trump-route-for-international-peace-and-prosperity-tripp>.

7 Баласян Л. Армения и США прокладывают путь // Коммерсантъ. 14.01.2026. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8341287>.

8 В парламенте Армении заявили, что Ереван выйдет из ОДКБ и ЕАЭС в случае повышения РФ цены на газ // Интерфакс. 04.04.2026. URL: <https://www.interfax.ru/world/1082003>.

9 Основные итоги переписи населения РА 2022 года. Статистический комитет Республики Армения. URL: <https://www.armstat.am/ru/?nid=82&id=2623>.

10 **Статья 18.** Армянская Апостольская Святая Церковь. Конституция Республики Армения. URL: <https://www.president.am/ru/constitution-2015/>.

11 Основные итоги переписи населения РА 2022 года. Статистический комитет Республики Армения. URL: <https://www.armstat.am/ru/?nid=82&id=2623>.

12 Население (городское, сельское) по национальности, полу и вероисповеданию. Перепись населения 2011. URL: <https://armstat.am/file/doc/99484908.pdf>.

уступки Азербайджану и отказ от исторической памяти стали не политической ошибкой, а грехом отступничества от заветов предков. В свою очередь, обладание исключительным потенциалом общественной мобилизации при наличии принципиального расхождения с внешнеполитическим курсом властей превратило ААЦ в политическую мишень для действующего руководства РА.

Конфликт перешел в открытую фазу, когда в апреле-мае 2024 г. архиепископ Тавушской епархии Баграт (в миру Вазген Галстанян) возглавил протесты против передачи четырех приграничных сел Азербайджану, организовав марш «Тавуш во имя Родины» в Ереване. В июне 2025 г. он и еще более десятка священнослужителей были задержаны по обвинению в попытке насильственного захвата власти, что сам Галстанян назвал «честью» – быть заключенным за верность Христу, церкви и нации¹³.

В мае 2025 г. Пашинян публично выступил с критикой Католикоса всех армян Гарегина II, призвав к его отстранению, а его соратники выдвинули против предстоятеля обвинения в нарушении обета безбрачия¹⁴.

Показательно, что в нарушение базового для всех светских держав принципа отделения церкви от государства Пашинян предложил изменить порядок избрания главы ААЦ, чтобы государство имело решающий голос на выборах, а кандидаты проходили бы «проверку на добропорядочность»¹⁵.

Стратегия ослабления церкви и роль Запада

По информации от оппозиционных изданий, правительство использовало впечатляющий арсенал для подрыва авторитета церкви: от версии о том, что «Россия приказала ААЦ бороться с властями»¹⁶, до прямого вмешательства сотрудников Службы национальной безопасности, предлагающих священникам не поминать имя Католикоса во время литургий¹⁷. Но за этим противостоянием отчетливо прослеживается внешний геополитический заказ.

На протяжении десятилетий США через публичную дипломатию, инструменты «свободы вероисповедания» и финансирование НКО последовательно усложняли конфессиональный ландшафт Армении, создавая условия для подрыва монополии ААЦ. Однако когда стало понятно, что армяне консолидируются вокруг церкви в ответ на вызовы, стратегия поменялась: от поддержки «религиозного плюрализма»

13 “Imprisoned archbishop sees incarceration as ‘providential’ amid crackdown on Armenian church.” // Christian Post. 28.02.2026.

14 Пашинян обвинил главу Армянской Церкви в нарушении обетов и потребовал его отставки // Lenta.Ru. 09.06.2025. URL: <https://lenta.ru/news/2025/06/09/pashinyan-obvinil-glavu-armyanskoj-tserkvi-v-narushenii-obetov-i-potreboval-ego-otstavki/>.

15 Зейналова Г. Пашинян опубликовал план смещения Католикоса Всех армян Гарегина II // Report. 23.07.2025. URL: <https://am.sputniknews.ru/20250723/pashinyan-razrabotal-i-opublikoval-plan-smescheniya-katolikosa-vsekh-armyan-garegina-ii-91606327.html>.

16 «Грапарак»: Пашинян заявил однопартийцам – Россия приказала Армянской апостольской церкви бороться с властями // News.am 05.06.2025. URL: <https://news.am/ru/news/886362>.

17 Сотрудники СНБ «просят» священников не упоминать имя Гарегина II – премьер подтвердил // Sputnik Армения. 04.12.2026. URL: <https://am.sputniknews.ru/20251204/pashinyan-ne-otritsaet-chto-snb-prosit-svyaschennikov-ne-upominat-imya-garegina-ii--96519867.html>.

– к прямому подрыву авторитета церкви как института, который из-за своей исторической связи с Россией становится препятствием для интеграции Армении в евроатлантические структуры¹⁸.

Многовековая духовная и институциональная близость ААЦ с Русской православной церковью (РПЦ) превратилась из исторического наследия в мощный геополитический раздражитель. Когда в 2023 г. архиепископ Езрас (Нерсисян), глава Российской епархии ААЦ и брат Католикоса, публично благословил «АРБАТ» – воинское подразделение, где служат этнические армяне, участвующее в военных действиях России на Украине¹⁹, это действие было представлено командой Пашиняна как «железное» доказательство связи высшего руководства ААЦ с российской военной машиной.

Эскалация конфликта

По мере приближения очередных выборов в Национальное собрание Армении антицерковная кампания Пашиняна стала менее эмоционально насыщенной, но более организованной. В феврале 2026 г. министр обороны Сурен Папикян распустил институт капелланов (военных священников), уволив 34 священника за отказ поддерживать политику Пашиняна²⁰. Арестованы миряне – союзники церкви, включая миллиардера Самвела Карапетяна, крупного мецената ААЦ, обвиненного в финансировании «заговора» в июне 2025 г. Зимой 2026 г. прокуратура Армении возбудила уголовное дело против Католикоса всех армян Гарегина II по обвинению в воспрепятствовании исполнению судебного акта и склонению к его неисполнению²¹. Дело было связано с внутрицерковным конфликтом вокруг бывшего главы Масицотнской епархии Армана Сарояна, лишенного сана за нарушение обета послушания. Сароян оспорил решение Католикоса в суде и добился обеспечительных мер. Это позволило ему сохранить полномочия руководителя епархии до завершения разбирательства и стало примером беспрецедентного вмешательства государственных органов во внутрицерковные дела. В марте 2026 г. премьер-министр Армении назначил Сарояна членом правительственной Консультативной комиссии по вопросам помилования от лица ААЦ. Эчмиадзин расценил это назначение, совершенное без одобрения церкви, как незаконное²².

18 См. подробнее: Понамарева А.М. Американский след в трансформации конфессионального ландшафта Армении // РСМД. 07.04.2026. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/amerikanskiy-sled-v-transformatsii-konfessionalnogo-landshafta-armenii/>.

19 Российская епархия ААЦ благословила воинов армянского батальона «Арбат» на несение ратной службы // ИА Реалист. 04.07.2023. URL: <https://realtribune.ru/rossijskaya-eparhiya-aac-blagoslovila-voinov-armyanskogo-batalona-arbat-na-nesenie-ratnoj-sluzhby/>.

20 Почтарук А.В. В Армении полковые священники будут назначаться Минобороны // Газета.Ru. 30.01.2026. URL: <https://www.gazeta.ru/army/news/2026/01/30/27746623.shtml>.

21 В Армении возбудили уголовное дело против католикоса всех армян // Коммерсантъ. 14.02.2026. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8439417>.

22 ААЦ заявила о незаконности назначения Сарояна в комиссию по помилованию // Sputnik Armenia. 13.04.2026. URL: <https://am.sputniknews.ru/20260413/aats-zayavila-o-nezakonnosti-naznacheniya-saroyana-v-komissiyu-po-pomilovaniyu-100945649.html>.

Дальнейшие планы команды Пашиняна в отношении ААЦ можно понять, ознакомившись с опубликованной 3 апреля 2026 г. предвыборной программой партии «Гражданский договор». В отдельный раздел данного документа вынесена тема необходимости реформирования ААЦ за счет юридического переформатирования церковного управления через принятие нового Устава с последующей заменой руководства²³. Духовный центр ААЦ решительно осудил эти положения, подчеркнув в ответном заявлении, что закрепление в предвыборной программе навязываемой повестки по реформированию церкви является «явным попранием конституционного строя, посягательством на право Церкви на самоуправление, а также нарушением основополагающих международных принципов свободы совести и вероисповедания»²⁴.

Реальность двойных стандартов

И здесь возникает резонный вопрос: а как же традиционно озабоченное вопросами «свободы веры» евроатлантическое сообщество реагирует на кампанию, развернутую Пашиняном против верховных иерархов ААЦ? Ответ на него подчеркивает «двойные стандарты» политической элиты США и ЕС. Отдельные западные структуры, специализирующиеся на защите прав человека, прямо осуждают давление правительства Армении на церковь. Однако эта критика практически не находит отражения в официальной риторике лидеров ЕС и США.

Некоммерческая Международная христианская солидарность (Christian Solidarity International, CSI) в своем докладе от 29 апреля 2026 г. констатировала, что «со времен худших проявлений советской власти Армянская Апостольская Церковь не сталкивалась с государственными преследованиями такой глубины и интенсивности»²⁵. Обеспокоенность происходящим выразил Всемирный совет церквей – добровольное содружество, которое объединяет более 350 церквей (включая православные, протестантские, англиканские и др.) из более чем 120 стран мира. Президент Форума за религиозную свободу Европы FOREF Europe Ян Фигель осудил антицерковную кампанию, заявив, что противоправные действия, «направленные против религиозной свободы и конституции в Армении» наносят «ущерб не только церкви, но и всей стране и всей нации»²⁶.

Но пока профильные западные организации били тревогу по поводу подрыва демократических институтов и преследования церкви, итоги саммитов в Ереване (4–5 мая 2026 г.) – 8-го саммита Европейского политического сообщества (ЕПС) и первого в истории саммита ЕС–Армения – наглядно продемонстрировали стратегический характер поддержки правительства РА со стороны руководства европейских стран.

23 Ruling party's program targets church leadership change // CIVILNET. 07.04.2026. URL: <https://civilnet.am/en/news/1011120>.

24 ААЦ раскритиковала положение о смене католикоса в программе партии Пашиняна // РИА Новости. 09.06.2026. URL: <https://ria.ru/20260409/armeniya-2086169344.html>.

25 The Church Under Siege // Christian Solidarity International (CSI). 04.05.2026. P. 6.

26 FOREF Europe осудила давление властей на Армянскую церковь // Sputnik Армения. 03.02.2026. URL: <https://am.sputniknews.ru/20260203/foref-europe-osudila-davlenie-vlastey-na-armyanskuyu-tserkov-98367228.html>.

Заявление Макрона о том, что Армения перестала быть «сателлитом России», и риторика лидеров ЕС о борьбе с внешним вмешательством и дезинформацией – это четкие сигналы, направленные в сторону Москвы, которая исторически имеет тесные связи с ААЦ.

Однако, позволяя себе резкие высказывания в адрес официальной Москвы и церкви, Пашинян не спешит рвать экономические связи с Россией. И на все исходящие из Кремля заявления о несовместимости членства в ЕС и ЕАЭС²⁷ отвечает успокоительным – «это выбор не ближайшего будущего»²⁸, фактически пытаясь переложить издержки присоединения к Европейскому союзу на Евразийский экономический союз и Россию²⁹. Так что евробюрократы Брюсселя сознательно закрывают глаза на ущемление определенного религиозного института, отдавая приоритет геополитическим интересам над ценностными принципами.

Региональные бенефициары конфликта и раскол диаспоры

Конфликт Пашиняна с ААЦ – это не изолированный внутривнутриполитический кризис, а центральный элемент геополитического разворота, который дает Турции и Азербайджану исторический шанс без затрат ресурсов ослабить ключевой институт армянской нации. Армянские политики и эксперты многократно фиксировали синхронность действий Пашиняна и официальных лиц Азербайджана, направленных против церкви³⁰.

Турция десятилетиями рассматривала ААЦ как цель, поскольку та обладает мощным мобилизационным потенциалом для сохранения армянской идентичности и играла ключевую роль в международном признании геноцида. Хотя прямых цитат Эрдогана с атаками на ААЦ в открытых источниках не зафиксировано, его союзник Ильхам Алиев позволяет себе резкие формулировки³¹, а турецкое влияние реализуется через административное давление на Константинопольский патриархат.

Добавим, что из области исключительно внутривнутриполитической конфликт между правительством Пашиняна и ААЦ выводит фактор диаспоры. Именно через ААЦ диаспора исторически транслировала свои интересы в Армению. На данном этапе власти Еревана целенаправленно пытаются замкнуть контакты на себя, изолировав церковь и превратив ее в «локальную» епархию внутри РА. Всё это ведет

²⁷ Песков напомнил Армении о несовместимости систем Евросоюза и ЕАЭС // Коммерсантъ. 05.04.2026. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8569495>.

²⁸ Зиновьева А. Макрон похвалил Армению за решение не быть «сателлитом России» // Газета. 04.05.2026. URL: <https://www.gazeta.ru/politics/news/2026/05/04/28396105.shtml>.

²⁹ Пашинян: Армения продолжит работу в ЕАЭС по мере возможности // Коммерсантъ. 01.06.2026. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8708456>.

³⁰ The Church Under Siege // Christian Solidarity International (CSI). 04.05.2026. Р. 4. См. также статьи политологов Татевик Айрапетян, Вигена Акопяна, Степана Даниеляна.

³¹ “President Ilham Aliyev: Armenia is actually a source of threat to the region.” Interview // Xalq Qazeti. 07.01.2025. URL: <https://xalqqazeti.az/en/siyaset/209729-president-ilham-aliyev-armenia-actually>.

к разрушению сакральной основы отношений «центр – периферия». Потенциальные линии разлома намечаются и внутри диаспоры.

Российская диаспора занимает достаточно консолидированную антипашиняновскую позицию. Премьер, уступивший Баку и Анкаре и развернувший страну на Запад, воспринимается как предатель не только Арцаха, но и самой идеи «Русского мира», частью которого исторически было армянство. Сложная дилемма стоит перед западной (США, Франция) диаспорой. С одной стороны, она не может поддержать антидемократические действия команды Пашиняна; с другой – внешнеполитический разворот РА в сторону государств проживания этой ветви спюрка работает на упрочение репутации «Гражданского Договора». Ближневосточная диаспора – общины, сами находящиеся в кризисной ситуации (Сирия – последствия длительной гражданской войны, Ливан – экономический коллапс и трагическая вовлеченность в ирано-израильский конфликт), особенно нуждаются в символической опоре со стороны исторической родины. Ее утрата с утверждением концепции «реальной Армении» и подрывом авторитета ААЦ оборачивается ощущением «богооставленности» и апатии.

Подводя итог, можно сказать, что сегодня мы наблюдаем уникальный феномен. Геополитический разворот Армении на Запад, предполагающий отказ от нарратива геноцида и многовековых основ национальной идентичности, привел к острейшему конфликту государства с институтом, который эти основы олицетворяет.

За фасадом борьбы с коррупцией и «обновлением церкви» стоит жесткая схема: ослабить оплот национального самосознания, мешающий прозападному курсу. Под предлогом борьбы с «антихристианской группировкой» и «российскими агентами» Пашинян, пользуясь поддержкой Запада (ЕС и США), целенаправленно подрывает авторитет церкви, рассматривая ее как ключевое препятствие для построения «Армении реальной» взамен «Армении исторической».

ААЦ на протяжении столетий была духовным мостом, связывающим Армению с Россией, а ее конфликт с прозападным правительством в Ереване объективно ослабляет позиции Москвы в Закавказье.

Для Турции и Азербайджана конфликт Пашиняна с ААЦ выгоден с точки зрения решения долгосрочных стратегических задач. Десятилетиями руководство этих стран рассматривало ААЦ как очаг сопротивления, противостоящий их давлению.

Вопрос в том, сможет ли реальная Армения выжить, демонтировав собственную духовную основу.

Пашинян предлагает «Армению как нормальное государство» без травматического нарратива, но позитивный образ «страны мира и перекрестка» еще не сконструирован и не интериоризирован обществом. С точки зрения теории онтологической безопасности Армения вступила в опасную переходную фазу, когда старая идентичность демонтируется, а новая еще не создана. Это состояние чревато политической дестабилизацией, аномией – утратой ценностных ориентиров на уровне общества и, что особенно важно в контексте темы данного исследования, уязвимостью для внешнего манипулирования, когда отсутствие устойчивого «Я» делает государство податливым к внешним нарративам.

Тадтаев Таймураз Валерьевич,
вице-спикер парламента
Республики Южная Осетия,
кандидат исторических наук

Южная Осетия и Россия: вековое военное, политическое и культурное сотрудничество

АННОТАЦИЯ

Рассматривается столетний период развития Южной Осетии в контексте военного, политического и культурного сотрудничества с Россией. Автор акцентирует роль образования в формировании осетинской интеллигенции и подчёркивает значение исторической памяти, особенно в связи с Великой Отечественной войной и современными попытками пересмотра её итогов. Особое внимание уделяется неразрывности российско-югоосетинских отношений, признанию независимости республики в 2008 г. и новому договору о сотрудничестве, подписанному в 2025 г. Делается вывод о необходимости сохранения исторической правды и диалога как основы мирного развития в регионе.

Ключевые слова: Южная Осетия, сотрудничество, безопасность, идентичность, историческая память, государственность, интеграция, политический диалог

Южная Осетия – государство, которое на протяжении длительного исторического периода доказало свою политическую, культурную и общественную состоятельность. Осетинский народ в силу исторических, географических и политических обстоятельств оказался разделённым народом. Однако, несмотря на административные и государственные границы, он сохраняет общую историческую память, культурную традицию, язык, ценностные основания и стремление к единству.

За последние сто лет Южной Осетии пришлось пережить множество драматических событий. На первый взгляд, век – это не столь большой период в масштабе мировой истории. Однако для народа, прошедшего через революции, войны, политические трансформации, борьбу за сохранение идентичности и становление государственности, эти сто лет стали временем тяжёлых испытаний, глубоких изменений и значимых достижений. Именно за этот период Южная Осетия прошла сложный путь, который позволил ей в XXI в. существовать, развиваться, созидать и уверенно смотреть в будущее.

Обращение к началу XX в. не случайно. Этот период стал временем масштабных перемен как для России, так и для всего мира. Первая мировая война, революционные события 1917 г., Гражданская война, распад Российской империи и последующее образование Союза Советских Социалистических Республик радикально изменили политическую карту Евразии. В этой новой исторической реальности начался современный этап развития Южной Осетии.

После событий 1917 г. и последовавшей за ними Гражданской войны в южной части Осетии усилилось освободительное движение. В 1922 г. Южная Осетия вошла в состав Грузинской Советской Социалистической Республики на правах автономии. Это стало началом нового этапа её исторического развития. В течение советского периода формировались политические, социальные, образовательные, культурные и экономические институты, которые во многом определили дальнейший путь югоосетинского общества.

Если рассматривать этот столетний период в исторической ретроспективе, важно выделить несколько ключевых направлений: политическое строительство, развитие образования и культуры, укрепление исторической памяти, участие в общесоветской истории, а также особое значение отношений с Россией. Все эти направления неразрывно связаны между собой и позволяют понять, почему Южная Осетия смогла сохранить свою идентичность и государственную субъектность.

Особое значение для Южной Осетии всегда имели отношения с Россией. Это сотрудничество и братские связи возникли не десять и не двадцать лет назад. Исторический выбор в пользу тесной связи с Россией был сделан поколениями наших предков. На протяжении столетий осетинский народ сохранял эту ориентацию, воспринимая Россию как важнейший политический, культурный и цивилизационный центр, с которым связаны вопросы безопасности, развития и исторической судьбы.

Южная Осетия, находясь в центре Кавказа, исторически занимала особое геополитическое положение. Южная часть Осетии относится к Южному Кавказу, однако весь осетинский народ – это единая этнокультурная общность. Осетины являются ираноязычным индоевропейским народом, исторические корни которого связываются с аланами, сарматами и скифами. Этот историко-культурный пласт широко представлен в научной литературе и имеет большое значение для понимания идентичности осетинского народа.

Важнейшую роль в развитии Южной Осетии сыграло образование. Именно образование стало тем фундаментом, на котором формировалась осетинская интеллигенция. Уже в XIX в. осетинская интеллигенция начала играть значимую роль в культурном и общественном развитии народа. В этот период, наряду с народно-освободительными процессами, развивалась система образования. Создавались церковно-приходские школы, затем министерские школы, реальные училища. Эти институты открыли осетинам Северной и Южной Осетии доступ к русской культуре, русскому образованию, русской письменности и литературной традиции.

В течение XX в. образование и культура стали важнейшими факторами общественного развития Южной Осетии. За последние десятилетия были достигнуты значимые результаты в сфере народного просвещения, подготовки кадров, сохранения языка, развития культурных институтов и формирования национальной интеллигенции. Эти достижения особенно важны потому, что именно через образование народ сохраняет свою историческую память, передаёт ценности новым поколениям и укрепляет свою способность к самостоятельному развитию.

Неотъемлемой частью исторической памяти Южной Осетии является память о Великой Отечественной войне. Для нас эта история никогда не была абстрактной

или внешней. Это наша общая история, история всего советского народа, в которой осетины также приняли самое непосредственное участие. В учебниках, школах, университетских лекциях и общественной памяти Великая Отечественная война сохраняется как важнейшее событие XX в., определившее судьбу народов Советского Союза и Европы.

Особенно важно подчеркнуть, что для Южной Осетии память о Великой Отечественной войне не подвергалась пересмотру. Мы воспринимаем ее как борьбу советского народа против нацизма, как трагедию и подвиг, как часть нашей собственной семейной и национальной истории. В каждой семье есть память о тех, кто ушел на фронт, кто погиб, кто вернулся с тяжелыми ранениями, кто трудился в тылу. Эта память имеет не только историческое, но и нравственное значение.

Сегодня, когда в разных странах предпринимаются попытки пересмотра итогов Второй мировой войны, особенно важно сохранять историческую правду. Советская Армия сыграла решающую роль в освобождении Европы от нацизма. Если бы не подвиг советского солдата, история после 1945 г. могла бы развиваться совершенно иначе. Политика национал-социалистической Германии и ее союзников несла угрозу уничтожения целых народов, и именно советский народ внес решающий вклад в то, чтобы этот проект был остановлен.

Для Южной Осетии эта тема особенно чувствительна. Сегодня в республике уже почти не осталось ветеранов Великой Отечественной войны. Последние представители поколения фронтовиков уходят из жизни, и вместе с ними уходит живая память о войне. Многие из них были совсем юными, когда отправлялись на фронт. Так, представители последнего призывного поколения родились в 1926 г.; многие уходили воевать в возрасте шестнадцати-семнадцати лет. Для небольшой Осетии война стала тяжелой демографической и человеческой трагедией: народ потерял многих сильных, смелых и талантливых людей.

Именно поэтому сохранение памяти о войне, забота о памятниках, музеях, мемориалах и образовательных программах имеют для нас принципиальное значение. В этом направлении значительную поддержку оказывает Российская Федерация. В рамках союзнических отношений и интеграционного взаимодействия были реализованы мероприятия по восстановлению памятников участникам Великой Отечественной войны, обновлению мемориальных комплексов, сохранению музейных экспозиций. Эти проекты важны не только как акты уважения к прошлому, но и как вклад в воспитание будущих поколений.

Историческая память не должна быть формальной. Она должна быть живой, осмысленной и ответственной. Если общество перестает понимать уроки прошлого, возрастает риск повторения трагических ошибок. Именно поэтому мы должны говорить о войне не только как о событии прошлого, но и как о важнейшем нравственном ориентире современности. Память о нацизме, о лагерях смерти, о Нюрнбергском процессе, о преступлениях против человечности должна оставаться частью общественного сознания.

В современном мире мы вновь видим рост националистических и радикальных идеологий. Особенно тревожно, когда подобные идеи получают публичное оправдание, становятся частью политической риторики или используются

для мобилизации молодежи. Для народов, переживших войну и заплативших огромную цену за победу, подобные тенденции воспринимаются как серьезный вызов исторической памяти и безопасности. В этом контексте позиция России, направленная на противодействие реабилитации нацизма и защите исторической правды, имеет для Южной Осетии особое значение.

Новая страница в истории Южной Осетии началась в августе 2008 г., когда Российская Федерация признала независимость Республики Южная Осетия. Это решение имело фундаментальное значение для безопасности, политического развития и международного положения республики. С этого момента отношения между Южной Осетией и Россией получили новое качество: они стали развиваться как отношения союзничества, стратегического партнерства и глубокой интеграции.

За прошедшие годы были предприняты важные шаги в области государственного строительства, безопасности, социально-экономического восстановления, образования, культуры и гуманитарного сотрудничества. Российская поддержка сыграла огромную роль в стабилизации ситуации, восстановлении инфраструктуры, укреплении государственных институтов и создании условий для мирного развития Южной Осетии.

Особое значение имеет то, что взаимодействие России и Южной Осетии основано не только на политических соглашениях, но и на глубокой исторической близости народов. Это отношения доверия, сформированные на протяжении длительного времени. Они подтверждались в разные исторические периоды – в годы испытаний, конфликтов, войн и восстановления. Именно поэтому союзнические отношения с Россией воспринимаются в Южной Осетии как естественное продолжение исторического выбора осетинского народа.

Современное развитие Южной Осетии невозможно рассматривать вне темы единства осетинского народа. Осетины остаются единым народом, разделенным прежде всего географически и политически, но не этнически, культурно или исторически. Стремление к единству является не искусственной политической конструкцией, а выражением глубинной исторической и культурной реальности. Для Южной Осетии это вопрос не только политики, но и идентичности, памяти и будущего.

В этом контексте особое значение имеют новые соглашения между Российской Федерацией и Республикой Южная Осетия. Подписание документов о сотрудничестве и взаимодействии между руководством двух государств свидетельствует о продолжении выбранного курса, направленного на укрепление союзнических отношений, развитие интеграционных процессов и обеспечение безопасности. Эти соглашения подтверждают, что взаимодействие России и Южной Осетии имеет долгосрочный и стратегический характер.

Название сегодняшнего мероприятия – «Россия и мир» – представляется особенно важным. В современном мире необходимы диалоги, которые позволяют не только обсуждать политические вызовы, но и осмысливать исторический опыт, ценностные основания международных отношений и роль народов в формировании будущего. Южная Осетия, имея сложный исторический опыт, может и должна быть участником такого диалога.

Для нас особенно важно, чтобы вопросы мира, безопасности, исторической памяти и права народов на развитие обсуждались открыто и ответственно. Все политические барьеры и конфликты должны преодолеваются через диалог, переговоры и уважение к исторической правде. Именно за круглым столом, в пространстве ответственного политического разговора, заключаются мирные соглашения и принимаются решения, определяющие судьбы народов.

Подводя итог, следует подчеркнуть, что последние сто лет стали для Южной Осетии временем тяжелых испытаний, но также временем становления, развития и укрепления собственной идентичности. Южная Осетия прошла путь от автономии в составе советской государственности до признанной Российской Федерацией независимой республики. На этом пути ключевую роль сыграли историческая память, образование, культура, стремление к единству осетинского народа и союзнические отношения с Россией.

Сегодня Южная Осетия продолжает развиваться, опираясь на свою историю, уважение к подвигу предков, культурную преемственность и стратегическое партнерство с Российской Федерацией. Для нас важно сохранить эту связь поколений, укрепить государственность, развивать общество и обеспечить мирное будущее.

Тедеев Вадим Ботазович,
ректор Юго-Осетинского государственного
университета имени А.А.Тибилова,
кандидат технических наук

Южная Осетия и Россия: новые перспективы союзнических отношений

АННОТАЦИЯ

В докладе рассматривается значение Договора об углублении союзнического взаимодействия между Российской Федерацией и Республикой Южная Осетия в контексте усиления позиций обоих государств на Южном Кавказе.

Рассматриваются отношения Южной Осетии с Грузией с учетом исторического опыта, национальных интересов, возможных рисков, связанных с враждебной политикой Запада и Соединенных Штатов Америки.

Ключевые слова: договор, геополитика, риски, агрессия, безопасность, государственность

9 мая 2026 г. Президенты Владимир Путин и Алан Гаглов подписали Договор об углублении союзнического взаимодействия между Российской Федерацией и Республикой Южная Осетия.

Договор направлен на углубление сотрудничества Южной Осетии и России в целях обеспечения регионального мира и стабильности, проведения согласованной внешней политики и политики в области обороны и безопасности, улучшения социально-экономических условий, развития инфраструктуры и человеческого потенциала, гармонизации правовых норм и создания благоприятной среды для свободного перемещения капиталов, товаров, услуг и рабочей силы между странами. Договор ратифицирован Государственной Думой Российской Федерации 13 мая. Уверен, что и Парламент Южной Осетии в эти два-три дня примет этот документ.

С подписанием Договора отношения Южной Осетии и России вышли на новый этап. Братские отношения между Россией и Южной Осетией вышли на новый правовой уровень и развиваются в продолжение ранее подписанных в 2008 г. Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Российской Федерацией и Республикой Южная Осетия и в 2015 г. межгосударственного договора «О союзничестве и интеграции между Российской Федерацией и Южной Осетией».

Республика Южная Осетия находится в сложной геополитической обстановке, которая определяет характер ее внешней, а во многом и внутренней политики.

Республика Южная Осетия граничит с двумя государствами: с Российской Федерацией и с Грузией. Новейшая история Южной Осетии показывает, что возможности развития и стабильность присутствуют, прежде всего, со стороны Российской Федерации и благодаря внутриреспубликанским ресурсам, что позволяет минимизировать внешнеполитические угрозы.

Геополитические угрозы для Южной Осетии были в своей основе созданы последствиями распада Советского Союза и приходом к власти в Грузии националистов. Более глубокие причины связаны с включением Южной Осетии в состав Грузии, пусть и с определенными правами автономии в 1922 г.

Военная сила Российской империи защищала от агрессии со стороны Турции и Ирана грузинские территории Картли и Кахетию. В дальнейшем Советский Союз обеспечил мир и стабильность на всем Южном Кавказе. Советский Союз, а в последующем Российская Федерация защитили от внешней агрессии и возможного геноцида многие народы, обеспечив создание их государственности в разных уголках планеты.

В знак абсолютной неблагодарности после развала Советского государства многие страны, став марионетками недружественных нам Соединенных штатов Америки и стран Запада, избрали враждебную политику в отношении России и ее союзников. Российской Федерации и всем нам была объявлена информационная война с сознательным распространением откровенной клеветы, русофобских историко-политических фантазий против России, против наших народов.

Безусловно, геополитические риски связаны и с внутривнутриполитической стабильностью в государствах Южного Кавказа, что объясняется разными причинами, особенно с приближением президентских или парламентских выборов.

Сохранить внутривнутриполитическую стабильность Южной Осетии с учетом постоянно присутствующего геополитического вызова Грузии – это обязанность каждого гражданина республики, и в первую очередь – представителей всех ветвей власти.

Сразу после начала СВО со стороны Украины и стран НАТО начало происходить неприкрытое подталкивание Грузии к обострению ситуации на Южном Кавказе для открытия так называемого второго фронта. Сегодня непростые отношения у Российской Федерации складываются с Арменией и Азербайджаном.

При этом необходимо отметить те геополитические направления, которые являются благополучными. Это прежде всего Российская Федерация, которая является самой близкой страной для Южной Осетии и регулярно помогает не только мирному строительству республики, но и оказывает огромную поддержку на международной арене. Геополитическое сотрудничество с Россией развивается практически во всех сферах жизни Республики Южная Осетия, но особенно нужно отметить военно-экономическое сотрудничество, которое непосредственно связано с решением геополитических задач и обеспечением безопасности республики.

Следующим геополитическим направлением Южной Осетии является выстраивание системы взаимоотношений с Республикой Абхазией. Республика Абхазия имеет схожую с Южной Осетией историю, в основе которой находится борьба осетинского и абхазского народов за самосохранение.

Сотрудничество России и Южной Осетии в разных сферах – военной, экономической, культурной, образовательной и научной – должно быть максимально эффективным. Исторический опыт показывает, что есть страны, взаимодействуя с которыми можно выстраивать доверительные отношения.

Южной Осетии необходимо основательно рассматривать и такие геополитические направления, как Боливарианская Республика Венесуэла, Республика Никарагуа, Сирийская Арабская Республика и другие страны-члены ООН, признавшие независимость нашей страны при дипломатической поддержке со стороны России. Ни одна страна не отзовет признание, если не хочет потерять имидж, лицо, в том числе и Венесуэла, даже под давлением США. Это касается и Сирии, где сегодня сильно влияние Турции. Также необходимо выстроить сотрудничество в разных сферах с другими государствами, расположенными по отношению к нам в географической близости.

Пришедшие после распада СССР к власти в Грузии Звиад Гамсахурдия, Эдуард Шеварднадзе, Михаил Саакашвили использовали в сторону Южной Осетии политику военной агрессии.

В августе 2008 г. в ходе агрессии грузинской армии, нарушившей нормы международного гуманитарного и военного права по отношению к Южной Осетии, народ республики подвергся очередной варварской вооруженной агрессии со стороны православной Грузии в сторону православной Южной Осетии. Для напоминания: прошло более 1 100 лет, как Аланы приняли христианство!

Благодаря самоотверженности осетинского народа, военному вмешательству Российской Федерации, помощи братских кавказских народов в августе 2008 г. народ Южной Осетии был спасен от уничтожения, Российская Федерация стала гарантом безопасности не только для самой Южной Осетии, но и для всего закавказского региона в целом, разместив на территории Южной Осетии воинский контингент, восстановлен военно-политический баланс сил на Южном Кавказе.

Возможности Южной Осетии противостоять геополитическим угрозам заключаются в укреплении стратегического союза прежде всего с Россией, а также с другими странами, признавшими нашу республику, и укреплении собственного оборонного потенциала.

Важным направлением в парировании геополитических угроз является работа с мировым общественным мнением.

Политика России по созданию многополярного мира, основанная на уважении к суверенитету других стран, полностью противоречит действиям США, их союзников по блоку НАТО и иных, близких к ним политических сил, которые стремятся укрепить положение США как единственной мировой державы, диктующей свои условия остальному мировому сообществу.

США присвоили себе право в обход существующих в мировом сообществе правовых механизмов начинать войны и организовывать государственные перевороты для решения своих собственных геополитических задач, которые в идеологическом плане прикрываются риторикой о демократии и правах человека. Республика Южная Осетия в полной мере испытала на себе последствия этой политики.

В описанном выше современном геополитическом контексте Южная Осетия занимает свое достаточно важное место не только на Южном Кавказе, но и во всем Евразийском пространстве.

Сейчас Южная Осетия является не просто дружественным по отношению к России суверенным государством, но прежде всего это геополитический и военный форпост России и важный элемент российской системы глобальной безопасности.

Руководство России подчеркивает свое уважение к государственному суверенитету Южной Осетии. Осетины, живущие в Республиках Южная Осетия и Северная Осетия-Алания, – народ с единой культурой и языком, но за годы независимости республики, завоеванной в ходе борьбы с грузинской агрессией за само право жить на земле своих предков, в Республике Южная Осетия сформировалась своя государственная традиция и менталитет, которые необходимо сохранить хотя бы из памяти к тем жертвам осетинского народа, лучшие представители которого за эту самобытность и национальное достоинство сражались и отдавали свои жизни.

Помимо независимого пути развития государственности, целесообразно рассмотреть и возможный вариант вхождения Южной Осетии в состав Союзного государства России и Белоруссии. Ваш покорный слуга об этой возможной форме взаимоотношений с Российской Федерацией говорил еще в 2014 г. В этом случае Южная Осетия будет вместе с Российской Федерацией и Белоруссией в составе единого государства, оставаясь при этом единицей международного права.

Назрела необходимость со стороны Российской Федерации, с учетом создавшейся обстановки в мире, привлечь потенциал Южной Осетии к активной международной деятельности. Южная Осетия признана шестью странами – членами Организации Объединенных Наций. Сейчас назрела важность усиления международных позиций Южной Осетии как союзника России. В свое время украинский и белорусский народы, понесшие громадные потери от немецкого нацизма, стали членами Организации Объединенных Наций, находясь в составе Союза Советских Социалистических Республик (СССР). Юго-осетинский народ вправе добиваться вхождения в Союзное государство с Россией, а также членства в ООН. Поэтому в актуальную повестку дня необходимо поставить вопрос о вхождении Республики Южная Осетия в Организацию Объединенных Наций и активизацию процесса признания Республики Южная Осетия другими государствами, которые относятся к числу союзников Российской Федерации (Республика Беларусь, Китайская Народная Республика, Республика Индия, Исламская Республика Иран, Турецкая Республика и др.). Для Южной Осетии также важно, чтобы руководство Грузии пришло к пониманию признания независимости Республики Южная Осетия. Грузия должна официально признать независимость Республики Южная Осетия и только с этого момента можно будет говорить о выстраивании каких-либо межгосударственных отношений.

На данном этапе это создаст дополнительные возможности для большей поддержки политики России на международной арене. Посмотрите, сколько союзников у США не только в ООН, но и в «Большой восьмерке». Эту ситуацию надо переломить в пользу России с ее союзниками, и одним из шагов в этом направлении можно считать вхождение Южной Осетии в ООН. Также необходимо вхождение Республики Южная Осетия во все блоки военного и экономического сотрудничества, в которых состоит Российская Федерация, для начала хотя бы в статусе наблюдателя.

Также назрела необходимость создания мощного международного содружества стран-единомышленников, как крупных, так и малых, типа Южной Осетии, для усиления взаимной поддержки и отстаивания базовых принципов многополярного мира.

Это сложный путь, но уверен, что поддержка со стороны России и стран, признавших нашу независимость, позволит нам решить и эту важную задачу.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Васьков М.А. Концептуально-теоретические подходы к изучению идеологии гражданской идентичности в современном городе // Социально-гуманитарные знания. 2013. № 7. С. 56–62.
2. Васьков М.А. Социологическое измерение социокультурной и институциональной эффективности реализации концепта гражданской нации в российском обществе // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2014. Т. 20. С. 1556–1560.
3. Захаров В.А., Васьков М.А. Исторические и политико-правовые основания независимости Абхазии и Южной Осетии. М.: Фонд науки и образования, 2021. 404 с.
4. Князев Е.А. Университетские комплексы и научно-образовательные услуги региональным сообществам // Проблемы и опыт совершенствования управления и повышения эффективности функционирования учреждения и предприятий социальной сферы: Тез. докл. II Всерос. науч.-практ. конф. Санкт-Петербург, 19–21 ноября 2003 г. СПб., 2003. С. 110–112.
5. Комаров Дж. Национальность, этничность, современность: политическое самосознание в конце XX в. // Этничность и власть в полиэтнических государствах: материалы международной конференции. М.: Наука, 1994. С. 93.
6. Милова, Ю.Ю., Маркова, Е.С., Терентьева В.С. Роль высших учебных заведений в развитии регионов // Актуальные вопросы экономических наук: материалы III Междунар. науч. конф. (г. Уфа, июнь 2014 г.). Уфа: Лето, 2014. С. 9–11.
7. Тедеев В.Б. Государственность Республики Южная Осетия в контексте геополитических рисков на постсоветском пространстве // Правовое обеспечение суверенитета России: проблемы и перспективы: сборник докладов XIII Московской юридической недели: в 4 ч. Ч. 4. М.: Издательский центр Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2024. 358 с.
8. Тедеев В.Б. Особенности политического и экономического развития Республики Южная Осетия. Цхинвал: Издательство ЮОГУ, 2022. 61 с.
9. Шадже А.Ю., Шеуджен Э.Я. Северокавказское общество: опыт системного анализа. М.; Майкоп: ООО «Аякс», 2004. С. 41.
10. Шевченко О.М., Васьков М.А., Волков Ю.Г., Лубский А.В., Добаев И.П., Барков Ф.А., Баженова Е.Ю., Дайкер А.О., Черноус В.В., Сериков А.В. Черноморско-каспийский регион: вызовы и угрозы национальной безопасности России в условиях геополитической, георелигиозной и геоэкономической конкуренции. Ростов-на-Дону, 2015.
11. Ядов В.А. Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности личности // Психология самосознания. Самара, 2003. С. 68.
12. Tool M.R. Institutional adjustment and institutional value // Review of international political economy. 1994. Vol. 1. № 3. Autumn. P. 412–425.

Тихонов Юрий Павлович,
преподаватель кафедры
зарубежного регионоведения
и международного сотрудничества
ИГСУ РАНХиГС

Интернационализация программных тезисов избирательной кампании в Республике Армения в условиях геополитической турбулентности

АННОТАЦИЯ

Рассмотрено международное измерение текущей избирательной кампании в Республике Армения в 2026 г. Несмотря на внутриполитическую природу феномена выборов, в условиях геополитической дилеммы Республики Армения значительный акцент делается на вопросах ее будущей безопасности. На основе анализа институциональных особенностей армянской парламентской системы, контекста кампании 2026 г., а также дискурсивных практик внутренних и внешних акторов, демонстрируется наполнение информационной повестки выборов внешнеполитическим содержанием. Нарративы, сформулированные вокруг Карабахского конфликта, в контексте многовекторной политики порождают вопросы о построении новой модели взаимодействия, политической ориентации и гарантиях данной безопасности в условиях переосмысления внешнеполитического курса страны и усиления геополитической турбулентности в Евразии и на Закавказье. Данная повестка становится центральной для выборов и предметом для политической конкуренции, как внутренних, так и внешних акторов, что придает данным выборам особое значение не только для Армении, но для государств, имеющих интересы в данном регионе, включая Россию. Осмысление данных процессов позволит в совокупности с результатами выборов оценить ожидания армянского народа и разработать стратегию, которая будет способствовать развитию отношений между странами и стабилизации обстановки в регионе.

Ключевые слова: международные отношения, внешняя политика, Российская Федерация, Республика Армения, Европейский союз, геополитика, ОДКБ, ЕАЭС, парламентские выборы, избирательная кампания

Выборы как политологическая категория являются неотъемлемым элементом современных демократических моделей, характерных для большинства современных государств мира. Традиционно они рассматриваются как ключевой механизм легитимации власти и институционализированное выражение народного суверенитета, ассоциируясь прежде всего с внутриполитическими процессами и динамикой партийной конкуренции [4]. В классических моделях электоральной демократии основное внимание уделяется борьбе политических акторов за голоса избирателей в рамках национального контекста, где внешние факторы выступают фоновыми условиями. Избирательная кампания кандидатов, как правило, строится

на определении некоторой электоральной повестки, которая содержит как внутри-, так и внешнеполитические тезисы.

Однако несмотря на первичную внутриполитическую природу процесса выборов на современном этапе он все чаще приобретает международную компоненту. В условиях углубляющейся взаимозависимости государств, роста транснациональных коммуникаций и усиления конкуренции интеграционных проектов границы между внутренней и внешней политикой все более размываются. С одной стороны, парламентские выборы и референдумы начинают восприниматься не только как противостояние партий и лидеров, но и как некий референдум о внешнеполитическом курсе государства, о выборе стратегических союзников и моделей интеграции. С другой стороны, внешние акторы также проявляют интерес к электоральным циклам, которые могут потенциально менять внешнеполитическую ориентацию государства. Действия внешних акторов ограничены, но не исключены из процесса выбора внутри страны. Стремление выразить позицию и повлиять на мобилизацию электората и исход выборов выражается в следующих проявлениях, помимо вопросов, касающихся внешней политики:

- вопрос признания/непризнания выборов;
- вопрос приглашения наблюдателей;
- вопрос вмешательства в выборы со стороны третьих стран.

Данные темы и их использование, как внутренними акторами, так и внешними фактически являются значимым дополнением внешнеполитической повестки избирательной кампании. На сегодняшний день они звучат все чаще в контексте практически любых выборов – начиная от поиска «русского следа» на выборах в США¹, продолжая обсуждением исключения Венгрии и ЕС в случае несостоявшейся победы В. Орбана², завершая непризнанием итогов выборов в Грузии в 2024 г.³ в целях активизации протестов.

Выборы в Республике Армения также являются наглядным примером трансформации феномена из внутриполитического в сочетающий черты обеих сфер. Кампания парламентских выборов происходит после радикальных изменений региональной безопасности, конфигурации внешней политики Еревана и изначально нагружена значимым международным компонентом. Вопросы Карабахского урегулирования, участия или фактического неучастия в ОДКБ, перспектив взаимодействия с ЕС и дальнейшего будущего в ЕАЭС, а также реакция Российской Федерации на возможный «поворот» Армении к Западу становятся центральными темами программ и публичных выступлений. В связи с этим тема интернационализации программных тезисов и как внешнеполитический выбор встроен в электоральную повестку, и международная среда влияет на восприятие

¹ Report On the Investigation into Russian Interference in the 2016 Presidential Election // US Department of Justice: Site. URL: <https://www.justice.gov/archives/sco/file/1373816/dl?inline=>.

² 5 ways the EU could cope with Hungary if Orbán wins again // POLITICO. URL: <https://www.politico.eu/article/5-ways-the-eu-could-cope-with-hungary-if-orban-wins-again/>.

³ Parliament calls for new elections in Georgia // European Parliament Official Website. URL: <https://www.europarl.europa.eu/news/en/press-room/20241121IPR25549/parliament-calls-for-new-elections-in-georgia>.

и результаты этих выборов представляет особый интерес и актуальность, что будет рассмотрено далее.

Характеристика избирательной системы в Республике Армения

Прежде чем перейти к непосредственно текущей кампании, необходимо охарактеризовать конфигурацию избирательной и политической системы Республики Армения. В результате конституционной реформы 2015 г. Армения трансформировалась в парламентскую республику, где центральную роль играет Национальное Собрание и формируемое им правительство. Именно это делает выборы в Национальное Собрание ключевым политическим событием, т.к. являются высшим актом волеизъявления как единственные прямые выборы центрального уровня.

По итогам выборов в Национальное Собрание формируется не только состав законодательной власти, но и избирается глава исполнительной власти – премьер-министр. Президент также избирается на не прямых выборах Парламентом, что делает его ядром политической системы. Выборы проходят по пропорциональной системе сроком на 5 лет, избирается не менее 101 депутата (ст. 76)⁴, 4 места зарезервированы для представителей национальных меньшинств (ст. 95), крупнейших по данным последней переписи населения (на данный момент – это русские, езиды, курды и ассирийцы)⁵. Для прохождения в парламент партии или блоки должны преодолеть установленный порог (4% для партий, 8% для блоков), а также предусмотрены специальные механизмы корректировки распределения мандатов, позволяющие лидирующей партии набрать достаточное количество для простого большинства.

Отличительной особенностью является ограничение возможностей голосовать за пределами страны. Граждане, постоянно проживающие за рубежом, могут участвовать в выборах лишь при физическом пребывании на территории Армении. Избирательный кодекс не предусматривает открытия участков и проведения голосования за рубежом за исключением отдельных категорий граждан (дипломаты и члены семей, сотрудники торгпредств, военнослужащие) (ст. 62)⁶. Для означенных категорий предусмотрены специальные процедуры, включая электронное голосование. Данное условие резко контрастирует с практиками многих государств, а также особенно важно с учетом численности спюрка (армянской диаспоры) в России, Европе и Северной Америке, делая его участие в выборах ограниченным.

4 ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ ՀԱՆՐԱՊԵՏՈՒԹՅԱՆ ԸՆՏՐԱԿԱՆ ՕՐԵՆՍԳԻՐՔ (սահմանադրական օրենք) [Избирательный кодекс Республики Армения (конституционный закон)]: Համար ՀՕ-54-Ն, Ընդունման ամսաթիվ 25.05.2016 (փոփոխված թիվ ՀՕ-95-Ն օրենքով, ընդունման 07.04.2026) // ARLIS. URL: <https://www.arlis.am/hy/acts/105967>.

5 Перепись 2022 // Армстат: официальный сайт. URL: <https://armstat.am/ru/?nid=743>.

6 ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ ՀԱՆՐԱՊԵՏՈՒԹՅԱՆ ԸՆՏՐԱԿԱՆ ՕՐԵՆՍԳԻՐՔ (սահմանադրական օրենք) [Избирательный кодекс Республики Армения (конституционный закон)]: Համար ՀՕ-54-Ն, Ընդունման ամսաթիվ 25.05.2016 (փոփոխված թիվ ՀՕ-95-Ն օրենքով, ընդունման 07.04.2026) // ARLIS. URL: <https://www.arlis.am/hy/acts/105967>.

Контекст избирательной кампании 2026 г.

Интернационализацию избирательной кампании в Республике Армения можно охарактеризовать как смещение внутренней электоральной повестки в плоскость внешнеполитического выбора: выборы начинают интерпретироваться не только как спор партий и лидеров, но и как референдум о векторе страны между Россией, ЕС, США, Турцией и Ираном. Кампанию 2026 г. можно описать как движение от преимущественно социально-экономических и институциональных тем к вопросам внешнеполитического выбора и международных гарантий. Выборы начинают интерпретироваться не только как «внутреннее» соперничество партий и лидеров, но и как голосование за альтернативные траектории интеграции: российский и евразийский или европейский и трансатлантический курс. Присутствуют и варианты регионального балансирования, которые, тем не менее, становятся все сложнее. Данный дрейф повестки произошел под влиянием ряда факторов, предопределивших внешнеполитический характер многих внутренних вопросов.

Карабахский конфликт и историческая память. Карабахский конфликт служит для значительной части армянского общества центральным вопросом национальной безопасности и исторической памяти [3]. После утраты контроля над Нагорным Карабахом и подписания мирных соглашений болезненно переосмысливается вопрос национальной идентичности, что переносится в программные тезисы и новую идеологию «Реальной Армении», где триединство Армения–Арцах–Диаспора более не рассматривается как формула обращения к армянскому народу, а в основе лежит политическая идентичность, маркером которой выступает гражданство и паспорт [1]. Память о геноциде и вооруженных конфликтах делает вопросы внешней политики не абстрактными, а экзистенциальными: каждая сила вынуждена артикулировать, какой курс лучше защищает «историческую справедливость» и физическую безопасность армян.

Вопросы гарантий безопасности и мира. Вопрос является производным из Карабахского конфликта и его последствий. Происходит оценка союзников и противников формируется через призму их реальной или воспринимаемой роли в войнах и послевоенном урегулировании. Прежде всего переосмысливается эффективность союзнических обязательств, роли России и ОДКБ и поиск новой формулы безопасности, которая может обеспечить устойчивый мир и неприменение силы. Дискуссии вокруг фактического неучастия Армении в ОДКБ и потенциального выхода из нее⁷, диверсификации оборонного сотрудничества, совместных мероприятий с западными партнерами переносятся в предвыборные программы как альтернативные сценарии обеспечения безопасности. Примерами могут послужить визит Министра обороны Армении С.Папикяна в Польшу⁸, анонс учений Eagle Partner

7 Пашинян намекнул, что Армения выйдет из ОДКБ // АМИ «Новости-Армения». URL: <https://newsarmenia.am/news/politics/pashinyan-nameknul-chto-armeniya-vyydet-iz-odkb/>.

8 В министерстве национальной обороны Польши состоялась торжественная церемония встречи министра обороны Армении // Armenpress. URL: <https://armenpress.am/ru/article/1249498>.

2026 (17–19 июня 2026 г.)⁹. Международные миссии наблюдателей и заявления европейских институтов также успешно используют нарратив о необходимости «защиты выборов от гибридных угроз и иностранного вмешательства»¹⁰ дополнительно закрепляют связь между внутренней процедурой и внешними гарантиями безопасности, тем самым предпринимая попытку легитимизировать свою вовлеченность во внутривластные процессы.

Вопросы экономического благополучия. Внешнеэкономические связи, торговля с Россией, ЕС, Ираном и Турцией, участие в ЕАЭС, отношения с международными финансовыми институтами становятся ключевыми для оценки того, какой курс обеспечивает рост, инвестиции и социальную стабильность. В частности, одним из камней преткновения стал вопрос потенциального участия в ЕС, что не сочетается с членством в ЕАЭС и стало предметом противоречивых заявлений со стороны армянского руководства. В частности, в мае Н.Пашинян заявил, что «Армения на данный момент не только не собирается выходить из ЕАЭС, но я единственный чиновник ЕАЭС, который одновременно является членом двух высших управляющих органов»¹¹, однако несколько днями позднее было заявлено, что «Армения продолжит работу в Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС) до тех пор, пока выбор между ним и ЕС «не станет неизбежным»¹². В контексте данного вопроса стало рассматриваться введение Российской Федерацией ограничений на импорт армянских товаров, что было истрактовано в СМИ как форма экономического давления¹³, напрямую влияющая на кампанию и аргументацию пророссийских и проевропейских сил. Дискуссии об экономической переориентации и возникающие риски создают ситуацию, когда выбор электоральной программы одновременно означает выбор внешнеэкономической модели развития.

Многовекторность и внешнеполитическая ориентация. Доктрина многовекторности была провозглашена в Стратегии национальной безопасности 2020 г.¹⁴ Предусмотренная в ней идея балансирования между Россией, Западом и региональными центрами силы постепенно ставится под вопрос в экспертном дискурсе [2], поскольку пространства для маневра в силу геополитического

⁹ Eagle Partner expands to include France and Greece as Yerevan officials visit Paris // Civilnet. URL: <https://civilnet.am/en/news/1012574>.

¹⁰ Armenia: EU establishes a new civilian mission to contribute strengthening the country's resilience // European Council of the EU: Official Website. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2026/04/21/armenia-eu-establishes-a-new-civilian-mission-to-contribute-strengthening-the-country-s-resilience/>.

¹¹ Пашинян заявил, что Армения на данный момент не собирается выходить из ЕАЭС // Интерфакс. URL: <https://www.interfax.ru/world/1092241>.

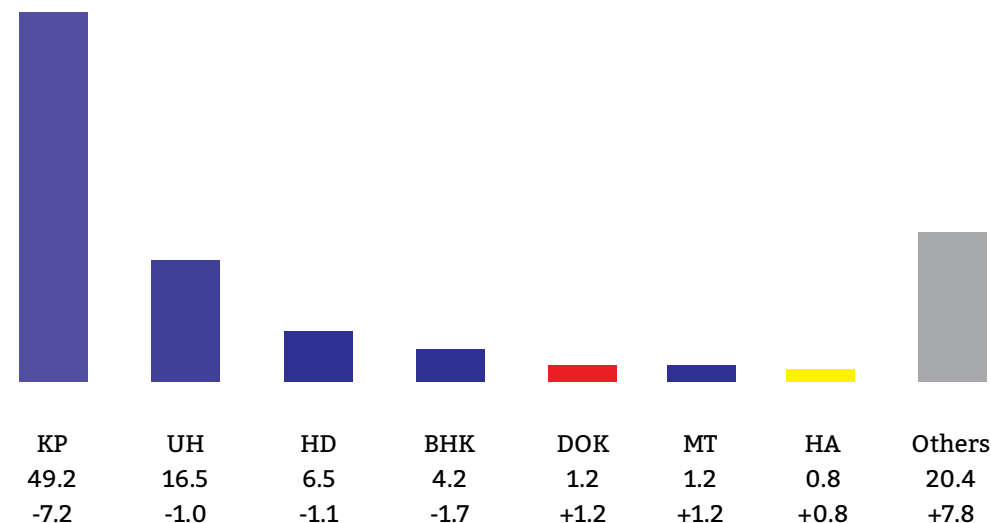
¹² Пашинян заявил, что Армения продолжит работу в ЕАЭС, пока это возможно // Интерфакс. URL: <https://www.interfax.ru/world/1093003>.

¹³ Armenian Mineral Water Banned In Russia // Azatutyun.am*. URL: <https://www.azatutyun.am/a/33744423.html>

* Azatutyun.am – местная версия «Радио Свобода», признанное иностранным агентом и входящее в Перечень иностранных и международных неправительственных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории Российской Федерации.

¹⁴ Стратегия национальной безопасности Республики Армения: Устойчивая Армения в меняющемся мире. Июль 2020. // Сайт Министерства иностранных дел Республики Армения. 2020. URL: https://www.mfa.am/filemanager/security%20and%20defense/%20национальной%20безопасности%20Республики%20Армения%202020_0.pdf

Рисунок. Опрос общественного мнения о результатах выборов в Национальное собрание Республики Армения (данные EVN Report за 20.05.2026)



обострения между полюсами остается все меньше. Как внешними, так и внутренними акторами формируется запрос на определенность, в связи с чем партии стремятся предложить различные варианты выхода из сложившегося цугцванга: одни – в пользу европейского курса, другие – в пользу восстановления плотного союза с Россией и евразийскими структурами, третьи – на попытке сохранить статус-кво. В то же время в предвыборном дискурсе многовекторность все чаще описывается не как нейтральная «гибкость», а как политический выбор, который либо будет институционализирован в новых стратегических документах (Конституция, Стратегия национальной безопасности, на базе идеологии «Реальной Армении»¹⁵), либо отвергнут в пользу более определенного внешнего вектора при победе оппозиции.

Партийное поле в преддверии выборов

В контексте интернационализации важно также отметить конфигурацию партийного поля и их политическую ориентацию, которая распределилась в контексте озвученных выше факторов. Согласно четвертой волне исследований EVN Report¹⁶ и PolitPro¹⁷, к началу июня лидирующие позиции сохраняет правящая партия «Гражданский договор» (КР), не придерживающаяся однозначно пророссийского или проевропейского курса, однако флуктуирующая в сторону европейской

¹⁵ Идеология Реальной Армении: премьер-министр обратился к народу // Сайт Премьер-министра Республики Армения. 2025. URL: <https://www.primeminister.am/ru/statements-and-messages/item/2025/02/19/Nikol-Pashinyan-Speech>.

¹⁶ Opposition Remains Fragmented, While Incumbent Strengthens: Armenia Heads Into Election Day // EVN Report. URL: <https://evnreport.com/elections/opposition-remains-fragmented-while-incumbent-strengthens-armenia-heads-into-election-day/>.

¹⁷ Armenia Election Poll: Results from EVN Report on May 31, 2026 // PolitPro. URL: <https://politpro.eu/en/armenia/opinion-polls/evn-report-2026-05-31/parliamentary-election>.

повестки. Основной оппозиционной силой является блок «Сильная Армения» Самвела Карапетяна (УН), занимающий второе место по уровню поддержки, заметно уступая правящей партии и опираясь на электорат, более критично оценивающий вопросы безопасности и внешнеполитического курса. Замыкает тройку лидеров блок экс-президента Р.Кочаряна «Альянс Армения» (НД), который, как и партия «Прорывающая Армения» (ВНК) балансируют на грани пороговых значений для прохождения в Национальное собрание. Остальные партии и блоки не проходят электоральный барьер (см. Рисунок):

Отдельно стоит отметить снижение рейтинга основных партий в сторону серой зоны (другие), где около трети опрошенных остается неопределившимися, либо воздерживающимися от ответа, что, с одной стороны, создает фрагментированное поле, в котором ни одна из дополнительных сил не демонстрирует сопоставимого с лидерами уровня поддержки, а также является ключевым фактором неопределенности накануне дня голосования.

Участие Н.Пашиняна в международных контактах как элемент интернационализации избирательной кампании

Одним из проявлений интернационализации кампании и выражения предпочтений тем или иным политическим акторам можно назвать участие в международных контактах. В контексте поляризации между евроатлантическим и евразийским курсами наиболее значимыми можно считать встречу Н.Пашиняна и В.Путина в апреле 2026 г. и саммит Европейского политического сообщества в Ереване в мае 2026 г. Официально оба события проходили до старта избирательной кампании, но обсуждавшиеся вопросы, как и сами события нельзя убрать из контекста.

Встреча премьера-министра Армении Никола Пашиняна и Президента России Владимира Путина состоялась 1 апреля 2026 г. в Кремле в формате рабочего визита Пашиняна в Москву. Темой переговоров стали экономическое сотрудничество, связанные с ЕС повестки, неучастие Армении в ОДКБ и, в частности, предстоящие парламентские выборы в Армении 7 июня 2026 г. Одним из ключевых моментов встречи стала открытая полемическая часть по поводу предстоящих выборов: «В Армении очень много друзей России, много пророссийских политических сил и политиков. Некоторые находятся в местах лишения свободы, хотя имеют паспорт РФ. Это ваше решение, мы не вмешиваемся, но хотелось бы, чтобы они могли участвовать во внутривнутриполитической работе»,¹⁸ – заявил В.Путин. В Ереване данное заявление рядом проевропейских СМИ и каналов было воспринято как попытка поддержать определенные оппозиционные силы.¹⁹ «Что касается наших внутривнутриполитических процессов. Армения – демократическая страна. У нас всегда есть политические процессы. У нас не очень многие, но есть граждане, которые думают, что в Армении слишком много демократии. Для нас принципиальный вопрос. У нас социальные

¹⁸ Российско-армянские переговоры // Президент России: сайт. 2026. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/79454>.

¹⁹ Putin Warns Against Election Bans On Armenian Opposition // Azatutyun.am*. URL: <https://www.azatutyun.am/a/33722615.html>

*Azatutyun.am – местная версия «Радио Свобода», признанное иностранным агентом и входящее в Перечень иностранных и международных неправительственных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории Российской Федерации.

сети, например, на 100% свободны. У нас нет в местах не столь отдаленных участников политического процесса»,²⁰ – ответил Н.Пашинян. Данный ответ в свою очередь был рассчитан как на внешнюю, так и внутреннюю аудиторию. Реплики быстро стали цитироваться российскими и армянскими СМИ и политиками. Для пророссийских сил они служили аргументом в пользу необходимости «возвращения» к более тесному союзу с Москвой и пересмотра шагов правительства, тогда как проевропейские силы использовали их для акцентирования темы внешнего давления. В результате сама встреча стала элементом символической интернационализации кампании: геополитическое измерение было публично озвучено на уровне лидеров государств и затем задавшее восприятие последовавших событий, несмотря на стремление премьер-министра Армении в публичных заявлениях давать сдержанную оценку переговорам и российско-армянским отношениям. Тем не менее отсутствие Н.Пашиняна на саммите ЕАЭС в конце мая 2026 г. в связи с «предвыборной кампанией» стало контекстуально рассматриваться также в свете событий, произошедших в апреле, а также прошедшего саммита Европейского политического сообщества (ЕПС) в Ереване.

Саммит ЕПС (май 2026 г.) стал еще одним неоднозначным событием, предшествовавшим выборам. Формально саммит был посвящен вопросам энергетики, безопасности, устойчивости цепочек поставок и противодействия дезинформации, однако в общественном восприятии он был критически воспринят как со стороны Российской Федерации по причине выступлений украинских представителей, носивших антироссийскую риторику, так и многих внутренних политических акторов, ввиду демонстрации прямой поддержки действующей власти со стороны европейских лидеров. Помимо резонансных политических заявлений, прозвучавших со стороны представителей ряда стран, некоторые были направлены непосредственно на предвыборную кампанию во время и после саммита.

Французский президент Эмманюэль Макрон использовал саммит для артикуляции идеи «Европы от Исландии до Кавказа» и признания «новой эры» в отношениях Армении с Европой, подчеркивая, что «восемь лет назад никто бы не приехал в Армению. Эта страна многими государствами рассматривалась как де-факто сателлит России. Никол организовал «бархатную революцию» и решил снизить риски для страны»²¹. Это заявление напрямую вошло в дискурс, усилив восприятие выборов как голосования за закрепление или пересмотр данного курса.

Ряд европейских лидеров и представителей акцентировали тему защиты выборов от гибридных угроз и иностранного вмешательства, а также необходимость укрепления армянской демократии, подчеркивая, что будущее страны принадлежит ее гражданам. Так, делегация ПАСЕ заявила: «Иностранное вмешательство в избирательную кампанию приобретает „все более сложный и системный характер» и затрагивает политическую и информационную среду Армении»²².

²⁰ Российско-армянские переговоры // Президент России: сайт. 2026. –RL: <http://kremlin.ru/events/president/news/79454>

²¹ “Very impressive”: Macron says Armenia’s global standing improved under Pashinyan // Armenpress. URL: <https://armenpress.am/en/article/1249194>.

²² Барсегян М. Караул от ПАСЕ, или кто на самом деле перекраивает выборы в Армении // Сетевой исследовательский институт. URL: https://rni.am/rus/articles/detail.php?ELEMENT_

Верховным представителем ЕС по иностранным делам и политике безопасности К.Каллас были озвучены обязательства по противодействию вмешательству и поддержки избирательной инфраструктуры: «Брюссель по просьбе Еревана направит группу быстрого реагирования для защиты выборов от гибридных угроз и иностранного вмешательства»²³, что интерпретировалось как признание наличия структурированного внешнего давления и попыток влияния на кампанию.

В армянском политическом поле саммит ЕПС усилил линии разлома. Для правящей партии он стал символом международной легитимации и запуска курса на европейскую интеграцию, в то время как пророссийские силы и оппозиция в целом критиковали саммит как пример «политической мобилизации» внешних акторов в пользу одной силы и как вмешательство в суверенный политический процесс. Таким образом, международное мероприятие превратилось в часть внутренней кампании, задав рамку, в которой программные тезисы оцениваются через призму «европейского выбора».

Избирательная кампания 2026 в Армении демонстрирует высокую степень трансформации в поле внешнеполитического выбора: электоральная повестка смещается от внутренней партийно-социальной конкуренции и решению накопившихся внутренних проблем к конкуренции внешних векторов, и делает вывод, что выборы все чаще воспринимаются избирателями как референдум о внешнеполитическом курсе страны.

Интернационализация не ограничивается сугубо электоральным процессом и учитывая значимость выборов в Национальное собрание в зависимости от их результатов предопределяет флуктуацию внешнеполитического курса страны, которой сложно сохранить текущий статус-кво в рамках многовекторной политики. Интернационализация проявляется на уровне содержания программ: через акцент на вопросах безопасности, интеграции, союзнических обязательств и экономической взаимозависимости, а также на уровне институционального сопровождения кампании. Внешние акторы не только комментируют внутренние процессы, но и становятся ресурсами для политических сил и непосредственными участниками, усиливая поляризацию и добавляя дополнительное измерение к традиционной партийной конкуренции.

Ориентируясь на предварительные результаты предвыборной «гонки» (где «Гражданский договор» сохраняет лидирующие позиции правящей партии), мы наблюдаем, что подтверждается курс на углубление отношений с ЕС при сохранении значительного пророссийского оппозиционного сегмента в Парламенте. Тем не менее Правительство получило формальный мандат для закрепления изменений внешнеполитического курса в нормативных и стратегических документах, а именно – принятие новой Стратегии национальной безопасности и формализация проекта идеологии «Реальной Армении» в качестве официального курса. Несколько

иначе обстоят дела с конституционным референдумом, для провозглашения которого правящей партии потребуется поддержка других сил в Национальном собрании. Таким образом, итоги выборов не ответили однозначно на вопрос о будущем внешнеполитическом курсе, однако добавили напряжения посредством усиления артикуляции данного вопроса в общественно-политическом дискурсе и его кристаллизации в текущей конфигурации Парламента на ближайшие 5 лет. От успешной работы с данными группами интереса и их настроениями зависят как способы, так и вектор решения вопроса, который был отложен, но не исчерпан.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Крылов А.Б. Армения: отказ от триединства нации и поиск новых ориентиров. // Россия и новые государства Евразии. 2024. № I(LXII). С. 113–131.
2. Крылов А.Б. Россия – Армения: от стратегического партнерства к стратегической неопределенности. // Россия и новые государства Евразии. 2025. № I(LXVI). С. 30–40. <https://doi.org/10.20542/2073-4786-2025-1-30-40>.
3. Погосян Г.А. Общие контуры национальной идентичности у современных армян // Социологический журнал. 2023. Т. 29. № 4. С. 123–140. <https://doi.org/10.19181/socjour.2023.29.4.6>.
4. Чувилина Н.Б. Выборы как фактор развития политиковластных процессов в странах СНГ: теоретико-методологический аспект // ПОЛИТЭКС. 2008. № 4. С. 213–228.

ID=25194.

23 Foreign Affairs Council: Press conference by High Representative Kaja Kallas // EEAS Official Website. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/foreign-affairs-council-press-conference-high-representative-kaja-kallas-3_en.

Резюме экспертной дискуссии «Россия и Южный Кавказ: диалог в новой реальности»

Всестороннее обсуждение перспектив развития вопросов региональной безопасности, экономического сотрудничества и роли внешних акторов на Южном Кавказе показало многоаспектность проблемы и необходимость принятия комплексных мер, направленных на укрепление роли России в регионе.

Южный Кавказ сегодня переживает один из самых переломных этапов своей современной истории. Регион, который еще недавно воспринимался многими мировыми центрами силы как периферия глобальной политики, стремительно превращается в одно из ключевых пространств геополитической конкуренции. Здесь пересекаются интересы России, Турции, Европейского союза, США, Ирана, Китая и других игроков, каждый из которых пытается закрепить собственное влияние и сформировать выгодную для себя архитектуру будущего региона.

Было подчеркнуто, что главная особенность нынешнего этапа заключается в отсутствии единого доминирующего центра силы. Если раньше в регионе существовали более понятные линии влияния, то сегодня Южный Кавказ становится зоной многовекторной конкуренции. Разные государства и блоки одновременно пытаются укрепить свои позиции в вопросах безопасности, энергетики, транспортных коммуникаций, логистики, цифровой инфраструктуры, экономики и информационного пространства.

Отмечалось, что в этих условиях особое значение приобретает укрепление всех аспектов взаимодействия России и Южной Осетии, России и Абхазии. Необходимы поиск новых перспектив союзнических отношений и реализация долгосрочных социальных и экономических программ.

Одновременно было подчеркнуто, что существует реальная перспектива восстановления и развития российско-грузинских отношений на фоне глобальных вызовов. Этому должны способствовать историческая связь, близость культур и религии.

Россия, несмотря на серьезные внешнеполитические вызовы последних лет и попытки ослабления ее позиций, продолжает сохранять значительное влияние в регионе. Российское присутствие остается глубоким в инфраструктурной, экономической, гуманитарной и энергетической сферах. При этом Москва постепенно переходит от политики инерционного присутствия к более долгосрочной и системной стратегии работы на Южном Кавказе, понимая, что борьба за влияние в регионе будет носить не краткосрочный, а стратегический характер.

Участники обсуждения подчеркнули, что западные страны, прежде всего Европейский союз и США, также существенно активизировали свою деятельность. Для них Южный Кавказ является важной частью стратегии по ограничению российского влияния и расширению собственного политического, нормативного

и институционального присутствия. Европа предлагает региону программы интеграции, реформ, инфраструктурного сотрудничества и политической поддержки.

Остро стоит и проблема сохранения связи с Россией в гуманитарной сфере. Сокращается научный и молодежный обмен, не прекращаются нападки на традиционные религиозные организации в Армении и Грузии, прерываются контакты в культурной и образовательной областях.

Южный Кавказ сегодня – это уже не только вопрос военной безопасности или геополитики в классическом понимании. Регион становится пространством конкуренции моделей развития. Здесь одновременно сталкиваются западная модель, евразийская модель, турецкий подход и различные смешанные форматы. Конкуренция идет не только за территории или влияние на элиты, но и за общественное мнение, ценности, информационное пространство, образовательную среду и технологические стандарты.

Одной из наиболее серьезных угроз становится внутренняя политическая поляризация обществ региона. Определенные внешние игроки всё чаще используют внутренние расколы в собственных интересах, превращая внутривластную борьбу в элемент большой геополитической конкуренции. Это создает дополнительные риски дестабилизации и делает государства Южного Кавказа еще более уязвимыми перед внешним давлением.

Регион переживает период беспрецедентной геополитической турбулентности, которая одновременно создает исторические возможности для переформатирования региональной логистики. Особое значение приобретает борьба за транспортные маршруты. Южный Кавказ постепенно превращается в один из важнейших узлов глобальных логистических цепочек. Речь идет не просто о дорогах или железнодорожных линиях. Речь идет о контроле над будущими экономическими потоками между Европой и Азией. Север – Юг, Срединный коридор, энергетические коммуникации, цифровые сети, – всё это становится частью новой геополитической карты региона. Фактически сегодня идет борьба не только за территории, но и за маршруты, через которые будет проходить экономика будущего. TRIPR является не столько транспортным, сколько геополитическим проектом: Соединенные Штаты впервые получают статус принципиального акционера крупной инфраструктурной инициативы на постсоветском пространстве. Проект имеет различное значение для основных участников: для США он представляет собой пакет стратегических активов, для Азербайджана и Турции – реализацию концепции «Зангезурского коридора», для Европейского союза – инструмент развития Срединного коридора, для Армении – одновременно источник новых возможностей и существенных рисков. Россия и Иран оказываются в уязвимом положении; их выжидательная позиция носит характер тактической паузы, обусловленной более широкими внешнеполитическими кризисами и ограниченностью ресурсов для проактивного реагирования. Южный Кавказ находится на пороге структурной трансформации, исход которой еще не определен, но будет задавать долгосрочные тенденции развития регионального баланса сил.

В ходе обсуждения сформулированы предложения по укреплению позиции России в регионе Южного Кавказа.

В современных условиях важно обеспечивать согласованные действия всех задействованных ведомств по экономическому, политическому, гуманитарному треку, а также учет специфики стран взаимодействия и геополитических аспектов. Необходимо создать один центр принятия решений и обеспечить по каждому направлению перспективное планирование.

Следует оперативно пересмотреть мероприятия, программы, контракты, осуществляемые в Южном Кавказе с целью придания им большей эффективности, повышения заинтересованности в их реализации со стороны партнеров.

Для России особое значение приобретают использование инструментов «мягкой силы», долгосрочная работа с общественным мнением, гуманитарными связями, образовательными программами, экспертной средой и информационным пространством. Очевидно, что в новых реалиях одного только традиционного политического и военного присутствия уже недостаточно для сохранения устойчивого влияния в регионе.

Требуется существенное усиление взаимодействия с диаспоральными организациями стран Южного Кавказа, а также по линии межцерковных связей. Их деятельность должна способствовать поддержанию на нужном уровне отношений между странами.

Экспертная дискуссия «Стратегическое партнерство России и стран Центральной Азии: вызовы и возможности»

Бегалинова Калимаш Капсамаровна,
 профессор кафедры религиоведения
 и культурологии Казахского национального
 университета имени аль-Фараби,
 доктор философских наук

Бегалинов Алибек Серикбекович,
 и.о. ассоциированного профессора
 Международного университета информационных
 технологий, кандидат философских наук

Центральная Азия на перекрестке цивилизаций¹

АННОТАЦИЯ

Доклад посвящен исследованию Центральной Азии как одного из ключевых историко-цивилизационных регионов Евразии, который на протяжении многих веков выполнял функцию связующего звена между Востоком и Западом, Югом и Севером. Рассматриваются особенности формирования региона как пространства интенсивного взаимодействия различных народов, культур, религий и государственных образований. Особое внимание уделено влиянию географического положения Центральной Азии на процессы политического, экономического и культурного развития, а также ее роли в становлении трансконтинентальных коммуникаций.

На основе историко-сравнительного, историко-генетического, цивилизационного и системного подходов проанализированы основные этапы эволюции Центрально-Азиатского региона от древности до современного периода. Исследованы особенности взаимодействия кочевых и оседлых обществ, оказавших существенное влияние на формирование государственности, хозяйственной деятельности и этнокультурной структуры региона. Раскрыта роль Великого шелкового пути как важнейшего фактора межкультурного обмена, способствовавшего распространению торговых связей, научных знаний, технологий и религиозных учений между различными частями Евразии.

В ходе исследования установлено, что Центральная Азия являлась не только транзитным пространством, но и самостоятельным центром цивилизационного развития, оказавшим значительное влияние на историческую динамику Евразийского континента. Показано, что исторический опыт региона сохраняет актуальность в современных условиях, характеризующихся усилением геоэкономической взаимозависимости, развитием международных транспортно-логистических коридоров и возрастанием значения межрегионального сотрудничества. Сделан вывод о том, что Центральная Азия продолжает занимать важное место в системе международных отношений, выступая одним из ключевых факторов устойчивого развития Евразии.

Ключевые слова: Центральная Азия, цивилизационное развитие, Великий шелковый путь, межкультурное взаимодействие, кочевые и оседлые общества, государственность, геополитика, историческое наследие, международное сотрудничество

В современную эпоху усиливается научный поиск, направленный на переосмысление исторического прошлого своего народа и формирование нового взгляда на его культуру, духовность. И это понятно. Ведь глобализация, цифровизация

¹ Полный текст статьи опубликован в журнале «Россия и мир: научный диалог». 2026. № 3(21). URL: <https://www.russia-world.ru/jour>.

означают общепланетарную интеграцию человечества в единое целое. Единым, взаимосвязанным становятся экономическая, политическая, духовная и иные сферы жизнедеятельности человеческого общества. «С одной стороны, глобализация – это процесс объединения и интеграции человечества... С другой стороны, глобализация – это углубление в беспрецедентных масштабах пропасти между богатым Западом и бедным незападным миром, увеличение с необычайной быстротой разрыва между развитостью западных стран и отсталостью всех незападных стран, жесткий диктат Запада над всем остальным миром, унификация национально-культурной самобытности народов планеты, их духовной идентичности, уничтожение национально-суверенной государственности, стандартизация и духовное опустошение личности человека» [13]. И в этих условиях обращение к истории, к коллективной памяти народа является одним из ответов на вызовы глобализации. История, как говорил К.Ясперс, «непосредственно касается нас... А все то, что касается нас, тем самым составляет проблему настоящего для человека» [18].

Центральная Азия как историко-географическое пространство

Казахстан в силу своего географического положения относится к Центрально-Азиатскому региону, расположенному в самом сердце Евразии. Помимо Казахстана в этот регион входят такие государства, как Узбекистан, Туркменистан, Таджикистан, Кыргызстан, различающиеся многообразными историко-культурными, хозяйственно-экономическими, социально-политическими и иными особенностями в укладе жизнедеятельности, обусловленные оседлым, полукочевым или кочевым образом их бытия, в основе которых лежали, прежде всего природные, культурные, хозяйственно-экономические, политические, демографические и другие факторы, ресурсы. Следует отметить, что в научно-исследовательской литературе существуют и другие подходы в отношении историко-культурных насельников этого региона. «Центральная Азия – это обширный, не имеющий выхода к океану регион современной Азии. По мнению Британники (старейшая американская универсальная энциклопедия), данный регион включает в себя Казахстан и четыре бывших советских республики Средней Азии. Интересно, что такая же трактовка региона характерна для большинства российских источников, но в советское время предпочитали писать о «Средней Азии и Казахстане», а сегодня более употребим термин именно «Центральная Азия». Не согласуется с этим трактовка ЮНЕСКО, согласно которой регион Центральной Азии включает Монголию, северо-западный Китай, районы азиатской России южнее таежной зоны, Афганистан, северо-западную часть Индии, северную часть Пакистана, северную часть Ирана»².

Центральная Азия испокон веков выступает пространством пересечения континентальных путей, культурных традиций и цивилизационных моделей. Его можно рассматривать как своеобразный мост между крупнейшими историческими

² АНО «Институт исследований Центральной Азии». URL: <https://central-asia.institute/centr-asia-countries>.

центрами Востока и Запада. Именно здесь на протяжении тысячелетий формировалась особая зона интенсивного культурного обмена, оказавшая заметное влияние на ход мировой истории.

Историческая динамика и цивилизационное взаимодействие региона

С незапамятных времен и вплоть до современности Центральная Азия, занимая выгодное географическое положение, что предопределило ее судьбу, неоднократно становилась объектом геополитического соперничества и военных кампаний. Она выступала специфическим узлом, в котором тесно переплетались интересы таких крупных государств, как Китай, Индия, Персия, Арабский халифат, страны Европы. Через территорию Центральной Азии проходили армии и империи, стремившиеся установить контроль над стратегически важным регионом. Среди наиболее известных завоевателей можно назвать Александра Македонского, правителя гуннов Аттилу, Чингисхана, эмира Тимура, а также Бабура – завоевателя Индии и основателя Могольской империи. Помимо них, множество других правителей и военачальников различных эпох предпринимали попытки подчинить этот богатый природными ресурсами и культурным наследием край. Как видим, Центральная Азия находилась в зоне активной экспансии со стороны Китайской империи, Арабского халифата и ряда других государств древности и Средневековья.

Историческое развитие государственности в Центральной Азии происходило в условиях постоянного взаимодействия кочевых и оседлых обществ, представленных преимущественно тюркоязычными и ираноязычными этносами. Особую роль в этом процессе сыграли кочевые народы, чья высокая мобильность, военная организация и способность адаптироваться к сложным природно-климатическим условиям позволяли формировать крупные политические объединения, контролировавшие важнейшие торгово-коммуникационные маршруты Евразии и оказывавшие значительное влияние на региональную и мировую политику. По справедливому утверждению Л.Н.Гумилёва, «кочевники Великой Степи играли в истории и культуре человечества не меньшую роль, чем европейцы и китайцы, египтяне и персы, ацтеки и инки. Только роль их была особой, оригинальной, как впрочем, у каждого этноса» [6, с. 15]. И эта особая их роль, думается, состояла, прежде всего в том, что кочевники, постоянно меняя в поисках лучших пастбищ, земель, место своего обитания, являлись связующим звеном между разными цивилизациями, культурами, странами, осуществляли товаро- и ресурсообмен среди оседлых народов.

Долгосрочное развитие и современное значение Центральной Азии

Сущностную роль в историко-культурном развитии Центрально-Азиатского региона сыграли государственные структуры саков, усуней, гуннов, а также тюркских

каганатов и позднее Монгольской империи. При этом кочевая цивилизация не противопоставлялась оседлой, а находилась с ней в постоянном взаимодействии, формируя особую модель общественной и культурной интеграции.

Особое значение в истории региона имел Великий шелковый путь, который проходил через степи, пустыни и горные перевалы Центральной Азии, связывая между собой различные части Евразии. По этому трансрегиональному маршруту перемещались не только товары, но и идеи, технологии, религиозные представления и культурные ценности. Караванные потоки везли шелк, который долгое время выполнял функцию эквивалента обмена, а также разнообразные грузы, скот, породистых лошадей и даже экзотических животных. Шелковый путь, по мнению некоторых исследователей, начал формироваться уже в эпоху походов Александра Македонского и продолжал функционировать вплоть до XVI в., хотя традиционно его системное освоение связывается с миссией китайского дипломата Чжан Цяня (ок. II в. до н. э.).

Эта торгово-коммуникационная система играла роль важнейшей экономической и информационной артерии для государств Центральной Азии, обеспечивая значительные доходы и способствуя развитию городов и ремесленных центров. Вдоль маршрутов возникали караван-сарай, многие из которых со временем превращались в крупные торгово-ремесленные поселения. По свидетельству арабского географа аль-Мукаддаси, только на территории Южного Казахстана существовало около пятидесяти городов, что свидетельствует о высокой степени урбанизации региона [17].

Таким образом, Великий шелковый путь стал не только торговой магистралью, но и мощным механизмом культурного взаимодействия, обеспечившим взаимное проникновение и синтез различных цивилизаций Евразии, превратив центральноазиатский регион в крупнейшую артерию международной торговли. Он выполнял функцию своеобразного посредника между Востоком и Западом, способствуя формированию единого историко-культурного пространства континента.

В геополитическом аспекте Центрально-Азиатский регион с древнейших времен является полиэтническим и поликонфессиональным. Как свидетельствуют китайские, индийские, персидские и иные источники, освоение этого региона началось на заре истории человечества в X–VIII тысячелетиях до н.э. и связано с древними племенами скотоводов. Этот этап хронологически охватывает период раннего палеолита, так называемого младенческого состояния человечества. О существовании данного этапа ученые судят по различным археологическим находкам. «Последние генетические исследования пришли к выводу, что современный человек появился в регионе около 500 либо 400 тыс. лет назад. Некоторые исследования выявили, что именно Центральная Азия – источник общин людей, заселивших впоследствии Европу, Сибирь и Северную Америку. Согласно Курганной гипотезе, Северо-Запад Центральной Азии – место происхождения некоторых индоевропейских языков. Еще в 4500 г. до н.э. некоторые небольшие общины региона осели и стали заниматься сельским хозяйством и скотоводством. В тот же период некоторые такие общины начали одомашнивание лошади. Изначально лошадь была только источником пищи. Считается, что только к 4000 г. до н.э. лошадь

стала использоваться для транспортных целей. В то время, когда на засушливых равнинах господствовали кочевые племена, в более влажных частях Центральной Азии развивались еще малочисленные города-государства и земледельческие общины. Бактрийско-Маргианский археологический комплекс был первой оседлой цивилизацией региона, практикуя орошаемое земледелие и, возможно, эта цивилизация даже имела письменность и взаимодействовала с кочевниками Андроновской культуры»³.

В эпоху античности и раннего Средневековья Центральная Азия стала ареной взаимодействия различных цивилизаций. Здесь последовательно возникали и сменяли друг друга крупные государственные образования: Империя Ахеменидов, Походы Александра Македонского, Кушанское царство, Тюркский каганат и другие. К числу крупнейших государственных образований в научной литературе относят империю гуннов (хуннов, сюннов), в становлении которой активное участие принимали тюркские племена. За счет захвата чужих территории империя гуннов быстро разрасталась. В I тысячелетии н.э. влияние гуннов распространилось на большую часть территории Евразийского континента. В IV в. гуннские войска завоевали Римскую империю, дошли до границ современной Франции, часть гуннов, покорив Венгрию, поселились там [16]. Эти времена в мировой истории принято определять как эпоху Великого переселения народов. Гунны за два столетия изменили этнический состав некоторых народов, в том числе и европейских, трансформировали их культуру.

Современная наука располагает достаточным материалом о социально-культурном, бытовом укладе, жизнедеятельности гуннов, свидетельствующих о достаточно высоком уровне их развития. Хозяйство гуннов являлось смешанным – скотоводческо-земледельческим. Большое значение они придавали коневодству. Как справедливо отмечает исследователь Л.Р.Кызласов, «основу гуннского государственного строя составляет сочетание рабства и зачатков крепостничества с коллективной формой зависимости даннического и обработочного типа. Новые археологические материалы все более убеждают в том, что имеющиеся в науке представления о социальном строе гуннов, об их якобы «чисто» кочевом хозяйстве устарели. Нельзя согласиться с утверждением некоторых ученых, что государство гуннов носило племенной характер. Не следует забывать, что у гуннов существовала военно-административная система разделения населения на десятки, сотни, тысячи и тьмы (десятки тысяч). Эта система опиралась на территориальные вассальные взаимоотношения, а не родовые или племенные связи» [8].

К замечательным страницам культурной истории гуннов можно отнести создание ими прикладного искусства, важным компонентом которого явилось искусство «звериного стиля». Гунны имели свою алфавитную письменность, основанную на звуковом принципе. Эта письменность позднее вошла в науку как орхоно-енесайская или тюркская. «Гунны и созданный ими огромный племенной союз отнюдь не были, как это представляет западноевропейская наука, разбойничьим отрядом. Они стояли несравненно выше многих европейских племен по своему

³ АНО «Институт исследований Центральной Азии». URL: <https://central-asia.institute/centr-asia-countries>.

социальному строю и по своей культуре. Разгромив готов, гунны, тем самым, высвободили из-под их политического господства славянские племена», – писал А.Н.Бернштам [5]. Следует отметить, что территория юго-восточного Казахстана вплоть до VI в. н.э. находилась под властью государства белых гуннов – эфталитов (иначе их называли страной Аргу).

Не менее влиятельными являлись и уйсунские племена, которые создали на территории Центральной Азии одно из первых государственных образований. Государство уйсуней занимало обширную территорию от озера Эти-Нора до Ферганы. Численность его населения доходила до 630 тыс. человек. Основным занятием жителей этого государства было кочевое скотоводство. «В Ханьское время усунь были посредниками между усунь и Западным краем; (они) обладали одновременно обычаями кочевников северных стран и торговцев Западного края, – писал китайский ученый Хэ Цю-тао, – Усунь собственно было кочевым государством; следуя за водой и травой, усунь перемещали (свои) кочевья, не имея постоянного места» [9, с. 69]. Об успехах номадической культуры уйсуней говорит и их искусство разведения породистых лошадей, ценившихся за резвость далеко за пределами их государства. «Усуньские лошади, как показывают золотые пластины с изображениями всадников, найденные в Тенликском кургане, были крупными и рослыми с развитой мускулатурой, массивной головой, подстриженными или заплетенными хвостом и гривой. Они, естественно, были похожи на сакскую лошадь, изображенную на персепольском рельефе и на золотой пластинке из Сибири в Петровской коллекции. Эти кони пользовались такой популярностью, что ими расплачивались за высокопоставленных невест, например за ханьскую царевну: “В это время в Цзюцюань расставили станции и заставы вплоть до Юймыня. Усунь представило стоворные дары за ханьскую царевну в размере 1000 голов лошадей. Ханьский двор отправил князю императорского рода по имени Цзянду. Она отправилась в Усунь, чтобы выйти за князя Усунь”» [9, с. 120].

Оседлое население занималось различными ремеслами, торговлей и небезуспешно. Дошедшие до нас материальные памятники культуры уйсуней показывают, что они были прекрасными художниками, ювелирами, скульпторами, архитекторами. Ими были основаны мощные города-крепости Чигу, Джетысу, Битень [4, с. 22]. В сохранившихся китайских исторических документах тех времен отмечалось, что государство уйсуней «весьма сильное государство. В древние времена подчинялись сюнну, потом усилились и умножились. Лучников несколько десятков тысяч человек, обучены наступательным действиям. Домогаются подчинять вассалов, не соглашаются отправляться для явки на собрания... Первоначально это была страна Сэ». И далее эти источники свидетельствуют: «Каждое (объединение) имело пеших войск и конницы несколько десятков тысяч, города и крепости чередовались, ежедневно искали защиты у копья. Вообще эти земледельцы все надели латы и шлемы, друг друга хватили в плен, чтобы превратить в рабов (нуби). Справка Хэ Цю-Тао: «ныне это пределы Ташихань. Ташихань на северо-востоке смежно с правым крылом касакэ (казахов); на востоке смежно с булутэ (бурутами-киргизами); на юго-востоке смежно с намугань». В ходе массовых миграций и перемены местожительства такие смещения естественны, однако примечательно, что китайский историк, через пятнадцать веков освещавший эти события, упоминает о них как ареале усуней,

«ибо усунь из Цунлина переселились жить сюда, потом еще переселились на запад. Поэтому имя города еще по-прежнему (сохранилось) старое» [9, с. 74-75].

Что касается военного дела, то уйсунь были храбрыми мужественными воинами. Соседние китайские правители, признавая военную мощь государства уйсуней, старались поддерживать с ним дипломатические отношения. К примеру, первый посол Китая Чжан-цзянь прибыл к уйсуням около 105 г. до н.э. с предложением создать союз против Хунн [3, с. 13].

Апогеем духовного развития государства уйсуней стало появление (возможно усовершенствование имевшегося гуннского письма) письменности, которая стимулировала рост теоретико-практических знаний. Подтверждением этого является утверждение Л.Н.Гумилёва, высказанное в книге «Хунну»: «В «Истории троецарствия» сообщается об обмене посольствами между Китаем и Фуаном, древнейшим царством в Камбодже. Китайское посольство посетило Камбоджу между 245 и 250 г. и, вернувшись, участник его Кань Тай, сообщая о царстве Фуан, заявил: «Они имеют книги и хранят их в архивах. Их письменность напоминает письменность хуннов» [2, с. 6]. Роль письменности в духовной жизни центральноазиатского региона была неоценимой – она открыла возможность систематизации и обобщения имеющегося духовно-культурного опыта, знаний.

В целом уйсунь оставили неизгладимый след в истории казахского народа. Как справедливо отмечает С.П.Толстов, «имя асианов – усуней с очень незначительными изменениями формы продолжает жить до сих пор в качестве имени одного из важнейших родо-племенных подразделений казахов. Имя страны Кангха выступает в средневековье в качестве имени большого союза присырдарьинских тюркских племен – канглы, а это имя, в свою очередь, существует и поныне как имя крупного племенного подразделения в составе узбекского, каракалпакского и казахского народов. Здесь мы видим ту огромную роль, которую сыграли скифо-сарматские племена в истории народов Средней Азии – осязаемые следы влияния этих народов мы находим в культуре, прежде всего, обитателей Приаралья – узбеков, туркмен, каракалпак и казахов» [15, с. 6]. Определяющее влияние на дальнейшее формирование духовно-ментальных качеств казахского народа, бесспорно, оказала и культура Тюркского каганата.

Новое государственное объединение – Тюркский каганат – образуется в VI в. (552 г.) на основе союза нескольких тюркских племен, во главе которых находилось племя Ашина. «Это имперское образование распространилось практически на все пространство Евразийской степи, включив в свой состав территории от Манчжурии на востоке до Азовского моря на западе. Ираноязычные кочевники перенимают язык новых властителей степи, начинается эпоха тюркского владычества. В монгольской степи, в долине Орхона – в сердце степной империи, в этот период сооружаются грандиозные культовые комплексы, посвященные тюркским государственным деятелям» [11]. Или: «Сердце Евразии – Великая Степь, земля древних тюрков, которая простиралась от Китайской стены до Карпат. На юге – от Афганистана и Ирана, а на севере – окаймленной сибирской тайгой. В древности эту степь на Западе называли Скифией, персы – Тураном, а китайцы – степью северных варваров – Бей-ху», – писал Л.Н.Гумилёв [7, с. 6]. Тюркский каганат, просуществовав до начала VII в.

(603 г.), распался на два каганата – Западно-Тюркский и Восточно-Тюркский. В Западно-Тюркский каганат вошли обширные земли, начиная от территории современной СУАР Китая до Каспийского моря. Территория Казахстана также входила в состав этого государства. В начале VIII в. Западно-Тюркский каганат был завоеван тюркешами. В Восточно-Тюркский каганат входили не менее обширные территории Центральной Азии, в том числе земли Алтая, современной Монголии, которые простирались вглубь на восток. Господство этого каганата длилось вплоть до середины VIII в. Потомками древних тюрков и наследниками их величайшей культуры помимо казахского народа являются узбеки, киргизы, туркмены, турки, азербайджанцы, татары, уйгуры, башкиры и многие другие народы Евразийского континента (тюркоязычные народы представляют более 30 наций, этносов, народностей).

Религией Тюркского каганата было тенгрианство, впитавшее в себя все богатство мифологических и религиозных верований древних тюрков

Несмотря на то, что турки достигли заметных результатов в своей духовно-практической деятельности, стояли по уровню развития намного выше некоторых народов, тем не менее, в более поздние века их характеризовали воинами-разбойниками, завоевателями. К примеру, средневековый историк Абу Усман аль-Джахиз писал: «Турки – народ, для которого оседлая жизнь, неподвижное состояние, длительность пребывания и нахождения в одном месте, малочисленность передвижений и перемен – невыносимы. Сущность их сложения основана на движении, и нет у них предназначения к покою» [12]. Тюркам была присуща специфическая духовность, нравственность, они имели свой идеал красоты, добра, истины, основанный на многовековом материально-хозяйственном, культурном опыте предков. Следует отметить, что эту духовность, нравственность на генетическом уровне центральноазиатские народы унаследовали от своих великих предков – тюркского народа.

Начиная с конца VII века, территория Центрально-Азиатского региона была завоевана арабами и вошла в состав Арабского халифата, господствующей религией стал ислам. Эти завоевания сыграли позитивную роль в истории региона в плане ускорения социально-экономического, духовно-культурного развития, включив его в обширное пространство международных отношений от Китая, Индии до Европы, Средневековья.

На территории Центральной Азии крупные города, такие, как Самарканд, Бухара, Хива, Отрар, Ургенч и другие, превратились в важные научные и культурные центры Халифата. Консолидирующую роль в объединении различных народов Центрально-Азиатского региона сыграл ислам, распространение которого шло с большим трудом, сопровождаясь противодействием местного населения. Ислам вынужден был вступать в соприкосновение с местными религиозными традициями, обычаями, создав специфическую, более терпимую форму вероисповедания – ханафитский мазхаб. Ислам оказал сущностное воздействие на все стороны жизнедеятельности общества – на образование, право, архитектуру и т.д. В крупных населенных поселениях, городах возводились мечети, медресе, мавзолеи и общественные здания. В городах развивалась наука, культура, философия, медицина. Появилась замечательная плеяда выдающихся ученых, философов – аль-Фараби,

Абу Райхан Беруни, Ибн Сина, имам аль-Бухари и многие другие, чье наследие стало итогом того культурного подъема, который начался в эпоху халифата.

В период Арабского халифата Казахстан и Кыргызстан в большей степени сохраняли кочевые традиции. Туркменские племена участвовали в политических процессах региона и постепенно формировали собственные этнокультурные особенности. Земли современного Таджикистана также играли важную роль в развитии персоязычной культуры и литературы.

Важное значение для всей Центральной Азии имело монгольское завоевание XIII в. Вхождение региона в состав Монгольской империи привело к изменению политической карты и ускорению этнических процессов. В последующие столетия значительное влияние оказала держава эмира Тимура, при которой Самарканд превратился в один из крупнейших центров науки, архитектуры и искусства.

К XVI–XVIII вв. развитие государств Центральной Азии стало более неоднородным. На территории современного Узбекистана существовали Бухарское, Хивинское и Кокандское ханства, опиравшиеся на развитое земледелие и торговлю. Казахстан был разделен на три жуза, сохраняя традиции кочевого скотоводства и степной политической организации. Кыргызские земли находились под влиянием соседних государств, но сохраняли собственную племенную структуру. Таджикские территории входили в состав различных ханств и эмиратов, а туркменские племена сохраняли относительную самостоятельность, занимаясь скотоводством и торговлей [14].

К началу XIX в. центральноазиатские государства различались по уровню политической централизации и хозяйственной специализации. Оседлые районы Мавераннахра характеризовались развитой городской культурой, ремесленным производством и международной торговлей, тогда как степные и горные области сохраняли преобладание кочевого и полукочевого уклада. Общими чертами региона стали выгодное географическое положение, участие в международной торговле и высокая культурная активность. вошли в состав СССР. Советский период оказал значительное влияние на социально-экономическое развитие региона. Были проведены индустриализация, коллективизация сельского хозяйства, развитие транспортной инфраструктуры и системы образования. Вместе с тем усилилась специализация республик: Казахстан стал крупным центром добывающей промышленности и освоения целинных земель, Узбекистан превратился в ведущего производителя хлопка, Туркменистан развивал газодобычу, а Кыргызстан и Таджикистан специализировались на гидроэнергетике и сельском хозяйстве.

После распада СССР в 1991 г. страны Центральной Азии начали самостоятельное государственное строительство. Наиболее успешные темпы экономического роста продемонстрировал Казахстан благодаря значительным запасам нефти, газа и металлов, а также привлечению иностранных инвестиций. Узбекистан обладает крупнейшим населением региона и играет важную роль как промышленный и транспортный центр. Туркменистан опирается на экспорт природного газа, сохраняя высокую степень государственного контроля над экономикой. Кыргызстан отличается более либеральной политической системой, однако сталкивается с ограниченностью природных ресурсов и зависимостью от денежных переводов

трудовых мигрантов. Таджикистан, переживший гражданскую войну в 1990-х гг., постепенно укрепляет экономику, используя гидроэнергетический потенциал и региональное сотрудничество⁴.

С точки зрения политического развития государства региона демонстрируют различные модели управления. Казахстан и Узбекистан в последние годы проводят постепенные реформы государственного управления и экономики. Туркменистан сохраняет наиболее централизованную модель власти. Кыргызстан выделяется более активной политической конкуренцией и опытом смены власти через общественные протесты. Таджикистан характеризуется устойчивой президентской системой и значительной ролью государства в общественно-политической жизни.

В демографическом отношении лидером является Узбекистан, где сосредоточена значительная часть населения региона. Казахстан обладает самой большой территорией и относительно низкой плотностью населения. Кыргызстан и Таджикистан отличаются более высоким уровнем рождаемости и значительной долей молодежи. Туркменистан занимает промежуточное положение по численности населения, сохраняя сравнительно высокий естественный прирост.

Во внешней политике страны Центральной Азии стремятся поддерживать многовекторное сотрудничество с Российской Федерацией, Китайской Народной Республикой, Соединенными Штатами Америки, а также международными организациями [10]. Особое значение приобретают транспортные коридоры, энергетические проекты и инициативы по укреплению региональной безопасности.

В XX в. страны Центральной Азии развивались в рамках единой советской системы, что сформировало общие черты их социально-экономического развития. Однако в XXI в. каждая из республик выработала собственную модель модернизации и взаимодействия с внешним миром. Общими для региона остаются стремление к устойчивому развитию, укреплению государственности и расширению международного сотрудничества, тогда как различия проявляются в уровне экономического развития, политических институтах и ресурсном потенциале⁵.

Современный этап развития пяти центральноазиатских государств характеризуется сочетанием глобалистских моментов, преломляющихся через региональные, этнонациональные особенности, что свидетельствует об их глубокой связи и взаимосвязи. Глобальное проявляется в том, что эти государства, будучи составной частью мирового сообщества, органично включены в общий поток исторического процесса, подчинены общим закономерностям цивилизационного развития, что неизбежно диктует определенные правила и нормы их общественного бытия.

⁴ Центральная Азия и современность. URL: <https://chatgpt.com/c/6a2bb089-57a4-83eb-af3a-7cb39991cc71>.

⁵ Там же.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Абдылдаева М.А. Центральная Азия в мировой системе и влияние персидской культуры на регион // Актуальные проблемы социально-гуманитарного и научно-технического знания. 2019. № 4(20). С. 51–53.
2. Аюпов Н.Г. Тенгризм. Алматы, 1998.
3. Бартольд В. В. Очерк истории Семиречья. Фрунзе, 1943.
4. Бегалинова К.К. Ментальная духовность казахской философии как целостной системы. Алматы, 2016. 163 с.
5. Бернштам А.Н. Очерки истории гуннов. Л., 1951.
6. Гумилёв Л.Н. Древняя Русь и Великая Степь. М., 1989.
7. Гумилёв Л.Н. Древние тюрки. М., 1993.
8. Кызласов Л.Р. История Южной Сибири в: Добльхофер Эрнст. Знаки и чудеса. М., 1963.
9. Кюннер Н.В. Китайские известия о народах южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961.
10. Лаумулин М.Т. Центральная Азия в эпоху трансформации. Нур-Султан: КИСИ при Президенте РК, 2020. 464 с.
11. Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности: тексты и исследования. М.-Л., 1951.
12. Мандельштам А.М. Характеристика тюрков IX в. в «Послании Фатху б. Хакану» ал-Джахиза // Труды института истории, археологии и этнографии. Т. 1. Алма-Ата. 1956. С. 227–250.
13. Пугачёв А.В. Глобализация и ее влияние на процесс взаимодействия образования и права // Философия образования. 2013. № 3. С. 60–70.
14. Сыздыкова Ж.С. Центральная Азия – перекресток цивилизации на Великом шелковом пути // Гуманитарные науки. 2018. № 3/2. С. 45–48.
15. Толстов С. П. Города гузов // СЭ. 1947. № 3. С. 24.
16. Хетагурова В.Ш. Открываем Центральную Азию: перспективы развития туризма, по тропам Великого Шелкового пути // Сервис в России и за рубежом. 2017. Т. 11. Вып. 6. С. 15–31.
17. Шамс ад-Дин ал-Мукаддаси. Лучшее разделение для познания климатов / Перевод с арабского под ред. В.М.Бейлиса; введение, комментарии, указатели Н.И.Серикова. М.: Восточная литература (ИВ РАН), 2000.
18. Ясперс К. Истоки истории и ее цель // Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1994.

Вышегородцев Даниил Денисович,
младший научный сотрудник сектора
экономических исследований
Центра постсоветских исследований Института
мировой экономики
и международных отношений
имени Е.М.Примакова РАН

Энергетический сектор Казахстана: геоэкономические риски и возможности для сотрудничества с Россией

АННОТАЦИЯ

Рассматривается современное состояние энергетического сектора Казахстана, определяются его сильные и слабые стороны и потенциальные направления сотрудничества в данной области с Российской Федерацией. Обозначается, что в современных условиях волатильности мирового энергетического рынка особое значение приобретает развитие дву- и многостороннего сотрудничества, позволяющее нивелировать негативное воздействие внешних факторов и преодолеть стоящие перед участниками препятствия. На основе анализа официальных статистических данных автор демонстрирует, что страна обладает достаточным объемом запасов энергоресурсов и их разнообразием для обеспечения полной энергетической независимости при продолжении ресурсного экспорта. Последнему способствует развитый экспортоориентированный обрабатывающий сектор, поддерживаемый соответствующей транспортно-логистической инфраструктурой. Отмечается, однако, что внутренняя энергетическая отрасль Казахстана сталкивается с целым рядом угроз. Наиболее острыми из них являются устаревание и износ генерирующей и обеспечивающей инфраструктуры, острая нехватка магистральных линий-коннекторов (прежде всего между северными и южными областями) и низкий спрос на казахстанскую электроэнергию за пределами внутреннего рынка. Данные проблемы, по мнению автора, могут быть решены за счет налаживания взаимодействия Казахстана с РФ как своим традиционным партнером в данной сфере по двум основным направлениям: атомная энергетика, а также электросети и обеспечивающая инфраструктура.

Ключевые слова: Казахстан, Российская Федерация, энергетика, электростанции, электросети, износ инфраструктуры, «Росатом», «Россети»

На сегодняшний день энергетический сектор Казахстана является одним из наиболее развитых в Центрально-Азиатском регионе. Данные позиции обеспечиваются широкой ресурсной базой и масштабной инфраструктурой. Однако в нынешних условиях неопределенности на мировом рынке казахстанский энергорынок, являющийся ключевым для ориентированной на ресурсный и топливный экспорт экономики, сталкивается с целым рядом новых вызовов. Волатильность цен, нарушение цепочек поставок и возросшая степень политизированности вопросов энергетики в случае Казахстана накладываются уже на существующие и пока еще не решенные проблемы в национальной энергетической отрасли.

Одним из инструментов нивелирования негативного воздействия факторов нестабильности является налаживание международного сотрудничества. В сфере энергетики традиционным партнером Казахстана остается Российская Федерация, совместно с которой продолжают реализовываться совместные отраслевые проекты и форматы партнерств. В этой связи появляется необходимость не только охарактеризовать современное состояние казахстанского энергосектора и стоящие перед ним внутренние и внешние угрозы, но и выделить наиболее перспективные направления российско-казахстанского взаимодействия, которые могут стать взаимовыгодным способом преодоления существующих проблем.

Актуальность данной темы обусловлена тремя основными факторами. Во-первых, потребностью оценки влияния нестабильности на мировом рынке энергоресурсов на региональных лидеров в данной отрасли. Во время как воздействие продолжающегося кризиса на ключевых продавцов и покупателей притягивает к себе внимание основной части научного сообщества, эффект, испытываемый на локальном уровне, зачастую остается не полностью раскрытым. Во-вторых, важностью выработки и выдвижения конкретных предложений по развитию сотрудничества РФ и Казахстана на двусторонней и многосторонней основах в условиях активного перестраивания международных политических и экономических систем и связей между ними. В-третьих, необходимостью формирования полноценной картины состояния энергосектора Казахстана как одной из ключевых составляющих энергетической безопасности Центральной Азии и определения того, насколько его позиции на глобальном рынке топливно-энергетических ресурсов соотносятся с состоянием его внутренней энергосферы.

Первой основой энергетической отрасли Казахстана и показателем его современного состояния выступает его ресурсная база и добывающая промышленность. Добыча угля опирается на 8 крупнейших месторождений бурого (Тургайский, Майкубенский и Нижне-Илийский бассейны) и каменного угля (месторождения Каражыра, Кушокинское и Борлинское, бассейны Карагандийский, Экибастузский и Тениз-Коржунколь) и сосредоточена в северных и центральных областях. Объем добычи составляет 111,4 млн т¹. Кроме того, Казахстан является мировым лидером по запасам и добыче урановых руд (более 900 тыс. т и 23,3 тыс. т в год соответственно), месторождения которых сконцентрированы юге страны, а также в Мангистауской, Северо-Казахстанской и Акмолинской областях.

На 2026 г. в Казахстане осваиваются 3 нефтегазовых месторождения (общий объем добычи около 2 млрд баррелей сырой нефти и более 14 млрд куб. м природного газа в год), 24 нефтяных месторождения (объем добычи 2,9 млрд баррелей в год) и 2 газовых месторождения (объем добычи 113 млн куб. м в год). Казахская добывающая промышленность сконцентрирована в Мангистауской, Атырауской, Актюбинской и Западно-Казахстанской областях.

Запасы гидроэнергетических ресурсов Казахстана, еще не используемых в рамках действующих ГЭС, расположены в Восточно-Казахстанской, Алматинской,

Жамбылской и Туркестанской областях и составляют 1501 ГВт². Большая часть перспективных ресурсов солнечной генерации (1671 ГВт) также приходится на юг страны, в то время как ветровой потенциал (24,3 ГВт) привязан к районам Джунгарских ворот (Жетысуская область), Ерейментау (Акмолинская область), Форт Шевченко (Мангистауская область) и Кордай (Жамбылская область)³.

Таким образом, Казахстан обладает достаточной невозобновляемой и возобновляемой ресурсной базой, чтобы, во-первых, полностью обеспечить свои нынешние и потенциальные потребности в энергосфере, занимая при этом видное место среди региональных и мировых отраслевых продавцов, а во-вторых, привлечь к реализации своего энергетического потенциала зарубежных партнеров и инвесторов. Последнему аспекту также способствует санкционное вытеснение России с основных энергорынков и формирующийся за этот счет интерес к Казахстану как альтернативному поставщику. Однако распределение данных ресурсов по территории страны носит неравномерный характер, что подразумевает для внутристранового энергосектора подразумевает создание такой архитектуры обеспечивающей инфраструктуры, которая позволила бы нивелировать возникающие диспропорции в электрогенерации.

Второй основой казахстанского энергосектора являются перерабатывающая и логистическая инфраструктура. В нефтегазовой отрасли они представлены, прежде всего, тремя размещенными на западе, севере и востоке страны нефтеперерабатывающими заводами – Атырауским, Павлодарским и Шымкентским – мощностью 123 млн баррелей в год, а также рядом мини-НПЗ.

Транспортно-логистический аспект реализуется в рамках тремя магистральными нефтепроводами: «Узень-Атырау-Самара», «Каспийский трубопроводный консорциум (КТК)» и «Казахстанско-китайский» с совокупной протяженностью 5119 км и пропускной способностью 851 млн баррелей в год. Первые два нефтепровода ориентированы на «западное направление» казахстанского углеводородного экспорта (страны Европейского союза, в т.ч. транзитом через территорию Российской Федерации и с использованием ее трубопроводной инфраструктуры), тогда как третий обеспечивает выход на китайский рынок.

В силу сохраняющейся ориентации казахстанской экономики на сырьевой экспорт (Рисунок 1), нефтеперерабатывающая отрасль представляет для Казахстана особое значение. Проведенная в 2000–2010-х гг. Модернизация оборудования позволяет трем ключевым НПЗ перерабатывать большие объемы сырья и выпускать широкую линейку продуктов. Наличие крупных нефтеперерабатывающих мощностей и экспортноориентированной инфраструктуры, в свою очередь, демонстрирует понимание Казахстаном своих позиций на региональном и мировом энергорынках. Вместе с тем здесь обнаруживается одна из актуальных для него проблем. «Узень-Атырау-Самара» соединен с потребителями в ЕС через российские нефтепроводы,

¹ Coal chemistry. URL: <https://invest.gov.kz/ru/doing-business-here/regulated-sectors/coal-chemistry/>.

² Kazakhstan – Renewable Energy. URL: <https://www.trade.gov/energy-resource-guide-kazakhstan-renewable-energy>.

³ Pazilkhanov A., Bissembayev A. Technical Analysis of the Gap Between Potential and Utilization of Renewable Energy Sources in Kazakhstan // Universum: технические науки. 2025. №6 (135). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/technical-analysis-of-the-gap-between-potential-and-utilization-of-renewable-energy-sources-in-kazakhstan>.

что позволяет России контролировать объем поставляемых ресурсов, в связи с чем казахстанские поставки по данному нефтепроводу, а также КТК могут быть нарушены вследствие украинских ударов по терминалам и трубопроводам⁴.

Рисунок 1. Структура экспорта Казахстана (за 9 месяцев 2024/2025)

	Всего		Рост за год	Доля в общем объёме экспорта	
	2025/09	2024/09		2025/09	2024/09
Всего	57,5	60,6	-5,1%		
Продукты животного и растительного происхождения, готовые продовольственные товары	4,8	3,5	38,1%	8,3%	5,7%
Минеральные продукты	36,0	39,3	-8,5%	62,6%	64,9%
Топливо-энергетические товары	31,8	35,2	-9,4%	55,4%	58,0%
Продукция химической и связанных с ней отраслей промышленности	4,8	4,9	-3,4%	8,3%	8,2%
Кожевенное сырьё, пушнина и изделия из них	0,002	0,01	-87,9%	0,0%	0,0%
Древесина, лесоматериалы и целлюлозно-бумажные изделия	0,1	0,1	-5,3%	0,2%	0,2%
Текстиль и текстильные изделия	0,03	0,04	-28,0%	0,1%	0,1%
Обувь, головные уборы и галантерейные изделия	0,03	0,02	20,2%	0,1%	0,0%
Строительные материалы	0,1	0,1	12,2%	0,1%	0,1%
Металлы и изделия из них	7,6	8,0	-4,8%	13,3%	13,3%
Машины, оборудование, транспортные средства, приборы и аппараты	2,8	3,5	-20,6%	4,8%	5,8%
Прочие товары	1,1	0,9	19,6%	5,0%	1,4%

Источник: Бюро национальной статистики РК⁵

Третья основа сферы энергетики Казахстана, одновременно служащая одним из двух ключевых для внутривосточного энергосектора элементом, представлена энергогенерирующими мощностями. На сегодняшний день в Казахстане действуют 122 электростанций общей мощностью 25 ГВт (рис. 2). Кроме того, 6 проектов находятся на этапе строительства, еще 8 – на стадии проектирования. По времени ввода в эксплуатацию их можно разделить на несколько групп:

4 КТК остановил погрузку нефти на терминале под Новороссийском после налета БПЛА. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8230109>.
5 Статистика внешней, взаимной торговли и товарных рынков. Электронные таблицы. URL: <https://stat.gov.kz/ru/industries/economy/foreign-market/spreadsheets/>.

- объекты 1930-х – 1960-х гг.;
- объекты 1970-х – 1990-х гг.;
- объекты 2000-х гг. и современные проекты.

Первую из трех опор казахстанских генерирующих мощностей составляют тепловые и гидрорециркуляционные электростанции (ТЭС и ГРЭС), а также теплоэлектроцентрали (ТЭЦ). В эксплуатации находятся 48 объектов с общей мощностью 17,95 ГВт. В разрезе распределения по группам времени запуска обнаруживается, что 31 электростанция была запущена в период 1930-х – 1960-х, 14 – в 1970-х – 1990-х, 3 – с 2000-х. Дополнительно 3 новые станции находятся в процессе строительства (мощность – 1,4 ГВт), а также планируется сооружение еще одной ТЭЦ – Усть-Каменогорской – мощностью 360 МВт. Важно отметить, что реализация трех указанных объектов, а именно Кокшетауская и Таразская-4 ТЭЦ и ТЭС ГПУ Туркестан, осуществляется в сотрудничестве с РФ на основе соответствующего межправительственного соглашения⁶.

Вторым столпом энергосектора Казахстана выступают газотурбинные и газопоршневые электростанции (ГТЭС, ГПЭ). На данный момент насчитывается 29 работающих ГТЭС и одна ГПЭ. Только две из них общей мощностью 14 МВт, были запущены в последней трети XX в. остальные же электростанции были построены уже в XXI в. (мощность 1,98 ГВт).

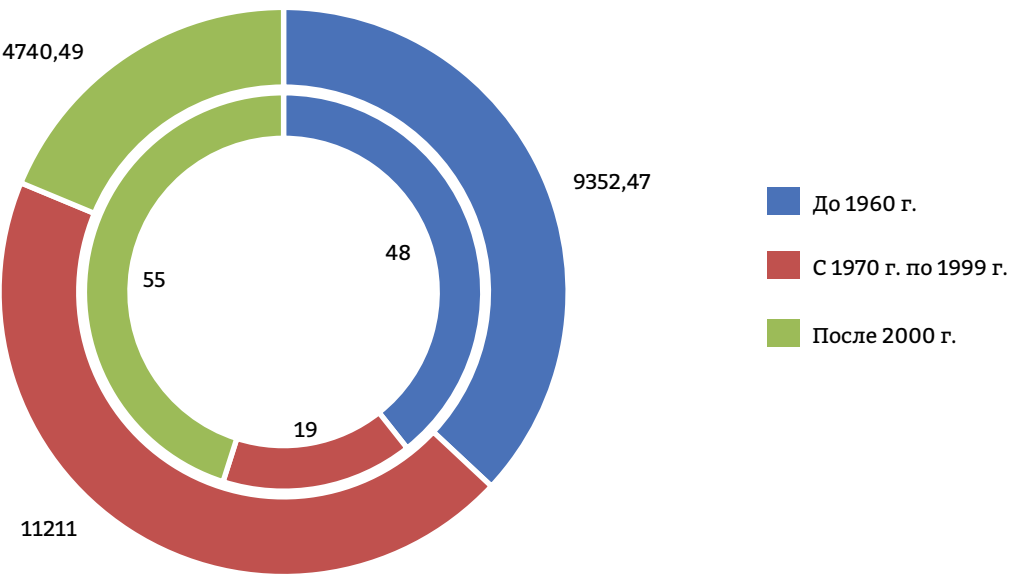
Наконец, третьей опорой казахстанской энергетической сферы являются гидроэлектростанции (ГЭС), ориентирующиеся на ограниченные по энергопотенциалу водные ресурсы страны. В эксплуатации находятся 29 ГЭС с совокупной мощностью 3,3 ГВт. Основная их часть была введена в эксплуатацию в 1930-х – 1960-х, 3 – в 1970-х – 1990-х, и еще 9 – с 2000-х. На этапе планирования находится Семипалатинская ГЭС мощностью 300 МВт.

Заключительным из ныне действующих элементов энергосферы Казахстана служит генерация на основе альтернативных источников энергии в лице ветряных и солнечных электростанций (ВЭС, СЭС). Все они были запущены в 2000-х и 2010-х гг. и обладают общей мощностью 2,1 ГВт. На данный момент продолжается строительство СЭС Аладырь-2 (26 МВт), на стадии проектирования также находятся 3 ВЭС (Ыбырай, Жамбылская-1 и Жамбылская-2, 2,1 ГВт) и СЭС Лукойл (3 МВт). Наиболее мощной работающей электростанцией является Шелекская ВЭС (2022 г., 800 МВт).

Отдельно следует рассмотреть атомную энергетику – сферу, которая начала стремительно развиваться после успешного референдума о строительстве первой АЭС в партнерстве с российской корпорацией «Росатом». Проект, который уже находится на этапе строительства, предполагает развертывание мощностей объемом 2,3 ГВт в Алматинской области. Более того, подтверждены планы о строительстве в этом же регионе еще двух атомных электростанций, мощности которых еще не определены, но уже в партнерстве с КНР в лице CNNC⁷.

6 Казахстан и Россия подписали соглашение о строительстве трех ТЭЦ в республике. URL: <https://tass.ru/ekonomika/20570139> (дата обращения 26.02.2026).
7 Китай построит в Казахстане две АЭС. URL: <https://forbes.kz/articles/kitay-postroit-v-kazahstane-dve-aes-810209> (дата обращения 26.02.2026).

Рисунок 2. Число (внутренний контур) и мощность (внешний контур, в МВт) действующих электростанций, по времени введения в эксплуатацию



Источник: составлено автором

Можно заметить, что казахстанское руководство активно внедряет новые генерирующие мощности. Тем не менее подавляющей части электростанций, запущенной еще в прошлом столетии, требуется ремонт и модернизация. Проводимую политику в таком случае можно рассматривать как попытку замещения старых мощностей при их поддержании на минимальном уровне работоспособности. Кроме того, отдельные виды электрогенерации – водная, солнечная, ветровая – строго привязана к конкретным территориям, что вновь требует организации соответствующей энергосети.

Наконец, четвертую основу составляют обеспечивающие мощности, регулирующие и перераспределяющие вырабатываемую предыдущей опорой электроэнергию. В 2024 г. в Казахстане действовало 5684 тепловых энергоустановок⁸ и 1674 газорегуляторных пункта (из которых 1562 работают на природном газе, 112 – на СПГ)⁹. При сопоставлении показателей за период 2021–2024 гг. обнаруживаются разнонаправленные тенденции снижения числа работающих энергоустановок и газорегуляторных пунктов на СПГ и увеличение количества газорегуляторных пунктов на природном газе. В региональном разрезе более четверти энергоустановок сосредоточено в Жамбылской (791) и Акмолинской (720) областях. Газорегуляторные пункты распределены менее равномерно: на Атыраускую (293), Туркестанскую (250) и Жамбылскую (225) области приходится почти половина всех пунктов, работающих

⁸ Количество установленных котлов. URL: <https://stat.gov.kz/api/iblock/element/446014/file/ru/> (дата обращения 26.02.2026).

⁹ Количество газорегуляторных пунктов и установочных приборов. URL: <https://stat.gov.kz/api/iblock/element/93480/file/ru/> (дата обращения 26.02.2026).

на природном газе, тогда как объекты на СПГ представлены почти исключительно в Акмолинской области (101).

Передача энергии осуществляется за счет 398 ЛЭП в габаритах 0,4-1150 кВ общей протяженностью 27905 км и 83 электрических подстанций напряжением 35-1150 кВ с установленной мощностью трансформаторов 38995 МВА (Таблица 1).

Таблица 1. Протяженность ЛЭП, число подстанций и мощность трансформаторов Казахстана (распределение по проектному напряжению).

	Протяженность ЛЭП (км)	Число подстанций	Мощность трансформаторов (МВА)
ВЛ 1150 кВ	1421	3	9384
ВЛ 500 кВ	8281	20	17468
ВЛ 330 кВ	1863	0	0
ВЛ 220 кВ	15767	58	12120
ВЛ 110 кВ	353	0	0
ВЛ 35 кВ	44	2	23
ВЛ 10 кВ	112	0	0
ВЛ 6 кВ	8	1	0
ВЛ 0,4 кВ	56	2	0
Итого	27905	86	38995

Источник: КЕГОС¹⁰

Распределение инфраструктуры между регионами производится на основе 9 филиалов национального оператора «Казахстанская компания по управлению электрическими сетями» (КЕГОС), объединяющих все административные единицы страны. Мощности по передаче энергии сконцентрированы на севере и юге страны (соединенные с российской Единой энергетической системой и центральноазиатской Объединенной энергетической системой соответственно), единственными связующими звеньями между которыми выступают Центральные и, в меньшей степени, Восточные МЭС. Запад страны в значительной мере изолирован от общегосударственной сети и имеет куда больше связывающих магистралей с РФ (Рисунок 3).

Не менее сложная ситуация присутствует в распределении газовых сетей (Таблица 2). Несмотря на то, что их общая протяженность с 2021 г. по 2024 г. увеличилась на треть – с 30 до 41 тыс. км – северо-восток страны (Северо-Казахстанская, Акмолинская, Павлодарская и Восточно-Казахстанская области, г. Астана,) значительно отчужден от ее юго-запада (Актюбинская, Западно-Казахстанская, Атырауская, Мангистауская, Кызылординская, Туркестанская, Жамбылская, Алматинская и Жетысуская области, г. Шымкент и г. Алма-Ата). Данные о действующих газовых сетях в Костанайской и Карагандинской областях являются конфиденциальными, что, однако, с учетом данных до 2018 г., позволяет говорить об их наличии, тогда как в Улытауской и Абайской областях действующие газовые сети отсутствуют.

¹⁰ О нас. URL: <https://www.kegos.kz/ru/about/>.

Рисунок 3. Карта энергосети Казахстана



Источник: Energybase.ru¹¹

Таблица 2. Протяженность уличной газовой сети (км, по областям)

	2021	2022	2023	2024
Абайская обл.	-	-	-	-
Акмолинская обл.	-	-	345,2	345,2
Актюбинская обл.	2850,7	2985,9	2988,2	2981,7
Алматинская обл.	3861,6	3133,1	3477,9	2516,9
Атырауская обл.	3563,9	3624,8	3665,7	3852,4
Восточно-Казахстанская обл.	320,7	320,9	321,1	321,1
г. Алма-Ата	1085,8	991,6	1088,7	1335,8
г. Астана	32,6	551,5	808,4	711,8
г. Шымкент	3025,4	5649,8	5705,3	5710,7
Жамбылская обл.	3357,2	3971,5	4440,6	4502
Жетысуская обл.	-	1940,6	1252,1	2034,6
Западно-Казахстанская обл.	-	-	-	-
Карагандинская обл.	-	-	-	-
Костанайская обл.	-	-	-	-
Кызылординская обл.	1367,7	1367,7	1367,7	1367,7
Мангистауская обл.	2174,3	2183,5	2183,5	2250,6
Павлодарская обл.	-	-	-	-
Северо-Казахстанская обл.	4305,4	4788,6	6190,3	6528,5
Туркестанская обл.	4305,4	4788,6	6190,3	6528,5
Улытауская обл.	-	-	-	-
Итого	30250,7	36298,1	40025	40987,5

Источник: Бюро национальной статистики РК¹²

11 Карта-схема электрических сетей 1150–500–220–110 кВ Республики Казахстан. URL: <https://energybase.ru/map/map-substations-powerplants-kazakhstan>.

12 Протяженность уличной газовой сети. URL: <https://stat.gov.kz/api/iblock/element/93484/file/ru/>.

В результате обеспечивающая инфраструктура Казахстана, несмотря на высокие количественные показатели, сталкивается с рядом проблем в качественном измерении. Обширные электросети неравномерно распределены, между областями, дублирующие и страхующие линии отсутствуют. На это же накладывается высокая степень износа инфраструктуры, в среднем составляющая 60%¹³ и достигая в отдельных областях 80%¹⁴. Оказывая очевидное негативное воздействие на внутренний энергорынок, состояние электросетей значительно ослабляет потенциал страны в позиционировании себя как транспортно-логистического коридора между Европой и Азией в т.ч. в условиях перестройки торговых, инвестиционных и иных экономических потоков.

Представленные четыре основы казахстанской сферы энергетики формируют основу его энергобаланса. В период 2021–2024 гг. объем производства электроэнергии удерживался на уровне 113–118 ТВтч (Таблица 3). Основным источником генерации выступал уголь и газ. Доля первого за четыре года сократилась на 10%, тогда как выработка энергии за счет газа, водных и альтернативных источников энергии возросла и компенсировала данное снижение.

Таблица 3. Производство электроэнергии в Казахстане в 2021–2024 гг., в ТВтч

	2021	2022	2023	2024
Уголь	73,8	70,5	65,3	64,03
Газ	26	28,2	33,3	34,71
Нефть	2,7	1,4	0,6	1,74
Гидроэнергия	9,2	9,2	8,8	11,25
Ветряная энергия	1,8	2,3	3,8	4,91
Солнечная энергия	1,6	1,8	1,9	1,87
Итого	115,1	113,4	113,6	118,51

Источник: Бюро национальной статистики РК¹⁵

Потребление энергии в Казахстане, вместе с тем, на протяжении всего указанного периода превышало ее производство в 8 раз (Таблица 4). Почти трехкратное увеличение продемонстрировал спрос на ветряную энергию, тогда как показатели по остальным источникам варьируются из года в год, но остаются относительно стабильными. Анализ данных о секторальном потреблении энергии демонстрирует преобладании в нем жилищного, транспортного и промышленного секторов¹⁶. Необходимо отметить, что доля первых на протяжении 2021–2024 гг. неизменно росла, в то время как запросы со стороны производственной, коммерческой и коммунальной сфер сокращались.

13 Уровень износа электросетей в Казахстане составляет порядка 60%. URL: <https://24.kz/ru/news/social/685354-uroven-iznosa-elektrosetej-v-kazakhstane-sostavlyayet-poryadka-60>.

14 Названы два региона Казахстана с наибольшим износом электрических сетей. URL: <https://ulyssmedia.kz/news/68410-nazvany-dva-regiona-kazakhstana-s-naibolshim-iznosom-elektricheskikh-setei/>.

15 Энергетический баланс в формате МЭА. URL: <https://stat.gov.kz/api/iblock/element/38197/file/ru/>.

16 Топливо-энергетический баланс Республики Казахстан (2024 г.). URL: <https://stat.gov.kz/ru/industries/business-statistics/stat-energy/publications/335610/>.

Таблица 4. Потребление электроэнергии в Казахстане в 2021–2024 гг., в ТВтч

	2021	2022	2023	2024
Уголь	389,9	391,7	423,52	415,60
Газ	216,2	212,8	199,52	207,40
Нефть	183,1	180,1	185,64	192,42
Гидроэнергия	22,7	22,6	21,46	27,45
Ветряная энергия	4,3	5,7	9,22	11,98
Солнечная энергия	4	4,4	4,57	4,57
Итого	820,26	817,3	843,93	859,42

Источник: Our World in Data¹⁷

Нехватка собственных генерирующих мощностей находит отражение и в структуре торговли электроэнергией (Таблица 5). После 2022 г. Казахстан является нетто-импортером энергии, основные закупки которой происходят в РФ, тогда как единственное направление ее экспорта в 2024 г. представлено Киргизией.

Таблица 5. Экспорт и импорт электроэнергии Казахстана в 2021–2024 гг. (общие и по направлениям)

Общий (ТВтч)					По направлениям (млн долл.)					
					2021		2022	2023	2024	
Экспорт	2,7	2,2	2,7	2,5	РФ	Экспорт	20,2	30,5	25,9	25,3
						Импорт	89,3	140	235	235
					Узбекистан	Экспорт	18,7	0	0	0
						Импорт	0	0	0	7,14
Импорт	2,1	3,7	4,8	4,8	Киргизия	Экспорт	0	9,84	34,3	27,5
						Импорт	0	0	0	0
Нетто	0,6	-1,5	-2,1	-2,3	Нетто		-50,4	-99,66	-174,8	-189,34

Источники: Бюро национальной статистики РК¹⁸, ОЕС¹⁹

В результате мы можем сделать вывод, что энергосектор Казахстана обладает значительным потенциалом для развития, в т.ч. в партнерстве с другими странами и их представителями. Вместе с тем в его нынешнем положении присутствует целый ряд неразрешенных проблем, которые ставят перспективы развития казахстанской энергетической сферы под угрозу.

Во-первых, наиболее «узким местом» энергетики Казахстана является устаревание и износ генерирующей и обеспечивающей инфраструктуры. Положение

17 Kazakhstan – Energy Country Profile. URL: <https://ourworldindata.org/profile/energy/kazakhstan>.

18 Энергетический баланс в формате МЭА. URL: <https://stat.gov.kz/api/iblock/element/38197/file/ru/> (дата обращения: 26.02.2026).

19 Kazakhstan. URL: <https://oec.world/en/profile/bilateral-product/electricity/reporter/kaz> (дата обращения: 26.02.2026).

в этой сфере усугубляется большой протяженностью сетей и их неравным распределением между регионами. Несмотря на предпринимаемые усилия по модернизации этого элемента казахстанского энергетического сектора (так, в рамках Национального проекта «Модернизация энергетического и коммунального секторов» к 2029 г. предполагается снизить средний показатель уровня износа сетей до 40%)²⁰, перспективы полноценного обновления и расширения действующей энергосети только за их счет остаются туманными.

Во-вторых, очевидной проблемой являются острая нехватка магистральных линий-коннекторов, прежде всего между северными, южными и западными областями, и неустранимое вследствие этого серьезное неравенство в уровнях энергопроизводства и энергопотребления между регионами Казахстана. В то время как само по себе присутствие различий в последних не является чем-то редким или критичным с точки зрения энергетической безопасности, отсутствие механизмов регулирования и перераспределения электроэнергии приводит и к аварийным отключениям, и к невозможности обеспечения потребностей областей даже в случае наличия необходимых объемов электричества, и к высоким издержкам при торговле электроэнергией.

В-третьих, потенциал развития энергосектора Казахстана на сегодняшний день ограничен только внутренним рынком. Выходу на рынки ближайших соседей препятствует отсутствие потребностей близлежащих стран в дополнительном импорте электроэнергии. После 2022 г. Казахстан является нетто-импортером энергии, тогда как единственное направление ее экспорта в 2024 г. представлено Киргизией. Ближайшие страны сами являются электроэкспортерами или в куда большей степени заинтересованы в приобретении конкретных энергоресурсов (уголь, газ) для собственных генерирующих мощностей, нежели в закупке готовой электроэнергии.

Сложившееся в казахстанской энергосфере положение открывает для Российской Федерации и ее представителей два основных направления по продвижению своих интересов. Первое состоит в дальнейшем расширении сотрудничества России с другими странами в сфере атомной энергетики, в целом, и деятельности Росатома, в частности, на основе следующих предложений:

- строительство новых АЭС разной мощности в западных, центральных и восточных областях Казахстана для покрытия их потребления;
- разработка форматов российско-казахстанского партнерства в виде совместных проектов атомных электростанций, базирующихся на российских технологиях и казахстанском сырье.

Второе направление по увеличению степени российского присутствия на казахстанском энергетическом рынке представлено налаживанием активного взаимодействия в области электросетей и обеспечивающей инфраструктуры, основным актором в котором с российской стороны могут стать «Россети». В данных рамках могут быть выдвинуты следующие предложения:

20 Постановление Правительства Республики Казахстан от 25 декабря 2024 года № 1102 «Об утверждении Национального проекта «Модернизация энергетического и коммунального секторов»». URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2400001102> (дата обращения: 26.02.2026).

- Ремонт и модернизация существующих генерирующих мощностей и объектов электросети. Наиболее актуальными участками работы на данный момент являются субъекты с самыми высокими показателями износа (г. Алматы, Павлодарская и Карагандинская области);
- Прокладка новых сетей областного и межобластного характера;
- Техническое обеспечение и сопровождение ранее выдвинутого предложения о проектах совместных российско-казахстанских атомных электростанций.

В ходе выдвижения и реализации данных предложений, однако, следует учитывать наличие ряда препятствий и рисков, не в последнюю очередь обусловленные неэкономическими факторами:

- нежелание Казахстана допустить преобладание российских компаний на своем энергетическом рынке и ослабление позиций национальных операторов (KEGOC, QazaqGaz);
- переход Казахстана из статуса нетто-импортера энергии к нетто-экспортеру (потеря рынка для российской электроэнергии);

Снижение выгоды от реализации проектов новых и модернизированных генерирующих мощностей при отсутствии аналогичного развития обеспечивающей инфраструктуры.

Искандаров Косимшо,
главный ученый секретарь Национальной
академии наук Таджикистана,
доктор исторических наук

Современные угрозы безопасности, исходящие из Афганистана, и перспективы повышения эффективности таджикско- российского взаимодействия по их противодействию

АННОТАЦИЯ

Прошло 5 лет с того дня, когда Президент Исламской Республики Афганистан М.А.Гани покинул страну и отряды движения «Талибан»^{*1} заняли Кабул. Этому поворотному событию предшествовал переход под контролем талибов северных провинций Афганистана, что вызвало особое беспокойство в Душанбе. Спустя 5 лет озабоченность правительства Таджикистана в связи с сохранением в этой стране источников угроз и вызовов еще более усилилась. В докладе, используя методы исторического и сравнительного анализа, системного подхода, исследуются основные вызовы, исходящие с афганского направления для Таджикистана. При этом сделан акцент на факторе присутствия в Афганистане более 20 террористических и экстремистских организаций, численность которых составляет от 18 до 23 тыс. боевиков, на продолжение контрабанды наркотиков, транзит радикальной исламской идеологии в Таджикистан и другие страны Центральной Азии, повышение вероятности усиления межэтнического конфликта и геополитического соперничества, которые оцениваются как угроза безопасности Таджикистана.

Ключевые слова: Афганистан, Россия, Таджикистан, терроризм, наркотики, геополитическое соперничество, идеологическое влияние

Сложившаяся ситуация в Афганистане после почти пяти лет пребывания «Талибан»^{*2} у власти по-прежнему вызывает тревогу в Таджикистане и некоторых других странах Центральной Азии. Угроза терроризма, контрабанды наркотиков, влияние идеологии радикального ислама на умы молодежи в условиях наличия протяженной общей границы между двумя странами делает Таджикистан наиболее уязвимым перед существующими вызовами. Если афганские талибы являются продуктом многотысячных религиозных медресе в Пакистане, то сегодня афганские

¹ * Движение «Талибан», организация, признанная постановлением Верховного суда Республики Таджикистан от 30 июня 2006 г. террористической и экстремистской. В РФ в 2025 г. приостановлен запрет на деятельность движения «Талибан».

² * Движение «Талибан» признано в России террористическим и запрещено, 18+. В РФ в 2025 г. приостановлен запрет на деятельность движения «Талибан».

юноши и девушки уже в Афганистане, в школах джихада, созданных в том числе в районах, непосредственно граничащих с Таджикистаном, осваивают уроки джихада и террора, самопожертвования и подвергаются промывке мозгов.

Присутствие самых опасных международных террористических организаций в Афганистане свидетельствует, что Афганистан превратился в безопасное убежище для террористов. Вопреки заявлениям высокопоставленных деятелей «Талибана»^{*3}, нет никаких доказательств разгрома боевиков «ИГИЛ-Хорасан»^{*4}, а «Аль-Каида»^{*5} по-прежнему сохраняет свои тесные связи с «Талибаном»^{*6}. Более того, существуют серьезные факторы, способствующие укреплению стратегического союза между «Талибаном»^{*7} и «Аль-Каидой»^{*8}.

Несомненно, такая ситуация не может не повлиять на формирование политики Таджикистана в отношении «Талибана»^{*9} в этой стране.

В этом докладе сделана попытка анализировать сложившуюся ситуацию в Афганистане, конкретизировать наиболее опасные вызовы для Таджикистана и рассмотреть пути повышения эффективности таджикско-российского взаимодействия по их предотвращению.

Несомненно, вопрос безопасности, особенно в контексте афганской реальности, продолжает беспокоить Таджикистан. После масштабных политических и военных изменений в Афганистане, и возвращения движения «Талибан»^{*10} к власти в августе 2021 г. обеспокоенность вопросами безопасности в Таджикистане значительно возросла. Хотя новое руководство Афганистана заявляет, что с территории Афганистана ничего не угрожает соседним странам и оно не допустит этого, тем не менее на практике факторы угроз сохраняются, и они связаны со следующими обстоятельствами.

1. Афганистан превращается в безопасное убежище для террористов. С возвращением «Талибана»^{*11} к власти сохраняют свое присутствие в Афганистане такие опасные террористические организации, как: «Аль-Каида»^{*12}, «ИГИЛ-Хорасан»^{*13}, «Джамаат Ансарулла»^{*14}, «Исламское движение Восточного

3 * Движение «Талибан» признано в России террористическим и запрещено, 18+. В РФ в 2025 г. приостановлен запрет на деятельность движения «Талибан».

4 * «ИГИЛ-Хорасан» (ИГИЛ-Х, признана террористической и запрещена в РФ, 18+.

5 * «Аль-Каида» признана в России террористической и запрещена, 18+.

6 * Движение «Талибан» признано в России террористическим и запрещено, 18+. В РФ в 2025 г. приостановлен запрет на деятельность движения «Талибан».

7 * Движение «Талибан» признано в России террористическим и запрещено, 18+. В РФ в 2025 г. приостановлен запрет на деятельность движения «Талибан».

8 * «Аль-Каида» признана в России террористической и запрещена, 18+.

9 * Движение «Талибан» признано в России террористическим и запрещено, 18+. В РФ в 2025 г. приостановлен запрет на деятельность движения «Талибан».

10 * Движение «Талибан» признано в России террористическим и запрещено, 18+. В РФ в 2025 г. приостановлен запрет на деятельность движения «Талибан».

11 * Движение «Талибан» признано в России террористическим и запрещено, 18+. В РФ в 2025 г. приостановлен запрет на деятельность движения «Талибан».

12 * «Ал-Каида» – организация, признанная решением Верховного Суда Республики Таджикистан от 30 марта 2006 г. террористической и экстремистской.

13 * «Исламское государство Хорасанской области», организация, признанная решением Верховного Суда Республики Таджикистан террористической и экстремистской.

14 * «Джамаат Ансарулла» – организация, признанная решением Верховного Суда Республики Таджикистан от 3 мая 2012 г. террористической и экстремистской.

Туркестана»^{*15}, «Тахреке талибанае Пакестан» (ТТП)^{*16}, «Исламская партия Туркестана» (бывшее «Исламское движение Узбекистана»^{*17} и др.

По разным оценкам, сегодня в Афганистане присутствует от 15 до 30 террористических организаций. Секретарь Совета Безопасности РФ С.Шойгу в своей статье на странице «Независимой газеты» 29 августа 2025 г. пишет: «По нашим оценкам, в целом в Афганистане насчитывается около двадцати международных террористических организаций, общей численностью более 23 тысяч боевиков, представляющих серьезную угрозу для региона и мира»^{*18}. А заместитель секретаря Совета Безопасности России Юрий Коков в интервью «Российской газете» от 26 июня 2025 г. открыто заявил, что в Афганистане «сохраняется нестабильность, угрожающая соседним государствам». Он далее отметил: «Существенно обострились риски укрепления в регионе позиций радикальных исламистов, расширения их экспансии в центральноазиатские страны, в первую очередь в Таджикистан и Узбекистан. А учитывая тесные родственные и деловые связи граждан этих стран с общинами верующих в других государствах СНГ, включая нашу страну, а также сохраняющийся упрощенный порядок трудовой миграции в рамках ЕАЭС, негативное влияние радикальных исламистских организаций может усилиться на всем постсоветском пространстве»^{*19}. Эти заявления высокопоставленных представителей органов безопасности РФ служат серьезное предупреждение странам региона и тем, кто считает, что Афганистан не является источником нестабильности.

Таджикистан – единственная страна во всем постсоветском пространстве, где «Талибан»^{*20} все еще находится в национальном списке экстремистских и террористических организаций, что свидетельствует о высокой степени озабоченности официального Душанбе сложившейся ситуации и возможных последствиях для нас. После 15 августа 2021 г. лидер нации – Президент Республики Таджикистан Эмомали Рахмон неоднократно высказывал свою озабоченность деятельностью экстремистских и террористических организаций, созданием баз подготовки террористов в афганских провинциях, непосредственно граничащих с Таджикистаном. «Усиление активности международных террористических группировок в Афганистане, – заявил Эмомали Рахмон 22 января 2022 г. на внеочередной сессии Совета коллективной безопасности ОДКБ, – непосредственно

15 * Исламское движение Восточного Туркестана, организация, признанная решением Верховного Суда Республики Таджикистан от 30 марта 2006 г. экстремистской и террористической.

16 * «Тахрики Талибанае Пакистан» – организация, признанная решением Верховного Суда Республики Таджикистан от 30 марта 2006 г. террористической и экстремистской, 18+.

17 * Исламская партия Туркестана (бывшее «Исламское движение Узбекистана» – организация, признанная решением Верховного Суда Республики Таджикистан от 30 марта 2006 г. террористической и экстремистской, 18+.

18 Шойгу С. Афганистан: тернистый путь к стабильности // Российская газета. 29 августа 2025 г. № 9733.

19 Юрий Коков: Киев взял курс на откровенный террор против России. URL: <https://rg.ru/2025/06/26/maski-sbrosheny.html>.

20 * Движение «Талибан» признано в России террористическим и запрещено, 18+. В РФ в 2025 г. приостановлен запрет на деятельность движения «Талибан».

влияет на зону коллективной безопасности ОДКБ»²¹. Далее, говоря о наличии вблизи наших границ баз подготовки террористов, отметил: «В целом, по данным наших спецслужб, количество лагерей и центров по подготовке террористов, граничащих с южными границами ОДКБ, в северо-восточных провинциях Афганистана насчитывает свыше 40, а их численный состав достигает более шести тысяч боевиков»²². При этом лидер Таджикистана говорит только о трех провинциях, граничащих с Республикой Таджикистан, это Бадахшан, Тахар и Кундуз.

В Узбекистане, где налажено широкое взаимодействие с «Талибаном»²³ и многие эксперты (во всяком случае, публично) не рассматривают Афганистан в качестве источника нестабильности, на самом деле осознают степень угроз, исходящих из Афганистана. Президент Республики Узбекистан Шавкат Мирзиёев, выступая на первом саммите «Центральная Азия – Европейский Союз» 4 апреля 2025 г., отметил: «К глубокому сожалению, мировое сообщество недооценивает все вызовы, исходящие с территории этой страны»²⁴.

Вызывает тревогу и тот факт, что часть боевиков центральноазиатского происхождения, воевавших в Сирии на стороне террористических групп против правительства Башара Асада, после окончания войны переброшены в Афганистан. Об этом еще год назад писала индийская англоязычная газета «The Economic Times». По сообщению газеты, сирийские исламисты центральноазиатского происхождения, сыгравшие роль в смене режима в Дамаске, были обнаружены в провинциях Бадахшан, Баглан и Герат в Афганистане, угрожая местной безопасности и потенциально оказывая влияние на центральноазиатские республики Таджикистан и Узбекистан, а также на интересы Индии в регионе²⁵.

Не секрет, что главной целью боевиков центральноазиатского происхождения является свержение светских режимов в Центральной Азии и создание государств, основанных на нормах шариата. Несомненно, приход к власти «Талибана»²⁶ в Афганистане и организации «Хайят Тахрир аш-Шам»²⁷ в Сирии вдохновил боевиков и усилило их веру в свою победу. Концентрация вооруженных экстремистских группировок в Афганистане, особенно в его северных провинциях, закономерно вызывает вопрос о вероятности возникновения новых угроз безопасности и возможных попыток дестабилизации государств Центральной Азии. Конечно, есть мнения, что боевики могут воздержаться от прямого вторжения в страны

Центральной Азии (хотя полностью исключать этого нельзя). Это связано с тем, что в настоящее время «Талибан»²⁸ не заинтересован в прямом вторжении боевиков с территории Афганистана, чтобы сохранить контроль внутри страны, избежать международной изоляции. Боевики не могут не учитывать последствий такого вторжения в условиях дислокации 201 Российской военной базы в Таджикистане, как и фактор вхождения Таджикистана в ОДКБ и т.д. Однако проблема заключается в том, что, как отметил С.Шойгу, «талибы не способны полностью контролировать эти группы»²⁹, особенно «ИГИЛ-Хорасан»³⁰. Связи «Талибана»³¹ с «Аль-Каидой»³² вообще представляются нерушимыми и переросли во что-то большее, чем сотрудничество двух террористических организаций, преследующих единые цели. «Талибан»³³, абсолютное большинство которого составляют пуштуны, выходцы из села, считают, что порвать со своими союзниками противоречит их племенным обычаям. Кроме того, между представителями в руководстве «Талибана»³⁴ и арабскими боевиками установились крепкие родственные узы.

В Таджикистане обеспокоены растущей тенденцией потенциала локальных инцидентов на границе и проникновения террористов, террористической активности и контрабанды наркотиков. Не может не вызывать озабоченность то обстоятельство, что усиление радикального потенциала боевиков, расширение баз подготовки террористов происходит на фоне обострения социально-экономических, политических, межэтнических, идеологических проблем, а также геополитического соперничества ведущих стран в регионе. Фактор пакистано-афганского вооруженного противостояния также может активизировать транзит боевиков из южных районов и даже Пакистана на север Афганистана.

Террористические группировки могут использовать горные участки границы между Афганистаном и Таджикистаном для проведения террористических операций, контрабанды наркотиков, оружия и т.д. Впрочем, это уже происходит. В 2025 г. на таджикско-афганской границе произошло более 17 вооруженных столкновений между правоохранительными и силовыми структурами Таджикистана и афганскими контрабандистами³⁵, в результате которых погибли как иностранные граждане, так и военнослужащие Таджикистана.

2. Контрабанда наркотиков. Лидер «Талибана»³⁶ Мулла Хайбатулла, своим указом в апреле 2022 г. объявил о «запрете» выращивания, производства и торговли

21 Выступление Президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмона на внеочередной сессии в формате видеоконференции Совета коллективной безопасности ОДКБ. 10 января 2022 г. URL: <https://www.odkb-csto.org/session/2022/10-yanvary-a-2022-goda-v-formate-videokonferentsii-sostoyalos-vneocherednaya-sessiya-soveta-kollektiv/#loaded>.

22 Там же.

23 * Движение «Талибан» признано в России террористическим и запрещено, 18+. В РФ в 2025 г. приостановлен запрет на деятельность движения «Талибан».

24 Выступление Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева на первом саммите «Центральная Азия – Европейский Союз» URL: <https://president.uz/ru/lists/view/8023>.

25 Islamists from Syria in Afghanistan raises alarm bells in region and India. URL: <https://economictimes.indiatimes.com/news/international/world-news/islamists-from-syria-in-afghanistan-raises-alarm-bells-in-region-and-india/articleshow/120447016.cms?from=mdr>.

26 * Движение «Талибан» признано в России террористическим и запрещено, 18+. В РФ в 2025 г. приостановлен запрет на деятельность движения «Талибан».

27 * «Хайят Тахрир аш-Шам» – организация, решением Верховного Суда РФ от 04.06.2020 № АКПИ20-275С признана в России террористической.

28 * Движение «Талибан» признано в России террористическим и запрещено, 18+. В РФ в 2025 г. приостановлен запрет на деятельность движения «Талибан».

29 В Афганистане действуют от 18 000 до 23 000 боевиков. URL: https://tass.com/politics/2130669?utm_source=chatgpt.com.

30 * «ИГИЛ-Хорасан» (ИГИЛ-Х) признана террористической и запрещена в РФ, 18+.

31 Движение «Талибан» признано в России террористическим и запрещено, 18+. В РФ в 2025 г. приостановлен запрет на деятельность движения «Талибан».

32 * «Аль-Каида» признана в России террористической и запрещена, 18+.

33 * Движение «Талибан» признано в России террористическим и запрещено, 18+. В РФ в 2025 г. приостановлен запрет на деятельность движения «Талибан».

34 * Движение «Талибан» признано в России террористическим и запрещено, 18+. В РФ в 2025 г. приостановлен запрет на деятельность движения «Талибан».

35 В 2025 году на таджикско-афганской границе зафиксировано 17 вооруженных столкновений // Интерфакс. URL: <https://www.interfax.kz/ru/social-and-political-news/171937>.

36 * Движение «Талибан» признано в России террористическим и запрещено, 18+. В РФ в 2025 г. приостановлен запрет на деятельность движения «Талибан».

наркотиков в Афганистане и отметил, что нарушители будут наказаны согласно законам шариата³⁷.

Согласно Докладу ООН, в 2023 г. в стране произошел резкий спад культивирования опийного мака и производства опиума. В масштабе страны площадь посевов мака сократилась на 95% и составила всего 10800 га. Соответственно, производство с 6200 т в 2022 г. сократилось до 333 т в 2023 г.³⁸

Однако эти цифры не могут гарантировать устранения наркоугрозы со стороны Афганистана. В целом существуют очень противоречивые данные об антинаркотической политике «Талибана»³⁹. Вопреки заявлениям руководства «Талибана»⁴⁰ о масштабном сокращении площади посевов наркосодержащих культур, всё же в отдаленных и скрытых от глаз местах продолжается культивирование опийного мака. Более того, сами командиры «Талибана»⁴¹ принимают участие в производстве и контрабанде наркотиков. Свидетельством тому служит ситуация с ростом конфискации наркотических веществ в соседних странах, в том числе в Таджикистане.

По данным Агентства по контролю за наркотиками при Президенте Республики Таджикистан, в 2022 г. из незаконного оборота было изъято 4 т 991 кг 176 г наркотика, что на 22% больше чем в 2021 г.⁴², а в 2025 г. правоохранительными органами Таджикистана из незаконного оборота изъято 5 т 280 кг наркотических средств, что по сравнению с прошлым годом больше на 898 кг 835 г, или на 21%⁴³.

Другая проблема заключается в широком распространении в Афганистане синтетических наркотиков. По словам С.Шойгу, на фоне сокращения производства опиума в 2024 г. выявлен рост на 75% объема изъятий в Афганистане и соседних странах метамfetамин⁴⁴. Сложная ситуация с психотропными веществами сложилось и в Таджикистане. По данным Агентства по контролю за наркотиками при Президенте Республики Таджикистан, «год за годом увеличиваются производство и транспортировка метамfetамин из этой (Афганистана – К.И.) страны в другие страны. С учетом этого процесса все больше возрастает угроза для Центральной Азии, особенно для стран, граничащих с Афганистаном, так как психотропное

вещество метамfetамин, изъятое в регионе, является веществом афганского производства»⁴⁵.

3. Угроза распространения радикальной исламистской идеологии. Серьезную угрозу для Таджикистана может представлять идеологическое влияние на население Таджикистана. Помимо того что в Афганистане находятся десятки террористических групп, в рядах «Талибана»⁴⁶ много достаточно фанатично настроенных боевиков или джихадистов, считающих джихад для мусульманина обязательным, и нет никаких гарантий, что в условиях распространения джихадисткой идеологии соседние страны будут чувствовать себя в безопасности.

17 марта 2022 г. Мулла Хайбатулла издал указ № 235 о структуре и расходах школ джихада. Согласно этому указу, во всех уездах, число которых превышает 400, будут созданы от 3 до 5 джихадистских школ, и в каждой из них должны обучаться от 500 до 1000 учеников. Кроме того, в провинциальных центрах, а их насчитывается 34, будут созданы крупные школы джихада⁴⁷. Сегодня точных данных о количестве таких школ отсутствует. В открытых источниках чаще всего приводится цифра – 21 тысяча. 15 января 2026 г. Забехулла Моджахед, пресс-секретарь «Талибана» также заявил, что в Афганистане функционирует более 20 тыс. школ-медресе в которых обучаются более 2.5 млн учеников⁴⁸.

Серьезным вызовом для Таджикистана является факт превращения джихадистских школ в центр обучения идеологии джихада, террора, промывания мозгов юношей и девушек и распространения такого явления, как «энтехаре» («самопожертвование»). Талибы смотрят на эти школы не только как на образовательные учреждения, но также как на свою социальную опору, а на учеников – как на потенциальных боевиков в будущей своей борьбе за установление исламских порядков в регионе. Афганская газета «8 собх» в своем номере от 4 сентября 2024 г. сообщала, что в одном селе в провинции Нангархар «функционирует медресе где обучают учеников методам минирования с применением смертника, и некоторых из этих смертников отправляют в Пакистан для осуществления террористических актов»⁴⁹. Далее в газете подчеркивается, что «вообще те взгляды и идеи, которые внушаются ученикам в этой медресе, представляют собой в несколько раз опаснее, чем смертники»⁵⁰.

Возможности влияния радикальной исламской идеологии через социальные сети и другие сегменты Интернета в таджикском обществе возрастают, что оценивается как угроза национальной безопасности Таджикистана. 3 июня 2025 г. на заседании Парламентской ассамблеи ОДКБ в Алма-Ате председатель Верхней

37 The Islamic Emirate of Afghanistan, Ministry of Justice, 'Decree Concerning the Prohibition on Poppy Cultivation, 5 April 2022 (Decrees, Orders and Instructions of His Excellency, Amier Al-Mu'amin)', Official Gazette, no. 1432 (22 May 2023).

38 Наркотики: современные проблемы. Всемирный доклад о наркотиках, 2024 г. // Управление Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности (УНП ООН – UNODC). URL: https://www.unodc.org/documents/data-and-analysis/WDR_2024/languages/2412493R.pdf.

39 * Движение «Талибан» признано в России террористическим и запрещено, 18+. В РФ в 2025 г. приостановлен запрет на деятельность движения «Талибан».

40 * Движение «Талибан» признано в России террористическим и запрещено, 18+. В РФ в 2025 г. приостановлен запрет на деятельность движения «Талибан».

41 * Движение «Талибан» признано в России террористическим и запрещено, 18+. В РФ в 2025 г. приостановлен запрет на деятельность движения «Талибан».

42 Обзор наркоситуации в Республике Таджикистан в 2022 г. Душанбе: Агентство по контролю за наркотиками при Президенте Республики Таджикистан, 2023. С. 27.

43 Пресс-конференция по подведению итогов деятельности Агентства по контролю за наркотиками при Президенте Республики Таджикистан за 2025 г. URL: <https://akn.tj/ru/2026/02/02/press-conference-on-the-summary-of-the-activities-of-the-drug-control-agency-under-the-president-of-the-republic-of-tajikistan-in-2025/>.

44 Шойгу С. Афганистан: тернистый путь к стабильности // Российская газета. 29 августа 2025 г. № 9733.

45 Обзор наркоситуации в Республике Таджикистан за 2025 г. Душанбе: Агентство по контролю за наркотиками при Президенте Республики Таджикистан, 2023. С. 25.

46 * Движение «Талибан» признано в России террористическим и запрещено, 18+. В РФ в 2025 г. приостановлен запрет на деятельность движения «Талибан».

47 «Школы джихада» – бомба мирового масштаба. URL: <https://sangar.info/t/q/jihadist-schools-the-bomb-of-a-global-scale-2>.

48 Опасения в связи со строительством медресе талибами (на языке дари). URL: https://www.afintl.com/fa/video/ott_613920fce8ea4b9a9c75417fef1689a0.

49 Религиозные медресе в Афганистане и распространение идеологии самопожертвования. URL: <https://8am.media/fa/religious-schools-in-afghanistan-and-the-spread-of-suicide-ideatio>.

50 Там же.

палаты парламента Таджикистана Рустами Эмомали заявил, что «Афганистан вновь превратился в рассадник терроризма и источник угроз безопасности на южных рубежах Организации Договора о коллективной безопасности». При этом он говорил о росте рисков «переноса с афганского направления разрушительной идеологии религиозного радикализма на наши страны». «Уже сегодня на территории Афганистана, – подчеркнул Рустами Эмомали, – созданы более одной тысячи религиозных медресе, большинство из которых находятся в афганских провинциях, приграничных к южным рубежам ОДКБ. В этих центрах готовят в том числе террористов-смертников»⁵¹.

4. Обострение межэтнических противоречий – наиболее опасный сценарий развития событий в Афганистане. Межэтнические противоречия являются самой чувствительной проблемой в Афганистане, они всегда служили одним из основных факторов обострения политического кризиса в Афганистане. В связи с этим соблюдение этнического баланса в структуре власти находилось в центре внимания всех политических сил. Однако после прихода к власти «Талибана»⁵² практически произошла монополизация власти со стороны одной этнической группы. Талибы сформировали преимущественно моноэтническое правительство, в котором более 90% в высшем руководстве и среднем управленческом звене составляют представители одного этноса. По мнению исследователя Вашингтонского центра изучения Среднего Востока Джавида Ахмада, «доля таджиков в органах власти Талибан составляет 5,7%, хазарейцев – 0,7%, туркмен – 0,3%, пашаи – 0,5% и узбеков – 2,7%»⁵³. Пуштунское засилье в органах власти беспокоит даже самых не пуштунских талибов. Они недовольны тем, что некомпетентные и неграмотные талибы только по причине принадлежности к пуштунам занимают большие руководящие должности и руководят ими.

В последние месяцы усиливается конфликт между местным населением и не местными талибами в Бадахшане на фоне борьбы с незаконным выращиванием опия в некоторых горных уездах, по мнению талибов, незаконной и неконтролируемой добычей золота. Неместные талибы усиливают свое стремление взять под контроль добычу золота на этой территории, приносящую огромную прибыль, а местное население угрожает «народным выступлением». Одновременно в социальных сетях набирает силу острая борьба на межэтнической почве, не редко переходящая в оскорбление и даже открытое выражение ненависти друг к другу. На фоне этого раздаются голоса о децентрализации Афганистана и даже создании автономных государственных образований типа «Туркестан гуны» («Южный Туркестан») и т.д.

В этих условиях некоторые эксперты не исключают дальнейшего обострения межэтнического конфликта, который может прямо или косвенно перекинуться на приграничные районы стран Центральной Азии, приобретая трансграничный характер со всеми не предсказуемыми последствиями.

51 Рустам Эмомали: «Афганистан вновь превратился в рассадник терроризма». URL: <https://fergana.agency/news/134002/>.

52 * Движение «Талибан» признано в России террористическим и запрещено, 18+. В РФ в 2025 г. приостановлен запрет на деятельность движения «Талибан».

53 Цитата по: Амин Кова. Внутреннее признание Талибан: «Пастухи именем шайху-л-хадис и маулави властвуют над народом». URL: <https://8am.media/fa/talibans-internal-confession-shepherds-in-the-name-of-sheikh-al-hadith-and-mawlawi-have-become-rulers-over-the-people/>.

Политика «Талибана»⁵⁴ в отношении религиозных меньшинств также может в дальнейшем привести к разрастанию конфликта на этноконфессиональной почве. Это касается обращения представителей исмаилитской общины в суннизм, привлечения их детей в джихадистские школы, превращения исмаилитских «джамаатхане» в мечети.

5. Геополитические факторы. В силу наличия геополитических интересов ведущих стран мира и стран региона внешние факторы оказывают большое влияние на состояние безопасности и стабильности Афганистана.

Афганистан вновь стал ареной геополитического противостояния, в которое вовлечены не только мировые державы, но и региональные «центры силы» среднего уровня. Опасность заключается в том, что геополитические игроки могут использовать террористические группы как прокси-силы для достижения своих целей не только в Афганистане, но и в Центральной Азии.

В таких условиях повышение эффективности взаимодействия России и Таджикистана – необходимая мера в направлении минимизации угроз. Россия, как один из ключевых членов ОДКБ, играет важную роль в укреплении обороноспособности Таджикистана посредством направления военных специалистов, обучения и оснащения таджикской армии. Россия также оказывает содействие в укреплении таджикских границ и предоставляет необходимое оборудование пограничным войскам Таджикистана.

В последние годы Таджикистан усилил пограничную инфраструктуру, создал дополнительные наблюдательные пункты и начал использовать современные технологии для более эффективного контроля границ и предотвращения проникновения вооруженных группировок и контрабандистов. Россия и Таджикистан тесно сотрудничают в области обмена информацией, проведения совместных операций и координации действий по борьбе с террористическими группировками и наркоконтрабандистами на границе. Расположение постоянной российской военной базы в Таджикистане способствует обеспечению безопасности границ и стабильности региона. Однако очевидно одно: безопасность невозможно обеспечить только военными или пограничными мерами. Без более устойчивого внутреннего политического устройства в Афганистане, формирования правительства на широкой основе, учитывающей интересы всех народов, населяющих эту страну, обеспечение устойчивой стабильности и безопасности невозможно. А для этого нужна более тесная координация интересов, переход от реактивной политики к проактивному формату взаимодействия и поиску новых подходов к решению афганской проблемы.

При этом у Москвы и Душанбе могут быть разные приоритеты в афганском направлении. Россия смотрит шире, исходя из своих геополитических интересов и глобального соперничества, а у Таджикистана приоритеты связаны прежде всего с обеспечением безопасности. Тем не менее только координация усилий и согласованной политики всех стран Центральной Азии и России и других стран региона может привести к желаемым результатам.

54 * Движение «Талибан» признано в России террористическим и запрещено, 18+. В РФ в 2025 г. приостановлен запрет на деятельность движения «Талибан».

Таким образом, анализ ситуации в Афганистане свидетельствует, что угрозы и вызовы со стороны Афганистана сохраняются и могут приобрести более острую форму. В этих условиях если Россия и Таджикистан вместе с другими странами Центральной Азии не выработают согласованную политику в отношении существующих вызовов, то Афганистан и в будущем останется источником нестабильности. Страны, которые думают, что они могут остаться в стороне от усиливающейся волны экстремизма и терроризма, могут допустить ошибку в своих оценках.

Козюлин Вадим Борисович,
главный научный сотрудник
Центра военно-политических исследований,
Институт актуальных международных проблем,
Дипломатическая академия МГИМО МИД России,
кандидат политических наук

Россия и Центральная Азия в мировом информационном пространстве

АННОТАЦИЯ

Исследуются особенности положения России и государств Центральной Азии в современном мировом информационном пространстве в условиях усиления международной конкуренции нарративов, санкционного давления и трансформации региональных и глобальных институтов. Проблема исследования состоит в выявлении ограничений реактивной модели информационного реагирования и в обосновании необходимости перехода к проактивной стратегии стратегических коммуникаций и публичной дипломатии. Методологическую основу работы составляют политико-дискурсивный анализ, сравнительный подход, элементы институционального анализа и экспертная оценка современных интеграционных и коммуникационных процессов в Евразии. Рассматриваются особенности восприятия России и Центральной Азии во внешней информационной среде, анализируются возможности интеграционных объединений как платформ координации, а также выделяются ключевые аудитории и практические инструменты продвижения согласованной повестки. К основным результатам исследования относится вывод о том, что для укрепления международной субъектности России и ее партнеров необходим переход от оборонительной модели коммуникации к системной политике опережающего формирования позитивного образа общего пространства сотрудничества, суверенного развития и безопасности. Показано, что подобная стратегия требует институциональной координации, расширения экспертного присутствия, подготовки кадров и использования современных мультимедийных форматов в работе с внешними аудиториями.

Ключевые слова: Центральная Азия, информационное пространство, стратегические коммуникации, публичная дипломатия, Большая Евразия, интеграция

Россия и Центральная Азия в мировом информационном пространстве сегодня оказываются не периферийным, а одним из ключевых регионов формирования новой конфигурации глобального порядка, в которой усиливается конкуренция нарративов, норм и моделей развития. На фоне затяжного кризиса европейской архитектуры безопасности, масштабного санкционного давления на Россию и трансформации формата взаимодействия ведущих держав с государствами Большой Евразии, информационно-коммуникативное измерение внешней политики выходит за рамки вспомогательной сферы и становится одним из центральных инструментов обеспечения национальных интересов и устойчивого развития. В этих условиях для России и ее партнеров в Центральной Азии принципиальное значение приобретает переход от преобладающей сегодня реактивной модели «опровержений и объяснений» к проактивной стратегии стратегических

коммуникаций и публичной дипломатии, опирающейся на собственную повестку и образ общего политического пространства¹.

На протяжении последнего десятилетия Россия и государства Центральной Азии живут в режиме практически постоянного информационного давления и санкционного принуждения со стороны ряда западных государств и объединений. Западные правительства и экспертные структуры системно формируют образ «проблемного постсоветского региона», который якобы сочетает в себе политический авторитаризм, институциональную нестабильность и уязвимость к внешнему влиянию. Эти нарративы, будучи многократно тиражируемыми в ведущих СМИ, аналитических докладах и академических курсах, закрепляются в восприятии ключевых элит евроатлантического сообщества и затем воспроизводятся в практической политике – от пакетов санкций до дискурсивного обоснования военного присутствия НАТО и ЕС в сопредельных регионах. В такой конфигурации, оставаясь лишь объектом внешних интерпретаций, Россия и центральноазиатские государства неизбежно оказываются в оборонительной позиции, вынужденно реагируя на очередные обвинения, информационные кампании и административные барьеры для своего присутствия на западных платформах².

Опыт последних лет убедительно показывает, что доминирующая реактивная модель коммуникации оказывается в этих условиях заведомо неэффективной. Пока российская дипломатия и дружественные ей экспертные круги заняты опровержением навязываемых обвинений, оппоненты используют временной лаг и асимметрию доступа к глобальным каналам распространения информации для закрепления выгодной им картины мира. Анализ повестки ведущих западных исследовательских центров по Евразии демонстрирует устойчивый тренд к интерпретации процессов в Центральной Азии через призму «ослабления российского влияния» и «возрастающих рисков» для интересов США и ЕС. При этом внутренние динамики региона, самостоятельные интеграционные инициативы и роль России и ее партнеров как поставщиков общественных благ безопасности и развития зачастую оказываются на периферии внимания либо интерпретируются сугубо в конфликтно-конкурентной логике. Такая ситуация объективно подталкивает Москву и столичные элиты государств Центральной Азии к поиску более активной модели присутствия в мировом информационном пространстве, основанной на артикуляции собственного видения будущего Евразии и глобального порядка³.

С точки зрения российской внешнеполитической доктрины ключевым ресурсом для такой проактивной стратегии выступает формирующееся в последние годы представление о Евразии как о самостоятельном политическом центре, а не о

периферии западного мира. Россия, государства Центральной Азии, а также другие участники Содружества Независимых Государств, Евразийского экономического союза, Организации Договора о коллективной безопасности и Шанхайской организации сотрудничества уже создали разветвленную сеть региональных форматов, сочетающих экономическую, военно-политическую и гуманитарную компоненты. В российской концепции Большого Евразийского партнерства эти структуры рассматриваются как элементы более широкой архитектуры «интеграции интеграций», призванной обеспечить устойчивое развитие и безопасность от Атлантики до Тихого океана на принципах полицентричности, суверенного равенства и взаимной выгоды. Однако в глобальной политической и экспертной повестке данные форматы нередко воспринимаются преимущественно как технические площадки, где обсуждаются сугубо функциональные вопросы торговли, миграции или безопасности, но не как носители привлекательной политической модели⁴.

Переход к проактивной стратегической коммуникации в этой ситуации предполагает сознательное продвижение образа общего политического пространства сотрудничества и суверенного развития, объединяющего Россию и Центральную Азию. В рамках такого пространства различия политических систем рассматриваются не как препятствие, а как естественное проявление цивилизационного и исторического многообразия, при сохранении общей установки на стабильность, предсказуемость и ненасильственное разрешение противоречий. Экономическая интеграция трактуется не как навязываемый извне проект, а как результат осознанного выбора, основанного на взаимной выгоде, сопряжении национальных стратегий развития и инфраструктурной связности Евразии. Безопасность, в свою очередь, понимается не только в узком военно-политическом смысле, но и как защита культурной идентичности, исторической памяти и права народов самостоятельно определять модели социально-политического устройства – в полном соответствии с Уставом ООН и принципами невмешательства во внутренние дела⁵.

Фактически речь идет о формировании комплексного нарратива, который мог бы стать фундаментом всей внешней коммуникации России и ее партнеров – от заявлений на высшем уровне и позиции на площадках ООН до аналитических докладов и медийных проектов. В качестве примера можно привести концептуальные разработки по Большому Евразийскому партнерству, где подчеркивается необходимость координации между ОДКБ, ШОС, ЕАЭС и другими структурами в целях формирования связной архитектуры безопасности и развития, способной отвечать на комплексные трансграничные вызовы. Содержательное наполнение подобного нарратива открывает пространство для мягкой силы России и центральноазиатских государств, выдвигая на первый план их опыт мирного сосуществования разных

¹ Scott R. Anderson, Pavel K. Baev, Robin Brooks, Samantha Gross, Ben Harris, Daniel S. Hamilton, Kari Heerman, and Suzanne Maloney. Can sanctions change the course of conflict? // Brookings, December 17, 2025. URL: <https://www.brookings.edu/articles/can-sanctions-change-the-course-of-conflict/>.

² Mamuka Tsereteli. Russia's Strategic Losses Are the US' Gain in Eurasia // The National Interest, February 19, 2026. URL: <https://www.afpc.org/publications/articles/russias-strategic-losses-are-the-us-gain-in-eurasia>.

³ Natalya Kovaleva. Russian information space, Russian scholarship, and Kremlin controls // Defence Strategic Communications, Volume 4, Spring 2018. URL: <https://stratcomcoe.org/uploads/pfiles/5-kovaleva.pdf>.

⁴ Symbat Yessimgaliyeva. Multilevel order? Rethinking regional cooperation in Central Asia // EURAC Research, 24.06.2025. URL: <https://www.eurac.edu/en/blogs/eureka/multilevel-order-rethinking-regional-cooperation-in-central-asia>.

⁵ Greater Eurasian Partnership: Theory and Practice, Outline of the Greater Eurasian Partnership // The research center International Trade and Integration (ITI), together with the Roscongress Foundation, prepared a study entitled "Greater Eurasian Partnership: Theory and Practice." The digest was prepared specifically for the XXVIII St. Petersburg International Economic Forum (SPIEF-2025), 27 June, 2025. URL: <https://1520international.com/en/content/2025/iyun-2025/bolshoe-evraziyskoe-partnerstvo-teoriya-i-praktika-chast-vtoraya/>.

цивилизационных традиций, практики урегулирования конфликтов и реализации совместных инфраструктурных и гуманитарных проектов⁶.

Переход от обороны к наступательной повестке в информационной сфере требует, однако, не только концептуальной проработки, но и четких политических решений и организационных механизмов. Прежде всего необходима устойчиво действующая система координации в области стратегических коммуникаций на уровне интеграционных объединений с участием России. На пространстве СНГ и ЕАЭС целесообразно создание постоянно действующего механизма политических консультаций по стратегическим коммуникациям, включающего подготовку регулярных совместных докладов о состоянии информационного пространства вокруг объединений, выработку согласованных подходов к освещению кризисных ситуаций и обмен данными о деструктивных информационных кампаниях. Подобные элементы координации уже просматриваются во взаимодействии региональных организаций – ОДКБ, СНГ и ШОС – с Организацией Объединенных Наций, в том числе в формате обсуждения роли этих организаций в поддержании международного мира и безопасности⁷.

Не менее важным условием проактивной стратегии становится укрепление институционального присутствия России и ее центральноазиатских партнеров в глобальных экспертных и медийных дискуссиях. Несмотря на заметный рост числа аналитических центров в Москве, Нур-Султане, Ташкенте и других столицах региона, их голос по-прежнему недостаточно слышен на ведущих англоязычных площадках, формирующих повестку по вопросам безопасности, санкций, технологического развития и региональных конфликтов. В этой связи представляется целесообразным формирование сети евразийских центров стратегических коммуникаций и публичной дипломатии при ведущих университетах и исследовательских структурах, ориентированных прежде всего на внешнюю аудиторию и способных участвовать в глобальных дебатах наравне с западными и азиатскими «think tanks». Такие центры могли бы специализироваться на подготовке междисциплинарных докладов по реформе международных институтов, эволюции санкционных режимов, перспективам цифрового суверенитета и регулирования новых технологий, включая искусственный интеллект и военные инновации, – то есть по тем направлениям, где Россия и Центральная Азия сталкиваются с наиболее интенсивным внешним давлением, но в то же время обладают собственной значимой экспертизой [1].

Переход к проактивной модели подразумевает также переориентацию ресурсов – от доминирующего реагирования к опережающему формированию позитивной повестки. В настоящее время значительная доля ресурсов государственных и окологосударственных структур расходуется на защиту уже сложившихся позиций в навязанном дискурсивном поле: опровержение обвинений, кризисные комментарии, юридическое и медийное сопровождение

санкционных кейсов. Сохраняя необходимость такой работы, следует заранее выделять часть ресурсов на создание и продвижение собственных историй успеха интеграции, примеров политического посредничества России и ее партнеров, кейсов совместных инфраструктурных, энергетических и гуманитарных инициатив на пространстве Большой Евразии и Глобального Юга. При этом важно избегать прямолинейной пропагандистской подачи, делающей подобные сюжеты малопривлекательными для требовательной зарубежной аудитории, и опираться на признанные профессиональные стандарты аналитики и журналистики, в том числе через привлечение авторитетных международных экспертов и независимых наблюдателей⁸.

Ключевым элементом проактивной стратегии становится точное определение целевых аудиторий и адаптация сообщений к особенностям их политического и культурного контекста. Для элит и экспертного сообщества стран Азии, Африки и Латинской Америки Россия и Центральная Азия выступают потенциальными партнерами в формировании более справедливого миропорядка и продвижении повестки суверенного развития, альтернативной одностороннему силовому и санкционному подходу. В диалоге с этими аудиториями целесообразен язык реформ международных институтов, критики экстерриториальных санкций как инструмента политического давления, поддержки региональных объединений и субрегиональных инициатив, а также уважения культурно-цивилизационного многообразия. При этом важно демонстрировать готовность России и ее партнеров к конструктивному взаимодействию с другими центрами силы, если оно не сопряжено с попытками навязать внешние модели и параметры развития⁹.

Особую значимость для России и центральноазиатских государств сохраняет собственно постсоветское пространство, где продолжается конкуренция внешних влияний и моделей интеграции. Для политических и экспертных кругов этих стран ключевым становится не абстрактный идеологический спор, а ответ на вопрос о практических выгодах сотрудничества с Россией и евразийскими интеграционными форматами – от доступа к рынкам и инвестиционным ресурсам до совместных решений в области миграции, трансграничной инфраструктуры и безопасности. Успешное продвижение данного сообщения предполагает демонстрацию конкретных, измеримых результатов – расширения транспортных коридоров, роста взаимной торговли и промышленной кооперации, эффективного реагирования на общие угрозы, включая терроризм, наркотрафик, трансграничную преступность и последствия климатических изменений. В противном случае в региональной повестке будут набирать силу альтернативные проекты, продвигаемые другими центрами силы, включая Китай, Турцию, ЕС и США, которые активно используют инструменты экономического и гуманитарного присутствия для укрепления своих позиций в Центральной Азии [2].

⁶ The Importance of Being Determined: Reflecting on Greater Eurasia and Ideas It Stands for // PIR Center, April 15, 2024. URL: <https://pircenter.org/en/editions/security-index-yearbook-chapter-17-bosom-enemies-bitter-friends-what-relationship-framework-are-russia-and-the-us-doomed-to/>.

⁷ On Draft UNSC Press Statement on the UN Regional Centre for Preventive Diplomacy for Central Asia // Permanent Mission of the Russian Federation to the United Nations, 9 February 2026. URL: <https://russiaun.ru/en/news/09022026>.

⁸ Eriks Varpahovskis. Aid Diplomacy & Nation Image: Central Asia and Russia. // USC Center for Public Diplomacy, Jul 31, 2020. URL: <https://uscpublicdiplomacy.org/blog/aid-diplomacy-nation-image-central-asia-and-russia>.

⁹ A Race for the Global South or a Battle for the World Majority: Russia's Prospects No. 4 2024 October / December, 01.10.2024. URL: <https://eng.globalaffairs.ru/articles/majority-bogdanov-kobrinskaya-frumkin/>.

Отдельный и стратегически важный сегмент целевой аудитории – молодежь и активные пользователи цифровых платформ в России и странах Центральной Азии. В отличие от старших поколений, формировавшихся в логике постсоветского транзита и первых этапов евразийской интеграции, молодые люди во все большей степени живут в глобализированной цифровой среде, где конкурируют разные образцы политической культуры, идентичности и жизненных стратегий. Разговор с этой аудиторией не может вестись в формате традиционных официальных пресс-релизов и линейных лекций: более эффективными становятся документальные спецпроекты, дискуссионные платформы, интерактивные образовательные курсы, а также включение молодых лидеров из стран СНГ и ШОС в глобальные профессиональные и академические сети. Инвестиции в подобные форматы – это не только элемент мягкой силы, но и долгосрочный вклад в формирование будущих политических, экспертных и предпринимательских элит региона, способных воспринимать Россию и совместное евразийское пространство как естественный ресурс развития, а не как навязанный извне выбор.

Переход к проактивной стратегии предполагает обозначение конкретных прикладных задач на ближайшую перспективу. Среди таких шагов можно выделить создание совместного «евразийского ежегодника публичной дипломатии и стратегических коммуникаций», в котором систематически оценивались бы ключевые тренды, угрозы и успешные практики в информационной сфере, касающиеся России, Центральной Азии и более широкого пространства Большой Евразии. Подобный ежегодник мог бы стать рабочим инструментом для министерств иностранных дел, парламентов и профильных ведомств, предоставляя им сопоставимые индикаторы и выверенные рекомендации, основанные на междисциплинарном анализе. Не менее перспективным выглядит формирование координируемой сети аналитических площадок и форумов аналитических центров России и Центральной Азии, ориентированных на подготовку совместных докладов по глобальным вопросам – от реформы ООН и архитектуры коллективной безопасности до будущего санкционных режимов и регулирования цифрового пространства – с учетом интересов и особенностей нашего региона¹⁰.

Важным направлением практической работы становится целевая подготовка кадров в сфере стратегических коммуникаций и публичной дипломатии для министерств иностранных дел, парламентских структур, администраций президентов и региональных органов власти. Речь идет не о формировании очередного поколения «абстрактных медиаспециалистов», а о подготовке специалистов, глубоко понимающих политический контекст, международно-правовые рамки и нюансы восприятия России и Центральной Азии во внешнем мире. Такие кадры могут готовиться на базе совместных программ дополнительного образования, стажировок, летних и зимних школ, создаваемых усилиями дипломатических академий, профильных университетов и ведущих аналитических центров региона. Включение в образовательный процесс модулей по работе с зарубежными медиа, управлению

репутационными рисками, анализу цифровых кампаний и взаимодействию с влиятельными негосударственными акторами позволит качественно повысить эффективность внешней коммуникационной политики России и ее партнеров¹¹.

Существенный потенциал для проактивной стратегии содержат долгосрочные мультимедийные проекты, демонстрирующие политический и интеграционный потенциал региона. Это могут быть документальные серии и интерактивные онлайн-проекты, посвященные истории совместного урегулирования конфликтов и кризисов на евразийском пространстве, успешным кейсам борьбы с пандемиями и природными катастрофами, развитию трансграничной инфраструктуры и энергетического сотрудничества. В условиях, когда значительная часть глобальной аудитории потребляет информацию преимущественно в визуальных и кратких цифровых форматах, именно такие проекты способны разрушать устоявшиеся стереотипы о «нестабильной Евразии» и выносить на передний план реальные достижения интеграции и совместного развития. Их реализация, безусловно, требует координации ресурсов государственных структур, медиабизнеса и научно-экспертного сообщества, однако не предполагает чрезмерных затрат и может опираться на уже существующие практики межгосударственного гуманитарного сотрудничества¹².

Ключевая задача для России и Центральной Азии в информационной сфере на горизонте ближайших лет заключается в переходе от состояния преимущественно оборонительного реагирования на чужие интерпретации к позиции субъекта, самостоятельно формирующего политическую повестку и предлагающего миру концептуально выверенное видение будущего. Проактивная стратегия коммуникации в этом смысле не сводится к созданию «красивой картинки» или единичных медиапроектов, но отражает способность государств и обществ отстаивать право на собственную модель развития, формировать устойчивые коалиции на глобальном Юге и в более широком международном сообществе вокруг конкретных инициатив в области безопасности, развития и технологического суверенитета. Реализация такой стратегии требует политической воли, дисциплины и координации усилий всей системы государственных институтов, бизнеса, гражданского общества и науки, но одновременно создает для России и ее партнеров в Центральной Азии дополнительное окно возможностей для укрепления своей роли в формирующемся полицентричном мире. В этой работе особая ответственность ложится на экспертное и академическое сообщество, способное сформулировать аргументы, концепции и практические предложения, которые станут содержательным ядром более уверенной и наступательной коммуникационной политики России и ее партнеров в Центральной Азии¹³.

11 Russia's Public Diplomacy in Central Asia and the Caucasus: The Role of the Universities, Alexey Fominykh // Volga State University of Technology. 2020. URL: https://inter.volgatech.net/upload/documents/Fominykh_full_text_for_HJD.pdf.

12 A New Great Game Emerges as Central Asia Drifts Away from Moscow, Tsiporah Fried // Hudson Institute, Dec 10, 2025. URL: <https://www.hudson.org/foreign-policy/new-great-game-emerges-central-asia-drifts-away-moscow-tsiporah-fried>.

13 Bruce Pannier. Central Asia in Focus: Russian Ties, Serdar Berdimukhammedov's presidency, a new Kazakhstan?, and more // Radio Free Europe, March 21, 2023. URL: <https://about.rferl.org/article/central-asia-in-focus-russian-ties/>.

10 Bogdan Lytvynenko. Russian in Central Asia: Walking the Linguistic Tightrope // Center for International Relations and Sustainable Development, December 29, 2025. URL: <https://cirsd.org/activities/russian-in-central-asia-walking-the-linguistic-tightrope/>.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Булва В.И., Бобров А.К. Сетевая дипломатия России в Евразии: от ЕАЭС к Большому Евразийскому партнерству // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2025. Т. 25. № 2. URL: <https://journals.rudn.ru/international-relations/article/view/44779>.
2. Лаумулин М.Т. Центральная Азия глазами России // Центральная Азия и Кавказ. 2012. Т. 13. № 4. URL: <https://www.ca-c.org/journal/cac-04-2012/06.shtml>.

Минасян Нелли Арташесовна,
заведующая отделом отношений РА–КНР,
РА–Индия и стратегического сотрудничества
Института арменоведческих исследований ЕГУ

Политика «мягкой силы» Турции в Центральной Азии: идеологические основы и инструменты

АННОТАЦИЯ

Целью данного доклада является анализ идеологических основ и основных инструментов политики «мягкой силы» Турции в отношении Центральной Азии. В исследовании применялись методы контент-анализа и кейс-стади (case study). Метод контент-анализа использовался для изучения идеологических основ турецкой «мягкой силы», тогда как метод кейс-стади позволил проанализировать отдельные инструменты ее реализации. Одним из ключевых направлений применения турецкой «мягкой силы» являются тюркоязычные государства. Хотя концепция турецкой «мягкой силы» во многом формировалась под влиянием идей неоосманизма, в отношении тюркоязычных государств основной акцент делался на идеологию пантюркизма, опирающуюся на представления о языковой, исторической, этнической, религиозной и культурной общности тюркских народов. Эти общности не только составляют идейную основу турецкой политики, но и служат базой для формирования соответствующих механизмов и инструментов «мягкой силы». Посредством инструментов «мягкой силы» Турция стремится расширить свое влияние в Центральной Азии, способствуя, с одной стороны, формированию общего тюркского культурно-языкового пространства, а с другой – созданию позитивного и надежного образа страны в регионе.

Ключевые слова: Турция, «мягкая сила», Центральная Азия, пантюркизм, тюркская интеграция, Организация тюркских государств

В последние десятилетия политика «мягкой силы» получила широкое распространение в международных отношениях. Если ранее она применялась преимущественно крупными державами, то в конце XX – начале XXI в. «мягкая сила» стала важным инструментом внешней политики также средних и региональных держав. Турция, будучи региональной державой, также активно проводила политику «мягкой силы», которая, хотя и стала неотъемлемой частью внешней политики в период правления Партии справедливости и развития (ПСР), начала формироваться еще после распада СССР. Одним из главных направлений политики «мягкой силы» Турции является постсоветский регион, прежде всего тюркоязычные страны.

Рассматриваются три ключевых вопроса:

- идеологические основы турецкой «мягкой силы»;
- инструменты турецкой «мягкой силы»;
- особенности функционирования «мягкой силы» в сфере безопасности, а также вызовы, которые она может представлять.

Идеологические основы турецкой «мягкой силы»

Основатель теории «мягкой силы» Джозеф Най отмечает, что она основывается на трех ресурсах: культуре, политических ценностях и внешней политике [15]. Эти три ресурса способствуют формированию имиджа государства и служат основой для его продвижения на международной арене. Культура, включая образование, не только отражает национальные ценности государства, но и способствует популяризации его культурных особенностей, формируя привлекательный образ страны. В сфере политических ценностей особое внимание уделяется таким характеристикам, как демократия, легитимность и политическая культура. Внешняя политика, в свою очередь, обеспечивает продвижение национальных интересов государства посредством дипломатических инструментов и механизмов. В совокупности эти ресурсы формируют привлекательность государства и позволяют ему оказывать влияние на других деятелей без применения инструментов «жесткой силы». Одним из источников привлекательности является идеология.

С конца XIX в. пантюркизм являлся идеологической основой идеи объединения тюркоязычных народов. После распада СССР пантюркистские идеи пережили возрождение и стали одним из ключевых элементов идеологической базы политики Турции в отношении тюркоязычных государств. В основе политики Турции в отношении тюркоязычных государств и народов лежали языковые, этнические, культурные, исторические и религиозные общности. С одной стороны, эти факторы активно использовались Анкарой для продвижения идеи «тюркского единства», а с другой – послужили основой для создания и деятельности различных государственных и негосударственных организаций. В начале 1990-х гг. Турция предложила себя в качестве образца политического и экономического развития для новых независимых тюркоязычных государств постсоветского пространства. Так называемая «турецкая модель» базировалась на сочетании принципов секуляризма, демократии и рыночной экономики [6]. Посредством продвижения данной модели Анкара стремилась сформировать привлекательный образ страны и расширить свое влияние среди тюркоязычных государств.

Концепция турецкой «мягкой силы» начала активно формироваться в начале XXI в., а разработка ее основных идеологических и теоретических принципов во многом связана с именем бывшего министра иностранных дел и премьер-министра Турции Ахметом Давутоглу. В своей работе «Стратегическая глубина. Международная позиция Турции» он подчеркивает наличие у Турции «стратегической глубины», основанной на географическом положении, историческом наследии и культурных факторах, унаследованных от Османской империи [10]. Важными элементами турецкой «мягкой силы» являются культурные и исторические связи, основы которых были заложены еще в период Османской империи. По сути, в идеологический фундамент турецкой «мягкой силы» были заложены идеи неоосманизма, что особенно заметно в политике Турции на Балканах и Ближнем Востоке. ПСР интегрировала концепцию «мягкой силы» в свою внешнюю политику, тем самым усилив роль идеологических установок и соответствующих механизмов их реализации.

Ряд турецких исследователей также рассматривали идеологические основы и особенности турецкой «мягкой силы». В этом контексте особого внимания заслуживают взгляды государственного деятеля, нынешнего руководителя Национальной разведывательной организации, Ибрагима Калина. По его мнению, турецкая «мягкая сила» отличается от аналогичных концепций других государств как по форме, так и по содержанию. В связи с этим Турция располагает собственными уникальными ресурсами и системой ценностей, следовательно, может не извлекать выгоду из принципов американской «мягкой силы». Он утверждает, что турецкая «мягкая сила», охватывающая пространство от Балкан и Ближнего Востока до Центральной Азии, основывается на унаследованном культурном и историческом опыте [12, р. 10]. Согласно Калыну, реализация стратегии «мягкой силы» направлена на формирование привлекательного образа Турции на международной арене. При этом данная стратегия призвана способствовать преодолению старых страхов и трансформации ее во внутреннюю и внешнюю политики. Он также подчеркивает, что одним из столпов мягкой силы Турции является ее османское наследие [12, р. 10].

Фактически идеологическая концепция турецкой «мягкой силы» во многом сформировалась под влиянием османского наследия. Однако в отношении тюркоязычных государств потенциал данного ресурса является ограниченным, поскольку эти страны не входили в состав Османской империи и, соответственно, не являются носителями османского историко-культурного наследия. В своей политике в отношении тюркоязычных государств Турция опиралась прежде всего на идеи культурного, языкового, религиозного и исторического единства, связывая их не с османским наследием, а с идеологией пантюркизма. Именно пантюркизм стал одной из ключевых идейных основ турецкой политики и ее инструментов «мягкой силы» в тюркоязычных странах.

Инструменты турецкой «мягкой силы»

Инструменты турецкой «мягкой силы» в Центральной Азии отличаются многогранностью и разнообразием. Разумеется, формирование этих инструментов основывается на принципах и стратегии Анкары в отношении тюркоязычных государств. Цели Турции следует рассматривать в нескольких направлениях, прежде всего в контексте развития двусторонних отношений с тюркоязычными странами, а также реализации инициатив, связанных с формированием единого тюркского мира. Хотя политика «мягкой силы» распространяется и на двусторонние отношения, ее основной целью являются общетюркские инициативы. Анкара действует в двух основных направлениях: во-первых, участвует и способствует формированию общего тюркского этнолингвистического пространства, ключевой основой которого выступает становление общей идентичности; во-вторых, содействует созданию единой платформы общетюркского сотрудничества, включающей культурные, экономические и политические компоненты. Последняя в настоящее время находит свое отражение в деятельности Организации тюркских государств (ОТГ). Рассмотрим основные инструменты турецкой «мягкой силы» в тюркоязычных странах.

В постсоветском пространстве Турция в первую очередь опирается на культурный фактор, одновременно уделяя значительное внимание сфере образования. В культурной политике Анкары, с одной стороны, важное место занимает продвижение турецкой культуры, а с другой – акцентируется внимание на общих культурных ценностях тюркских народов. Ключевым инструментом реализации этой политики выступает ТЮРКСОЙ, созданная в 1993 г. ТЮРКСОЙ представляет собой исключительно тюркскую платформу и нередко рассматривается как тюркский аналог ЮНЕСКО, в то же время, это ключевой инструмент культурной дипломатии Турции [5, р. 12-13]. Реализуемые ею инициативы, в частности объявление культурных столиц, празднование юбилеев выдающихся представителей тюркского мира, проведение культурных, спортивных и образовательных мероприятий с участием молодежи из тюркоязычных стран и т.д., направлены на формирование единого культурного пространства посредством выработки общих ценностей, представлений и символов.

Введение единого алфавита является важным элементом культурной и образовательной политики Турции. В рамках данного направления Анкара последовательно реализует курс, направленный на участие в языковых и образовательных реформах, осуществляемых в тюркоязычных государствах. Значительным шагом в этом процессе стала разработка и принятие единого тюркского алфавита Тюркской академией в 2024 г.¹ Вместе с тем следует отметить, что процесс языковых реформ в тюркоязычных странах пока не завершен, что затрудняет практическую реализацию данной инициативы. Деятельность Тюркской академии охватывает широкий круг проектов, связанных с изучением языков, культуры, литературы и истории тюркских народов. Среди наиболее значимых направлений ее работы следует выделить подготовку единых учебников по истории, литературе и географии, разработку словарей и атласов, проведение совместных исторических исследований и т.д.² Указанные инициативы направлены не только на развитие научного сотрудничества между тюркоязычными государствами, но и на формирование общего культурно-исторического пространства. В этом смысле Тюркская академия выступает важным инструментом укрепления общетюркских ценностей, коллективной исторической памяти и единой тюркской идентичности.

В контексте языка и культуры необходимо также отметить деятельность Института Юнуса Эмре (2007), в особенности его культурных центров [1, с. 116-123]. Институт уделяет особое внимание преподаванию и распространению турецкого языка, стремясь превратить его в один из основных языков региона наряду с английским и русским. Кроме того, культурные центры занимаются популяризацией турецкой культуры и ее широким представлением в тюркоязычных странах.

Помимо языковых и культурных факторов, важным инструментом турецкой «мягкой силы» выступала религия. В 1990-е гг. значительную активность в тюркоязычных государствах развернула организация Фетхуллага Гюлена, как в сфере образования, так и в распространении ислама [7, р. 154-166]. Используя разветвленную сеть школ, образовательных центров и общественных организаций, движение способствовало

распространению собственного понимания ислама, акцентируя внимание на образовании, межкультурном диалоге и гуманитарных ценностях. Такой подход позволял продвигать религиозные идеи в нерелигиозной форме и избегать ассоциаций с религиозным экстремизмом, что повышало привлекательность данной деятельности в тюркоязычных странах. По словам А.В.Енояна, «как негосударственный религиозный актор оно было самым эффективным религиозным каналом для продвижения положительного образа Турции» [2, с. 617]. После попытки военного переворота 2016 г. турецкие власти запретили деятельность движения Ф.Гюлена. Впоследствии по просьбе Анкары значительная часть учреждений, ассоциировавшихся с этим движением в ряде тюркоязычных государств, была закрыта, передана другим структурам или подверглась реорганизации [8, р. 24]. Основным проводником государственной религиозной политики Турции за рубежом в настоящее время выступает Управление по делам религии (Диянет). Вместе с тем ряд исследователей отмечает, что по охвату сети и уровню общественного влияния деятельность Диянета пока не достигла масштабов, которыми ранее обладали структуры, связанные с движением Гюлена.

Среди инструментов турецкой «мягкой силы» особое место занимает Турецкое агентство по международному сотрудничеству (ТИКА). Данная структура стала первой организацией, созданной специально для работы с тюркоязычными странами в 1992 г. Первоначально ее деятельность была сосредоточена преимущественно на реализации образовательных, культурных, учебных и других подобных программ. Однако, наряду с внедрением концепции «мягкой силы» во внешнеполитическую систему Турции, роль и сфера деятельности ТИКА также претерпели изменения: организация постепенно трансформировалась в важный инструмент международной помощи [11]. Параллельно с проводимыми преобразованиями организация расширила масштабы своей деятельности и в настоящее время активно реализует различные программы не только на Южном Кавказе и в Центральной Азии, но и в других регионах мира [17, s. 15-17]. В настоящее время ТИКА реализует многочисленные культурные, медицинские, сельскохозяйственные и иные программы. С одной стороны, ее деятельность направлена на формирование и поддержание позитивного имиджа Турции, а с другой – представляет собой серьезный инструмент расширения турецкого влияния.

Обратимся к ОТГ, в отношении которой возникает один из ключевых вопросов: следует ли рассматривать ее в качестве инструмента «мягкой силы». Необходимость обращения к данному вопросу обусловлена политикой Турции, которая придает этой организации важное значение как международному институту. Организация была создана в 2021 г., однако ее формированию предшествовал длительный процесс институционализации, берущий начало в саммитах тюркоязычных государств [14, р. 23-24]. Данная институциональная структура объединила под своей эгидой значительную часть организаций и механизмов сотрудничества, созданных Турцией в предыдущие десятилетия. С этой точки зрения произошло своеобразное институциональное оформление и систематизация инструментов «мягкой силы», которые были скоординированы вокруг основной цели – укрепления отношений Турции с тюркоязычными странами, прежде всего на стратегическом уровне. Главной целью ОТГ является тюркская интеграция, основные положения которой представлены в стратегическом документе «Видение – 2040». В документе обозначены

¹ Declaration on Common Turkic Alphabet. Baku, 11 September 2024. URL: <https://www.turkicacademy.org/en/enciklopediya/declaration-common-turkic-alphabet>.

² Turkic Academy. Projects. URL: <https://www.turkicacademy.org/en/proekty>.

ключевые направления интеграции: культурное, экономическое, межобщественное и политическое³. В рамках ОТГ предпринимаются попытки сформировать основу для экономической интеграции, однако на данный момент единственной практической инициативой остается создание Тюркского инвестиционного фонда⁴. Вместе с тем деятельность организации способствует развитию торгово-экономического сотрудничества между тюркоязычными государствами и созданию благоприятных условий для расширения взаимной торговли [9, р. 1-35]. В политической сфере, несмотря на ведущуюся работу, в частности в направлении координации внешнеполитических вопросов, заметных результатов пока не наблюдается. В данном контексте преимущественно задействованы культурные инструменты. Кроме того, анализируя политику Турции в Центральной Азии с 2021 г., можно отметить, что Анкара уделяет основное внимание развитию двусторонних стратегических и военно-технических отношений, прежде всего с Казахстаном и Узбекистаном [16]. Однако параллельно предпринимаются попытки наладить связь с организацией. Например, государственный визит президента Р.Т.Эрдогана в Казахстан в мае в 2026 г. для участия в Турецко-казахском стратегическом совете и одновременная организация неофициальной встречи ОТГ в Туркестане [3]. Хотя стратегическая цель ОТГ заключается в превращении ее в платформу политического и военно-политического сотрудничества между тюркоязычными странами, на данном этапе она скорее выступает в качестве инструмента «мягкой силы» с точки зрения своей деятельности и имеющегося потенциала. Возможно, осознавая данные ограничения, Анкара активно развивает двусторонние стратегические отношения с тюркоязычными государствами Центральной Азии, уделяя особое внимание сотрудничеству в военной сфере и сфере безопасности. Подобный подход направлен не только на укрепление двусторонних связей, но и на формирование общей системы интересов и приоритетов между тюркоязычными государствами. Тем самым создается институциональная и политическая база для дальнейшего углубления интеграционных процессов в рамках тюркского пространства, в том числе в военно-политическом измерении.

Турецкая политика «мягкой силы» в контексте безопасности

В Центральной Азии политику «мягкой силы» наряду с Турцией проводят и другие крупные государства. В последние годы особую активность в данной сфере проявляет Китай, стремящийся расширить свое гуманитарное, культурное и образовательное присутствие в регионе. Вместе с тем усилия Китая по укреплению своего «мягкого влияния» воспринимаются странами Центральной Азии неоднозначно [13]. Несмотря на заинтересованность государств региона в развитии сотрудничества с Китаем, отдельные инициативы Пекина нередко вызывают общественные дискуссии и настороженное отношение, что ограничивает

³ Turkic World Vision – 2040. URL: <https://turkicstates.org/u/d/haberler/turkic-world-vision-2040-2396-97.pdf>.

⁴ Turkic Investment Fund. Who we are. URL: <https://turkicfund.org/about-us/>.

эффективность китайской «мягкой силы». С этой точки зрения явных претензий к политике «мягкой силы» Турции в Центральной Азии практически не наблюдается, что объясняется, с одной стороны, политикой правительств тюркоязычных стран, а с другой – восприятием Турции населением региона, основанным прежде всего на этнической, языковой и религиозной общности. Вместе с тем существуют определенные опасения в сфере безопасности как среди региональных, так и среди внерегиональных государств, поскольку Анкара стремится расширять свое влияние под гуманитарными и культурными лозунгами и инициативами.

Инструменты «мягкой силы» позволяют турецким государственным институтам, в особенности разведывательным службам, активно действовать в регионе. Их деятельность направлена на расширение сферы влияния Турции, в том числе в геополитическом измерении, что может нарушать хрупкий баланс сил в регионе, усиливать конкуренцию и способствовать росту нестабильности. По ряду данных, Национальная разведывательная организация осуществляет деятельность по сбору информации, используя официальные структуры в качестве прикрытия, в том числе Диянет, Фонд Маариф, Анадолу, Институт Юнуса Эмре и ТІКА. В результате культурная дипломатия может превращаться в эффективный инструмент достижения скрытых государственных целей. В таком контексте «мягкая сила» и ее инструменты используются не только как средства гуманитарного и культурного взаимодействия, но и в качестве механизма политического влияния.

Культурное и, в особенности, идеологическое присутствие Турции в Центральной Азии вызывает обеспокоенность прежде всего у России и Китая [4]. В контексте безопасности Центральная Азия имеет стратегическое значение для обоих государств. Китай в первую очередь связывает политику турецкой «мягкой силы» с пантюркизмом, в рамках которого особую актуальность приобретает уйгурский вопрос. Обеспокоенность России в сфере безопасности носит более многогранный характер и включает военно-политический аспект (Организация Договора о коллективной безопасности), экономическое измерение (Евразийский экономический союз), культурно-языковой фактор, а также проблему ослабления российского культурного влияния в регионе. Вместе с тем обеспокоенность обоих государств во многом связана с деятельностью ОТГ и программами тюркской интеграции. По сути, на данном этапе основное внимание сосредоточено на вопросе о том, может ли ОТГ использоваться в качестве геополитического инструмента против России и Китая.

Таким образом, политика «мягкой силы» Турции в отношении Центральной Азии продолжает применяться достаточно широко, в то время как ее деятельность в других регионах весьма ограничена. В основе политики «мягкой силы» Турции в отношении Центральной Азии лежит современная интерпретация пантюркизма, то есть тюркской интеграции, основанной прежде всего на формировании общего этнолингвистического пространства. Турция использует многоуровневый арсенал инструментов мягкой силы, от образования и культуры до различных организаций, в частности ОТГ. Последняя не только укрепляет инструменты и политику мягкой силы, но и институционализирует роль и влияние Турции в регионе, в том числе с точки зрения мягкой силы. Использование мягкой силы в контексте безопасности также

вызывает определенные опасения, в том числе и среди государств Центральной Азии. Это в первую очередь связано с деятельностью турецких спецслужб, поскольку их деятельность маскируется этими инструментами. С другой стороны, под видом общей тюркской культуры в основном распространяются турецкие культурные элементы и ценности, что следует учитывать в контексте стратегических целей Анкары. В контексте текущих геополитических событий и трансформаций одной из задач для Центральной Азии является тюркская интеграция, которая может быть использована двумя способами. Во-первых, если она используется как геополитический инструмент, это может привести к потрясениям и дестабилизации региона. Во-вторых, она может способствовать регионализации в Центральной Азии, укрепляя политические и экономические позиции региона.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Аватков В.А., Чулковская Е.Е. Центры турецкой культуры имени Юнуса Эмре – «мягкая сила» Турции // Геополитика и безопасность. 2013. № 2. С. 116–123.
2. Енокян А.В. Значимость «мягкой силы» во внешней политике Турции в 2002–2022 гг. // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2023. Т. 23. № 4. С. 609–619. <https://www.doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-4-609-619>.
3. Мавашев Ю. Визит Реджепа Эрдогана в Казахстан в региональном контексте // Интернет-журнал «Военно-политическая аналитика». 14.05.2026. URL: <https://vpoanalytics.com/sobytiya-i-kommentarii/vizit-redzhepa-erdogana-v-kazakhstan-v-regionalnom-kontekste/>.
4. Шангараев Р.Н., Ивочкина А.С. Интеграционные процессы России, Китая и Турции в Центральной Азии // Социально-политические науки. 2025. Т. 15. № 2. С. 146–152. <https://www.doi.org/10.33693/2223-0092-2025-15-2-146-152>.
5. Akılı E. Turkey, Turkic Council and Cultural Diplomacy: Transactionalism Revisited // Bilig. 2019. № 91. Pp. 1–25.
6. Bal I. The Turkish Model and the Turkic Republics // Perceptions, Journal of International Affairs. 1998. Vol. III, № 3.
7. Balci B. Fethullah Gülen's Missionary Schools in Central Asia and their Role in the Spreading of Thrkism and Islam // Religion, State & Society. 2003. Vol. 31. № 2. Pp. 151–177. <https://www.doi.org/10.1080/0963749032000074006>.
8. Balci B., Liles T. Turkey's Comeback to Central Asia // Insight Turkey. 2018. Vol. 20. № 4. Pp. 11–26. <https://www.doi.org/10.25253/99.2018204.06>.
9. Çetinkaya A. F., Demirel N. Analyzing the impact of the organization of Turkic states on the foreign trade of member countries // Cogent Social Sciences. 2024. 10: 2288370. Pp. 1–35. <https://doi.org/10.1080/23311886.2023.2288370>.
10. Davutoğlu A. Stratejik Derinlik: Türkiye'nin Uluslararası Konumu. Küre Yayınları, İstanbul, 2001.
11. Fidan H.; Nurdun R. Turkey's role in the global development assistance community: the case of TİKA (Turkish International Cooperation and Development Agency) // Journal of Southern Europe and the Balkans. 2008. № 10:1. Pp. 93–111. <https://www.doi.org/10.1080/14613190801895888>.
12. Kalin I. Soft Power and Public Diplomacy in Turkey // Perceptions. 2011. Vol. XVI. № 3. Pp. 5–23.
13. Laruelle M., Peyrouse S. China as a Neighbor: Central Asian Perspectives and Strategies, Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program. 2009.
14. Minasyan N. Turkish Initiatives in The Direction of Turkic Integration: Prerequisites and Tendencies // Contemporary Eurasia. 2022. № 11(5). Pp. 22–39. <https://www.doi.org/10.52837/2579-2970-2022.11.2-22>.
15. Nye S. J. Soft Power. The Means to Success in World Politics. Public Affairs, New York, 2009.
16. Sönmez G., Batu G. Defence sector and military cooperation between Turkey and the Central Asian Republics: limitations and prospects amidst intensified regional and global rivalry // Defense & Security. 2024. Vol. 40, Issue 4. Pp. 540–558. <https://doi.org/10.1080/14751798.2024.2404334>.
17. TİKA Faliyet Raporu 2025. T.C. Kültür ve Turizm Bakanlığı Türk İşbirliği ve Koordinasyon Ajansı Başkanlığı. Ankara. 2026.

Нессар Омар,
старший научный сотрудник Института
востоковедения РАН,
кандидат исторических наук

Влияние афгано-пакистанских противоречий на безопасность и логистику в Центральной Азии

АННОТАЦИЯ

В докладе рассматривается влияние эскалации афгано-пакистанского конфликта на стабильность и логистическую инфраструктуру в Центральной Азии. Автор выделяет два ключевых процесса: блокировку транзита товаров между Центральной Азией и Пакистаном и ухудшение ситуации в сфере безопасности на афганских границах, вызванное переброской сил талибов на южные и восточные рубежи. Особое внимание уделяется тому, что логистические проекты (строительство железных дорог, транзит энергоносителей) остаются для Пакистана вторичными на фоне его стратегического соперничества с Индией, что ставит под сомнение их реализацию и делает регион уязвимым для внешних шоков. Исследование акцентирует необходимость учета геополитического фактора при оценке перспектив центральноазиатской логистики.

Ключевые слова: афгано-пакистанский конфликт, Центральная Азия, безопасность, логистика, транзит, пограничные инциденты, геополитика, Индия, региональная стабильность

События начала 2026 г. демонстрируют, что афгано-пакистанский конфликт прямо или косвенно сказывается на стабильности в странах Центральной Азии. Здесь можно выделить два ключевых процесса. Первый выразился в блокировке транзита грузов из стран Центральной Азии в направлении Пакистана и обратно. Второй коснулся перемен в сфере безопасности в самом Афганистане, которые происходят на фоне растущей пограничной напряженности. Большинство стран Центральной Азии является ближайшими партнерами России. Именно поэтому изучение того, как афгано-пакистанский конфликт воздействует на региональную стабильность, становится для России актуальной задачей.

Стоит признать, что напряженность в отношениях между Афганистаном и Пакистаном влияет на регион не однонаправленно, а разнонаправленно. Чтобы понять ситуацию, важно смотреть не только на развитие событий в сфере безопасности в Афганистане, но и на геополитическую обстановку в регионе. А она, в свою очередь, скажется на том, как будут реализовываться важные для региона логистические проекты.

В условиях, когда Афганистан закрыт для полевых исследований особую ценность приобретают доклады международных организаций, отслеживающих ситуацию изнутри. В этом контексте наша работа не стала исключением – ее основу составили доклады международных организаций и материалы СМИ. Однако она

в отличие от других аналогичных материалов смещает фокус на менее изученные индикаторы безопасности. Мы рассматриваем инциденты в приграничной зоне. В этом заключается главное отличие данного исследования.

Наш анализ показывает нелинейное развитие ситуации в сфере безопасности в Афганистане за последние пять лет. Если безопасность внутри страны улучшилась, о чем свидетельствуют сокращение терактов и гибель мирного населения, то на фоне этого растет число пограничных вооруженных конфликтов, особенно в направлении Пакистана. Вместе с тем, пограничные инциденты способны дестабилизировать не только афгано-пакистанское приграничье. Их последствия могут распространиться на всю страну или даже приобрести региональный масштаб. Конфликт в пограничной зоне заставляет талибов перебрасывать свои силы на юг и восток. Это чревато ослаблением контроля над отдельными регионами страны, особенно на ее северных рубежах. Сложившейся ситуацией могут воспользоваться антиправительственные силы и радикальные группировки.

Давление Пакистана на Кабул в период повторного правления талибов развивается по нарастающей, начинаясь с депортации беженцев, перерастая в блокировку транзита и заканчиваясь прямыми авиаударами по афганским городам. Однако, несмотря на столь радикальный комплекс мер, Исламабад так и не добился от афганских властей желаемых уступок. Тем не менее, текущее противостояние ставит под удар реализацию ключевых логистических проектов между Центральной и Южной Азией. Будь то строительство железнодорожных магистралей или поставки центральноазиатских энергоносителей, все эти инициативы напрямую зависят от стабильности в приграничной зоне и уровня двусторонних отношений между Кабулом и Исламабадом.

Из этого следует, что данные инициативы вторичны для Пакистана на фоне его соперничества с Нью-Дели. По всей видимости, именно в этой плоскости, а не в плоскости экономической выгоды от транзита, принимаются ключевые внешнеполитические решения Пакистана. А значит, любые логистические инициативы с участием Центральной Азии будут оставаться для Пакистана вторичными, особенно если напряженность в его отношениях с Индией сохранится.

Рахимов Мирзохид Акрамович,
заведующий отделом Центра новейшей истории
при Академии наук Республики Узбекистан,
доктор исторических наук

Международные и региональные отношения в Центральной Азии

АННОТАЦИЯ

На основе взаимосвязанности современных региональных и глобальных аспектов определены международные отношения Центральной Азии. Современная Центральная Азия является составной частью сложных мировых процессов. В регионе прослеживается тесная взаимосвязь национального и регионального развития с тенденциями общемирового процесса. Нестабильность в разных регионах мира и конфликтность между крупнейшими мировыми акторами создают проблемы и сложности и для стран Центральной Азии. В этой связи применение междисциплинарности позволит шире определить и прогнозировать среднесрочные и долгосрочные приоритеты Центральной Азии с учетом региональных и глобальных процессов и вызовов. Странам Центральной Азии в целях достижения устойчивости в двух- и многосторонних связях целесообразно интенсифицировать совместные усилия в реализации совместных интеграционных проектов и создании новых механизмов многостороннего партнерства. Дальнейшее углубление национальных реформ на основе универсальности, расширение межгосударственных отношений и укрепление институционализации многостороннего партнерства будут иметь важное значение в обеспечении безопасности и устойчивого развития Центральной Азии.

Ключевые слова: республики, международные отношения, регионализм, партнерство, проблемы, устойчивость, стабильность

Центральная Азия на протяжении многих столетий была одним из важных центров торгово-экономического и культурного обмена на маршрутах Великого шелкового пути. Ход современной истории в новых независимых государствах Центральной Азии является составной частью неоднозначных и сложных мировых процессов. В регионе неоднозначным остается процесс формирования национальных приоритетов и межгосударственных многосторонних отношений внутри региона, характеризующийся переменными успехами и неудачами. При участии ведущих международных акторов в Центральной Азии существуют многочисленные многосторонние инициативы и институты с различными интересами. В связи с этим одним из главных факторов обеспечения региональной стабильности и устойчивого развития становится формирование сбалансированной многоплановой системы отношений с ведущими государствами мира, международными и региональными организациями. Дальнейшее расширение и углубление политического и экономического сотрудничества между республиками региона будет иметь важное значение для обеспечения безопасности и устойчивого развития Центральной Азии.

Международная турбулентность и вопросы устойчивости

Разнообразие и темпы происходящих трансформаций в мировом масштабе свидетельствуют о неоднозначной динамике межгосударственных, межрегиональных и межцивилизационных отношений, возрастании роли международных факторов безопасности. В настоящее время на национальном, региональном и мировом уровнях принципиальное значение обретают вопросы стабильного развития¹ и, с другой стороны, важное значение имеет концепция устойчивого развития². Республики Центральной Азии также разработали свои концепции развития и трансформации с учетом целей устойчивого развития ООН.

Глобализация и регионализация выступают тенденциями взаимосвязанными, взаимодополняющими друг друга, но в то же время и противоречащими друг другу, поскольку государства являются не только субъектами, но и объектами, а порой и жертвами этих тенденций. Ход истории в новых независимых государствах Центральной Азии является составной частью сложных мировых процессов. Как отмечает глава Узбекистана «Масштабная трансформация мирового порядка, угрозы фрагментации глобальной экономики и обостряющиеся проблемы изменения климата, продовольственной и энергетической безопасности усилили наше стремление к консолидации. Все это требует от стран Центральной Азии еще большей сплоченности и согласованных действий. Именно поэтому укрепление нашего сотрудничества сегодня – не просто политическая цель, а стратегическая необходимость»³.

Современные глобальные процессы подвержены влиянию множества факторов – политических, экономических, военных, информационных, экологических и др. Сильное воздействие на международные процессы оказывают, с одной стороны, глобализация, а с другой – увеличение числа акторов на мировой сцене, где наряду с государствами активную роль играют международные и региональные организации и транснациональные компании.

Интенсивность процесса глобализации относится к важнейшим характеристикам современного мирового развития [3, с. 53]. Однако глобализация во всех ее измерениях – политическом, экономическом, финансовом и технологическом – имеет неоднозначные последствия. С одной стороны, она укрепляет взаимосвязи между государствами и регионами, способствует экономическому процветанию стран, усиливая их интеграцию, и постулирует

1 Стабильное развитие – динамичная система, равномерно и предсказуемо меняющаяся при сохранении базовых характеристик, обеспечивая необходимые перемены для выживания системы в целом.

2 Устойчивое развитие (Sustainable development) – процесс, в котором использование природных ресурсов, направление научно-технического развития и инвестиций, политико-институциональные изменения и формирование всесторонне развитой личности укрепляют нынешние и будущие потенциалы стран и регионов в удовлетворении фундаментальных человеческих потребностей и устремлений.

3 Мирзиёев Ш. Центральная Азия на пороге новой эпохи. URL: <https://president.uz/ru/lists/view/8653>.

формирование глобального сообщества [8, р. 2]. Но, с другой стороны, глобализация несет новые опасности – различные конфликты дестабилизируют международный порядок и наносят ущерб международной, региональной и национальной безопасности. Например, терроризм, внутренние и внешние факторы нестабильности в Афганистане.

Республики Центральной Азии пытаются определить свое место и роль в современном международном процессе – все более усложняющемся и непредсказуемом. Наблюдается усиление конкуренции и конфликтности между крупнейшими геополитическими игроками, в том числе из-за наличия в Центральной Азии и Каспийском регионе значительных запасов минерально-сырьевых ресурсов. Ситуацию усложняют факторы нестабильности и военные конфликты на Ближнем Востоке, Украине и других регионах мира.

В настоящее время при участии ведущих международных акторов в Центральной Азии существуют многочисленные многосторонние инициативы и институты с различными интересами: Содружество Независимых Государств, Шайхайская организация сотрудничества, Организация договора коллективной безопасности, Евразийский Экономический союз, Центральная Азия + Япония, Центральная Азия-Республика Корея, Центральная Азия + США, Пояс и путь, Организация Тюркских Государств, Центральная Азия – ЕС, Россия – Центральная Азия, Индия – Центральная Азия, Китай – Центральная Азия, Италия – Центральная Азия, Германия – Центральная Азия, Италия – Центральная Азия и др. Следует заметить, что, во-первых, во внерегиональных инициативах в Центральной Азии явно доминируют межправительственный подход, а во-вторых, существуют проблемы, сходства и противоречия в многосторонних отношениях в Центральной Азии.

Главными торгово-экономическими и инвестиционными партнерами стран Центральной Азии является Китай, Россия и Европейский союз. В то же время регион входит в зону стратегических интересов США, Турции и других стран. В связи с этим одним из главных факторов обеспечения региональной безопасности и стабильности становится поддержание в Центральной Азии геополитического равновесия, формирование сбалансированной многоплановой системы отношений с ведущими государствами мира и международными организациями.

В мировом масштабе не менее актуальны вопросы межкультурного диалога, включающего весь комплекс отношений – от политико-экономических до культурных. Известные ученые Ричард Нойштадт и Эрнест Мэй отмечают, что взгляд на историю помогает определить альтернативные варианты будущего и позволяет ориентироваться в глобальных взаимоотношениях настоящего [10, р. XI-XXII]. Следовательно, глубокое изучение историко-цивилизационного наследия позволит определить позитивные и негативные моменты прошлой трансформации и представляют твердую почву для изучения современных общественных трансформаций.

Тенденции и динамика взаимоотношений в Центральной Азии

Новые государства Центральной Азии – Казахстан, Кыргызская Республика, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан – встали на путь формирования национальной государственности и стратегии развития. Однако в процессе их реализации практически все республики сталкиваются со схожими проблемами, связанными с качеством и уровнем нововведений и требованием дальнейшего их углубления. Высокий уровень образования и науки, а также акцент на человеческий капитал – это важнейшая составляющая будущего развития стран Центральной Азии. Необходимо создание привлекательной и динамичной образовательной и академической среды на основе универсальных ценностей, способной стать матрицей успешного развития республик Центральной Азии.

Современные международные отношения характеризуются устойчивой тенденцией к регионализации. В разных частях мира наблюдается стремление к постепенному, но неуклонному формированию региональных политических и экономических объединений. Эти новые тенденции и отношения исследуются в рамках различных теоретических подходов, школ и направлений, которые, в свою очередь, также претерпевают определенные трансформации.

В Центральной Азии наиболее сложным был и остается процесс формирования межгосударственных многосторонних отношений внутри региона – с переменными успехами и неудачами [11, р. 87–89; 1, с. 349]. В феврале 2002 г. на встрече президентов Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана была официально создана Организация центральноазиатского сотрудничества (ОЦАС). Следует заметить, что изучение деятельности ОЦАС обнаруживает наличие ряда проблем. Так, в течение более чем десяти лет главами государств региона было подписано более 200 документов в рамках интеграции, однако многие из них остались нереализованными. А объявленное в 2006 г. объединение ОЦАС и ЕврАзЭС так и не состоялось.

Известно, что одной из наиболее важных современных проблем безопасности мирового сообщества являются вопросы ядерного разоружения. Эта проблема актуальна и в Центральной Азии. После совместной многолетней работы представителей стран региона и международных экспертов в сентябре 2006 г. в Семипалатинске (Казахстан) состоялось подписание «Договора о зоне, свободной от ядерного оружия в Центральной Азии» на уровне глав внешнеполитических ведомств стран региона. [2, с. 368]. В апреле 2014 г. пять ядерных держав – Китай, Франция, Россия, Великобритания и США – подписали протокол, согласно которому они обязались никогда не использовать против стран Центральной Азии ядерное оружие, угрожать им или проводить какие-либо разработки, связанные с ядерным оружием. Однако процесс ратификации этого документа со стороны США до сих пор не завершен.

Развитие взаимоотношений Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана является одним из важнейших аспектов современных международных отношений в Центральной Азии. Анализ развития международных

отношений, на наш взгляд, должен обретать системный характер на основе изучения нескольких уровней анализа как внешних, так и внутренних факторов. Как отмечал Питер Комхей: «Обоснованная и сильная теория внешней политики требует основательного теоретического знания внутренней политики» [4, р. 203].

В связи с этим формирование концепции устойчивого развития Центральной Азии требует сегодня нового интеграционного подхода в решении основных вопросов и проблем и совместных действий в согласии с принципами международного права.

В марте 2018 г. в Астане состоялась первая консультативная встреча глав Узбекистана, Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана и председателя Меджлиса Туркменистана. Инициатива проведения регулярных встреч глав центральноазиатских стран исходила от Президента Узбекистана Шавката Мирзиёева. В ноябре 2019 г. в Ташкенте состоялась вторая Консультативная встреча глав государств Центральной Азии. По итогам саммита было принято Совместное заявление и одобрен Регламент подготовки и проведения консультативных встреч. Очередные Консультативные встречи глав государств регион, в частности, третья состоялась в Туркменистане в августе 2021 г., четвертая – в Кыргызстане в июле 2022 г., пятая – Таджикистане в сентябре 2023 г., шестая в Казахстане в августе 2024 г. и седьмая в столице Узбекистане в ноябре 2025 г. В ходе этих встреч были рассмотрены актуальные вопросы двусторонних отношений и перспективы их расширения. Так, по итогам Чолпон-Атинской встречи лидеров в 2022 г. был подписан Договора о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве в целях развития Центральной Азии в XXI в., который закрепил принципы суверенного равенства, взаимной поддержки и совместной ответственности за будущее региона. В 2022 г. главами государств была также утверждена Концепция взаимодействия государств Центральной Азии в рамках многосторонних форматов, задавшая рамки координации между странами региона на международных площадках, включая форматы «Центральная Азия плюс». Важным программным документом стала Концепция развития региональной кооперации «Центральная Азия – 2040», принятая в 2024 г. на саммите в Астане. В период Ташкентской встречи в ноябре 2025 г. произошло расширение формата с включением Азербайджана в консультативную встречу и определены новые направления партнерства. Однако, ясно и то, что встречи проводятся в разные время и требуют институционализации данного формата.

За последние годы совокупный ВВП стран Центральной Азии достиг 520 миллиардов долларов, объем внешней торговли увеличился до 253 млрд долларов, при этом взаимная торговля между странами региона превысила 10 млрд. Вместе с тем необходимо критически проанализировать причины и параметры быстрого роста ВВП и внешней торговли стран региона, ведь объективность как национальной, так и региональных показателей весьма важна для будущих реформ. Также уровень внутри региональной торговли составляет примерно 4% от общей внешней торговли стран региона, что требует безусловно расширения.

Внешнеполитический курс республик региона корректировался с учетом трансформаций в современных международных и региональных отношениях, но прежде всего учитывая обострение вопросов безопасности и стабильности в Центральной Азии. Как отмечал известный политолог Карл Дойч, среди многих

целей, которые частные лица и правительства преследуют, широчайшим, наиболее распространенным и общим является безопасность [6, р. 226].

Ключевыми вопросами внешней политики республик Центральной Азии были и остаются безопасность и устойчивость политических систем, угрозы международного терроризма, контрабанда наркотиков, экономические, социальные и экологические проблемы, обострение межэтнического напряжения, которые несут угрозу дестабилизации не только региона, но и гораздо шире.

Следует отметить, что только в период 2020–2025 гг. по инициативе стран региона был принят ряд резолюций Генеральной Ассамблеи ООН – плоды совместных усилий стран региона при поддержке международного сообщества, ведь десятки стран мира стали соавторами документа⁴. В них поддерживается курс на дальнейшее укрепление добрососедских и дружественных отношений между государствами региона на основе углубления связей в областях просвещения, науки, технологий, инноваций, туризма, культуры, экологической, региональной и межрегиональной взаимосвязанности.

Объективными факторами интеграции экологической политики государств Центральной Азии являются общность природно-климатических и географических условий, экологических потребностей и интересов живущих здесь народов, обострение экологической ситуации. К примеру, Казахстан, Туркменистан и Узбекистан испытывают определенные трудности в обеспечении водой населения и сельскохозяйственных угодий. А в Таджикистане и Кыргызстане активно тают ледники. Ситуацию может усугубить строительство новых гидросооружений в Афганистане, прежде всего канала Куштета. Также проблемой экологической безопасности является зона высокой сейсмичности, которая охватывает практически всю территорию региона.

Формирование концепции устойчивого развития независимых государств Центральной Азии требует нового подхода к экологической политике и осмыслению принципов международных отношений. Охрана окружающей природной среды в регионе должен носить комплексный и целенаправленный характер.

Современная Центральная Азия является составной частью сложных мировых процессов и вызовов безопасности. В этих условиях международное партнерство выступает ключевым аспектом национального и регионального

⁴ UN Resolution on “Sustainable tourism and sustainable development in Central Asia”. Resolution A/RES/74/214 adopted by the General Assembly UN 24 January 2020; UN Resolution on “Declaring the Aral Sea region a zone of ecological innovations and technologies”. Resolution A/75/L.83/Add.1 adopted by the General Assembly UN 18 May 2021; UN Resolution on “Strengthening connectivity between Central and South Asia”. Resolution A/76/L.68 adopted by the General Assembly UN 27 June 2022; UN Resolution on “International Day for Disarmament and Non-Proliferation Awareness”. Resolution A/RES/77/51 adopted by the General Assembly on 7 December 2022; UN Resolution on “Sustainable Mountain development”. Resolution A/RES/77/172 adopted by the General Assembly on 14 December 2022; UN Resolution on “International Year of Glaciers’ Preservation, 2025”. Resolution A/C.2/77/L.17/Rev.1 adopted by the General Assembly on 9 November 2022. UN Resolution on “Addressing the legacy of nuclear weapons: providing victim assistance and environmental remediation to Member States affected by the use or testing of nuclear weapons”. Resolution A/RES/78/240 adopted by the General Assembly on 22 December 2023; UN Resolution on “International Year of Sustainable and Resilient Tourism, 2027”. Resolution A/78/L.42 adopted by the General Assembly UN 19 February 2024 и др.

устойчивого развития. Существующий комплекс проблем в Центральной Азии требует расширения и углубления всего спектра отношений, включающих, помимо плодотворного политического и экономического сотрудничества, и богатую культурно-гуманитарную составляющую, в том числе творческие и академические связи.

Современная история и международные отношения Центральной Азии, на наш взгляд, требуют, во-первых, широкого использования элементов универсальности общечеловеческого, историко-цивилизационного наследия как твердой почвы для изучения и определения современных общественных трансформаций, компаративного анализа параллелей и закономерностей развития общества и государства; и, во-вторых, применения подхода в контексте взаимосвязи национального и регионального развития с тенденциями общемирового процесса. Системное и комплексное изучение новейшей истории позволяет определить и прогнозировать ожидаемые тенденции в развитии государства и общества – как среднесрочные, так и долгосрочные, а также приоритеты межгосударственных взаимоотношений в Центральной Азии с учетом региональных и глобальных процессов.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Евразийская идеология и Евразийская интеграция. Под ред. К.П.Курылева. Аспект Пресс. 2025. 349 с.
2. Кушкумбаев С.К. Казахстан и Центральная Азия между вызовами прошлого и грядущего. КИСИ. Астана, 2022.
3. Современные международные отношения: учебник / под. ред. А.В.Торкунова, А.В.Мальгина. М.: Аспект Пресс, 2012.
4. Comhey P. The politics of Foreign Policy in Japan and the United States. In Cowhey P., D.McCubbins M. (eds). Structure and Policy in Japan and the United States. New York: Cambridge University Press, 1995.
5. Cox R.W. On thinking about future world order. In Theories of international relations. Vol. 3. Approaches to International Relations: Structuralism Eds. Stephen Chan and Cerwyn Moore. SAGE publication. 2006.
6. Deutsch K. The analysis of international relations. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice Hall, 1988.
7. Jackson R., Sorensen G. Introduction to International relations: theories and approaches. Oxford University Press. 2016. С. 277-293.
8. Lechner F., Boli J. (eds). The Globalization readers. Blackwell Publishing. 2006.
9. Mez A. Die Renaissance des Islams. Heidelberg, 1922.
10. Neustadt R., May E. Thinking in Time: The Uses of History for Decision-Makers. New York, 1986.
11. Rakhimov M. Multilateral relations in Central Asia: a perspective on the Central Asian Consultative Forum In The completion of Eurasia? Continental convergency or regional dissent in the context of “historic turns”. Universite Le Havre Normandie. Peter Lang. 2023. Pp. 83–93.

Саиди Дилафруз Раббизода,
депутат Маджлиси намояндагон Маджлиси Оли
Республики Таджикистан VII созыва,
кандидат технических наук

От стратегических соглашений к технологическому единству: реализация партнерства Таджикистана и России

АННОТАЦИЯ

В докладе представлены современное состояние и перспективы таджикско-российского стратегического партнерства. Отмечается переход от преимущественно политического и гуманитарного сотрудничества к формированию общего технологического, экономического и инфраструктурного пространства. Особое внимание уделяется развитию совместных проектов в энергетике, цифровизации, космических исследованиях и климатической безопасности, а также роли русского языка и образовательных связей в подготовке кадров. Подчеркивается, что укрепление двусторонних отношений органично связано с ростом регионального сотрудничества внутри Центральной Азии и формированием общей евразийской повестки.

Ключевые слова: Таджикистан, Россия, стратегическое партнерство, Центральная Азия, технологическое сотрудничество, энергетика, инновации, климатическая безопасность, русский язык, образование, экономическая интеграция

Уважаемые коллеги!

Уважаемые участники экспертной сессии!

Сегодня отношения между Республикой Таджикистан и Российской Федерацией выходят на качественно новый уровень. Если ранее основу сотрудничества преимущественно составляли вопросы безопасности и гуманитарного взаимодействия, то современный этап характеризуется переходом к формированию общего технологического, экономического и инфраструктурного пространства.

При этом важно подчеркнуть, что развитие таджикско-российского партнерства органично связано с укреплением сотрудничества внутри самой Центральной Азии. В последние годы в регионе сформировалась новая атмосфера политического доверия, добрососедства и стремления к совместному развитию.

Ярким примером этого стало подписание Договора о точке стыка государственных границ Таджикистана, Кыргызстана и Узбекистана, а также последовательное укрепление отношений дружбы и сотрудничества между странами региона. Эти процессы создают важную основу для устойчивой региональной интеграции, развития транспортных коридоров, энергетических проектов и общего экономического пространства Центральной Азии.

В условиях новой глобальной реальности именно технологическое развитие становится главным фактором конкурентоспособности государств, устойчивости экономик и обеспечения национального суверенитета. Поэтому особое значение приобретает не только наличие политических договоренностей, но и их практическая реализация через совместные проекты, инвестиции, образование и инновации.

Важным элементом современной архитектуры таджикско-российских отношений является активное развитие межпарламентского и межведомственного взаимодействия. Сегодня парламентская дипломатия становится важным инструментом укрепления стратегического доверия, координации подходов по ключевым международным и региональным вопросам, а также сопровождения крупных экономических, гуманитарных и технологических проектов.

В последние годы наблюдается высокая динамика политических контактов между Душанбе и Москвой как в двустороннем формате, так и на площадках СНГ, ОДКБ, ШОС и БРИКС. Регулярные встречи руководителей парламентов, официальные визиты делегаций и участие в совместных форумах подтверждают устойчивый и системный характер политического партнерства двух стран.

Особое значение имеет развитие межрегионального сотрудничества, расширение гуманитарных связей, координация законодательных инициатив и укрепление общей евразийской повестки. Активный политический диалог демонстрирует высокий уровень взаимного доверия между Таджикистаном и Россией и создает прочную институциональную основу для дальнейшей реализации стратегических соглашений и совместных проектов.

Сегодня Россия является ведущим торгово-экономическим партнером Таджикистана. Взаимный товарооборот демонстрирует устойчивый рост и достигает порядка 1,79 миллиарда долларов, при этом доля России во внешней торговле Таджикистана превышает 20%.

При этом сотрудничество все больше ориентируется не только на торговлю, но и на создание совместной технологической инфраструктуры и производственной кооперации.

В стране работают более 300 предприятий с российским участием, реализуются десятки крупных инвестиционных проектов. Одним из символов успешного стратегического сотрудничества стала Сангтудинская ГЭС-1, построенная при участии российских компаний. Станция обеспечивает около 11% всей выработки электроэнергии Таджикистана и является примером долгосрочного инвестиционного партнерства.

Важным шагом стало подписание программы экономического сотрудничества между правительствами двух стран до 2027 г., а также активизация деятельности Российско-Таджикского делового совета, который объединяет более 250 предпринимателей, работающих в сфере энергетике, инвестиций, цифровых технологий, сельского хозяйства, строительства, банковской сферы и туризма.

Особое внимание сегодня уделяется развитию инновационной экономики. По данным российской стороны, в 2024 г. велась совместная работа над 30 проектами в сфере высоких технологий общей стоимостью около 3,7 миллиарда рублей.

Перспективными направлениями являются цифровизация государственного управления, развитие телекоммуникационной инфраструктуры, искусственный интеллект, энергетические технологии, промышленная автоматизация, космические исследования и транспортно-логистические решения.

Особую роль в этом процессе играет развитие совместных научных и технологических проектов, которые позволяют объединять исследовательский потенциал двух стран и формировать устойчивую инновационную экосистему. В июне 2023 г. было подписано соглашение о сотрудничестве в сфере исследования и использования мирного космоса, а еще ранее – межправительственное соглашение о сотрудничестве в области мирного использования атомной энергии.

Особенно важным событием стало утверждение программы стратегического партнерства в военной и военно-технической областях на 2026–2030 гг., подписанной министрами обороны двух стран. Это свидетельствует о долгосрочном характере союзнических отношений и высоком уровне взаимного доверия между Душанбе и Москвой.

Вместе с тем сегодня технологическое сотрудничество невозможно рассматривать отдельно от вопросов экологической и климатической безопасности.

Республика Таджикистан последовательно продвигает глобальную климатическую повестку, прежде всего инициативы по сохранению ледников. По инициативе Лидера Нации, Уважаемого Эмомали Рахмон Организация Объединенных Наций объявила 2025 г. Международным годом сохранения ледников, а 21 марта – Всемирным днем ледников.

Для Центральной Азии это вопрос не только экологии, но и стратегической безопасности, поскольку таяние ледников напрямую влияет на водные ресурсы, энергетику, сельское хозяйство и устойчивость экономики всего региона.

В этой связи мы видим большие перспективы для расширения таджикско-российского и регионального сотрудничества в сфере климатических технологий, гидрометеорологии, мониторинга ледников, рационального использования водных ресурсов и развития «зеленой» энергетики.

Научное и технологическое взаимодействие в области экологии может стать новым стратегическим направлением партнерства наших стран и государств Центральной Азии.

Не менее важным элементом сотрудничества является гуманитарное измерение. Существенную роль играет русский язык, который выступает важным инструментом образования, научного обмена и профессиональной подготовки кадров. Его широкое использование в образовательной системе Таджикистана обеспечивает доступ к российским университетам, технологиям и научным школам, укрепляя долгосрочные связи между странами. В 2022 г. президенты двух стран приняли участие в открытии пяти современных школ с обучением на русском языке в Душанбе, Худжанде, Бохтаре, Кулябе и Турсунзаде.

Сегодня в Таджикистане функционируют 60 русскоязычных школ и еще 178 школ с русскими классами. Более 120 тысяч школьников получают образование на русском языке.

Высока и востребованность российского высшего образования. В российских вузах обучаются свыше 35 тысяч граждан Таджикистана, а для таджикских студентов выделяется одна из крупнейших образовательных квот – около 1000 мест ежегодно.

В стране успешно действуют филиалы российских университетов – МГУ имени М.В.Ломоносова, МИСиС, МЭИ, а также Российско-Таджикский славянский университет.

Кроме того, в Таджикистане работают центры фонда «Русский мир» и представительство Россотрудничества, активно развиваются культурные и гуманитарные связи.

Важнейшим ресурсом развития остается человеческий капитал. Качественная и конкурентоспособная рабочая сила является одним из ключевых факторов устойчивого экономического роста и реализации совместных проектов.

Трудовая миграция между странами обеспечивает экономическую устойчивость и занятость, а также способствуя профессиональному росту и обмену компетенциями.

Уважаемые коллеги!

Сегодня стратегическое партнерство России и стран Центральной Азии – это не только вопрос политической целесообразности, но и объективная необходимость для обеспечения стабильности и устойчивого развития всего евразийского пространства.

Таджикистан выступает за формирование пространства сотрудничества, основанного на доверии, добрососедстве, технологическом развитии и взаимном уважении интересов всех государств региона.

Сегодня стратегические соглашения должны трансформироваться в конкретные технологические решения, совместные производства, научные разработки и инновационные экосистемы.

Именно такой подход позволит обеспечить устойчивость наших экономик, повысить конкурентоспособность региона и укрепить долгосрочное евразийское сотрудничество.

Благодарю за внимание!

Сайидзода Зафар Шерали,
главный научный сотрудник отдела Европы
Института изучения проблем
стран Азии и Европы Национальной
академии наук Таджикистана,
государственный советник
Республики Таджикистан,
Чрезвычайный и Полномочный
Посланник Республики Таджикистан,
доктор исторических наук

Современный мир: новые вызовы, риски и возможности (академический взгляд)

АННОТАЦИЯ

Доклад посвящен исследованию ключевых тенденций развития современного мира в условиях глобальной трансформации международной системы. Рассматриваются основные вызовы XXI в., связанные с геополитической нестабильностью, цифровой революцией, экологическими угрозами и социально-экономическими изменениями. Особое внимание уделяется вопросам международной безопасности, развитию искусственного интеллекта, проблемам устойчивого развития и трансформации глобального управления. Анализируется двойственная природа научно-технологического прогресса, создающего одновременно новые возможности и новые риски для мирового сообщества. Обосновывается необходимость формирования эффективных механизмов международного сотрудничества и выработки новой модели глобального взаимодействия, основанной на принципах многополярности, гуманизма и устойчивого развития. Делается вывод о том, что ключевым фактором успешного развития государств в XXI в. становится способность адаптироваться к быстро меняющимся условиям мировой политики и экономики при сохранении национальной идентичности и стратегической устойчивости.

Ключевые слова: глобализация, международная безопасность, цифровизация, искусственный интеллект, устойчивое развитие, геополитика, международные отношения, глобальные риски, инновации, многополярный мир

Современный мир переживает период масштабных трансформаций, охватывающих практически все сферы общественной жизни. Глобализация, развитие цифровых технологий, изменение международного баланса сил и экологические вызовы формируют новую реальность, характеризующуюся высокой степенью неопределенности и взаимозависимости государств [5]. На рубеже XXI в. человечество столкнулось с целым комплексом проблем, имеющих транснациональный характер. Среди них особое место занимают международные конфликты, киберугрозы, климатические изменения, миграционные кризисы, энергетическая нестабильность и усиление социального неравенства [2]. В данных условиях возрастает значение научного анализа глобальных процессов и поиска эффективных механизмов международного взаимодействия. Современная академическая наука рассматривает

мировые процессы как сложную систему взаимосвязанных факторов, требующих комплексного междисциплинарного подхода. Целью доклад является исследование современных вызовов, рисков и возможностей мирового развития с позиции академического анализа глобальных трансформаций.

1. Геополитические трансформации современного мира

Одной из важнейших особенностей современного этапа развития международных отношений является трансформация структуры мирового порядка. После окончания холодной войны мировая система постепенно эволюционировала от модели однополярности к более сложной конфигурации международных отношений [4]. В настоящее время наблюдается усиление роли региональных центров силы, рост конкуренции между государствами и изменение характера международного взаимодействия. Формирование многополярного мира сопровождается обострением борьбы за ресурсы, технологии, транспортные коридоры и геополитическое влияние [6]. Современные международные отношения характеризуются следующими тенденциями: – ростом стратегической конкуренции; – кризисом международных институтов; – усилением санкционной политики; – развитием гибридных форм противостояния; – повышением роли информационного фактора. При этом международная безопасность приобретает комплексный характер, включающий не только военные, но и экономические, информационные, технологические и экологические аспекты [8]. Особое значение приобретает проблема обеспечения стратегической стабильности в условиях технологической революции и изменения глобального баланса сил. В этих условиях государства вынуждены адаптировать свои внешнеполитические стратегии к новым реалиям мировой политики.

2. Цифровая трансформация и технологические вызовы

Одним из ключевых факторов современного развития является стремительное распространение цифровых технологий. Цифровизация экономики и общественных отношений оказывает значительное влияние на государственное управление, рынок труда, систему образования и международную коммуникацию [3]. Особое место в системе современных технологий занимает искусственный интеллект. Его развитие становится стратегическим направлением государственной политики ведущих стран мира. Искусственный интеллект активно внедряется в: промышленность; финансовый сектор; медицину; транспорт; сферу безопасности; образование. Вместе с тем цифровая трансформация сопровождается рядом серьезных рисков. Среди них: угрозы кибербезопасности; утечка персональных данных; цифровое неравенство; автоматизация и сокращение рабочих мест; распространение дезинформации. Развитие цифровой среды требует формирования новых международно-правовых механизмов регулирования высоких технологий и обеспечения информационной безопасности [10]. Серьезной проблемой становится также зависимость мировой экономики от технологических платформ и транснациональных цифровых корпораций. В результате государства сталкиваются с необходимостью обеспечения технологического суверенитета и защиты национального информационного пространства.

3. Экологические риски и устойчивое развитие

Экологическая проблематика занимает центральное место в глобальной повестке XXI в. Изменение климата, загрязнение окружающей среды, истощение природных ресурсов и деградация экосистем оказывают непосредственное влияние на международную безопасность и мировую экономику [7]. Современные экологические вызовы имеют глобальный характер и требуют координации усилий международного сообщества. Среди наиболее значимых угроз можно выделить: повышение средней температуры; сокращение водных ресурсов; опустынивание территорий; рост количества природных катастроф; снижение биологического разнообразия. В ответ на данные вызовы международное сообщество развивает концепцию устойчивого развития, предполагающую достижение баланса между экономическим ростом, социальной стабильностью и экологической безопасностью [12]. Особое значение приобретает переход к «зеленой» экономике и внедрение экологически безопасных технологий. Развитие возобновляемой энергетики, цифровых экологических систем мониторинга и ресурсосберегающих технологий становится одним из приоритетов государственной политики многих стран.

4. Социально-экономические вызовы глобализации

Современная мировая экономика переживает период структурной трансформации. Автоматизация производства, цифровизация финансовых систем и изменение глобальных цепочек поставок существенно влияют на характер международных экономических отношений [11]. Одной из ключевых проблем остается рост социального неравенства как внутри государств, так и между различными регионами мира. Экономическая глобализация создала значительные возможности для технологического развития, однако одновременно усилила диспропорции в распределении ресурсов и доходов [9]. К числу наиболее значимых социально-экономических вызовов относятся: нестабильность мировых рынков; демографические дисбалансы; миграционные процессы; продовольственная безопасность; энергетические кризисы. Вместе с тем современная экономика создает новые возможности для развития инновационного предпринимательства, международной кооперации и интеграции научных центров. Особую роль начинает играть интеллектуальный капитал, который становится важнейшим фактором конкурентоспособности государств в мировой экономике.

5. Гуманитарное измерение современного мира.

Трансформация мирового порядка сопровождается изменением системы ценностей и моделей общественного взаимодействия. Информационное общество усилило влияние цифровых коммуникаций на формирование общественного сознания и политических процессов [1]. Современные гуманитарные вызовы связаны с: кризисом культурной идентичности; распространением информационных манипуляций; снижением доверия к традиционным институтам; радикализацией общественных настроений; ростом культурных противоречий. В этих условиях возрастает роль науки, образования и академической дипломатии как инструментов укрепления международного сотрудничества и межкультурного диалога.

Современное образование должно выполнять не только профессиональную, но и гуманитарную функцию, способствуя развитию критического мышления, культуры мира и международного взаимопонимания.

6. Возможности современного этапа развития

Несмотря на масштаб существующих угроз, современный этап развития открывает значительные перспективы для человечества. Среди основных возможностей можно выделить: развитие международной научной кооперации; ускорение технологических инноваций; формирование цифровой экономики; расширение глобального образовательного пространства; развитие «зеленых» технологий; укрепление международного научного сотрудничества. Особое значение приобретает международная интеграция в сфере науки и образования. Современные цифровые технологии позволяют значительно ускорить обмен знаниями и развитие совместных исследовательских проектов. Важным фактором устойчивого развития становится способность государств эффективно сочетать инновационное развитие, обеспечение национальной безопасности и сохранение гуманитарных ценностей.

Таким образом, современный мир находится в состоянии глубокой системной трансформации. Глобальные процессы XXI в. формируют новые вызовы, связанные с геополитической нестабильностью, цифровой революцией, экологическими угрозами и социально-экономическими изменениями. Вместе с тем современная эпоха создает значительные возможности для научного, технологического и гуманитарного развития человечества. Ключевым условием успешного преодоления глобальных рисков становится развитие международного сотрудничества, укрепление научного диалога и формирование эффективной системы глобального управления. Будущее мировой цивилизации во многом будет зависеть от способности международного сообщества обеспечить баланс между инновациями, безопасностью и гуманистическими ценностями. Подводя итог, следует отметить, что современный мир переживает период исторической турбулентности, в котором одновременно сосуществуют кризисы и новые возможности развития. Именно поэтому особая роль принадлежит академическому сообществу, способному предложить научно обоснованные подходы к решению глобальных проблем. Только через развитие международного диалога, укрепление научного сотрудничества и сохранение гуманистических ориентиров возможно формирование устойчивого и справедливого мирового порядка XXI в.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества. М.: Весь Мир, 2004. 188 с.
2. Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб.: Университетская книга, 2001. 416 с.
3. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000–2004. В 3 т.
4. Киссинджер Г. Мировой порядок. М.: АСТ, 2019. 512 с.
5. Третья волна / Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ, 2010. 795 с.

6. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций и преобразование мирового порядка. М.: АСТ, 2021. 640 с.
7. Meadows D.H., Randers J., Meadows D.L. Limits to Growth: The 30 Year Update. New York: Universe Books, 2004. 368 p.
8. Nye J. S. The Future of Power. New York: PublicAffairs, 2011. 320 p.
9. Piketty T. Capital in the Twenty First Century. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2014. 696 p.
10. Schwab K. The Fourth Industrial Revolution. Geneva: World Economic Forum, 2016. 192 p.
11. Stiglitz J. E. Globalization and Its Discontents. New York: W.W.Norton & Company, 2003. 304 p.
12. United Nations / Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года: Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 25 сентября 2015 г. Нью-Йорк: ООН, 2015. 44 с.

Салимзода Каримджон Хасан,
соискатель кафедры государственного
управления и национальной безопасности
РАНХиГС, руководитель Комитета по работе
со СМИ Общественного совета
при Посольстве Республики Таджикистан
в Российской Федерации

ОДКБ как пояс безопасности Центральной Азии в условиях новых вызовов и угроз

АННОТАЦИЯ

Рассматривается роль ОДКБ как ключевого пояса обеспечения региональной безопасности в Центральной Азии. Цель доклада – определить исторические предпосылки создания ОДКБ, раскрыть ее основные цели и принципы функционирования, а также оценить эффективность противодействия современным вызовам, включая терроризм, транснациональную преступность, киберугрозы и незаконную миграцию. Методология основана на сравнительном анализе, изучении официальных документов, исторических источников и экспертных оценок, что позволяет выявить сильные и слабые стороны действующей системы коллективной безопасности. Основное внимание уделяется механизмам сотрудничества и координации действий между государствами-членами, обеспечивающим оперативное реагирование на традиционные и нетрадиционные угрозы. Результаты исследования свидетельствуют, что ОДКБ продолжает оставаться одним из ключевых инструментов для укрепления политической стабильности и повышения обороноспособности стран региона. Новизна работы состоит в комплексной оценке потенциала ОДКБ как гибкой многофункциональной структуры, способной проактивно реагировать на разнообразные риски. Практическая значимость заключается в возможности применения выводов исследования при формировании политики безопасности в Центральной Азии и развитии международного сотрудничества в сфере обороны и противодействия терроризму. Сделанные выводы подтверждаются актуальными данными и тенденциями, наблюдаемыми в области региональной безопасности.

Ключевые слова: ОДКБ, Центральная Азия, региональная безопасность, коллективная безопасность, военное сотрудничество, противодействие терроризму, транснациональные угрозы, кибербезопасность, нелегальная миграция

Центральная Азия занимает важное геополитическое положение в системе глобальной безопасности. Это центр политической шахматной доски Евразийского суперконтинента, где издавна пересекались интересы великих империй древней истории и пересекаются интересы великих держав в Новейшей истории. Помимо традиционных внешних угроз и вмешательства, страны Центрально-Азиатского региона также сталкиваются с нестабильностью гражданского общества и нетрадиционными угрозами: терроризмом и транснациональной преступностью. В этом контексте возникновение и роль Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) имеет большое значение для общей системы региональной безопасности.

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью глубже понять механизмы взаимодействия государств-членов ОДКБ в области безопасности,

а также роль организации в решении ключевых проблем Центральной Азии. Целью доклада является анализ эффективности действий ОДКБ в обеспечении безопасности региона, а также ее воздействия на политическую и социальную стабильность стран-членов. Задачи исследования включают: рассмотрение исторического контекста создания ОДКБ, анализ ключевых функций и задач организации, а также исследование того, как ОДКБ справляется с новыми вызовами в области безопасности.

Методология исследования основывается на сравнительном анализе, использовании официальных документов и публикаций, а также экспертных оценок. Авторы используют принцип историзма для анализа в хронологическом порядке развития политики безопасности ОДКБ в Центральной Азии путем изучения исторических документов и официальных заявлений с целью определения ключевых событий, влияющих на политику безопасности государств-членов. Кроме того, авторы применяют принципы объективности и достоверности через сбор данных из различных источников и перекрестную проверку этих данных с целью обеспечения объективности работы.

В начале 90-х гг. XX в. республики бывшего Советского Союза искали пути для обеспечения взаимной безопасности в новой геополитической реальности. В 1992 г. представители ряда государств, включая Россию, Армению, Казахстан, Таджикистан, Кыргызстан и Узбекистан, инициировали формирование коллективного механизма безопасности посредством подписания договора в Ташкенте¹. Этот шаг стал отправной точкой для создания системы, направленной на совместное противодействие внешним угрозам на постсоветском пространстве [12, с. 78].

Со временем стало очевидно, что существующая структура не способна адекватно реагировать на изменившиеся условия и возникшие вызовы. Члены организации в Центральной Азии не предприняли эффективных действий для противодействия новым угрозам [2, с. 15]. В регионе разразился ряд кризисов: гражданская война в Таджикистане (1992–1997), усиление деятельности радикальных исламских организаций «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами»^{*2} и Исламское движение Узбекистана (ИДУ)^{*3}, приход к власти талибов в Афганистане (с 1996 г.), что привело к резкому увеличению наркотрафика через таджикско-афганскую границу, а также вызвало рост пограничной напряженности между странами-участниками в Ферганской долине. В результате, когда в 1999 г. срок действия договора истек, организацию покинули три члена, в том числе Узбекистан. Это, несомненно, была серьезная потеря для архитектуры безопасности в Центральной Азии. По замечанию ученого Г.И.Чуфрина, это неизбежный результат возникновения и развития молодых демократических государств в Средней Азии. Так как каждая страна формирует собственную внешнюю политику, попытка объединить интересы в рамках устаревшей структуры невозможна [12, с. 78].

¹ Договор о коллективной безопасности // ОДКБ. URL: https://www.odkbcsto.org/documents/documents/dogovor_o_kollektivnoy_bezopasnosti/#loaded.

² * Решением Верховного Суда РФ от 14 февраля 2003 г. «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами» была признана террористической организацией и запрещена в России.

³ * Решением Верховного Суда РФ от 4 февраля 2003 г. Исламское движение Узбекистана (ИДУ) было признано террористической организацией и запрещена в России.

В ответ на эти проблемы в 2002 г. было принято решение о переосмыслении организационной модели, что позволило трансформировать первоначальный договор в более гибкую региональную систему безопасности. Новая концепция предусматривала активное взаимодействие с международными организациями и расширение функционала через включение дополнительных механизмов сотрудничества⁴. ОДКБ расширила возможности для международного взаимодействия: в 2004 году организация получила статус наблюдателя при ООН⁵, а также возможности для сотрудничества с такими структурами, как ОБСЕ, СНГ и ШОС. Кроме того, протокол к Уставу, принятый в 2018 г., позволил предоставлять статус наблюдателя или партнера третьим странам и международным организациям⁶.

ОДКБ продолжает сохранять основные цели ДКБ, которые остаются неизменными: противодействие внешней агрессии в отношении государств-участников и формирование единой позиции во внешней политике. Помимо этого, организация решает задачи, связанные с нетрадиционными угрозами: это киберугрозы, транснациональный терроризм, межэтническая нестабильность, наркотрафик, гуманитарные кризисы и миротворческая деятельность [3, с. 14].

Примечательно, что в Стратегии коллективной безопасности на период до 2025 г. ОДКБ позиционирует себя следующим образом: «многофункциональная структура комплексного обеспечения коллективной безопасности»⁷. По мнению ученого А.И.Никитина, в процессе существования и развития ОДКБ сформировала две функциональные «корзины»: первая связана с необходимостью реагирования на нетрадиционные угрозы, а вторая – с созданием коллективных Вооруженных сил и военной инфраструктуры на территориях государств-участников [9, с. 910]. Соответственно, можно сделать вывод, что в истории их становления и развития ОДКБ и ее предшественник ДКБ всегда имели параллельную цель – укрепление традиционных возможностей для военного сотрудничества и разработку методов противодействия современным угрозам.

Действия ОДКБ в ответ на новые угрозы

За последние два десятилетия страны-члены ОДКБ стали уделять больше ресурсов для противодействия современным транснациональным угрозам. Это связано с высокой уязвимостью государств Центральной Азии из-за их географического расположения вблизи нестабильных регионов Южной Азии и Ближнего Востока.

⁴ Устав Организации Договора о коллективной безопасности // ОДКБ. URL: https://odkbcsto.org/documents/documents/ustav_organizatsii_dogovora_o_kollektivnoy_bezopasnosti/#loaded.

⁵ Организация Договора о коллективной безопасности получила статус наблюдателя в Генеральной Ассамблее // Новости ООН. URL: <https://news.un.org/ru/story/2004/12/1062601>.

⁶ Положение о статусе Партнера Организации Договора о коллективной безопасности // ОДКБ. URL: https://odkbcsto.org/documents/statements/polozhenie_o_statuse_partnera_organizatsii_dogovora_o_kollektivnoy_bezopasnosti/#loaded.

⁷ Стратегия коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности на период до 2025 года // ОДКБ. URL: https://odkb-csto.org/documents/statements/strategiya_kollektivnoy_bezopasnosti_organizatsii_dogovora_o_kollektivnoy_bezopasnosti_na_period_do_/#loaded.e

Они находятся вдоль так называемого «Северного маршрута», проходящего через Афганистан, по которому осуществляется масштабная транспортировка наркотиков в Россию и Европу. Террористические группы в регионе извлекают выгоду из наркотрафика и торговли людьми, используя эти средства для покупки оружия и подкупа пограничников. Проникновение террористов остается постоянной угрозой, особенно учитывая, что Таджикистан имеет протяженную границу с Афганистаном [3, с. 7].

Кроме того, в Центральной Азии активно действует ряд экстремистских организаций. Географическое положение региона, близкое к Афганистану, позволяет террористам сохранять жизнеспособность за счет торговли наркотиками и людьми. Эти организации включают: Исламскую партию сопротивления Таджикистана⁸, Исламский джихадский союз (СИД)⁹, Исламское движение Узбекистана (ИДУ)¹⁰, а в последние годы – «Аль-Каиду»¹¹ и «Исламское государство Ирака и Леванта» (ИГИЛ)¹² [1, с. 678; 3, с. 8]. Особенно показателен случай в августе 1999 г., когда боевики ИДУ атаковали Баткенский район Кыргызстана, раскрыв неподготовленность стран региона к новым военным угрозам и необходимость поиска новых форм военного взаимодействия [11, с. 163].

В ответ на эти угрозы были созданы несколько коллективных военных формирований. Среди них первыми были сформированы КСБР (в августе 2001 г.) численностью около 5 тыс. человек [1, с. 676]. Однако их ограниченные возможности привели к созданию КСОР, численность которых варьируется от 17 до 22 тыс. военнослужащих, а зона ответственности включает всю территорию стран-участниц ОДКБ [7, с. 21; 11, с. 164]. В целом цель создания этих двух сил заключается в обеспечении оперативного реагирования ОДКБ в случае внешней агрессии, а также в проведении антитеррористических операций на международном и региональном уровнях. В некоторых сценариях они также могут быть задействованы для борьбы с транснациональной преступностью [8, с. 8]. Кроме того, ОДКБ также поддерживает две другие коллективные силы: Коллективные миротворческие силы и Коллективные авиационные силы. Они выполняют более специализированные задачи: поддержание мира и проведение конкретных операций противовоздушной обороны.

Каждый год Секретариат и Объединенный штаб ОДКБ разрабатывают и реализуют план коллективной боевой подготовки войск. Крупнейшими многонациональными учениями являются маневры серии «Взаимодействие», направленные на проверку боеготовности КСОР. Учения «Рубеж» предназначены для тестирования оперативного

⁸ Партия исламского возрождения Таджикистана (ПИВТ) в 2015 г. признана террористической Верховным судом Таджикистана, 18+.

Партия исламского возрождения Таджикистана (ПИВТ) в 2022 г. признана террористической Верховным судом России и ее деятельность запрещена на территории Российской Федерации, 18+.

⁹ «Союз Исламского джихада» Верховным судом России 2 июня 2006 г. был признан террористической организацией, его деятельность на территории России запрещена, 18+.

¹⁰ Исламское движение Узбекистана (ИДУ) Верховным судом России 4 февраля 2003 г. было признано террористической организацией, его деятельность на территории России запрещена, 18+.

¹¹ *«Аль-Каида» признана в России террористической и запрещена, 18+.

¹² «Исламское государство Ирака и Леванта» (ИГИЛ) признана в России террористической и запрещена, 18+.

развертывания коллективных сил в ответ на гипотетическую террористическую угрозу, исходящую из Афганистана или Центральной Азии. С 2012 г. проводятся учения «Нерушимое братство», в ходе которых отрабатываются навыки миротворческой деятельности. В рамках серии «Кобальт» военные и силовые структуры стран ОДКБ тренируются в борьбе с наркопреступностью, в реагировании на кризисные ситуации и обеспечении внутренней безопасности. Параллельно с этим проходят учения «Гром», в ходе которых координируются совместные действия подразделений по противодействию наркоторговле. В свою очередь маневры «Поиск» предназначены для совершенствования разведывательных операций, выявления террористических групп и других деструктивных элементов с использованием авиации, сухопутных войск и специальных подразделений ОДКБ [3, с. 17].

Только в 2024 г. было проведено семь учений, включая: «Взаимодействие – 2024», «Нерушимое братство – 2024», «Поиск – 2024», «Эшелон – 2024», «Скала – 2024», «Кобальт – 2024» и «Рубеж – 2024», все из которых прошли на территории стран Центральной Азии – членов ОДКБ (Россия, Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан)¹³. Эти учения обеспечивают гибкость взаимодействия между силами государств-участников, повышают скорость реагирования на региональные угрозы и демонстрируют мощь организации.

Помимо ключевых учений, перечисленных выше, ОДКБ также ежегодно проводит ряд других операций: «Канал», «Нелегал» и «ПРОКСИ», направленных на достижение конкретных целей, включая борьбу с наркотрафиком, предотвращение незаконной миграции и обеспечение кибербезопасности.

Операции по борьбе с наркотрафиком. Ключевым моментом в борьбе с незаконным оборотом наркотиков стало признание операции «Канал» в 2008 г. в качестве постоянно действующей антинаркотической операции ОДКБ. Эти операции можно разделить на две категории: первая группа направлена на подавление наркотрафика в определенных регионах. Вторая группа ориентирована на конкретные транспортные маршруты (аэропорты, морские порты, железные дороги) или борьбу с наркотрафиком в Интернете [10, с. 115]. Согласно отчету по операции «Канал-Перехват» (2023 г.), правоохранительные органы стран-участниц конфисковали более 897 кг наркотиков и психотропных веществ. В процессе проведения операции они также обнаружили более 40 единиц оружия и около 2 800 патронов различных калибров¹⁴.

Кибербезопасность. Процесс создания системы информационной безопасности в ОДКБ берет начало с проведения заседания Комитета секретарей Советов безопасности в Минске (2016 г.). На этом мероприятии было принято решение о формировании специализированной рабочей группы, задачей которой стала разработка стратегических подходов в сфере информационной политики и защиты информации. Важным шагом стало принятие Стратегии коллективной безопасности ОДКБ на период до 2025 г., официально закрепившей ключевую роль

¹³ В 2024 г. ОДКБ проведет семь учений // Парламентская Ассамблея ОДКБ. URL: <https://paodkb.org/events/v-2024-godu-odkb-provedet-sem-ucheniya>.

¹⁴ Проведена субрегиональная антинаркотическая операция ОДКБ «Канал-Перехват» // ОДКБ. URL: https://odkb-csto.org/news/news_odkb/provedena-subregionalnayaantinarkotikaaya-operatsiya-odkb-kanal-perekhvat/#loaded.

информационных технологий в современных международных отношениях [5, с. 136]. Ключевым инструментом ОДКБ в этой сфере являются операции «ПРОКСИ», которые проводятся с 2008 г. Их основная цель – противодействие информационным потокам, угрожающим национальной и коллективной безопасности государств-членов ОДКБ. В период 2015–2020 гг. в ходе этой деятельности специалисты выявили около 700 тыс. интернет-ресурсов, несущих угрозу безопасности странам ОДКБ, из которых более 120 тыс. ликвидировали [6, с. 412].

Борьба с незаконной миграцией. Серия операций «Нелегал» признана постоянно действующим механизмом ОДКБ по борьбе с незаконной миграцией [9, с. 916]. Согласно отчету по операции «Нелегал» (2024 г.)¹⁵, правоохранные органы предотвратили более 130 тыс. нарушений миграционного законодательства и выдворили свыше 20 тысяч иностранных граждан. Кроме того, в ходе операции сотрудники правоохранительных органов разыскали и задержали 540 человек, находившихся в международном розыске, включая девять подозреваемых в преступлениях экстремистского и террористического характера.

ОДКБ также активно работает над развитием сотрудничества с другой региональной структурой безопасности – ШОС. В основе их взаимодействия лежит Протокол о сотрудничестве между Секретариатом ОДКБ и Региональной антитеррористической структурой ШОС (2011)¹⁶, который предоставляет обеим сторонам возможность совместно противодействовать террористическим группировкам в Центральной Азии. В дальнейшем обсуждались вопросы более широкого характера согласно Меморандуму о сотрудничестве и взаимодействии между Секретариатом ОДКБ, Исполнительным комитетом РАТС ШОС и Антитеррористическим центром государств-участников СНГ (2018)¹⁷. Этот документ фиксировал меры по нейтрализации угроз, исходящих от международных террористических организаций, базирующихся в Афганистане, и предлагал конкретные шаги по улучшению безопасности в регионе. Позднее Совместная позиция РАТС ШОС, АТЦ СНГ и Секретариата ОДКБ по противодействию терроризму и экстремизму (2022) определила общую стратегию для борьбы с терроризмом и экстремизмом, что свидетельствует о последовательном и системном подходе обеих организаций к решению актуальных вопросов безопасности¹⁸. Существует пересечение зон ответственности и целей ОДКБ и ШОС, однако отсутствие технических

¹⁵ Итоги проведения постоянно действующей региональной операции государств – членов ОДКБ по противодействию незаконной миграции (операция «Нелегал») в 2024 г. // ОДКБ. URL: https://odkb-csto.org/analytics/?ELEMENT_ID=24009#loaded.

¹⁶ Протокол о сотрудничестве между Секретариатом Организации Договора о коллективной безопасности и Региональной антитеррористической структурой Шанхайской организации сотрудничества // Борьба с терроризмом и экстремизмом ОДКБ. URL: https://antiterror.odkb-csto.org/int_organizations/sco/protokol-o-sotrudnichestvemezhdu-sekretariatom-odkb-rats-shos-i-atts-sng/#loaded.

¹⁷ Меморандум о взаимопонимании по вопросам сотрудничества и взаимодействия между РАТС ШОС, АТЦ СНГ и Секретариатом ОДКБ // Борьба с терроризмом и экстремизмом ОДКБ. URL: https://antiterror.odkb-csto.org/int_organizations/RATS%20SHOS-ATC%20SNG-CSTO/memorandum/#loaded.

¹⁸ Состоялось подписание Совместной позиции РАТС ШОС, АТЦ СНГ и Секретариата ОДКБ по вопросам противодействия терроризму и экстремизму // Борьба с терроризмом и экстремизмом ОДКБ. URL: <https://antiterror.odkb-csto.org/news/sostoyalos-podpisanie-sovmestnoy-pozitsii-rats-shos-atts-sng-i-sekretariataodkb-po-voprosam-protivo/#loaded>

или политических препятствий создает благоприятные условия для сотрудничества и здоровой конкуренции между двумя организациями [3, с. 126; 7, с. 21].

Транснациональный и межконтинентальный характер современных угроз требует от государств-членов организации в Центральной Азии повышенного внимания к разработке стратегий и усилению мер по противодействию этим вызовам. Неконвенциональные угрозы – терроризм, наркотрафик и торговля людьми – на практике тесно взаимосвязаны. Стремление к их нейтрализации и ликвидации требует многосторонних усилий в пространстве Центральной Азии. Эти меры не могут ограничиваться только военными операциями, но должны также включать миротворческие инициативы и экономическое развитие. Фактически это и есть вектор, к которому стремится ОДКБ. В Декларации Совета коллективной безопасности ОДКБ от 3 декабря 2024 г. организация подтвердила приверженность ежегодному проведению операций «Канал», «Нелегал» и «ПРОКСИ», а также выразила поддержку постепенному развитию коллективных сил безопасности. Кроме того, ОДКБ подчеркивает важность трехстороннего сотрудничества между СНГ, ШОС и ОДКБ и выражает уверенность в том, что формирование мирного, интегрированного в регион Афганистана станет важным фактором укрепления общей безопасности в Центральной Азии.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Аманбаева Д., Айдарбекова А., Сатывалдиева А., Рахимов К.Х. Роль ОДКБ в противодействии терроризму // Постсоветские исследования. 2023. Т. 6. № 6. С. 674–684.
2. Башаратьян М. Военно-политическая безопасность Центральной Азии и роль ОДКБ в ее обеспечении // Мировая экономика и международные отношения. 2012. № 12. С. 15–23.
3. Ван Чаоцин. Международное сотрудничество в области безопасности между ШОС и ОДКБ // Теория и практика общественного развития. 2015. № 8. С. 123–127.
4. Вейц Р. Оценка Организации Договора о коллективной безопасности: возможности и уязвимости / Институт стратегических исследований. Военный колледж армии США, 2018. 135 с.
5. Выходец Р.С. Формирование системы информационно-психологической безопасности Организации Договора о коллективной безопасности // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2023. Т. 17, № 2. С. 132–142.
6. Данилова Л.Д. ОДКБ как инструмент поддержания международной безопасности в современном мире // Вестник науки. 2025. № 3(84). С. 408–420.
7. Евсеев В.В. ОДКБ и безопасность на постсоветском пространстве // Постсоветский материк. 2021. № 2(30). С. 13–24.
8. Костюхин А.А. Международное военное сотрудничество государств Центральной Азии // Военная мысль. 2009. № 9. С. 8–24.
9. Никитин А.И. ОДКБ: эволюция функций и структур обеспечения безопасности // Ежегодник СИПРИ – 2016. Вооружения, разоружение и международная безопасность. Москва: ИМЭМО РАН, 2017. С. 910–927.
10. Струговец В.М. Информационное обеспечение международной специальной антинаркотической операции «Канал» Организации договора о коллективной безопасности // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2023. № 4(53). С. 110–117.
11. Хлопко А.П. Эволюция структуры органов ОДКБ в контексте трансформации военнополитической обстановки на постсоветском пространстве // Государственное управление. Электронный вестник. 2024. № 107. С. 161–170.
12. Чуфрин Г.И. Роль ОДКБ в обеспечении коллективной безопасности // Федерализм. 2022. № 27(3). С. 77–88.

Тажибаев Алибек Тимитаевич,
директор Центра аналитических исследований
«Евразийский мониторинг» (Казахстан)

Партнерство под давлением: Центральная Азия между евразийской интеграцией и стратегической автономией

АННОТАЦИЯ

Рассматривается трансформация взаимодействия России и государств Центральной Азии в условиях усиления внешней конкуренции, санкционного давления и роста значения стратегической автономии стран региона. Проблема исследования состоит в том, что прежняя модель постсоветской связанности больше не обеспечивает автоматического воспроизводства российского влияния, тогда как Китай, США, ЕС, Турция и государства Ближнего Востока предлагают региону альтернативные экономические, ресурсные и инфраструктурные треки. Методологически работа основана на сравнительно-политическом и институциональном анализе, а также на геоэкономической интерпретации торговых, санкционных, энергетических и транспортно-логистических факторов. Показано, что Центральная Азия не выходит из евразийского пространства, но меняет своё положение внутри него: из периферии интеграционных процессов она превращается в самостоятельный узел многополярной конкуренции. Автор обосновывает необходимость перехода России от инерционной логики исторической близости к проектной модели партнёрства, основанной на промышленной кооперации, технологическом взаимодействии, финансовой устойчивости, транспортной связности и признании субъектности центральноазиатских государств.

Ключевые слова: Центральная Азия, евразийская интеграция, стратегическая автономия, санкции, критические минералы, транспортные коридоры, многовекторность

Центральная Азия в 2020-е гг. становится одной из наиболее чувствительных зон евразийской политики. Давление на регион имеет не одномерный, а комплексный характер: оно складывается из санкционной динамики вокруг России, усиления китайской инфраструктурной и ресурсной экспансии, активизации США и ЕС в сфере критических минералов, а также роста интереса Турции и государств Ближнего Востока к транспортным, энергетическим и инвестиционным возможностям региона. В этих условиях устойчивость партнерства России со странами Центральной Азии целесообразно рассматривать не через категорию краткосрочного кризиса, а через категорию структурной трансформации.

Кризис предполагает временное нарушение прежней модели. Трансформация означает изменение самой логики взаимодействия. Именно это сегодня происходит в Центральной Азии: регион сохраняет глубокую связанность с Россией в экономике, инфраструктуре, гуманитарной сфере и, для части государств, в вопросах безопасности. Однако одновременно он все активнее включается в систему конкурирующих внешних влияний и выстраивает собственную архитектуру многовекторности.

В таком контексте ключевой вопрос состоит не в том, сохранится ли торгово-экономическая связка России и Центральной Азии, а в том, на каких условиях она будет воспроизводиться. Прежняя асимметричная постсоветская связанность постепенно уступает место более сложной модели партнерства, где государства региона стремятся не к выбору одного центра силы, а к управлению несколькими направлениями внешней политики одновременно.

Методологически доклад опирается на сравнительно-политический анализ, институциональный подход и геоэкономическую интерпретацию региональных процессов. В центре внимания находятся не только дипломатические заявления, но и более устойчивые показатели: торговые связи, ресурсные сделки, санкционные режимы, транспортно-логистические маршруты, энергетическая инфраструктура и способность интеграционных институтов отвечать на прикладные запросы государств и бизнеса.

Актуальность темы определяется тем, что Центральная Азия перестала быть пространством вторичной внешнеполитической значимости. После 2022 г. регион оказался в зоне пересечения сразу нескольких процессов: санкционного переформатирования торговых потоков, конкуренции за критические минералы, поиска альтернативных транспортных маршрутов между Европой и Азией, а также роста спроса на энергетическую и продовольственную безопасность.

Для России Центральная Азия сохраняет значение одного из ключевых направлений внешней политики. Это проявляется в торговле, миграции, энергетике, промышленной кооперации, образовательных связях и институциональных форматах ЕАЭС, СНГ, ШОС и ОДКБ. В случае Казахстана особое значение имеет и евразийская интеграция: по данным Бюро национальной статистики Республики Казахстан, товарооборот Казахстана со странами ЕАЭС в 2025 г. составил 30,9 млрд долларов США. Вместе с тем сам факт глубокой взаимозависимости уже не является гарантией сохранения прежних позиций¹.

Страны региона все чаще оценивают внешних партнеров по набору прикладных критериев: объем инвестиций, доступ к технологиям, транспортные маршруты, образовательные возможности, финансовая устойчивость, отсутствие санкционных рисков и пространство для самостоятельного маневра. В этом смысле стратегическая автономия Центральной Азии не означает антироссийский разворот. Она означает способность национальных правительств самостоятельно распределять внешнеполитические, экономические и технологические связи между несколькими центрами силы.

Казахстан, Узбекистан, Кыргызстан, Таджикистан и Туркменистан реализуют эту логику по-разному. Казахстан сочетает участие в ЕАЭС, СНГ, ШОС и ОДКБ с активным взаимодействием с ЕС, США, Китаем, Турцией и странами Персидского залива. Узбекистан, не входя в ЕАЭС и ОДКБ, развивает двустороннее сотрудничество с Россией, но одновременно усиливает связи с Китаем, Западом и региональными партнерами. Туркменистан сохраняет особый нейтральный статус. Кыргызстан и Таджикистан сильнее связаны с

¹ Внешнеторговый оборот РК, 2025 // Бюро национальной статистики РК. URL: <https://stat.gov.kz>.

Россией через миграцию, безопасность и интеграционные форматы, но также ищут внешнюю диверсификацию. Следовательно, многовекторность является не дипломатическим лозунгом, а практической стратегией снижения зависимости от одного внешнего центра.

Внешняя конкуренция и ресурсная дипломатия

Первым существенным фактором трансформации является усиление внешней конкуренции. Китай действует в Центральной Азии преимущественно через инфраструктуру, торговлю, инвестиции, сырьевые проекты и долгосрочные логистические маршруты. Его преимущество состоит в материальности присутствия: дороги, железные дороги, трубопроводы, кредиты, добывающие активы, промышленные соглашения и офтейк-контракты. По оценкам на основе китайской таможенной статистики, товарооборот Китая со странами Центральной Азии в 2025 г. превысил 100 млрд долларов США, что укрепляет позиции КНР как крупнейшего торгового партнера региона².

США и ЕС используют иной набор инструментов. Их присутствие строится вокруг санкционной политики, критических минералов, образовательных и экспертных программ, транспортно-логистических инициатив, поддержки альтернативных маршрутов и политических форматов взаимодействия. Саммит и деловая повестка C5+1 в Вашингтоне в ноябре 2025 г. показали, что американская стратегия постепенно выходит за пределы декларативной дипломатии и все активнее привязывается к конкретным секторам – критическим минералам, энергетике, транспорту, авиации и ИТ³.

Наиболее показательной является сфера критических минералов. Казахстан и другие государства региона обладают ресурсами, востребованными для энергетического перехода, оборонной промышленности, микроэлектроники и высокотехнологичных производств. В этой логике показателен вольфрамовый проект в Казахстане: американская компания Cove Capital и казахстанская сторона объявили о проекте стоимостью 1,1 млрд долларов США, связанном с разработкой крупных вольфрамовых активов. Значение такого кейса выходит за рамки одной сделки. Он демонстрирует операционную модель западного присутствия: частная компания, государственное финансирование, политическая поддержка и ориентация на стратегические цепочки поставок⁴.

При этом конкурентная угроза российским позициям носит не только текущий, но и долгосрочный характер. Ресурсная дипломатия работает с горизонтом десятилетий. Если внешний партнер входит в месторождение, переработку, логистику, финансирование и экспортные каналы, он закрепляется не только

² China reinforces its trade dominance in Central Asia // Eurasianet. 26.01.2026. URL: <https://eurasianet.org>.

³ “C5+1” Business Conference Held in Washington // МИД РК. 06.11.2025. URL: <https://www.gov.kz>.

⁴ Материалы о соглашении США и Казахстана по критическим минералам и вольфрамовому проекту, 2025–2026 // IEA; Reuters. URL: <https://www.iea.org>; <https://www.reuters.com>.

коммерчески, но и институционально. Поэтому Центральная Азия становится не просто транзитным пространством между Россией и Китаем, а самостоятельным объектом глобальной ресурсной, технологической и логистической конкуренции.

Санкционный фактор и его региональные последствия

Второй фактор – санкционный. Санкционное давление против России стало структурным элементом региональной политики. Оно влияет не только на российскую экономику, но и на партнеров России. Для стран Центральной Азии это создает сложную дилемму: с одной стороны, торговля с Россией остается экономически выгодной и объективно необходимой; с другой стороны, расширение санкционных режимов повышает риски для банков, логистических операторов, промышленных поставщиков и компаний, работающих с товарами двойного назначения.

Особое значение имеет прецедент применения Европейским союзом антиобходного инструмента в отношении Кыргызстана в рамках 20-го пакета санкций против России. Совет ЕС указал, что впервые активизирует этот механизм, запретив экспорт в Кыргызстан станков с числовым программным управлением и радиотехнического оборудования при высоком риске их реэкспорта в Россию. Политический смысл этого решения состоит в том, что санкционная логика ЕС выходит за пределы собственно российской юрисдикции и распространяется на инфраструктуру внешней торговли третьих стран⁵.

Для центральноазиатских государств это означает удорожание связей с Россией. Реэкспортная модель может быть краткосрочно доходной, но она генерирует репутационные, финансовые и торговые риски. Расчеты в национальных валютах частично снижают долларовые и евровые клиринговые риски, однако не устраняют угрозы вторичных ограничений по транзакциям, связанным с санкционными товарными категориями. Компании с российским капиталом или российскими контрагентами становятся более уязвимыми для комплаенс-проверок и банковского отказа в обслуживании.

Данная ситуация не ведет автоматически к разрыву связей с Россией, но повышает стоимость таких связей. Поэтому для стран региона возникает задача сохранить экономическую выгоду от взаимодействия с Россией, не попадая под вторичные ограничения. Для России, соответственно, возникает задача создания более защищенных, прозрачных и технологически устойчивых механизмов сотрудничества, включая платежную инфраструктуру, страхование сделок, цифровую прослеживаемость поставок и юридическое разделение санкционно чувствительных и нейтральных товарных категорий.

⁵ 20th round of EU sanctions // Council of the EU. 23.04.2026. URL: <https://www.consilium.europa.eu>.

Российские позиции: устойчивость и пределы инерции

Россия сохраняет сильные позиции в Центральной Азии по нескольким направлениям. Во-первых, в торгово-экономической сфере она остается значимым рынком, поставщиком, транспортным партнером и участником производственных цепочек. Для Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана российское направление сохраняет прикладное значение не только как рынок сбыта, но и как пространство трудовой миграции, финансовых переводов, совместной логистики и промышленной кооперации.

Во-вторых, устойчивой остается энергетическая связанность. Российское участие сохраняется в нефтегазовой инфраструктуре, электроэнергетике, атомной энергетике, поставках топлива, сервисных и инженерных компетенциях. Энергетическая взаимозависимость не является только коммерческой: она формирует долгосрочные технологические и инфраструктурные связи, которые невозможно быстро заменить альтернативными поставщиками.

В-третьих, значима гуманитарная база. Русский язык, образовательные связи, академические обмены, трудовая миграция, культурная и информационная связанность продолжают играть заметную роль. Это не отменяет роста национальных идентичностей, языковой политики и стремления стран региона к культурной самостоятельности, но показывает, что российско-центральноазиатское взаимодействие опирается на глубокую социальную ткань.

Однако эти преимущества больше не работают автоматически. Историческая близость, общая советская инфраструктура и институциональная память уже не гарантируют приоритетности России в глазах центральноазиатских элит. Преимущество получает тот партнер, который предлагает конкретные решения: заводы, логистику, технологии, кадры, финансирование, безопасность и доступ к рынкам. В этом отношении главный риск для России состоит не в формальном выходе региона из евразийских институтов, а в постепенном снижении экономической и технологической привлекательности этих институтов по сравнению с альтернативными форматами.

Институциональная адаптация и транспортная СВЯЗНОСТЬ

В этой связи особенно важна адаптация интеграционных институтов. ЕАЭС, СНГ и ШОС не могут оставаться только рамочными политическими форматами. Их устойчивость будет определяться способностью отвечать на практические запросы государств и бизнеса. В рамках ЕАЭС центральное значение должны получить промышленная кооперация, снятие барьеров, развитие общих цифровых решений, технологическое регулирование, взаимное признание стандартов, транспортная связанность и финансовая инфраструктура. ЕАЭС должен

быть не только пространством торговли, но и механизмом создания добавленной стоимости.

СНГ может сохранять значение как более широкий и гибкий формат гуманитарного, образовательного, миграционного и административного взаимодействия. В условиях, когда не все страны Центральной Азии готовы участвовать в более глубоких интеграционных объединениях, СНГ остается площадкой для поддержания общего нормативного и коммуникационного пространства. ШОС, в свою очередь, важна как формат сопряжения безопасности, экономики и евразийской транспортной архитектуры.

Отдельный блок – транспортно-логистическая связанность. Для Центральной Азии доступ к внешним рынкам является вопросом стратегической автономии. Чем больше маршрутов имеет регион, тем выше его переговорная устойчивость. Поэтому развитие Северного, Среднего, Транскаспийского, китайского, южного и внутрирегионального направлений будет продолжаться. ЕС также усиливает свою транспортную и инфраструктурную повестку: первый саммит ЕС – Центральная Азия в Самарканде в 2025 г. был связан с расширением сотрудничества в торговле, транспорте, критическом сырье, цифровой связанности, воде и энергетике⁶.

Россия в этой системе должна конкурировать не запретительной логикой, а качеством инфраструктуры, скоростью перевозок, тарифной предсказуемостью, цифровизацией процедур и надежностью коридоров. Проблема состоит не в самом существовании альтернативных маршрутов, а в том, насколько российские и евразийские маршруты способны оставаться конкурентоспособными по цене, срокам, безопасности и административной простоте.

Технологическое взаимодействие также должно стать самостоятельным направлением. Речь идет о цифровых платформах, искусственном интеллекте, энергетических технологиях, промышленной автоматизации, подготовке инженерных кадров и совместных исследовательских центрах. Если интеграция не будет технологической, она постепенно станет вторичной по отношению к внешним инвестиционным и инфраструктурным проектам.

Партнерство России и Центральной Азии остается устойчивым, но развивается под давлением. Его устойчивость больше не может опираться только на историческую близость, советское наследие, инерцию рынков и привычные институциональные форматы. Центральная Азия не выходит из евразийского пространства, но меняет свое положение внутри него: она перестает быть периферией и становится самостоятельным узлом многополярной конкуренции.

Первый вывод состоит в необходимости признания субъектности стран региона. Центральная Азия не является объектом внешнего управления. Это совокупность государств с собственными элитами, экономическими приоритетами, стратегиями развития и внешнеполитическими ограничениями. Попытка рассматривать многовекторность как временное отклонение или

⁶ EU leaders hold their first summit with Central Asian states // AP News. 04.04.2025. URL: <https://apnews.com>.

как антироссийский выбор не позволяет адекватно оценить реальную логику поведения центральноазиатских государств.

Второй вывод связан с переходом от исторической инерции к проектной логике. Преимущество получает тот партнер, который предлагает конкретные и измеримые решения: производственные мощности, логистику, технологии, кадры, финансирование, безопасность, доступ к рынкам и защиту от санкционных рисков. В этом смысле России необходимо формировать позитивную повестку по критическим минералам, переработке, промышленной кооперации и технологическому партнерству, а не ограничиваться реакцией на внешнюю активность конкурентов.

Третий вывод касается институциональной адаптации. ЕАЭС, СНГ и ШОС сохраняют политическое значение, но их конкурентоспособность будет определяться прикладной эффективностью. Необходимы гибкие отраслевые треки, защищенные платежные механизмы, цифровая инфраструктура, взаимное признание стандартов, развитие транспортных коридоров и расширение совместных проектов с добавленной стоимостью.

Итоговый прогноз состоит в том, что многовекторность Центральной Азии в обозримой перспективе необратима. Вопрос заключается не в том, сможет ли Россия вернуть регион к прежней модели зависимости, а в том, сможет ли она стать для него одним из наиболее эффективных, технологичных и предсказуемых партнеров. Именно способность адаптироваться к новому качеству давления определит содержание российско-центральноазиатского партнерства в ближайшее десятилетие.

Фрадин Илья Михайлович,
управляющий ТКБ Банк, преподаватель
Московского государственного института
международных отношений (МГИМО) МИД России

Международный опыт финансирования инвестиционных проектов в области чистой энергетики: от практик к инструментам

АННОТАЦИЯ

Анализируется международный опыт финансирования проектов в области чистой энергетики и возможности его адаптации для стран Центральной Азии. Рассматриваются текущее состояние и динамика энергосистем России и Центральной Азии, где совокупное потребление электроэнергии в регионе за 2015–2025 гг. выросло на 54%, а инвестиционный разрыв до 2030 г. оценивается в 20 млрд долларов США. На примере синдицированного пула финансирования Рогунской ГЭС в Таджикистане раскрываются мотивы льготного участия арабских фондов: геополитика, диверсификация экономик, религиозная солидарность. Детально разбирается крупнейший проект Европейского банка реконструкции и развития в Узбекистане (1 000 МВт солнечной генерации с системами накопления энергии) и роль кредитных гарантий Азиатского банка развития (85 млн долларов) в привлечении более 1,2 млрд долларов частного капитала.

Отдельное внимание уделено стратегии Европейского союза «Team Europe» и инициативе Global Gateway, а также совместным проектам России и стран Центральной Азии – ветроэлектростанции в Кыргызстане (100 МВт), программе «Росатома» по биогазовой энергетике (инвестиции в России более 12 млрд рублей), деятельности Евразийского банка развития (18 зеленых проектов на 1,2 млрд долларов). Сформулированы рекомендации по созданию координационного механизма по аналогии с «Team Europe» и применению «зеленых» облигаций, проектного финансирования и гарантий.

Ключевые слова: чистая энергетика, инвестиции, проектное финансирование, зеленые облигации, Центральная Азия, «Росатом», ЕАБР, ЕБРР, биогазовая энергетика, ГЧП

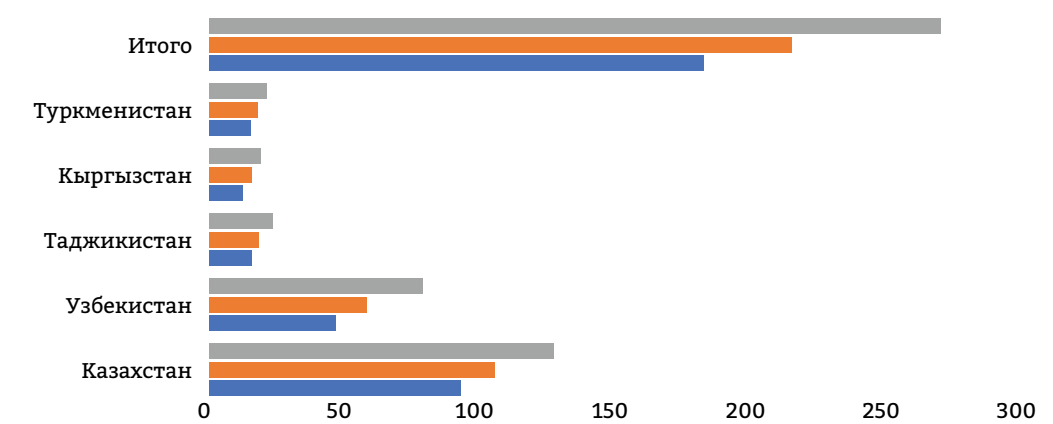
Энергетический переход и декарбонизация экономики стали глобальными трендами, определяющими инвестиционные стратегии государств и международных финансовых институтов. Для стран Центральной Азии (Казахстан, Узбекистан, Таджикистан, Кыргызстан, Туркменистан) вопрос модернизации энергосистем и развития возобновляемой энергетики (ВИЭ) приобретает особую остроту в связи с ростом потребления электроэнергии, износом существующей инфраструктуры и необходимостью выполнения обязательств по Парижскому соглашению¹. На Рисунке 1 представлена динамика роста потребления электроэнергии в странах Центральной Азии за 2015–2025 гг.

¹ Парижское соглашение (2015) // Рамочная конвенция ООН об изменении климата. URL: https://unfccc.int/files/meetings/paris_nov_2015/application/pdf/paris_agreement_russian_.pdf.

По оценкам международных экспертов, инвестиционный разрыв для региона до 2030 г. составляет до 20 млрд долларов США².

Рисунок 1. Динамика потребления электроэнергии в странах Центральной Азии (2015–2025 гг.)

Год	Казахстан	Узбекистан	Таджикистан	Кыргызстан	Туркменистан	Итого
2015	90.8	45.7	15.2	12.0	15.0	178.7
2020	103.2	56.8	17.8	15.2	17.5	210.5
2025	124.6	77.1	23.0	18.7	20.8	264.2



Примечание: для Узбекистана указан полезный отпуск (поставки потребителям); для Таджикистана и Кыргызстана – оценки ЕАБР на 2025 г.

Источник: составлено автором по данным³

Цель – систематизировать международный опыт финансирования инвестиционных проектов в чистой энергетике на примере Рогунской ГЭС, проектов ЕБРР в Узбекистане, инициатив Европейского союза «Team Europe», а также выявить перспективные механизмы для совместных проектов России и стран Центральной Азии, включая инструменты проектного финансирования, государственно-частного партнерства (ГЧП), «зеленых» кредитов, облигаций и гарантий институтов развития.

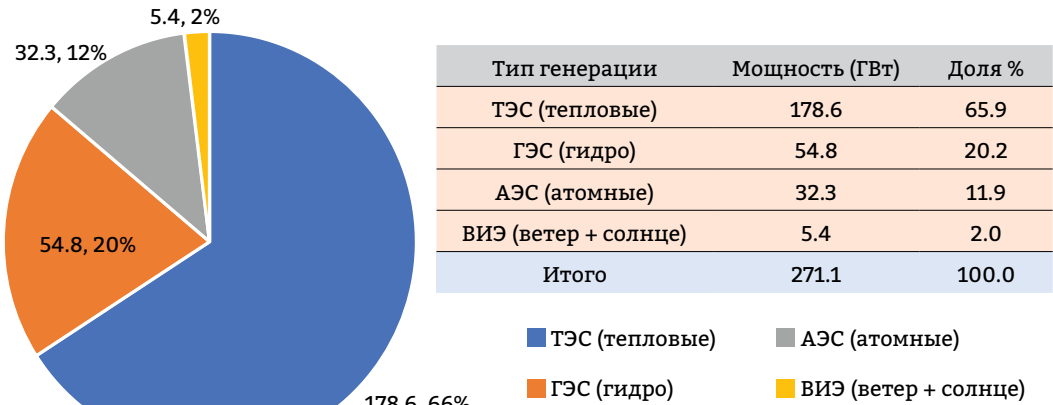
Актуальность темы обусловлена несколькими факторами. Во-первых, энергопотребление в Центральной Азии демонстрирует устойчивый рост: за 2015–2025 гг. совокупный рост составил около 54% (с примерно 190 до 294 млрд

² Евразийский банк развития (ЕАБР). Инвестиционный дефицит водного сектора Центральной Азии на период 2025–2030 гг. // Пресс-релиз ЕАБР. 2024. URL: <https://eabr.org>.

³ Всемирный банк (World Bank). World Bank Open Data – Electric power consumption (kWh per capita). Central Asia. Washington D.C. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/EG.USE.ELEC.KH.PC>; Государственный банк развития Кыргызской Республики: официальный сайт. Зеленое финансирование. Бишкек. URL: <https://sdb.kg>; Евразийский банк развития (ЕАБР). Пресс-релизы и новости. Алматы. URL: <https://eabr.org/press/releases/>; Системный оператор Единой энергетической системы России: официальный сайт. Москва. URL: <https://www.so-ups.ru>.

кВтч), а среднегодовые темпы в Узбекистане достигают 5–6%⁴ [1]. На Рисунке 2 показана структура установленной мощности электроэнергетики России по типам генерации, где доля «новых» ВИЭ (ветер и солнце) пока не превышает 2%.

Рисунок 2. Структура установленной мощности электроэнергетики России (на начало 2026 г.)



Примечание: Доля «новых» ВИЭ (ветер и солнце) составляет около 2%.

Источник: составлено автором по данным⁵

В России, несмотря на небольшое снижение в 2025 г. (-0,8%), установлены исторические рекорды потребления в 16 регионах, включая Москву и Юг⁶. Во-вторых, изношенность генерирующих мощностей (особенно в Кыргызстане, Таджикистане) и дефицит водных ресурсов требуют ускоренной модернизации и внедрения новых ВИЭ-мощностей⁷ [2]. В-третьих, международное сообщество (в том числе арабские фонды, ЕС, ЕБРР, АБИИ) уже реализует в регионе крупные инфраструктурные проекты, демонстрируя эффективность синдицированных пулов и комплексных программ⁸ [1].

1. Текущее состояние энергосистем России и Центральной Азии

По данным Системного оператора ЕЭС России, установленная мощность электроэнергетики РФ на начало 2026 г. составляет 271,1 ГВт. По итогам 2025 г.

⁴ Закон Республики Узбекистан «Об использовании возобновляемых источников энергии» (№ ЗРУ-539 от 21.05.2019) // Национальная база законодательства. URL: <https://lex.uz/docs/4346835>; Всемирный банк (World Bank). World Bank Open Data – Electric power consumption (kWh per capita). Central Asia. Washington D.C. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/EG.USE.ELEC.KH.PC>.

⁵ Системный оператор Единой энергетической системы России: официальный сайт. Москва. URL: <https://www.so-ups.ru>.

⁶ Там же.

⁷ Банк развития Казахстана (БРК): официальный сайт. Деятельность в области устойчивого развития. Нур-Султан. URL: <https://kdb.kz/?id=6&subid=2>; Евразийский банк развития (ЕАБР). Инвестиционный дефицит водного сектора Центральной Азии на период 2025–2030 гг. // Пресс-релиз ЕАБР. 2024. URL: <https://eabr.org>.

⁸ European Bank for Reconstruction and Development (EBRD). News and events // Central Asia. London. URL: <https://www.ebrd.com/news>.

потребление электроэнергии в Единой энергетической системе России составило 1 161 млрд кВтч, что на 0,8% ниже показателя 2024 г. (без учета високосного дня)⁹. При этом в 2025 г. зафиксированы исторические максимумы потребления в Объединенных энергосистемах (ОЭС) Юга, ОЭС Востока и в 16 региональных энергосистемах, включая Москву и Московскую область, Краснодарский край, Дагестан, Татарстан, Бурятию и др. Это свидетельствует о локальном росте нагрузки и повышенных рисках для энергоснабжения. В частности, Министерство энергетики РФ отмечало наличие рисков введения графиков аварийного ограничения потребления в ОЭС Сибири и ОЭС Востока, а в Бурятии и Забайкалье из-за нарастающего энергодефицита вводился сезонный запрет на майнинг криптовалют¹⁰. Таким образом, наряду с общим незначительным снижением потребления в стране сохраняются зоны локального дефицита, требующие развития сетевой инфраструктуры и ввода новых генерирующих мощностей.

В странах Центральной Азии (данные за 2025 г., кроме Туркменистана – оценка на основе статистики 2024 г.) потребление электроэнергии составило:

- Казахстан – 124,6 млрд кВтч (рост на 37,2% по сравнению с 2015 г.)¹¹;
- Узбекистан – 77,1 млрд кВтч (полезный отпуск потребителям; рост на 68,7% к 2015 г., когда поставки составляли 45,7 млрд кВтч)¹²;
- Таджикистан – около 23,0 млрд кВтч (оценка ЕАБР на основе данных Министерства энергетики; рост более 50% за 10 лет)¹³;
- Кыргызстан – 18,7 млрд кВтч (прогноз ЕАБР на 2025 г.; рост около 55% к 2015 г.)¹⁴;
- Туркменистан – около 20,8 млрд кВтч (оценка по данным за 2024 г.)¹⁵.

Таким образом, прирост потребления за десятилетие варьируется от +37% (Казахстан, Туркменистан) до +68% (Узбекистан). Эти темпы многократно превышают показатели большинства европейских стран. Высокая зависимость Таджикистана и Кыргызстана от гидрогенерации (более 90% в структуре выработки) в условиях изменения климата создает риски энергобезопасности, а изношенность сетей (в ряде стран превышает 60%) требует масштабных инвестиций. По оценкам, совокупный инвестиционный разрыв для региона до 2030 г. составляет около 20 млрд долларов США¹⁶.

⁹ Системный оператор Единой энергетической системы России: официальный сайт. Москва. URL: <https://www.so-ups.ru>.

¹⁰ Там же.

¹¹ Всемирный банк (World Bank). World Bank Open Data – Electric power consumption (kWh per capita). Central Asia. Washington D.C. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/EG.USE.ELEC.KN.PC>.

¹² Закон Республики Узбекистан «Об использовании возобновляемых источников энергии» (№ ЗРУ-539 от 21.05.2019) // Национальная база законодательства. URL: <https://lex.uz/docs/4346835>.

¹³ Евразийский банк развития (ЕАБР). Пресс-релизы и новости. Алматы. URL: <https://eabr.org/press/releases/>.

¹⁴ Государственный банк развития Кыргызской Республики: официальный сайт. Зеленое финансирование. Бишкек. URL: <https://sdb.kg>.

¹⁵ Всемирный банк (World Bank). World Bank Open Data – Electric power consumption (kWh per capita). Central Asia. Washington D.C. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/EG.USE.ELEC.KN.PC>.

¹⁶ Евразийский банк развития (ЕАБР). Инвестиционный дефицит водного сектора Центральной Азии на период 2025–2030 гг. // Пресс-релиз ЕАБР. 2024. URL: <https://eabr.org>.

2. Международный опыт: синдицированный пул на примере Рогунской ГЭС (Таджикистан)

Рогунская ГЭС проектной мощностью 3 780 МВт является крупнейшим энергетическим проектом в регионе. Общая стоимость оценивается в 6,4 млрд долларов, стоимость первой фазы (до 2028 г.) – 3,39 млрд долларов. Финансирование осуществляется в формате синдицированного пула с участием многосторонних банков и арабских фондов. Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ) предоставил 500 млн долларов траншами, Азиатский банк развития (АБР) и Европейский инвестиционный банк (ЕИБ) участвуют в софинансировании, Всемирный банк выделил грант в 350 млн долларов через Международную ассоциацию развития¹⁷ [8]. Отдельный консорциум арабских фондов под координацией Исламского банка развития (IsDB) предоставил более 250 млн долларов льготного финансирования.

Мотивы арабских фондов носят стратегический характер: усиление геополитического влияния, диверсификация экономик Персидского залива, религиозная солидарность, доступ к управлению водными ресурсами¹⁸ [1].

3. Опыт Европейского банка реконструкции и развития в Узбекистане: проект Sazagan

ЕБРР является одним из наиболее активных институтов развития в Центральной Азии. Совокупные инвестиции банка в Узбекистан на октябрь 2025 г. превысили 5,35 млрд евро по 188 проектам, а в 2025 году был привлечен рекордный 1,1 млрд евро¹⁹. Флагманский проект – строительство солнечной электростанции мощностью 1 000 МВтс системами накопления энергии (BESS) общей емкостью 1 336 МВтч. Годовая выработка составит около 2 300 ГВтч, что обеспечит энергией 600 000 домохозяйств. Финансовая структура проекта: ЕБРР – 142 млн долларов, JBIC (Японский банк международного сотрудничества) – 635 млн долларов, АБР – 140 млн долларов плюс 85 млн долларов кредитных гарантий, частные банки – оставшаяся часть²⁰.

Схема синдицированного пула финансирования проекта Sazagan представлена на Рисунке 3. Доля собственности: саудовская ACWA Power – 51%, японские компании – 49%. Кредитные гарантии АБР позволили привлечь более 1,2 млрд долларов частного капитала на условиях, близких к суверенным²¹ [8].

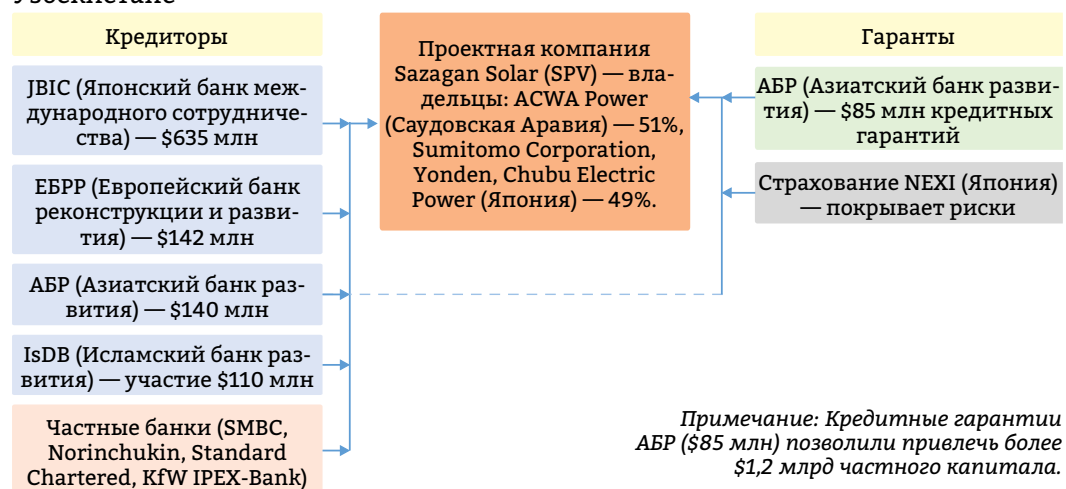
¹⁷ Азиатский банк развития (АБР). Проекты АБР в энергетике. Манила. URL: <https://www.adb.org/projects>.

¹⁸ Парижское соглашение (2015) // Рамочная конвенция ООН об изменении климата. URL: https://unfccc.int/files/meetings/paris_nov_2015/application/pdf/paris_agreement_russian_.pdf; Соглашение об учреждении Евразийского банка развития (Астана, 12 января 2006 г.) // ГАРАНТ. URL: <https://base.garant.ru/1157011/>.

¹⁹ European Bank for Reconstruction and Development (EBRD). News and events // Central Asia. London. URL: <https://www.ebrd.com/news>; International Renewable Energy Agency (IRENA). Renewable capacity statistics 2026. Newsroom. Abu Dhabi. URL: <https://www.irena.org/News/pressreleases/2026/Apr/Near-700-GW-Surge-in-2025-Proves-Renewable-Energy-Resilience>.

²⁰ Азиатский банк развития (АБР). Проекты АБР в энергетике. Манила. URL: <https://www.adb.org/projects>; Московская биржа. Дебютные выпуски зеленых облигаций АФК «Система» (пресс-релиз от 17.12.2025). Москва. URL: <https://www.moex.com/n96222>.

²¹ Азиатский банк развития (АБР). Проекты АБР в энергетике. Манила. URL: <https://www.adb.org/projects>.

Рисунок 3. Схема синдицированного пула финансирования проекта Sazagan в Узбекистане

Источник: составлено автором по данным²² [8]

4. Стратегия Европейского союза «Team Europe» и инициатива Global Gateway

Подход «Team Europe» объединяет ресурсы Европейской комиссии, ЕИБ, ЕБРР и национальных банков развития. Общий объем Инициативы «Team Europe» (TEI) по водным ресурсам, энергетике и изменению климата составляет 4,8 млрд евро²³. Ключевые проекты в Таджикистане: ГЭС «Себзор» (мощность 11 МВт; грант KfW – 44,4 млн евро; охват – 430 тыс. чел.); модернизация Кайраккумской ГЭС (увеличение мощности со 126 до 174 МВт; ЕБРР – 196 млн долл. США, ЕИБ – 37 млн долл. США; охват – свыше 500 тыс. чел.) [14; 16]. В Казахстане реализуется проект «Мирный» – ВЭС мощностью 1 ГВт с системой накопления энергии BESS (300 МВт / 600 МВтч); инвестиции – 1,2 млрд долл. США, сокращение выбросов CO₂ – 3,5 млн тонн в год²⁴.

ЕС оказывает регуляторную поддержку: на наднациональном уровне – директивы RED II и RED III²⁵; на страновом уровне, в частности в Узбекистане, – закон об освобождении импорта солнечных панелей от НДС²⁶.

²² Азиатский банк развития (АБР). Проекты АБР в энергетике. Манила. URL: <https://www.adb.org/projects>; Московская биржа. Дебютные выпуски зеленых облигаций АФК «Система» (пресс-релиз от 17.12.2025). Москва. URL: <https://www.moex.com/n96222>.

²³ European Bank for Reconstruction and Development (EBRD). News and events // Central Asia. London. URL: <https://www.ebrd.com/news>.

²⁴ International Renewable Energy Agency (IRENA). Renewable capacity statistics 2026. Newsroom. Abu Dhabi. URL: <https://www.irena.org/News/pressreleases/2026/Apr/Near-700-GW-Surge-in-2025-Proves-Renewable-Energy-Resilience>.

²⁵ Directive (EU) 2018/2001 of the European Parliament and of the Council of 11 December 2018 on the promotion of the use of energy from renewable sources (RED II) // Official Journal of the European Union. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32018L2001>; Directive (EU) 2023/2413 of the European Parliament and of the Council of 18 October 2023 amending Directive (EU) 2018/2001 (RED III) // Official Journal of the European Union. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32023L2413>.

²⁶ Закон Республики Узбекистан «Об использовании возобновляемых источников энергии» (№ ЗРУ-539 от 21.05.2019) // Национальная база законодательства. URL: <https://lex.uz/docs/4346835>.

5. Совместные проекты России и стран Центральной Азии

Россия продолжает активное развитие энергетического сотрудничества со странами Центральной Азии. Политической основой взаимодействия служат договоренности, достигнутые на Саммите «Россия-Центральная Азия» (октябрь 2025 г.). Среди реализуемых проектов можно выделить:

Строительство ветроэлектростанции в Кыргызстане (100 МВт, ГК «Росатом», начало работ – 2025 г.)²⁷;

Совместное обучение диспетчерского персонала энергосистем стран Центральной Азии и России на базе АО «Системный оператор Единой энергетической системы»²⁸;

Финансирование Евразийским банком развития (ЕАБР) проектов в регионе: портфель банка насчитывает 319 проектов на общую сумму \$19,1 млрд, из которых 18 проектов относятся к категории «зеленых» и оцениваются в \$1,2 млрд (включая СЭС «Бишкек Солар», ГЭС «Куланак» и ВЭС в Карагандинской области)²⁹;

Развитие биогазовой энергетики: «Росатом Сервис» реализует строительство станций в России (объем инвестиций на 2025–2028 гг. превышает 12 млрд руб.)³⁰.

Карта-схема проектов «Росатома» по биогазовой энергетике и пилотных проектов в Кыргызстане представлена на Рисунке 4. Ранее, при поддержке ЕБРР и ЕС, в 2020 г. была введена в эксплуатацию биогазовая установка на ферме «Казы-Бек» (Иссык-Кульская область), позволившая значительно сократить использование ископаемых источников энергии.

Подписанный в апреле 2025 г. Меморандум между Госбанком развития КР и международными финансовыми институтами³¹ о поддержке «зеленых» проектов создает предпосылки для масштабирования трехсторонней кооперации с участием российских технологических решений, международного климатического финансирования и местной аграрной базы.

6. Финансовые инструменты для «зеленых» проектов

На основе анализа рассмотренных кейсов можно выделить пять основных инструментов финансирования:

- проектное финансирование (ЕАБР реализовано 18 проектов на сумму 1,2 млрд долл.)³²;

²⁷ Государственный банк развития Кыргызской Республики: официальный сайт. Зеленое финансирование. Бишкек. URL: <https://sdb.kg>.

²⁸ Системный оператор Единой энергетической системы России: официальный сайт. Москва. URL: <https://www.so-ups.ru>.

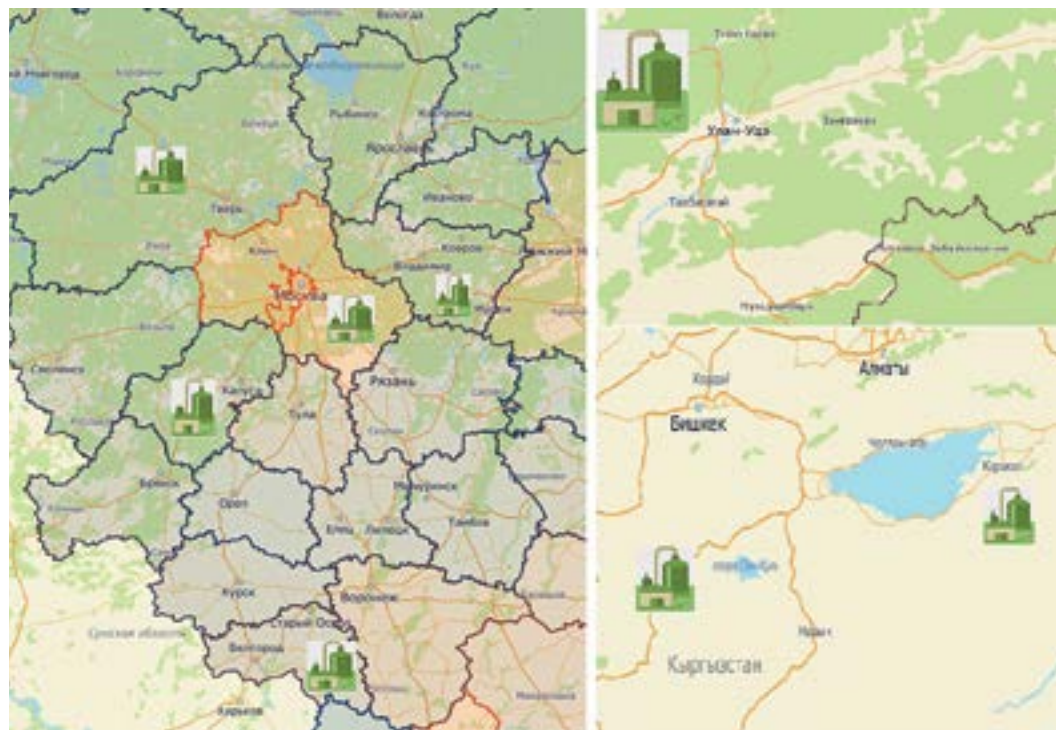
²⁹ Банк развития Казахстана (БРК): официальный сайт. Деятельность в области устойчивого развития. Нур-Султан. URL: <https://kdb.kz/?id=6&subid=2>; Евразийский банк развития (ЕАБР). Пресс-релизы и новости. Алматы. URL: <https://eabr.org/press/releases/>.

³⁰ Государственный банк развития Кыргызской Республики: официальный сайт. Зеленое финансирование. Бишкек. URL: <https://sdb.kg>.

³¹ European Bank for Reconstruction and Development (EBRD). News and events // Central Asia. London. URL: <https://www.ebrd.com/news>.

³² Евразийский банк развития (ЕАБР). Пресс-релизы и новости. Алматы. URL: <https://eabr.org/press/releases>.

Рисунок 4. Карта-схема биогазовых проектов «Росатома» в России и пилотных проектов в Кыргызстане



Примечание: Трехсторонняя кооперация (подпись под картой): Российские технологии («Росатом Сервис») + европейское финансирование (ЕИБ/ЕБРР) + местная фермерская база (Кыргызстан). Инвестиции «Росатома» в России – более 12 млрд рублей на 2025–2028 гг.

Источник: составлено автором по данным³³

- государственно-частное партнерство (ГЧП): применяется механизм гарантирования возврата инвестиций через тарифную выручку (наиболее активно используется в Узбекистане)³⁴;
- «зеленые» кредиты: Банком развития Казахстана профинансирован ввод 751,8 МВт мощностей ВИЭ, что составляет каждый четвертый «зеленый» мегаватт в стране³⁵;
- «зеленые» облигации: объем российского рынка вырос более чем на 40% в 2025 г. и достиг 727 млрд руб. в обращении. В частности, АФК «Система» разместила выпуск на 6,5 млрд руб. для строительства 46 электросудов

³³ Государственный банк развития Кыргызской Республики: официальный сайт. Зеленое финансирование. Бишкек. URL: <https://sdb.kg>; European Bank for Reconstruction and Development (EBRD). News and events // Central Asia. London. URL: <https://www.ebrd.com/news>.

³⁴ Закон Республики Узбекистан «Об использовании возобновляемых источников энергии» (№ ЗРУ-539 от 21.05.2019) // Национальная база законодательства. URL: <https://lex.uz/docs/4346835>.

³⁵ Банк развития Казахстана (БРК): официальный сайт. Деятельность в области устойчивого развития. Нур-Султан. URL: <https://kdb.kz/?id=68&subid=2>.

(снижение выбросов превысит 5,5 тыс. т CO₂-эквивалента)³⁶, а Правительство Москвы – на 72 млрд руб. для развития электротранспорта³⁷;

- гарантии институтов развития: гарантия Азиатского банка развития (АБР) на 85 млн долл. позволила привлечь свыше 1,2 млрд долл. частного капитала³⁸.

Комбинация ГЧП, «зеленого» кредита и гарантий снижает стоимость заемного капитала на 1–3 процентных пункта.

Энергосистемы стран Центральной Азии находятся в стадии быстрого роста потребления (совокупный рост около 54% за 2015–2025 гг.) и острой потребности в модернизации. Инвестиционный разрыв до 2030 г. составляет до 20 млрд долларов³⁹.

Международный опыт (синдицированный пул по Рогунской ГЭС, проекты ЕБРР в Узбекистане, стратегия «Team Europe») доказывает эффективность комбинирования грантов, льготных кредитов, гарантий и привлечения частного капитала⁴⁰ [1; 8].

Россия располагает технологиями гидроэнергетики, ветроэнергетики, биогазовой энергетики, малыми АЭС и опытом применения финансовых инструментов. ЕАБР реализовал 18 зеленых проектов на 1,2 млрд долларов⁴¹.

Перспективным направлением является биогазовая энергетика в Кыргызстане – трехсторонняя модель для масштабирования на всю Центральную Азию [18].

Рекомендуется создать координационный механизм по аналогии с «Team Europe», запустить пилотные выпуски «зеленых» облигаций в Казахстане или Узбекистане, расширить применение кредитных гарантий.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Данилин И.В. Развитие «зеленой» энергетики в Центральной Азии // Россия и новые государства Евразии. 2024. № IV (LXV). С. 107–119. <https://www.doi.org/10.20542/2073-4786-2024-4-107-119>.
2. Есмурзаева А.Б., Кожаметова А.К., Анархан А.К. Возобновляемые источники энергии в РК: анализ кейсов и перспективы развития // Вестник науки. 2025. № 3(415). С. 453–471. <https://www.doi.org/10.32014/2025.2518-1467.975>.
3. Пулатов Д.А. Повышение влияния банковского сектора на ускорение «зеленой» трансформации экономики Узбекистана // Nashrlar. 2026. Vol. 5, Iss. 1. P. 35–39. <https://www.doi.org/10.60078/2026-vol5-iss1-pp35-39>.

³⁶ Международный финансовый центр «Астана» (МФЦА). Центр зеленых финансов. – Нур-Султан. – URL: <https://aifc.kz/ru/green-finance-centre/>; Московская биржа. Дебютные выпуски зеленых облигаций АФК «Система» (пресс-релиз от 17.12.2025). Москва. URL: <https://www.moex.com/n96222>.

³⁷ Московская биржа. Дебютные выпуски зеленых облигаций АФК «Система» (пресс-релиз от 17.12.2025). Москва. URL: <https://www.moex.com/n96222>.

³⁸ Азиатский банк развития (АБР). Проекты АБР в энергетике. Манила. URL: <https://www.adb.org/projects>.

³⁹ Всемирный банк (World Bank). World Bank Open Data – Electric power consumption (kWh per capita). Central Asia. Washington D.C. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/EG.USE.ELEC.KN.PC>; Евразийский банк развития (ЕАБР). Инвестиционный дефицит водного сектора Центральной Азии на период 2025–2030 гг. // Пресс-релиз ЕАБР. 2024. URL: <https://eabr.org>.

⁴⁰ European Bank for Reconstruction and Development (EBRD). News and events // Central Asia. London. URL: <https://www.ebrd.com/news>.

⁴¹ Банк развития Казахстана (БРК): официальный сайт. Деятельность в области устойчивого развития. Нур-Султан. URL: <https://kdb.kz/?id=68&subid=2>; Евразийский банк развития (ЕАБР). Пресс-релизы и новости. Алматы. URL: <https://eabr.org/press/releases/>.

4. Javadova M., Ali-Zade S. In Central Asian Countries Alternative Energy Potential // AIP Conference Proceedings. 2025. Vol. 3331, Iss. 1. P. 030017. <https://www.doi.org/10.1063/5.0308217>.
5. Kurmanov A., etc. Renewable Energy, Green Economic Growth and Food Security in Central Asian Countries: An Empirical Analysis // International Journal of Energy Economics and Policy. 2025. Vol. 15, Iss. 2. <https://www.doi.org/10.32479/ijeep.17922>.
6. Saydullaev S. The State of Green Bonds Issuing in Central Asian Countries: Comparative Analysis // Economics and Innovative Technologies. 2024. Vol. 12, Iss. 2. P. 1–7. https://www.doi.org/10.55439/EIT/vol12_iss2/a1.
7. Shadrina E. Cooperation in Renewable Energy / In: Lempp J., Mayer S. (eds) Central Asia in a Multipolar World: Internal Change, External Actors, Regional Cooperation. Cham: Springer Verlag, 2024. P. 445–462. https://www.doi.org/10.1007/978-3-031-63727-8_26.
8. Zeng W. Green Energy and State Power: The Case of Zhanatas Wind Power Project in Kazakhstan // Development and Change. 2025. Vol. 56, Iss. 3. P. 510–538. <https://www.doi.org/10.1111/dech.12880>.

Резюме экспертной дискуссии «Стратегическое партнерство России и стран Центральной Азии: вызовы и возможности»

Обсуждение современного состояния, эффективности и перспектив стратегического партнерства России и стран Центральной Азии в вопросах безопасности, экономики, региональной интеграции показало, что стратегическое партнерство России и государств Центральной Азии сохраняет высокую значимость как один из ключевых факторов региональной устойчивости. Однако такое партнерство развивается в условиях нарастающей геополитической турбулентности, трансформации международных связей и усиления конкуренции внешних акторов за влияние в регионе.

В ходе обсуждения было отмечено, что для Центральной Азии характерно пересечение процессов укрепления национального суверенитета государств региона, развития многовекторной внешней политики, изменения баланса сил в Евразии, роста значения транспортно-логистических коридоров, энергетической взаимозависимости и технологической безопасности. В этих условиях взаимодействие с Россией остается для стран региона важным направлением, но требует более гибких, современных и практически ориентированных форматов сотрудничества.

Особое внимание было уделено вопросам безопасности. Анализ показал, что угрозы, исходящие из Афганистана, сохраняют системный характер и включают риски трансграничного терроризма, экстремизма, наркотрафика, нелегальной миграции, нестабильности транспортных маршрутов и возможного распространения конфликтного потенциала на сопредельные территории. Афганский и пакистано-афганский факторы были рассмотрены не только как вызовы безопасности, но и как элементы, влияющие на перспективы региональной связанности, развитие транспортных коридоров и экономическую интеграцию Центральной Азии с более широким евразийским пространством.

Было подчеркнуто, что ОДКБ и двусторонние механизмы сотрудничества России со странами региона сохраняют значение как инструменты обеспечения безопасности, однако их эффективность во многом зависит от способности адаптироваться к новым типам угроз. Современная безопасность уже не ограничивается военной сферой. Она включает информационную, технологическую, энергетическую, инфраструктурную, миграционную и экономическую составляющие. Поэтому стратегическое партнерство России и стран Центральной Азии должно развиваться как комплексная система взаимодействия, сочетающая военные, политические, экономические, гуманитарные и цифровые инструменты.

Отдельно была выделена роль внешних игроков в Центральной Азии. Активизация Турции, стран Ближнего Востока, Китая, западных государств и других центров силы усиливает конкуренцию идей, инфраструктурных проектов,

инвестиционных предложений, образовательных программ, информационных нарративов и моделей интеграции. При этом многовекторность стран Центральной Азии не должна рассматриваться исключительно как вызов для России. Она является устойчивой характеристикой внешнеполитического поведения государств региона. В этих условиях российская политика должна опираться не на инерцию исторических связей, а на конкурентоспособную позитивную повестку, учитывающую интересы, суверенитет и долгосрочные приоритеты центральноазиатских партнеров.

Анализ ситуации, представленный в выступлениях участников сессии, показал, что Россия и Центральная Азия обладают значительным потенциалом для углубления сотрудничества в сферах энергетики, промышленности, транспорта, инвестиций, чистой энергетики, цифровизации и устойчивого развития. Энергетическая взаимозависимость может выступать не только экономическим, но и стабилизирующим фактором региональной безопасности. Вместе с тем сохраняются геэкономические риски, связанные с санкционным давлением, ограничениями финансовой инфраструктуры, конкуренцией внешних инвесторов, состоянием транспортных маршрутов и необходимостью модернизации энергетических систем.

Было отмечено, что после 2022 г. страны Центральной Азии усилили стремление к стратегической автономии, диверсификации внешнеэкономических связей и поиску новых форматов взаимодействия. Это не означает отказа от партнерства с Россией, но требует переосмысления его содержания. На первый план выходят прагматизм, технологическая совместимость, устойчивость инфраструктуры, безопасность данных, развитие суверенных цифровых решений, координация в информационном пространстве и способность формировать привлекательные интеграционные предложения.

Таким образом, обсуждение показало, что стратегическое партнерство России и стран Центральной Азии сохраняет значительный потенциал, однако его дальнейшая эффективность будет зависеть от перехода от преимущественно реактивной модели взаимодействия к проактивной стратегии, основанной на совместном проектировании будущего региона, развитии практических механизмов сотрудничества и формировании общей повестки безопасности, развития и технологического суверенитета.

По итогам обсуждения были сформулированы следующие предложения по совершенствованию взаимодействия России и стран Центральной Азии.

Необходимо развивать комплексный подход к безопасности, включающий не только военно-политическое сотрудничество, но и противодействие транснациональным угрозам, защиту критической инфраструктуры, обеспечение кибербезопасности, информационной устойчивости, миграционной координации, энергетической безопасности и безопасности транспортных коридоров.

Следует повысить эффективность существующих многосторонних механизмов, включая ОДКБ, ШНГ, ЕАЭС и формат взаимодействия России со странами Центральной Азии, за счет более четкой координации задач, регулярной оценки результатов, устранения дублирования функций и усиления практической направленности совместных программ.

Важным направлением является укрепление двустороннего взаимодействия России с каждой страной региона с учетом национальной специфики, уровня вовлеченности в интеграционные объединения, экономических приоритетов и внешнеполитической стратегии. Универсальные подходы должны дополняться гибкими механизмами, адаптированными к интересам конкретных партнеров.

Необходимо расширять сотрудничество в сфере анализа и прогнозирования региональных угроз. Для этого целесообразно развивать совместные экспертные платформы, обмен аналитическими данными, регулярные ситуационные доклады, научно-экспертные диалоги и механизмы раннего предупреждения о кризисах, связанных с Афганистаном, Западной Азией, транспортной безопасностью, радикализацией и внешним вмешательством. Предлагалось создание Российско-центральноазиатского экспертного центра мониторинга региональной безопасности. Цель проекта – регулярный анализ угроз, исходящих из Афганистана, Западной Азии, транснационального терроризма, экстремизма, наркотрафика, нелегальной миграции и внешнего вмешательства. Центр мог бы готовить ежеквартальные аналитические доклады, сценарные прогнозы и рекомендации для профильных ведомств и экспертного сообщества.

Особое значение имеет развитие транспортно-логистической связанности. Россия и страны Центральной Азии заинтересованы в устойчивых, безопасных и экономически эффективных маршрутах, связывающих регион с евразийскими, южноазиатскими и ближневосточными направлениями. При этом инфраструктурные проекты должны сопровождаться оценкой политических рисков, финансовой реализуемости и безопасности транзитных зон.

В энергетической сфере целесообразно развивать долгосрочные программы кооперации, включая модернизацию энергетической инфраструктуры, совместные проекты в традиционной и чистой энергетике, обмен технологиями, подготовку кадров, инвестиционные механизмы и координацию энергетических стратегий. Энергетическое сотрудничество должно рассматриваться как один из элементов региональной устойчивости и безопасности.

В сфере экономики и инвестиций необходимо создавать более устойчивые финансовые инструменты для реализации совместных проектов, включая механизмы проектного финансирования, поддержку инфраструктурных инвестиций, развитие расчетных систем, снижение транзакционных барьеров и привлечение институтов развития. Особое внимание следует уделять проектам, имеющим долгосрочный интеграционный эффект.

В информационном пространстве России и странам Центральной Азии необходимо формировать позитивную повестку партнерства, развивать совместные медиапроекты, экспертные коммуникации, образовательные инициативы и цифровые платформы, способные конкурировать с внешними нарративами и укреплять доверие между обществами.

Отдельным направлением должно стать технологическое сотрудничество, включая развитие суверенных цифровых решений, искусственного интеллекта, региональных платформ обработки данных, кибербезопасности и подготовки специалистов. Технологическая кооперация может стать одним из ключевых

элементов нового этапа интеграции, если будет ориентирована на интересы региона, защиту цифрового суверенитета и практическую применимость. Предлагалось создание Программы «Суверенный искусственный интеллект и цифровая безопасность СНГ». Цель – разработка технологических решений, ориентированных на интересы стран региона (защищенные платформы обработки данных, инструменты анализа угроз, системы кибербезопасности, образовательные модули по искусственному интеллекту и цифровому суверенитету).

В гуманитарной и образовательной сфере необходимо укреплять академические обмены, совместные исследовательские программы, подготовку специалистов в области международных отношений, безопасности, энергетики, цифровых технологий и государственного управления. Долгосрочное партнерство невозможно без устойчивой экспертной и кадровой базы.

Для оценки эффективности взаимодействия России и стран Центральной Азии целесообразно использовать систему конкретных показателей. Например, степень реализации совместных проектов, устойчивость механизмов безопасности, динамику торговли и инвестиций, развитие транспортных маршрутов, уровень энергетической кооперации, качество экспертного и образовательного обмена, эффективность реагирования на кризисы, а также уровень общественного доверия к интеграционным инициативам. В частности, было предложено сделать Программу совместной оценки эффективности механизмов ОДКБ, СНГ и двустороннего сотрудничества в сфере безопасности. В рамках проекта предлагалось разработать систему показателей эффективности (скорость реагирования на кризисы, качество координации, уровень обмена информацией, готовность совместных сил, результаты учений, степень доверия между участниками и др.).

С целью формирования нового поколения специалистов по региональной безопасности, политике, экономике и интеграции России и стран Центральной Азии предлагался Форум молодых экспертов России и Центральной Азии. Он может включать как минимум конкурсы аналитических работ, молодежные доклады, проектные лаборатории и совместные публикации.

В целом сессия показала, что дальнейшее развитие партнерства России и стран Центральной Азии требует обновления форматов сотрудничества, перехода к более проектной и результативной модели взаимодействия, уважения суверенитета государств региона и формирования общей повестки, в которой безопасность, экономика, энергетика, технологии и гуманитарные связи рассматриваются как взаимосвязанные элементы устойчивого регионального развития и сотрудничества.

Экспертная дискуссия «Россия и Европа в эпоху перемен»

Аветисян Александра Сергеевна,
студент 3-го курса бакалавриата
Национального исследовательского
ядерного университета «МИФИ»

Технологическая конкуренция России и Европейского союза в энергетическом секторе Республики Сербия

АННОТАЦИЯ

Доклад посвящен анализу технологической конкуренции Российской Федерации и Европейского союза в энергетическом секторе Республики Сербия. Рассматривается модель взаимодействия Белграда с двумя конкурирующими центрами силы в условиях, когда процесс европейской интеграции предполагает необходимость диверсификации поставщиков энергоносителей и декарбонизации, а сотрудничество с Россией обеспечивает доступ к углеводородам на выгодных ценовых условиях. Методологическую основу исследования составляют сравнительный анализ, метод конкретных ситуаций, а также анализ нормативно-правовых документов. На основе анализа сегментов энергетической системы Сербии выявляются инструменты, используемые сторонами для продвижения своих интересов. Российские и европейские технологические предложения, основанные на различных подходах к организации энергетического сотрудничества, рассматриваются в их взаимодействии в рамках энергетической политики одного государства, что позволяет выявить как формирующиеся возможности, так и специфические риски. В заключительной части оцениваются перспективы российско-сербского энергетического партнерства с учетом санкционных ограничений, политических факторов и нормативных обязательств Белграда перед Европейским союзом. Проведенный анализ показывает, что российское присутствие в энергетике Сербии опирается на совокупность факторов, среди которых ценовое преимущество и устойчивый политический диалог. Вместе с тем долгосрочное сохранение позиций будет зависеть от готовности адаптировать технологические и контрактные решения к меняющимся условиям рынка, на котором усиливается конкуренция со стороны европейских и альтернативных поставщиков.

Ключевые слова: технологическая конкуренция, энергетическое сотрудничество, Республика Сербия, атомная энергетика, газовый сектор, нефтяной сектор, санкции, российско-сербское сотрудничество

В условиях нарастающей глобальной политической нестабильности Республика Сербия находится на пересечении геополитических интересов мировых центров сил, и ее энергетическая сфера не становится исключением. Сербия, являясь кандидатом в Европейский союз и при этом поддерживая и развивая сотрудничество с Россией, особенно в энергетическом секторе, оказалась в эпицентре технологической конкуренции двух центров влияния. С одной стороны, Сербия с 2012 г. имеет статус страны-кандидата на вступление в ЕС и последовательно реализует необходимые для евроинтеграции реформы, что, безусловно, включает в себя ускорение энергетического перехода на возобновляемые источники энергии (ВИЭ), рыночную интеграцию и диверсификацию поставщиков энергоресурсов. С другой стороны, сотрудничество с РФ обеспечивает Сербии доступ к газу и нефти по ценам, значительно более низким, чем в странах ЕС. Кроме того, новой перспективной

сферой энергетического сотрудничества становится атомная энергетика, что, безусловно, связано с отменой парламентом Сербии моратория на строительство атомных электростанций (АЭС), введенного после аварии на Чернобыльской АЭС 1986 г.¹ В настоящее время руководство страны рассматривает возможность развития собственной атомной программы и строительство АЭС на своей территории.

В сложившихся обстоятельствах рассмотрение технологической конкуренции ЕС и РФ в энергетическом секторе Республики Сербия, а также стратегии страны в условиях многовекторности ее международного технологического и промышленного сотрудничества становится более значимым для понимания как региональных, так и глобальных процессов. Анализ энергетической сферы Сербии, а также механизмов, используемых ЕС и РФ в условиях усилившегося конкурентного противостояния, имеет важное значение для формирования целостного представления о процессах, определяющих развитие энергетического сектора Сербии, и для оценки перспектив дальнейшего российско-сербского энергетического сотрудничества с учетом совокупности всех действующих факторов.

В силу значительных угольных запасов Сербия активно использует их для производства электроэнергии. Согласно оценке Международного энергетического агентства (МЭА), доля угля во внутреннем производстве электроэнергии составляет 58%² (Рисунок 1).

Рисунок 1. Внутреннее производство энергии, Сербия, 2023 г.



Источник: Международное энергетическое агентство

1 Правительство Сербии готово к принятию решения о строительстве АЭС в стране // Атомная энергия 2.0. URL: <https://www.atomic-energy.ru/news/2025/11/10/160879>.

2 Serbia: Energy mix // International Energy Agency. URL: <https://www.iea.org/countries/serbia/energy-mix>.

Рисунок 2. Газовый интерконнектор Болгария – Сербия

Источник: Neftegaz.ru

В настоящее время данная энергетическая модель сталкивается с нарастающим давлением, вызванным как внешними факторами, так и внутренними. Так, с 2026 г. в полную силу начал действовать механизм углеродного пограничного регулирования ЕС, также известный как СВМ. Введение данной меры, призванной сократить выбросы CO₂ в атмосферу, фактически сделали экспорт угольной электроэнергии Сербии на рынки ЕС нерентабельным. Также стоит отметить, что руководство Сербии в 2024 г. объявило о намерении заменить мазут и уголь на тепловых электростанциях возобновляемыми источниками энергии (солнечной энергией, древесной биомассой, тепловыми насосами и геотермальной энергией). Сербия также взяла на себя обязательства в рамках Парижского соглашения³, заключенного в 2015 г., сократить выбросы CO₂ на 13,2% к 2030 г. по сравнению с уровнем выбросов 2010 г. Все эти факторы приведут к неизбежному сокращению угольных мощностей и формированию внутреннего запроса на альтернативные энергетические решения. Описанная тенденция будет постепенно расширять пространство для технологической конкуренции России и Европейского союза в энергетическом секторе Сербии.

В газовом секторе Россия сохраняет доминирующее положение, обеспечивая свыше 80% сербского импорта газа (2,5 млрд м³). Несмотря на предпринимаемые меры по диверсификации источников энергии, по заявлениям президента страны Александра Вучича, такое положение продлится как минимум 6–7 лет⁴. В марте 2026 г. контракт на поставку российского газа по ценам вдвое ниже рыночных был продлен на 3 месяца.

³ Jovanović M., Bakić V., Škobalj P., Cvetinović D., Erić A., Živković N., Duić N. Scenarios for transitioning the electricity sector of the Republic of Serbia to sustainable climate neutrality by 2050 // Utilities Policy. 2023. P. 1.

⁴ Вучич высказался о поставках российского газа в Сербию // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20250613/gaz-2022672417.html>.

При этом Европейский союз реализует иную стратегию, последовательно создавая альтернативную инфраструктуру, целью которой является диверсификация поставщиков газа в Сербию и снижение зависимости от поставок российского газа.

В 2023 г. был введен в эксплуатацию газовый интерконнектор Болгария – Сербия (Рисунок 2), который транспортирует азербайджанский газ в объеме 400 млн м³ в год. Интерконнекторы Сербия – Румыния и Сербия – Северная Македония – завершение строительства к 2027 г. Строительство преимущественно финансировалось через гранты ЕС и Европейский инвестиционный банк (ЕИБ). При этом Александр Вучич и президент Азербайджана Ильхам Алиев рассматривают возможности постепенного наращивания газовых поставок по этому интерконнектору.

Также к 2027 г. планируется завершение строительства еще двух газовых интерконнекторов: Румыния – Сербия и Северная Македония – Сербия, совместная пропускная способность которых будет достигать 3,2 млрд кубометров газа.

На данном этапе ценовое преимущество позволяет России удерживать доминирующие позиции в поставках газа в Республику Сербия, и в среднесрочной перспективе низкая цена на газ останется ключевым фактором сохранения российского присутствия. Однако уже сформированная и формирующаяся альтернативная инфраструктура ЕС закладывают основу для постепенного изменения баланса в долгосрочной перспективе. Совокупная пропускная способность строящихся интерконнекторов в дальнейшем способна обеспечить физическую возможность замещения значительной части российских поставок. В этих условиях дальнейшее удержание российских позиций будет зависеть не только от сохранения выгодных для Сербии ценовых условий, но и от готовности адаптировать контрактные и технологические условия к меняющейся структуре сербского газового рынка, а также предлагать конкурентоспособные технологические решения.

В нефтяном секторе противостояние принимает наиболее выраженную форму, поскольку здесь регуляторные ограничения Европейского союза и санкционные инструменты США действуют в тесной взаимосвязи. Эмбарго ЕС на морские поставки российской нефти, введенное в 2022 г., свело весь импорт к единственному маршруту – трубопроводу JANAf через территорию Хорватии. Эта уязвимость была использована США, которые в 2025 г. ввели санкции против сербской нефтяной компании «Нефтяная индустрия Сербии» («Нафтна индустрија Србије» – НИС), контрольный пакет акций которой принадлежит «Газпром нефти» (44,85%), а 11,3% акций принадлежат АО «Интэлидженс», находится под управлением ООО «Газпром капитал». В результате введения санкций США деятельность единственного нефтеперерабатывающего завода (НПЗ) в Сербии Панчево была парализована в связи с нехваткой сырой нефти.

В настоящее время предприятие функционирует после неоднократной выдачи временных лицензий Управления по контролю за иностранными активами Минфина США (OFAC), а условием их продления выступает полный вывод российского капитала из компании. Российские владельцы компании приняли решение продать свои акции венгерской нефтегазовой компании MOL. В январе 2026 г. MOL сообщила, что подписала обязывающее предварительное соглашение с российской

стороной о покупке ее 56,15% акций NIS⁵. 3 июня 2026 г. MOI обратилась в OFAC с просьбой предоставить ей дополнительные 30 дней для завершения переговоров о приобретении российской доли в компании NIS⁶.

В связи с усилившимся давлением на нефтяную индустрию страны Сербия и Венгрия ускорили строительство отвода к нефтепроводу «Дружба» – сухопутного маршрута, который позволит восстановить поставки российской нефти в обход Хорватии. Строительство нефтепровода протяженностью 300 км предполагается реализовать до 2027 г. Российская сторона содействует развитию данного проекта: российская компания ПАО «Транснефть» оказывает технические консультации участникам проекта нефтепровода⁷.

Таким образом, Европейский союз и США задействуют механизм последовательного нормативно-санкционного давления, снижая логистические возможности и точно вводя ограничения против крупнейшей нефтяной компании Сербии, что в совокупности создает условия, при которых сохранение российского корпоративного контроля становится экономически нецелесообразным. При этом Россия и Сербия совместно с Венгрией, со своей стороны, отвечают не прямым противодействием этим мерам, а формированием альтернативной инфраструктуры, которая позволяет сохранить товарные потоки даже при смене владельцев НИС. Таким образом, конкуренция в нефтяном секторе не завершается сделкой по смене владельца NIS, а переходит в новую фазу, где ключевым становится контроль над маршрутами поставок. Перспективы российского присутствия в этом сегменте будут определяться двумя факторами: способностью завершить строительство «Дружбы» в заявленные сроки и готовностью ЕС и США к дальнейшему ужесточению ограничений в отношении трубопроводных поставок российского сырья. На текущем этапе российская сторона, утрачивая корпоративный контроль над активом, одновременно закладывает инфраструктурную основу для долгосрочного сохранения своего присутствия в нефтяном секторе Сербии.

В сегменте возобновляемых источников Россия практически не представлена, а доминирующие позиции занимает Европейский союз, реализующий свои технологические предложения через многосторонние финансовые институты и двусторонние программы технической помощи. Наиболее показательным примером является проект Serbian Renewable District Energy Project (ReDE Serbia)⁸, финансируемый Европейским банком реконструкции и развития (ЕБРР) при софинансировании Швейцарии и Австрии и направленный на внедрение солнечной энергетики, тепловых насосов и геотермальных источников в десяти сербских городах. Целью проекта является декарбонизация систем централизованного теплоснабжения за счет внедрения 115 ГВт ч возобновляемого и отработанного тепла. На этом рынке российские технологические предложения отсутствуют, так как ее технологии ВИЭ

на данный момент находятся на начальной стадии экспортной готовности, а также под санкционным давлением ЕС и США сертификация оборудования для поставки на зарубежные рынки значительно затруднена.

При этом особое внимание заслуживает атомная энергетика. В марте 2026 г. Александр Вучич заявил, что Сербия должна построить крупную АЭС к 2041 г.⁹, чтобы обеспечить энергетическую безопасность и подготовиться к росту потребления электроэнергии. Сербия сейчас находится на первой стадии развития своей ядерной программы, и Россия, используя свои стратегические преимущества, может приобрести решающее преимущество над французской электроэнергетической компанией Électricité de France (EDF), с которой Сербия сейчас консультируется по потенциальному использованию атомной энергии в стране. Среди преимуществ энергетических предложений российской государственной корпорации «Росатом» можно выделить мировое лидерство по строительству АЭС (88% экспортного сооружения АЭС в мире), финансовую гибкость и конкурентную стоимость. Также «Росатом» предлагает технологическое решение, которое охватывает полный цикл АЭС, что является важным фактором для Сербии, так как страна не имеет собственного опыта строительства и эксплуатации АЭС и необходимой базы научных кадров в атомной отрасли. Россия, имея соответствующий опыт, сможет обеспечить переработку отработавшего ядерного топлива (ОЯТ), а также утилизацию радиоактивных отходов (РАО), чему стоит уделить внимание, так как зачастую негативное отношение общественного мнения о строительстве АЭС в государстве связано с вопросами об обращении с РАО и обращением с ОЯТ.

Перспективы дальнейшего российско-сербского энергетического сотрудничества определяются сложным сочетанием разнонаправленных факторов. С одной стороны, сохранению и развитию взаимодействия способствуют ценовая конкурентоспособность российских энергоносителей, уже сформированная и расширяющаяся инфраструктура, а также устойчивый политический диалог на высшем уровне, не обусловленный выполнением Белградом дополнительных требований. С другой стороны, нарастающее санкционное давление, угроза приостановки европейского финансирования и ужесточающиеся нормативные обязательства Сербии перед Европейским союзом формируют комплекс ограничений, сужающих пространство для российского присутствия. Общий вектор развития ситуации заключается в постепенном изменении баланса сил в энергетическом секторе Сербии – не столько вследствие целенаправленных действий самого Белграда, сколько под воздействием внешних механизмов. В этих условиях способность России сохранить и укрепить свои позиции будет определяться не только готовностью предлагать выгодные ценовые условия, но и возможностью обеспечивать конкурентоспособные технологические решения, совместимые с меняющимися нормативными и рыночными условиями Европейского союза. При этом атомная энергетика выделяется как наиболее перспективная сфера, где комплексный характер российского предложения, охватывающего полный жизненный цикл АЭС, включая обращение с отработавшим ядерным топливом и радиоактивными

⁵ Вучич заявил, что MOI купит у «Газпром нефти» 56% акций сербской NIS за 0,9-1 млрд евро // Интерфакс. URL: <https://www.interfax.ru/world/1069497>.

⁶ MOI запросила у OFAC еще 30 дней на переговоры о покупке NIS у «Газпрома» // Интерфакс. URL: <https://www.interfax.ru/amp/1093564>.

⁷ «Транснефть» консультирует операторов Сербии и Венгрии по проекту нефтепровода // Интерфакс. URL: <https://www.interfax.ru/business/1092355>.

⁸ Renewable District Energy Serbia // European Bank for Reconstruction and Development. URL: <https://www.ebrd.com/home/work-with-us/projects/psd/53021.html#>.

⁹ Вучич: Сербия планирует построить крупную АЭС к 2041 г. // ТАСС. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/26744121>.

отходами, формирует значительное конкурентное преимущество. Таким образом, российско-сербское энергетическое партнерство, вероятно, сохранится, но будет эволюционировать в сторону более сегментированной модели, в которой позиции России будут наиболее устойчивы в тех секторах, где ее технологическое предложение не имеет сопоставимых альтернатив.

Проведенный анализ энергетического сектора Республики Сербия показывает, что его текущее состояние и перспективы определяются сложным взаимодействием трех сил: стремлением Белграда сохранить политическую и экономическую многовекторность, последовательным курсом Европейского союза на нормативную и инфраструктурную интеграцию региона, а также стремлением России удерживать позиции ключевого энергетического партнера. Жесткость конкурентного противостояния варьируется в зависимости от сектора, однако общий вектор заключается в постепенном ужесточении внешних условий, в которых разворачивается российско-сербское энергетическое сотрудничество. Способность России сохранить свое присутствие будет всё в большей степени зависеть не от ценового фактора, а от возможности предложить комплексные технологические решения, соответствующие формирующейся в регионе нормативной среде. Понимание процессов, определяющих развитие энергетического сектора Сербии, позволяет рассмотреть не только региональные тенденции развития энергетики, но и проанализировать преимущества и недостатки технологических предложений ЕС и РФ, оценить их текущее положение, а также рассмотреть влияние их глобальной конкуренции на национальную экономику отдельных государств.

Антипов Даниил Романович,
магистр Дипломатической академии Московского
государственного института международных
отношений (МГИМО) МИД России

Эволюция политики Франции в отношении Украины (2022–2026 гг.)

АННОТАЦИЯ

В докладе поднимается проблема изменения политики Франции в отношении Украины в период с февраля 2022 г. по февраль 2026 г. Вкратце обозначены истоки позиции, которую заняла администрация Эммануэля Макрона с началом конфликта. Выделены три этапа развития подхода Франции: становления, радикализации и экстраполяции. Основная часть работы посвящена логике развития политики Франции в отношении конфликта, ее константам и переменным, внутренним и внешним причинам эволюции, а также имеющимся несоответствиям дискурса и конкретных действий. Выбранная проблематика помещена в более широкий контекст европейской политики Эммануэля Макрона (экономической и оборонной повестки, выстраивания «коалиции желающих») и трансатлантических отношений. Особое внимание уделено соизмерению предмета исследования с динамикой развития и деградации отношений Франции с Россией.

Ключевые слова: Франция, Украина, ЕС, Россия, Эммануэль Макрон, украинский кризис, конфликт

События февраля 2022 г. стали одной из реперных точек трансформации системы международных отношений, означив собой новый виток глобальной эскалации напряженности. Ключевыми акторами украинского конфликта, помимо двух воюющих сторон, вне всяких сомнений являются страны Западного мира. Исходящая от них политическая поддержка, а также военная, финансовая, гуманитарная и иная помощь являются залогом продолжения боевых действий со стороны Украины. С 2025 г. бремя материального поддержания этой способности практически полностью лежит на Европе [1, р. 4.], реализующей свои обязательства как по линии ЕС, так и на двусторонней основе. В этой связи анализ подхода Франции, входящей в «ядро» Евросоюза, к реагированию на крупнейший со времен Второй мировой войны геополитический кризис на континенте является неотъемлемым компонентом комплексного исследования европейского вклада в эволюцию данного конфликта.

Политика официального Парижа на исследуемом направлении в своем развитии прошла три стадии: становления (февраль 2022 г. – февраль 2024 г.), радикализации (февраль 2024 г. – январь 2025 г.) и экстраполяции на европейский уровень (с января 2025 г.). Анализ основных событий каждого периода позволяет раскрыть логику французского подхода к украинскому конфликту, выявив его базовые характеристики и движущие силы, определяющие его эволюцию.

На первом этапе французский курс прокладывался в условиях стратегической неопределенности, вследствие чего ему была присуща доля инертности и одновременно нестабильности. До 24 февраля 2022 г. французская политика в отношении конфликта

на Донбассе была двойственной. С одной стороны, Франция выступала за диалог с Россией, предпринимались попытки посредничества, направленные на поддержание нереализованных минских договоренностей, то есть де-факто заморозки противоречий до лучших времен. Последним актом этой дипломатической драмы стал состоявшийся 7 февраля 2022 г. на фоне сообщений о развертывании российских войск на западных границах визит Э.Макрона в Москву. Глава государства, по его же словам, был заверен в том, что с российской стороны не последует эскалации¹. С другой стороны, политически Франция оставалась на стороне Украины. Так, по итогам саммита 8 февраля 2022 г. лидеры стран «Веймарского треугольника» приняли Берлинскую декларацию, в которой подтвердили приверженность принципу территориальной целостности Украины и подчеркнули, что военная агрессия «будет иметь масштабные последствия и серьезные издержки»². Таким образом, еще до обострения ситуации налицо была амбивалентность подхода Франции.

Эта логика сохранилась и во время адаптации французской политики к новым реалиям, хотя соотношение между устремлениями к диалогу с Россией и поддержкой Украины заметно изменилось. Франция как страна-председатель Совета ЕС организовала разработку и подписание 11 марта 2022 г. Версальской декларации, в которой страны ЕС потребовали вывода российских войск и обязались предоставлять Украине скоординированную политическую, финансовую, материальную и гуманитарную поддержку³. Обратим внимание, что в условиях, когда перспективы конфликта были туманны, в декларации не нашли отражение обязательства ЕС предоставить военную помощь.

Уже на первых порах проявился один из ключевых элементов французского подхода к конфликту – стремление «увязать» данную проблематику с вопросом развития европейской интеграции и обороноспособности. В Версальской декларации провозглашалось наращивание расходов стран ЕС на оборону, снижение их энергетической зависимости и создания более прочной экономической базы для независимости объединения⁴. По мере прояснения обстановки на фронте и после провала стамбульских переговоров марта 2022 г. конкретизировался подход Франции к расширению Евросоюза. Мысль о принадлежности Украины к «европейской семье» получила развитие 16 июня 2022 г. в ходе визита в Киев руководства Франции, Германии, Италии и Румынии, которое выступило за предоставление стране статуса кандидата на членство в ЕС. Хотя этот процесс был запущен ранее, именно тогда окончательно подтвердилась его поддержка «тройкой» стран-лидеров. В итоге в том же июне Украина официально обрела искомый статус кандидата.

В речи Эммануэля Макрона, обращенной 1 сентября 2022 г. к послам Франции, были изложены стратегические установки Парижа в контексте конфликта. В их числе была названа помощь Украине в экономической и гуманитарной сферах, а

1 Belin C. Monsieur Fixit // Foreign Affairs. February 10, 2022. URL: <https://www.foreignaffairs.com/france/monsieur-fixit>.

2 Berlin Declaration of the Weimar Triangle // National Security Bureau. February 8, 2022. URL: <https://en.bbn.gov.pl/en/news/811,Berlin-Declaration-of-the-Weimar-Triangle.html>.

3 Informal meeting of the Heads of State or Government Versailles Declaration // European Council. Council of the European Union. March 11, 2022. URL: <https://www.consilium.europa.eu/media/54773/20220311-versailles-declaration-en.pdf>.

4 Там же.

также поставки оружия. В качестве цели обозначалась либо победа военным путем и возвращение территорий, либо заключения мир на лучших условиях, чем в случае, если бы Украина осталась без покровительства западных союзников⁵. Возможность понимания под этим, по сути, любого завершения конфликта, отличного от капитуляции, умаляла решительность настроя президента Пятой республики.

Вместе с тем, во французском дискурсе лета 2022 г. – зимы 2023 гг. последовательно звучала мысль о том, что вместо «унижения» России с ней следует вести переговоры. Однако французское видение путей к ним постепенно менялось. Если 4 декабря 2022 г. Э.Макрон заявил, что не видит «на земле» военного решения конфликта⁶, то уже на Мюнхенской конференции по безопасности 17 февраля 2023 г. наравне с утверждением, что договоренности должны включать «гарантии безопасности России», прозвучала идея, будто Москву можно «заставить вернуться за стол переговоров» на условиях Киева⁷.

Тем не менее конструктивных переговоров не велось. На первом плане оставалась военная повестка. С начала 2023 г. готовилось контрнаступление украинской армии. Параллельно ужесточалась и позиция Франции. В Совместном заявлении с Украиной от 15 мая 2023 г. появилась новая формула поддержки Киева «столько, сколько потребуется», причем наравне с политической, финансовой и гуманитарной закрепились область военной помощи⁸. Практическим выражением поддержки контрнаступления стала отправка Украине 38 французских танков AMX10 RC⁹.

Заметный шаг к ужесточению французской позиции был сделан в речи Эммануэля Макрона в Братиславе 31 мая 2023 г. В данном выступлении уже прямым текстом говорилось о необходимости «эффективного» и «победоносного» контрнаступления, которое должно было привести к возобновлению переговоров на украинских условиях. Продолжение конфликта виделось в перспективе от нескольких месяцев до двух-трех лет. Подчеркивалась важность осуществления долгосрочной поддержки Украины в конфликте высокой и средней интенсивности. Как ни парадоксально, но упоминалось и последующее мирное сосуществование с Россией. Заявлялось, что Европа не может вычеркивать её из своих расчетов в силу их географической близости и потому должна быть сильным оппонентом по диалогу и выглядеть заслуживающей доверия¹⁰. Тем не менее, для Москвы данные декламации

5 Discours du Président Emmanuel Macron à l'occasion de la conférence des ambassadrices et des ambassadeurs // Élysée. 1 septembre 2022. URL: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2022/09/01/discours-du-president-emmanuel-macron-a-l'occasion-de-la-conference-des-ambassadrices-et-des-ambassadeurs>.

6 Whitaker B. French President Emmanuel Macron on the war in Ukraine and France's relationship with the U.S. // CBS News. December 4, 2022. URL: <https://www.cbsnews.com/news/france-president-emmanuel-macron-60-minutes-2022-12-04/>.

7 Cohen R. Macron Calls for Intensified Support for Ukraine but Eyes Peace Talks // The New York Times. February 17, 2023. URL: <https://www.nytimes.com/2023/02/17/world/europe/macron-ukraine-russia-negotiations.html?ysclid=mpa6gph7a8626807938>.

8 Déclaration commune de la France et de l'Ukraine // Élysée. 15 mai 2023. URL: <https://www.elysee.fr/en/emmanuel-macron/2023/05/15/joint-declaration-of-france-and-ukraine>.

9 Liste des équipements livrés à l'Ukraine // Ministère des armées. 27 février 2024. URL: <https://www.defense.gouv.fr/sites/default/files/ministere-armees/Liste%20des%20équipements%20livrés%20à%20l%27Ukraine%20V2.pdf>.

10 Closing speech by the President of the French Republic // Élysée. May 31, 2023. URL: <https://www.elysee.fr/front/pdf/elysee-module-21303-en.pdf>.

обесценивались утверждениями в духе того, что «Россия не может и не должна выиграть эту войну»¹¹, а также акцентированием гарантий безопасности Украины¹². Даже несмотря на постоянные замечания о важности переговоров и «прочного мира», а не просто прекращения огня, позиция Франции, с точки зрения российского руководства, оставалась неприемлемой.

Франко-украинское Соглашение о сотрудничестве в области безопасности, подписанное 16 февраля 2024 г., венчало данный этап уверенности в завершении конфликта военным путем в обозримом будущем. На первом месте отныне стояла военная помощь, причем ей придавался всеобъемлющий характер. Значительная часть документа была посвящена дальнейшему сотрудничеству двух стран: обязательствам в случае «будущей агрессии» в течение суток провести консультации и выработать ответные меры, вступлению Украины в ЕС и НАТО, обязательствам Франции по экономическому восстановлению, реконструкции и модернизации Украины, а также технической поддержке в проведении реформ в области правового государства, юстиции, борьбы против коррупции, модернизации государственного аппарата, децентрализации, гражданского контроля над силовыми службами. Ко всему прочему, Франция соглашалась помочь Украине в разминировании, планировании реинтеграции так называемых «временно оккупированных территорий», социально-экономической стабилизации и поддержке наиболее уязвимых слоев населения, женщин и ветеранов¹³. Столь широкие обязательства рассчитаны преимущественно на послевоенный период и по сей день остаются эфемерными.

Итак, реакция Франции на обострение украинского конфликта на первом этапе задала динамику всей политике Пятой республики в отношении Украины, проводимой в соответствии с интересами Франции более высокого порядка – продвижением евроинтеграционной повестки. Были разработаны и подписаны рамочные документы как декларативного, так и прикладного характера в двустороннем и многостороннем форматах. В то же время лейтмотивом подхода Парижа оставалась некоторая двойственность, пусть и значительно скорректированная в сторону солидарности с Украиной.

По прошествии двух лет с начала боевых действий последнее изменение обрело качественный характер, наступил второй этап французской политики. На конференции по поддержке Украины, прошедшей 26 февраля 2024 г. в Париже, Эммануэль Макрон сделал знаковое заявление о том, что «не исключает» отправку французских войск на территорию Украины [1, с. 162]. Какая конкретно степень вовлечения в конфликт подразумевалась, осталось спорным.

Объяснение изменению французской риторики представляется следующим. Прежде французское руководство видело в умеренности и амбивалентности своей позиции возможность быть готовым к любому исходу дела. Однако колебания курса имели заметные издержки, потому что неоднозначность могла быть воспринята

как непоследовательность, а та, в свою очередь, как отсутствие стратегического мышления. Радикализация военного дискурса была призвана исключить такие подозрения. Отчасти данная цель оказалась достигнута. Э.Макрону удалось сформировать в глазах определенной части западной общественности образ своей страны как «бастиона непоколебимой поддержки» Киева¹⁴. Важным практическим подтверждением этого стали поставки Украине ракет дальнего радиуса действия Storm Shadow / SCALP [2, с. 32]. Кроме того, 18 января 2024 г. под руководством США и Франции была создана «коалиция» по предоставлению Украине артиллерии и боеприпасов, одной из задач которой значилась закупка 72 французских гаубиц CAESAR, из 12 которых Париж обязался оплатить в течение 2024 г. [3, р. 44]

В то же время новая позиция Парижа оказалась излишне радикальной для её союзников. Более того, несоответствие реальной помощи амбициозному дискурсу не осталось незамеченным в их рядах. Например, вице-канцлер ФРГ Роберт Хабек отметил, что Франции следует вместо разговоров об отправке войск сосредоточиться на наращивании поставок оружия¹⁵. И действительно, по военной помощи в количественном выражении, а также по динамике ее наращивания (в особенности с августа 2023 г. по апрель 2024 г.) Франция заметно уступала Германии, Великобритании и суммарному показателю стран Северной Европы¹⁶.

Таким образом, если на первом этапе конфликта стремление Франции к переговорам и посредничеству не снискало одобрения союзников, то на втором этапе маргинальным оказался уже наступательный запал её президента. Громкие заявления, воспринятые с воодушевлением частью публики, создали «проукраинский» образ президенту Франции, однако не прибавили позиции страны политического веса, ведь несмотря на заметность отдельных эпизодов военной помощи Украине, её объемы были не столь солидны.

В 2025 г. со сменой власти в США ситуация вокруг Украины начала ускоренно развиваться. Главным вызовом для стран Евросоюза стала возможность оказаться «не у дел» в набирающем обороты процессе умиротворения. Отсюда происходила стратегическая установка, заглаженно данная президентом Макроном в речи перед послами Франции 6 января 2025 г.: ни одно решение, касающееся Украины, не может быть найдено без украинцев, и никакое соглашение о безопасности в Европе не должно быть достигнуто без европейцев. Соответственно, странам ЕС следовало обеспечить Украине лучшие условия для ведения переговоров, хотя косвенно проводилась мысль о том, что на какие-то территориальные уступки Киеву пойти придется, так как нужно «вести реалистичные дискуссии по территориальным вопросам»¹⁷. Эти и некоторые

11 Conférence des Ambassadrices et des Ambassadeurs : le discours du Président Emmanuel Macron // Élysée. 28 août 2023. URL: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2023/08/28/conference-des-ambassadrices-et-des-ambassadeurs-le-discours-du-president-emmanuel-macron>.

12 Closing speech by the President of the French Republic // Élysée. May 31, 2023. URL: <https://www.elysee.fr/front/pdf/elysee-module-21303-en.pdf>.

13 Accord de coopération en matière de sécurité entre la France et l'Ukraine // Élysée. 16 février 2024. URL: <https://www.elysee.fr/front/pdf/elysee-module-22261-fr.pdf>.

14 Belin C. Macron the Hawk // Foreign Affairs. April 5, 2024. URL: <https://www.foreignaffairs.com/ukraine/macron-hawk>.

15 Dettmer J. Ukraine's in a dire position. Macron's gaffe made things worse // Politico. March 1, 2024. URL: <https://www.politico.eu/article/ukraines-dire-position-emmanuel-macron-gaffe-made-things-worse/>.

16 Bomprezzi P., Kharitonov I., Trebesh C. Ukraine Support Tracker – Methodological Update & New Results on Aid “Allocation” (June 2024) // Kiel Institute for the World Economy. URL: https://www.kielinstitut.de/fileadmin/Dateiverwaltung/IfW-Publications/fis-import/b4fc1b48-fe53-4dd0-804b-3157f2125483-Research_Note_-_June_2024.pdf.

17 Discours du Président de la République à l'occasion de la Conférence des Ambassadrices et des Ambassadeurs // Élysée. 5 janvier 2025. URL: <https://www.elysee.fr/front/pdf/elysee-module-23793-fr.pdf>.

другие заявления демонстрировали, что в подходе Франция еще осталась толика стремления к сохранению «окон возможностей» для диалога с Россией.

Встраивая украинскую проблематику в вопрос развития европейской обороны, Париж продолжил настаивать, чтобы новый заем Украине в 90 млрд. евро использовался для закупок европейского оружия. В целом такой настрой нашел отражение в Совместном заявлении министров обороны «Группы пяти» (Е5) 13 января 2025 г., в котором поддержка Украины напрямую связывалась с развитием европейского сотрудничества и проводилась мысль о мощной европейской оборонной промышленности и устойчивой цепочке поставок как важнейших компонентах сдерживания¹⁸.

Наступление нового этапа было продиктовано актуализацией позиции Франции в глазах ее европейских партнеров и началом формирования так называемой «коалиции желающих». Пятая республика стояла у ее истоков. 17 и 19 февраля 2025 г., после телефонного разговора Владимира Путина и Дональда Трампа, в Париже прошли две экстренные встречи лидеров европейский стран (в узком и широком формате), на которых обсуждался новый формат взаимодействия по вопросу конфликта. Эммануэль Макрон озвучил компромиссный вариант размещения европейский войск на территории Украины вне зоны боевых действий. 3 марта 2025 г. после первого Лондонского саммита «коалиции желающих» был представлен франко-британский план урегулирования путем сначала воздушного, морского и энергетического перемирия, а после этого – подписания мирного соглашения, предусматривающего размещение миротворческого контингента¹⁹. Подчеркнем, что на данной стадии позиция Франции по прекращению огня стала более гибкой, хотя оно все еще рассматривалось как переходная фаза.

Дальнейшие идеи коалиции выдвигались будто на основании аксиомы о том, что договоренности о мире будут достигнуты, и подразумевали полный спектр мероприятий по его поддержанию. 6 января 2026 г. Франция, Великобритания и Украина подписали декларацию о многонациональных силах, предусматривающую, в частности, размещение западных военных баз на территории Украины²⁰. Однако по сей день загвоздкой остается то, что завершение конфликта не просматривается. Сам Эммануэль Макрон отказался от прежнего видения сроков его завершения, заявив, что «никто не знает, когда закончится война» и что «нужно продолжать военные действия... до конца»²¹. Следовательно, все начинания «коалиции желающих», которая прорабатывает исключительно вопрос действий по завершении конфликта, а не вовлечению в военные действия на текущей стадии, остаются преждевременными.

18 The Joint Statement of Group of Five Defence Ministers // Bundesministerium der Verteidigung. January 13, 2025. URL: <https://www.bmvg.de/resource/blob/5878290/10739dd046cbd8c2e0f29f8ec6eed1de/dl-joint-statement-e5-data.pdf>.

19 «Коалиция желающих»: что это, страны-участницы и итоги саммитов // РБК. 11 апреля 2025. URL: <https://www.rbc.ru/base/11/04/2025/67f8e1729a7947a6c4e71d2b?ysclid=mq43q14p9y941699991>.

20 Там же.

21 31e Conférence des ambassadrices et des ambassadeurs – Discours du Président de la République // Représentation permanente de la France auprès de l'Organisation maritime internationale. 12 janvier 2026. URL: <https://omi.delegfrance.org/31e-Conference-des-ambassadrices-et-des-ambassadeurs-Discours-du-President-de>.

Таким образом, во многом французская политика создания видимости «бурной деятельности» сейчас экстраполирована на уровень всей Европы.

Таким образом, третий, текущий этап французской политики в отношении Украины характеризуется восприятием европейскими партнерами ранее непопулярной позиции Пятой республики и началом реализации идей размещения европейских контингентов, хотя и без каких-либо конкретных обязательств немедленного задействования сил «коалиции желающих». По-прежнему первостепенным остается намерение Парижа продвинуть свою повестку в области европейского оборонного и внешнеполитического сотрудничества, в особенности с учетом нового влияния американского фактора. В нынешних условиях ставка делается на продолжение конфликта и, в конечном счете, реализацию формулы «прекращение огня – размещение миротворцев – начало переговоров – соглашение о мире на выгодных для Украины и Европы условиях», что не согласуется с позицией российского руководства.

Подводя промежуточный итог многоаспектной и достаточно изменчивой политике Франции в отношении российско-украинского конфликта, обрисовем ее основные контуры. Первый из них – противоречивость, проявляющаяся в попеременном апеллировании то к радикальной антироссийской риторике, то к предложениям начать диалог. Логичным продолжением данной черты является подстраивание курса под меняющиеся объективные обстоятельства, в некотором смысле – его адаптивность. В то же время устойчива логика ужесточения официального дискурса. Стратегический ориентир Франции в контексте конфликта связан с развитием европейской внешнеполитической и оборонной идентичности. С одной стороны, фундаментальность этих интересов, укоренение по мере продолжения боевых действий ориентации Франции на военный союз с Украиной и все углубляющийся разлад между Россией и Западным миром не позволяют ожидать улучшения ситуации. С другой же стороны, примат прагматичной составляющей над идеалистично-альтруистической наравне с подвижностью французской позиции в целом все же оставляет небольшую возможность для некоторой разрядки в случае начала конструктивного диалога.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Антипов Д.Р. Средства информационного противоборства во внешнеполитическом арсенале Франции // Россия и мир: диалоги – 2025. Стратегии: IX Международная научно-практическая конференция (22-23 мая 2025 г.). М.: Национальный исследовательский институт развития коммуникаций, 2025. С. 158–163.
2. Антипов Д.Р. Флуктуации в военно-политическом сотрудничестве США и Франции при администрациях Д. Трампа и Дж. Байдена // Международные отношения американских стран в условиях складывающейся многополярности: проблемы, вызовы, возможности: материалы II круглого стола (Москва, 11 декабря 2025 г.). М.: ООО «Сам полиграфист», 2025. С. 25–34.
3. Mills C. Military assistance to Ukraine (February 2022 to January 2025). L.: The House of Commons Library, 2025. 86 p.
4. Trebesch C., Nishikawa T. Europe Steps Up: Ukraine Support After Four Years of War // Kiel Policy Brief. 2026. № 203. P. 1–15.

Атлагич Синиша
руководитель Центра русских исследований
факультета политических наук Белградского
университета, доктор политических наук

Россия и эпоха нового мирового порядка

АННОТАЦИЯ

Рассматривается роль России в формировании нового мирового порядка и обосновывается тезис о том, что именно современная Россия положила начало смене эпох, поставив под вопрос многовековое доминирование Запада. Автор анализирует ценностные основания российской политики и выделяет два возможных вектора развития: ориентацию на благополучие (саморазвитие, укрепление позиций в Евразии) и ориентацию на справедливость (поддержка суверенитета других стран, продвижение консервативных ценностей). Аргументируется, что второй вектор более органичен для российской цивилизационной идентичности, однако его главная слабость – сложность трансформации абстрактной ценности справедливости в конкретные практические действия на международной арене. Особое внимание уделяется православной цивилизационной основе России как наиболее устойчивому «цементирующему элементу» и эффективному инструменту персуазивного воздействия на эмоциональном уровне, способному укрепить статус России как центра притяжения в многополярном мире.

Ключевые слова: Россия, Сербия, новый мировой порядок, ценности, справедливость, благополучие, большая идея, православная цивилизация, культурная специфика, пропаганда, персуазивное воздействие, многополярный мир, идеологизация

Я хотел бы начать свое выступление с обращения к словосочетанию «новая реальность», вынесенному в название конференции. Первая мысль, возникающая у меня в этой связи, представляет собой вывод, к которому я пришел еще при чтении исторической литературы: крупные изменения в международных отношениях отличаются продолжительностью и чрезвычайной сложностью, особенно если рассматривать их сквозь призму человеческой жизни. Ответы на такие вопросы, как, например, сколько времени продолжался упадок Османской империи или распад Австро-Венгерской монархии и как долго ощущаются их последствия, свидетельствуют о том, что нередко человеческая жизнь заканчивается прежде, чем человек успеет увидеть то, что ему хотелось бы воспринимать как «окончательное разрешение вопроса». Именно поэтому мы говорим об «эпохах». Поэтому, когда я читаю ежедневные публикации в средствах массовой информации, содержащие различные оценки современного состояния международных отношений, роли России в них и прогнозы относительно их дальнейшего развития, я отношусь к ним с определенной долей скепсиса. Этот скепсис обусловлен прежде всего тем, что многие «прогнозисты» не способны увидеть реальность вне рамок собственных ожиданий и предпочтений.

Однако в одном у меня нет ни малейших сомнений: именно современная Россия положила начало смене эпох, поставив под вопрос почти пятисотлетнее

доминирование Запада. Этот вызов Россия начала формировать еще в конце первого десятилетия нынешнего века, изменив свои политические установки и модель поведения. Можно сказать, что своими действиями Россия подтвердила справедливость принципа: «вопрос позиции – это вопрос статуса».

Такое поведение было продиктовано самой логикой ее великой истории и культуры. Именно в отношении последней Запад, как представляется, допустил свою крупнейшую стратегическую ошибку. Дело не только в том, что Россия оказала значительное влияние на западную культуру (как, впрочем, и Запад оказал влияние на культуру России), но прежде всего в том, что, стремясь овладеть Россией ради доступа к ее материальным ресурсам, Запад в ценностном отношении фактически оттолкнул ее от себя. В долгосрочной перспективе это существенно сократило возможности воздействия на сознание и мировоззрение россиян, поскольку именно ценностная ориентация составляет основу любого персуазивного воздействия.

Ценностная ориентация лежит в основе политики [2]. Политика, как и ее изменения, является отражением ценностей, ценностной ориентации общества. С социально-психологической точки зрения, ценности – это то, что способствует выживанию и прогрессу общества. Ценностная ориентация отражается в политических идеях, которые затем распространяются внутри общества, а также за его пределами. Именно они составляют содержание идеологий.

Ключевой вопрос, стоящий сегодня перед исследователями современной России как во внутриполитическом, так и в международном измерении, заключается в следующем: какие именно ценности, или, если угодно, какая идеологическая ориентация способны обеспечить России такое положение, при котором она в долгосрочной перспективе сохранит за собой статус «драйвера меняющегося мира». Этот вопрос, по сути, сводится к вопросу, который поднимался в России в последние несколько лет: нужна ли России новая «большая идея» и как она отражается в конкретных шагах внешней политики? Как известно, мнения по этому поводу разделились: есть те, кто считает, что России нужна большая идея, и те, кто считает, что время «больших идей» прошло. Мне кажется, что в основе взглядов этих двух групп мыслителей лежат две основные ценности (в социальной психологии их иногда называют высшими ценностями): те, кто считает, что России нужна «большая идея», ближе всего к «справедливости» как ключевой ценности, выражающейся различными шагами на международном уровне – от поддержки суверенитета других стран (в основном, без военного вмешательства России), партнерства с Россией (как противовеса продаже западной демократии или, например, тюркского единства), продвижения консерватизма и патриотизма до так называемого «зеленого развития». Вторая линия рассуждений исходит из другой ключевой ценности – благополучия, которое признается одной из важнейших социальных ценностей [3]. Согласно этой линии рассуждений, задачей каждого государства должно быть саморазвитие, на основе которого Россия будет поддерживать свое доминирующее положение в Евразии, обеспечивать безопасность своих границ, оставаться крупной ядерной державой и т.д.

Хоть я и принимаю многие аргументы, выдвигаемые сторонниками второй линии рассуждений, первая представляется мне более убедительной. Я полагаю,

что российское общество, равно как и сербское общество, к которому принадлежу я сам, отличается высокой степенью идеологизированности – и говорю об этом исключительно в позитивном смысле этого слова. На мой взгляд, без «большой идеи» Россия перестает быть Россией.

Однако слабое место первой линии рассуждений заключается в том, что лежащую в ее основе ключевую ценность (я имею в виду справедливость и производные от нее ценностные категории) чрезвычайно трудно трансформировать на международном уровне в систему конкретных практических действий, без которых она не обладает реальной политической силой. Для того чтобы ценность была функциональной как на национальном, так и на международном уровне, она должна быть доведена до уровня конкретной личности.

Россия является носителем культурной специфики, которая делает ее не только государством-цивилизацией, но и ведущим государством одной из мировых цивилизаций – православной цивилизации [4]. Хотя многие могут возразить, ссылаясь на то, что Россию населяют многочисленные неправославные народы, следует учитывать, что именно православие, несмотря на влияние множества других факторов, в наибольшей степени сформировало русскую культуру. Существуют и другие так называемые факторы длительной исторической обусловленности, которые могут иметь значение для будущей роли России как одного из опорных центров многополярного мира, – например, славянский фактор. Однако по сравнению с православием этот фактор, как вследствие разобщенности славянского мира, так и с точки зрения его потенциального воздействия, носит второстепенный характер. Он способен дополнять православную идею, но не может заменить ее. Я акцентирую внимание на православии как на «центре притяжения» не потому, что сам являюсь православным сербом, а исключительно по сугубо практическим причинам, имеющим научное обоснование, о котором я уже кратко упоминал в предыдущей части своего выступления. Речь идет о пропагандистских причинах.

Термин «пропаганда» я использую в исключительно нейтральном значении – как обозначение деятельности, направленной на распространение определенных идей и побуждение людей действовать в соответствии с ними. В контексте современного положения России на международной арене я хотел бы подчеркнуть следующее: лучшая пропаганда, или, если угодно, лучшая форма продвижения, заключается в победах и успехах – военных, политических, экономических, культурных и иных. Именно они, практически в такой последовательности, сегодня необходимы России. Поскольку подобные успехи не могут быть достигнуты мгновенно (выше упоминалось, насколько продолжительными бывают эпохальные перемены), России необходим своего рода «цементирующий элемент» – идея, которая позволила бы ей сохранять статус «центра притяжения». В ее случае я не вижу более прочной и убедительной основы, чем православная идея, особенно если исходить из значения персуазивных воздействий, обращенных к эмоциональному компоненту человеческих установок. Иными словами, если учитывать, что человеческий мозг прежде всего является эмоциональным мозгом [1]. Россия как защитница православной культуры – это идея, которая, как представляется, способна эффективнее многих других имеющихся в ее распоряжении идей воздействовать

на уровне отдельной личности. Тем более что в Европе существует немало людей, для которых подобная идея может оказаться значимой, а церковь, возвращаясь к практической стороне вопроса о персуазивном воздействии, представляет собой одну из наиболее устойчивых сетевых организаций.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Симонов П.В. Эмоциональный мозг. СПб.: Прогресс книга, 2022. 286 с.
2. Dubin A.E. Conversations with Principals: Issues, Values, and Politics. SAGE Publications, 2012.
3. Manuel P.Ch., Glatzer M. Faith-Based Organizations and Social Welfare: Associational Life and Religion in Contemporary Western Europe. Palgrave Macmillan Ltd., 2019.
4. Russia: her strength and her weakness: a study of the present conditions of the Russian empire, with an analysis of its resources and a forecast of its future / by Wolf von Schierbrand. G.P.Putnam's Sons, 1904.

Бовдунов Александр Леонидович,
старший научный сотрудник Центра
фундаментальных и прикладных научных
проектов Российского государственного
гуманитарного университета, замдиректора УНЦ
«Высшая политическая школа имени И.Ильина»,
кандидат политических наук

Перспективы взаимодействия России и стран Восточной Европы после 2025 г.: угрозы, вызовы, возможности

АННОТАЦИЯ

Доклад посвящен анализу перспектив взаимодействия Российской Федерации и государств Восточной Европы в контексте текущей геополитической конфронтации. Регион рассматривается в парадигме двойственной фронтальной идентичности. Основное внимание уделено тенденциям милитаризации, стратификации угроз по географическим векторам (Балтийский и Черноморский регионы), а также анализу жизнеспособности потенциально пророссийских политических сил. Автор приходит к выводу, что динамика отношений в значительной степени детерминирована ходом специальной военной операции и восприятием восточноевропейскими элитами силы или слабости России, действующими в рамках концепции «периферийного реализма».

Ключевые слова: Восточная Европа, фронт, НАТО, специальная военная операция, милитаризация, военная помощь Украине, логистический хаб, евроскептицизм, периферийный реализм

Рассматривая архитектуру европейской безопасности после 2025 г., необходимо признать, что само понятие «Восточная Европа» несет в себе фундаментальное цивилизационное противоречие. Геополитически этот регион является фронтиром – пограничьем, зоной наложения различных культурных, институциональных и военно-политических влияний [1; 2; 5]. Данная территория может интерпретироваться двояко: либо как «Восток Запада» (форпост евроатлантической цивилизации), либо как «Запад России» (историческая окраина российского цивилизационного пространства). При этом современные восточноевропейские исследования осмысливают эту двойственность как «двойную периферию» (double periphery), или «стыковую периферию» (interface periphery) – территорию, которая историческим одновременно подвержена влиянию как минимум двух центров [10; 12].

Однако с институциональной, и прежде всего военно-политической, точки зрения на современном этапе Восточная Европа окончательно конституировалась как фронт коллективного Запада, направленный против Российской Федерации. В условиях продолжающегося конфликта на Украине государства региона де-факто выполняют функцию ближайшего тыла, обеспечивая логистическую, военную и политическую поддержку Киева.

Милитаризация как доминирующая тенденция

С 2014 г. в Восточной Европе фиксируется устойчивый тренд на милитаризацию, который проявляется в двух параллельных процессах: стремительном росте национальных оборонных расходов и расширении иностранного военного присутствия.

Оборонные бюджеты стран региона демонстрируют уверенный рост, зачастую значительно превышая целевой показатель НАТО в два% ВВП. Польша задаёт здесь тон: её военный бюджет на 2025 г. составил 186 миллиардов злотых, что приблизительно равно 45 миллиардам долларов и соответствует 4,7% ВВП, причём предусмотрено дальнейшее увеличение¹. Страны Балтии фактически перешли к мобилизационной модели финансирования обороны: в 2026 г. Литва увеличит военные расходы до 4,79 миллиарда евро, или 5,38% ВВП, что на 43% превышает уровень 2025 г.²; Эстония выходит на плановый показатель 5,4% ВВП³, а Латвия закрепляет в качестве целевого ориентира пять процентов ВВП начиная с того же 2026 г.⁴ На южном фланге Румыния, чей оборонный бюджет в 2025 г. составлял 2,17% ВВП, на 2026 г. запросила уже 2,7%⁵. Болгария за десятилетие подняла планку с 1,31% ВВП в 2014 г. до 2,14% в 2025-м⁶. Чехия в 2025 г. вышла на уровень 2,01% ВВП, а на 2026-й правительство закладывает 2,35%, хотя по методике НАТО этот показатель снизится до 1,78%⁷. В Венгрии, военный бюджет в 2025 г. также сократился, но продолжает превышать 2% ВВП⁸. Таким образом, даже внешне сдержанная бюджетная политика отдельных стран по своей внутренней структуре оказывается подчиненной задачам перевооружения и подготовки к конфронтации.

Параллельно наращивается иностранное военное присутствие, причём как на Балтийском, так и на Черноморском театрах. Соединенные Штаты по состоянию на конец 2025 г. держали в Европе около 68 тысяч военнослужащих на постоянной основе⁹.

¹ Польша стала лидером НАТО по оборонным расходам относительно ВВП // Финмаркет. 27 марта 2026. URL: <https://www.finmarket.ru/news/6587531>.

² Президент Литвы подписал проект госбюджета на 2026-2028 годы с рекордными 5,38% ВВП на оборону // БЕЛТА. 22 декабря 2025. URL: <https://belta.by/special/world/view/prezident-lity-podpisal-proekt-gosbjudzheta-na-2026-2028-gody-s-rekordnymi-538-vvp-na-oboronu-755572-2025/>.

³ Эстония увеличивает расходы на оборону до 5,4% ВВП // Евроньюс. 26 апреля 2025. URL: <https://ru.euronews.com/my-europe/2025/04/26/estonian-government-approves-additional-funding-to-raise-defence-spending-to-54-of-gdp>.

⁴ All Three Baltic States Signal Intention to Increase Defense Spending to Up to 5% of GDP // The Baltic Sentinel/ 2nd February 2025. URL: <https://balticsentinel.eu/8184518/all-three-baltic-states-signal-intention-to-increase-defense-spending-to-up-to-5-of-gdp>.

⁵ Новый глава МО Румынии требует в 2026 году увеличить расходы на оборону с 2,5% до 2,7% ВВП // МФК Инвест. 30 декабря 2025. URL: <https://mfk-invest.ru/novyj-glava-mo-rumynii-trebuuet-v-2026-godu-uvelichit-rashody-na-oboronu-s-25-do-27-vvp/>.

⁶ Болгария удвоила расходы на оборону за последнее десятилетие // БНР Новости. 26 марта 2026. URL: <https://bnrnews.bg/ru/post/446833/bolgariya-udvoila-rashody-na-oboronu-zapovednee-desyatiletie>.

⁷ Премьер-министр Бабиш: По оценкам НАТО, Чехия не израсходует на оборону требуемые 2% // Радио Прага. 22 апреля 2026. URL: <https://ruski.radio.cz/premer-ministr-babish-po-ocenkam-nato-chehiya-ne-izrashoduet-na-oboronu-8884753>.

⁸ Defence Expenditure of NATO Countries (2014-2025) // NATO. 3 June 2025. URL: <https://www.nato.int/content/dam/nato/webready/documents/finance/def-exp-2025-en.pdf>.

⁹ The US is considering withdrawing some troops from Europe // Vietnam.vn. 10 апреля 2026. URL: <https://www.vietnam.vn/en/my-can-nhac-rut-bot-binh-si-khoi-chau-au>.

и рассматривают возможность переброски дополнительных сил ближе к восточному флангу НАТО, прежде всего в Польшу¹⁰. Одновременно развертываются элементы противоракетной обороны в Польше и Румынии. Особое значение приобретает база «Михаил Когэлничану» в Румынии. Ее стратегическое расположение позволяет поддерживать операции сразу на трёх направлениях – украинском, балканском и ближневосточном. В Литве уже дислоцирована немецкая 45-я танковая бригада, которую к 2027 г. планируется довести до 4800 военнослужащих¹¹. Великобритания, традиционно выступающая в качестве застрельщика антироссийских инициатив, весной 2026 г. объявила о создании совместного военно-морского соединения с девятью европейскими странами для, как было заявлено, сдерживания угроз со стороны России и готовит к подписанию трактат об усилении военного сотрудничества с Польшей¹². Германия с апреля 2026 г. задействовала свои инженерные подразделения в польской операции «Восточный щит», направленной на укрепление границы с Российской Федерацией и Беларусью¹³. Франция возглавляет многонациональную боевую группу НАТО в Румынии, численность которой составляет 1500 военнослужащих и может быть расширена до пяти тысяч; а на период 2025–2027 гг. запланировано увеличение контингента до уровня полноценной бригады¹⁴.

Ближний тыл Украины

Страны Восточной Европы не просто наращивают собственные оборонные возможности, но и глубоко втянуты в обеспечение боевых действий на Украине, выполняя функции логистического хаба и источника вооружений. Польша к февралю 2026 г. предоставила уже 48-й пакет помощи на 200 миллионов злотых¹⁵. Чехия в 2025 г. поставила 1,96 миллиона артиллерийских снарядов, а на 2026 год запланировано от 760 до 880 тысяч¹⁶. Румыния с января 2026 г. открыла логистический хаб для транзита военной техники на Украину – второй после польского Жешува¹⁷. Литва с 2022 г. предоставила военную помощь на сумму свыше

10 Польша предложила США создать постоянную военную базу в стране // ТАСС. 3 июня 2026. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/27628679>.

11 The Bundeswehr has a new brigade // Bundeswehr. 3 April 2025. URL: <https://www.bundeswehr.de/en/news/eastern-flank-new-brigade-5929244>.

12 Guardian: десять стран Европы договорились о создании общих ВМС // ТВ Звезда. 30 апреля 2026. URL: <https://public.tvzvezda.ru/news/2026430121-9q5JW.html>.

13 Bild: военные ФРГ подключатся к польской оборонной инициативе «Восточный щит» // Смотри. 13 декабря 2025. URL: <https://smotrim.ru/article/4826831>.

14 France to nearly triple troops in Romania to 4000 // Romanian Insider. 16 July 2025. URL: <https://www.romania-insider.com/france-troops-romania-july-2025>.

15 Poland preparing \$56 million aid package for Ukraine, says Tusk // Reuters. February 5, 2026. URL: <https://www.reuters.com/world/poland-preparing-56-million-aid-package-ukraine-says-tusk-2026-02-05/>.

16 Czech initiative supplied nearly two million shells to Ukraine last year // Radio Prague International. 24 февраля 2026. URL: <https://english.radio.cz/czech-initiative-supplied-nearly-two-million-shells-ukraine-last-year-8878769>.

17 Бьем по мостам, перемалываем технику: РФ не даст ЕС поставлять ВСУ оружие // News.ru. 23 декабря 2025. URL: <https://news.ru/amp/europe/bem-po-mostam-peremalyvaem-tehniku-rf-ne-dast-es-postavlyat-vsu-oruzhie>.

одного миллиарда евро, что в 2025 г. соответствовало 0,28% ВВП¹⁸. Латвия в 2025 г. выделила 0,3% ВВП, на 2026 г. запланировано 0,25%; Эстония обязалась направить более 100 миллионов евро, то есть не менее 0,25% ВВП¹⁹. В Болгарии в декабре 2025 г. парламент ратифицировал соглашение о военных поставках, а в мае 2026-го началась логистическая операция по отправке помощи²⁰. Словакия занимает двойственную позицию: с 2023 г. правительство Фицо отказывается предоставлять военную помощь Украине. Однако Братислава не отказывается от «нелетальной» поддержки Киева в конфликте, отправляя, в частности, инженерную технику²¹. К тому же словацкие частные компании исправно наращивают поставки вооружений Украине²². Смена правительства Венгрии открывает перспективы более плотного вовлечения страны в военную поддержку Украины, поскольку новый кабинет Петра Мадьяра готов снять блокировку передачи 6,6 млрд евро из Европейского фонда мира, которую при Викторе Орбане Будапешт замораживал²³.

Даже те государства, которые формально не входят в НАТО, оказались втянутыми в конфликт. По данным российских СМИ, через обходные схемы Сербия, как и Босния и Герцеговина поставляет боеприпасы украинской стороне²⁴, а Северная Македония, по подтверждению российского посла в мае 2026 г., оказывает военно-техническую помощь Украине²⁵.

Настроения общества и элит

На этом фоне общественные настроения в регионе отличаются противоречивостью. С одной стороны, в Польше 92% опрошенных считают Россию угрозой – наивысший показатель в Евросоюзе²⁶, тогда как в Скандинавии уровень

18 Литва потратила на военную помощь Украине более € 1 млрд // Беларусь Сегодня. 25 января 2026 г. URL: <https://www.sb.by/articles/litva-potratila-na-voennuyu-pomoshch-ukraine-bolee-1-mlrd.html>.

19 Ukraine to receive €100 million worth of Estonian military aid // Kaitseministeerium. 26 марта 2026. URL: <https://www.kaitseministeerium.ee/en/news/ukraine-receive-eu100-million-worth-estonian-military-aid>.

20 Dispute in Parliament over Bulgaria's Position on the Loan to Ukraine // БНТ Новини. 19 декабря 2025. URL: <https://bntnews.bg/news/dispute-in-parliament-over-bulgaria-39s-position-on-the-loan-to-ukraine-1370479news.html>.

21 Минобороны Словакии объяснило, чем поможет Украине // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/politics/07/10/2025/68e5306a9a7947ca501736eb>.

22 Дружественная России страна наращивает военные поставки ВСУ. Что об этом известно? // Лента.ру. URL: <https://lenta.ru/news/2025/08/18/a-fistful-of-dollars/>.

23 Венгрия сняла запрет на выделение €6,6 млрд из фонда ЕС для Украины // Аргументы и факты. URL: <https://aif.ru/politics/vengriya-snyala-zapret-na-vydelenie-6-6-mlrd-iz-fonda-es-dlya-ukrainy>.

24 РИА: поставки оружия Украине из Сербии и БиГ продолжаются через третьи страны // Газета.ру. 1 мая 2026. URL: <https://mt.gazeta.ru/blog/43542466637/RIA-postavki-oruzhiya-Ukraine-iz-Serbii-i-BiG-prodolzhayutsya-c>.

25 Одно славянское государство уличили в военной поддержке Киева // News.ru. 2 мая 2026. URL: <https://news.ru/vlast/odno-slavyanskoe-gosudarstvo-ulichili-v-voennoj-podderzhke-ukraine>.

26 Опрос показал, какие страны в ЕС больше всего воспринимают Россию как главную угрозу // Зеркало. 20 октября 2025. URL: <https://news.zerkalo.io/amp/europe/111376.html>.

поддержки Украины в течение 2025 г. рос. С другой стороны, в тех же Польше и Румынии, балканских странах в тот же период фиксировалось снижение массовой поддержки Киева²⁷. Параллельно по всей Центральной и Восточной Европе, особенно в Черноморском регионе набирают силу правые евроскептические партии, что создаёт определённые, хотя и ограниченные, возможности для российского диалога. В Болгарии победа партии «Прогрессивная Болгария» интерпретируется как симптом усиления евроскептицизма, однако на практике это пока не повлекло за собой кардинального пересмотра внешнеполитического курса. В Румынии обращает на себя внимание феномен Кэлина Джеорджеску, отражающий глубинный общественный запрос на суверенную политику. Кандидат, ключевым элементом внешнеполитической программы которого был отказ от втягивания в конфронтацию с Россией, де факто выиграл президентские выборы 2024 г. Несмотря на то, что в результате применения административного ресурса, современные румынские элиты сумели предотвратить его приход к власти, голоса в пользу Джеорджеску и поддержанного им на парламентских выборах того же г. «Альянса за объединение румын» свидетельствуют о том, что почти половина румынского общества стремится избежать эскалации на востоке.

Дифференциация угроз: Балтийский и Черноморский векторы

Прогнозирование перспектив взаимодействия требует стратификации угроз и возможностей по географическому принципу. Анализ консолидации элит, уровня антироссийских настроений в обществе и ресурсной базы позволяет разделить Восточную Европу как минимум на два кластера: Балтийский регион и Черноморско-Балканский регион.

Наиболее высокой вероятностью эскалации и наименее благоприятные перспективы для диалога видятся на Балтийском направлении. Это обусловлено тремя факторами. Во-первых, внутренней консолидацией элит при отсутствии серьезных системных противоречий. Во-вторых, исторически сложившейся и крайне тесной зависимостью правящих кругов Прибалтики от Великобритании. В-третьих, социологическим фоном: в странах Северной Европы и Прибалтики фиксируются стабильно высокие, антироссийские настроения, налицо антироссийская консолидация обществ и элит. Здесь существуют очевидные уязвимые цели: обеспечение жизнедеятельности Калининградского эксклава, безопасность судоходства в акватории Балтийского моря. Совокупность данных факторов делает регион потенциально наиболее взрывоопасным.

Иная картина складывается в Черноморско-Балканском регионе. Несмотря

на наличие такой уязвимой зоны, как Приднестровье, здесь фиксируется высокая степень элитной разобщенности. Яркими примерами являются затяжной политический кризис в Болгарии 2021–2026 гг., который ставит под вопрос устойчивость любого нового правительства, а также глубокий раскол элит в Румынии, вылившийся в острый правительственный кризис весны 2026-го. Перманентная турбулентность наблюдается в Сербии и Северной Македонии. Социологические замеры показывают, что в отличие от северного фланга, на Балканах и частично в Румынии антироссийские настроения имеют тенденцию к понижению, а общество в большей степени тяготеет к мирному урегулированию. В условиях отсутствия четкой элитной и общественной консолидации в пользу антироссийской эскалации, такого рода действия в Черноморском регионе со стороны восточноевропейских стран маловероятны.

Проблема субъектности пророссийских сил

Критическим вызовом для российской внешней политики остается неспособность опереться на устойчивые пророссийские или евроскептические силы в регионе, хотя именно они традиционно выдвигают геополитические проекты, комплиментарные стратегическим целям России в регионе [1]. Начиная с работ начала 2000-х годов, посвященных феномену национал-популизма в Восточной Европе [3; 4; 6–8], существовала гипотеза, что евроскептицизм станет ресурсом влияния. Однако двадцатилетний период наблюдений показывает обратное: данные политические силы остаются слабо институционализированными в рамках национальных политических систем. Они постоянно сменяют друг друга, не меняя генеральной линии государства: Болгария: «Атака» в начале 2000-х, «Возрождение» в 2020-х, Румыния: «великая Румыния» в начале 2000-х, «Альянс за объединение румын» в 2020-х, Польша – «Самооборона Республики Польша» в начале 2000-х, «Конфедерация» – в 2020-х. Аналогичная ситуация характерна для Сербии: несмотря на приезд в Россию представителей различных политических сил с заверениями в дружбе, сербское руководство продолжает балансирование, не выходя за рамки, очерченные Западом. На данном этапе можно констатировать, что в контексте поиска партнеров по диалогу Россия достигла некоего максимума возможного. Сохраняются институциональные проблемы, не позволяющие этим силам прийти к власти. Казус Джеорджеску показывает, что в определенных условиях представители этих сил могут получить широкую народную поддержку, однако без серьезной поддержки внутри элит и внешнеполитических гарантий обречены на неудачу.

Это не означает, что возможностей для развития отношений нет. Однако требуется поиск новых вариантов взаимодействия, обращения к широкой восточноевропейской аудитории, в наибольшей степени к силам и социальным группам, обеспокоенным вполне реальными перспективами расширения украинского конфликта на восточноевропейский регион. Стоит более внимательно присмотреться и ко всем категориям недовольных социокультурными, экономическим и прочими последствиями втягивания Восточной Европы в западный геополитический и

²⁷ Support for Ukraine still high among EU citizens but some fall off apparent among certain groups // Eurofound. URL: <https://www.eurofound.europa.eu/en/publications/all/support-ukraine-still-high-among-eu-citizens-some-fall-apparent-among>; Survey: Support for Ukraine drops in Poland, Romania, but rises in Scandinavia // Ukrainian World Congress. URL: <https://www.ukrainianworldcongress.org/survey-support-for-ukraine-drops-in-poland-romania-but-rises-in-scandinavia/>.

цивилизационный проект: от религиозных активистов до экологов. При этом стоит осознавать, что в условиях антироссийской истерии, инспирированной как Вашингтоном, Брюсселем, Лондоном, так элитами многих восточноевропейских стран, любые связи с Москвой будут расцениваться как повод для кампаний травли и репрессий. Изменить отношение может только фактор силы.

Периферийный реализм по-восточноевропейски

Такое положение вещей объясняется спецификой политического мышления восточноевропейских элит, который в научной литературе характеризуется как «периферийный реализм». В теории международных отношений «периферийный реализм» – прагматическая внешнеполитическая доктрина, разработанная для слабых государств. Сторонники периферийного реализма в международных отношениях настаивают на том, что менее сильные страны должны ставить экономическое развитие выше формального суверенитета, максимизируя благосостояние граждан, и рекомендуя стратегию «примыкания» (*bandwagoning*) к превосходящим державам [9; 11]. Как правило, в качестве классического примера политики «периферийного реализма» рассматривается внешнеполитическое поведение правых неолиберальных режимов Латинской Америки. Хотя государства Восточной Европы обычно не рассматриваются как классический случай периферийного реализма, фактически их поведение полностью укладывается в эту модель: элиты региона осознают собственную слабость и несамодостаточность и потому действуют в парадигме поиска внешнего суверена, будь то США, НАТО или отдельные державы Евросоюза. Если Россия демонстрирует слабость, это провоцирует элиты на эскалацию и пренебрежение российской позицией. Напротив, успешный ход специальной военной операции, образ сильной России способен «разбудить» силы, ориентированные на сотрудничество с сильным соседом, и заставить восточноевропейские элиты, действующие в логике периферийного реализма, пересмотреть свой курс. Поэтому ключевой переменной, определяющей перспективы взаимодействия после 2025 г., остаётся динамика украинского конфликта и способность России проецировать неоспоримую силу на западный фронт.

Таким образом, перспективы взаимодействия России со странами Восточной Европы остаются крайне ограниченными и в значительной степени детерминированы ходом специальной военной операции. Балтийский регион сохранит роль главной эскалационной дуги. Черноморско-Балканский регион продолжит находиться в состоянии турбулентности, где внутренние расколы препятствуют как формированию устойчивого антироссийского фронта, так и возникновению надёжных пророссийских анклавов. Тыловая функция Восточной Европы в украинском конфликте будет возрастать, однако успехи России способны активизировать евроскептические и прагматически ориентированные элементы. Долгосрочный диалог станет возможен лишь при демонстрации Россией стратегического превосходства, что заставит элиты региона, действующие по принципу «периферийного реализма», отойти от конфронтации и перейти к поиску баланса сил.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Бовдунов А.Л. Великая Восточная Европа: Геополитика. Геософия. Третий традиционализм. М.: Издательский Дом ЯСК, 2022.
2. Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения / пер. с англ. И. Федюкина. М.: Новое литературное обозрение, 2003.
3. Дырина А.Ф. Евроскептицизм и популизм в Центральной и Восточной Европе (обзор по материалам англоязычных публикаций) // Актуальные проблемы Европы. 2017. № 3.
4. Князева С.Е. Электоральная активность новых популистов на восточном фланге Европейского союза (2010-е – начало 2020-х годов) // Актуальные проблемы Европы. 2023. № 1. С. 63–89.
5. Межевич Н.М. Восточная Европа. К столетнему юбилею политического проекта // Балтийский регион. 2016. № 1. С. 26–47.
6. Национализм и популизм в Восточной Европе: сборник научных трудов / отв. ред. Л.Н.Шаншиева. М.: ИНИОН РАН, 2020. 240 с.
7. Рахмаев А.И. Феномен популизма в странах Центрально-Восточной Европы: особенности формирования // Вестник экономики, права и социологии. 2016. № 1. С. 303–305.
8. Шаншиева Л.Н. Меняющаяся Восточная Европа как предмет исследований (на примере изданий ИНИОН) // Россия и современный мир. 2020. № 3(108). С. 122–135.
9. Escudé C. An Introduction to Peripheral Realism and Its Implications for the Interstate System: Argentina and the Condor II Missile Project // International Relations Theory and the Third World / ed. S. Neuman. New York: St. Martin's Press, 1998. P. 55–76.
10. Mańko R. Being Central European, or some reflections on law, double peripherality and the political in times of transformation // Central and Eastern Europe as a Double Periphery? 2020. P. 17–44
11. Schenoni L., Escudé C. Peripheral Realism Revisited // Revista Brasileira de Política Internacional. 2016. Vol. 59, № 1. P. 1–18.
12. Zarycki T. Polska jako peryferie stykowe // Polska jako peryferie / ed. T. Zarycki. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe Scholar, 2016. P. 105–147.

Ефременко Дмитрий Валерьевич,
главный научный сотрудник Института научной
информации по общественным наукам РАН,
доктор политических наук

Европейский союз и страны- члены Европейского союза: проблемы геополитической субъектности

АННОТАЦИЯ

Рассматривается проблематика изменения европейского геополитического порядка в контексте военного конфликта на востоке Европы и нарастания противоречий внутри блока НАТО. Эти изменения ставят вопрос о том, способен ли Европейский союз в качестве наднационального интеграционного объединения выступать в качестве унитарного субъекта геополитических трансформаций. Несмотря на риторику об укреплении стратегической автономии ЕС и концентрации усилий Брюсселя на противостоянии России, нет оснований полагать, что Европейский союз возьмет на себя эту роль. Выделение отдельной группы стран внутри ЕС, формирующей его геополитическую идентичность, усиливает тенденцию фрагментации внутри объединения. В конечном счете это открывает путь к доминированию Германии, что в дальнейшем может привести к усилению геополитического соперничества внутри Европейского союза. Вместе с тем, даже при нынешнем усилении противоречий между европейскими странами и США, возможность создания военно-политического альянса без американского участия остается маловероятной.

Ключевые слова: Европейский союз, НАТО, стратегическая автономия, геополитика, европейская безопасность, отношения России и ЕС

Одним из проявлений полутысячелетнего доминирования Запада в мировой политике было представление о том, что вся система международных отношений детерминирована тем, как в соответствующий исторический момент складывается та или иная конфигурация европейского геополитического порядка. В начале второй четверти XXI в. эта зависимость стала достоянием прошлого. Правда, даже в те века, когда глобальный порядок был производным от европейского, последний далеко не всегда определялся сугубо европейскими силами. Строго говоря, действительно «автохтонным» изводом европейского порядка, разработанным и согласованным только представителями континентальной Европы (в неполном составе романо-германской, или протестантско-католической), был Вестфальский мир. Его дальнейшие корректировки осуществлялись уже с участием периферийных акторов – Англии (Великобритании) и еще позднее – России. Для Венского порядка влияние последних имело определяющее значение. Версальский порядок был сформирован уже под мощным трансформирующим воздействием США и при самоустранении России, охваченной революционной смутой. Ялтинско-Потсдамский порядок – творение, прежде всего, Советского Союза и США, а

постбиполярный порядок – рудимент той же геополитической конфигурации за вычетом ключевой компоненты, вызванным самоликвидацией СССР.

Постбиполярный порядок в Европе можно интерпретировать, с одной стороны, как эпоху заполнения геополитического вакуума НАТО и Европейским союзом, и, с другой стороны, как попытку подменить саму логику функционирования международного порядка на континентальном уровне диффузией норм и правил ЕС при покровительственном отношении к этому Вашингтона. Эффект расширения пространственного контроля со стороны ЕС создавал впечатление о поступательности и необратимости изменений в Европе.

Но ключевым фактором было американское военно-политическое доминирование в западном сообществе безопасности. Широко известно высказывание лорда Исмея, первого генерального секретаря НАТО, относительно истинной подоплеки создания альянса: «to keep the Russians out, the Americans in, and the Germans down». Реализация этой модели означала, что огромный перевес США в рамках НАТО нивелировал любые устремления других членов альянса вести самостоятельную геополитическую игру, а это – помимо прочего – способствовало их более сбалансированному взаимодействию и на евроинтеграционном треке. Институциональное укрепление объединенной Европы и ее территориальное расширение происходили благодаря обеспечиваемым в первую очередь США услугам безопасности, которые считались чем-то само собой разумеющимся. В рамках этой модели Европа была главным образом инструментом и площадкой глобального геополитического противостояния, но не самостоятельным игроком. Даже после распада СССР эта модель сохранялась, обретая второе дыхание в 2022 г. в связи с началом СВО. Однако возвращение к власти в США Д.Трампа и быстрое нарастание напряженности в отношениях между союзниками привели к кризису внутри альянса. Одна лишь виртуальная возможность сокращения американского доминирования в сфере европейской безопасности породила сдвиг, который может рассматриваться как своеобразное геополитическое землетрясение в Европе.

Но что может означать возвращение в Европу геополитики? Вполне вероятно, что сами европейские политические лидеры внятного ответа на этот вопрос не имеют, их горизонт планирования резко сужен, и фактически едва ли простирается дальше ноября 2028 года. В таких условиях конфронтация с Россией служит возможностью прикрыть бурной активностью в поддержку киевского режима фундаментальную неуверенность в отношении перспектив будущего европейского порядка и своего собственного места в новой геополитической конфигурации, которая определяется, во-первых, ходом и исходом российско-украинского конфликта, во-вторых, выбором Вашингтоном приоритетов в его противостоянии с Пекином.

Конфронтация с Россией служит целенаправленно поддерживаемым фактором сплочения европейских стран, в отсутствие которого противоречия между ними и политическая фрагментация стали бы безусловной доминантой динамики европейской политики. В текущих обстоятельствах взаимодействие России и Европы (Евросоюза / восточного фланга Евroatлантики) – это состояние глубокой враждебности, при которой стороны, хотя и стремятся избежать балансирования на грани открытой войны, основную ставку делают на выявление

уязвимостей своего оппонента и воздействия на них, попытки управлять ими для достижения собственных целей. Новация последнего года, связанная с действиями администрации Трампа, заключается в том, что в отношениях России с т.н. коллективным Западом теперь представляется возможным говорить о двух моделях взаимодействия – об управлении уязвимостью партнера и о транзакционизме, т.е. возможности заключения сделок. Конечно, стремление взаимодействовать на основе сделок совершенно не исключает использование слабостей и уязвимостей партнера. Однако здесь есть вариативность, относящаяся к «искусству заключения сделок». Можно использовать слабость партнера до предела – и получить сделку максимально выгодную, но очень недолговечную, поскольку партнер будет использовать любую возможность для ее пересмотра. Но можно дать партнеру больше позитивных стимулов (или не использовать по максимуму его слабости), чтобы он продолжал придерживаться условий сделки в разных обстоятельствах. В последнем случае сделка может быть менее выгодной, но более устойчивой. По крайней мере, таковы были преобладающие в Москве ожидания после встречи лидеров России и США в Анкоридже в августе 2025 г.

Взаимодействие с объединенной Европой (в первую очередь, с Европейским союзом как наднациональным институтом) формат сделки практически исключает. В ЕС будут делать ставку на максимизацию уязвимостей оппонента, с которым равноправную сделку не только не хотят заключать, но и не могут в силу институциональных причин. Такое состояние взаимодействий близко к игре с нулевой суммой, за исключением такого варианта уязвимости, когда оппонент может нанести неприемлемый ущерб или начать действовать совершенно непредсказуемо (а непредсказуемости в ЕС особенно боятся).

Институционально обусловленная недоговороспособность ЕС на российском направлении связана, во-первых, с тем, что Европейский союз как наднациональное объединение в принципе очень сложный партнер, основная стратегия которого – это попытка навязать взаимодействие на основе принятия европейских норм и правил. Экспансия собственных норм и правил является принципиальной установкой для еврократии. Она не ограничивается жесткой обусловленностью принятия *acquis communautaire* странами-кандидатами на вступление в Евросоюз. Она также является и способом освоения той территориальной периферии, которая не рассматривается в качестве зоны непосредственного расширения Европейского союза. В частности, все варианты модернизационного партнерства России и ЕС, активно прорабатывавшиеся в период президентства Д.А.Медведева, были обречены на провал из-за того, что Россия негласно рассматривалась как гигантская периферия ЕС, которая не может быть интегрирована в Евросоюз, но может быть постепенно освоена через принятие Москвой европейских норм и возникающих вокруг этого политических обязательств.

Во-вторых, европейские нормы, правила, политические директивы и т.д. особенно после расширения Евросоюза в 2004 г. наполнялись инициативами, которые продвигали наиболее недружественно настроенные по отношению к Москве страны из числа новобранцев ЕС. Даже если сначала это были декларативные резолюции, принимаемые Европарламентом, дальше, с некоторым временным лагом, ключевые их положения оказывались включены в обязывающие решения

Еврокомиссии и Европейского совета, и далее проникали в ткань всего брюссельского нормотворчества. В результате, довольно быстро обнаружилось, что отношения Москвы с ЕС чаще всего выстраиваются не по верхней, а по нижней планке возможного диапазона взаимодействий. То есть не по уровню взаимодействия с наиболее конструктивно настроенными на сотрудничество с Москвой отдельными странами Европы, а по уровню тех стран, кто изначально ориентирован на сокращение сотрудничества или на прямую конфронтацию. В дальнейшем весь этот массив решений, ограничений, санкций и т.д. неуклонно разрастался, превратившись в гигантский «ледник», блокирующий на институциональном уровне потепление отношений стран ЕС с Россией. Поэтому не приходится рассчитывать, что внутри институтов ЕС появится желание вести конструктивный диалог с Россией, чтобы достичь какой-либо разумной политической сделки. Напротив, мы вправе ожидать, что даже при благоприятном развитии событий институты ЕС будут пытаться гасить позитивные сигналы, которые могут исходить от национальных правительств.

Следует понимать, что конфронтация с Россией является попыткой уйти от четкого ответа на вопрос о геополитической субъектности объединенной Европы. Если действительно возникает вакуум безопасности и геополитического влияния, связанный с гипотетическим ограничением вовлеченности Америки в европейские дела, то может ли Европейский союз как наднациональное интеграционное объединение выступить в качестве унитарного геополитического актора? И возможен ли реальный переход от рассуждений о европейской стратегической автономии к какому-то принципиально новому качеству в сфере военно-политической безопасности?

Прежде всего, необходима реалистичная оценка внутренних процессов в ЕС, от которых критически зависит способность наднациональных институтов Евросоюза выступать геополитическим субъектом, а не геополитическим спойлером. Как показал еще Стефано Бартолини, большую опасность дестабилизации представляют открытые конфликты, связанные с распределением ресурсов и влияния в политической системе, имеющей наднациональный и национальные уровни организации власти. Ситуация, когда наднациональный центр власти добился значительных полномочий в сфере принятия решений, оказывающих значительное воздействие на уровне государств-членов ЕС, но при этом не опирается на общеевропейские «расширенные лояльности, идентичности и социальную солидарность», носителями которых выступают именно европейские, а не национальные партии, группы интересов и социальные движения, делает перспективы дальнейшей евроинтеграции весьма неопределенными, если не сказать мрачными [1]. Бартолини считал, что консолидация европейской политической системы может быть сорвана в фазах массовой политической мобилизации и демократизации.

К тому же триггеры политической мобилизации меняются, и с этими изменениями традиционный лево-правый политический мейнстрим справляется не очень успешно. Все реже мобилизация происходит вокруг распределения частей социального пирога, все чаще – вокруг проблем идентичности. Наднациональный центр власти здесь не имеет достаточно эффективных инструментов воздействия, а на национальном уровне доминантой становятся интересы и предпочтения местного

электората. Соответственно, внутривластные соображения ограничивают свободу маневра национальных правительств в рамках многосторонних переговоров и согласований в Брюсселе [2], побуждая их все чаще добиваться исключений в «единой политике» ЕС по тем или иным чувствительным направлениям.

Нынешний кризис единства НАТО и военные действия на востоке Европы часто интерпретируются как вызов, который заставит правительства и народы европейских стран предпринять сверхординарные усилия, к которым ранее они не были готовы ни организационно, ни психологически. На эти усилия возлагаются надежды, что, помимо решения геополитических задач, они остановят, а то и обратят вспять процессы, ведущие к внутренней фрагментации ЕС.

Существуют, однако, серьезные ограничения для выстраивания подлинной стратегической автономии Европы вне обеспечиваемого американской военной мощью кокона безопасности. Для европейцев исторически характерны сильные различия в оценках угроз, которые не удалось полностью стереть даже после четырех лет безудержной демонизации России. Кроме того, среди европейских стран нет достаточного единства в интерпретации стратегической автономии. При общем понимании стратегической автономии как способности вырабатывать политический курс, свободный от внешнего влияния [3], опорой чему должна служить сила, обеспеченная необходимыми ресурсами для противостояния возможному вмешательству [4], конкретное наполнение данного понятия сохраняет простор для различных трактовок. Это может быть и способность самостоятельно сдерживать / отражать нападение, и наличие сил и воли для проведения ограниченных операций без поддержки США, и промышленная / технологическая независимость¹. В каждом случае требуются разные приоритеты и инвестиции, а недифференцированный подход ведёт к крупным просчетам. Если же рассматривать европейские страны НАТО в отрыве от США, то сразу обнаруживаются критически важные пробелы в военном потенциале, для восполнения которых требуются длительное время и огромные затраты ресурсов.

Если, однако, ЕС оказывается не способен играть самостоятельную геополитическую роль, а перспектива ограничения американской вовлеченности сохраняется, то что происходит с вышеупомянутой формулой лорда Исмея? Немцы остаются «внизу» или под прикрытием риторики о европейских ценностях и единстве становятся главной геополитической силой? И как тогда будут действовать другие крупные европейские державы – Франция, Великобритания, Польша, Испания, Италия?

В Европе при нарастании внутренних противоречий, эрозии институциональной структуры Европейского союза и НАТО вероятным может стать возвращение к серьезному межгосударственному соперничеству. Ремилитаризация Германии, которая пока проходит под прикрытием риторики о «защите Европы от угрозы с Востока», имеет серьезнейшие последствия. Довольно скоро, как только процесс наберет обороты, она начнет вызывать все больше опасений во Франции,

Польше, ряде других стран. Даже в чисто экономическом измерении форсированное развитие военной промышленности даст чистый выигрыш Германии и ограниченному количеству стран, тогда как другие будут больше субсидировать этот процесс. Уже одно это обстоятельство будет усиливать недоверие и противоречия внутри Европы. В конечном счете вероятным становится сценарий возвращения в Европу геополитики через возобновление геополитической конкуренции между Германией, другими крупными державами, разными неформальными группами средних и малых европейских держав. Вместе с тем милитаризация экономики Германии едва ли осуществима при серьезном дистанцировании от США. В ФРГ немецкие и американские капиталы находятся в теснейшей связке, и управление военными расходами осуществляется через структуры и механизмы, в значительной мере подконтрольные или прозрачные для США.

В целом кризис доверия внутри НАТО не означает, что США пойдут на формальный выход из НАТО. Европейцы при всей их риторике о новом уровне стратегической автономии будут избегать действий, означающих формирование какого-либо военно-политического альянса вне контроля США. Различия взглядов между членами ЕС (а также Великобританией) по вопросам стратегии военно-политического строительства будут усиливаться, но в конечном счете они предпочтут дожидаться завершения президентства Д.Трампа при одновременных демонстративных шагах, направленных против интересов России. Опасность для России состоит не в превращении ЕС в новый военный блок, идущий на смену НАТО, а в частичном замещении НАТО и повышении общей эффективности в сферах развития военной промышленности, логистики, инфраструктурного обеспечения системной конфронтации Европы с Россией.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Bartolini S. Restructuring Europe: Centre Formation, System Building and Political Structuring Between the Nation-State and the European Union. Oxford: Oxford University Press, 2005.
2. Hooghe L., Marks G. A Postfunctional Theory of European Integration: From Permissive Consensus to Constraining Dissensus // British Journal of Political Science. 2008. Vol. 39, № 1. P. 1–23.
3. Olsen J. P. Democratic Government, Institutional Autonomy and the Dynamics of Change // West European Politics. 2009. Vol. 32, № 3. P. 439–465.
4. Waltz K.N. Theory of International Politics. New York: McGraw-Hill, 1979.

¹ Posen B. European Military Autonomy: What Comes First? Survival Online. 8.10.2025. URL: <https://www.iiss.org/online-analysis/survivalonline/2025/european-military-autonomy-what-comesfirst/>.

Игнатъев Виталий Викторович,
Министр иностранных дел Приднестровской
Молдавской Республики

Фактор Приднестровья в контексте противодействия стратегии изоляции России со стороны Европейского союза и НАТО

АННОТАЦИЯ

В докладе рассматривается роль Приднестровья в контексте системной стратегии Запада по изоляции России. Автор анализирует новую конфигурацию геостратегического противостояния, в рамках которой Европейский союз и НАТО формируют вокруг России пояс государств, встроенных в западные военно-политические и нормативные контуры. Особое внимание уделяется Молдове, которая за последние годы полностью трансформировалась из формально нейтрального государства в компонент евроатлантической оси «Балтика – Черное море», завершив интеграцию в структуры НАТО и ЕС и фактически порвав отношения с Россией. На этом фоне Приднестровье рассматривается как региональный барьер против полной изоляции России на юго-западном направлении, сохраняющий устойчивую политическую, гуманитарную, культурную и миротворческую связь с РФ. Обосновывается необходимость перехода к прямому системному взаимодействию России с Приднестровьем, включая разработку механизмов военно-политического реагирования, институционализацию двусторонних структур и интеграцию российских граждан в социальную инфраструктуру. Укрепление Приднестровья предлагается в качестве стратегического инструмента противодействия региональной экспансии НАТО и сохранения российского влияния в Причерноморье.

Ключевые слова: Приднестровье, Россия, Молдова, НАТО, Европейский союз, стратегия изоляции, Черноморский регион, миротворческая операция, системное взаимодействие, российские соотечественники, Русский мир, геостратегическое противостояние, санкционное давление, евроинтеграция

1. Новая конфигурация геостратегического противостояния: изоляция России как системная стратегия Запада

Современное противостояние между Россией и западным блоком вышло за рамки классической международной конкуренции и приобрело комплексный многоуровневый характер, охватывая безопасность, экономику, финансы, энергетику, транспорт, информационное пространство, гуманитарные связи, науку, культуру и историческую память.

Стратегия ЕС и НАТО строится не только на санкционном давлении, но и на преднамеренном сужении пространства российского политического, экономического и гуманитарного присутствия через формирование вокруг России пояса государств и регионов, оторванных от традиционных связей и встроенных в западные нормативные, инфраструктурные и военно-политические контуры.

Эта линия реализуется не только на глобальном уровне, но и через локальные региональные узлы – Черноморский регион, Украину, Молдову, Балканы, Южный

Кавказ и Восточную Европу, где формируется новая линия военно-политического и цивилизационного разграничения.

В этом контексте Приднестровье выступает одним из немногих региональных факторов, который сохраняет устойчивую связь с Россией, ее миротворческим присутствием, цивилизационным пространством и историко-политическим наследием.

Поэтому фактор Приднестровья следует рассматривать не как периферийный аспект, а как один из элементов широких геостратегических процессов. Давление на Приднестровье, попытки его экономической, информационной и политико-дипломатической изоляции фактически являются частью общей линии на ограничение российских возможностей в регионе. Соответственно, защита устойчивости Приднестровья становится не только вопросом региональной безопасности, но и частью противодействия стратегии изоляции России.

2. Молдова как инструмент западной стратегии ограничения российского присутствия

С начала острой фазы российско-украинского конфликта (февраль 2022 г.) запад резко ускорил милитаризацию РМ, используя Молдову в качестве составного компонента евроатлантической оси НАТО «Балтика – Черное море», нацеленной на вытеснение России из Черноморского региона, ее изоляцию и лишение военно-политического потенциала.

Была осуществлена трансформация Молдовы из формально нейтрального государства в компонент западной стратегии ограничения российского присутствия в данном пространстве. Молдова присоединилась примерно к 80% антироссийских санкций Евросоюза и завершает процедуру выхода из СНГ, Кишинев уже уведомил секретариат Содружества и официальный выход РМ должен наступить 8 апреля 2027 г. Речь идет не о корректировке внешнеполитического курса, а об окончательном отрыве Молдовы от России и СНГ через эскалацию антироссийской политики, денонсацию договорной базы, демонтаж прежних форматов взаимодействия и последовательное выдавливание российского присутствия. В последние годы этот процесс приобрел необратимый и фактически завершённый характер.

Сегодня можно констатировать, что Молдова уже полностью встроена в военно-политический контур НАТО.

- С 2019 г. Румыния и Молдова проводят совместное патрулирование общей границы.
- В марте 2022 г. Кишинев подписал соглашение об оперативной деятельности Европейского агентства пограничной и береговой охраны Frontex на территории РМ.
- В июле 2022 г. был запущен Центр поддержки ЕС по вопросам внутренней безопасности и управления границами в Молдове – EU Security HUB.
- В феврале 2023 г. НАТО открыло программу профессиональной подготовки для государственных служащих сектора безопасности и обороны Молдовы.
- В мае 2023 г. начала работу Партнерская миссия ЕС в Молдове – EUPM, действующая в логике Общей политики безопасности и обороны ЕС.

- В мае 2024 г. Молдова и Европейский союз подписали Соглашение о партнерстве в области безопасности и обороны, обеспечивающее участие РМ в программе военной мобильности и в инструменте быстрого развертывания ЕС.
- В 2024 г. в Конституцию РМ было внесено упоминание о евроинтеграции как стратегическом векторе.
- В 2025 г. принята новая Военная стратегия РМ на 2025–2035 гг., в которой Россия обозначена как главный источник угроз, а цель развития национальной армии – интеграция РМ в архитектуру безопасности и обороны НАТО и Европейского союза.

Наряду с управленческо-доктринальной, запад также установил в Молдове систему «идеологического контроля», включающую спецслужбы, центр «Patriot», три центра НАТО (связи, информации и кибербезопасности), а также сеть лояльных НКО. При этом влияние российских СМИ, НКО и экспертных структур практически ликвидировано.

Отдельно стоит подчеркнуть агрессивный курс Молдовы на полный разрыв отношений с Россией.

Международный переговорный формат «5+2» по Приднестровью, где Россия является официальным посредником, заблокирован на протяжении семи лет, начиная с 2019 г.

Как и в случае с Украиной, форсируется сценарий церковного раскола Молдовы путем поддерживаемой властями РМ экспансии Бессарабской митрополии Румынской православной церкви. В результате многолетнего вытеснения Православной церкви Молдовы Московского патриархата более 350 приходов РПЦ уже переподчинены Бессарабской митрополии, число прихожан за 15 лет выросло в 7 раз.

По сценарию Евросоюза Молдова переформатировала сферу энергообеспеченности, добившись изъятия российской собственности, исключения политического влияния ПАО «Газпром» и установив зависимость Приднестровья от транзитных услуг РМ и ЕС.

Механизм миротворческой операции на Днестре регулярно дестабилизируется: в апреле 2025 г. был объявлен нежелательной персоной сопредседатель ОКК от России. Есть основания полагать, что Кишинев прорабатывает сценарий денонсации мирного соглашения от 21 июля 1992 г.

Функционал Посольства России в РМ критически ограничен: за три года выслано свыше 50 дипломатов, в том числе трое – в апреле 2025 г. Посол России в Молдове с момента назначения на должность в 2024 г. до сих пор не вручил президенту страны верительные грамоты.

Пропаганда РМ культивирует образ России как страны-агрессора. 4 июля 2026 г. прекращает действие соглашение о функционировании культурных центров, что означает закрытие Российского центра науки и культуры – «Русского дома» в Кишиневе и фактическое прекращение присутствия Россотрудничества в РМ.

3. Приднестровье как региональный барьер против полной изоляции России в юго-западном направлении

Третий ключевой элемент – значение Приднестровья как регионального фактора, препятствующего полному демонтажу российского присутствия на юго-

западном направлении постсоветского пространства. На фоне выхода Молдовы из СНГ, ее сближения с ЕС, НАТО и Румынией, а также ограничения российского дипломатического, информационного и гуманитарного присутствия, именно Приднестровье сохраняет устойчивую связь с Россией. Ориентация на Россию является не ситуативной реакцией, а устойчивым общественным выбором, подтвержденным политической практикой и общественным консенсусом.

Особое значение имеет гуманитарный фактор: в Приднестровье проживает значительное число российских граждан и соотечественников, для которых связь с Россией является частью личной и коллективной идентичности. Русский язык здесь сохраняет роль языка межнационального общения, образования, науки, культуры и общественной коммуникации. На фоне сокращения русскоязычного пространства в Молдове Приднестровье остается одним из немногих регионов, где российское культурное и историческое присутствие является естественной частью общественной жизни.

Принципиальное значение сохраняет российская миротворческая операция на Днестре, которая с 1992 г. остается ключевым фактором предотвращения возобновления вооруженного конфликта, а российское присутствие в этом формате выступает механизмом сдерживания, стабилизации и поддержания баланса безопасности. Попытки демонтировать миротворческую операцию или вытеснить Россию из переговорного процесса несут прямой риск дестабилизации всего региона.

Таким образом, Приднестровье является чувствительным региональным узлом между Восточной Европой, Причерноморьем и юго-западным направлением постсоветского пространства. Его устойчивость означает сохранение политического, гуманитарного, историко-культурного и миротворческого канала российского присутствия в регионе. Поэтому защита Приднестровья и поддержание его субъектности являются не только вопросом локального урегулирования, но и элементом противодействия стратегии изоляции России в Восточной Европе и Причерноморье.

За последние годы Приднестровская Молдавская Республика подвергается усиливающемуся санкционно-блокадному давлению со стороны соседней Молдовы. Политико-экономические, правовые, информационные, гуманитарные и иные формы давления на ПМР направлены не только на ослабление самой республики, но и на разрушение одного из региональных опорных пунктов российского присутствия в Восточной Европе и Причерноморье.

Совокупность угроз требует от Российской Федерации системных ответных мер.

Защита стратегических интересов России в регионе возможна путем решения триединой задачи:

- Гарантированного военно-политического присутствия России в Приднестровье.
- Обеспечения безопасности Приднестровья и повышения его выживаемости.
- Предотвращения изоляции России в Причерноморье путем недопущения замыкания оси НАТО «Балтика-Черное море».

4. Противодействие региональной экспансии НАТО методами усиления позиций России

Эффективным способом повлиять на ситуацию является запуск сценария «Приднестровье – цивилизационный форпост Русского мира», не позволяющего окончательно замкнуть антироссийскую геостратегическую ось НАТО «Балтика – Черное море».

Важно отметить тот факт, что на основанный полководцем А.В.Суворовым город-крепость Тирасполь изначально возлагалась миссия служить в качестве геостратегического «ключа», открывающего доступ к Северному Причерноморью. Владение данным «ключом» позволяло надежно и гарантированно контролировать Причерноморское региональное пространство.

Для эффективного решения российских задач в региональном пространстве необходим скорейший переход на прямое системное взаимодействие Российской Федерации с Приднестровьем с активизацией имеющихся ресурсных возможностей.

С международно-правовой точки зрения такой подход для России обоснован, легитимен и закономерен: защита прав более 220 тыс. граждан России и соотечественников – единственный выход в условиях остановки международного переговорного процесса.

На протяжении 35 лет официальный Кишинев не обеспечивает функции защиты прав и свобод граждан, живущих в Приднестровье, в силу чего имеются все основания для применения альтернативных дееспособных механизмов правовой защиты населения на уровне приднестровского государства. Таким образом, Россия выполняет миссию политического гаранта, обеспечивая гуманитарное развитие, социально-экономическую стабильность, безопасность и недопущение военной эскалации на Днестре.

Механизм прямого системного взаимодействия России с Приднестровьем может включать в себя следующие компоненты:

- Разработка мер военно-политического реагирования на случай угрозы резкого обострения ситуации в Зоне безопасности, включая сценарий выхода Молдовы из Соглашения от 21 июля 1992 г.
- Назначение Специального представителя Президента Российской Федерации по Приднестровью (практика, действовавшая в 2012–2018 гг.).
- Запуск постоянной российско-приднестровской Межправительственной комиссии.
- Формирование профильных координационных групп на уровне Администрации Президента, Совета безопасности, МИД и др.
- Интеграция российских граждан в инфраструктуру государственных услуг.

Реализация возможности применения материнского капитала на территории Приднестровья и пенсионного обеспечения граждан Приднестровья с применением показателей на уровне отдельного субъекта Российской Федерации.

Открытие на территории Приднестровья совместного российско-приднестровского информационного центра для прорыва информационной блокады Приднестровья, а также международного правозащитного центра для мониторинга

правового положения российских соотечественников в Приднестровье и Молдове и оказания им всесторонней помощи.

Цель перехода к прямому системному взаимодействию Российской Федерации с Приднестровьем – довести интеграцию до уровня, при котором институциональные двусторонние связи станут фактором эффективного регионального влияния России, с которым западу придется считаться.

Укрепление Приднестровья позволит России:

Укрепить присутствие России на подступах к новым регионам на северном побережье Черного моря.

Обеспечить защиту прав и интересов свыше 200 тыс. граждан Российской Федерации, символизируя потенциал и новые подходы возрождающейся России.

Использовать Приднестровье в качестве «точки роста» для расширения общественно-политического влияния концепции Русского мира на сопредельную территорию Молдовы, а в перспективе и Украины.

Благодарю за внимание!

Йованович Милош

депутат парламента Республики Сербия
XIV созыва, председатель Новой демократической
партии Сербии, доцент юридического факультета
Белградского университета

Россия и Европа: желательный цивилизационный разрыв?

АННОТАЦИЯ

Рассматриваются отношения между Россией и Европой не только сквозь призму геополитики и продолжающегося конфликта на Украине, но и через призму цивилизационного кризиса, который, по мнению автора, переживает современная Европа. Исходя из того, что Европа, как часть западной цивилизации, находится в состоянии определенного упадка, ведущего к разрушению всех форм коллективной идентичности, современное противостояние Запада и России рассматривается как возможность для России приступить к формированию собственной цивилизационной модели. Данный идеологический разрыв, который в докладе оценивается как желательный, обусловлен не только военным противостоянием Запада и России, происходящим на территории Украины, но и более глубокими причинами, вследствие которых Россия, с точки зрения Запада, всегда воспринималась как чужеродное образование, не вписывающееся в западную цивилизационную матрицу.

Ключевые слова: национальная идентичность, индивидуализм, ценности, декаданс, Запад, идеология, Франция, Россия

25 ноября прошлого года Суд Европейского союза вынес решение, согласно которому все государства – члены Европейского союза обязаны признавать браки между лицами одного пола, если такие браки были законно заключены в другом государстве – члене ЕС либо в государстве, законодательство которого допускает заключение подобных браков¹. Содержательным, равно как и формально-правовым последствием данного решения стало фактическое закрепление института однополого брака на уровне Европейского союза и его обязательное распространение на все государства-члены. Даже те страны Европейского союза, конституции которых не признают подобный союз и чье национальное законодательство, соответственно, не допускает заключения таких браков, – такие как Польша, Румыния, Словакия, Болгария, Литва и Латвия, – сегодня обязаны признавать подобные браки, вносить соответствующие изменения в акты гражданского состояния и обеспечивать реализацию всех прав, принадлежащих супругам.

Иными словами, тот факт, что то или иное государство-член не признает в своем внутреннем правовом порядке такой правовой институт, как брак между лицами

одного пола, более не имеет никакого значения. Будучи членом Европейского союза, такое государство обязано признавать данный правовой институт, что, разумеется, нивелирует политическую и демократическую волю его граждан, вследствие которой заключение подобных браков ранее было невозможно.

Безусловно, логика любой правовой системы заключается как в расширении сферы собственного действия, что применительно к правопорядку Европейского союза было достигнуто еще знаменитым решением по делу *Costa v. ENEL* 1964 г., закрепившим принцип верховенства права Европейского союза над национальным правом государств-членов, так и в расширении уже существующих и признанных прав как таковых². В этом смысле решение Суда Европейского союза от 25 ноября 2025 г. может показаться вполне логичным и закономерным.

Однако проблема заключается в другом. Речь идет не просто о расширении прав, а о навязывании посредством права определенной идеологической модели вопреки демократической воле граждан. Имеет место практическая реализация ряда абстрактных принципов и ценностей – таких как свобода, человеческое достоинство и равенство – посредством наполнения этих принципов вполне определенным идеологическим содержанием³. Как правило, результат оказывается одним и тем же: расширение индивидуальных прав, при котором индивидуальная автономия, а порой и простой личный каприз становятся мерилем общественных норм, что, в конечном счете, разрушает фундаментальные предпосылки существования любой общности и сохранения ее идентичности.

Французский профессор конституционного права Бертран Матье (Bertrand Mathieu) справедливо отмечает в своей превосходной книге «Право против демократии?» что крайний индивидуализм приводит к размытию понятия общего интереса, а развитие прав личности как таковых делает невозможным существование каких-либо заранее установленных правил и ведет к тому, что желание каждого превращается в общий закон [8, р. 148]. Далее профессор Матье подчеркивает, что человек более не признает никакой предопределенности и стремится полностью распоряжаться собственным существованием: «Таким образом, брак больше не рассматривается как институт, определение которого принадлежит обществу с учетом целей общего интереса, которых оно стремится достичь, – например, обеспечения максимально стабильных условий для воспитания детей, – а воспринимается как право, посредством которого требуется признание любых социальных привязанностей. Акты гражданского состояния, традиционно служившие средством идентификации граждан государством, превращаются в инструмент, с помощью которого индивиды утверждают свою субъективную личную идентичность» [8, р. 153].⁴

Иными словами, на современном Западе человек рассматривается прежде всего как автономный носитель прав, самостоятельно определяющий свою идентичность, образ жизни, семейный статус и даже границы собственной природы. Коллективные формы принадлежности – семья, народ, религиозная община, историческая традиция

¹ Court of Justice of the European Union. Judgment of the Court, Grand Chamber, of 25 November 2025, Case C-713/23, *Jakub Cupriak-Trojan and Mateusz Trojan v Wojewoda Mazowiecki*, ECLI:EU:C:2025:917. Luxembourg: Court of Justice of the European Union, 2025. Также: № 147/25 от 25 ноября 2025 г.

² CJEC, Judgment of the Court of 15 July 1964. *Flaminio Costa v E.N.E.L.* Reference for a preliminary ruling: *Giudice conciliatore di Milano – Italy*. Case 6-64. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex:61964CJ0006>.

³ См.: [6].

⁴ См. также: [5, р. 222].

и национальная культура – в подобной логике постепенно утрачивают нормативное значение, сводясь к второстепенным, частным либо условным конструкциям.

Поэтому важно не сводить современное противостояние России и Запада исключительно к его геополитическому измерению. Безусловно, оно существует и вполне соответствует классическому понятийному аппарату международных отношений, прежде всего школе политического реализма: соперничество великих держав, баланс сил, сохранение суверенитета, дилемма безопасности и т.д. Однако наряду с этим необходимо понимать, что за внешнеполитическим и геополитическим конфликтом скрывается более глубокое противостояние, разворачивающееся на идеологическом уровне. Это борьба различных систем ценностей и различных цивилизационных моделей. Следовательно, речь идет не только о соперничестве государств, но и о столкновении различных представлений о человеке, семье, обществе, нации, праве и исторической преемственности.

В этом смысле вопрос отношений между Россией и Европой следует рассматривать не только как вопрос политического размежевания или дипломатического конфликта. Гораздо важнее понять, что, возможно, именно сейчас наступил исторический момент для подлинного отхода от современного западноевропейского нормативного проекта во имя собственного сохранения, поскольку современный Запад, по всей видимости, представляет собой цивилизацию, переживающую период упадка (I), тогда как Россия обладает необходимыми предпосылками для успешного осуществления такого цивилизационного поворота (II).

1. Декаданс Запада?

Как уже было отмечено во введении, доминирующая идеологическая матрица современного Запада основана на радикальном индивидуализме, который по своей природе подрывает все коллективные ценности и ставит под вопрос само существование любого сообщества (А). О том, что в подобном мире сегодня наиболее уязвимой оказывается именно национальная общность (хотя семья ненамного отстаёт), свидетельствует пример Франции (Б).

А. Фундаментальное разрушение первого лица множественного числа

Британский консервативный философ Роджер Скрутон (Roger Scruton) настойчиво подчеркивал необходимость существования «первого лица множественного числа» (first-person plural) как неперемного условия любого общественного договора. [11, р. 49-50] По мнению Скрутона, устойчивое общество не может существовать лишь как совокупность отдельных индивидов, связанных между собой договорами и системой прав. Оно нуждается в общем чувстве принадлежности – в осознании того, что существует «мы»: наша страна, наша культура, наша историческая память и наша ответственность перед прошлым и будущим. Именно это «мы» делает возможным политический компромисс, поскольку граждане воспринимают друг друга не как случайных конкурентов, а как членов одного политического сообщества.

В противоположность этому современная западная идеология все чаще строится вокруг первого лица единственного числа – автономного либерального «я». Это «я» стремится к постоянному расширению собственных прав, далеко не

всегда соотнося их с коллективным порядком, естественными ограничениями, исторической преемственностью и обязанностями перед другими. Именно поэтому спор вокруг брака, семьи и гендерной идентичности нельзя свести исключительно к юридической проблематике. В действительности речь идет о вопросе, что следует считать фундаментом общества: индивидуальное желание или коллективную норму, субъективное самоопределение или исторически и биологически – то есть в соответствии с законами природы – сформированную антропологическую модель.

В этом смысле вопрос однополых браков представляет собой лишь часть значительно более широкого процесса. Речь идет не только о праве двух совершеннолетних людей заключить брак. Этот вопрос касается также понимания родительства, происхождения человека, права ребенка знать свое биологическое происхождение, а также того, должна ли семья оставаться институтом, основанным на союзе мужчины и женщины, рождении и воспитании детей. Если право взрослого человека на самореализацию становится абсолютным, то права ребенка, интересы семьи и рода, межпоколенческая преемственность и культурная функция семьи неизбежно отходят на второй план.

О том, что речь идет именно об идеологии – достаточно тоталитарной по своему характеру и, безусловно, господствующей сегодня на Западе, – свидетельствует и пример Венгрии. Когда в 2021 г. это государство – член Европейского союза – попыталось посредством ряда законодательных изменений ограничить распространение среди несовершеннолетних материалов, связанных с вопросами гендерной идентичности и гомосексуальности, реакция институтов Европейского союза и ряда европейских политиков оказалась исключительно жесткой. Венгерская инициатива была представлена как нарушение основополагающих ценностей Европейского союза, тогда как многие государства-члены квалифицировали подобные нормы как дискриминационные и стигматизирующие по отношению к представителям ЛГБТИК+⁵-сообщества⁶.

Таким образом, без особого риска ошибиться – хотя и с сожалением, что формат и объем доклада не позволяют подробно обосновать и аргументировать следующее утверждение, – можно сказать, что Европейский союз представляет собой лишь инструмент неolibерального экономического проекта с сопровождающей его идеологической матрицей, которая, подобно самому неуправляемому капитализму, лежащему в основе этих процессов, разрушает все, что оказывается для нее излишним, – семью, равно как и нацию.

Именно здесь мы подходим к вопросу национальной идентичности.

Б. Пример Франции: от де Голля до Меланшона

Современная Франция, несомненно, представляет собой яркий пример трансформации национальной идентичности, иначе говоря, глубокой идентификационной и идеологической метаморфозы целого общества. Два известных высказывания, прозвучавшие с интервалом чуть более шестидесяти

5 *Пропаганда ЛГБТ запрещена в России на основании Федерального закона 29.06.2013 # 135-ФЗ «О внесении изменений в статью 5 ФЗ “О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию” и отдельные законодательные акты РФ в целях защиты детей от информации, пропагандирующей отрицание традиционных семейных ценностей». 18+.

6 См.: [6].

лет, пожалуй, лучше всего иллюстрируют пройденный путь и процесс размывания французской национальной сущности.

Так, будучи Президентом Франции, Шарль де Голль (Charles de Gaulle), говоря об иммиграции, отметил, что наличие французов различных рас является положительным явлением при условии, что они остаются меньшинством, поскольку в противном случае «Франция перестанет быть Францией». При этом он произнес ставшую знаменитой фразу:

«Мы [французы] прежде всего являемся европейским народом белой расы, греко-римской культуры и христианской веры» [10, р. 52].

Сегодня эта фраза, которая сама по себе является вполне банальной с точки зрения исторической достоверности, превратилась в своего рода ересь, которую больше нельзя произносить вслух. Это на собственном опыте испытала бывший министр Франции, депутат Национального собрания, а ныне депутат Европейского парламента Надин Морано (Nadine Morano), которая в 2015 г. в одном из телевизионных интервью процитировала приведенные выше слова де Голля, вызвав тем самым бурную полемику, многочисленные нападки и обвинения в расизме, нетерпимости и дискриминации. В конечном итоге она была вынуждена отказаться от участия в региональных выборах, состоявшихся в декабре 2015 г.

Однако данный случай прежде всего свидетельствует о глубокой идеологической трансформации французского общества, в котором элементарные исторические факты перестали соответствовать господствующим идеологическим и дискурсивным рамкам. Колониальное прошлое, массовая миграция, мультикультурализм, секуляризация и либеральный индивидуализм существенно изменили содержание французской идентичности как в практическом, так и в концептуальном смысле.

Еще одним проявлением этих процессов является высказывание действующего Президента Франции Эмманюэля Макрона (Emmanuel Macron), согласно которому «не существует одной французской культуры; существует культура во Франции, и она многообразна»⁷.

В этой формулировке отражается принципиальный поворот: нация больше не рассматривается как носитель единого культурного ядра, которое в значительной степени и формирует ее сущность, а воспринимается как пространство культурного многообразия. Однако многообразие без объединяющего центра и ясно выраженной доминирующей идентичности способно привести лишь к фрагментации общества, то есть к постепенному распаду национального сообщества.

О том, что Франция уже достигла стадии глубокого размывания собственной национальной идентичности, свидетельствует и позиция Жан-Люка Меланшона (Jean-Luc Mélenchon), представляющая собой своеобразную противоположность

ранее приведенным словам де Голля. Меланшон, который отнюдь не является маргинальной фигурой французской политики, а напротив, возглавляет французские левые силы и получил 21,95% голосов в первом туре президентских выборов 2022 г., говорит о «креолизации Франции».

Концепция креолизованной Франции основывается на признании смешения культур, происхождения и даже языков. Опираясь на демографические данные, статистику и миграционные процессы, Жан-Люк Меланшон утверждает, что возникла «Новая Франция» – «дочь миграций», следствием которых становится креолизация культуры в самом широком смысле этого понятия⁸. Креолизация при этом прямо рассматривается как альтернатива «модели доминирующей культуры, требующей подчинения всех остальных»⁹.

Иными словами, предлагается модель общества без доминирующей культуры, а следовательно, и без четко определенной идентичности.

Разумеется, нет необходимости подробно доказывать, что подобный взгляд представляет собой исключительно идеологизированное восприятие действительности, которое, формально опираясь на факты, в действительности отрицает реальность и фундаментальные психологические и социологические закономерности. Без доминирующей культурной модели невозможно существование ни национальной идентичности, ни прочной общественной сплоченности, ни даже самой социальной общности как таковой.

Безусловно, современная Франция стремится быть универсальной гражданской нацией, открытой для людей различного происхождения, цвета кожи, вероисповедания и культуры. С правовой точки зрения подобный подход соответствует принципу гражданского равенства, традиционно лежащему в основе французского публичного права. Однако с точки зрения социальной психологии и теории коллективной идентичности возникает вопрос: возможно ли в условиях столь радикальной универсализации сохранить историческое ядро и идентичность нации?

Ответ на этот вопрос, по всей видимости, отрицателен. Более того, он уже подтвержден историческим опытом. Когда национальная идентичность становится настолько широкой, что способна вместить практически любое культурное содержание, она неизбежно теряет свою определенность и, по самому своему определению, перестает быть идентичностью.

Если упростить проблему, то получается следующее: если французом может быть белый, черный, араб, азиат; если французом может быть католик, мусульманин, протестант, православный, индуист, буддист, агностик или атеист – и все это при отсутствии доминирующей культуры, – тогда само понятие «быть французом» перестает означать что-либо определенное.

Автор доклада, опираясь на собственный опыт жизни во Франции и в странах Западной Европы, может засвидетельствовать, что данная трансформация вовсе не является абстрактной теорией. Она отчетливо проявляется в повседневной жизни,

⁷ „(...) il n'y a d'ailleurs pas une culture française, il y a une culture en France, elle est diverse, elle est multiple”. Yves Jégo «Emmanuel Macron et le reniement de la culture française» // Le Figaro. 07.02.2017. URL: <https://www.lefigaro.fr/vox/politique/2017/02/06/31001-20170206ARTFIG00209-emmanuel-macron-et-le-reniement-de-la-culture-francaise.php>; «Pour Emmanuel Macron, 'il n'y a pas une culture française'» // Valeurs actuelles. 06.02.2017. URL: <https://www.valeursactuelles.com/politique/pour-emmanuel-macron-il-ny-a-pas-une-culture-francaise>; Cédric Mathiot «Les mots de la campagne: Macron et l'offense à la 'culture française': l'argument qui fédère LR et le FN» // Libération. 14.03.2017. URL: https://www.liberation.fr/politiques/2017/03/14/macron-et-l-offense-a-la-culture-francaise-l-argument-qui-federe-lr-et-le-fn_1553907/.

⁸ „Qu'est-ce que la nouvelle France?” // Jean-Luc Mélenchon. Le blog. 30 mars 2026. URL: <https://melenchon.fr/2026/03/30/quest-ce-que-la-nouvelle-france/>.

⁹ „Qu'est-ce que la créolisation ?” // Jean-Luc Mélenchon. Entretien avec Pierre Joigneaux du site «L'Insoumission». URL : <https://melenchon.fr/2021/09/03/quest-ce-que-la-creolisation-entretien-avec-linsoumission/>.

в языке, системе образования, политической культуре, отношении к прошлому и понимании гражданской принадлежности. Франция когда-то была одной из великих исторических наций Европы. Сегодня ее уже с трудом можно назвать нацией.

Достаточно, впрочем, задать несколько вопросов, чтобы убедиться в справедливости сказанного: что сегодня, собственно, делает француза французом? Что именно должен защищать французский солдат? Во имя какого «мы» он должен выступать? Или, возможно, ему следует защищать такие концепции, как «конституционный патриотизм», столь дорогой Юргену Хабермасу (Jürgen Habermas)?

Нетрудно понять, что защищал бы российский солдат: государственный суверенитет, историческую память, связь между поколениями, славянскую русскую душу и право народа на самостоятельное существование. Нетрудно понять и то, что защищают иранский, турецкий или израильский солдаты. Пока еще можно понять и то, что защищал бы сербский солдат: свою землю, веру, народ, память о жертвах и славную историю сопротивления и борьбы, а также достоинство и право не быть униженным, не раствориться в чужом порядке и оставаться самим собой на своей земле. Но что сегодня защищал бы французский солдат – понять становится все труднее.

Разумеется, пример Франции в определенной степени является особым ввиду ее колониальной истории, а еще раньше – вследствие эпохи Просвещения и Французской революции, ставших важными этапами процессов индивидуализации. Несомненно, рассматриваемые процессы получили здесь значительно более глубокое развитие, чем в других странах Западной Европы. Однако сама идеологическая матрица является общей для всей западной цивилизации. В этом смысле Франция лишь демонстрирует будущее тех государств, которые принадлежат к тому же цивилизационному типу.

В завершение приведем еще одну цитату из программы французских левых во главе с Жан-Люком Меланшоном, которая демонстрирует полный философский и идеологический разрыв со всем тем, что исторически делало нации нациями (а семьи – семьями): «Каждое поколение – это новый народ»¹⁰.

В силу всего сказанного современное противостояние России и Запада не может и не должно рассматриваться исключительно как конфликт политических и экономических интересов. Помимо геополитического измерения, оно обладает ярко выраженным цивилизационным характером. Россия противостоит не Европе как таковой и не европейской культуре или европейской истории. Ее расхождение связано с позднелиберальной и постнациональной моделью, которая сегодня в значительной степени определяет идеологию Европейского союза и значительной части западных политических элит.

2. Естественные предпосылки со стороны России для цивилизационного разрыва

Было бы банальностью утверждать, что любая война представляет собой великую трагедию, и нынешний конфликт не является исключением. Еще более

трагично то, что он ведется между двумя братскими, славянскими и православными народами, не говоря уже в рамках данного доклада о вопросе их исторического единства, о котором писали и высшие должностные лица Российской Федерации¹¹. Однако, несмотря на огромные разрушения и многочисленные жертвы с обеих сторон, остается фактом, что война, навязанная России Западом, может стать – и, вероятно, уже становится – моментом отрезвления в отношениях между Россией и Западом, а также в целом в восприятии Запада с российской точки зрения. Если действительно назрела необходимость отказаться от доминирующей идеологической модели Запада, то сам факт военного противостояния с ним, безусловно, облегчает подобный цивилизационный разрыв (А). Более того, необходимость такого разрыва представляется еще более очевидной, если принять во внимание более глубокие причины той дистанции, которую Запад всегда сохранял по отношению к России (Б).

А. Современный контекст: специальная военная операция

Ответственность Запада за трагедию, разворачивающуюся сегодня, огромна и носит первичный характер. Нет необходимости подробно останавливаться в докладе на хорошо задокументированных фактах, которые российским читателям и академическому сообществу известны значительно лучше, чем автору этих строк. В самом кратком изложении их можно представить следующим образом:

- в 1990 г. Советскому Союзу было дано обещание, что НАТО не будет расширяться на восток;¹²
- это обещание было нарушено, и НАТО последовательно расширялось на восток вплоть до границ Российской Федерации с вступлением в Альянс прибалтийских республик в 2004 г.;
- Украина всегда занимала особое место в антироссийской стратегии Вашингтона, о чем открыто писал Збигнев Бжезинский (Zbigniew Brzezinski [4, p. 201]);
- на Мюнхенской конференции по безопасности в 2007 г. Президент Российской Федерации Владимир Путин выступил с жесткой критикой как идеи однополярного мира, так и расширения НАТО;
- ответ последовал уже в 2008 г. на саммите НАТО в Бухаресте, где в итоговой декларации было прямо заявлено, что «Украина и Грузия станут членами НАТО»;
- в 2014 г. на Украине произошла насильственная смена власти и начался вооруженный конфликт с населением восточных регионов страны;

Минские соглашения не были выполнены и, как впоследствии признали сами западные лидеры – бывший федеральный канцлер Германии Ангела Меркель (Angela Merkel) и бывший Президент Франции Франсуа Олланд (François Hollande), – служили исключительно средством выиграть время для укрепления украинской армии.

Из перечисленных обстоятельств можно сделать вывод, что Запад никогда не стремился к подлинному миру с Россией и никогда не был готов учитывать законные интересы безопасности Российской Федерации.

Одним из аргументов, который можно было услышать как от представителей западного академического сообщества, так и в западных средствах массовой

¹⁰ Clémence Guetté. Hadrien Clouet et Jean-Luc Mélenchon, L'Avenir en commun – édition 2025. Programme de la Nouvelle France. URL: <https://melenchon2027.fr/programme2025/livre/introduction/>.

¹¹ Vladimir Poutine. Sur l'unité historique des Russes et des Ukrainiens. URL: https://france.mid.ru/fr/presse/russes_ukrainiens/.

¹² См., среди прочего: [7].

информации, было утверждение о том, что Украина как суверенное государство вправе самостоятельно решать вопрос о вступлении, например, в Европейский союз или Организацию Североатлантического договора. С юридической точки зрения с этим утверждением можно согласиться (хотя подобная позиция, разумеется, не дает права сжигать заживо людей в Доме профсоюзов в Одессе или совершать какие-либо аналогичные действия).

Однако с точки зрения международных отношений, геополитики и логики обеспечения безопасности великих держав ситуация выглядит иначе. Украина обладала свободой выбора в той же степени, в какой Куба обладала правом в 1962 г. разместить на своей территории советские ракеты. Ни больше, ни меньше. Однако существовала великая держава – Соединенные Штаты Америки, – которая тогда сочла подобное развитие событий прямой угрозой своей безопасности и заявила о своих законных интересах в этой сфере.

Независимо, однако, от приведенных фактов складывается впечатление, что в отношениях между Западом и Россией существует нечто более глубокое, выходящее далеко за рамки чистой геополитики и представляющее собой своего рода историческую константу.

В. Глубинные причины, определяющие отношения между Западом и Россией

Сербский народ за последние тридцать пять лет хорошо узнал Запад. Сербь испытали на себе его лицемерие, ложь, избирательное применение международного права, поразительную легкость, с которой он прибегает к насилию, и полное отсутствие раскаяния, а точнее – неспособность к подлинному покаянию. Они также испытали на себе мастерство Запада в области политической инженерии и до сих пор остаются ее жертвами. Им хорошо известна и сила западной «мягкой силы», воздействие которой продолжает ощущать практически весь мир, нередко пребывая в убеждении, что западная общественная и цивилизационная модель является единственно возможной и даже желательной. Поэтому нет необходимости объяснять ни России, ни русским то, что сегодня происходит с ними. Сербия и сербы уже пережили подобный опыт.

Интересно, однако, отметить, что все это происходит именно потому, что Запад никогда не воспринимал русских (как, впрочем, и сербов) в качестве возможной части собственного цивилизационного сообщества. В этом отношении примечателен тот факт, что после падения коммунизма Российской Федерации никто (за исключением Сильвио Берлускони) никогда не предлагал стать членом Европейского союза, и подобная возможность никогда всерьез не рассматривалась. Возникает закономерный вопрос: почему? Причина, безусловно, не может объясняться исключительно географическими обстоятельствами.

Представляется, что фундаментальная причина заключается в том, что Россия, так же как и Сербия, никогда не была исключительно частью Запада, и сам Запад всегда это чувствовал. В этом смысле Николай Бердяев, возможно, сформулировал наиболее глубокую мысль, написав, что русский народ «вносит беспокойство в западные народы» [1, с. 5].

Причина подобной дистанции Запада по отношению к России – которая, в свою очередь, делает желательным и вполне естественным цивилизационный

разрыв России с Западом – заключается в различии культурно-исторических, а следовательно, цивилизационных моделей.

Разумеется, в рамках доклада невозможно систематически обосновать данное утверждение (да и сам автор не уверен, что обладает для этого достаточными знаниями), однако историю отношений между Западом и Россией трудно объяснить каким-либо иным образом.

Об этом свидетельствуют и слова Николая Данилевского, утверждавшего, что в глазах Запада «русский человек может претендовать на достоинство человека лишь тогда, когда утратит свою национальность» (любопытно, что в этом отношении существует еще одна параллель между русскими и сербами: Европа была бы готова принять сербов лишь тогда, когда они перестанут быть сербами – без Косова и Метохии, без кириллицы и с как можно меньшей ролью православия), Данилевский далее пишет, что «Европа видит в России нечто чуждое себе и не только чуждое, но и враждебное» [2, с. 60].

Иными словами, исторической константой является то обстоятельство, что Запад воспринимает Россию как нечто чужое, а зачастую и враждебное. Швейцарский исследователь Ги Меттан (Guy Mettan) в своих работах предложил заслуживающий внимания синтез западной русофобии. [9]

Почему это происходит – ответить непросто. Уже упоминалось различие цивилизационных моделей. Позволяя себе выйти за рамки академической дискуссии, теории международных отношений, социологии и международного права, можно вспомнить слова Ивана Ильина о том, что русская идея есть идея сердца, утверждающая, что главным в жизни является любовь [3, с. 118].

Насколько это соответствует действительности – пусть судят другие.

Однако, несомненно одно: современный Запад (а возможно, и Запад вообще) не знает никакой иной идеи, кроме идеи желудка – идеи материального благополучия, интереса и выгоды, по существу не предлагает никакой иной объединяющей идеи. Возможно, именно этот факт должен стать отправной точкой для дальнейших исследований природы отношений между Россией и Западом.

Из всего изложенного можно сделать вывод, что современная Россия получает историческую возможность укрепить собственную цивилизационную идентичность. С этой точки зрения ее дистанцирование от Запада может представлять собой не только геополитическую необходимость, но и цивилизационный шанс.

При этом речь не идет о культурной изоляции, интеллектуальном самоограничении или отказе от диалога с Европой. Речь идет о другом – о праве России сформировать собственную нормативную модель, в которой личность не отрывается от народа, свобода не уничтожает ответственность, право не разрушает традицию, а государство не отказывается от защиты своей исторической идентичности.

Таким образом, представляется, что нынешний кризис открывает перед Россией не только новые угрозы, но и новую возможность – возможность стать самостоятельным цивилизационным центром, предложить иную модель будущего и показать, что развитие возможно не только посредством отказа от традиции, но и через ее обновление.

Именно поэтому расхождение России с современным западным проектом может оказаться не только неизбежным, но и желательным – при условии, что оно приведет к формированию сильной, содержательной и привлекательной цивилизационной модели.

Разумеется, первым условием такого успеха остается достижение целей, поставленных в ходе военного конфликта. Запад, если вообще способен уважать кого-либо, уважает лишь тех, кто способен защищать себя. «Сармат», «Булава», «Циркон», «Орешник», «Кинжал»... остаются и всегда будут необходимы. Однако в данной борьбе их недостаточно, поскольку противостояние ведется прежде всего в культурной, идеологической и цивилизационной плоскости. Необходимо сформировать альтернативную идеологическую матрицу.

И наконец, подобный цивилизационный поворот имеет значение не только для России. Он важен и для других народов, которые не желают быть поглощенными постнациональной либеральной моделью.

Для исторического и великого народа, каким является сербский народ, равно как и для многих других народов, Россия может стать примером государства, способного защищать право на собственный путь. Ее успех способен расширить пространство политического и цивилизационного выбора для всех остальных.

Если России удастся сформулировать убедительный цивилизационный проект, основанный на суверенитете, традиции, семье, исторической памяти и коллективной идентичности, это станет важной опорой для всех тех, кто стремится сохранить собственную идентичность в условиях идеологической унификации мира.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Берђајев Н. Руска идеја. Београд: Бримо, 2001.
2. Данилевски Н., Русија и Европа. Београд: Досије, 2007.
3. Ильин И. Бела идеја. Београд: Логос, 2011.
4. Brzezinski Z. The Grand Chessboard. New York: Basic Books, 1997.
5. Jovanović M. L'UE et les Balkans occidentaux: entre mots et maux // Revue de l'Union européenne. 2024. № 677.
6. Jovanović M. Pojam „evropskih vrednosti”: između snažne proklamacije i suštinske neodređenosti” // Evropsko zakonodavstvo. 2021. № 76. Str. 22–29.
7. Liebich A. Les promesses faites à Gorbatchev: l'avenir des alliances au crépuscule de la guerre froide // Relations internationales. 2011/3. № 147. P. 85–96.
8. Mathieu B. Le droit contre la démocratie. Paris: LGDJ, 2017.
9. Mettan G. Russie–Occident, Une guerre de mille ans. Genève: Les Éditions des Syrtes, 2015.
10. Peyrfitte A. C'était de Gaulle. T. 1. Paris: Editions de Fallois / Fayard, 1994.
11. Scruton R. De l'urgence d'être conservateur, Paris: Les Éditions du Toucan, 20

Кара Юрий Иосифович,
депутат Верховного Совета Приднестровской
Молдавской Республики, председатель комитета
по вопросам региональной политики,
местному самоуправлению и ЖКХ Верховного
Совета Приднестровской Молдавской Республики

Народная дипломатия в условиях изоляции: как гуманитарные связи создают признание вопреки барьерам

АННОТАЦИЯ

В докладе рассматривается роль народной дипломатии как эффективного инструмента преодоления политической и экономической изоляции на примере Приднестровской Молдавской Республики. Автор выделяет три ключевых направления – школьную, спортивную и культурную дипломатию – и иллюстрирует их конкретными проектами, реализованными в городе Бендеры. Особое внимание уделяется цифровой дипломатии как новому формату взаимодействия в условиях блокировки официальных каналов. Делается вывод, что народная дипломатия не просто компенсирует отсутствие формального признания, а формирует международное признание «снизу» – через человеческие связи, общие ценности и совместную деятельность.

Ключевые слова: Приднестровье, изоляция, народная дипломатия, школьная дипломатия, спортивная дипломатия, культурная дипломатия, цифровая дипломатия, «мягкая сила», идентичность, гуманитарные связи

Добрый день, уважаемые участники форума!

Благодарю за возможность встречи на одной площадке с представителями ведущих дипломатических институтов и сообществ.

Я приднестровец, и для меня не только большая честь выступить на сегодняшнем форуме, но возможность донести наш опыт, наше знание и видение народной дипломатии, особенно в условиях нашей непризнанности мировым сообществом, опытом жизни всех 36 лет в условиях блокады и политической, и экономической, которая от года в год только усиливается. Для нас народная дипломатия – это наша ежедневная деятельность, наша жизнь, за которой – работа целой команды.

На протяжении 36 лет, в условиях системной политической изоляции, народная дипломатия в Приднестровье взяла на себя роль одного из каналов внешних связей, по сути, становясь основой для устойчивых связей с другими народами. Это общественные, гуманитарные инициативы – в сфере образования, спорта, культуры и туризма. Они не только сохраняют нашу идентичность, но и позволяют нам

участвовать в глобальных процессах, преодолевая барьеры формального признания. Эта дипломатия не ждет признания – она его создает.

В современных геополитических реалиях современный мир переживает этап глубокой трансформации. Он связан с переходом к многополярной системе международных отношений, когда попытки изоляции непризнанных субъектов усиливаются. На этом фоне возрастает значение негосударственных форм взаимодействия, прежде всего народной дипломатии, которая становится важным инструментом поддержания международного диалога. Это устойчивая система межгосударственных контактов, основанная на доверии, человеческих связях и совместной деятельности граждан, общественных организаций, школ, культурных институтов. Как один из инициаторов и реализаторов проектов в сфере народной дипломатии, я убежден: именно она позволяет вести диалог там, где официальные каналы закрыты.

Сегодня современные рейтинги позволяют количественно оценить влияние стран через народную дипломатию.

Как пример – по данным индекса Brand Finance (Global Soft Power Index):

- США – 1-е место (лидер по культурному и информационному влиянию);
- Великобритания – стабильно входит в топ-3;
- Китай – быстрый рост за счет инвестиций в культуру и образование;
- Россия – позиции варьируются (примерно 15–20-е место в последние годы).

При этом:

- более 6 млн студентов ежегодно участвуют в международной академической мобильности;
- культурные индустрии формируют до 3–4% мирового ВВП;
- более 70% международных контактов сегодня происходит через цифровые платформы.

Это показывает, что влияние всё больше смещается из государственной в общественную сферу.

Всё это и определяет мое желание сегодня сделать акцент на трех ключевых формах народной дипломатии: школьной, спортивной и культурной – как на самых эффективных инструментах построения межнационального доверия. Поделиться лучшими практиками и наработками в этой сфере, которые реализуются в Приднестровье, в городе Бендеры, и за пределами республики, на международном уровне.

Первое – это школьная дипломатия.

Думаю, многие со мной согласятся, если я скажу, что школьная дипломатия – это формирование поколения будущего. Именно она создает пространство для прямого общения молодежи разных стран. Через обмены, совместные онлайн-проекты, олимпиады и фестивали дети учатся понимать друг друга – не через политические трактовки, а через личный опыт.

В Приднестровье, в городе Бендеры, мы создали школьные клубы дипломатии, где ученики осваивают навыки переговоров и публичных выступлений, анализа международных отношений и разрешения конфликтов. Пробуем онлайн-участие в

наших клубах школьников из других стран, в частности из Германии, Пакистана. Мы подписали соглашения о сотрудничестве между школами Приднестровья и школами России, Южной Осетии, Абхазии. Благодаря реализации этих проектов обновлено компьютерное оборудование в ряде городских школ и модернизирована техническая база Бендерского телевидения. Параллельно реализуется проект «Школьная журналистика»: дети сами создают контент о нашей истории и ее сохранении, развитии и продвижении традиционных ценностей и делятся им.

Особое значение уделяется развитию международного сотрудничества и сохранению исторической памяти.

Так, успешно реализованы проекты, сочетающие сохранение традиционных ценностей с современным образованием. Среди ключевых мероприятий – международные конкурсы для молодежи («Ученые-земляки», «Август 1944 года: взгляд из будущего», «Песни Великой Отечественной войны» под патронатом Фонда «Русский мир», объединившие участников из разных стран). Есть и другие наработки.

Такой системный подход позволяет городу, несмотря на внешние вызовы, сохранять традиционные ценности, развивать международные связи и воспитывать молодежь в духе патриотизма на основе исторического наследия.

Это не пропаганда – это диалог.

Следующее направление – спортивная дипломатия.

Безусловно, международные соревнования, турниры и совместные спортивные мероприятия – это эффективные площадки для налаживания контактов между гражданами разных стран.

Учитывая непризнанность Приднестровья как государства, приднестровские спортсмены выступают под флагами России, Молдовы и других стран. Да, без флага и гимна Приднестровской Молдавской Республики, но тем не менее сообщество узнает и понимает, откуда спортсмен. Знаете, что происходит на стадионах, беговых дорожках, кортах и татами? Когда наш бегун финиширует, зрители поднимают плакаты: «Приднестровье – мы с тобой». Когда наш борец побеждает в чемпионате Европы и мира, в соцсетях пишут: «Откуда этот парень? Он – из приднестровского города Бендеры». Когда наш шахматист выигрывает чемпионат, в комментариях отмечают: «Я слышал про Приднестровье. Теперь я знаю – это не территория. Это люди».

Спорт объединяет людей, независимо от политических взглядов, и формирует позитивный имидж государства на мировой арене. Это одна из причин, которая усиливает работу по проведению международных игр внутри республики. Чтобы зарубежные спортсмены не просто участвовали в спортивных соревнованиях, но и могли воочию, сами увидеть Приднестровье и познакомиться с историей и культурой многонационального приднестровского народа.

Мы активно развиваем собственные международные спортивные мероприятия. От турниров по шахматам и шашкам до массовых соревнований по легкой атлетике, борьбе и волейболу. Наши турниры собирают участников из России, Украины, Молдовы и других государств – еще и потому, что спортсмены устали от политизации спорта. К примеру, недавний международный шашечный онлайн-

турнир, посвященный 80-летию Ясско-Кишиневской операции, объединил 205 спортсменов из России, Белоруссии, Грузии, Замбии, Израиля и других стран, включая шесть спортсменов из Украины. По уровню – в турнире принимало участие 10 международных гроссмейстеров из Европы, Азии, Африки, Южной Америки, первое место занял нынешний чемпион мира по шашкам, гроссмейстер из Белоруссии – Тихонов Артем, второе и третье место взяли спортсмены из России и Бразилии соответственно.

Всё это доказывает, что люди стремятся к развитию межкультурного диалога.

Учитывая наш опыт, а также порочную дискриминационную политику ряда международных сообществ, которые из спорта делают не посла мира, а арену для дискриминации спортсменов по их гражданству, вводят запреты на использование государственных символов, мы предлагаем новые форматы международных игр, для чего можно использовать базис городов-побратимов. Это даст возможность проводить как профессиональные, так и любительские соревнования, любых возрастных групп, по любым видам спортивных дисциплин.

Это не политика. Это человеческий контакт.

Следующее направление – культурная дипломатия.

Культура – это то, что нельзя отменить, даже если не признают государство. Концерты, выставки, театральные гастроли, фестивали фольклора, – всё это становится мостом к пониманию. Мы регулярно проводим фестивали народного творчества, приглашаем артистов из России, Беларуси, Молдовы. Наша цель – не прославить себя, а показать: мы живем, мы помним, мы творим. Мы делимся душой. Когда зритель слышит приднестровскую песню, видит нашу живопись или читает стихи местных авторов, он перестает воспринимать нас как «территорию», а начинает видеть людей.

По отзывам наших гостей из ближнего и дальнего зарубежья, когда они приходят на наш фестиваль, они видят не «непризнанную республику». Они видят каждого человека. Человека, который помнит, как его дед, пройдя дорогами Великой Отечественной войны, построил дом в 1945 г. и восстанавливал Бендеры из руин. Человека, который поет песню, которую пел его отец. Человека, который верит, что культура – это о том, кто мы есть.

Народная дипломатия – это про всех нас.

Сегодня мир пытается изолировать нас. Где-то запрещают символику, песни на родном языке, запрещают правдивые рассказы о своей истории. Но вы знаете, что самое хрупкое в изоляции? Не политика и не санкции, а историческая и культурная амнезия. Мы не позволим, чтобы наши дети не знали, кто они. Мы не позволим, чтобы история, спорт, культура, образование превратились в оружие против нас. Поэтому мы будем продолжать инициировать и реализовывать объединяющие проекты – в школах, на стадионах, в концертных залах, домах культуры и в Интернете, на всевозможных форумах и площадках. Народная дипломатия – это не инструмент. Это наша жизнь.

Сегодня, учитывая возрастающую роль народной дипломатии как «мягкой силы», усиливается конкуренция за «мягкую силу» между странами, в результате чего народная дипломатия сталкивается с рядом проблем, в первую очередь это:

- политизация международных контактов;
- сокращение программ обмена;
- визовые ограничения;
- снижение доверия между обществами.

Учитывая развитие цифровых технологий, мы получаем новые, современные формы взаимодействия.

- Инструментарий:
- социальные сети;
- онлайн-форумы;
- образовательные платформы;
- медиапроекты.
- Новый вид дипломатии – цифровая дипломатия, которая:
- ускоряет коммуникацию;
- расширяет аудиторию;
- снижает барьеры участия.

Учитывая опыт, новые тенденции, риски, а также сопутствующие пути к многополярности – геополитические процессы, хочу сказать, что в условиях, когда коллективный Запад фактически превращает гуманитарную сферу в инструмент дискриминации, народная дипломатия становится нашей главной защитой.

Мы видим, как за барьерами формальной изоляции скрываются попытки стереть приднестровскую идентичность: через запреты русского языка, переписывание истории в угоду пособникам нацизма и попыткам разрушения нашей экономики и демонтажа нашей государственности.

В этих реалиях наши культурные и спортивные связи – это не просто «мягкая сила», а живое доказательство того, что приднестровский народ – это не искусственный проект, а историческая общность, выбравшая мир, многонациональное согласие и верность правде о Советском солдате-освободителе.

Цифровые платформы сегодня позволяют нам прорвать эту блокаду и напрямую заявить международному сообществу: пока политики в Молдове стопорят переговоры и нагнетают политические и экономические угрозы, мы остаемся открытыми для мира. Наша задача – использовать каждый медиапроект и каждую онлайн-площадку, чтобы показать: народная дипломатия сильнее вируса нацизма и любых политических санкций, потому что она опирается на естественное право людей сохранять свою историю, культуру и идентичность.

В завершение хочу отметить, что народная дипломатия – это не альтернатива, а необходимость. Уверен, что именно народная дипломатия позволит нашим обществам сохранять участие в глобальном диалоге, противостоять информационным барьерам, продвигать свои ценности и – самое главное – приумножать историю, культуру и традиции своих народов, не дожидаясь признания, а создавая его каждый день через искренний обмен, творчество и сотрудничество.

Благодарю за внимание.

Котов Александр Владимирович,
ведущий научный сотрудник
Центра германских исследований
Отдела страновых исследований
Института Европы РАН,
кандидат экономических наук

Экономические отношения России и Европейского союза на современном этапе

АННОТАЦИЯ

Анализируется трансформация торгово-экономических отношений между Россией и ЕС в 2020–2025 гг. На основе характеристик снижающегося товарооборота автор констатирует утрату Брюсселем статуса ключевого торгового партнера РФ. Региональная специфика сокращения торгово-экономического взаимодействия демонстрирует дифференциацию: снижение объемов закупок крупнейшими европейскими экономиками (Германией, Нидерландами, Италией), так и случаи незначительного роста экспорта со стороны отдельных стран (Словении, Хорватии, Ирландии, Швеции). Особое внимание уделяется анализу трансформации зависимости ЕС от поставок металлов и сырья, сопровождающейся стабилизацией импорта по отдельным стратегическим продуктовым позициям. Отмечается укрепление позиций США в качестве доминирующего поставщика СПГ и в образовании новой зависимости экономики ЕС. Особое внимание уделено инфраструктурным исключениям, предоставленным Словакии и Венгрии, а также продолжающейся хозяйственной кооперации в атомном гражданском энергокомплексе данных стран. В заключении обсуждаются долгосрочные перспективы санкционной политики ЕС в отношении России по состоянию на середину 2026 г. Автор приходит к выводу, что издержки от разрыва связей перекладываются на конечных европейских потребителей, а созданная Брюсселем система ограничительных мер создает условия для форсированной товарно-рыночной интеграции РФ на азиатские рынки. Рассмотрены риски симметричного изъятия европейских активов в ответ на блокировку российских суверенных средств и вынужденный переход оставшегося бизнеса ЕС к модели вынужденного прагматизма через каналы непрямого посредничества.

Ключевые слова: Россия, Европейский союз, экономическое пространство, товарооборот, структурная динамика, санкции, скрытый прагматизм, экономический разрыв

За 2022–2025 гг. произошел радикальный пересмотр модели экономического взаимодействия между Российской Федерацией и Европейским союзом [4]. В режиме экономической расстыковки они перешли от глубокой товарно-рыночной интеграции к почти полному демонтажу двусторонних экономических связей [2]. Официальный Брюссель, используя односторонние ограничительные меры, способствовал сжатию товарных и инвестиционных потоков и деградации форматов предпринимательских связей [3]. При этом сохраняются каналы параллельного импорта. [5]

В 2025 г. Россия стала 19-й страной для ЕС по объему торговых операций. Это составляло 1,1% от общей торговли товарами ЕС с миром. Если в 2020 г. ЕС был крупнейшим торговым партнером России, то в прошлом году стал третьим по величине, обеспечивая 10,2% от общего товарного обмена страны с миром – 15,2% импорта России и 7,6% экспорта связано с экономикой ЕС. В 2020 г. соответствующие показатели достигали 36,5% и 37,9% соответственно.

Данная работа фокусируется на количественном и качественном анализе итогов данного разрыва с кардинальным изменением удельного веса сторон в структуре внешней торговли друг друга. Для этого последовательно изучаются макроэкономические индикаторы, детализируется региональная и отраслевая структура оставшегося экономического сотрудничества.

Тенденции товарооборота

Общий объем торговли товарами между ЕС и Россией в 2025 г. составил 58,1 млрд евро по сравнению с €257,5 млрд в 2021 г. Импорт из ЕС в прошлом году – 27,9 млрд евро. Главными его статьями были минеральное топливо (20 млрд евро, 71,8%). Из промышленной продукции следует выделить химикаты (€3,1 млрд евро, 11%), а также продукты питания (1,1 млрд евро, 4%). Экспорт ЕС в Россию в прошлом году оценивался в 30,2 млрд евро по сравнению с €99 млрд в 2021 г. Лидирующие товарные группы возглавляли химикаты (14,5 млрд евро), продукты питания (5,7 млрд евро), а также машины и транспортное оборудование (3,1 млрд евро). Двусторонняя торговля услугами между ЕС и Россией в 2025 г. составила 9,6 млрд евро. При этом импорт услуг из ЕС из России составил 4 млрд евро, а экспорт услуг в Россию 5,6 млрд евро. Эти показатели составили соответственно €10,7 млрд и €24,8 млрд в 2021 году. Объем прямых иностранных инвестиций (ПИИ) ЕС в России составил 159,7 млрд евро в 2024 г., тогда как накопленные запасы ПИИ России в ЕС оценивались в 133,7 млрд евро по сравнению с 273,2 млрд евро и 160,4 млрд евро в 2021 г. соответственно. Отметим, что экономическая политика ЕС заключалась не в повышении импортных тарифов ЕС, а действиях через ограничительные меры, включая санкции как на импорт, так и на экспорт определенных товаров [6].

Регионально-отраслевая специфика

В 2022–2025 гг. все государства-члены сократили импорт из России. Однако масштаб и скорость значительно варьировались. В абсолютном выражении наибольший объем сокращения пришелся на крупнейшие экономики: Германию, Нидерланды, Италию, Польшу и Францию. Люксембург полностью отказался от импорта, Кипр снизил на 98%, а Румыния – на 96%. Мальта, Словакия и Венгрия зафиксировали наименьшие сокращения – соответственно 26, 55, 57%.

Экспортная картина выглядит сложнее. Хотя большинство стран-членов сократили поставки в Россию за аналогичный период, несколько стран – Словения, Хорватия, Ирландия и Швеция – зафиксировали небольшой рост. Экспорт из Германии сократился на 6,2 млрд евро – более чем в три раза больше, чем в Польше (2,1 млрд евро), что является вторым по величине показателем. С учетом существовавшей тесноты экономических связей Финляндии и Литвы с Россией, их относительные показатели сокращения особенно велики (по 85%). ЕС практически прекратил импорт текстиля, пластика и древесины из России (-99% в 2022–2025 гг.).

В определенных категориях товаров ЕС в предыдущие годы сильно зависел от российского импорта. В 2022–2025 гг. стоимостной импорт полуфабрикатов из железа снизился с 2,2 млрд до 1,3 млрд, никелевых изделий – с 1,7 млрд до 518 млн евро, оксида ванадия – с 115 до 62 млн евро. При этом объем импорта фосфата кальция вырос с 65 млн евро до 108 млн евро. Доля России в импорте удобрений в ЕС снизилась с 28% в первом квартале 2021 г. до 13% в третьем квартале 2025 г. Доля ЕС в импорте никеля из России резко снизилась в первом квартале 2023 г., продолжила постепенное снижение и стабилизировалась чуть ниже 20% с первого квартала 2024 г. В целом это на 21% меньше по сравнению с первым кварталом 2021 г., когда доля составляла 41%. США с долей 26% в третьем квартале 2025 г. стали основным партнером (рост +13%)¹.

ЕС продолжал экспортировать широкий ассортимент продукции в Россию. Между третьим и третьим кварталами 2025 г. экспорт 4 ведущих позиций (машины, автомобили, электротехника и пластики) снизился, фармацевтики – возрос. Объем экспорта фармацевтической продукции составил 2,5 млрд евро в третьем квартале 2025 г., что значительно выше аналогичных показателей в 2021–2023 гг. (от 1,9 до 2,5 млрд евро). По данным Евростата, в 2025 г. поставки европейских товаров в РФ составили \$34 млрд, что ниже на 2% по сравнению с показателем 2024 г. При этом рост отмечен по фармацевтической продукции – до \$11 млрд (+19%). Рост также зафиксирован по поставкам оптических и медицинских приборов (\$2,6 млрд, +12%), органической химии (\$1,6 млрд, +12%), а также какао и продуктов его переработки (\$1,1 млрд, +31%). Поставки парфюмерно-косметической продукции остались близкими к уровню предыдущего года (\$2,1 млрд, +1%)². Рост фармацевтического импорта говорит о том, что в одной из самых чувствительных с точки зрения импортозамещения отраслей Россия по-прежнему связана с европейскими поставщиками в этой сфере.

Роль энергетики

Общий торговый баланс ЕС с Россией тесно связан с энергетическими продуктами. В 2021 и 2022 г. высокие цены на энергоносители довели дефицит энергетической торговли до пика в 42,8 млрд евро во втором квартале 2022 г. Однако ко второму кварталу 2025 г. ограничения на импорт и снижение цен на энергию снизили этот дефицит до 4,2 млрд евро³.

В мае 2025 г. ЕС представил обновленную дорожную карту, чтобы обеспечить полный отказ от российских энергетических продуктов. План был направлен на прекращение всех импортов российского природного газа, как сжиженного (СПГ), так и природного, к концу 2027 г. Доля России в импорте СПГ в ЕС снизилась с 21% в 2021 г. до 16% в 2025 г. Несмотря на это снижение, Россия оставалась вторым по величине поставщиком ЕС, хотя разрыв с основным партнером значительно увеличился. США, которые в 2021 г. обеспечивали 29% импорта СПГ из ЕС, увеличили свою долю до 53% к 2025 г., укрепив доминирующие позиции. Доля России в импорте природного газа

в газообразном состоянии в ЕС снизилась с 45% в 2021 г. до 16% в 2025 г. Словакия и Венгрия получили временные исключения, поскольку их инфраструктура не позволяет быстро переключиться на альтернативных поставщиков.

Запрет ЕС на морской импорт российской нефти вместе с последующим эмбарго на нефтепродукты способствовали значительному снижению импорта этих товаров из России [1]. В результате доля импорта нефти из России снизилась с 29% в первом квартале 2021 г. до всего 1% в четвертом квартале 2025 г. В 2021 г. Россия была крупнейшим поставщиком нефтяных масел для ЕС. К 2025 г. США и Норвегия стали основными партнерами, их доли выросли соответственно на 6% и 4%⁴.

Санкционная политика

По оценкам спецпосланника ЕС по санкциям Д.О.Салливана, несмотря на усилия по пресечению реэкспорта компонентов двойного назначения через третьи страны, такие как Турция, ОАЭ и государства Центральной Азии, экспортеры из ЕС продолжают находить возможности для обхода ограничений. Часть замещающих поставок идет через Китай, также связывая российское и европейское хозяйственное пространства. В части морских перевозок сохраняются поставки российского СПГ в порты Франции, Бельгии, Испании. Параллельно ЕС предпринимает меры по противодействию торговому флоту, перевозящему российскую нефть на экспортные рынки в Китае и Индии. По состоянию на декабрь почти 600 судов находились под санкциями ЕС⁵.

Хотя Брюссель практически отказался от российских нефти и газа, остаются взаимосвязи по поставкам из России ядерного топлива, включая услуги по всему топливному циклу. Объем незначителен сравнению с импортом ископаемого топлива (1 млрд евро против 23 млрд евро в 2024 г.), но критически значим для европейской энергетической инфраструктуры. Россия продолжает оставаться основным поставщиком типов реакторов класса VVER в Центральной и Восточной Европе (Словакия, Венгрия и Чехия).

Европейский союз стремится усилить удар по экономике, расширяя сеть санкционных ограничений. В конце весны 2026 г. блок начал рассматривать новые ограничения еще для 80 организаций и лиц⁶. Европейская комиссия создает правовую базу для полного разрыва экономических связей с Россией, предпосылок для интенсификации сотрудничества не просматривается⁷.

Еврокомиссия продолжает принимать меры для прекращения оставшихся импортных зависимостей ЕС от России путем введения секторальных запретов.

1 Sharma O.G.V. EU-Russia Trade Since the Start of the War. // Ecipe.org. February 2026. URL: <https://ecipe.org/insights/eu-russia-trade-since-the-start-of-the-war/>.

2 Институт Гайдара: доля ЕС в российском экспорте снизилась до 7,4% в 2025 году // ТАСС. 06.03. <https://tass.ru/ekonomika/26671715>.

3 What is the current state of EU-Russia trade? Main export and import flows in 2025 // Euronews. 30.08.2025. URL: <https://www.euronews.com/business/2025/08/30/what-is-the-current-state-of-eurussia-trade-main-export-and-import-flows-in-2025>.

4 Eurostat: 90% drop in EU imports from Russia between Q1 2022 and Q4 2025 // Sofiaglobe. 24.02.2026. URL: <https://sofiaglobe.com/2026/02/24/eurostat-90-drop-in-eu-imports-from-russia-between-q1-2022-and-q4-2025/>.

5 Sanctions having 'significant impact' on Russian economy, says EU special envoy // Guardian. 05.02. 2026. URL: <https://www.theguardian.com/world/2026/feb/05/sanctions-significant-impact-russian-economy-interview-eu-special-envoy-david-osullivan>.

6 ЕС планирует увеличить санкции против России на сумму 1,5 триллиона долларов // Aljazeera. 08.06.2026. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2026/6/8/eu-planning-to-add-to-1-5-trillion-sanctions-hit-on-russia>.

7 Торговый яд: ЕС стремится к полному разрыву экономических связей с РФ // Известия. 06.03.2026. URL: <https://iz.ru/2054021/daniil-sechkin/torgovyi-iad-es-stremitsia-k-polnomu-razryvu-ekonomicheskikh-svyezai-s-rf>.

Эти действия направлены на немногие каналы хозяйственных взаимодействий по таким товарным группам как железо и сталь, неорганические химикаты и калийные удобрения.

Перекладывание издержек от разрыва связей в ЕС скорее всего произойдет на конечных потребителей через механизмы удорожания продукции, демонстрируя ограниченную эффективность жестких ограничений. Односторонний разрыв торгово-экономических связей со стороны ЕС не только наносит прямой финансовый ущерб внутри объединения, но и ускоряет интеграцию российской экономики в азиатские рынки,

С высокой вероятностью ЕС в текущем году будет нарастать давление Брюсселя на третьи страны с целью ввода жестких механизмов контроля за соблюдением санкций. Под удар могут попасть компании-посредники. Это способно привести к удорожанию параллельного импорта из-за усложнения необходимости перестройки цепочек платежей. В случае юридического изъятия своих замороженных активов из депозитария Euroclear, Россия может применить симметричные шаги в отношении остающейся иностранной собственности европейских компаний. Тем не менее, европейский бизнес и отдельные страны демонстрируют вынужденный прагматизм. Хозяйственное взаимодействие сместилось почти исключительно в плоскость сложного непрямого посредничества

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Балахонова С.И., Князькина Е.С., Арапова Е.Я. Влияние антироссийских санкций ЕС на торговлю энергоносителями между Россией и ее ключевыми партнерами // Сравнительная политика. 2024. Т. 15. № 4. С. 188–206. <https://www.doi.org/10.46272/2221-3279-2024-4-15-11>.
2. Беликова М.П. Взаимная торговля России и ЕС в 2022–2023 гг.: возможности восстановления // Международная торговля и торговая политика. 2023. Т. 9. № 4(36). С. 96–108. <https://www.doi.org/10.21686/2410-7395-2023-3-96-108>.
3. Белов В.Б. Роль и место Германии в антироссийской санкционной политике ЕС: эволюция, последствия и сценарии // Современная Европа. 2025. № 6. С. 112–127. <https://www.doi.org/10.7868/S3034599525060099>.
4. Белов В.Б., Котов А.В. Экономические связи ЕС и России в условиях ограничительных мер // Общественные науки и современность. 2023. № 2. С. 72–89. <https://www.doi.org/10.31857/S0869049923020053>.
5. Котов А.В., Анисеев С.А. Особенности и вызовы параллельного импорта в Россию через Турцию // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2025. № 2(44). С. 40–51. <https://www.doi.org/10.15211/vestnikieran20254051>.
6. Щека А.А. Факторы взаимной торговли России и ЕС в 2021–2022 гг. // Наука Красноярья. 2022. Т. 11. № 1–2. С. 171–175.

Лазоркина Ольга Игоревна,
аналитик Белорусского института
стратегических исследований,
кандидат исторических наук

Беларусь на перекрестке геополитики

АННОТАЦИЯ

В выступлении анализируется положение Беларуси в условиях системного кризиса международных отношений и переформатирования мирового порядка. Автор подчеркивает, что Беларусь, в отличие от многих других стран, не может позволить себе жить в режиме тактических решений и вынуждена формировать долгосрочный стратегический задел. Рассматривается трансформация Беларуси от статуса «моста» между Западом и Востоком к полноценной интеграции в восточный вектор, подкреплённой союзничеством с Россией и стратегическим партнёрством с Китаем. Отмечаются практические достижения в сферах промышленной кооперации, импортозамещения, финансовой независимости и оборонного сотрудничества. Особое внимание уделяется западному направлению: несмотря на сложную ситуацию на границах и нарастание вызовов, Беларусь сохраняет контроль над ситуацией и не отказывается от региональной логистической инфраструктуры. В заключение делается вывод о необходимости выхода за рамки традиционной геополитической логики и формирования культуры взаимодействия и пространства доверия, чему способствует сам факт существования Союзного государства.

Ключевые слова: Беларусь, Россия, Китай, Союзное государство, системный кризис международных отношений, геополитика, западное направление, восточный вектор, импортозамещение, промышленная кооперация, оборонное сотрудничество, культура интеграции, стратегическое партнерство, региональная безопасность

Сегодня мы видим системный кризис международных отношений. Это жесткая реальность, в которой приходится жить буквально ежедневно. И мы прекрасно понимаем, что это будет продолжительный период. Кризис, к сожалению, выводит в приоритет тактические решения. Это своего рода реакция на события. Та нервность и хаотичность в действиях наших оппонентов как раз и является следствием этих процессов.

В текущих условиях каждая страна формирует для себя блок вопросов, которые отражают кратко- и долгосрочные тенденции. И в этой связи первый вопрос: все ли страны могут позволить себе принимать только тактические решения и жить в режиме рефлексии? У Беларуси такой возможности точно нет. Две войны с лихвой отучили нас от тактики. Мы вынуждены думать на несколько шагов вперед для того, чтобы выжить и развиваться. Иного пути у нас нет. Мы должны постоянно, каждый день формировать задел на будущее.

Ситуация, которая сегодня складывается в регионе не является для нас новинкой. Мы уже неоднократно это видели. Кнут геополитики рассекает воздух буквально по всем направлениям.

В оценке событий, происходящих в регионе логичен вопрос о том, был ли глобальный запрос на изменение международной системы? Следующий вопрос,

который является продолжением этой линии: был ли февраль 2022 г. – начало СВО – неизбежен? И третий вопрос: предпринимались ли Россией дипломатические усилия для урегулирования ситуации в нашем регионе и на глобальном уровне?

Практически на все эти вопросы мы отвечаем положительно. Мы четко видим, что прежний международный порядок разрушен, многие происходящие события были предрасположены, в том числе в 40-е годы прошлого столетия.

В Беларуси мы понимаем, что мир пришел к тупику, а значит, наше видение и подходы должны отвечать запросам времени.

На международной арене Беларусь позиционировала себя как «мост» между Западом и Востоком и сделала многое для того, чтобы этот статус был подкреплён конкретными делами. Сегодня Восток для Беларуси – ключевое направление и страна к этому готова. Мы задаем себе вопрос: есть ли нам что предложить нашим партнерам? В активе Беларуси высшие форматы интеграции: союзничество с Российской Федерацией и стратегическое партнерство с Китайской Народной Республикой. За короткие пять лет сложились принципы взаимодействия: последовательность, предсказуемость и прозрачность.

С практической точки зрения – промышленность, научно-технологический потенциал и подготовка кадров позволяют реализовывать проекты импортозамещения, создавать независимые финансовые инструменты (карта «Мир»), углублять промышленную кооперацию, запускать новые форматы по линии регионов Беларуси и России.

Готовность к координации в сфере внешней политики ключевыми союзниками Беларуси создает своего рода подушку безопасности на международных площадках. И, конечно, беспрецедентное оборонное сотрудничество с Россией, которое последовательно реализовывалось все эти годы и сегодня трансформировалось в функцию сдерживания эскалации в регионе.

При этом стратегия требует понимания также запросов: что сегодня нужно России и Китаю от Беларуси и от других своих партнеров? Китаю и России важна социально-экономическая устойчивость в дружественных странах, прежде всего. Она обеспечивается национальными инструментами, которые позволяют максимально задействовать возможности и адаптировать их к современным реалиям. Москве и Пекину важны самодостаточные единицы, которые умеют держаться на плаву и с умом распределять предоставленные ресурсы. В этой связи самостоятельный поиск инструментов новой эффективности в экономике, политике, культурно-гуманитарной сфере – это и есть опоры системы партнерств в новых условиях.

Географическое положение Беларуси требует внимания к западному направлению. Ситуация на границах сложная, количество вызовов и угроз увеличилось многократно за короткий с исторической точки зрения период. Но можем ли мы оставить это направление «без присмотра»? На границе Беларуси выстроены заграждения, оснащенные современной техническими средствами. Но означает ли это, что они хотят разорвать с нами отношения и оставить нас в покое? Весь исторический опыт Беларуси это показывает, что как раз наоборот. Поэтому наша главная задача на западном направлении – сохранить контроль над ситуацией, используя все имеющиеся в распоряжении механизмы.

Кроме безопасности, нельзя забывать о том, что Беларусь вложилась в региональную систему логистики, в том числе в советский период. Тогда это был общий вклад. Должны ли мы от нее отказываться? Она нам экономически выгодна, как и сохранение международных прав на доступ к морю. Поэтому мы продолжим, последовательно, дипломатическими шагами решать этот вопрос.

В целом, система международного права также формировалась с активным участием Белорусской Советской Социалистической Республики в составе СССР, что автоматически исключает ее понимание как продукта западной мысли и подходов.

Сегодня США в лице президента Д.Трампа выстраивают новую конфигурацию западного блока. Крайне важно понимать в каком направлении это происходит, что будет главным – эскалация или развитие. Мы видим все больше здоровых сил в Европе, которые стремятся поддерживать контакты с Беларусью и Россией, понимать ситуацию в регионе через призму необходимости выработки форматов мирного сосуществования.

Подводя итог, необходимо отметить, что пять лет назад было сделано многое для того, чтобы Беларусь выживала. Сегодня мы живем и во многом самодостаточны. Сегодня для нас важно выйти за рамки геополитической логики. Сам факт существования Союзного государства показывает возможность преодоления традиционной геополитической схемы, в которой главным остается контроль над территориями и сферами влияния. На смену геополитике приходит культура интеграции. На протяжении многих десятилетий нас приучали изучать культуру эскалации. Сегодня у нас есть все возможности для формирования культуры взаимодействия, пространства доверия и поиска точек роста.

Рубцов Юрий Викторович,
ведущий научный сотрудник
научно-исследовательского
центра фундаментальных военно-исторических
проблем Военного университета
имени князя Александра Невского Министерства
обороны Российской Федерации,
доктор исторических наук

Геноцид народов – общая родовая черта нацистского режима гитлеровской Германии и неонацистского режима Украины

АННОТАЦИЯ

Кратко анализируются политика и практика геноцида, к которому массово прибегала нацистская Германия на временно оккупированных в годы Великой Отечественной войны территориях СССР. Показаны меры советских и современных российских правоохранительных органов – как непосредственно в годы войны, так и в настоящее время – по выявлению и документированию многочисленных фактов геноцида по отношению к мирному советскому населению и военнопленным. Освещается также практика расследования и уголовного преследования представителей политического и военного руководства неонацистского режима Украины, уличенных в геноциде в отношении мирного населения новых регионов России.

Ключевые слова: геноцид, нацистский режим, неонацизм, истребление мирного населения, уголовные преступления, закон, новые регионы России

В годы Великой Отечественной войны Германией и ее союзниками на временно оккупированной территории СССР были уничтожены миллионы людей. Эти потери несоизмеримы с людскими утратами, которые в течение Второй мировой войны понесли другие страны как из числа союзников СССР, так и его противников. При этом более половины погибших составили мирные жители, ставшие жертвами нацистского геноцида. Расследование массовых злодеяний гитлеровского оккупационного режима продолжается до сих пор.

У германских нацистов оказались и прямые наследники в лице неонацистов Украины. Ими, как установлено российскими судами, совершены многочисленные преступления геноцидального характера против граждан России на ее новых территориях. Эти преступления совершены при одобрении и прямой поддержке т.н. коллективного Запада, развязавшего гибридную войну против России и использующего киевский неонацистский режим в качестве своего основного орудия.

И коль скоро наша конференция призвана отразить новую реальность в современном мире, приходится констатировать, что поддержка западными странами киевского режима и есть одна из важнейших характеристик новой мировой реальности.

Целью доклада является идентификация – как родственных – нацистского режима в Третьем рейхе и неонацистского режима на Украине, краткое освещение их преступлений, квалифицируемых юристами как геноцид.

Цель обуславливает исследовательские задачи:

- показать, что физическое истребление миллионов советских людей было не ситуативным, а велось германскими нацистами строго по заранее разработанным программам (Генеральный план «Ост» и др.);
- осветить меры советских и современных российских следственно-судебных органов по установлению и утверждению в юридическом порядке фактов геноцида на временно оккупированной территории СССР;
- дать представление о масштабе злодеяний украинского неонацистского режима на территории Донбасса и мерах наказания украинских военных преступников.

Источниками исследования стали нормативно-правовые акты Советского Союза и Российской Федерации, касающиеся квалификации преступлений геноцидального характера, а также относящиеся к сфере увековечения памяти о советских людях – жертвах нацистского геноцида. Также исследование опирается на статистические сведения, информацию о работе судебно-следственного аппарата Российской Федерации. Методологически анализ базируется на методах ретроспективного исторического анализа и инструментарии аксиологии внешней и внутренней политики государства.

Геноцид в Уголовном кодексе Российской Федерации отнесен к группе преступлений против мира и безопасности человечества. Статья 357 квалифицирует его как «действия, направленные на полное или частичное уничтожение национальной, этнической, расовой или религиозной группы как таковой путем убийства членов этой группы, причинения тяжкого вреда их здоровью, насильственного воспрепятствования деторождению, принудительной передачи детей, насильственного переселения либо иного создания жизненных условий, рассчитанных на физическое уничтожение членов этой группы»¹.

Советское уголовное законодательство не предусматривало специального состава за геноцид. Преступления по массовому уничтожению граждан СССР на временно оккупированной территории квалифицировались по имевшимся статьям Уголовного кодекса, однако это не отменяет самого явления, имя которому – геноцид. А все признаки геноцидальной политики и практики, осуществленной Третьим рейхом, налицо.

С самого момента своего утверждения у власти гитлеровский режим поставил перед собой задачу ослабить Советский Союз настолько, чтобы он был бы не в состоянии помешать дальнейшим завоевательным планам нацистов. В этой связи

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 20.01.2026). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/b21e235ab7f2ffdb9921d73f1d1828628780cf10/.

нельзя не сослаться на важнейший программный документ нацистского руководства – Генеральный план «Ост», отражавший цели колонизации территории СССР. Его основная идея состояла в том, что «без полного уничтожения» или ослабления самыми разными способами «биологической силы русского народа» установить «немецкое господство в Европе» не удастся.

Подрыв «жизненной силы» славянских народов, населявших территорию Советского Союза, планировалось осуществлять комплексом мер: 1) физическим истреблением значительной части населения; 2) сокращением его численности путем преднамеренной организации голода; 3) в результате организованного снижения рождаемости и ликвидации медицинского и санитарного обслуживания; 4) истреблением интеллигенции – носителя историко-культурных традиций каждого народа, а также сведением образования к начальному уровню и др. [1, с. 15].

Это было – еще раз подчеркнем – тщательно спланированное обоснование политики геноцида, конечными целями которой являлись колоссальное расширение ресурсной базы Третьего рейха и «очищение» от населения захваченных территорий СССР для германской колонизации. Существенное сокращение численности советских людей «мыслилось залогом окончательной и безоговорочной победы Германии на Востоке» [2, с. 53].

Вступив на советскую землю, оккупанты стали с немецкой педантичностью проводить в жизнь свои программы. Из 26,6 млн человек, составивших общие демографические потери Советского Союза, больше половины – не менее 13,7 млн (из 85 млн проживавших на оккупированной территории СССР до войны) составили мирные жители, погибшие вследствие политики нацистского геноцида. На оккупированной вермахтом советской территории были преднамеренно истреблены более 7,4 млн мирного населения. От непосильного труда, хронического голода, болезней, отсутствия элементарной медицинской помощи в условиях оккупационного режима погибли еще 4,1 млн, а в фашистской неволе на принудительных работах – еще почти 2,2 млн человек [3, с. 224].

Массовый характер преступлений гитлеровского нацистского режима был вскрыт работой, созданной 2 ноября 1942 г. Чрезвычайной государственной комиссией по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников [4, с. 96-98]. Однако масштаб неслыханных преступлений, совершенных нацистскими карателями, потребовал уже в наши дни на новом правовом и организационном уровне продолжить работу по установлению фактов геноцида.

Начиная с 2016 гг., Следственный комитет России возбудил ряд уголовных дел по ст. 357 УК РФ (Геноцид), связанных с массовыми убийствами советских мирных граждан и военнопленных в годы Великой Отечественной войны. За это время суды Санкт-Петербурга, Республики Крым, Краснодарского и Ставропольского краев, Белгородской, Брянской, Ленинградской, Новгородской, Орловской, Псковской, Ростовской областей, Донецкой и Луганской народных республик – не менее 25 регионов признали преступления, совершенные немецко-фашистскими захватчиками и их пособниками в годы Великой Отечественной войны, геноцидом народов СССР.

Закономерно, что 21 апреля 2025 г., в канун 80-летия Великой Победы был принят федеральный закон «Об увековечении памяти жертв геноцида советского народа в период Великой Отечественной войны 1941–1945 годов»². Он увенчал ту значительную мемориальную работу, которую в отношении жертв агрессии нацистской Германии и ее союзников на временно оккупированных территориях Советского Союза на протяжении многих десятилетий вели органы государственной власти и органы местного самоуправления, религиозные, ветеранские, молодежные организации, поисковые объединения и другие общественные структуры.

Цели мемориализации служит и подписанный Президентом РФ 29 декабря 2025 г. еще один закон, в соответствии с которым установлена новая памятная дата России: 19 апреля – День памяти жертв геноцида советского народа, совершенного нацистами и их пособниками в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.³

При этом значение обоих законов выходит, на наш взгляд, за рамки сугубо мемориальной работы. Их принятие актуализирует саму проблему недопущения геноцида как опаснейшего преступления, а это невозможно без установления исчерпывающей картины тех зверств, которые творили оккупанты на временно оказавшейся под их властью советской территории.

Эти два законодательных акта дополняет подписанный Президентом России 9 апреля 2026 г. закон, в соответствии с которым в ст. 243-2 и 354-1 Уголовного кодекса Российской Федерации внесены изменения, устанавливающие уголовную ответственность за общественно опасные действия, совершенные в отношении захоронений жертв геноцида советского народа и объектов, увековечивающих их память, а также за отрицание факта геноцида советского народа и оскорбление памяти жертв геноцида советского народа⁴.

На защиту памяти с полной силой встает закон.

Как показывает современная ситуация в мире в целом, и на постсоветском пространстве в частности, геноцид народов, не стал достоянием прошлого, он – еще и зловещее настоящее. Фашизация Украины со всеми вытекающими отсюда последствиями, гибридная война, развязанная против России коллективным Западом, рассматривающим неонацистский режим в Киеве в качестве ударной силы для сокрушения нашей страны, массовые преступления неонацистов против мира и человечности – зримые тому подтверждения.

Киевский режим открыто проявил свою фашистскую сущность после преступного захвата власти в ходе госпереворота 22–23 февраля 2014 г., очевидна его прямая генетическая связь с германским нацизмом. Неонацизм стал государственной политикой Украины.

Против мирных граждан провозглашенных в результате всенародных референдумов Донецкой и Луганской народных республик киевский режим применял

² Федеральный закон от 21.04.2025 № 74-ФЗ «Об увековечении памяти жертв геноцида советского народа в период Великой Отечественной войны 1941–1945 годов». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/51851>.

³ Федеральный закон от 29.12.2025 № 523-ФЗ «О внесении изменений в статью 1-1 Федерального закона «О днях воинской славы и памятных датах России»». URL: <http://kremlin.ru/acts/news/78920>.

⁴ Федеральный закон от 9.04.2026 № 100-ФЗ «О внесении изменений в статьи 243–4 и 354–1 Уголовного кодекса Российской Федерации». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/53119>.

тяжелые виды вооружений – реактивные системы залпового огня, авиацию, использовал запрещенные виды оружия, включая фосфорные бомбы и отравляющие вещества, разрушал жизненно важную инфраструктуру – электростанции, школы, больницы, детские учреждения, водозаборные и насосные станции, обстреливал жилые кварталы.

Мирное население республик Донбасса – ныне новых российских территорий – стало объектом самого настоящего геноцида, развязанного преступным киевским режимом.

По данным Генеральной прокуратуры России, «в результате украинских карательных операций погибли почти 5 тыс. мирных жителей, пострадали более 18,5 тыс. человек, получили ранения свыше 13,5 тыс. человек, из которых 1 275 – несовершеннолетние»⁵. Вынужденно покинули места постоянного проживания более 2,3 млн мирных жителей из 6,5 млн человек, составлявших население Донбасса в 2014 г. Кроме того, частично или полностью были разрушены свыше 153 тыс. объектов гражданской инфраструктуры – жилые дома, школы, медицинские учреждения, производственные и торговые предприятия, объекты жизнеобеспечения, учреждения культуры, религиозные сооружения.

Опираясь на данные следствия, Генпрокуратура России в декабре 2025 г. утвердила обвинительное заключение и направила в суд уголовное дело, в рамках которого заочное обвинение в геноциде населения Донецкой и Луганской народных республик предъявлено 41 человеку из числа политического и военного руководства Украины. Они отдавали приказы подчиненным военнослужащим ВСУ и иным вооруженным формированиям о применении против мирных жителей оружия, бронетанковой техники, боевой авиации, ракетного и артиллерийского вооружения.

Ликвидация преступного режима, который олицетворяют обвиняемые, в ходе Специальной военной операции и уголовное наказание украинских неонацистов станут не только торжеством закона, но и предъявлением исторического счета за совершенные злодеяния против мира и человечности как самому неонацистскому режиму в Киеве, так и его духовным наставникам – германским нацистам.

Несмотря на то, что после Великой Отечественной войны прошло более 80 лет, на той территории Российской Федерации, которая попала под временную оккупацию, выявляются все новые захоронения мирных граждан и военнопленных, ставших жертвами политики геноцида, осуществлявшейся военными и гражданскими властями Третьего рейха. В соответствии с Уставом Международного военного трибунала в Нюрнберге убийства и истребление гражданского населения являются преступлениями против человечности, не имеющими срока давности. Следственный комитет Российской Федерации, опираясь на архивные материалы, нормы международного права и национального законодательства, имеет все основания для производства расследования таких преступлений.

⁵ Генпрокуратура России утвердила обвинительное заключение по уголовному делу в отношении политического и военного руководства Украины. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/ru/gprf/mass-media/news/archive/e8302113/>.

Ни один факт преступных действий, основанных на идеях расового превосходства, нацизма, даже по прошествии продолжительного времени не должен остаться незамеченным и безнаказанным.

В полной мере сказанное относится к правовой оценке преступлений неонацистского украинского режима – генетического наследника германских нацистов. Государственный переворот на Украине в феврале 2014 г. стал зловещим свидетельством того, что идеи ксенофобии, расового и национального превосходства живучи и дают всходы, как только для этого возникают благоприятные условия.

Такие условия для утверждения неонацистского режима в Киеве обеспечила поддержка коллективного Запада, стремящегося устранить Россию с мировой арены. Пользуясь этой поддержкой, Киев развязал геноцид против русского населения регионов, ставших новыми территориями России.

Уголовное преследование украинских военных преступников, виновных в геноциде русского населения, в полной мере соответствует требованиям и закона, и исторической справедливости.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Агрессия против СССР. Падение «Третьей империи». 1941–1945 // Дашичев В. И. Банкротство стратегии германского фашизма: В 2 т. Т. 2. М., 1973.
2. Нацизм на оккупированных территориях Советского Союза / Под ред. А.Р.Дюкова, В.В.Симиндея, Е.Н.Яковлева. СПб., 2023.
3. Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь. М., 2010.
4. Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938 г. – июль 1956 г. М., 1956.

Тимакова Ольга Александровна,
доцент кафедры политической теории
Дипломатической академии
Московского государственного института
международных
отношений (МГИМО) МИД России,
кандидат политических наук

Продвижение европейских ценностей в стратегии коннективности Евросоюза на постсоветском пространстве

АННОТАЦИЯ

Рассматривается трансформация концептуальных и практических подходов Европейского союза к продвижению собственных стандартов на постсоветском пространстве. Проблема исследования заключается в политизации европейской стратегии коннективности и ее превращении в инструмент неокOLONиального геэкономического влияния, направленный на сдерживание формирующегося многополярного мира. С применением системного подхода и метода кейс-стади раскрываются механизмы создания инфраструктурной, нормативной и цифровой зависимости государств Центральной Азии и Южного Кавказа от Брюсселя. Выявлены ключевые уязвимости европейской инициативы «Global Gateway», включая бюрократические издержки и несоответствие макроэкономическим реалиям региона. Основным результатом исследования является доказательство того, что климатический диктат, секьюритизация инфраструктуры и цифровой сепаратизм, продвигаемые ЕС, ведут к дестабилизации архитектуры безопасности в Евразии, что диктует необходимость выработки суверенных российских контрстратегий.

Ключевые слова: Европейский союз, Центральная Азия, Южный Кавказ, стратегия коннективности, Глобальные ворота, ценности

Архитектурасовременной международной среды претерпела фундаментальную трансформацию, ознаменованную системным переходом от классической «геополитики территорий» к «геополитике связности». На сегодняшний день контроль над транспортными, энергетическими и цифровыми артериями зачастую приобретает большее стратегическое значение, чем непосредственный контроль над самой территорией.

В этих условиях Евросоюз форсирует проекцию своего гибридного влияния в ближнем зарубежье России. Брюссель реализует указанную задачу не через инструменты прямого военного давления, а латентным путем – посредством ускоренного развития инфраструктуры и навязывания контрагентам собственных регуляторных стандартов. Стратегия коннективности¹ (взаимосвязанности), официально позиционируемая как механизм экономической интеграции, на

¹ Connecting Europe & Asia: The EU Strategy // EEAS. 26.09.2019. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/connecting-europe-asia-eu-strategy_en.

практике представляет собой изоцированный инструмент неокOLONиального влияния. Как подчеркивается в Концепции внешней политики Российской Федерации 2023 г.², данный инструмент направлен на извлечение ренты и системное сдерживание многополярного мира. Имплицированная цель ЕС, прослеживаемая в доктринальных документах, заключается в системном замещении российского присутствия и ограничении влияния Китая в Центральной Азии и на Южном Кавказе путем превращения евразийского пространства в замкнутый на европейский рынок сырьевой и транзитный регион.

Выбор постсоветского пространства в качестве ключевого направления данной стратегии определяется рядом факторов. Во-первых, регион обладает уникальным географическим положением, находясь на стыке интересов России, Китая и ЕС, и выступает естественным перекрестком ключевых транспортно-энергетических коридоров. Через страны Восточной Европы, Южного Кавказа и Центральной Азии проходят маршруты, связывающие Европу с Азией – от Транскаспийского коридора до путей в Центральной Азии. Во-вторых, в регионе разворачивается прямая конкуренция альтернативных моделей регионального порядка – западной, евразийской и китайской. Наконец, геополитический статус государств Южного Кавказа и Центральной Азии претерпел изменения в восприятии Брюсселя: из традиционных «соседей» они трансформировались в зону жесткого соперничества за сферы влияния. Таким образом, для Брюсселя это стало зоной геэкономической конкуренции, где реализуются интересы диверсификации логистических маршрутов, продвижения европейских норм и обеспечения будущей конкурентоспособности ЕС³.

Этапы развития стратегии ЕС

Эволюция подходов Евросоюза демонстрирует отход от идеалистической концепции «нормативной силы» (Normative Power Europe) [2] начала 2000-х гг., предполагающей, что институциональная привлекательность европейской модели способна катализировать бесконфликтную трансформацию сопредельных государств. Системные кризисы 2014 г. и геополитический разлом 2022 г. заставили Брюссель пересмотреть внешнеполитический курс в пользу концепции «принципиального прагматизма», придавшей политике ЕС выраженный геэкономический характер [1]. Концептуальные основы новой доктрины были зафиксированы в Совместной декларации 2018 г.⁴ (Connecting Europe and Asia: Building Blocks for an EU Strategy),

² Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В.Путиным 31 марта 2023 г.) // МИД России. 31.03.2023. URL: https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/?TSPD_101_R0=08765fb817ab2000933a199313606d9d939520c8fcb451b409bf0ce52a31f363fe3a1f39f5fd69bc08d659830e1430004ee8569afa0f667ca0c0b4f74e41922e14a93654d243e46d762c5bcd636413f0ecddeebbac66204907bc4ae7a6280fff.

³ Competitiveness compass // European Commission. URL: https://commission.europa.eu/topics/competitiveness/competitiveness-compass_en.

⁴ Connecting Europe and Asia – Building blocks for an EU Strategy // European Commission. 19.09.2018. URL: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/joint_communication_-_connecting_europe_and_asia_-_building_blocks_for_an_eu_strategy_2018-09-19.pdf.

провозгласившей императивы «устойчивой, прозрачной и основанной на правилах взаимосвязанности» (rules-based connectivity).

Современная европейская коннективность функционирует как многослойная аналитическая категория, в рамках которой «жесткий» компонент (физическое строительство транспортных и цифровых сетей) жестко увязан с «мягким» (экспортом правовых, экологических и технических регламентов). Брюссель фактически нивелировал прежнее разграничение между техническим содействием (традиционно классифицировавшимся как официальная помощь развитию, ОПР) и политической обусловленностью. В результате коннективность превратилась в обновленную форму нормативной экспансии, выступая важным элементом реализации Компаса Конкурентоспособности ЕС⁵. Т.е. ЕС не отказывается от роли «нормативной силы», но переосмысливает ее через критерии экономической эффективности и технологического суверенитета. ЕС выступает «экспортером стандартов»: через транзитные проекты продвигаются климатические и цифровые нормы (ESG-подход, экологические стандарты, правила обмена данными) и правовые требования (антитрестовские нормы, подходы к госуправлению).

В рамках мегапроекта «Global Gateway»⁶ Брюссель императивно побуждает партнеров реформировать национальное трудовое законодательство и правила государственных закупок по европейскому образцу. Таким образом, стратегия коннективности ЕС представляет собой не нейтральное экономическое сотрудничество, а целенаправленный инструмент конструирования асимметричной зависимости региональных акторов от европейского ядра. Практическая реализация данной стратегии осуществляется через механизмы обусловленности (conditionality).

Проекты коннективности в Центральной Азии

Эмпирический анализ позволяет выделить три ключевых направления нормативно-инфраструктурного давления ЕС на постсоветском пространстве.

Первым показательным примером является климатический компонент в стратегии Евросоюза. С 2026 г. в ЕС в полном объеме заработал Трансграничный углеродный механизм (СВАМ)⁷, обязывающий внешних поставщиков оплачивать углеродный след ввозимой продукции напрямую в европейский бюджет. Одновременно с этим предоставление долгосрочных займов по линии ЕБРР и ЕИБ жестко увязывается с модернизацией национальных энергосистем под параметры европейской «зеленой таксономии». Другим условием является требование использовать высокотехнологичное оборудование, имеющее западную сертификацию, создает устойчивую структурную зависимость региона от поставщиков из стран

5 A Competitiveness Compass for the EU // European Commission. 29.01.2025. URL: https://commission.europa.eu/document/download/10017eb1-4722-4333-add2-e0ed18105a34_en?filename=Communication_1.pdf.

6 Global Gateway // European Commission. URL: https://commission.europa.eu/topics/international-partnerships/global-gateway_en.

7 Carbon Border Adjustment Mechanism // European Commission. URL: https://taxation-customs.ec.europa.eu/carbon-border-adjustment-mechanism_en.

Европы. Следовательно, это гарантирует эксклюзивный доступ к сервисному рынку Центральной Азии для европейских подрядчиков, что усиливает геоэкономические позиции Евросоюза. Примечательно, что из финансового пакета в размере 10 млрд евро, анонсированного на Инвестиционном форуме 2024 г.⁸, значительная часть ассигнований зарезервирована не под физическое строительство, а под процедуры оценки соответствия (compliance) и аудит.

Вторым примером является политика цифровизации на постсоветском пространстве. Через программу EU4Digital Брюссель финансирует адаптацию законодательства стран постсоветского пространства к европейским нормам. Интеграция в цифровой рынок ЕС обусловлена полной имплементацией Общего регламента по защите данных ЕС (GDPR)⁹. Нормы о трансграничной передаче данных позволяют местным властям легально блокировать российские облачные сервисы и IT-программы под предлогом их несоответствия стандартам конфиденциальности ЕС, изолируя свои рынки от цифрового контура ЕАЭС.

Третий кейс связан с политикой доступа к критическим минералам. В рамках продвижения Транскаспийского транспортного маршрута (Среднего коридора)¹⁰ в обход России, ЕС подписывает со странами региона меморандумы о «стратегическом партнерстве в цепочках поставок критического сырья»¹¹. Инструментарий ESG критериев используется для искусственного отсека российских и китайских добывающих компаний от региональных тендеров.

Проблемы и перспективы

Несмотря на очевидную институциональную привлекательность предложений ЕС (доступ к рынку на 450 млн потребителей, трансфер высоких стандартов и привлечение консолидированных инвестиций), европейская стратегия сталкивается с серьезными внутренними ограничениями структурного характера.

Инициатива Global Gateway заявила о консолидации 300 млрд евро¹². Однако отчеты Европейской счетной палаты показывают, что объем реальных новых средств составляет менее 15%, а привлечение частного капитала в высокорисковый Средний коридор затруднено (из 18,5 млрд евро обязательств собрано лишь 10 млрд в виде кредитов).

8 Global Gateway: €10 billion commitment to invest in Trans Caspian Transport Corridor connecting Europe and Central Asia announced at Investors Forum // European Commission. 29.01.2024. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_24_501.

9 General Data Protection Regulation. URL: <https://gdpr-info.eu>.

10 Middle Corridor. URL: <https://middlecorridor.com/en/>.

11 EU establishes strategic partnership with Uzbekistan on critical raw materials // European Commission. 05.04.2025. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_24_1806; ЕС и Казахстан делают следующий шаг в сотрудничестве по критически важному сырью // Представительство Европейского Союза в Республике Казахстан. 07.04.2025. URL: https://www.eeas.europa.eu/delegations/kazakhstan/ec-и-казахстан-делают-следующий-шаг-в-сотрудничестве-по-критически-важному-сырью_ru.

12 President von der Leyen announces Global Gateway has reached its €300 billion investment target building smart, clean links around the world // European Commission. 10.10.2025. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ac_25_2346.

Дополнительным фактором снижения конкурентоспособности ЕС выступает выраженный бюрократический паралич: в то время как проекты КНР в рамках инициативы «Один пояс, один путь» реализуются в двух-трехлетний период, сопоставимый временной интервал затрачивается европейскими структурами исключительно на проведение согласительных процедур и тендеров.

Прагматичный курс и приверженность принципам многовекторности позволяют лидерам государств Центральной Азии успешно парировать попытки Брюсселя вовлечь регион в санкционный режим против Российской Федерации, что подтвердили итоги недавних саммитов формата «ЕС – Центральная Азия»¹³. Попытки европейских дипломатов инкорпорировать в итоговые документы жесткие обязательства по контролю над обходом санкций натолкнулись на консолидированный отказ региональных элит.

Наконец, макроэкономические показатели наглядно демонстрируют бесперспективность попыток исключить Россию и Китай из архитектуры евразийской коннективности: совокупный товарооборот КНР с государствами Центральной Азии (80–90 млрд долл) и стабильный объем торговли РФ, опирающийся на интеграционную основу ЕАЭС (45–50 млрд долл), качественно превосходят реальные финансовые возможности Брюсселя.

Подводя итоги, необходимо констатировать: после 2022 г. ЕС окончательно перешел к открытой геэкономической конфронтации на постсоветском пространстве. Коннективность окончательно трансформировалась из сугубо технической категории в ведущий инструмент геополитического соперничества и принудительного экспорта европейских регуляторных практик, призванный компенсировать внутреннюю экономическую стагнацию ЕС за счет нормативной экспансии. Нынешний курс Брюсселя, игнорирующий исторически сложившуюся региональную специфику, выступает дестабилизирующим фактором для евразийской безопасности. Декларации об «инклюзивности» европейских инициатив полностью девальвируются практикой создания закрытых эксклюзивных блоков. В условиях системного кризиса либерального миропорядка ценностная повестка Евросоюза окончательно превратилась в механизм легитимации одностороннего влияния.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Романова Т.А., Коцур Г.В. От политической либерализации к геополитическому повороту (эволюция дискурса Евросоюза и связь нормативного и материального) // Мировая экономика и международные отношения. 2022. Т. 66. № 8. С. 25–33.
2. Manners I. Normative power Europe reconsidered: beyond the crossroads // Journal of European Public Policy. 2006. № 13(2). P. 182–199.

¹³ First EU-Central Asia summit, 4 April 2025 // European Council. 04.04.2025. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/meetings/international-summit/2025/04/04/>.

Фаттахов Азамат Ильгисович,
аспирант Дипломатической академии
Московского государственного института
международных отношений (МГИМО)
МИД России

Перспективы гибридного противостояния России и Европы

АННОТАЦИЯ

Текущая ситуация в мире является временем серьезных изменений, стремительного развития технологий, кризисов, требует их осознания как новой реальности, формирования умения работать с неопределенностью и противоречивыми объектами на любом уровне. Мир как никогда далек от мнимой бинарности (в которой он никогда и не был), происходящие события не могут быть описаны дихотомическими категориями в формате «черное-белое». Время активного роста, широкой международной кооперации и всеобщего развития закончилось. Началась эпоха трансформации, конкуренции, кризисов, конфронтации, что требует от каждого и общества в целом стойкости и адаптации аппарата восприятия к работе в условиях полной неопределенности, нарастающего хаоса, перегруженности информационного поля. В ситуации скачкообразного развития технологий, искусственного интеллекта когнитивное пространство индивида и общества сильно перегружены. Проанализировано текущее состояние взаимоотношений России и Европы в формате гибридного противостояния и сформировано видение возможного способа прагматичного ведения дел с европейскими государствами в условиях острой фазы конфронтации для создания предпосылок к деэскалации конфликта, возобновления диалога с одновременным повышением стоимости участия Европы в военном конфликте.

Ключевые слова: глобальная турбулентность, российская диаспора в мире, сетевая дипломатия, проектное управление, дипломатия единства, государственное управление, соотечественники, «мягкая сила»

Текущее положение дел в международной среде характеризуется состоянием острой конфронтации. Под субъектами международной среды мы понимаем в первую очередь акторов классического типа – государства, международные институты. Вместе с тем состав субъектов сильно расширился и включает в себя участников совершенно нового типа:

- транснациональные корпорации, особенно технологические (бигтех, например, Microsoft, Google, Amazon);
- ИИ-компании (OpenAI, Anthropic, DeepSeek);
- соцсети (TikTok, Meta*¹);
- производители микропроцессоров (TSMC, Nvidia, Intel, AMD);
- крупнейшие инвестфонды (BlackRock, Vanguard, State Street Global Advisors) и банки;
- частные военные компании (Constellis – ex-Academy/Blackwater, G4S, GardaWorld);

¹ *Компания «Meta» признана экстремистской организацией, и ее деятельность запрещена в России, 18+.

- отдельные индивиды (например, Илон Маск, Дональд Трамп), оказывающие серьезное влияние на события в мире, ставшие одновременно и медиафеноменами.

Трансформация мироустройства вкупе с нарастающими противоречиями создают опасную конфликтную среду, в которой государства, вынуждены балансировать во избежание прямого военного столкновения. В этой ситуации формат гибридного противостояния становится одной из форм отстаивания и продвижения национальных / корпоративных (применительно к акторам нового типа) интересов непрямым способом с позиции силы и минимизации риска прямого военного ответа. Вместе с тем гибридизация несет значительные риски для настоящего и будущего международных отношений и системы глобальной безопасности в целом. Это явление еще долго будет неотъемлемой частью системы международных отношений на переходном этапе от Ялтинско-Потсдамской к условной Постукраинской в контексте завершения данного кризиса и выработки нового подхода к разрешению кризисов в международных отношениях.

Гибридизация не является абсолютно новым явлением, не имевшим аналогов в истории человечества. Во все времена племена, армии, народы, государства вели не прямые действия. Гибридные операции и гибридизация в целом проделали большой путь от Троянского коня и отравления колодцев до операций в когнитивном поле, изменения восприятия с помощью соцсетей и искусственного интеллекта. Таким образом, данное явление, не изменив своей сути, обрело новые качества – стало эмерджентным вследствие технологического прогресса и сформировалось в качестве одной из форм ответа вызовам настоящего времени.

Взаимоотношения России и Европы на современном этапе находятся в состоянии глубокого кризиса, геополитического и экономического, а также гибридного противостояния и имеют устойчивую тенденцию к ухудшению. Со стороны ЕС осуществляются следующие виды противодействия и попытки сдерживания России:

- торговая война, включающая регулярно обновляемые односторонние торговые ограничения (санкции), блокирование закупок энергоносителей у России;
- ограничение доступа к технологиям;
- прямое финансирование конфликта на Украине;
- прямые поставки оружия и закупки оружия у США для Украины;
- предоставление данных космической разведки, средств наведения и содействие целеуказанию, что является прямым участием в конфликте согласно нормам международного права;
- создание помех международному судоходству, включая досмотр и задержание судов, закрытие воздушного пространства для российских воздушных судов;
- признаки и действия по частичной переориентации экономики на военный лад;
- артикуляция подготовки к прямому военному столкновению с Россией в 2030 г. и нормализация данных нарративов в общественном дискурсе Запада.

В совокупности указанные действия делают перспективы поиска компромиссных решений все более непростыми.

Вместе с тем Россию и Европу объединяет намного больше, нежели разъединяет:

- общая, пусть и непростая, история;
- неотъемлемое географическое соседство;
- общее богатое культурное и цивилизационное наследие;
- устойчивая система экономических связей, пусть и серьезно нарушенная в рассматриваемый момент времени;
- во многом схожая ментальность;
- перспективы совместного существования в будущем независимо от имеющихся разногласий.

С точки зрения общего подхода к ситуации видится целесообразным использование прагматичного подхода, четко отделяющего практическую составляющую от эмоциональной. Европа в целом и ЕС в частности не являются монолитным образованием с точки зрения мировоззрения и даже экономических интересов. Видится рациональным дискретное взаимодействие с европейскими странами по отдельности и применение инструментов не прямой дипломатии, дипломатии разных треков. Важным и возможным было бы начать с языка смыслов, концептуального видения, экономических выгод, перспектив бизнеса, технологий, экологии и безопасности.

Как было сказано выше, конфликт России и Европы находится в острой фазе со стабильно ухудшающимися перспективами. В этой связи важным со стороны России является формирование у Европы четкого понимания и ощущения несоразмерности стоимости и издержек участия в конфликте против России. Европа должна ощутить их постоянное увеличение на практике сопоставив с преимуществами деэскалации конфликта и перспективами нормализации отношений. Величина издержек должнакратно превышать возможные выгоды или просто их приемлемость. В качестве механизма реализации рассмотрим систему следующих возможных практических шагов.

Первый этап. Декомпозиция Европейского союза на отдельные страны с точки зрения текущего статуса взаимоотношений, системы экономических связей, коммуникации. Стоит прекратить активное использование и маркирование Европейского союза негативными клише и маркерами в общественном дискурсе, заменив это началом прямой и прагматичной коммуникации напрямую с европейскими государствами по отдельности. Введение нарративов необходимости сотрудничества, взаимной безопасности, соблюдения экономических интересов стоит ввести в публичное дискуссионное поле как в российском обществе, так и доносить до европейских и западных стран.

Вторым этапом является разделение европейских государств на группы: условно позитивные, нейтральные, враждебно настроенные. Далее выстраивание общего вектора политики применительно к каждой отдельной группе со спецификой взаимоотношений с каждой отдельной европейской страной. В условно позитивных странах может быть использована коммуникация на высоком политическом уровне (включаемую не артикулируемую публично), разъяснение позиции России, формирование платформы для поиска потенциального сближения интересов. В нейтральных и враждебно настроенных государствах: поиск партнеров для коммуникации среди национальных элит, бизнеса, академической среды,

популярных лидеров мнений, населения, использование механизмов не прямой дипломатии, использование методов влияния в неявном виде.

Третий этап. Для России крайне важно научиться работать со страхами европейцев как реальными, так и мнимыми, включая искусственно создаваемые с точки зрения влияния на население и воспринимать их как потенциальный объект для работы. Важным является выработка стратегического терпения в целях достижения целей в рациональном и прагматичном ключе. Какими бы, возможно, несодержательными не казались аргументы европейских визави, видится важным отработка каждого аргумента, если стратегическими целями России являются:

- Снижение напряженности в обществе европейских стран в отношении России, что позволит понизить общий градус конфронтации и усложнить милитаризацию находящимся у власти политическим силам в Европе.
- Переформатирование когнитивного пространства в Европе и создание новой картины мира в части перспектив взаимоотношений с Россией.
- Декомпозиция коалиции европейских государств в отношении России и формирование образа врага в лице России.
- Донесение позиции России до народонаселения европейских стран.
- Снижение вероятности потенциального прямого военного конфликта между Россией и Европой.

Европейские политические элиты меняются, народонаселение европейских стран остается. России следует работать и с потенциальными политическими силами, сменяющих политиков, которые активно настаивают на неизбежности конфликта с Россией. В основе начала диалога и поиска в ходе него компромиссных решений лежит прагматичный подход: издержки диалога несоизмеримо ниже издержек потенциального прямого военного конфликта с Европой. Базовой платформой могли бы стать гарантии безопасности для Европы (ранее упоминались со стороны России) и базовые экономические интересы обеих вовлеченных сторон. Важным является также отсутствие у Европы собственного производства чипов и передовых технологий искусственного интеллекта собственной разработки. Это могло бы послужить также потенциальной объединяющей платформой для технологического развития.

Объединяющей платформой для практической реализации рассмотренной выше последовательности действий является устойчивое и ускоренное развитие России как экономически и технологически развитого государства с привлекательной моделью развития не только для граждан России, но и граждан других развитых стран. Это важнейший шаг для конкурирования на глобальном рынке и, возможно, именно это будет определять перспективы для развития человеческого потенциала России. Необходимо создавать и продвигать привлекательный образ совместного будущего, сосредоточенность на общей картине мира мирного и экономически выгодного сосуществования России и Европы. Равноправные отношения строят только с сильными государствами, обладающими значимым вкладом в мировую экономику. В когнитивном пространстве рождаются и нарастают основные противоречия и разногласия между Россией и Европой, в когнитивном же пространстве есть шанс на нормализацию вследствие изменения восприятия со стороны народонаселения как Европы, так и России.

Продолжая и отстаивая преимущество прагматичного подхода, следует отказаться от иллюзий абсолютно равноправных и союзнических отношений с Европой в ближайшем будущем. Вместе с тем отношения добрососедского и взаимовыгодного взаимодействия вполне возможны. России необходимо научиться вести прагматичную (реалистичную не означает циничную) внешнюю политику и понимать, что понятие союзничества в современном мире носит еще более прикладной и функциональный характер на основе взаимных выгод, нежели раньше. Россия находится в ситуации, когда сложившийся кризис приносит определенные геоэкономические и геополитические выгоды не только нашим оппонентам, как США, (намеренно не упоминаю Европу, так как вижу отрицательный итоговый экономический результат для нее), но и нашим соседям с дружественным к России отношением: Индии, Китаю, Ближнему Востоку. Ни одно государство никогда не будет способствовать реализации российских национальных интересов вместо России и на одном уровне с Россией, что также вполне очевидно. Россия, безусловно, интересна как поставщик энергоносителей, определенных технологий, атомные электростанции, и как рынок сбыта товаров, но не как потенциальная равноправная лидирующая сила на глобальном уровне, что объясняется растущим и усложняющимся характером глобальной конкуренции.

Будущее стратегической стабильности в мире во многом зависит от перспектив гибридного противостояния России и Европы. Во все периоды истории самые кровопролитные войны, в которых решалась дальнейшая судьба человечества, происходили на европейском континенте – вспомним, в частности, Наполеоновские войны, Первую и Вторую мировые войны. Резюмируя вышесказанное, видится возможно более выигрышным для российских национальных интересов концентрация на прямой и не прямой прагматичной работе с европейскими странами в формате политического реализма, исключив эмоциональное восприятие ситуации, необоснованные ожидания, расширив горизонт стратегического планирования и руководствуясь «длинной волей».

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Белоус А.И. Технологии, методы и инструменты войн XXI века. М.: Техносфера, 2023. 527 с.
2. Ильницкий А.М. Стратегия ментальной безопасности // Военная мысль. 2022. № 4. С. 24–35.
3. Манойло А.В. Информационные войны и цветные революции. М.: Горячая Линия – Телеком, 2023. 496 с.
4. Медушевский А.Н. Когнитивная война: социальный контроль, управление сознанием и инструмент глобального доминирования (Часть 1) // Вопросы теоретической экономики. М., 2023. № 2. С. 85–98.
5. Медушевский А.Н. Когнитивная война: социальный контроль, управление сознанием и инструмент глобального доминирования (Часть 2) // Вопросы теоретической экономики. 2023. № 3. С. 92–107.
6. Михайлов И.Ф. Как в наше время возможна когнитивная теория общества? // Электронный философский журнал Vox. 2018. № 25. С. 191–200.
7. Фаттахов А.И. Когнитивные и ментальные операции как способ влияния на государство и общество в контексте международных отношений // Информационные войны. 2025. № 1(73). С. 12–20.
8. Du Cluzel F. Cognitive Warfare. Innovation Hub. 2021.

Резюме экспертной дискуссии «Россия и Европа в эпоху перемен»

Сессия «Россия и Европа в эпоху перемен» стала площадкой для анализа нынешнего состояния российско-европейских отношений, их исторической динамики и перспективы развития в условиях новой реальности. Дискуссия охватила широкий круг аспектов: от проблематики геноцида советского народа как исследовательской и общественной тематики до экономических каналов коммуникации, идеологических расколов и цивилизационных конфликтов. Участники сессии представили разнообразные точки зрения, основанные на анализе исторических процессов, политических нарративов, экономических реалий и культурных идентичностей.

Дискуссия стартовала с введения исторического контекста современного кризиса диалога. Была поднята и подробно проанализирована тематика геноцида советского народа как элемента формирования исторической памяти и общественного сознания как в России, так и в странах Западной Европы, который влияет на современные политические нарративы и отношения между Россией и Европой.

В условиях 1990-х гг. страны Запада не были готовы вести равноправный диалог со страной, которую они представляли как наследницу падающей империи. Западные страны поздравляли себя с падением СССР, воспринимая Россию не как равноправного партнера, а как ослабленное государство, находившееся в состоянии внутреннего кризиса. Это неравноправное восприятие стало фундаментом для последующего развития конфликтных отношений.

Югославский кризис стал первым серьезным маркером кризиса диалога между западными странами и Россией. Именно в этот период проявились первые признаки системного непонимания и отсутствия взаимного уважения, которые впоследствии трансформировались в глубокий конфликт.

С приходом на пост Президента РФ В.В.Путин предпринял попытку перезапустить отношения в позитивном ключе через сотрудничество и диалог. Однако система принятия решений в одностороннем порядке оставалась неизменной – Запад продолжал определять правила игры без учета российской позиции. Это фундаментальное противоречие между стремлением к сотрудничеству и сохранением одностороннего подхода к принятию решений стало одной из ключевых причин последующего кризиса.

В отношении украинского кризиса и активного военного освоения Украины даже без членства в НАТО сформировался главенствующий западный политический нарратив: «Маленькая храбрая Украина выступила против авторитарного Путина». В соответствии с ним целью углубления кризиса является недопущение победы России в СВО. Этот кризис стал сломом привычных правил игры именно за счет того, что

западные страны расставили акценты таким образом, чтобы создать упрощенную картину конфликта, исключая возможность компромиссного решения.

Украинский кризис протекает на фоне идеологического раскола и трансформации привычных политических идентичностей. И консерваторы, и неолиберальные демократы не имеют связанной с названиями идентичности. Самоназвания не отражают глубинной сути политических сил, что создает дополнительные сложности для понимания современной политической реальности. Еще марксисты в XX в. задали тон данным трансформациям, позиционируя изменения в качестве сути самого процесса развития. Эта философская традиция переопределила понятие идентичности не как нечто стабильное и неизменное, а как процесс постоянного изменения и трансформации.

Идеологический раскол нынешнего времени проявляется в противопоставлении левого (надидентичность) и правого поворота. Левый подход характеризуется отказом от традиционных идентичностей в пользу надидентичностных категорий – глобализации, универсальных ценностей, транснациональной солидарности. Правый поворот, напротив, сопровождается подъемом условно правых сил, отстаивающих традиции идентичности и суверенитета.

Наблюдаемый кризис коллективности выразился в конкретных социально-политических проявлениях. Право на ребенка и право на родительство, как индивидуальные права, начинают распространяться на индивидов любой ориентации. Это решение отражает фундаментальную трансформацию понимания прав человека в европейском контексте. Свобода и равенство интерпретируются очень свободно и широко – в любом удобном смысле. Такая широта интерпретации приводит к размыванию смыслов и созданию противоречивых представлений о базовых ценностях. Идеологическое содержание уничтожает любую коллективность в угоду индивидуальности. Этот процесс представляет собой фундаментальный конфликт между индивидуалистическим и коллективистским подходами к пониманию человеческого существования и социальных отношений.

Франция представляет яркий пример этой проблемы: быть всем – значит быть никем. Так, Э.Макрон сказал: «У нас нет французской культуры, у нас есть культура в рамках Франции, и она разнообразна». Это заявление отражает кризис национальной идентичности и культурной самости. В процессе дискуссии вопрос был вынесен на цивилизационный онтологический уровень. Это означает, что противоречия между Россией и Европой перешагнули границы политических или экономических разногласий и достигли фундаментального уровня различий в понимании человеческой природы, ценностей и целей существования.

На заседании также поднимались вопросы экономического взаимодействия России и европейских стран. Эксперты констатировали, что контроль над логистическими коридорами превышает контроль над пространством вообще. В современной глобальной экономике инфраструктура и транспортные пути становятся более значимыми факторами влияния, чем традиционный контроль над территориями.

При этом навязывание стандартов использования инфраструктуры становится механизмом управления, пусть и камуфлируется под чисто экономические параметры. Этот подход создает иллюзию экономической целесообразности, в то время как де-факто представляет собой инструмент политического и культурного влияния. Стратегии европейской коннективности являются каналом экспорта европейских стандартов. Европейские страны используют программы развития и помощи как инструмент продвижения своих стандартов и ценностей в других регионах. Требования переписывать кодексы и законы по европейским стандартам создают систему институционального давления, которая постепенно трансформирует правовые системы других стран в соответствии с европейской моделью.

Однако, несмотря на санкции, экономика остается действующим каналом коммуникации. Экономические связи обладают устойчивостью, которая преодолевает политические конфликты и санкционные ограничения. Например, Норвегия не инициирует денонсацию соглашения по рыбной ловле, что является примером сохранения экономических отношений даже в условиях политического напряжения. Прибалтийские порты страдают больше, теряя российский и белорусский грузопоток. Скорее всего, они переформируются под военные порты. Этот процесс отражает трансформацию экономических объектов в инструменты военной стратегии.

Эксперты отметили, что платформой продвижение целей и интересов России должна стать победа РФ в специальной военной операции. Военные успехи (наравне с экономическими, культурными, научными) становятся капиталом, не требующим дополнительной аргументации.

По итогам работы секции были выработаны следующие практические рекомендации по выстраиванию диалога России со странами Европы:

- создать многоуровневую систему диалога, в которой экономические связи будут выступать механизмами защиты от политической предвзятости;
- стимулировать совместные исследовательские проекты по истории, культуре и социальным наукам;
- выделить возможные общие ценности и продвигать их в западном обществе в интересах РФ;
- развивать альтернативные логистические маршруты и усиливать локальное инфраструктурное присутствие.

Экспертная дискуссия «Арктика в новой реальности: стратегии России и глобальные ВЫЗОВЫ»

Экспертная сессия подготовлена в партнерстве
с редакцией научного журнала
«Россия: общество, политика, история»

Афонькина Юлия Александровна,
заведующая кафедрой психологии
и коррекционной педагогики
Мурманского арктического университета,
доктор социологических наук

Семейные сценарии студенческой молодежи Арктики в контексте социально-демографических рисков территории (на примере Мурманской области)

АННОТАЦИЯ

На основе идеи и концепции арктической исключительности анализируется динамика и контекст социально-демографических процессов в Мурманской области как одном из регионов, входящих в АЗРФ. Сделан вывод о том, что уникальные природные, логистические, стратегические и иные ресурсы Мурманской области требуют внимания к человеку как к субъекту территории, актору происходящих на ней процессов.

Раскрываются предпринимаемые социальные меры достижения демографической устойчивости и социальной поддержки молодых семей. Представлены результаты исследования семейных сценариев студенческой молодежи Мурманской области, выделенных на основе предложенных критериев: временного, структурного, ценностного и ролевого. Выявлены тенденции к откладыванию создания семьи, к малодетности и добровольной бездетности, также определены основные опасения молодежи в сфере создания семьи и деторождения: жесткая регламентация образа жизни, отсутствие свободы и разнообразия; вынужденная необходимость перехода от личной центрации к социальной; избегание ответственности или стремление к ее минимизации; непосильность финансовых затрат; ожидаемый дисбаланс «карьера / работа – родительство», имеющий как личностные, так и социальные предпосылки. Предложено рассматривать данные опасения в качестве мишеней воздействия в работе с молодежью. Выявлено нивелирование в представлениях молодежи ценности родительства в контексте межпоколенческого конфликта.

Ключевые слова: арктическая исключительность, социально-демографические процессы, социальная политика, молодежь, семья, семейный сценарий, родительство

Сегодня развитие арктической зоны РФ – территории, имеющей важное геополитическое значение и уникальность с точки зрения сосредоточения природных ресурсов, выстраивается в русле ведущих векторов государственной политики, таких как равномерное и устойчивое развития регионов, повышение обороноспособности страны, достижение технологического лидерства, развитие человеческого капитала. Важно подчеркнуть, – освоение Арктики рассматривается с практической точки зрения не как покорение, а как «оживление», что в Стратегии развития Арктической

зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 г. отражается с точки зрения развития человеческого капитала территории, повышения качества жизни населения¹.

Реализация парадигмы обживания, в свою очередь, требует понимания особенностей развития арктического пространства и его потенциала [3]. Очевидно, что в данном ключе необходимо постоянное изучение социальных процессов, происходящих в российской Арктике.

С исследовательской точки зрения существенные эвристические возможности, на наш взгляд, имеет идея и концепция арктической исключительности [7]. Авторами постулируется комплексный феномен фундаментальных отличий в Арктике не только природных, но и экономических, социальных процессов. Подразумевается, что Арктика отличается от, например, умеренной зоны РФ, не только более холодными температурами, более длительным зимним периодом и другой климато-географической спецификой. Здесь происходят социальные процессы, не характерные для иных территорий России, а те, которые типичны для всей страны, имеют выраженную специфику с точки зрения содержания и динамики.

Мурманская область в контексте арктической исключительности занимает особое место. Территориально она полностью находится в АЗРФ, имея приграничное расположение. Здесь сосредоточены уникальные запасы полезных ископаемых и высокотехнологичные производства по их добыче и переработке. По данным Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации, в недрах региона открыто более 1 000 видов различных минералов, добывают апатито-нефелиновые руды – ценнейшее сырье для производства фосфорных удобрений и для алюминиевой промышленности². Месторождения общераспространенных полезных ископаемых в Мурманской области отличаются разнообразием, включая валунно-гравийно-песчаный материал, строительный и облицовочный камень, суглинки и глины легкоплавкие, известняки, доломиты, диатомиты, торф³. Областной центр – г. Мурманск – это незамерзающий рыбный и морской порт, начало Северного морского пути – самого короткого транспортного маршрута между Европой и Юго-Восточной Азией, который на треть более короткий, чем традиционный маршрут между Роттердамом и Йокогамой через Индийский океан и Суэцкий канал [8]. По классификации арктических городов Мурманск представляет собой ключевой многофункциональный центр, одну из немногочисленных баз освоения российской Арктики [5; 7].

Уникальные природные, логистические, стратегические и иные ресурсы Мурманской области требуют внимания к человеку как к субъекту территории, актору происходящих на ней процессов.

Исследования показывают, что для населения региона распространенным является мнение об отсутствии перспектив для самореализации в профессиональной

1 О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года: Указ Президента Российской Федерации от 26.10.2020 г. № 645. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45972?ysclid=mp19lh66f201376431>.

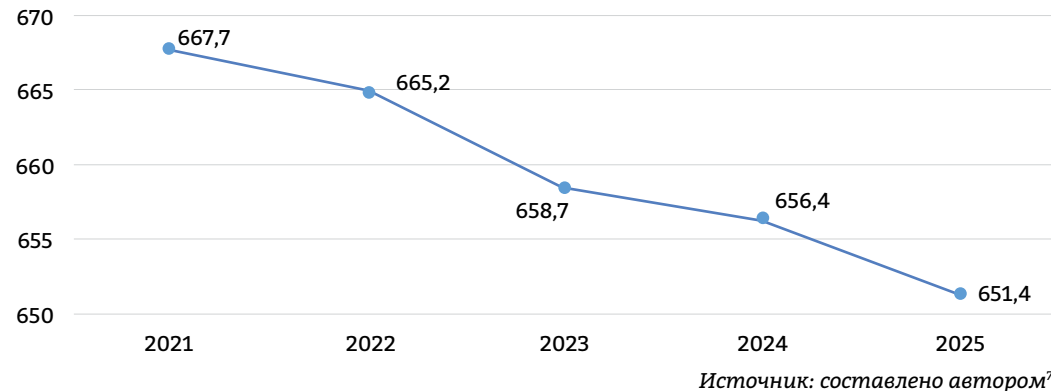
2 Общие географические и исторические сведения. URL: https://mnr.gov.ru/activity/regions/murmanskaya_oblast/?sphrase_id=94426&ysclid=mpk0fp2fw2525564504.

3 Текущее состояние минерально-сырьевой базы Мурманской области. URL: <https://mpr.gov-murman.ru/activities/napravleniya/10.mineral/00.current/?ysclid=mpy2p0tita799533757>.

и общественной сферах жизнедеятельности, возможностей для достижения желаемого уровня материального и социального благополучия [4]. В то же время, в Мурманской области очевидны тенденции к улучшению качества жизни, в том числе по субъективным оценкам населения его отдельных параметров (например, в отношении транспортной инфраструктуры), а также к повышению экономической привлекательности региона, о чем свидетельствуют как проводимые научные исследования [6; 9], так и статистические данные. Мурманская область значительно улучшила свои позиции в общероссийских рейтингах. С 2020 по 2025 г. среднедушевые денежные доходы населения выросли с 50 139 руб. до 96 543 руб.⁴ Средняя заработная плата в 2026 г. превышает общероссийские показатели более, чем на 30 тыс. и составляет более 133 тыс. руб. Повышение экономической привлекательности региона для переезда подтверждается результативностью программы «Курс на Север»⁵.

Тем не менее всё большую остроту приобретает проблема снижения численности населения в регионе. Согласно данным Мурманскстата, в 1989 г. оно составляло 1 164,0 тыс. чел., в 2002 – уже 892,5 тыс. чел., а в 2010 – 795,4 тыс. чел. Тенденция к сокращению численности населения в регионе в XXI в. только нарастает (Рисунок 1). В целом с 80-х гг. прошлого века по настоящий момент население Мурманской области сократилось на 512,6 тыс. чел.⁶

Рисунок 1. Динамика численности населения Мурманской области, на 1 января следующего года, тыс. чел.



Сегодня в Мурманской области социально-демографические проблемы создают серьезный вызов в контексте решения задач развития арктической территории. Данные проблемы наиболее выражены по сравнению с другими регионами российской Арктики [1].

⁴ Перечень важнейших показателей социально-экономического развития Мурманской области. URL: https://gov-murman.ru/region/ser_mo/?ysclid=mq4vlyjx182647475.

⁵ Молодые специалисты выбирают Мурманскую область: уже 850 человек переехали в регион с проектом «Курс на Север». URL: <https://gov-murman.ru/info/news/559552/?ysclid=mp1lqxq04j454050561>.

⁶ Численность и состав населения. URL: <https://51.rosstat.gov.ru/folder/222314?ysclid=mp1mceja3z415573878>.

⁷ Там же.

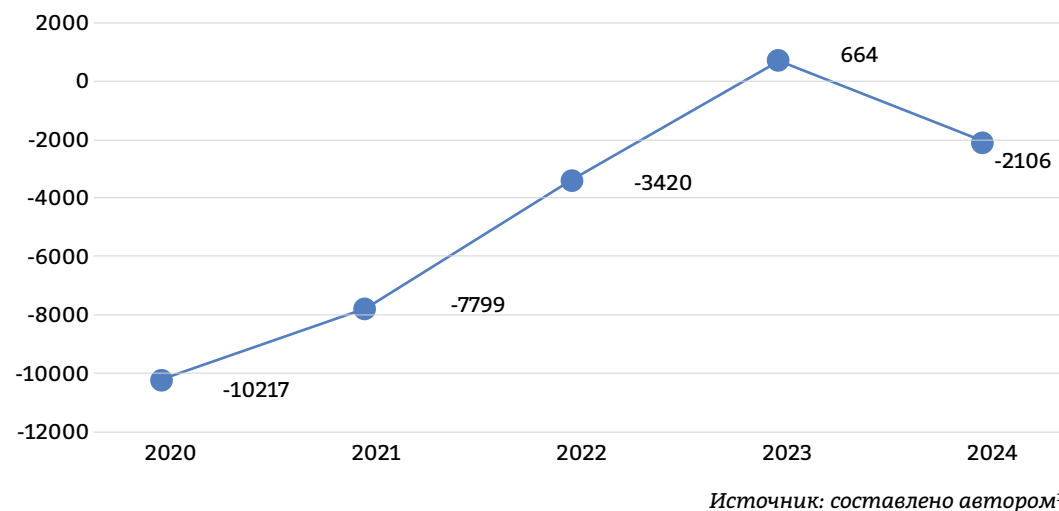
Численность молодежи (по категории от 14 до 35 лет) на начало 2023 г. составляла 170,0 тыс. чел. (26% населения территории), в 2025 г. – 144,875 тыс. чел. (22,2%). При этом самой многочисленной в молодежной когорте остается группа от 30 до 34 лет (28,98% от общей численности молодежи в 2023 г. и 27,50% в 2025 г.).

В свою очередь, лица пенсионного возраста (старше 60 лет) стабильно составляют около 21% от общей численности населения: в 2023 г. – 136 тыс. чел. (21%), в 2025 г. – 138,646 тыс. чел. (21,3%). Средний возраст жителя Мурманска в 2023 г. составлял 41,7 год, в 2025 – 40 лет. В 2025 г. средний возраст занятых в экономике – 42,4 г.⁸

В целом Мурманская область сталкивается с процессом демографического старения, который оказывает давление на экономику и социальную сферу.

Кроме того, в регионе выражен отток населения трудоспособного возраста, причем в значительной степени среди молодежи в возрасте 15–18 лет. В свою очередь, миграционный прирост в регионе крайне неустойчив. Зафиксированный впервые более, чем за 30 лет, в 2023 г. миграционный прирост уже в 2024 г. сменился значительной убылью, а в 2025 г. показал некоторый рост по сравнению с этим же периодом предыдущего года⁹ (Рисунок 2), продемонстрировав так называемые демографические качели.

Рисунок 2. Миграционный прирост / снижение (-), Мурманская область, чел.

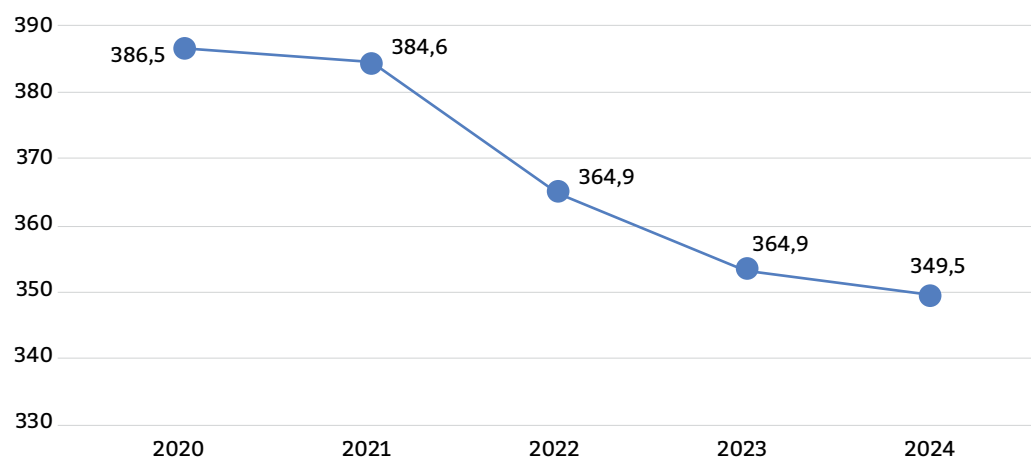


По данным Министерства труда и социального развития Мурманской области, с 2020 г. по 2024 г. численность рабочей силы в регионе сократилась на 37 тыс. чел. (Рисунок 3).

⁸ Мурманская область в цифрах // Федеральная служба государственной статистики, Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Мурманской области. Мурманск, 2025. С. 27–28.

⁹ Там же. С. 29.

¹⁰ Численность и состав населения. URL: <https://51.rosstat.gov.ru/folder/222314?ysclid=mp1mceja3z415573878>.

Рисунок 3. Динамика численности рабочей силы в Мурманской области, тыс.

Источник: составлено автором¹¹

В целом анализ демографической ситуации в Мурманской области за 2023–2026 гг. показывает, что демографическое давление сохраняется, а позитивные изменения, как, например, замедление темпов сокращения населения, выражены слабо. Несмотря на позитивные прогнозы, растет естественная убыль населения.

Итак, сложившаяся демографическая ситуация в Мурманской области при наличии некоторой положительной динамики может быть характеризована как уязвимая в силу крайней неустойчивости и медленного прироста показателей численности населения, что в целом можно квалифицировать как «демографические качели». Достижение демографической устойчивости сегодня и на перспективу становится одной из ведущих задач региональной политики. Ее решение предполагает, наряду с комплексом мер на уменьшение оттока населения с территории региона и стимулированием притока, наращивание темпов повышения рождаемости.

Снижение рождаемости является одной из наиболее сложных демографических проблем региона. В 2024 г. Мурманская область вошла в антирейтинг по показателям рождаемости по данным аналитиков проекта «Если быть точным», а именно среднее число детей на одну женщину, возраст вступления в первый брак, возраст рождения первого ребенка, среднее число замужеств для одной женщины, уровень аборт, использование современных методов контрацепции¹². По итогам 2025 г. коэффициент рождаемости продолжил снижение до 1,318. По данному показателю регион занимает 52-е место в общероссийском рейтинге.

Для преодоления данной проблемы в регионе реализуется комплекс мер социальной поддержки, причем в 2025 г. они были существенно расширены,

¹¹ Там же.

¹² Мурманская область попала в аутсайдеры рейтинга по рождаемости. URL: <https://murmansk.mk.ru/social/2024/05/31/murmanskaya-oblast-popala-v-outsaidery-reytinga-po-rozhdaemosti.html?ysclid=mpmytvpqfw751726003>.

например, среди новых такая мера, как «Родовая сумка»^{13,14}. В финансовом выражении в Мурманской области поддержка при рождении первого ребенка составила в 2025 г. около 1 млн руб.

2025 г. стал точкой отсчета для запуска двух новых Губернаторских проектов: «На Севере-малыш», направленного на оказание информационной помощи родителям, воспитывающим детей до 7 лет, и «Корпоративная демография», цель которого – совместная с индустриальными субъектами выработка мер по преодолению имеющегося выраженного дисбаланса родительства и профессиональной карьеры.

Принимаемые меры дают положительные результаты. С 2017 по 2023 г. количество многодетных семей возросло на 40% рост и составило в 2023 г. 9,5 тыс. Далее рост продолжился: к 2024 г. показатель достиг значения 9,556 тыс., а в 2025 г. составил 11,1 тыс. (прирост по сравнению с предыдущим годом 15,8%). В период с 2022 по 2023 гг. на 24 чел. увеличилось рождение первых детей – с 2,176 тыс. до 2,2 тыс. Также растет количество зарегистрированных браков (в 1 квартале 2025 г. – 151,4 тыс., что на 4,6% больше, чем в аналогичный период 2024 г.) и снижается количество разводов на 26,7%¹⁵.

В целом, как данные показатели, так и постепенное улучшение качества жизни, а также высокая, по сравнению с общероссийскими показателями, средняя заработная плата создают основу для будущего демографического роста. Однако пока рано говорить о смене в регионе тенденции к снижению рождаемости.

Для решения задачи повышения рождаемости, кроме мер поддержки, крайне важным, на наш взгляд, является позиция молодежи региона в отношении создания семьи и родительства как целевой группы. Изучение данной позиции, учет полученных результатов при разработке и реализации социальных мер для преодоления снижения рождаемости, очевидным образом повысит результативность предпринимаемых на региональном уровне усилий по решению демографической проблемы.

Данный посыл определил проведение нами в 2026 г. исследования семейных сценариев молодежи Мурманской области как социального выражения их позиции в отношении создания семьи и деторождения. Выборку составили представители студенческой молодежи (n=87) без выраженных миграционных установок, получающие среднее профессиональное и высшее образование. Из них 54% – лица мужского пола и 46% – женского пола, не состоящие и не состоявшие в браке, не имеющие детей.

Сбор эмпирических данных осуществлялся с помощью полуструктурированного интервью, их обработка была осуществлена с использованием качественно-количественной стратегии.

¹³ Государственная поддержка семей, имеющих детей, в Мурманской области. URL: <https://minsoc.gov-murman.ru/newfiles/mspdeti2025.pdf?ysclid=mpk4amnt36664799034>.

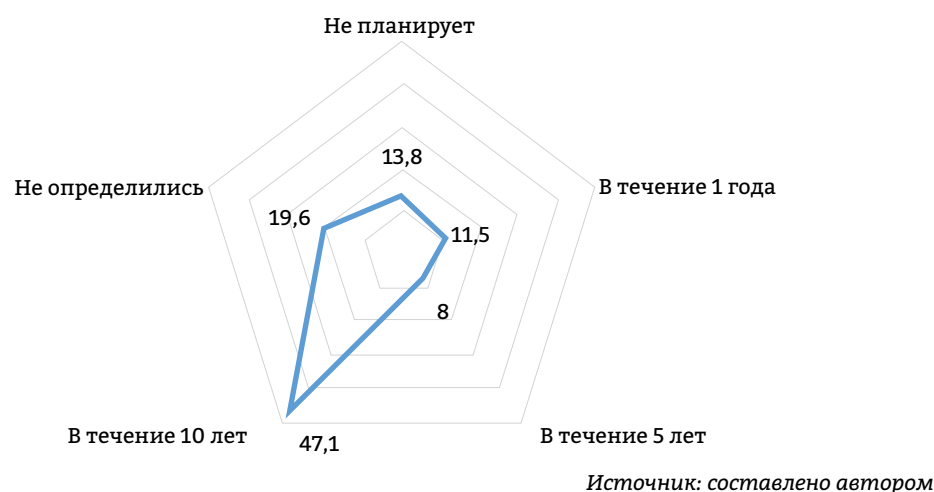
¹⁴ Поддержка будущих родителей и семей с детьми в Мурманской области. Сопровождение от беременности мамы до совершеннолетия ребенка. URL: <https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1779647748&tld=ru&lang=ru&name=1912613558c52f0432c6860662d15b75.pdf>.

¹⁵ В Мурманской области впервые за долгое время выросли показатели по рождению первых детей и на 40% увеличилось количество многодетных семей. URL: <https://gov-murman.ru/info/news/510660/?ysclid=mpy03zv4sc396390228>.

На основе методологически значимого подхода М.В.Вдовиной, которая рассматривает характеристики семьи в контексте не столько совместного проживания близких родственников, сколько наличия семейно-институциональных связей, ролевого взаимодействия в отношениях между ними, совместной общесемейной деятельности, направленной на реализацию семейных функций, [2] нами выделены следующие критерии анализа семейных сценариев: временной, ценностный, ролевой, функциональный.

Временной аспект семейных сценариев показывает преимущественно отдаленную перспективу создания семьи – в ближайшие 10 лет (47,1%). Отметим, что около трети выборки составляют те, кто не планирует создавать семью или не определился (13,8% и 19,6% соответственно). Планируют создать семью в перспективе 1 года 11,5% выборки, в перспективе 5 лет – 8,0% (Рисунок 4).

Рисунок 4. Временной период создания семьи в семейных планах молодежи Мурманской области, %



Более половины опрошенных (50,6%) планируют рождение 1 или 2 детей (19,5 и 31,1% соответственно). 41,3% участников опроса составляют те, кто не планирует рождение детей или не определился (24,1 и 17,2% соответственно) (Рисунок 5). Такое распределение ответов представителей молодежи демонстрирует достаточно выраженные тенденции к малодетности и добровольной бездетности.

Качественный анализ позволил выделить следующую типологию основных опасений молодежи, связанные с родительством, что требует особого внимания в разрезе молодежной и семейной политики.

Во-первых, жесткая регламентация образа жизни, отсутствие свободы и разнообразия («Изменится весь образ жизни», «Не будет спонтанности, рутина»).

Во-вторых, вынужденная необходимость перехода к от личной центрации к социальной (варианты ответов от «мягких»: «Время теперь нужно будет уделять теперь не только себе» до крайне негативных: «Да я себе не буду принадлежать... ограничения во всем», «Дети – это удавка на всю жизнь...»).

Рисунок 5. Планирование деторождения молодежью Мурманской области, %



В-третьих, избегание ответственности или стремление к ее минимизации («Очень большая ответственность за жизнь другого человека»).

В-четвертых, непосильность финансовых затрат («Денег надо много, чтобы детей обеспечить», «Денег и так не хватает»).

В-пятых, ожидаемый дисбаланс «карьера / работа – родительство» («Никакому работодателю это не понравится», «На работу будет меньше времени», «Навыки, скорее всего, потеряю во время декрета»).

Первые три группы опасений указывают на недостаточную личностную зрелость молодежи, четвертая и пятая группа обусловлены социальными предпосылками, одна ко и в том, и в другом случае содержание таких опасений прямо или косвенно отражает утрату родительством в восприятии молодежи ценностного характера, оно рассматривается в значительной степени как помеха в решении иных социально-личностных задач.

На наш взгляд, выделенные типы опасений в контексте потенциального родительства должны выступить как ведущие мишени в работе с молодежью, а социальные меры необходимо направить на нивелирование социальных предпосылок опасений.

В качестве образца выполнения родительских функций для молодежи преимущественно выступает пример собственных родителей, они же, по мнению молодежи, являются самыми надежными источниками информации по данному вопросу. В то же время, важность и значимость родительства воспринимается молодыми людьми как, по их словам, «пережиток прошлого», а социальные установки «дети –

цветы жизни», «все лучшее – детям» как устаревшие, неактуальные, навязанные предыдущим поколениям, вызывают у большинства опрошенных спектр оценок от нейтральных до выражено отрицательных, комментируются со скептицизмом, а в ряде случаев, весьма аффективно.

Следовательно, потенциал повышения социальной ценности родительства для молодежи объективируется как на мезоуровне социальной реальности – в сфере разрешения межпоколенческих конфликтов, так и на микроуровне – в налаживании детско-родительских отношений в период взросления. Здесь важно учесть, что ведущими ценностями, которые родители передают детям, по мнению представителей молодежи, выступают эмпатия, открытость миру, свобода, ментальная чистота.

Обобщая результаты исследования, мы выделили типы семейных сценариев, сложившиеся у молодежи. Определенные сценарии по временному критерию и по планам деторождения имеют две вариации: конструктивные (дающие основу для дальнейшего построения семьи) и открыто/скрыто деструктивные (нежелание создавать семью и/или становиться родителями). Неопределенные сценарии отражают отсутствие уверенности и четкости в отношении планов создания семьи и деторождения, соответственно могут в дальнейшем трансформироваться как в конструктивные, так и в деструктивные варианты.

Таким образом, «обживание» арктических территорий требует внимания к человеку как к субъекту территории. В сфере многочисленных социально-демографических рисков, изученных на примере Мурманской области, особую остроту в современной ситуации приобретает снижение рождаемости. Предпринимаемые меры социальной поддержки материнства и детства в регионе имеют положительный эффект.

Вместе с тем выявленные семейные сценарии студенческой молодежи Арктики демонстрируют их недостаточную определенность или деструктивность, откладывание создания семьи, тенденции к малодетности и добровольной бездетности, что определяется, по нашим данным, двумя основными факторами. Во-первых, опасениями молодежи в сфере создания семьи и деторождения (среди наиболее явно представлены жесткая регламентация образа жизни, отсутствие свободы и разнообразия; вынужденная необходимость перехода от личной центрации к социальной; избегание ответственности или стремление к ее минимизации; непосильность финансовых затрат; ожидаемый дисбаланс «карьера/работа – родительство»), во-вторых, нивелированием в представлениях молодежи ценности родительства, в том числе, в контексте межпоколенческого конфликта. Данные факторы, имея личностную и социальную природу, должны выступать в качестве мишеней воздействия в работе с молодежью. Для достижения демографической устойчивости важно, наряду с расширением мер социальной поддержки, формировать у молодежи позитивные установки и намерения по созданию семьи и деторождению, повышать ценность родительства как значимой социальной роли.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Бажутова Е.А. Особенности миграционных потоков регионов российской Арктики в контексте решения задачи удержания населения // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2025. № 1. С. 180–196.
2. Вдовина М.В. Регулирование межпоколенческого конфликта в семье // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2008. № 4. С. 70–82.
3. Губина О.В., Проворова А.А. Современные подходы к хозяйственному освоению арктических территорий РФ В аспекте перспективного пространственного развития // Фундаментальные исследования. 2018. № 11-1. С. 46–51.
4. Жигунова Г.В., Шарова Е.Н. Оценка привлекательности жизни в российской Арктике (на примере Мурманской области) // Теория и практика общественного развития. 2023. № 6(182). С. 33–42.
5. Замятина Н.Ю., Гончаров Р.В. Арктическая урбанизация: феномен и сравнительный анализ // Вестник Московского университета. 2020. Серия 5: География. № 4. С. 69–82.
6. Максимов А.Ю. Обеспечение высокого качества жизни населения Мурманской области в условиях региональной специфики // Инновации и инвестиции. 2023. № 8. С. 133–137.
7. Пилясов А.Н., Путилова Е.С. Оспаривая очевидное: арктические города // Городские исследования и практики. 2020. Т. 5. № 1. С. 9–32.
8. Пономарев В. Третий заход // Эксперт. 2017. № 13. С. 46–49.
9. Самарина В.П., Скуфьина Т.П., Серова Н.А., Яковчук А.А. Качество жизни населения Мурманской области: субъективные оценки и объективные характеристики // Арктика и Север. 2024. № 56. С. 190–209. <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2024.56.190>.

Большаков Сергей Николаевич,
 начальник научно-методического отдела –
 ученый секретарь ученого совета Президентской
 библиотеки имени Б.Н.Ельцина,
 профессор Коми республиканской академии
 государственной службы и управления,
 доктор экономических наук,
 доктор политических наук

Территориальные и глобальные нарративы Китая в Арктическом регионе¹

АННОТАЦИЯ

Представлен анализ территориальных и глобальных нарративов, использование которых позволяет Китаю определять свое присутствие и легитимизировать деятельность в Арктическом регионе. Целью является попытка определить и систематизировать ключевые нарративные стратегии КНР в территориальном и глобальном контекстах, определить инструменты их реализации. Методологической базой явился комплекс методов анализа, в т.ч. контент-анализ китайских официальных документов, медийных материалов и экспертных публикаций, а также институциональный анализ. Результаты исследования позволили выделить территориальные нарративы медиа дискурса КНР и глобальные нарративы (климатическая ответственность, «сообщество единой судьбы человечества», многополярность, инфраструктурный глобализм, технологическое лидерство, ответственный инвестор, новые режимы управления данными). По результатам исследования можно констатировать, что медийный дискурс КНР собирает в себе защитные, кооперативные и научно-климатические сюжеты, что позволяет Пекину одновременно отвечать на внешнюю критику и продвигать образ ответственной глобальной державы. Сделан вывод, что научная дипломатия, институциональная интеграция и инфраструктурные проекты служат ключевыми механизмами мягкой легитимизации китайского присутствия, однако сохраняющиеся геополитические риски и политизация науки могут ограничить эффективность этой стратегии.

Ключевые слова: Арктика, Китай, нарративы, научная дипломатия, Полярный шелковый путь, геополитика, мягкая сила, медийный дискурс

Актуальность исследования обусловлена тем, что в такие вызовы как стремительные изменения климата и окружающей среды, глобализация, активное использование путей судоходства, а также внедрение передовых технологий добычи ресурсов создают крайне уязвимую и нестабильную ситуацию в Арктике [4]. Возможные неопределенности, возникающие во взаимодействии природных и человеческих факторов, дополнительно обостряются геополитическими противоречиями и ошибочными представлениями великих держав. Поскольку Арктика становится эпицентром нарастающей неопределенности, учеными высказывается предположение, что научное сотрудничество и совместное производство знаний могут сыграть стабилизирующую роль [1–3].

Настороженность вызывают и самоопределение Китая как «приарктического государства» и «заинтересованной стороны». Китайский адмирал в отставке отметил,

¹ Полный текст статьи опубликован в журнале «Россия и мир: научный диалог». 2026. № 3(21). URL: <https://www.russia-world.ru/jour>.

что «Арктика принадлежит всему человечеству, и ни одно государство не обладает суверенитетом над ней»². Строительство крупного нового посольства Китая в Рейкьявике и инвестиционные планы китайской горнодобывающей компании в Гренландии были восприняты как свидетельство экспансионистских амбиций Пекина [6]. Международные СМИ развернули широкую кампанию предположений о деятельности Китая в Арктическом совете – от инвестиций в нефть и газ до судоходных маршрутов и потенциальных военных баз, что заставило Министерство иностранных дел КНР официально опровергнуть слухи о масштабных вложениях в Гренландию. Неудивительно, что попытка Китая получить статус постоянного наблюдателя в Арктическом совете, особенно в вопросах энергетики и обороны, не увенчалась успехом. До и после окончательного решения Пекин неоднократно заявлял о признании суверенных прав арктических государств и о приверженности нормам и принципам, закрепленным в арктическом режиме³ [5].

Международное арктическое научное сотрудничество опирается на разветвленную инфраструктуру, которая облегчает обмен исследовательскими группами, доступ к платформам, материалам, образцам, данным, оборудованию и лабораторным мощностям. В качестве примера можно привести Комитет научных менеджеров Нью-Олесунна, который координирует использование общей исследовательской и лабораторной базы⁴. Китайские ученые являются полноправными членами большинства подобных многосторонних объединений, включая Сеть наблюдений за Арктикой, Международный арктический научный комитет, Университет Арктики, Форум операторов арктических исследований, Международную сеть наземных исследований и мониторинга в Арктике, Ассоциацию молодых полярных исследователей, Международную арктическую академию и другие организации⁵.

Собственная полярная исследовательская деятельность Китая восходит к началу 1980-х гг., когда китайские ученые начали активно принимать участие в совместных исследовательских программах с зарубежными коллегами. В 1980-е гг. китайская наука активно формировала направления арктических исследований, было организовано 31 национальное арктическое исследование. В 2012 г. была принята Китайская арктическая исследовательская инициатива, что свидетельствует о системном подходе государства к развитию полярных исследований. Китайские специалисты вносят вклад в международные проекты, участвуя в совместных работах как по естественно-научным, так и по прикладным направлениям, что подтверждает их репутацию ответственных и надежных партнеров в деле мирного освоения и изучения Арктики⁶.

² Jakobson L., Peng J.C. China's Arctic Aspirations. 2012. URL: <https://www.sipri.org/publications/2012/sipri-policy-ppers/chinas-arctic-aspirations>.

³ Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China/ / China's Arctic Policy. 2018. URL: http://www.fmprc.gov.cn/web/ziliao_674904/tytj_674911/zcwj_674915/t1529258.shtml.

⁴ Ny-Alesund Science Managers Committee. Shared Research Infrastructure'. 2016. URL: <http://nysmac.npolar.no/research/research-infrastructure.html>.

⁵ Snow Dragon: China's Arctic Policy Facing New Challenges // International Relations. 2024. URL: <https://journals.rudn.ru/international-relations/article/view/41023>.

⁶ Can China change the Arctic regime? // Polar Record. 2023. URL: <https://www.cambridge.org/core/services/aop-cambridge-core/content/view/6FB5A7F74089A46C2EB36CD973562595/S0032247423000244a.pdf/>; China's Arctic Policy // State Council of the People's Republic of China. 2018. URL: https://english.www.gov.cn/archive/white_paper/2018/01/26/content_281476026660336.htm; Chinese Arctic and Antarctic Administration. 中国首艘自主建造 极地科学考察破冰船正式开工 [The First Polar Research Vessel Made by China Start Working] 2016. URL: http://www.chinare.gov.cn/caa/gb_news.php?modid=01002&id=191529.

Получив статус наблюдателя в Арктическом совете, Китай последовательно поддерживает деятельность этой ключевой региональной организации, которая координирует обсуждения и оценку работы специализированных групп, состоящих из ученых как арктических, так и неарктических государств⁷. По мере расширения сетей китайских университетов и исследовательских институтов в Арктике они все активнее внедряют установленные нормы и процедуры, закрепленные в структуре Арктического совета и других региональных институтов⁸. В рамках устоявшихся институциональных механизмов взаимное доверие формируется на основе профессионализма. Хотя вклад китайских ученых в рабочие группы Арктического совета пока может казаться недостаточным, сама логика совместного производства объективного знания способствует институциональной прозрачности, открытости и доверию к методам исследования [3].

Убеждение в том, что объективная экспертиза должна влиять на политические решения, нашло свое воплощение в деятельности выше Китайского центра арктических исследований (CNARC), который представляет собой целенаправленную попытку Китая институционализировать свое научное присутствие в регионе.

Институты научной дипломатии могут приносить важные дополнительные результаты. В случае с Арктикой накопленный экспертный опыт оказывает влияние и на внутреннюю политику соответствующих стран. Десять организаций-учредителей CNARC выступают в качестве ключевых консультативных органов при разработке арктической политики своих государств. Например, директор Норвежского полярного института входит в состав Норвежского полярного комитета – межведомственного органа, куда также включены государственные секретари по полярным вопросам. Ведущие китайские полярные исследователи аналогичным образом участвуют в формировании арктической политики Китая. Институциональная интеграция науки и политики в Китае способствует укреплению доверия среди государств-членов к региональным управленческим структурам, несмотря на сохраняющиеся опасения по вопросам безопасности, связанные с ускоряющимися процессами глобального управления [3].

Отдельно отметим, что отношение к политизации науки, которая нередко формирует повестку научной дипломатии, существенно различается от страны к стране. По нашему мнению, когда научное сотрудничество начинает преследовать преимущественно политические цели, оно утрачивает свои профессиональные принципы и стандарты, что неизбежно подрывает доверие между международными партнерами. Политизированная наука вызывает обоснованную тревогу в тех случаях, когда исследовательские темы подчиняются национальным интересам, а не рассматриваются как университетское знание, которое априори является общественным благом. Другая форма чрезмерной политизации возникает, когда ученые, занятые исключительно дипломатической или административной работой, постепенно утрачивают связь с собственно научной деятельностью. В связи с этим многие ученые выражают обеспокоенность по поводу используемой терминологии. Сам

термин «научная дипломатия», как они полагают, уже придает их работе политический оттенок, в том числе и в сфере научных исследований. Поэтому некоторые исследователи предпочитают избегать этого понятия или вовсе отказываются от ярлыка «ученые-дипломаты», чтобы сохранить нейтральную, независимую позицию. Соответственно, в парламентских или государственных структурах нередко используется более нейтральная лексика, такая как «группы ученых» или «этическое научное сообщество», вместо прямого упоминания научной дипломатии⁹.

Однако, признавая позитивный потенциал институциональной интеграции науки и политики, важно отдавать себе отчет в том, что сама логика сближения этих сфер несет в себе внутренние противоречия. Если накопленный экспертный опыт и консультационные механизмы действительно способствуют укреплению доверия и выработке взвешенных решений, то обратной стороной этого процесса становится неизбежный риск подчинения исследовательской повестки политическим приоритетам. По нашему мнению, подобная дилемма: между полезной взаимосвязью науки и управления и опасной политизацией научного знания, порождает острые дискуссии в академическом сообществе. Как показывает практика, отношение к политизации науки существенно различается не только между странами, но и внутри отдельных институтов, что ставит перед участниками арктического сотрудничества непростые этические и профессиональные вопросы.

Арктический совет укрепил свои позиции благодаря международным обязательным соглашениям по ликвидации нефтяных разливов и поисково-спасательным операциям. Эти документы впервые наделили совет контрольными функциями, хотя основная регуляторная роль в морской сфере по-прежнему принадлежит Международной морской организации (ИМО). Финляндия, когда председательствовала в Совете в 2017–2019 гг., активно прилагала усилия в работу совета, поскольку была заинтересована в усилении роли Совета как форума сотрудничества, учитывая глобальное значение Арктики, и стремилась оградить его от международных противоречий.

Вопрос о членстве ЕС – Европейского союза в Арктическом совете в качестве наблюдателя теперь может быть решен положительно. ЕС получил одобрение консенсусом, хотя ранее вступление блокировала оговорка Канады, касающаяся использования тюленьей продукции, впоследствии снятой. Помимо Канады, активизирует свою арктическую политику и США. Финляндия активно проявляет инициативу, начав подготовку и в деловой сфере; совместно с США продвигает общие вопросы в повестке Совета, используя модель «тройки председателей», известную по работе органов ЕС.

Хотя стараются не допускать в работу различные международные политические споры среди членов Арктического Совета, проблемные вопросы все же влияют на арктическое сотрудничество, особенно в геополитических вопросах (после конфликта с Украиной в 2022 г., технологических аспектах, контроле территорий, освоения арктических маршрутов и спасательных операциях (SAR), включая совместные учения. В вопросах безопасности и военной политики Россия и США усиливают оборону своих арктических зон. Прибрежные государства заинтересованы в контроле над природными

⁷ Arctic Council. Working Groups'. 2015. Available from: <http://www.arctic-council.org/index.php/en/about-us/working-groups>.

⁸ Arctic is not US' backyard; Washington's overreaction shows... // China Military Online. 2025. URL: http://eng.chinamil.com.cn/2025xb/W/A_251464/16404357.html.

⁹ Chinese Arctic and Antarctic Administration. 中国首艘自主建造 极地科学考察破冰船正式开工 [The First Polar Research Vessel Made by China Start Working] 2016. URL: http://www.chinare.gov.cn/caa/gb_news.php?modid=01002&id=191529.

ресурсами и обеспечении своих региональных претензий, однако им следует проявлять сдержанность и избегать конфликтов в Арктике.

Арктический экономический совет (АЕС) учрежден в сентябре 2014 г. как независимый экономический орган, объединяющий восемь арктических стран и представителей коренных народов. На подготовительных встречах обсуждалось расширение состава за счет стран-наблюдателей Арктического совета (Нидерланды, Великобритания, Испания, Южная Корея, Япония, Китай, Польша, Франция, Германия, Сингапур).

Северный арктический деловой совет (NABC) проект, запущенный в 2014 г. по инициативе Центрального союза предпринимателей Норвегии. В нем участвуют центральные бизнес-организации, а членами являются руководители предприятий из Норвегии, Швеции, Дании, Исландии и Финляндии. Секретариат представляет каждую страну один представитель от центрального союза; мандат проекта рассчитан на два года. NABC разрабатывает рекомендации по улучшению условий ведения бизнеса в Арктике и способствует созданию сетей. Поскольку цели и участники NABC в значительной степени совпадают с АЕС, деятельность NABC фактически интегрируется в работу АЕС.

Анализ исследований и публичного дискурса в части реализации инициатив КНР в отношении региона Арктики позволяет выделить территориальные нарративы Китая в Арктике. Регион Арктики выступает как «общий фронт» вне классической логики территориального раздела. КНР последовательно продвигает образ Арктики как пространства совместного освоения, где приоритет принадлежит международному праву и многосторонним режимам, а не традиционным схемам геополитического размежевания. Это позволяет КНР легитимировать свое присутствие без претензий на формальный арктический суверенитет, но с правом активного участия в принятии решений¹⁰.

Все шире распространяется нарратив «почти арктической державы». В официальных документах и экспертном дискурсе Китай конструирует идентичность «ближнеарктического» или «почти арктического» государства, подчеркивая географическую близость к высокоширотным районам, подчеркивая уязвимость к последствиям арктического потепления и вовлеченность в арктические транспортные и ресурсные цепочки. Подобный нарратив расширяет круг легитимных участников арктической политики за пределы восьми арктических государств. Ширится дискурс территориализации морских коммуникаций через «Полярный шелковый путь». Проекты развития Северного морского пути и других арктических путей интерпретируются как северное ответвление инициативы «Пояс и путь», что закрепляет маршруты через российскую и международную акваторию как элементы единого геоэкономического пространства Китая. Это создает мягкую форму территориальности не в форме суверенитета, а в форме инфраструктурно-логистического контроля.

Раскрывается и ресурсный нарратив, в котором Арктика выступает как стратегический запас энергии и сырья. Китайские документы и медиа подчеркивают

значимость арктических углеводородов, редкоземельных и биоресурсов для долгосрочной национальной безопасности и экономического роста¹¹. Территория Арктики в этом нарративе предстает как «энергетический и ресурсный резервуар» глобального Юга и Востока, к которому Китай имеет право доступа на основе партнерства и инвестиций.

Отметим, что масс-медийный дискурс на поверхность выносит нарратив научной присутственности («территория науки»). Как выше уже отмечалось, через сеть полярных станций, научных судов, экспедиций и совместных исследовательских проектов КНР закрепляет образ Арктики как пространства легитимного научного присутствия¹². Географическое присутствие оформляется не как военное или политическое, а как научноисследовательское, что снижает конфликтность и расширяет право на присутствие.

Для КНР важен процесс совместной территориальности с Россией и другими арктическими государствами. В отношении России и ряда северных стран продвигается нарратив «совместного освоения» и «взаимодополняемости территорий», через необъятные российские пространства и ресурсы посредством китайских технологий, капиталов и рынков. Территориальная роль Китая мыслится как встроенность в уже существующий суверенитет партнеров, а не как его альтернатива.

Исследование позволяет выделить следующие глобальные нарративы Китая в Арктике. Во-первых, «Арктика как часть глобального экологического и климатического режима» – КНР позиционирует Арктику как ключевую «климатическую лабораторию» планеты и подчеркивает свою ответственность за участие в решении общепланетарной проблемы изменения климата. Это позволяет вписать арктическую повестку в глобальные климатические переговоры, где Китай выступает важным игроком. Во-вторых, глобальный нарратив «сообщества единой судьбы» в высоких широтах, которые реализуется через концепцию «сообщества единой судьбы человечества», Пекин распространяет идею, что судьба арктических экосистем и экономик неотделима от судьбы стран глобального Юга и Востока. Арктика становится символом глобальной взаимозависимости, где Китай претендует на роль ответственного архитектора новых правил¹³.

В-третьих, к глобальному нарративу отнесем и посыл «Арктика как узел многополярной глобализации». В китайском дискурсе Арктика рассматривается не как периферия Запада, а как один из узлов формирующейся многополярной системы, здесь пересекаются интересы России, Китая, стран Северной Европы, Северной Америки и азиатских партнеров. КНР тем самым вписывает свое арктическое присутствие в более широкий нарратив «альтернативной глобализации» вне доминирования традиционных западных центров.

11 China, Russia navigate in Arctic cooperation // China Daily. 2024. URL: https://global.chinadaily.com.cn/opinion/5c234d0da310d91214051112/page_108.html; China's Arctic Policy // State Council of the People's Republic of China. 2018. URL: https://english.www.gov.cn/archive/white_paper/2018/01/26/content_281476026660336.htm.

12 Chinese Arctic and Antarctic Administration. 中国首艘自主建造 极地科学考察破冰船正式开工 [The First Polar Research Vessel Made by China Start Working] 2016. URL: http://www.chinare.gov.cn/caa/gb_news.php?modid=01002&id=191529.

13 Costly Signaling and China's Strategic Engagement in Arctic Regional Governance // Politics and Governance. 2023. URL: <https://www.cogitatiopress.com/politicsandgovernance/article/download/7222/3494>.

10 Chinese Arctic and Antarctic Administration. 中国首艘自主建造 极地科学考察破冰船正式开工 [The First Polar Research Vessel Made by China Start Working] 2016. URL: http://www.chinare.gov.cn/caa/gb_news.php?modid=01002&id=191529; Costly Signaling and China's Strategic Engagement in Arctic Regional Governance // Politics and Governance. 2023. URL: <https://www.cogitatiopress.com/politicsandgovernance/article/download/7222/3494>.

В-четвертых, нарратив «инфраструктурный глобализм – интеграция Арктики в мировые цепочки поставок» раскрывает тот факт, что освоение Северного морского пути и арктических портов подается как способ сократить расстояние между Восточной Азией и Европой, диверсифицировать глобальные логистические коридоры и снизить риски зависимости от узких «бутылочных горлышек» вроде Малаккского пролива. Китайский нарратив акцентирует вклад в устойчивость глобальных цепочек поставок, а не только в национальную выгоду.

В-пятых, «глобальный нарратив научнотехнологического лидерства» означает, что арктические исследования используются как витрина высоких технологий Китая, от ледокольного флота и спутникового мониторинга до систем прогнозирования климата и добывающих технологий в экстремальных условиях. Арктика включается в глобальный образ Китая как научнотехнологической державы, способной работать в различных «краевых» пространствах планеты. В-шестых, отметим нарратив «ответственного инвестора» и партнера развития. Посредством арктических проектов в энергетике, транспорте и связи Китай транслирует образ долгосрочного, «ответственного» инвестора, который привносит в регион капиталы, технологии и инфраструктуру, а не только извлекает ресурсы. Это противопоставляется образам хищнической добычи и позволяет вписать Китай в глобальный дискурс устойчивого развития.

Арктика выступает как площадка тестирования глобальных режимов управления данными и информацией. В условиях активного сбора климатических, навигационных и данных о ресурсах Китай продвигает нарратив о необходимости новых режимов обмена данными, совместных платформ мониторинга и открытой науки в Арктике. Это связывает арктическую повестку с глобальными дискуссиями о цифровом суверенитете, управлении научными данными и справедливом доступе к информации.

В заголовках и ключевых текстах китайских СМИ об Арктике устойчиво повторяется несколько крупных смысловых линий. Контентанализа по открытым англо и китайско-язычным материалам (Синьхуа- «Xinhua», Глобал Таймс – «Global Times», Чайна Дэйли – «China Daily», «Жэньминь жибао», официальные ресурсы КНР) за с 10.12.2025 по 21.06.2026 г., (единица анализа заголовков и лид-новости; категории кодирования: безопасность/угроза, экономика/логистика, наука/климат, дипломатия/многополярность, право/легитимность) позволяет выделить следующие тематические кластеры заголовков.

Медийный дискурс КНР об Арктике строится вокруг сочетания защитного (снятие образа угрозы), кооперативно-экономического (логистика, ресурсы, «Полярный Шелковый путь») и научноклиматического нарративов, вписанных в рамку многополярности и «сообщества единой судьбы». Это позволяет Пекину одновременно легитимировать свое присутствие, отвечать на внешнюю критику и продвигать образ ответственной глобальной державы в Арктике.

Анализ территориальных и глобальных нарративов Китая в Арктике позволяет утверждать, что выбранная стратегия КНР в Арктическом регионе носит многоуровневый и неконфронтационный характер. Китай последовательно дистанцируется от классических военно-политических моделей освоения Арктики, предпочитая им инструменты «мягкой силы», такие как: научную дипломатию, институциональную интеграцию, экономическое партнерство и инфраструктурные проекты. Ключевым

элементом подхода КНР при реализации Арктических проектов является создание и продвижение системы взаимодополняющих нарративов, которые одновременно легитимизируют присутствие КНР в регионе, снижают чувствительность к внешней критике и формируют образ ответственного глобального игрока.

Особую роль в балансе выбранной стратегии КНР играет научное измерение. Активное участие Китая в международных арктических исследованиях, создание собственных полярных станций и разветвленной сети двусторонних и многосторонних соглашений преобразуют Арктику в «пространство науки», т.е. то пространство, где географическое присутствие оправдывается не суверенными претензиями, а вкладом в решение общемировых климатических и экологических задач. Посредством реализации программ научной кооперации КНР не только укрепляет доверие со стороны арктических государств, но и институционализирует свое право на участие в принятии решений.

Вместе с тем медийный дискурс КНР об Арктике демонстрирует четкую двойственность. С одной стороны, китайские официальные и проправительственные СМИ активно развивают интеграционные и климатические нарративы, подчеркивая приверженность принципам «выиграл», международному праву и концепции «сообщества единой судьбы человечества». В ответ на обвинения в экспансионизме, с другой стороны, формируется защитный, полемический нарратив, направленный на дезавуирование образа «китайской угрозы» и критику западных, прежде всего американских, подходов к арктической безопасности. Эта нарративная гибкость позволяет Китаю одновременно участвовать в глобальных климатических переговорах, выстраивать стратегическое партнерство с Россией (в том числе в рамках «Полярного шелкового пути»), позиционировать себя как альтернативного инвестора и технологического лидера, не вступая в прямую конфронтацию с существующим арктическим порядком.

Арктика для Китая выступает не только как ресурсный и логистический резерв, но и как конкурентное геополитическое пространство для отработки новых моделей глобального управления, где научная дипломатия, инфраструктурный глобализм и нарратив многополярности служат инструментами постепенного переформатирования региональных правил игры. Устойчивость китайского присутствия в Арктике будет зависеть от способности КНР удерживать баланс между экономическими интересами, научной открытостью и геополитической осторожностью, а также от готовности арктических государств к диалогу в условиях нарастающей неопределенности.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Bertelsen R.G. Triple-Helix Knowledge-Based Sino-Nordic Arctic Relationships for Trust and Sustainable Development // *Advances in Polar Science*. 2016. № 27(3). Pp. 180–184.
2. Bertelsen R.G., Li X., Gregersen M.H. Chinese Arctic Science Diplomacy: An Instrument for Achieving the Chinese Dream? // Conde E., Iglesia Sanchez S. (eds.) *Global Challenges in the Arctic Region*. New York: Routledge, 2016. Pp. 442–460.
3. Bertelsen R.G., Su P. Knowledge-Based Institutions in Sino- Arctic Engagement: Lessons for the Belt and Road Initiative // Mayer M. (ed.), *Rethinking the Silk Road*. Singapore: Palgrave Macmillan. 2018. Pp. 147–160.
4. Leichenko R., O'Brien K. *Environmental Change and Globalization: Double Exposures*. Oxford: Oxford University Press. 2008.
5. Peng J., Wegge N. China and the Law of the Sea: Implications for Arctic Governance // *The Polar Journal*. 2014. № 4(2). Pp. 287–305.
6. Su P., Lantaigne M. China's Developing Arctic Policies: Myths and Misconceptions // *Journal of China and International*. 2015. Vol. 3. № 1. P. 1–25.

Желнина Зоя Юрьевна,
заведующая кафедрой сервиса и туризма
Мурманского арктического университета,
кандидат философских наук

Потенциал креативных пространств и тематической инфраструктуры в туризме арктических территорий

АННОТАЦИЯ

Обсуждается взаимовлияние креативных индустрий и туризма, тема раскрыта на материалах исследования креативных пространств и тематических туристских локаций. Экономика креативного сектора изменяет модели функционирования креативных пространств, усиливая их зависимость от потоков потребителей, межотраслевых коллабораций. Не менее быстрыми темпами идет трансформация туристской инфраструктуры. Выполняя прагматическую сервисную функцию, туристская локация становится самостоятельной аттракцией, где впечатления, эстетика пространства, события обеспечивают высокую привлекательность, устойчивость туристских потоков. Наблюдается сближение моделей бизнеса туристских и креативных пространств. Локация, территория становится самостоятельным креативным продуктом. Специфика Мурманской области как арктического региона в том, что креативные пространства реализуют в большей мере миссию культурного агента, в то время как туристские локации идут по пути предложения креативного продукта (гастрономия, события, контент мультимедиа, сувенирная продукция и т.п.), туристские потоки влияют на предлагаемый продукт. Обобщены исследования 2024–2026 гг. по теме коллаборации туризма и креативных индустрий.

Ключевые слова: арктический туризм, арктические территории, Мурманская область, тематическая локация, экономика впечатлений, искусственная аттракция, креативный кластер

В современном дискуссионном поле о социальных процессах тема коллаборации креативных индустрий и туризма уже прошла этап новизны, стала более многогранной по составу обсуждаемых проблем, и одно из новых направлений раскрывает тему трансформации туристской инфраструктуры, которая теперь рассматривается не только с точки зрения сервиса, но и как самостоятельная аттракция, магнит туристских прибытий, где бизнес-модель построена именно в ключе экономики впечатлений. Тематические локации привлекают туристские потоки, а исследователи выступают в роли квалифицированного наблюдателя, поскольку этот процесс происходит в текущем времени. Одновременно с объективными процессами изменений туристского потребления, существенным фактором становится комплекс решений национального проекта «Туризм и гостеприимство», где в приоритете усилия по развитию туристской инфраструктуры и созданию новых точек притяжения. Особый интерес вызывает эта тема в русле изучения туризма арктических территорий, так как заметен не только рост туристского потока, но и изменения когорт путешественников, усложнения туристского бизнеса. Арктика

как пространство нового индустриального освоения трансформирует многие модели территориального развития, арктической урбанистики, арктического туризма, поэтому коллаборации креативных индустрий и туризма также позволяют сформировать решения, отражающие специфику региона.

Тематические пространства в туризме и пространства в креативных индустриях прошли самостоятельные пути развития, хотя сейчас их функционирование получило многие схожие черты. Это можно объяснить сближением моделей потребительского поведения, где эстетика и смыслы пространства становятся необходимым компонентом впечатления.

Внимание к теме креативных пространств является логичным продолжением развития исследований такого феномена как креативные индустрии. Их история связана с установлением особенностей трансформации культуры и становлении понятия «культурные индустрии» (с 1947 г. в работе «Диалектика просвещения» Т.Адорно и М.Хоркхаймер), негативная коннотация постепенно получила новые трактовки и развитие, когда в 60-е гг XX в. исследователи социальных процессов выделили процесс коммерциализации в этой сфере не только как устойчивый, но и набирающий силу, ветвящийся и создающий новые практики (как негативные, так и позитивные). Собственно понятие «креативные индустрии» было закреплено в 1998 г., но еще раньше обсуждались темы креативного класса, креативного города, что еще более расширило спектр обсуждения. И к настоящему времени креативность рассматривают как форму специфического социального института, поскольку здесь на регулярной основе существуют и само понятие, и механизмы его влияния на другие социальные процессы, возможности реализации запросов и ожиданий [5, с. 102]. К тому же следует говорить о том, что креативность создает ожидание чего-то большего чем высказанный запрос. В экономическом ключе возникает обсуждение добавленной стоимости, в социальном – достижение нового уровня социальных связей, развитие личности (микрообщества), а также с 2010-х гг. растет число публикаций, где связаны креативные индустрии, городские пространства и развитие территорий [3].

Появление креативных пространств было связано и с другим трендом – в 90-х гг. XX в. сверхактуальными стали урбанистические решения по ревитализации объектов промышленности, утративших свою функциональность. Старые фабрики, вокзалы, склады и многие другие объекты стали бременем муниципального бюджета, поэтому движение по созданию на их основе пространств для творчества, локального бизнеса и фестивальной практики стало универсальным решением для локаций многих стран мира. Успех был видимым, поэтому появилось значительное число работ, анализирующее этот социальный феномен, сложились методические подходы к созданию пространств, где главной функцией становится выявление и поддержка талантов, деловое и творческое взаимодействие в интересах создания креативного продукта. Активно идет процесс нормотворчества и организационной институализации креативных индустрий во многих городах. Наиболее четкие описания получили понятия «арт-пространство» и «креативный кластер». Обобщая методологические исследования, можно сформулировать и предложить к обсуждению следующие определения.

Арт-пространство – многофункциональное место, где сконцентрированы материальные и организационные ресурсы для реализации проектов и событий мира искусства (от классического до визионерских проектов в стиле арт-науки).

Креативный кластер – географически сконцентрированная группа предприятий, использующая общую инфраструктуру для реализации отдельных проектов и длительно действующего бизнеса, построенного на получение дохода от вовлечения в производство индивидуального творчества, мастерства и таланта.

Другими словами, арт-пространства ориентированы на творческое сообщество, создание для них пространства-оранжереи их достижений, а креативный кластер в большей мере бизнес-модель достижения экономических результатов и устойчивости за счет связей и рационализации затрат.

Города, где были предприняты усилия по трансформации городского пространства, получили преимущества в процессах диверсификации экономики, привлечении креативного класса, однако, весь комплекс ожиданий, связанных с этими пространствами, не был реализован. Предположительно креативный кластер, арт-пространство должны были выступать как некая лаборатория творчества, сотрудничество единомышленников, а продуктом становились новые формы, события, связи и т.п. В этом случае город, создавая условия для существования, должен был получать выгоды экономического и социального характера. Но логика управления «ресурс – алгоритм преобразования – искомый продукт» в креативных индустриях не является однозначно результативной. В управлении выявились проблемы, подтвердившие неустойчивость, асинхронность усилий и результатов, что является имманентными свойствами творчества. Реальность такова, что креативные кластеры, арт-пространства вынуждены искать ресурсы материального и финансового обеспечения, что закономерно развернуло эти пространства в сторону туризма, последний выступает весьма устойчивым потоком-потребителем креативности как в материальном, так и событийном формате.

Туризм как объект исследования находится в постоянном изменении, поскольку для него актуальны вопросы рекреационной географии, культурных мотиваций, многообразия экономических моделей, иные подходы не менее продуктивны, а взаимовлияние креативных индустрий и туризма находит все более точек пересечения. Частным, но важным аспектом в этом случае становится изучение и моделирование развития тематических туристских локаций.

Тематическая туристская локация – вид искусственных аттракций в виде пространства, объединяющего сервисную инфраструктуру, объекты и события культурного интереса, что в комплексе способно создавать устойчивые туристские потоки.

Конечно, в любом случае пространство создает сенсорные практики (тактильные, визуальные, звуковые, ароматические и др.), но генерирующим фактором аттрактивности туристской локации является совокупность культурных смыслов, которые формирует именно эта территория. Дж.Урри, рассуждая о «туристском взгляде», выделил, среди прочего, что турист стремится выявить для себя место, контрастное относительно своей повседневности. Однако, обсуждая риски туристского потребления в виде стандартизированного туристского продукта,

эксперты отмечают влияние более сведущего потребителя, который стремится к доказанной аутентичности, нетипичности, ценности событий как неповторяющегося культурного феномена [4, с. 20]. Таких потребителей в туризме становится все больше, что изменяет практику формирования туристского продукта.

Тематические туристские локации используют модели арт-пространств, креативных кластеров, это помогает избежать искусственности в негативном смысле: ремесло, современные арт-мастерские, игровая культура, праздники как форма связи поколений и культур создают основу убедительности, реальности творческих отношений. Привлекательную локальность создают и усиливают современные местные истории, традиции, сложившиеся уже в этом туристском пространстве. Туристическое легендирование получает все большее признание в профессиональной среде, его можно назвать веткой в технологиях брендинга территории, но также его можно признать технологией пересборки идентичности, осмысления ценности территории. Естественная история пространства принципиально значима, например, в арктическом регионе вполне ожидаемой будет локация «Парк северного сияния» или «Поморская деревня», чем веревочный парк «Веселые джунгли».

Не менее важно, что туризм очень чувствителен к визуальному образу территории, поэтому тематические туристские локации активно используют дизайнерские решения для создания образа – используется сложный комплекс реальных пейзажей, архитектурных решений, арт-объектов, а также полиграфия, мультимедийный и цифровой контент, закрепляющий ореол признания. Визуализация повышает узнаваемость территории, облегчает диалог о смыслах и ценностях, формирует коммуникативный импульс для многообразного пользовательского контента.

И все же следует выделить, что привлекательность пространства как искусственной туристской аттракции определено не столько его медийным образом, сколько качеством физического воплощения и разнообразием сценариев, которые могут быть предложены туристу в момент непосредственного пребывания. Это вновь приближает такую локацию к креативному пространству, действующего в системе принципов экономики впечатлений.

Тематические локации и креативные пространства Мурманской области

Мурманская область обладает свойствами типичной арктической территории, при этом вполне доступна для туристов, поскольку связана прямым авиа-, железнодорожным и автомобильным сообщением с Москвой и Санкт-Петербургом. Туристский поток ежегодно нарастает, вслед за спросом растет число инфраструктурных проектов (дорожный сервис, малые гостиничные предприятия в центрах притяжения туристов), увеличивается номенклатура услуг в туризме, в том числе, за счет повышения привлекательности искусственных туристских аттракций. Значительная часть из них построены в комбинации природной и историко-культурной привлекательности региона.

Тоня Тётрина – реконструкция становища (сезонного промыслового поселения) Терского берега Белого моря в XVI–XIX вв. В настоящее время здесь собраны аутентичные жилые и хозяйственные постройки (дома, амбары, солевая, конструкции для сушки рыболовных снастей пр.). Часть построек и экспонатов обладают музейной ценностью, но также можно разместить туристов на ночлег, накормить, организовать познавательный досуг. Добраться до тоня непросто (морем или по отливу), но это кратно повышает привлекательность места.

Снежная деревня (г. Кировск) – сезонное сооружение, представляющее несколько залов-переходов, не просто построенных из снега, а созданных как исчезающий (тающий) шедевр. Каждый год концепция постройки новая, поэтому даже местные жители стараются не пропускать зимнее время для поездки.

Тематический парк «Таинственный лес» (г. Кировск) – полностью искусственная аттракция, встроенная в природный ландшафт, представляет собой сеть локаций и дорожек между арт-объектами. Известность парк получил как парк светового дизайна и снежных фигур, поэтому лучшее время для посещения – темные вечера в декабре и январе. Но на волне популярности руководство парка сформировало и летние программы (легкий треккинг по лесным тропам).

Тематические тропы в природной среде – аттракции, набирающие популярность, но еще не в полной мере вовлеченные в туристскую деятельность. Наиболее известные из них:

- «Беличий хвост» (г. Мурманск);
- «Шпиль 555» (пгт Никель);
- «Старинная Умба» (Терский берег, пгт Умба);
- экотропа села Колвица (Кандалакшский район);
- «По следу полярной совы» (г. Ковдор);
- экотропы заповедников Мурманской области.

Природные тропы являются ярким примером искусственной аттракции, для их проектирования есть государственный стандарт¹. В нем определены требования к инфраструктуре тропы, ее безопасности и правила эксплуатации. С учетом того, что тропа имеет физическую размерность, она относится к ведению муниципалитетов, может быть передана оператору для организации бизнеса, но в Мурманской области такие решения до настоящего времени не принимались, поэтому они остаются в сфере культурного потребления, доход от их существования весьма опосредованный.

В русле ожиданий туристов особо привлекательными локациями становятся те, что предлагают общение с животными. Один из самых посещаемых хаски-парк «Ловозеро», где в зимнее время демонстрируют северных оленей и катают на собачьих упряжках. Преимуществом парка является продуманный дизайн, выполненный в стиле поселений коренных народов севера. Обобщенность образа позволила избежать критики за несоблюдение тонких различий в этнокультуре, что положительно повлияло на признание парка как места, где рассказывают о возможностях погрузиться в общение с природой, понять особенности северных животных.

¹ ГОСТ Р 70585-2022 «Туризм и сопутствующие услуги. Туристские тропы. Обустройство троп в целях обеспечения безопасности туристов и охраны окружающей среды. Минимальные требования». URL: <https://www.frcds.ru/wp-content/uploads/2024/06/GOST-R-70585-2022.pdf>.

В отличие от искусственных туристских локаций, построенных на образах и природных ресурсах региона, креативные пространства городов Мурманской области в меньшей мере вовлечены в туристскую деятельность.

В 2024–2025 учебном году было проведено исследование, которое определило отличия жизнедеятельности креативных пространств Санкт-Петербурга и городов Мурманской области [2]. Такие пространства получили импульс развития как отклик на современные вызовы работы с молодежью, достижения качества городской среды. В регионе в каждом городе открыты общественные пространства под брендом «Сопки»; Центр научно-технологического творчества «Родина»; Школа креативных индустрий (ШКИ) в Мурманске. Особый интерес представляет пространство «Контейнер-Холл», которое было открыто в 2022 г. на средства гранта. В основе его конструкции морские контейнеры, сейчас это полноценный центр креативных событий. Следует подчеркнуть, что указанные пространства активно и полноценно работают, но в большей мере их можно отнести к культурным институциям, поскольку у них нет сверхзадачи реализовать самостоятельные бизнес-модели, для них выделены бюджетные средства, превышающий доходы от коммерческой деятельности.

В Мурманской области зарегистрировано 26,2 тыс. предприятий малого и среднего бизнеса, в том числе 17,8 тыс. – индивидуальные, при этом к сектору креативных индустрий относится 1597 предприятий (менее 6%). Регион занимает 50 место в рейтинге по показателям развития креативных индустрий. Концепция развития творческих (креативных) индустрий в Мурманской области до 2030 г. (утверждена постановлением Правительства Мурманской области от 22.05.2024 № 319-ПП «О государственной поддержке креативных (творческих) индустрий Мурманской области»), предусматривает усилия по повышению роли предприятий креативных индустрий, в том числе, за счет мер поддержки. В 2025 г. в рамках программы «Губернаторский старт» из 33 поддержанных 11 относились к креативным индустриям. В нынешнем году в числе 17 победителей – два креативных пространства, три гастрономических точки, а также проект в области кибербезопасности, швейная мастерская и виар-клуб². В текущем измерении сложно говорить об устойчивости этих предприятий. Но предприятия, оказывающие услуги креативного характера подтверждают устойчивость спроса на такую деятельность. Примером могут быть предприятия:

- творческий центр «АртАрктик.лофт» (г. Апатиты);
- «Шиш Дом. Хибины» (г. Кировск);
- гончарная школа «Колокол» (г. Мурманск);
- «Студия ручного творчества ARTiшок» (г. Мурманск);
- «Студия АртЛаб» (г. Мурманск).

Уже по названиям можно определить, что они предлагают программы досугового обучения, локальные ремесленные практики, то есть в большей мере ориентированы на местных жителей, семейную аудиторию.

Относительно новым явлением для региона стали магазины-студии:

- арт-гостиния «Варвара»;
- магазин сувениров «Твоя полка».

² Доля креативного бизнеса среди МСП Мурманской области. URL: <https://murmansk.rbc.ru/murmansk/25/05/2026/6a1437559a7947657aaf9c68>.

Они привлекают мастеров, изготавливающих сувенирную продукцию штучно или мелкими сериями, выступают связующим звеном между ремесленным производством и потребителями авторского дизайна [1].

Изучение особенностей креативных индустрий Мурманской области подтверждает, что в большинстве своем они выступают как пространства взаимодействия, их основным продуктом являются события (выставочные, фестивальные и т.п.) и досуговое обучение. Такие предприятия точно задействованы в сфере туризма, но согласно принятой классификации наиболее вовлеченными являются только предприятия гастрономического сектора, что ожидаемо, так как дегустация местных блюд пользуется значительным спросом. В г. Мурманске этот сегмент предложения продуктов креативных индустрий в гастрономическом сегменте занимает более 20%, а предприятия индустрии питания также выступают как специализированные пространства (гастрономическая специализация, тематический дизайн помещений, устойчивая связь с событиями территории, проведение собственных мероприятий в виде мастер-классов, дегустаций), некоторые из них заказывают свою линейку локальных сувениров [6].

Искусственные аттракционы в туризме – перспективное направление креативного бизнеса, значимые объекты региональной поддержки, поскольку они обеспечивают повышение узнаваемости территории. В отличие от арт-кластеров, ориентированных на интересы креативного бизнеса, тематические локации в туризме в приоритете удерживают интересы потребителей, их запрос на неповседневность, новый опыт, ощущение материальности через смыслы. И все же тематические пространства должны обладать прагматической функциональностью, запоминающейся визуализацией, концентрирующей образ места.

Туризм и креативные индустрии Мурманской области как арктического региона подтверждают, что они вовлечены в процессы трансформации, когда сервисная инфраструктура, бизнес-модели с четкими алгоритмами достижения устойчивости и дохода асинхронно изменяются, принимают правила взаимодействия с потребителями, характерными для экономики впечатлений: эстетика, события, сенсорный опыт, культурные смыслы влияют не только на нематериальную составляющую продукта, но и непосредственно формируют осязаемый образ локации. Тематическое туристское пространство неразрывно связано с визуальным образом и архитектурой. Опыт креативных пространств подтверждает, что дизайн пространства и событий требует внимания и управления.

Вместе с тем креативные пространства региона по сути остаются культурными институциями, что имеет высокое значение для городских жителей, отчасти туристов, но они слабо реализуют бизнес-модели, возможные для этих учреждений. Можно предположить, что в перспективе туризм Мурманской области как более динамичная индустрия, останется движущей силой развития в креативных индустриях региона, поддерживая спрос и инновации этого сегмента предпринимательства.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Желнина З.Ю., Терещенко Е.Ю. Креативные пространства в формировании культурного капитала городов Мурманской области // Общество: философия, история, культура. 2025. № 12(140). С. 209–218. <https://www.doi.org/10.24158/fik.2025.12.26>.
2. Желнина З.Ю., Терещенко Е.Ю. Методы изучения креативных пространств в контексте формирования культурного капитала города // Общество: философия, история, культура. 2025. № 4(132). С. 225–231. <https://www.doi.org/10.24158/fik.2025.4.30>.
3. Концептуальные параметры креативной экономики и ее категориальная канва / Ж.С.Хусаинова, М.К.Асанова, Д.Е.Бектлеева [и др.] // Вестник Карагандинского университета. Серия: Экономика. 2022. Т. 107. № 3. С. 281–296.
4. Махова К.Б. Осмысление туристического взгляда в социологической теории Джона Урри // Социодинамика. 2024. № 6. С. 17–25. <https://www.doi.org/10.25136/2409-7144.2024.6.70969>.
5. Мацевич-Духан И.Я. Нормативность креативной практики и формы ее институционализации // Праксема. Проблемы визуальной семиотики. 2023. № 4(38). С. 99–118. <https://www.doi.org/10.23951/2312-7899-2023-4-99-118>.
6. Опыт сотрудничества в сферах туризма и креативных индустрий на арктических территориях (на примере Мурманской области) / З.Ю.Желнина, И.А.Сизова, А.М.Корман, А.К.Поломорчук // Креативные индустрии. 2026. № 2. С. 42–62.

Жуликова Ольга Валентиновна,
выпускающий редактор научного журнала
«Россия и мир: научный диалог»,
эксперт Национального исследовательского
института развития коммуникаций,
кандидат социологических наук

Арктика 2.0: Россия между санкциями, климатом и новым миропорядком

АННОТАЦИЯ

В докладе анализируется современное состояние и перспективы развития Арктического макрорегиона в условиях кардинальной трансформации глобального миропорядка. Автор рассматривает Арктику как пространство, где пересекаются три ключевых вектора изменений: обострение геополитической конкуренции и рост военной напряженности (включая расширение НАТО и введение санкций), беспрецедентные климатические изменения, создающие новые риски для инфраструктуры, и формирование новых экономических возможностей, связанных с развитием трансконтинентальных транспортных коридоров. Особое внимание уделяется стратегическим ответам Российской Федерации на современные вызовы. В докладе обосновывается необходимость перехода от оборонительной к наступательной (опережающей) стратегии развития, ключевыми элементами которой являются создание Трансарктического транспортного коридора, наращивание грузопотока по Северному морскому пути, технологическое обновление ресурсной базы и повышение качества жизни в арктических регионах. Отдельный раздел посвящен новым ориентирам международного сотрудничества, где фиксируется неизбежный «поворот на Восток» (взаимодействие с Китаем, Индией и странами АТР) и подчеркивается готовность России к прагматичному диалогу с заинтересованными сторонами, несмотря на институциональный кризис в Арктическом совете. Доклад опирается на широкий круг источников, включая официальные заявления МИД РФ, стратегические документы и актуальные научные публикации, и адресован специалистам в области международных отношений, политологии и региональной экономики.

Ключевые слова: Арктика, Россия, геополитическая конкуренция, НАТО, санкционное давление, Северный морской путь (СМП), Трансарктический транспортный коридор (ТТК), климатические изменения, Арктический совет, международное сотрудничество, национальная стратегия

Арктика сегодня переживает фундаментальную трансформацию. Регион, который на протяжении десятилетий оставался зоной «низкой напряженности», превращается в арену геополитической конкуренции, где столкновение интересов ведущих держав сочетается с беспрецедентными климатическими изменениями и новыми экономическими возможностями. Для России как крупнейшей арктической державы вопрос стратегического развития этого макрорегиона является одним из ключевых приоритетов национальной политики. В своем докладе я остановлюсь на трех основных измерениях: глобальные вызовы и новая геополитическая реальность, стратегические ответы России и перспективы международного сотрудничества.

1. Новая геополитическая реальность: вызовы и угрозы

Ситуация в Арктике кардинально изменилась. Если раньше регион развивался по принципу сотрудничества, то сегодня здесь ощущается не только глобальное потепление, но и политическое похолодание. Представитель МИД России прямо заявляет о «деградации традиционных форматов сотрудничества» и «отходе западных арктических государств от давнего принципа высокие широты – низкая напряженность»¹.

Ключевые вызовы можно структурировать следующим образом:

- Военно-политическое измерение. НАТО последовательно наращивает военное присутствие в регионе. Вступление Финляндии и Швеции в Альянс существенно изменило баланс сил. Учения приобретают все более наступательный характер, к их проведению привлекаются внерегиональные страны. В феврале 2026 г. НАТО официально запустило миссию Arctic Sentry, а Великобритания заявила о намерении направить в регион авианосную ударную группу. Российская сторона квалифицирует эти действия как «прямое следствие деятельности Североатлантического альянса» и «привнесение в Арктику конфронтационных неокOLONиальных подходов»².
- Санкционное давление. Западные страны активно используют нелегитимные рестрикции, нацеленные на то, чтобы помешать развитию российской Арктики и международному взаимодействию на Севере в целом. Это затрагивает не только экономические проекты, но и научное сотрудничество. Большинство международных программ по изучению Арктики и климатического мониторинга были свернуты после введения запретов иностранных научных фондов на работу с российскими институтами. В результате для международного сообщества стала недоступна информация с российских станций сети INTERACT, составляющей крупнейшую сеть наземного мониторинга в Арктике.³
- Институциональный кризис. Арктический совет – ключевая многосторонняя структура региона – работает «на низких оборотах». Его полноформатная деятельность заморожена с 2022 г., а встречи на министерском уровне не проводятся. Россия видит заинтересованность других стран-членов в сохранении организации, однако «отсутствие нормального сотрудничества ведет к подрыву доверия и нездоровому мифотворчеству». Ситуация усугубляется тем, что председательство в Совете в 2026 г. перешло к Дании,

¹ Интервью директора Департамента европейских проблем МИД России, старшего должностного лица от России в Арктическом совете В.В.Масленникова МИА «Россия сегодня», 4 февраля 2026 года // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: <https://m.mid.ru/print/?id=20766198&lang=ru>.

² В МИД РФ возложили на НАТО ответственность за рост напряженности в Арктике // Интерфакс. URL: <https://m.interfax.ru/1067810>.

³ Запад рушит работу с Россией в Арктике. Почему без нас невозможно полноценное освоение важнейшего региона? // ОТР. URL: <https://otr-online.ru/articles/iz-za-otkaza-zapad-ot-vzaimodeistviya-s-rf-stradayut-izuchenie-i-monitoring-arktiki-pochemu-etot-region-vazhen-dlya-mnogih-stran-318948.html>.

оказавшейся «в эпицентре кризиса Североатлантического альянса»⁴ на фоне вокруг Гренландии.

- Экологические риски и климатические изменения. Арктика нагревается в три-четыре раза активнее среднемирового уровня, что создает серьезные вызовы для инфраструктуры, построенной на вечной мерзлоте, и требует постоянного мониторинга.⁵ При этом из-за прекращения научного обмена стало сложнее прогнозировать многие природно-климатические процессы, что создает дополнительные риски для судоходства по Северному морскому пути.

2. Стратегия России: от обороны к опережающему развитию

В ответ на новые вызовы Россия формирует комплексную стратегию развития Арктики с горизонтом планирования до 2050 г. Как подчеркнул министр по развитию Дальнего Востока и Арктики Алексей Чекунков, действующий вариант стратегии был принят в 2020 г., но «за пять лет мир фундаментально изменился»⁶, поэтому необходимо учесть новые геополитические риски и экономические реалии.

Основные приоритеты обновленной стратегии включают:

- Создание комплексного проекта развития Арктической зоны и Трансарктического транспортного коридора (ТТК). Это поручение Президента РФ должно быть реализовано к концу 2026 г. По словам губернатора Мурманской области Андрея Чибиса, проект представляет собой «единый государственный план, интегрирующий все ключевые направления развития с жесткой координацией на федеральном уровне». Важнейший принцип – не просто заявка на бюджетное финансирование, а инвестиционная модель, где государственные гарантии запускают приток частного капитала и партнеров из дружественных стран.
- Развитие Северного морского пути (СМП) как глобальной транспортной артерии. В 2024 г. грузопоток по СМП достиг исторического максимума – почти 38 млн т. Важно отметить, что ни одно другое государство, кроме России, не имеет прямого выхода к СМП, и наша страна принимает необходимые меры для обеспечения своих суверенных интересов, в том числе военно-технического характера. Россия обладает уникальным атомным ледокольным флотом (43 действующих ледокола), что обеспечивает технологическое преимущество.
- Инфраструктурное развитие. В рамках ТТК предусмотрено создание мультимодальных хабов, интеграция внутренних водных путей Сибири с

СМП и железнодорожной инфраструктурой. Проводятся масштабные работы по модернизации портовой инфраструктуры (включая строительство угольного комплекса «Лавна» в Мурманске и Мурманского СПГ), реконструкции гидросооружений Беломорско-Балтийского канала, развитию железнодорожных подходов к портам.⁷

- Освоение ресурсной базы. В Арктике сосредоточено около 80% добычи газа, 10% нефти, почти весь объем добычи никеля, редкоземельных металлов и платиноидов. Арктическая зона при доле населения менее 2% формирует около 10% национального ВВП. Стратегическая задача – не просто наращивать экспортный потенциал, но и «пересобрать технологическую цепочку так, чтобы максимальная добавленная стоимость создавалась в нашей стране», обеспечивая технологический суверенитет.

– Повышение качества жизни на Севере. Реализация мастер-планов опорных населенных пунктов, развитие социальной инфраструктуры, упрощенный налоговый режим в арктических особых экономических зонах – все это направлено на то, чтобы дать людям «причины оставаться в регионе и приезжать туда для работы и жизни».

3. Международное сотрудничество: новые ориентиры

Несмотря на конфронтационную риторику и санкционное давление, Россия сохраняет открытость к международному сотрудничеству в тех областях, где это отвечает национальным интересам. Как заявил глава МИД РФ Сергей Лавров, страна остается открытой «для прагматичного взаимодействия в Заполярье со всеми, кто готов к взаимоуважительному диалогу с нами на общепризнанных принципах международного права».

Новые приоритеты сотрудничества:

- Поворот на Восток. Внешнеэкономическое взаимодействие России в Арктике будет развиваться преимущественно с азиатскими партнерами – Китаем, Индией, странами АТР. Северный морской путь рассматривается как эффективный транзитный маршрут между Европой и Азией в условиях разрушения западных логистических цепочек⁸.
- Научное сотрудничество с дружественными странами. Приоритетом остается взаимодействие в области изучения климата, мониторинга мерзлоты, экологических проектов. Россия развивает контакты через Северный форум с участием заинтересованных регионов зарубежных государств.
- Участие в Арктическом совете. Россия продолжает полноценное участие в деятельности Совета на экспертном уровне, прилагая усилия для восстановления полноформатного взаимодействия. По мнению Совета Федерации, целями такого сотрудничества являются укрепление добрососедских отношений, активизация экономического и культурного взаимодействия, создание единой региональной системы поиска и спасения.

⁴ Интервью директора Департамента европейских проблем МИД России, старшего должностного лица от России в Арктическом совете В.В.Масленникова МИА «Россия сегодня», 4 февраля 2026 года // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: <https://m.mid.ru/print/?id=2076619&lang=ru>.

⁵ Запад рушит работу с Россией в Арктике. Почему без нас невозможно полноценное освоение важнейшего региона? // ОТР. URL: <https://otr-online.ru/articles/iz-za-otkaza-zapad-ot-vzaimodeistviya-s-rf-stradayut-izuchenie-i-monitoring-arktiki-pochemu-etot-region-vazhen-dlya-mnogih-stran-318948.html>.

⁶ Новые геополитические риски нужно учесть в обновленной стратегии развития Арктической зоны РФ – Чекунков // Морские вести России. URL: <https://morvesti.ru/news/1679/116582/>.

⁷ Юрий Трутнев провёл заседание Госкомиссии по вопросам развития Арктики // Правительство России. URL: <http://government.ru/news/>.

⁸ «Новая геополитика в Арктике» // Комитет по международным делам Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. URL: http://international.council.gov.ru/activity/activities/round_tables/172137/.

Арктика сегодня – это не просто регион с уникальными природными богатствами и логистическим потенциалом. Это пространство, где решается будущее глобальной стабильности, технологического суверенитета и климатической безопасности. Россия как крупнейшая арктическая держава принимает на себя ответственность за устойчивое развитие региона, последовательно отстаивая свои стратегические интересы.

Новая реальность требует новых решений. Комплексный подход, объединяющий экономическое развитие, социальные инвестиции, технологическое обновление и гибкую международную дипломатию, становится основой российской арктической стратегии. При этом мы исходим из того, что стабильность и безопасность в Арктике – это общая ответственность всех заинтересованных сторон, и Россия готова к конструктивному диалогу на основе взаимного уважения и международного права.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Аржанов И.А. Военно-политическая безопасность в Арктике до и в контексте «украинского кризиса» // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2024. Т. 16. № 3. С. 98–126. <https://doi.org/10.48015/2076-7404-2024-16-3-98-126>.
2. Баттахов П.П. Некоторые аспекты правового регулирования Северного морского пути // Право и государство: теория и практика. 2023. № 11. С. 279–282.
3. Влад И.В., Шароватов А.А. Вопросы предотвращения последствий глобального изменения климата в Арктике // Инновации и инвестиции. 2023. № 1. С. 52–57.
4. Воронина Е.П. Основные направления устойчивого функционирования и приоритеты развития Северного морского пути в качестве конкурентоспособной национальной транспортной коммуникации // Арктика 2035: актуальные вопросы, проблемы, решения. 2023. № 4. С. 39–50.
5. Гурлев И.В., Маслобоев А.В., Малыгин И.Г. Ситуационная осведомленность о состоянии портов северного морского транспортного коридора в управлении экологической безопасностью Арктики // Надежность и качество сложных систем. 2022. № 4. С. 120–134.
6. Кобзева М. А. Трансформация арктического режима: позиция России в условиях соперничества великих держав // Полис. Политические исследования. 2025. Т. 34. № 4. С. 138–151. <https://doi.org/10.17976/jpps/2025.04.11>.
7. Лебедев М.П. Стратегия межрегионального научного сотрудничества федеральных исследовательских центров как основа устойчивого развития Арктической зоны Российской Федерации // Наука. Культура. Общество. 2025. Т. 31. № 4. С. 8–24. <https://doi.org/10.19181/nko.2025.31.4.1>. EDN: UVFIMG.
8. Ло С., Печерица В.Ф. Проблемы укрепления безопасности российского Севера в условиях военной активности НАТО // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2024. № 26(2). С. 76–91. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2024-2/76-91>.
9. Смирнов А.Ю. Северный морской путь: результаты и перспективы // Арктика: экология и экономика. 2025. Т. 15. № 1. С. 38–47.
10. Соловьева Ю.Н. К вопросу устойчивого развития Северного морского пути // Проблемы современной экономики. 2025. № 1(93). С. 171–174.
11. Юдин Н.О., Кривцов А.И. Ключевые проблемы обеспечения национальных интересов России в Арктике // Полис. Политические исследования. 2025. Т. 34. № 4. С. 12–137. <https://doi.org/10.17976/jpps/2025.04.10>.

Коваль Василий Петрович,
доцент кафедры зарубежного регионоведения
и международного сотрудничества РАНХиГС,
Чрезвычайный и Полномочный
Посланник РФ II класса,
кандидат юридических наук

Арктика в меняющемся мире¹

АННОТАЦИЯ

Рассматривается современная ситуация в Арктике, которая сегодня все больше превращается в территорию стратегического соперничества и где пересекаются национальные интересы арктических и неарктических государств, выстраивается новая система глобальной и региональной безопасности. В результате развязанной странами Запада конфронтации против России в регионе все больше осложняются отношения внутри арктического сообщества. На них оказывает влияние комплекс взаимосвязанных факторов: геополитическое соперничество, военно-политическая напряженность, экономические интересы, огромные природные ресурсы и экологические вызовы. Экономика Арктики также стала важной частью мировой экономики, она расширяет свое место в мировых экономических, политических и энергетических процессах.

Арктическая зона Российской Федерации является регионом особых национальных, стратегических и экономических интересов страны с учетом ее значения для национальной безопасности, экономического развития. Арктическое направление остается в числе приоритетов российской внешней политики. Взаимовыгодное международное сотрудничество в Арктике отвечает интересам России, ее социально-экономическому развитию, решению ряда глобальных проблем человечества. На международное сотрудничество в Арктике оказывает большое влияние противоречивость тенденций в современных международных отношениях. По мере сокращения возможности международного сотрудничества со странами Запада Россия продолжает международное сотрудничество с неарктическими государствами, среди которых ведущее место по количеству совместных проектов занимает КНР, Индия и другие государства.

Ключевые слова: Россия, Арктика, Китай, Индия, государственная политика, национальные интересы, стратегическое соперничество, геополитика, внешнеполитические приоритеты, международное сотрудничество, Арктический совет, транспортные коридоры

Арктическая зона Российской Федерации (АЗРФ) является регионом особых национальных, стратегических и экономических интересов России с учетом ее значения для национальной безопасности, экономического развития транспортного потенциала и геополитического влияния страны.

Глобальная стратегическая цель России в Арктическом регионе направлена на обеспечение ее национальных интересов. Цели России в Арктике детализированы в ряде документов стратегического планирования, как: «Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года и дальнейшую перспективу»², «Стратегия развития Арктической зоны России и обеспечения

¹ Полный текст статьи опубликован в журнале «Россия и мир: научный диалог». 2026. № 3(21). URL: <https://www.russia-world.ru/jour>.

² Об Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года: Указ Президента Российской Федерации от 05.03.2020 № 164. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45255>.

национальной безопасности на период до 2035 года»³, Концепции внешней политики России⁴, а также в Указах главы государства, правительственных решениях и программах развития Арктики.

В настоящее время стратегическое направление России реализуется с учетом определяющей роли «арктической» экономики в ВВП страны. Сегодня ее удельный вес составляет в общем балансе страны более 10%, а ее совокупный экспорт – 20%⁵. Здесь содержится и существенная часть минерально-сырьевой базы: более 90% никеля и кобальта, 60% меди, 96% платиновых металлов⁶, а также около 25% мировых запасов нефти, газа – 70%⁷.

В результате соперничества за стратегическое преимущество в Арктике растет напряженность между крупнейшими мировыми державами. Нарастает масштаб проводимых в регионе учений, повышаются военные расходы в соответствии с Обязательством об оборонных инвестициях, согласованное на встрече лидеров стран НАТО в Вильнюсе в 2023 г. По прогнозам, к 2035 г. страны НАТО планируют довести оборонные расходы до 3,5% ВВП. В денежном выражении это может составить около 1,2 трлн долларов⁸.

К настоящему времени здесь создано 50 объектов военной инфраструктуры США, Канады, Дании, Норвегии, Исландии, в том числе 22 аэродрома, 23 военно-морских баз, а также 4 радиолокационных станций (РЛС) предупреждения о ядерном ударе. На этих объектах на постоянной основе находятся до 19 тыс. человек⁹.

Государства-члены НАТО приняли ряд арктических стратегий: сухопутные, десантные, военно-морские. Так, в 2020 г. утвержден Стратегический план ВМС США. В 2021 г. Пентагон принял обновленную арктическую стратегию под названием Regaining Arctic Dominance («Возвращение господства в Арктике») ¹⁰. Она предусматривает развитие организационно-штатной структуры в регионе, включая создание новых формирований.

В этих условиях Россия вынуждена предпринимать ответные меры в целях обеспечения своих суверенных интересов в своей арктической зоне. Арктическая политика России направлена на защиту суверенитета, укрепления контроля над

арктической зоной, ресурсами и транспортными коридорами, находящимися в зоне российского суверенитета. В контексте особых национальных интересов России в ей придан статус особого объекта государственной политики и федерального регулирования.

Арктика занимает центральное место в российской внешней политике. В течение нескольких десятилетий в Арктике активно налаживалось международное сотрудничество в сферах экологии, радиационной безопасности, научных исследований, устойчивого развития.

В «Совместном заявлении Российской Федерации и Китайской Народной Республики о дальнейшем укреплении всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия и об углублении отношений добрососедства, дружбы и сотрудничества» от 20 мая 2026 г.¹¹ стороны выразили обеспокоенность деятельностью по милитаризации США и их союзников высоких широт, подтвердили свою приверженность нормам международного права в Арктике, уважению суверенитета и территориальной целостности арктических государств, сохранению Арктики в качестве территории мира, стабильности и низкой военно-политической напряженности.

В действующей Концепции внешней политики России от 31 марта 2023 г. Арктика выделена в приоритетное региональное направления. В документе подчеркивается стремление России к сохранению мира и стабильности, повышению экологической устойчивости, снижению уровня угроз национальной безопасности в регионе, обеспечению благоприятных международных условий для социально-экономического развития Арктической зоны России, развития Северного морского пути с возможностью его международного использования¹².

Однако с 2014 г. ситуация вокруг Арктики начала резко меняться из-за навязывания силами Запада конфронтации и геополитического противостояния с Россией. Была развернута борьба за влияние, ресурсы, транспортные коридоры, прежде всего за Северный морской путь (СМП), за контроль над континентальным шельфом. Вводимые против России масштабные санкции привели к приостановлению практически всех взаимных контактов, свертыванию перспективных и важных для региона областях, включая научные исследования, инновации, по климату и многих других сферах. Антироссийская политика Запада оказала серьезное негативное влияние на поддержание стабильности в регионе. В отношении России Запад ввел ограничения на поставки технологий для арктических проектов.

Изменился характер арктического международного взаимодействия. Начиная с 2022 г. деятельность Арктического совета усилиями западных партнеров фактически оказалась парализованной, что привело к полноценному прекращению диалога между арктическими государствами. Своей деструктивной политикой западные

3 О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года: Указ Президента Российской Федерации от 26.10.2020. № 645. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45972>.

4 Концепция внешней политики Российской Федерации, утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 31 марта 2023 года № 229. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49090/page/4>.

5 Арктическая зона Российской Федерации (АЗРФ). URL: <https://neftegaz.ru/tech-library/geografiya/668885-arkticheskaya-zona-rossiyskoj-federatsii-azrf/>.

6 Росгеология: В Арктике добывается около 80% российского газа и более 90% никеля и кобальта. URL: <https://www.mskagency.ru/materials/2609815>.

7 Об успешном освоении минеральных ресурсов Арктической зоны говорили 9 октября на круглом столе. URL: <https://omr-russia.ru/press-centre/news/tpost/cluoccugk1-ob-uspeshnom-osvoenii-mineralnih-resurso>.

8 Вячеслав Говорун. Рейтинг: 15 крупнейших оборонных бюджетов мира. URL: <https://naked-science.ru/community/1176782>.

9 Россия уступает США и НАТО по количеству военных объектов в Арктике. URL: https://rg.ru/2021/12/03/rossiya-ustupaet-ssha-i-nato-po-kolichestvu-voennyh-obektov-v-arkti.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F.

10 Юрий Белобров. НАТО – курс на дестабилизацию Арктики. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2733>.

11 Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о дальнейшем укреплении всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия и об углублении отношений добрососедства, дружбы и сотрудничества. 23 мая 2026 г. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/6487>.

12 Концепция внешней политики Российской Федерации, утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 31 марта 2023 г. № 229. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49090/page/4>.

государства продолжают дестабилизировать обстановку в Арктике, повышают и так высокий градус напряженности.

Сегодня работа организации продолжается в основном на экспертном уровне. Текущее руководство АС (председательство Дании (2025–2027 гг.)) неоднократно заявляло о том, что полноформатная работа АС, пока невозможна. Даже рабочие группы проводят встречи в дистанционном режиме. В то же время Россия остается полноправным членом АС, наши представители по-прежнему участвуют в его работе.

Вместе с тем некоторые страны-члены организации высказываются за ее сохранение в полном составе, за готовность продолжать проектную работу. Эта позиция отражена в совместном заявлении на 14-й сессии АС от 12 мая 2025 г., в которой подтверждается приверженность арктических государств «к поддержанию мира, стабильности и сотрудничеству в Арктике, сохранению и укреплению Совета»¹³.

Снижение общего конфликтного потенциала в регионе, диалог по достижению политико-дипломатических развязок остается важнейшим направлением российской дипломатии. Москва открыта для взаимовыгодного сотрудничества с ответственными партнерами, прежде всего, из числа стран Мирового большинства¹⁴.

Потенциальной платформой для международного взаимодействия может стать формат БРИКС. Москва придает большое значение сотрудничеству со странами БРИКС+, ШОС и ЕАЭС. В 2024 г. Россия представила государствам-членам БРИКС+ предложения по вопросам справедливого перехода, адаптации к изменениям климата, природных ресурсов, углеродных рынков и углеродного ценообразования. В ходе заседания Контактной группы объединения по данной теме предложила в рамках БРИКС учредить новую профильную площадку для обсуждения вопросов борьбы с изменением климата¹⁵.

Довольно развитыми сферами сотрудничества являются экономика, транспортные коридоры и инвестиции в российский «арктический» энергетический сектор.

Растущими темпами развивается промышленный потенциал российской арктической зоны. К настоящему времени в Арктической зоне создан мощный индустриальный комплекс. Здесь уже работают крупнейшие российские корпорации – ПАО «НОВАТЭК», ПАО ГМК 2 «Норильский никель» и ПАО «Газпромнефть», а также и ряд других крупных предприятий экономики. Среди них можно выделить публичные акционерные общества «Газпром», «НК «Роснефть», «Лукойл», «Северсталь», «Акрон», «Сибур Холдинг», АО «Полиметалл», ООО «Русская платина», ГК «Росатом» и ряд других.

В рейтинге «Полярный индекс. Компании» за 2025 г. среди лидеров названы:

- ПАО «ГМК «Норильский никель» – крупнейшая в России компания по производству драгоценных и цветных металлов, декларирующая эффективное использование энергоресурсов и охрану биоразнообразия;

¹³ Announcing the 14th meeting of the Arctic Council. URL: <https://arctic-council.org/ru/news/announcing-the-14th-meeting-of-the-arctic-council/>.

¹⁴ См.: Интервью директора Департамента европейских проблем МИД России, старшего должностного лица от России в Арктическом совете В.В.Масленникова МИА «Россия сегодня», 4 февраля 2026 г. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/rso/arkticskij-sovet/2076619/4.

¹⁵ Россия представила свои инициативы по климату коллегам из стран-БРИКС. URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/rossiya_predstavila_svoi_iniciativy_po_klimatu_kollegam_iz_stran_briks.html 4.

- АО «Зарубежнефть» – государственный нефтегазовый холдинг, ведущий разработку месторождений в Ненецком автономном округе.
- ПАО «Новатэк» – компания, специализирующаяся на производстве сжиженного природного газа. В Арктике реализуется проект «Арктик СПГ 2»;
- ПАО «НК «Роснефть» – владеющая значительными добывающими мощностями в Арктике и 80% лицензий на освоение шельфовых месторождений региона и другие компании¹⁶.

Для повышения инвестиционной привлекательности российской Арктики создана солидная законодательная база. Разработаны и приняты Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике, Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения ее национальной безопасности на период до 2035 г. Принято шесть федеральных законов, 40 нормативных актов¹⁷. В настоящее время в АЗРФ реализуется «более 460 проектов, связанных с развитием производственной, транспортной и общественной инфраструктуры. Объем государственных инвестиций в эти проекты превышает 1,3 трлн рублей. При этом к 2030 г. количество проектов с государственной поддержкой должно составить не менее 1 300»¹⁸.

На реализацию мастер-планов Арктической зоны 2026 г. выделяется порядка 10 млрд руб. При этом совокупный объем связанных с ними инвестиционных проектов оценивается в 19 трлн руб. Всего до 2035 г. мастер-планы включают 516 мероприятий в 15 арктических городах и агломерациях с общим финансированием 2,9 трлн рублей¹⁹.

В развитии национальной экономики важную роль играет топливно-энергетический комплекс (ТЭК) Арктики. Его основу составляют предприятия по добыче и первичной переработке минерально-сырьевых и энергетических ресурсов. К 2035 г. АЗРФ планируется возвести восемь заводов по производству сжиженного газа, четыре крупнейших намечено создать под руководством компании НОВАТЭК²⁰.

Санкционная политика стран Запада активизировала ориентацию экспорта российских энергоресурсов на восточное направление, где Китай стал крупнейшим рынком сбыта арктических нефти и газа. Следует отметить, что реализация ряда проектов по освоению углеводородных ресурсов реализуется с участием китайских инвестиций и технологий. С 2022 г. Китай последовательно увеличивает поставки оборудования в Россию. Так, в 2024 г. его поставки увеличились на 8% по сравнению с предыдущим годом²¹. «Арктик СПГ-2» использует китайские модули

¹⁶ Полярный индекс. Компании – 2025. URL: <https://polarindex.ru/ratings/polar-index-companies/2025/>.

¹⁷ Совещание по вопросам развития Арктической зоны. 2022-04-13. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/copy/68188>.

¹⁸ Там же.

¹⁹ В 2026 году на реализацию мероприятий мастер-планов развития опорных населенных пунктов Арктической зоны России направят около 10 млрд рублей. URL: <http://sib-nrs.gosnadzor.ru/news/67/23669/>.

²⁰ Россия собирается построить огромные заводы в Арктике: что же там будут производить. URL: <https://fabricators.ru/article/rossiya-sobiraetsya-postroit-ogromnye-zavody-v-arktike-chto-zhe-tam-budut-proizvodit>.

²¹ Что происходило в торговле России и Китая в 2024 г. URL: <https://www.rbc.ru/economic/s/23/01/2025/6790fa3e9a7947ca6e9d4c1c>.

сжижения, так же танкеры под флагом ОАЭ для обхода западных ограничений. Приоритеты арктической политики Китая изложены в 2018 г. в «Белой книге». К ним отнесены: «научная деятельность, защита окружающей среды, изменение климата рациональное природопользование, международное сотрудничество и продвижение мира и стабильности в Арктике»²². При этом следует отметить, что Пекин наращивает свое присутствие в Арктике, которое обеспечивает ему закрепление статуса одной из ведущих держав мира. КНР также позиционирует себя в качестве «приарктического» государства. Для развития сотрудничества в Арктике и решения практических задач в 2017 г. была создана постоянно действующая Российско-Китайская рабочая группа, которая вносит существенный вклад в налаживание взаимодействия по проработке совместных проектов в нефтегазовой отрасли, строительстве инфраструктуры, научно-технического сотрудничества и туризма. Арктической тематике уделено внимание и в ряде других двусторонних документах.

Одним из приоритетных направлений российско-китайского сотрудничества в Арктике является транспортная прибрежная инфраструктура, логистика, управление арктическим судоходством, климатическая повестка (Китай вложил более \$1,2 млрд в проекты по изучению полярного климата и геологии)²³, риски чрезвычайных происшествий, нагрузки на экосистему Арктических морей. Китай является крупнейшим инвестором. Он уже владеет «почти 30 процентами акций в проекте «Ямал СПГ» и 20 процентами в проекте «Арктик СПГ – 2». Пекин поставляет свои буровые установки.

Арктическая политика Индии представлена в «Арктической стратегии: построение партнерства в целях устойчивого развития» от 2022 г. и является частью национальной политики страны. Индийские компании владеют долями в таких российских проектах, как «Сахалин-1», «Ванкорнефть» и «Таас-Юрях Нефтегазодобыча». В 2001 г. индийская корпорация нефти и природного газа (ONGC Videsh) приобрела 20% долю оператора «Сахалин-1». В 2017 г. «Газпром нефть» и индийская ONGC Videsh подписали рамочное соглашение о сотрудничестве на арктическом шельфе. «Роснефть», также подписала меморандум о взаимопонимании с индийской OVL (дочерняя структура корпорации ONGC) о разработке арктических нефтегазовых проектов.

Япония участвует в энергетических проектах: в «Арктик СПГ 2» через консорциум Mitsui & Co и JOGMEC. Токио заинтересован в новых маршрутах и источниках поставок, особенно на фоне блокады Ормузского пролива. Вместе с тем Япония и Южная Корея присоединились к западным санкциям, что временно замедлило сотрудничество.

В АЗРФ сосредоточена значительная доля запасов редкоземельных металлов. По данным главы Роснедр Олега Казанова, их запасы в России,

22 China's Arctic Policy. The State Council Information Office of the People's Republic of China. January 2018. URL: https://english.www.gov.cn/archive/white_paper/2018/01/26/content_281476026660336.htm.

23 Арктическая гонка 2026: как США, Китай и Россия борются за контроль над Гренландией и Северным морским путем. URL: <https://madechinanews.ru/2026/03/03/арктическая-гонка-2026-как-сша-китай-и-рус/>.

готовые к добыче, составляют 28,5 млн т, занимая по второе место в мире. При этом годовая потребность страны составляет 2 тыс. т.²⁴ 7 млн т. редкоземельных металлов расположены в Ловозерском месторождении Мурманской области, в Томторском в Якутии – 4 млн т и в других местах. Большой потенциал переработки сырья (отрабатываемого структурами госкорпорации «Росатом», и частным АО «Аркминерал-Ресурс») имеется в Мурманской области и, по мнению наблюдателей, «все готово для создания национального кластера РЗМ мирового уровня» [2].

По состоянию на октябрь 2025 г. завершается проектирование нового разделительного комплекса на базе Соликамского магниевых завода (Пермский край), запуск которого намечен на 2028 г. Его проект был представлен на Международном форуме «Рудник – 2025» в Екатеринбурге в октябре 2025 г. После ввода производства в эксплуатацию планируется ежегодный выпуск около 2,5 тыс. т готовой продукции, в том числе РЗМ магнитной группы (неодим и празеодим). Это обеспечит потребности отечественной промышленности в РЗМ, необходимых для изготовления высококачественных магнитов, катализаторов нефтехимического сектора и иной технологически сложной продукции²⁵.

По статистике за 2025 г. объем перевозок по СМП²⁶ в 2025 г. составил более 37 млн т грузов. Этот показатель представляет собой значительный рост по сравнению с 2014 г., когда перевозки не превышали 4 млн т.²⁷ Россия планирует довести этот показатель до 200 млн т к 2030 г.

Российская компания «Совкомфлот» в 2025 г. увеличила количество рейсов по СМП до 180 в год²⁸, в основном перевоза сжиженный природный газ (СПГ) и уголь.

Возрастающее значение этого морского пути объясняется и его использованием в качестве международного маршрута, который значительно сокращает расстояние между рынками Северо-Западной Европы, Японии, Китая, США, Канады. Северный морской путь представляет собой единственную судоходную трассу, обеспечивающую транспортное соединение между всеми арктическими и субарктическими регионами России. В проекте заинтересованы наши партнеры из Азии, Африки и стран Персидского залива. Пекин рассматривает СМП как часть своего проекта «Ледовый шелковый путь», который предполагает использование арктических маршрутов для сокращения логистических цепочек. В 2015 г. в Китае была опубликована «Концепция плана действий по содействию совместному строительству Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути XXI века».

24 Глава Роснедр: в России добывают редких металлов больше, чем нужно экономике. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7498223>.

25 См.: Проект «РЗМ – Разделение» представлен в Екатеринбурге. URL: <https://www.smw.ru/news/novosti/proekt-rzm-razdelenie-predstavlen-v-ekaterinburge/>.

26 План развития Севморпути до 2035 г., утвержден распоряжением за подписью премьер-министра Михаила Мишустина от 1 августа 2022 г. №2115-п. URL: <https://strategy.arctic2035.ru/c/documents/plan-razvitiya-sevmorputi-do-2035-goda/>.

27 Северный морской путь в 2025 г. URL: <https://titan-ship.ru/articles/severnoy-morskoj-put-v-2025-godu>.

28 Арктическая гонка 2026: как США, Китай и Россия борются за контроль над Гренландией и Северным морским путем. URL: <https://madechinanews.ru/2026/03/03/арктическая-гонка-2026-как-сша-китай-и-рус/>.

Китайские компании уже перешли от тестирования к регулярным рейсам в Европу через СМП. Он уже сегодня, по сравнению с Суэцким каналом, позволяет сократить время доставки грузов из Шанхая в Роттердам с 35 до 22 дней. Это дает экономию до \$300 тыс. на судно за рейс. Китайская COSCO Shipping активно участвует в проекте, используя ледоколы и навигационную поддержку России.

В 2023 г. запущен первый регулярный контейнерный маршрут между российскими и китайскими портами. В августе 2024 г. был запущен новый мультимодальный маршрут – «Арктический экспресс № 1», связавший китайские порты с Архангельском и по железной дороге выходит на Москву и Санкт-Петербург. В 2024 г. были открыты регулярные линии из Даляня в Гамбург через Арктику, что снизило издержки на 18%.

В 2025 г. объем грузоперевозок по Северному морскому пути превысил 80 млн т – рост на 35% за два года, Китай провел по арктическим маршрутам, используя ледоколы и навигационную поддержку России, более 400 судов²⁹.

Строящийся международный сухопутно-морской маршрут «Север – Юг», который связывает Россию, Евразийский регион, СНГ с рынками Персидского залива, Южной Азии и Восточной Африки, Индии будет так же содействовать интеграции арктических территорий в глобальную логистическую систему. По сообщению секретаря Совета безопасности России Сергея Шойгу коридор «Север – Юг» планируется объединить с Северным морским путем, отметив, что «мы расцениваем ОАЭ в качестве одного из ключевых партнеров в данной сфере»³⁰.

Заинтересованность в развитии арктического судоходства и укреплении своих позиций как глобального торгового и логистического центра проявляют Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ), принявшие в 2024 г. собственную полярную стратегию. Государственная логистическая компания DP World ОАЭ сотрудничает с Росатомом на основе соглашения по проектированию контейнеровозов, совместном развитии портовой инфраструктуры на российском побережье Северного Ледовитого океана. В 2023 г. DP World и Росатом создали совместное предприятие ООО «Международная контейнерная логистика» и подписали соглашение, направленное на развитие транспортно-логистических цепей между странами БРИКС в различных регионах.

Сеул планирует связать развитие СМП со стратегией развития порта Пусан в ключевой логистический узел Северо-Восточной Азии и во второй половине 2026 г. провести пробный рейс контейнеровоза по СМП по маршруту Пусан – Роттердам.

Научный сектор в регионе становится центром создания новых знаний, технологий, ведущим звеном инновационного процесса, источником роста численности квалифицированных кадров. В 2025 г. глава государства поручил

29 В 2025 г. по Северному морскому пути перевезли свыше 37 миллионов тонн грузов: Как меняется маршрут. URL: https://rg.ru/2026/01/19/led-tronulsia.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F.

30 Шойгу: МТК «Север – Юг» планируется объединить с Северным морским путем. URL: <https://www.pnp.ru/economics/shoygu-mtk-sever-yug-planiruetsya-obedinit-s-severnym-morskim-pute.html>.

«обеспечить применение единого экспериментального правового режима при внедрении новых технологий во всех субъектах РФ в составе Дальневосточного федерального округа «в сфере использования беспилотных систем в различных секторах экономики, развития цифровых платформ через отечественные цифровые платформы электронной коммерции, искусственного интеллекта и оборота данных»³¹.

Суровый климат, отсутствие инфраструктуры, огромные расстояния и труднодоступность северных территорий требуют принципиально новых технологических решений. Здесь крайне востребован искусственный интеллект, роботы, дроны и автономные системы. Использование технологий искусственного интеллекта в Арктике предоставит возможность жителям удаленных арктических поселков получать качественную мобильную связь, иметь постоянный доступ к Интернету, возможность дистанционного обучения, медицинского обслуживания.

Искусственный интеллект в Арктике к 2030 г. перейдет от стадии точечных экспериментов к масштабируемым промышленным решениям. По расчетам профессора Алексея Фадеева, к 2030 г. ИИ станет ключевым инструментом освоения Арктики. Сегодня ИИ-анализ данных используется для прогнозирования климатических изменений, движения льдов, маршрутов транспортировки грузов. В транспортной логистике ИИ оптимизирует маршруты, способствует обеспечению безопасности. Аналитические ИИ-модули интегрируются в системы умных датчиков, стационарных и мобильных метеостанций, энергетических и нефтегазовых платформ. Дроны с высокоточными сенсорами, системой ГЛОНАСС уже задействованы для обеспечения ледовой картографии, обследования береговой линии, мониторинга движения айсбергов, анализа состояния объектов морской и энергетической инфраструктуры, патрулирования ключевых участков СМП, мониторинга толщины и движения льдов, отслеживания вероятности образования айсбергов, создания картографических снимков недоступных территорий и других задач³².

Ядерная энергетика и ее технологии все более входят в практику развития арктической зоны России. В настоящее время основные усилия сосредоточены «на внедрении атомных станций малой мощности (АСММ), модернизации существующей инфраструктуры и создании новых проектов, адаптированных к суровым климатическим условиям»³³.

Сегодня в Арктике действуют: Билибинская АЭС, введенная в эксплуатацию в 1974 г.; Кольская АЭС, состоящая из четырех энергоблоков; и плавучая атомная теплоэлектростанция (ПАТЭС) «Академик Ломоносов», введенная в эксплуатацию в 2019 г. в порту города Певек.

31 Владимир Путин утвердил перечень поручений по итогам Восточного экономического форума, состоявшегося 5 сентября 2025 г. URL: <http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/78375>.

32 Как беспилотники и роботы помогут осваивать Крайний Север. URL: <https://roboticsworld.ru/cases/kak-bespilotniki-i-roboty-pomogut-osvaivat-krayniy-sever/>.

33 Димитрогло Д.М., Кучинов В.П. Состояние и перспективы развития ядерных технологий в Арктической зоне Российской Федерации. URL: <https://moluch.ru/archive/521/115058> (дата обращения: 01.06.2026).

30 декабря 2024 г. распоряжением Правительства РФ № 4153-р принята «Генеральная Схема размещения объектов энергетики до 2042 года»³⁴. Генсхема предусматривает развитие и размещение атомных станций, включая станции малой мощности (АСММ) в Арктической зоне.

Особый акцент в документе сделан на быстрое развитие атомной и гидрогенерации. В результате доля атомных электростанций в структуре мощности энергосистемы России к 2042 г. должна увеличиться с 11,7% в 2023 г. до 15,7% к концу прогнозируемого периода. Их доля в общей выработке электроэнергии в стране предполагается достигнуть до 24%³⁵.

В документе указано, что в Арктической зоне России планируется строительство двух объектов атомной энергетики в муниципальных округах Певек и Эгвекинот. Речь идет о двух АЭС: мобильные плавучие энергоблоки (ПЭБ) у мыса Наглёйнын и атомная станция малой мощности (АСММ) на золоторудном месторождении «Совиное».

Первый из семи блоков типа РИТМ 200С в муниципальном округе Певек начнут устанавливать в 2028 г. для снабжения электричеством Баимского горно-обогатительного комбината. Монтаж АСММ на территории Эгвекинот планируется в 2030 г. На Чукотке будут подготовлены площадки для размещения энергоблоков, которые в округ доставят уже в рабочем состоянии. Баржи для ПЭБов начали изготавливать в 2022 г.³⁶

По сообщению председателя Правительства РФ Михаила Мишустина, в 2026 г. Россия запустит на орбиту четыре аппарата, которые обеспечат скоростным широкополосным интернетом всю территорию страны, включая Арктику. Одним из ключевых направлений также является развитие перспективных космических группировок и систем для обеспечения сервисов нового уровня³⁷.

В текущем году российская аэрокосмическая компания «Бюро 1440» запустит в Ненецком автономном округе (НАО) пилотный проект по обеспечению связью с низкоорбитальных спутников. По проекту «Сфера» спутники системы «Скиф» призваны обеспечить доступ в интернет в арктическом регионе, включая обслуживание Северного морского пути, развитие широкополосного доступа и «интернета вещей» в удаленных районах³⁸.

В рамках концепции «Поворота России на Восток» важную роль играют инфраструктурные проекты и повышение транспортной связности евразийского региона. В условиях геополитической нестабильности территориальных споров, нерешенности многочисленных правовых и вопросов, дестабилизации ситуации в Персидском заливе, блокады Ормузского пролива повышается интерес ряда

государств к стратегическому российскому проекту Трансарктический транспортный коридор (ТТК), который может стать альтернативой существующим морским транспортным путям. Этот мультимодальный маршрут включает Северный морской путь (СМП) и его порты, речные системы, связывающие внутренние регионы (Сибирь, Урал, Дальний Восток), а также транспортно-логистические центры на ключевых переходах. С этим связано значительное внимание, которое уделяется развитию СМП в рамках внешней политики России в Арктике.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Лэй Шуан. Позиционирование Китая в Арктике: эволюция концепций и механизмы продвижения // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2021. Т. 24. № 4. С. 99–110. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2021-4/99-110>.
2. Тренин А.Д. Редкоземельные металлы России. «Купить нельзя строить: где запятая?» // Арктика 2035: актуальные вопросы, проблемы, решения. 2025. № 3(23). С. 37–43.

³⁴ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 30.12.2024 г. № 4153-р. URL: <http://government.ru/docs/all/157376/>.

³⁵ Российскую электроэнергетику ожидает масштабное развитие. URL: <https://www.eprussia.ru/epr/501-502/7829218.htm>.

³⁶ К строительству новых атомных станций на Чукотке планируют приступить в 2028 г. URL: <https://arctic.gov.ru/2025/01/20/k-stroitelstvu-novykh-atomnykh-stancii/>.

³⁷ Россия в 2026 г. запустит спутники, которые обеспечат интернетом всю Арктику. URL: <https://arctic.gov.ru/2025/02/01/rossiya-v-2026-godu-zapustit-sputniki-koto/>.

³⁸ Космическая группировка «Сфера» обеспечит доступ в интернет в Арктике с 2026 г. URL: <https://telesputnik.ru/materials/tech/news/kosmiceskaya-gruppirovka-sfera-obespecit-dostup-v-internet-v-arktike-s-2026-goda>.

Шевелёва Юлия Романовна,
преподаватель РАНХиГС, член Молодежной
секции Научного совета «Социально-
политические и демографические проблемы
формирования ЕАЭС» Отделения общественных
наук РАН

Арктический режим международной коммуникации в условиях геополитического кризиса

АННОТАЦИЯ

Представлены результаты анализа международной коммуникации в Арктике после начала специальной военной операции (СВО) на Украине. Автором выделяются особенности и характеристики трансформации арктической коммуникации между странами: политизация, поляризация и секьюритизация, снижение степени инклюзивности и согласованности, формирование негосударственных элементов. Выделяются ключевые принципы международной коммуникации в современной Арктике: принцип двусторонней коммуникации, фрагментарности, ситуативности и секторальности. Современный режим международной коммуникации в Арктике предлагается рассматривать как режимный комплекс, который включает в себя субрегионы, формируемые арктическими и неарктическими государствами (прежде всего, Россией и США), а также сетевые структуры, формируемые гражданским обществом, не являющиеся самостоятельными субрегионами, однако воспроизводящие правила и нормы коммуникации, действовавшие до 2022 г. Дополнительно автором проводится анализ 8 групп характерных для Арктического региона коммуникаций в разрезе России, США и Китая как ключевых геополитических игроков и акторов формирования субрегионов в Арктическом регионе в условиях парализации надгосударственных институтов международного взаимодействия, приводятся оригинальные выводы о конфигурации коммуникационных взаимодействий в современной Арктике.

Ключевые слова: Арктика, международная коммуникация, режимный комплекс, коммуникационный режим, геополитический кризис, арктическая исключительность, фрагментация, субрегионы, секьюритизация, негосударственные акторы, Арктический совет

Долгий период времени концепция «арктической исключительности» являлась базовой для анализа Арктического региона и позволяла ему оставаться вне рамок геополитического соперничества. События 2022 г. повлекли за собой кратное увеличение в отечественном и зарубежном научном дискурсе числа публикаций по проблемам прекращения международного диалога, разрыва институциональных взаимосвязей арктических государств и создания новых фрагментирующих сложившийся коммуникационный порядок форм сотрудничества в данном регионе [см. подробнее: 1; 4; 5; 8; 10; 12; 13; 16; 18; 22]. Арктика, которую со времен «мурманских инициатив» [3] было принято рассматривать как зону мира и диалога, становится полигоном и «экспериментальной лабораторией» для формирования новой архитектуры мирового порядка, проекцией геополитического и геоэкономического давления стран друг на друга.

Данные процессы находят отражение в перегруппировке сил и позиций игроков, которые претендуют на участие в формировании новой системы международных отношений. Е.В.Петровский в своей работе рассматривает это в рамках стратегического треугольника «США-Китай-Россия» [12]. В числе обсуждаемого в публичном дискурсе – артикуляция США интереса к Гренландии, коммуникации «Арктической семерки» (А7) без участия России, усиление военного присутствия НАТО в регионе (в том числе присоединение к северо-атлантическому альянсу Финляндии и Швеции, благодаря чему формат А7 приобрел военно-политические основания). Параллельно фиксируются интенсификация Россией деятельности по обеспечению военной безопасности Северного морского пути, увеличение совместных экономических проектов с Китаем на данном направлении, а также артикуляция Пекином статуса «околоарктического государства».

В то же время интерес представляют исследования [см. подробнее: 14; 15; 22; 24] направлений и форматов коммуникаций негосударственных акторов (неправительственные организации (НПО), локальные сообщества, транснациональные компании, корпорации и предприятия) в регионе после 2022 г., которые обеспечивают сохранение диалога в условиях прекращения полноформатных межгосударственных контактов на площадке Арктического совета. Напомним, что институционально совет также обеспечивает участие неправительственных организаций в статусе постоянных участников и наблюдателей (прежде всего, ассоциаций коренных народов и экологических организаций) в решении вопросов, связанных с управлением макрорегионом, что считается главным достижением арктической дипломатии.

В этой связи автору представляется перспективным применение теории международных режимов (С.Краснер [21], О.Янг [26–28]) и разработанной в НИИРК концепции коммуникационного режима [2; 6; 17] для исследования характера и направлений не только межгосударственных, но и иных социальных взаимодействий межстранового характера, которые на сегодняшний день имеют место в Арктике. Целью настоящего исследования является характеристика изменений условий, принципов, норм и возможностей коммуникаций в Арктическом регионе как режимном комплексе. Под режимным комплексом О.Янгом понимается набор нескольких режимов или элементов режима, относящихся к определенной проблеме региона, которые оказывают друг на друга влияние, но в то же время связаны друг с другом неиерархическим образом [27, р. 394]. В концепции коммуникационных режимов данный концепт дополняется указанием на наличие у действующих в регионе режимов или отдельных их элементов разных центров и институтов управления [7].

Особенности международной коммуникации в современной Арктике

В центре арктического режимного комплекса до 2022 г. находился Арктический совет, который, будучи фактически управляемым арктическими государствами, объединяет под собой множество более инклюзивных и глобальных по своей

природе режимов, которые ограничены необходимостью признания суверенитета, фактической организационной монополии и исключительных прав арктических государств в регионе [25]. На момент подготовки доклада полноформатная работа совета сведена к заседаниям на уровне рабочих групп в онлайн-формате, возвращены консультации с коренными народами региона, утраченные на первых этапах геополитической эскалации. И, тем не менее, воспроизводимый ранее советом режим международной коммуникации, базировавшийся на принципах деполитизации и демилитаризации региона, претерпел существенные изменения.

Политизация арктической коммуникации. Признаки политизации коммуникации (отказ от участия во встречах или делегирования представителей на фоне политических событий) стали проявляться в деятельности арктических государств уже с 2014 г. [20] С 2022 г. глобальные политические противоречия стали препятствовать диалогу арктической восьмерки более явно. Помимо фрагментации и гибридизации арктического режимного комплекса, выразившихся в институциональном оформлении субрежимов (А7, А7+Россия (онлайн рабочие группы), БРИКС+ в Арктике), изменился статус и самого Арктического совета. Совет как стержневой институт управления и обеспечивающие его деятельность нормы международного права стали обсуждаемы. Как и в случае с Организацией объединенных наций (ООН), экономически развитые внерегиональные державы, обретшие вес и транснациональные политические интересы в системе международных отношений, артикулируют инициативы о реформировании совета, оформлении такового как полноценной межправительственной организации с признанной правосубъектностью. Сторонники «мягкой» дипломатии указывают на необходимость сохранения за советом статуса неформальной площадки для выработки условий и соглашений по конкретным вопросам, однако предлагают сделать ее доступной для широкого круга сторон, в том числе для стран, имеющих растущий интерес к арктическим делам [11]. Иными словами, те самые ограничения, накладываемые на режим международной коммуникации суверенитетом арктических государств, перестали удовлетворять потребности и отвечать интересам держателей секторальных режимов в регионе (Китай, Индия, Япония, Южная Корея), оформился запрос на изменение конфигурации режимного комплекса как проекции реального геополитического влияния.

Поляризация и секьюритизация арктической коммуникации. Межгосударственные коммуникации в регионе приобрели военно-политические основания. В арктических стратегиях стран-участниц формата А7 (к 2024 г. каждая из них официально стала членом НАТО), особое внимание уделяется сдерживанию России и Китая, развитию военно-технической инфраструктуры, необходимости расширения совместных учений и обмена разведывательными данными по ситуации в Арктическом регионе¹. Формируется единая система командования и управления НАТО в Арктике [4; 9]. В то же время Россия активно работает над созданием единой сети арктических военных баз, замкнутого радиолокационного

1 См.: Houck A.B., Wynne O. NATO in the Arctic: The Arctic Institute's NATO Series 2024-2025 (Part I). NATO in the Arctic. The Arctic Institute. 29.10.2024. URJ: <https://www.thearcticinstitute.org/nato-arctic-the-arcticinstitutes-nato-series-2024-2025-part-i/>.

контура, позволяющего отслеживать воздушную и надводную обстановку по всей трассе Северного морского пути, инвестирует в строительство атомных подводных лодок и ледоколов, испытывает новые виды вооружений в арктических условиях (гиперзвуковые ракеты, ядерные беспилотники), проводит масштабные и комплексные военные учения в регионе. Милитаризация региона влечет за собой поляризацию и секьюритизацию арктической коммуникации. Субрежимы арктической коммуникации формируются чаще вокруг акторов (США, НАТО, А7, Россия, БРИКС), нежели исходя из проблемного поля региона (экология, наука, права коренных народов), и потому находятся уже не во взаимодополняющей, а противоборствующей взаимосвязи, в том числе в рамках одного тематического сектора (например, в науке – западные проекты без России и российско-китайские научные треки). Политические проблемы межгосударственного взаимодействия, в свою очередь, обретают форму экзистенциальных угроз национальной и международной безопасности, в дискурсе легитимируются возможности превентивных действий военного характера со стороны НАТО и Российской Федерации как полюсов арктической коммуникации на межгосударственном уровне. Военная риторика значительно сокращает каналы и возможности для других видов коммуникаций, актуализирует альянсовую и союзническую формы коммуникаций по политико-экономическим вопросам взамен кооперативных и интеграционных.

Снижение степени инклюзивности и согласованности арктической коммуникации. Создаваемые сегодня в Арктике субрежимы коммуникации не отвечают исторически уникальным принципам арктической дипломатии, согласно которым равноправными участниками арктического диалога являются государства и значимые для региона институты гражданского общества. Находящиеся в статусе наблюдателей Арктического совета неправительственные организации (ассоциации коренных народов, экологические, научно-исследовательские организации) де-факто не участвуют в рабочих группах и проектной деятельности формата А7 [14]. Более того, как отмечалось выше, консультации с постоянными участниками из числа НПО коренных народов были возвращены лишь спустя некоторое время после их исключения на начальном этапе эскалации. На фоне политизации всех видов коммуникаций в регионе использование «арктической семеркой» механизма ЕС для введения санкций против российских и китайских экономических проектов повлекло за собой вынужденный уход из Арктической зоны РФ нефтегазовых компаний Канады, Франции, Великобритании, Германии, Японии, Южной Кореи [8, с. 120]. Вышеперечисленное свидетельствует о вторичности негосударственных акторов в реформируемом арктическом режимном комплексе и переходе к государство-центричной архитектуре арктической коммуникации. При этом формирующиеся субрежимы функционируют по принципу ситуативной координации действий внутри ограниченного круга лояльных участников, что свидетельствует уже не только о снижении инклюзивности арктического диалога, но и об утрате согласованности между различными уровнями и секторами арктической коммуникации. Так, например, решения, принимаемые в формате А7, не согласуются с проектами, реализуемыми Россией и Китаем на Северном морском пути, мониторинговые данные, получаемые западными институтами без участия российских исследователей,

теряют полноту. Фрагментируются и дублируются проекты и программы, не согласуются иерархии приоритетов тех акторов, которые уже действуют в регионе, снижается объективность данных и, как следствие, воспроизводятся искаженные интерпретации ситуации. В то же время расширяется географическое пространство для арктической коммуникации, в которую все больше вовлекаются неарктические государства-участники, а вместе с ними их гражданское общество и бизнес. Ранее субрегионы действовали в географических границах Арктики, определенных Арктическим советом, новые субрегионы, вовлекая неарктические государства, расширяют эти границы. Таким образом, на смену единому коммуникационному порядку, основанному на инклюзивности и перекрестном согласовании, приходит совокупность параллельных, институционально не связанных друг с другом режимов, с более широким географическим ареалом, каждый из которых действует в собственном организационном формате и на собственных условиях допуска участников (в том числе представителей гражданского общества и бизнеса).

Формирование негосударственных элементов режима международной коммуникации в Арктике. Если формальная институциональная архитектура арктической коммуникации становится государство-центричной и фрагментирует коммуникационное пространство, то неформальная – базируется на всех тех же принципах деполитизации и демилитаризации и воспроизводится акторами независимыми от позиции государств – транснациональными научными и экспертными сообществами, ассоциациями коренных народов, бизнес-структурами. Можно утверждать, что сегодня в Арктике альтернативные государственным каналы коммуникации сохраняются. Международный арктический научный комитет (IASC) и Университет Арктики (UArctic) продолжают сотрудничество с российскими учеными, несмотря на политические ограничения, личные контакты исследователей и виртуальные конференции частично компенсируют институциональный разрыв. Российские ученые входят в основные рабочие группы IASC по формированию программы научных исследований на 2026–2030 гг., открытыми для их участия остаются международные симпозиумы и форумы по вопросам и проблемам Арктики. Ассоциации коренных народов осуществляют взаимодействие с западными государствами и Россией по раздельным трекам, формируют собственную уникальную повестку, презентуя ее на многосторонних площадках (форумы, конференции), что позволяет им оставаться одним из немногих звеньев между современными субрегионами в Арктике. Компромиссные решения ищут и бизнес-организации, так Южная Корея сотрудничает с Китаем в части научной кооперации, технологий и логистики в российско-китайских арктических проектах; европейские государства и Япония закупают через третьи страны (Индию) российскую нефть (в том числе из Арктической зоны РФ) [8, с. 137]. Данные сетевые взаимодействия не являются субрегионами, но выступают значимыми функциональными структурами, позволяющими поддерживать диалог в условиях жесткой поляризации арктической коммуникации. Благодаря чему арктический режимный комплекс не сводится к противостоянию двух полюсов, в нем сохраняются лакуны для кооперации, которые могут послужить основой для посткризисного восстановления межгосударственных взаимодействий.

Принципы международной коммуникации в современной Арктике

Ключевые принципы деполитизации и демилитаризации арктической коммуникации сменились на фоне попыток создать геополитическими акторами новые субрегионы коммуникаций (США-А7-НАТО-ЕС; Россия-Китай-БРИКС+), замены кооперативных и интеграционных форм коммуникаций альянсовыми и союзными в логике секьюритизации. Можно выделить четыре основополагающих принципа международной коммуникации в современной Арктике:

- Принцип двусторонней коммуникации. Многосторонние форматы арктической коммуникации (Арктический совет, Совет Баренцева / Евроарктического региона) сменила сеть двусторонних треков (РФ-Китай, РФ-Индия, США-Япония, США-Канада, США-Дания и др.), каждый из которых функционирует по собственным правилам. Государства практикуют двусторонние коммуникации для удержания баланса и сфер влияния в регионе в том числе поверх интеграционных объединений, взаимодействуя с отдельными их членами (А7, БРИКС).
- Принцип фрагментарности. Современный арктический режимный комплекс не имеет единого центра или института управления коммуникациями, в регионе не просто сосуществуют, а конкурируют создаваемые и институционально оформляемые государственными и негосударственными акторами коммуникационные структуры, демонстрирующие фундаментальные различия в инклюзивности диалога, трактовках и подходах к решению проблем.
- Принцип секторальности. В условиях невозможности выстроить кросс-уровневую и системную коммуникацию происходит дробление коммуникационного пространства Арктики на не связанные между собой в управленческом плане тематические сектора (безопасность, энергетика, наука, экология, права коренных народов), для каждого из которых генерируются собственные нормы коммуникации и каждый из которых функционирует с собственным ограниченным кругом участников. Секторальные режимы коммуникации оформляются вокруг акторов, а не вокруг проблем тематического поля.
- Принцип ситуативности. Арктическая коммуникация сегодня не является предметом стратегирования и долгосрочных планов. Коммуникационные форматы возникают как ad hoc реакции на конкретные вызовы (санкции, военные инциденты, проекты).

Направления и возможности арктической международной коммуникации после начала специальной военной операции (СВО)

Рассмотрев особенности и принципы международной коммуникации в современной Арктике, перейдем к предметному анализу коммуникационного пространства, которое на сегодняшний день формируется двумя субрегионами арктических государств (зонтичные структуры США и России), сетевыми

структурами (неправительственными организациями и международными сетевыми сообществами), а также наиболее инициативными неарктическими государствами (прежде всего, нас интересует Китай на фоне его возросшей субъектности из-за разворота России на Восток, зависимостью российской экономики от китайских технологий и инвестиций). В рамках мониторинга коммуникационных режимов постсоветских стран НИИРК подлежат оцениванию 12 групп коммуникаций, при анализе режима арктической международной коммуникации мы выделяем с учетом специфики региона 8 групп коммуникаций:

Политические коммуникации (в т.ч. по вопросам правового режима), которые включают в себя обмен официальными позициями по вопросам делимитации морских границ, режиму Северного морского пути, статусу наблюдателей, заявления стран на международных площадках (выступления на сессиях Арктического совета, Генеральной Ассамблее ООН, БРИКС, G7, Арктическом форуме), двусторонние и многосторонние переговоры глав государств, министров иностранных дел (в том числе онлайн), рабочие консультации на уровне послов, юридически обязывающие и рамочные соглашения, парламентские коммуникации (слушания, заявления профильных комитетов), пресс-конференции, интервью, статьи глав МИД в ведущих СМИ по арктической повестке.

Коммуникации в сфере безопасности включают в себя совместные военные учения, обмен разведывательными данными, договоры о взаимной обороне и коллективной безопасности (статьи, касающиеся именно арктического театра (в рамках НАТО, ОДКБ, двусторонних пактов), создание совместных центров управления (например, объединенные командования НАТО в Арктике), военно-техническое сотрудничество, консультации оборонных ведомств и спецслужб.

Экономические коммуникации (в т.ч. транспортно-логистические и энергетические) представляют собой инфраструктурные мегапроекты (порты, терминалы СПГ, железные дороги), совместные предприятия, проекты по добыче и переработке полезных ископаемых, инвестиции, обмен производственными технологиями, логистические коридоры.

Научные коммуникации включают в себя совместные научные экспедиции и публикации, исследовательские проекты, мониторинговые мероприятия, обмен данными и разработками, международные научные мероприятия, соглашения между университетами и академиями наук, обмен исследователями.

Экологические коммуникации представляют собой обмен информацией о состоянии окружающей среды и климатических изменениях, мероприятия, направленные на сохранение биоразнообразия, предотвращение и борьбу с последствиями природных и техногенных катастроф, поисково-спасательные операции, совместные протоколы и заявления стран по экологической ситуации.

Коммуникации коренных народов связаны с представительством коренных народов в арктических институтах, международными форумами коренных народов, проектами по языковому и культурному наследию коренных народов, правовыми инициативами в отношении коренных народов, образовательными программами для коренных народов, грантами от государств и фондов на поддержку традиционных промыслов.

Образовательные коммуникации представляют собой сетевые образовательные программы по вопросам развития Арктики, образовательные школы, форумы и экспедиции, программы повышения квалификации, совместные учебные материалы.

Культурные и медиакоммуникации направлены на формирование арктического нарратива и арктической культуры, находят выражение в медийных образах, музейных и архивных обменах, культурных форумах и выставках, брендинге товаров и территорий, фильмах, сериалах, компьютерных играх об Арктике, выступлениях полярников, ученых, путешественников с трансляцией на зарубежную аудиторию.

Итоги анализа коммуникаций между странами, формирующими субрегимы коммуникаций в арктическом регионе, представлены в Таблице.

Анализ проводился на основе размещенных в открытом доступе материалов государственных и негосударственных организаций, СМИ и документов в целях определения потенциала преодоления фрагментации коммуникационного пространства Арктики на фоне геополитического кризиса. Для оценки использовался качественный контент-анализ официальных заявлений стран (2022–2026 гг.), материалов Арктического совета, отраслевых СМИ (Arctic Today, High North News) и отчетов международных организаций (SIPRI, IASC). Для отбора материалов использовались ключевые слова «arctic», «cooperation», «artic governance», «arctic exceptionalism». Каждая группа коммуникаций оценивалась по бинарной шкале (наличие/отсутствие взаимодействий (совместные встречи, заявления, документы, мероприятия конкретно по Арктике)) и степени интенсивности коммуникаций (высокая, средняя, низкая, где высокая (+) – двусторонний формат диалога, подразумевающий институциональное оформление обязательств и частоту взаимодействий свыше 3 в анализируемый период, средняя (+/-) – многосторонний/опосредованный формат взаимодействия, не всегда имеющий институциональное оформление обязательств, имеющий частоту коммуникаций не менее 2-3 в анализируемый период, низкая (-) – отсутствие или блокировка диалога сторон) с учетом институциональных и ad hoc форматов.

Общая характеристика треков «Россия-Китай-США». По результатам исследования, Россия после 2022 г. переориентировала арктические коммуникации на Китай и Индию, сохранив каналы с США и Евросоюзом лишь в научной и гуманитарной сферах. США осуществляют арктическую коммуникацию в рамках «западной коалиции» (A7+НАТО+ЕС), сознательно исключая Россию из опорных групп коммуникаций (политика, безопасность, экономика). Китай реализует двунаправленную коммуникационную стратегию: сотрудничает с Россией в экономике, науке, образовании и культуре, одновременно сохраняя формальное присутствие как наблюдатель в западных структурах (Арктический совет, ASSW) и не вступая в прямую конфронтацию с США. В свою очередь, образовательные, культурные и медиакоммуникации служат инструментом мягкой силы для всех трех стран, причем Россия и Китай активно создают совместные проекты и нарративы.

Отметим наиболее значимые характеристики конфигурации международной коммуникации в Арктике:

- Наибольшим потенциалом прочности и опорой для восстановления полноформатного межгосударственного взаимодействия в Арктике обладают

Таблица. Характер арктических коммуникаций между Россией, США и Китаем после 2022 г.

Группа коммуникаций	Россия-Китай	Россия-США	США-Китай
Политические	+	-	+/-
	Двусторонние встречи, совместные заявления, БРИКС, соглашения по СМП	Диалог заморожен, нет встреч на высшем уровне, Арктический совет блокирован, А7 без России	Китай – наблюдатель в Арктическом совете, США не блокируют его присутствие, но диалог по Арктике ограничен
Коммуникации в сфере безопасности	+/-	-	-
	Совместные учения «Северный рукав», обмен данными ограниченный, нет оборонного договора по Арктике	Совместные учения прекращены, обмен разведданными отсутствует, военные контакты разорваны	Нет учений, нет обмена разведданными, нет договоров, США рассматривают Китай как угрозу
Экономические	+	-	-
	Инвестиции, Ямал СПГ, СМП, порты, технологический обмен	Санкции, уход американских компаний из РФ, нет совместных проектов	Санкции, нет прямых совместных арктических проектов
Научные	+	+/-	+/-
	Совместные экспедиции, обмен данными, конференции, соглашения РАН-АН КНР	Частично через IASC, WMO, личные контакты ученых, институционально разорваны	Китай участвовал в ASSW-2025 в США как наблюдатель, нет двусторонних соглашений о науке
Экологические	+	+/-	+/-
	Совместные учения по нефтеразливам, проекты по биоразнообразию, обмен данными	Только через глобальные площадки (WMO), двусторонние программы свернуты	Двусторонние контакты по Арктике минимальны
Коммуникации коренных народов	+	+/-	-
	Проекты по эвенкам, языковые архивы, гранты, участие в форумах	Остаточные контакты по языкам инуитов через НПО	Китай не имеет коренных народов в Арктике
Образовательные	+	-	+/-
	Двойные дипломы, «Плавучий университет», обмен студентами	Обмены и совместные программы прекращены	Единичные контакты через Университет Арктики, студенческие обмены незначительны
Культурные и медиа	+	-	-
	Совместные фильмы, выставки, фестивали, бренд «Полярный шелковый путь»	Взаимные культурные мероприятия отсутствуют, медианарративы враждебные	Взаимные культурные мероприятия отсутствуют, медианарративы враждебные

Источник: составлено автором

научные и экологические коммуникации, коммуникации коренных народов. Во многом благодаря тому, что осуществляются гражданским обществом, имеют опору в виде сетевых профессиональных структур и личных неформальных контактов. В то время как политические и экономические коммуникации, коммуникации в сфере безопасности образуют кластер, являющийся прямой проекцией геополитических и геоэкономических противоречий государств.

- Арктика сохранила возможности для диалога по критически значимым, взаимосвязанным между собой и по объективным причинам независимым от политики направлениям – наука, экология, коренные народы – все они напрямую связаны с поддержанием устойчивости и сохранением уникальной экосистемы региона, научное направление включает в себя прежде всего естественно-научные исследования, экологическое – не обходится без научно-аналитических мониторингов ситуации. Данные направления объединяет глобальный и исключительный характер решаемых ими проблем, они затрагивают общечеловеческие интересы, и потому сохранили возможность вынести политические противоречия «за скобки».
- Образовательные, культурные и медиакоммуникации в Арктике политически конъюнктурны. По данным направлениям сохраняется возможность для лавирования акторов между противоборствующими полюсами арктической коммуникации, однако в большей мере они ориентированы на ретрансляцию политических позиций государств, в том числе потому, что институты образования, культуры и медиа зачастую сконцентрированы в руках государств и подконтрольны им.
- Акторо-центричность субрежимов арктической коммуникации имеет секторальные различия. Так гуманитарные коммуникации более гетерогенны, их конфигурация определяется не только государствами и надгосударственными образованиями, но и отдельными НПО и сетевыми сообществами, в то время как политико-экономические коммуникации государство-центричны, что в первую очередь влечет за собой экономические издержки для развития региона (из формальной коммуникации по политическим причинам практически полностью исключен бизнес).
- Имеющиеся лакуны для коммуникации в гуманитарной сфере становятся более надежными и устойчивыми на фоне параллельного возвращения межгосударственной коммуникации по данным направлениям на площадке Арктического совета и других надгосударственных институтов.
- Очевидно взаимопроникновение режимов арктической коммуникации России и Китая, однако это не свидетельствует о формировании единого субрежима данными государствами, следует учитывать многовекторность китайской политики в отношении Арктического региона, в том числе в гуманитарных сферах.

Подводя итог, отметим ключевые характеристики режима международной коммуникации в современной Арктике:

1. Режим представляет собой режимный комплекс, который включает в себя формируемые США и Россией субрегионы, преимущественно по военно-политическим и экономическим соображениям (США-А7-НАТО-ЕС; Россия-Китай-БРИКС+); сетевые структуры, воспроизводимые НПО по отдельным (преимущественно гуманитарным) направлениям коммуникаций, а также секторальные режимы, управляемые при помощи таких институтов как форумы и конференции. Все элементы арктического режимного комплекса акторо-центричны и формируются преимущественно вокруг позиций ограниченного лояльного круга участников, нежели вокруг проблемного поля региона.

2. Надгосударственные институты арктической коммуникации не формируют режима, способного задавать общие правила и координировать субрегионы, формируемые арктическими государствами.

3. Значительно снижена институциональная роль бизнеса как актора арктической международной коммуникаций. Артикулируется вторичность позиций гражданского общества в арктических вопросах, что существенно искажает исторически сложившиеся принципы арктического управления и дипломатии. Арктическими и неарктическими государствами формулируются собственные условия допуска гражданских и бизнес-организаций к арктическому диалогу.

4. Режимный комплекс арктической коммуникации расширяет географические границы на фоне развития конкурирующих коммуникационных структур и формирования полюсов арктической коммуникации, стремящихся увеличить зону своего влияния и ресурсную обеспеченность для арктической деятельности. Данные коммуникационные структуры формируются в формате «один на один», государствами перепроверяются условия и договоренности взаимодействия поверх существующих интеграционных объединений.

5. Более эффективными для современного арктического диалога выступают отличные от дипломатических каналы коммуникаций, основанные на личных связях, сетевой структуре профессиональных сообществ.

6. Современная международная коммуникация в Арктике имеет 8 направлений, которые можно разбить на 3 кластера: политико-зависимые коммуникации (политика, экономика, безопасность); политико-обеспечивающие коммуникации (образование, культура, медиа); исключительные для политики коммуникации (коренные народы, наука, экология).

7. Арктическая международная коммуникация на сегодняшний день ситуативна, не носит стратегического характера, что имеет под собой большие риски для устойчивого развития региона.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Баранникова А.О., Смирнов С.М. Арктические амбиции стран Северо-Восточной Азии и перспективы сотрудничества с Россией // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2024. № 3(70). С. 84–91. <https://www.doi.org/10.24866/1998-6785/2024-3/84-91>. EDN ZVDUVE.
2. Гасумянов В.И., Комлева В.В. Коммуникационные режимы как фактор межстрановых взаимодействий: постановка проблемы // Международная жизнь. 2020. № 10. С. 38–49.

3. Главное теперь – практическое осуществление задач перестройки: сборник материалов о поездке М.С.Горбачева в Мурманскую область 30 сентября – 2 октября 1987 г. М.: Политиздат, 1987. 62 с.
4. Гриняев С.Н. Французская оборонная стратегия в Арктике и развитие военного присутствия НАТО в регионе // Аналитические записки Института Европы РАН. 2025. № 3 (43). С. 20–26. <https://www.doi.org/10.15211/analytics32320252026>. EDN VLXSPC.
5. Журавель В.П., Гриняев С.Н. Конец арктической исключительности: рецензия на монографию «Разморозка: борьба за будущее Арктики» // Арктика и Север. 2025. № 61. С. 265–272.
6. Комлева В.В. Страновой коммуникационный режим как социально-политический феномен // Россия и мир: научный диалог. 2021. Т. 1, № 1. С. 13–26. <https://doi.org/10.53658/RW2021-1-1-13-26>.
7. Комлева В.В. Управляемость страновых коммуникационных режимов // Коммуникология. 2022. № 1. С. 139–154.
8. Коньшев В.Н., Лагутина М.Л., Сергунин А.А. Международное арктическое сотрудничество в эпоху глобальной нестабильности: проблемы и перспективы // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2025. Т. 17, № 2. С. 113–144. <https://doi.org/10.48015/2076-7404-2025-17-2-113-144>. EDN STFWE.
9. Котов А.В. Арктические зарубежные доктрины: вызовы для России // Россия и Америка в XXI веке. 2025. № 4. <https://doi.org/10.18254/S207054760034861-4>. EDN DGISTY.
10. Магомедов А.К. Рождение «постфевральской» Арктики: семь путей, которые изменили Крайний Север // Россия и современный мир. 2025. № 4(129). С. 37–55. <https://doi.org/10.31249/rsm/2025.04.03>. EDN MMAEVT.
11. Петровский В.Е. Китай о новой модели арктического управления // Арктика и Север. 2026. № 63. С. 251–261. <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2026.63.251>. EDN CLVYAD.
12. Петровский В.Е. «Треугольник» Китай – США – Россия в Арктике: геополитический и геоэкономический аспекты // США и Канада: экономика, политика, культура. 2025. № 7(667). С. 70–79. <https://doi.org/10.7868/s3034604525070077>. EDN HJWOK.
13. Branka T. The End of Arctic Exceptionalism? New Arctic Approach after February 24, 2022 // Przegląd Strategiczny. 2022. Pp. 373–392. <https://doi.org/10.14746/ps.2022.1.22>.
14. Broek E., Olczak N., Dellmuth L. The Involvement of Civil Society Organizations in Arctic Governance // SIPRI Insights on Peace and Security. 2023. № 2. P. 10–12.
15. Everett K. Arctic Border Governance in a Post-invasion Era: How Russia's Invasion of Ukraine in 2022 Shifts Arctic Borders // Global Arctic. 2025. Pp. 61–104.
16. Exner-Pirot H. The Arctic in International Affairs: A Return to Realpolitik? // The Palgrave Handbook of Arctic Policy and Politics. 2026. Pp. 321–333.
17. Gasumyanov V.I., Komleva V.V. Communication Regimes as a New Scientific Category // Communicology. 2020. Vol. 8, № 3. P. 43–50.
18. Gjørsv G.H. Geopolitics and hybrid threats: the reconfiguration of Arctic Exceptionalism? // A Research Agenda for Arctic Security and Governance. [Б. м. : б. и., б. г.]. Pp. 175–194.
19. Houck A.B., Wynne O. NATO in the Arctic: The Arctic Institute's NATO Series 2024–2025 (Part I) [Electronic resource] // The Arctic Institute. 2024. 29 Oct. URL: <https://www.thearcticinstitute.org/nato-arctic-the-arcticinstitutes-nato-series-2024-2025-part-i/>.
20. Ivanova A. Actor participation in the Arctic Council, 1998–2025: a new data set // Polar Research. 2026. P. 1–6.
21. Krasner S.D. (ed.) International Regimes. Ithaca; London: Cornell University Press, 1983. X, 372 p.
22. Křiž Z. From Arctic exceptionalism to military-driven geopolitics: Cooperation and conflict after Russia's invasion of the Ukraine // Czech Polar Reports. 2026. P. 26–51.
23. Kuus M. Arctic circles: Transprofessional networking and international governance // Environment and Planning C: Politics and Space. 2025. Vol. 44, № 1.
24. Solski J.J. New Actors, Agencies and Narratives for the Post-Normal Arctic // Arctic Review on Law and Politics. 2026.
25. Wood-Donnelly C. Responsibility of and for Structural... // Justice in Arctic Governance: Arctic Justice Environment, Society and Governance / C.Wood-Donnelly, J.Ohlsson (eds.). Bristol: Bristol University Press, 2023. Pp. 21–36.
26. Young O.R. Arctic Politics: Conflict and Cooperation in the Circumpolar North. Dartmouth College Press, 1992. XV, 287 p.
27. Young O.R. Building an International Regime Complex for the Arctic: Current Status and Next Steps // The Polar Journal. 2012. Vol. 2, № 2. P. 391–407. <https://doi.org/10.1080/2154896X.2012.735047>.
28. Young O.R. Is it Time for a Reset in Arctic Governance? // Sustainability. 2019. Vol. 11, № 16. <https://doi.org/10.3390/su11164497>.

Резюме экспертной дискуссии «Арктика в новой реальности: стратегии России и глобальные ВЫЗОВЫ»

Сессия была посвящена осмыслению роли Арктики в условиях новой международной реальности, характеризующейся усилением геополитической конкуренции, трансформацией механизмов сотрудничества, ростом значения транспортной, энергетической, социальной и оборонной инфраструктуры, а также необходимостью выработки долгосрочных стратегий устойчивого развития северных территорий.

В ходе обсуждения было отмечено, что Арктика становится одним из ключевых пространств пересечения интересов, глобальных экономических процессов и вопросов безопасности.

Стратегия Европейского союза в Арктике после 2022 г. приобрела более политизированный характер по отношению к России. Это создает для России дополнительные вызовы, связанные с сокращением прежних форматов взаимодействия, усилением санкционного давления и попытками ЕС влиять на нормативную повестку в регионе. Вместе с тем такая ситуация открывает возможности для пересмотра российских приоритетов, укрепления технологического суверенитета и развития альтернативных партнерских связей.

Рост военной активности США, Норвегии и Швеции в арктическом пространстве усиливает значение военно-политического аспекта региональной безопасности. Расширение инфраструктуры, проведение учений и усиление координации западных стран повышают риски милитаризации Арктики и требуют от России системного мониторинга, модернизации оборонной инфраструктуры и сохранения стратегического баланса в северных широтах.

Политика Китая в Арктике сочетает региональные экономические интересы с более широкой глобальной стратегией позиционирования. Китай стремится участвовать в развитии арктических маршрутов, энергетических проектов и научных исследований, одновременно продвигая представление об Арктике как пространстве глобального значения. Для России это создает как возможности для проектного сотрудничества, так и необходимость внимательно учитывать долгосрочные интересы Китая в регионе.

Кооперация России и Индии в Арктике обладает значительным потенциалом, особенно в энергетике, логистике, науке и подготовке кадров. Для России индийское направление важно как элемент диверсификации международных связей и укрепления сотрудничества с крупными внерегиональными партнерами. Перспективность такого взаимодействия определяется прагматическим интересом сторон к ресурсам, транспортным маршрутам и научно-технологическому обмену.

Изменение международной обстановки требует от России комплексного подхода, сочетающего защиту национальных интересов, развитие собственных инфраструктурных возможностей, укрепление научно-экспертного сопровождения принимаемых решений и поиск новых форматов взаимодействия с заинтересованными государствами.

В условиях растущих интересов к Арктике как региональных, так и внерегиональных акторов России важно не только реагировать на внешние вызовы, но и формировать собственную позитивную повестку развития Арктики, основанную на сочетании суверенного присутствия, технологической модернизации, международной кооперации с дружественными партнерами и поддержки местных сообществ.

Наряду с вопросами безопасности и международной конкуренции значимыми становятся социально-демографическое развитие северных регионов, качество жизни населения, кадровый потенциал, туристическая привлекательность территорий, культурная инфраструктура и гуманитарное измерение арктической политики.

На более прикладном уровне обсуждение показало значимость развития транспортной связанности арктических и сибирских территорий, повышения эффективности управления инфраструктурными проектами, укрепления научной и образовательной базы, а также расширения межрегионального взаимодействия. Одним из ключевых условий эффективного функционирования Трансарктического транспортного коридора является развитие внутренних водных путей Сибири. Было отмечено, что устойчивость арктической политики во многом зависит от способности объединить стратегические государственные приоритеты с реальными потребностями населения северных территорий.

Предложения по итогам сессии:

Разработать межведомственную дорожную карту развития арктической транспортной связанности, включающую Северный морской путь, внутренние водные пути Сибири, железнодорожные и портовые узлы. Это позволит рассматривать Арктику не как изолированное пространство, а как часть единой транспортно-логистической системы России. Такая связка особенно важна для транспортировки ресурсов, снабжения северных территорий, развития промышленности и повышения устойчивости национальных маршрутов в условиях внешних ограничений.

Создать постоянно действующий экспертный механизм мониторинга военно-политической активности в Арктике и оценки рисков для национальной безопасности России. Усиление присутствия внешних акторов в регионе требует не разовых оценок, а системного анализа. Такой механизм должен объединять данные о военной инфраструктуре, международных стратегиях, санкционном давлении и изменении правовых режимов, чтобы своевременно готовить рекомендации для органов власти.

Четко определить цели и интересы России в рамках арктического сотрудничества с дружественными внерегиональными государствами в сферах логистики, энергетики, науки, образования и технологий. В условиях сокращения традиционных форматов взаимодействия России необходимы

новые партнерские контуры. Практические проекты с заинтересованными странами могут привлечь инвестиции, расширить научный обмен и укрепить международную легитимность российской арктической повестки.

Запустить программу социально-демографической устойчивости арктических регионов, ориентированную на молодежь, семьи, профессиональную подготовку и закрепление кадров. Долгосрочное развитие Арктики невозможно без развития человеческого капитала. Поддержка молодых специалистов, развитие образовательных траекторий, семейной инфраструктуры, доступного жилья и социальных сервисов позволит снизить миграционный отток и повысить привлекательность жизни на северных территориях.

Развивать гуманитарную, туристическую и культурную инфраструктуру Арктики как инструмент укрепления локальной идентичности и экономической диверсификации регионов.

Арктическая политика не должна сводиться только к безопасности и добыче ресурсов. Креативные пространства, тематические маршруты, музейные и образовательные проекты способны поддержать малый бизнес, повысить туристическую привлекательность территорий и сформировать более устойчивый позитивный образ Российской Арктики внутри страны и за рубежом.

Экспертная дискуссия «Интеграции евразийского пространства: к 35-летию СНГ»

Акулович Ирина Борисовна,
Советник-посланник Посольства Республики
Беларусь в Российской Федерации

Особенности белорусско- российской интеграции

АННОТАЦИЯ

В докладе рассматриваются основные этапы, достижения и современные вызовы белорусско-российской интеграции в рамках Союзного государства. Автор акцентирует внимание на 30-летнем опыте союзного строительства, подчеркивая его историческую обусловленность и высокую степень поддержки со стороны граждан обеих стран. Систематизированы ключевые успехи интеграции: восьмикратный рост товарооборота, развитие производственной кооперации, снятие административных барьеров, включая взаимное признание виз, а также активное межрегиональное сотрудничество. Особое внимание уделяется гуманитарным аспектам – сохранению исторической памяти, работе Совместной российско-белорусской комиссии по истории и патриотическим форумам. Отдельный блок посвящен информационному сопровождению интеграции: созданию Медиахолдинга Союзного государства, запуску телеканала «Союзный» и формированию общего информационного пространства как ответа на вызовы информационных войн. В финале докладчик обращает внимание на диспропорцию в медиаосвещении: значительно большее внимание СМИ уделяют Евросоюзу и недружественным странам в ущерб популяризации собственных интеграционных достижений.

Ключевые слова: Беларусь, Россия, интеграция, экономическое сотрудничество, межрегиональное взаимодействие, историческая память, информационное пространство, медиахолдинг, общее информационное поле, СНГ, евразийская интеграция

Уважаемые коллеги, участники конференции!

Прежде всего хочу выразить признательность руководству Национального исследовательского института развития коммуникаций и лично директору института Гасумянову Владиславу Ивановичу, а также директору программ взаимодействия с органами власти Гуржиевой Ольге Валерьевне за приглашение на конференцию и предоставленную возможность выступить перед участниками форума.

Сегодня в рамках нашей сессии рассматриваются различные аспекты интеграции на евразийском пространстве, прежде всего в рамках Содружества Независимых Государств.

Мне бы хотелось остановиться на одном важном формате интеграции, который часто называют драйвером в процессах на просторах СНГ, – Союзном государстве Беларуси и России.

2 апреля исполнилось 30 лет со дня подписания Договора об образовании Сообщества Беларуси и России, положившего начало строительству Союзного государства.

Непосредственно Договор о создании Союзного государства был подписан президентами двух стран 8 декабря 1999 г.

Это историческое решение отражало стремление народов Беларуси и России укрепить двусторонние отношения, создать работающий интеграционный проект

двух народов на основе общей истории, сформировавшихся экономических связей, культурных и нравственно-духовных ценностей.

Прошедшие 30 лет показали, что в непростых условиях середины 90-х годов прошлого столетия был выбран самый оптимальный путь для дальнейшего развития двух независимых государств.

Такой формат союзничества и стратегического партнерства неоднократно получал публичные высокие оценки президентов Беларуси и России, и, конечно же, поддерживается гражданами наших стран, которые в своей повседневной жизни на практике чувствуют многочисленные положительные стороны от интеграции.

Наверное, нет смысла сегодня подробно перечислять все этапы и достижения союзного строительства.

Назову их тезисно.

Прежде всего мы отмечаем достижения в экономической сфере.

Взаимный доступ к рынкам позволил за эти годы нарастить объем товарооборота в восемь раз – с 6,5 млрд долларов в 1996 г. до почти 55 млрд в прошлом году.

Более 10 тыс. белорусских и российских предприятий связаны долгосрочной производственной кооперацией.

Реализуются многочисленные совместные программы, проекты в гуманитарной сфере, снимаются ненужные барьеры, в том числе в области связи и цифровизации.

В начале 2025 г. вступило в силу соглашение между Беларусью и Россией о взаимном признании виз.

Тесное взаимодействие обеспечивается в военной сфере, в области внешней политики, чрезвычайных ситуаций, безопасности и борьбы с преступностью.

Динамично развивается взаимодействие между областями Беларуси и субъектами Российской Федерации.

Заключено 89 межправительственных соглашений с 80 регионами Российской Федерации и около 450 договоров между белорусскими и российскими регионами.

В июне текущего года в Минске и Минской области состоится очередной, уже тринадцатый Форум регионов России и Беларуси.

Значительная совместная работа проводится в плане сохранения исторической памяти.

В январе 2024 г. учреждена Совместная российско-белорусская комиссия по истории.

Ее главной задачей является координация усилий по защите исторической правды, сохранение общего наследия двух государств и противодействие фальсификации исторических фактов.

В апреле прошлого года, накануне 80-летия Великой Победы, в Волгограде впервые состоялся международный патриотический форум Союзного государства «Великое наследие – общее будущее».

Второй форум буквально через месяц примет белорусский Брест.

И, конечно же, в рамках Союзного государства большое внимание уделяется обеспечению равных прав граждан России и Беларуси.

Важным шагом в этом направлении стало создание равных возможностей для россиян и белорусов в получении бесплатного образования и при трудоустройстве, в сферах медицинского и социального обеспечения, налогообложения.

Граждане Беларуси, постоянно проживающие в России, могут голосовать и баллотироваться на выборах в органы местного самоуправления Российской Федерации.

Граждане России, постоянно проживающие в Беларуси, также имеют право участвовать в выборах депутатов местных Советов депутатов в Республике Беларусь.

Несколько подробнее хотелось бы остановиться на информационном сопровождении союзного строительства.

В данный момент идет активный процесс реформирования союзных СМИ. Беларусь и Россия создают «Медиакомпанию Союзного государства». 1 апреля 2026 г. в Беларуси и России начал вещание новый телеканал «Союзный». В состав Медиахолдинга войдут кроме телеканала еще несколько печатных изданий, развивается и цифровая редакция Холдинга. Таким образом мы стараемся задействовать все площадки и все среды для проведения взвешенной информационной работы по продвижению идей интеграции.

Сегодня, когда мир охвачен информационными войнами, и именно журналисты наших стран находятся «на передовой», мы должно четко осознавать, что формирование общего информационного пространства становится одной из самых важных направлений в деле укрепления и развития СНГ. К сожалению, мы очень много внимания уделяем другим мировым процессам: слишком часто говорим о лидерах других стран, сотни раз повторяя и вбивая в сознание людей недружественные фамилии и аббревиатуры. И так мало по сравнению с этим говорим о своей интеграции и ее неоспоримых преимуществах для жизни людей. Вот несколько цифр, подтверждающих это. На одном крупном информационном портале за 2 месяца было 595 упоминаний о СНГ, а о Евросоюзе – 2 619.

Закончить свое выступление я хочу словами белорусского лидера, Александра Григорьевича Лукашенко: «Нам надо сплотиться и выстоять. Идти своим путем туда, где нас ждут. Где наши рынки сбыта, где нам будет комфортно, где для нас открыты двери».

Байльдинов Ергали Темуржанович,
координатор Центра международного
сотрудничества Шакарим Университета,
кандидат экономических наук

Куда идти и что делать? К вопросу об интеграционном целеполагании

АННОТАЦИЯ

Доклад посвящен проблемам определения четких стратегических целей постсоветской интеграции на фоне жесткой геополитической борьбы за влияние в этом макрорегионе и выработке на этой основе более адекватной и эффективной модели социально-экономического развития постсоветских государств. Автор считает, что общей целью, способной консолидировать постсоветские государства с Россией, является построение общества социальной гармонии (и прежде всего в России как естественном лидере и примере для всех остальных постсоветских государств), концепция которого представлена в докладе. Автор также считает, что идеологической основой, объединяющей постсоветские государства, стремящиеся построить общество социальной гармонии, должны выступать общие для народов бывшего СССР нравственные ценности и императивы, которые должны быть выработаны и закреплены в Нравственной доктрине народов России и других постсоветских государств – основополагающем документе, определяющем государственно-политический и социально-экономический правопорядок интегрирующихся государств.

Ключевые слова: постсоветская интеграция, социальная гармония, устойчиво развивающееся общество, СССР, Нравственная доктрина

Как известно, с момента распада СССР предпринималось значительное количество попыток реинтегрировать постсоветское пространство и создать эффективное интеграционное объединение, в частности, сначала в лице Таможенного союза России, Беларуси, Казахстана, Кыргызстана и Таджикистана, затем Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС), после Таможенного союза и Единого экономического пространства, а теперь и Евразийского экономического союза (ЕАЭС). К сожалению, несмотря на то, что формирование и развитие этих объединений задумывались как интеграционные этапы на пути к более эффективному союзу по опыту Европейского союза (ЕС), эти объединения, как и все прочие интеграционные структуры на постсоветском пространстве, вряд ли можно назвать успешными. Важнейшими причинами этого, на наш взгляд, являются:

1) мощное противодействие постсоветской интеграции со стороны США и их европейских союзников, направленное на всестороннее ослабление РФ;

2) экономическое и геополитическое ослабление России как естественного лидера евразийской интеграции в силу малоэффективной социально-экономической политики и колеблющейся внешней политики в отношениях с Западом, особенно в условиях СВО, что заставляет остальных участников интеграционных процессов «смотреть по сторонам», балансировать между основными игроками в регионе и

значительно диверсифицировать свои внешние, в том числе и военные, связи, не надеясь лишь на одну Россию;

3) недостаточно релевантное и непоследовательное внимание, а где-то и не очень уважительное отношение к некоторым государствам постсоветского пространства;

4) использование Китаем, Турцией и другими внешними игроками ослабления России для активного продвижения в Центральной Азии и на Южном Кавказе своего влияния и выдавливания РФ из региона;

5) отсутствие на этом фоне у лидеров России и других постсоветских государств единого и ясного стратегического видения целей и форм развития евразийской интеграции в силу разного понимания своих национальных интересов в этих условиях, а поэтому они не готовы углублять интеграцию, действуют осторожно, на ощупь, не желая связывать себя дополнительными обязательствами и тем более передавать в наднациональную юрисдикцию часть своего суверенитета. Если цели России не только и не столько в экономике, сколько в безопасности для себя в своем ближнем окружении и недопущении его перехода под чужое и тем более недружественное влияние или присутствие, то для других постсоветских стран Россия интересна прежде всего как рынок сбыта своих товаров и услуг, приложения своей избыточной рабочей силы, а также как источник инвестиций и надежный гарант безопасности. При этом с началом крымских и последующих событий некоторые страны ЕАЭС / ОДКБ стали проявлять сомнения в РФ как надежном гаранте их безопасности и активно диверсифицировать свои военные связи, в том числе и поставки вооружения для своих ВС. В этой связи следует, как представляется, выработать такую социально-экономическую и международно-правовую модель интеграции, которая позволит свести интересы всех заинтересованных стран в единую цель и дать благодаря этому мощный синергетический толчок развитию всех ее участников. В условиях же, когда Россия как естественный и единственный лидер интеграции демонстрирует отсутствие ясных целей желаемого для своего народа будущего, несоответствие своей национальной модели социально-экономического развития имеющемуся у нее потенциалу, а также слабую и неуверенную экономическую политику на фоне западных санкций и боевых действий, другие участники ЕАЭС, «импортируя» российские кризисные явления, начинают задумываться о дальнейшем углублении интеграции и искать, к кому еще можно «прислониться», чтобы обеспечить безопасность и стабильность своего развития. Такое многовекторное поведение участников ЕАЭС понятно и объяснимо на фоне экономической слабости лидера. Поэтому у России, если она хочет сохранить за собой постсоветское пространство, не может быть иного выбора, как только быть сильной как в военном, так и в экономическом, научно-технологическом, демографическом и культурно-мировоззренческом (идеологическом) смысле. Этим также объясняется и неготовность государств-членов ЕАЭС наделять свое детище наднациональными полномочиями. Формально, конечно, Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК) как исполнительный орган ЕАЭС обладает такими полномочиями, однако если глубоко проанализировать текст заключенного 29 мая 2014 г. в Астане Договора о Евразийском экономическом союзе (ДЕАЭС), становится понятным, что решения этого,

с позволения сказать, наднационального органа носят по сути рекомендательный характер для государств-членов, поскольку могут блокироваться ими в случае несогласия¹. Кроме того, государства-члены могут в любой момент под благовидным предлогом вмешиваться в «наднациональную компетенцию» ЕЭК и вводить на своих территориях национальное регулирование в сферах, формально переданных в соответствии с ДЕАЭС в ее компетенцию. Как показывает опыт почти 12-летнего функционирования Евразийского экономического союза (ЕАЭС), этот проект пока не оправдывает возлагаемые на него надежды, поскольку глубина интеграции не достигла даже полноценного таможенного союза. Да, следует признать, что для малых и средних стран, участвующих в интеграционном объединении, ЕАЭС открыл дополнительные возможности для экономического роста благодаря более открытому доступу на российский рынок своих товаров и избыточной рабочей силы, но в целом этот перспективный проект пока не дал ожидаемого от него эффекта;

6) евразийская интеграция задумывалась и идет по модели ЕС, хотя базовые условия для интеграции в ЕС и ЕАЭС совершенно несопоставимы. В соответствии с этой моделью государства-члены, по сути, ближайшие партнеры и союзники, сами себя поставили в условия жесткой конкуренции между собой на основе либеральной американской идеологии индивидуалистической конкуренции и подчинения своему влиянию слабых в конкурентном отношении государств. Эта идеология, умело внедренная в глобальное общественное сознание, позволила США создать удобный для себя мировой экономический порядок и управлять им исходя из своих интересов. Благодаря этой навязанной всему миру идеологии США управляют им посредством созданных ими международных организаций (ВТО, МВФ, Группа Всемирного банка и других официальных и неофициальных структур), но, пользуясь при этом своим конкурентным превосходством в финансово-экономической, технологической, военной и культурно-идеологической сферах, никому не позволяют даже бросить им вызов, не говоря уже о том, чтобы позволить кому-либо обойти их. Это сейчас делает Китай и получает в ответ набор самых разнообразных и изощренных мер противодействия его развитию. При этом государства ЕАЭС при осуществлении своих национальных экономических политик продолжают искренне верить в чудодейство неограниченной конкуренции и рыночных сил, которые, по их мысли, должны привести их к светлому будущему вне должного планирования и государственного регулирования, разделяют в разных вариациях эту идеологию и следуют ей в организации своих национальных экономик. Эта идеология в свое время была поставлена на службу разрушения СССР, его нравственно-духовных скреп, чуть было не разрушила Россию (и сегодня не дает России выйти на путь уверенного социально-экономического развития). Очевидно, что для постсоветских условий необходима уникальная модель интеграции, не обязательно копирующая путь ЕС. У нас есть свой достаточно успешный советский опыт интеграции народов с изначально совершенно различной культурной основой в отличие от ЕС. Представляется, что государствам-членам ЕАЭС следует не сколько конкурировать между собой на общесоюзном внутреннем и внешних рынках, а специализироваться каждому государству (т.е.

1 Анализ правового положения Евразийской экономической комиссии см., напр.: [1].

его хозяйствующим, научно-технологическим и некоторым иным субъектам) на «своей» нише, взаимно дополняя и подстраховывая друг друга, насыщая общий потребительский рынок разнообразными товарами, а не мешать друг другу устойчиво развиваться. В этом заключается суть гармоничной конкуренции, когда каждому государству-члену и каждому его поставщику определяется его доля и ниша на соответствующих рынках, максимальные и минимальные цены на все торгуемые товары (услуги), требования к качеству поставляемых товаров (услуг). Это позволяет не только прогнозировать и планировать развитие, поддерживать насыщенность товарами, баланс спроса и предложения на всех товарных рынках, но и социальную справедливость в оплате труда вне зависимости от профессии и места жительства, стабильность цен, достаточное качество товаров (услуг), максимально полную занятость, а также дает возможность каждому человеку, что немаловажно, заниматься той профессиональной деятельностью, которая ему по душе, совершенствуясь в ней и не гоняясь, как сегодня, за высокооплачиваемыми, но не любимыми профессиями. Каждому государству следует взаимно дополнять друг друга выпуском преимущественно тех товаров (услуг), которые его природно-климатические, человеческие, научно-технологические и прочие ресурсы позволяют производить наиболее эффективно. Конкурировать государствам и их хозяйствующим субъектам надо, без этого нет совершенства, НО НЕ между собой, а с третьими государствами, не входящими в ЕАЭС. В этом и заключается основная идея организации интеграции.

Какими должны быть цель и модель евразийской интеграции?

Наиболее эффективная экономическая и международно-правовая модель должна отражать в себе:

- ясные и понятные для всего населения интегрирующихся государств общие стратегические цели интеграции, а также методы их достижения, которые должны разделять и поддерживать не только лидеры государств, но и большинство населения Союза;
- совпадающие на основе общих стратегических целей базовые и интеграционные интересы объединяющихся государств;
- обеспеченные достаточными полномочиями и ресурсами наднациональные органы управления Союзом, способные реализовать цели интеграции.

Очевидно, что общие стратегические цели интеграции уже по определению должны содержать в себе совпадающие национальные интересы объединяющихся государств, причем как базовые интересы, так и интеграционные. Под интеграционными здесь понимаются интересы государства, связанные с позитивным для себя ожиданием от интеграции с другими государствами, благодаря реализации которых могут быть достигнуты базовые для данного государства интересы – интересы безопасности и устойчивого социально-экономического развития. Очевидно, что Союз может быть прочным только тогда, когда интеграционные интересы всех государств-участников совпадают в долгосрочном периоде и отвечают интеграционным интересам друг друга. Иными словами, модель интеграции должна быть такой, чтобы все заинтересованные государства видели бы в ней позитивные для себя результаты безопасности и

социально-экономического развития. Как представляется, более развернуто базовые интересы устойчивого развития любого демократического, правового, светского и социального государства можно определить как безопасное, свободное, всестороннее, гармоничное и полноценное развитие каждого своего гражданина, каждого этноса и государства в целом в согласии с окружающей природной и социальной средой на основе свободно и по душе выбираемой трудовой и иной общественно-полезной деятельности, взаимного уважения, взаимной ответственности, добросовестности, сотрудничества, солидарности, справедливости, равных прав и равных возможностей. Такое динамическое состояние общества (т.е. состояние безопасности и устойчивости общественного развития) определяется в литературе как социальная гармония, внутренняя и внешняя².

Основными признаками общества социальной гармонии, исходя из определения, можно назвать следующие:

1) подавляющее большинство граждан страны имеет относительно одинаковые доходы, которые не должны зависеть от региона проживания и профессии, а разность в оплате труда должна определяться лишь в зависимости от:

а) уровня квалификации и степени уважения работника как человека и специалиста со стороны заинтересованных лиц;

б) личных достижений работника в труде (например, достигнутая работником более высокая производительность труда; значительный социально-экономический эффект, полученный обществом от внедрения изобретения работника; решение сложной общественно значимой проблемы и т.п.) и

в) условий, в которых работнику приходится трудиться (боевые действия, риск для жизни и здоровья, тяжелый климат, отдаленный военный гарнизон и т.д.);

2) в стране поддерживаются стабильные, справедливые и доступные цены благодаря достигнутому изобилию товаров и услуг, постоянному обновлению их ассортимента и разнообразия вследствие активного и профессионально грамотного регулирования рынков потребительских и инвестиционных товаров и услуг со стороны государства и обеспечения баланса между их производством и потреблением, а также общего баланса – между сохранением природной среды, потребностями населения и производством;

3) государство своим активным вмешательством в социально-экономические процессы обеспечивает чистую, безопасную, физически и психологически комфортную среду обитания, а также справедливую и гармоничную конкуренцию;

4) эффективная система здравоохранения, социального и пенсионного обеспечения создает в обществе состояние психологического комфорта и спокойствия за будущее;

5) система воспитания, образования, культуры, информации, а также вся окружающая социально-культурная среда позволяют формировать физически и нравственно здоровую, высококультурную, всесторонне и гармонично развитую нацию, обеспечивающую своей стране не только благоприятное настоящее и уверенно благоприятное будущее;

2 Изучению социальной гармонии посвящена обширная литература. См., напр.: [2–4].

6) развитая наука позволяет стране уверенно развиваться, а также решать любые существующие и перспективные проблемы, бросающие ей вызов на пути ее развития;

7) благодаря эффективному государственному управлению большинство населения страны оценивают существующий социально-экономический и государственно-политический правопорядок как вполне справедливый и отвечающий интересам всего народа.

Таким образом, именно социальная гармония отождествляет собой наиболее равновесное и устойчивое динамическое состояние общества, а значит, наиболее безопасное и устойчивое его развитие, а стремление к достижению такой цели предполагает активное государственное вмешательство в общественные процессы и их регулирование на этой основе.

Поэтому в достижении (поддержании) социальной гармонии (безопасности и устойчивости развития) заключаются, пожалуй, самые важные интересы любого современного и ответственного государства, любого народа и любого разумного человека, и, следовательно, достижение (поддержание) социальной гармонии (причем как внутри государств-членов, так в их сношениях с другими членами Союза, а также в транснациональных отношениях субъектов разных государств-членов между собой) следует признать в качестве главной стратегической цели создания и деятельности Союза и, разумеется, главной стратегической цели деятельности каждого из государств-членов.

В этой связи в качестве идеологической основы интеграции предлагается Концепция Союза Суверенных Социальных Республик (СССР), где видение социальной республики как государства-члена Союза содержит в себе единые для всех участвующих государств базовые интересы. Социальная республика есть демократическое, светское, правовое и социальное государство с республиканской формой правления, главной целью которого является создание для каждого человека, проживающего на ее территории, условий, достаточных для его безопасного, свободного, всестороннего, гармоничного и полноценного развития в согласии с окружающей природной и социальной средой на основе свободно и по душе выбираемой трудовой и иной общественно-полезной деятельности, взаимного уважения, взаимной ответственности, добросовестности, сотрудничества, солидарности, справедливости, равных прав и равных возможностей.

Из определения вытекает, что регулирование общественных, в том числе и социально-экономических, отношений в каждой социальной республике и, следовательно, в СССР в целом, должно быть основано на общих для всех постсоветских народов духовно-нравственных ценностях, в том числе и взглядах на социальную справедливость как основу социальной гармонии. Это прежде всего взаимное уважение, взаимная ответственность, взаимопомощь, солидарность, интернационализм и межэтническая гармония, добросовестное и ответственное отношение к труду не только ради личного блага, но и блага общества. Это равные права и равные возможности развития для всех без исключения граждан страны вне зависимости от их национальных, расовых, конфессиональных, половозрастных, социально-имущественных характеристик, кем бы ни были они по профессии и

в каком бы регионе они ни проживали. В этой связи в качестве интегрирующей постсоветские народы духовной основы необходима разработка Нравственной доктрины народов России и постсоветских государств. Нашим странам как воздух необходим такой основополагающий документ – основа общесоюзной и одновременно национальной идеологии каждого из государств-членов и, соответственно, основа регулирования любых отношений, в том числе межэтнических и социально-экономических, причем как внутри каждой социальной республики, так и в Союзе в целом. Если правовая система Союза и входящих в него социальных республик будет основываться на Нравственной доктрине, сплачивающей народы этих республик, то это позволит, как показывает опыт бывшего Советского Союза, решать практически любые задачи, стоящие и способные возникнуть перед населением Союза. Только общие духовно-нравственные ценности, защищаемые всеми государствами-членами вместе, и основанные на этих ценностях экономика, правовая система и социально-культурная сфера способны приблизить объединенные государства к социальной гармонии. Без четких нравственных ориентиров и устоев, твердо и последовательно защищаемых всеми государствами и Союзом в целом, мы вряд ли сможем значительно продвинуться вперед в социально-экономическом развитии, сформировать здоровое в физическом и нравственном смысле, образованное подрастающее поколение, объединенное общими со старшими поколениями и всеми народами Союза ценностями и, соответственно, будущее наших государств, не говоря уже об эффективном противостоянии врагу, если потребуется, об успешной борьбе с преступностью, терроризмом, наркоманией и прочими социальными болезнями и негативными явлениями современного российского и любого постсоветского общества.

В этой связи следует, как представляется, скорректировать социально-экономическую и интеграционную политику России и ее союзников по ЕАЭС на основе предлагаемой к разработке Нравственной доктрины. В программных документах государств-членов ЕАЭС в качестве стратегических целей определяются рост ВВП и других аналогичных экономических показателей. Однако для широких масс населения, за исключением специалистов, такие цели совершенно ни о чем не говорят. Народ хочет видеть понятные каждому жителю страны реальные и осязаемые цели развития. Поэтому стратегической целью должна быть та, к которой стремится любой обычный человек. Только в этом случае стратегические цели интеграции и соответствующие социально-экономические политики государств-членов будут поддерживаться подавляющим большинством населения Союза. Думается, что такой целью может выступать безопасное, свободное, всестороннее, гармоничное и полноценное развитие каждой личности, каждого этноса, каждого государства-члена и Союза в целом в согласии с окружающей природной и социальной средой на основе свободно и по душе выбираемой трудовой и иной общественно-полезной деятельности, взаимного уважения, взаимной ответственности, добросовестности, сотрудничества, солидарности, справедливости, равных прав и равных возможностей. Другими словами, главной стратегической целью Союза и каждого входящего в него государства следует признать достижение и поддержание социальной гармонии. Социальная гармония есть такая организация общественных

отношений, при которой подавляющее большинство населения находит ее справедливой, удовлетворено уровнем своего и в целом общественного физического (физическая безопасность, состояние здоровья, система здравоохранения, экология, обеспечение жильем, продовольствием, водой, энергией, коммуникациями и прочими благами полноценного физического развития), духовного (нравственность, духовная безопасность, образование, наука, культура, творческая и инновационная активность населения, доступ к информации и т.п.) и экономического (доходы по отношению к ценам, защита собственности и т.п.) развития, когда права и законные интересы подавляющего большинства членов общества находятся в гармонии между собой (т.е. подавляющее большинство жителей страны в своих действиях и планах учитывают права и интересы окружающих их людей) и, самое главное, когда каждый член общества имеет примерно равные возможности в своем безопасном, свободном, всестороннем, гармоничном и полноценном развитии вне зависимости от того, где он живет (в столице или провинции, городе или деревне, в европейской части страны или на Дальнем Востоке или Севере). Каждый заинтересован в безопасном и свободном развитии (себя и своих близких), каждый стремится развиваться всесторонне: и в физическом смысле (здоровье, комфортное жилье, благоприятная физическая среда обитания и т.д.), и в духовном смысле (иметь доступ к образованию и интересующей его информации, иметь возможности творческой реализации, жить в благоприятной нравственно-психологической среде и т.д.), и в экономическом смысле (иметь обеспечивающие полноценную жизнь работу и доходы и доступные, соответствующие доходам стабильные цены на любые товары и услуги). Именно в этом заключаются главные, наиболее общие жизненные цели любого человека. Следовательно, именно эти наиболее общие для каждого человека цели физического, духовного и экономического развития, сбалансированные (гармонизированные) между собой, и должны стать главными стратегическими целями Союза и каждого государства-члена, а экономический рост надо рассматривать лишь как средство достижения этих целей. Очевидно, что при этом экономика и политика должны быть реорганизованы таким образом, чтобы они служили средствами достижения (поддержания) социальной гармонии (безопасности и устойчивости развития) как на национальном, так и на межгосударственном и союзном уровнях, а собственно сами стратегические цели физического, духовного и экономического развития населения и достижение (поддержание) на этой основе социальной гармонии определяли бы столбовой вектор развития Союза и каждого государства-члена в отдельности.

Какие основные меры следует предпринять?

Достижению предлагаемой стратегической цели будет способствовать только такая экономическая политика, которая направлена не просто на экономический рост, но и на его качество, обеспечение устойчивости и конкурентоспособности общесоюзной экономики, а также на рациональное и справедливое распределение союзного и национальных доходов и в конечном итоге на достижение социальной гармонии. В этой связи предлагаются следующие меры экономической политики.

1. Необходимо начать с экономического «выравнивания», т.е. устранить вопиющее неравенство в доходах граждан, являющееся результатом полного

отсутствия какого-либо регулирования в этой сфере, и добиться относительного выравнивания доходов всех категорий граждан вне зависимости от их профессиональной и отраслевой принадлежности, а также места проживания. Разница в доходах должна определяться лишь тремя критериями: а) должностью (выполняемыми функциями), занятие которой (выполнение которых) должно определяться наличием соответствующих квалификации, жизненного и профессионального опыта, а также моральным статусом работника (т.е. того, насколько данный работник уважаем в коллективе и в среде иных стейкхолдеров в силу присущих ему нравственных и деловых качеств); б) личными достижениями в труде; в) условиями, в которых работнику приходится выполнять свои функции (риск для жизни и здоровья, экстремальные условия ЧС, боевых действий, природно-климатические или социально-технологические условия и т.д.). Доходы гражданина не должны зависеть от региона его проживания, профессии или места работы, как это имеет место сегодня у нас. При этом руководящие должности должны заниматься не только на основании уровня профессионализма, но и еще на основании высоких нравственных качеств, оцениваемых окружающими, исходя из предлагаемой к разработке Нравственной доктрины народов СССР.

С этой целью необходимо разработать и утвердить решением Совета глав государств Единый общесоюзный реестр существующих на текущий момент профессий, специальностей и должностей с указанием уровня и «вилки» оплаты труда в соответствующей должности, начиная от неквалифицированных разнорабочих и заканчивая руководителями государств-членов и Союза. (Кстати, такой подход и такой реестр существовали в советское время.) Все работодатели Союза вне зависимости от формы собственности должны будут привести свое штатное расписание в соответствие с данным реестром и выплачивать заработную плату только в соответствии с ним. Валовая зарплата должна быть достаточно высокой, включать в себя все прямые налоги на доходы, социальные и пенсионные отчисления, необходимые для финансирования здравоохранения, образования, пенсий и социального страхования (до 50% от валовой зарплаты в совокупности) с таким расчетом, чтобы чистый доход позволял людям полноценно жить и развиваться. При этом допускается превышение зарплаты отдельных работников над установленным реестром должностным уровнем оплаты труда в случае роста производительности их труда, иных личных трудовых достижений работника. Однако это превышение должно оплачиваться с прибыли предприятий (бюджетникам – с дополнительных доходов или экономии бюджета, полученных в результате более эффективного бюджетного администрирования) и выдаваться не «на руки», а зачисляться на специальные банковские счета таких работников с целью его использования в качестве сбережений, за исключением случаев крупных покупок (недвижимость, автомобиль, мебель, зарубежная поездка и т.п.). Кроме того, следует резко сократить наличный оборот денег, и все текущие расчеты осуществлять индивидуальными платежными банковскими картами. Эти меры позволят не только обеспечить потребительский спрос, справедливость в обществе в оплате труда, привлечь кадры в медицину, образование, науку, в промышленность, на село, но и держать в узде инфляцию, значительно увеличить кредитные ресурсы банков, контролировать

доходы и расходы, вывести на свет Божий теневые доходы, значительно пополнить бюджет и повысить инвестиционные возможности государства, банков и предприятий, а значит, обеспечить динамичный рост общесоюзной экономики и всестороннее развитие государств-членов и Союза в целом.

2. Принять следующую, более справедливую, идеологию и методологию ценообразования и регулирования экономики, основанную на предлагаемой к разработке Нравственной доктрине (так называемая моральная теория экономического регулирования). В условиях постсоветской несовершенной конкуренции (а совершенной конкуренции никогда и нигде не было и не будет в условиях нерегулируемого рынка!) и в сочетании с особенностями нашего общего экономического менталитета свободное ценообразование ведет страны СНГ в никуда. Показатели экономического роста у нас связаны не столько с ростом производительности труда и ростом физического объема производства (продаж) товаров и услуг, сколько с банальным и произвольным повышением предпринимателями цен на свои товары (услуги) с целью обеспечить себе максимальную рентабельность. В жестких условиях нашей алчно-рыночной действительности свободные цены всегда стремятся вверх и никогда вниз. На очередное повышение цен и зарплат в коммерческом секторе государства вынуждены отвечать повышением зарплат бюджетникам и пенсий, включая печатный станок. Все это приводит к очередному витку инфляции, все начинается по-новому и так до бесконечности, по замкнутому кругу. Поэтому, если мы хотим обеспечить в обществе социальную гармонию, необходимо перейти к ограниченной свободе ценообразования, заставив цены колебаться в коридоре между научно обоснованными ценовыми минимумом и максимумом по каждому отдельному товару (услуге). Это можно безболезненно сделать, основываясь на симбиозе двух ценовых теорий: трудовой теории стоимости и рыночной теории ценообразования. Идея заключается в том, что цена должна формироваться только двумя факторами:

- трудовыми затратами на производство товара (услуги) на всех стадиях от добычи сырья и до производства готового продукта с его последующей реализацией и
- востребованностью данного товара (услуги) обществом (т.е. рыночным спросом).

Первым предложением (см. выше п.1) мы фиксируем уровень оплаты труда и тем самым фиксируем первую, трудовую, составляющую цены. Чтобы поддерживать относительно постоянной вторую, рыночную, составляющую цены, необходимо организовать рынок данного товара (услуги) и впоследствии активно регулировать его таким образом, чтобы на этом рынке физический объем данного товара поддерживался относительно постоянным в соответствии с количеством его потенциальных покупателей, не допуская ни дефицита товара (услуги), который приведет к резкому росту цен, ни его (ее) избытка на рынке, что приведет к сокращению производства и безработице.

Такая мера предполагает следующее.

а) Установление государствами (Союзом) минимального и максимального ценовых пределов на все торгуемые товары (услуги), в коридоре между которыми

может варьироваться розничная цена на конкретный товар (услугу). Это заставит конкурентов контролировать свои издержки и повышать производительность труда, чтобы добиться прибыльности. Жесткая фиксация доходов работников, о котором шла речь выше, п.1, а также наличие верхнего ценового потолка, не дадут расти ценам. Наличие нижнего ценового потолка необходимо для обеспечения занятости, поскольку падение цены ниже минимума приведет к сокращению производства данного товара и увольнениям.

б) Организовать рынок каждого товара (услуги), цены на которые находятся между ценовыми пределами, следует таким образом, чтобы на соответствующих рынках было бы не бесконечно большое количество поставщиков-конкурентов (приводящее в условиях нерегулируемости к жесткой борьбе за выживание с формированием и доминированием в обществе соответствующей животной идеологии с соответствующими негативными социальными последствиями), а относительно стабильное их количество, позволяющее каждому из конкурентов иметь свою нишу, свою стабильную долю на рынке и стабильную прибыль, конкурировать между собой не жестко и враждебно, а гармонично, каждый в своей нише, взаимно дополняя товары (услуги) друг друга и не мешая друг другу развиваться. А это в свою очередь ведет к стабильной занятости, уверенности работников и предпринимателей в завтрашнем дне, устойчивому развитию страны (Союза).

в) Установление государствами (Союзом) для каждого такого конкурента на соответствующем рынке обязательных показателей минимального объема производства (импорта), меньше которого производитель (импортер) не вправе производить (завозить), чтобы не допустить дефицита, и максимального объема в рамках своей доли на рынке, чтобы дать возможность работать другим игрокам на рынке, не допуская их разорения и тем самым роста безработицы. Это вовсе не означает поддержку неэффективных предприятий. Последующий вход на рынок новых поставщиков аналогичного товара при ценовом «коридоре» на него будет усиливать конкуренцию на рынке, однако верхняя предельная цена заставит иметь на рынке только несколько наиболее «одобряемых» населением конкурентов, способных в таких условиях поддерживать высокое качество своей продукции, достаточный объем производства и еще развивать его. Снижение качества продукции или объема производства, допущенное кем-либо из конкурентов, при такой организации регулирования должно повлечь за собой немедленные санкции в виде штрафов, перераспределения долей на рынке и иных мер.

г) При этом государства (Союз) должны создать гораздо более льготные налоговые, кредитные и прочие условия для непосредственных производителей в сравнении с условиями для торговцев-импортеров, в особенности для строительной сферы, а также для высокотехнологичных и экологически безопасных предприятий. Если какой-либо из конкурирующих производителей при прочих равных условиях с остальными конкурентами хочет и может производить больше установленной рыночной доли, он должен либо выходить на экспорт (идеальная ситуация), либо осваивать рынки других регионов, либо, в случае ухода с данного рынка других конкурентов, разделить с прочими конкурентами доли уходящих. Такая организация регулирования, кроме всего вышеназванного, позволит предпринимателям уверенно

прогнозировать свое будущее, спокойно планировать развитие своего производства, инвестировать его в технологическую модернизацию, а также расширять национальный экспорт. Снижение издержек за счет вышеназванной организации оплаты труда и фиксации предельных цен позволит, кроме всего прочего, повысить ценовую конкурентоспособность отечественных (союзных) товаров в условиях членства в ВТО. Разумеется, что государства (Союз) в лице соответствующих ведомств (их филиалов в регионах) должны постоянно мониторить соответствующие рынки на предмет справедливой конкуренции, стабильности цен и необходимого объема производства (импорта) каждого из конкурентов, входа на рынок новых игроков и выхода с него действующих. Без контроля со стороны государств (Союза) не должно происходить ни одно изменение на рынке.

д) Кроме того, на рынках товаров первой необходимости и некоторых других товаров необходимо наличие в качестве вышеназванных конкурентов крупных государственных (или союзных) производственных и торговых компаний, а включая Госматрезервы, которые своим объемом производства (импорта) и фиксированными ценами сами активно воздействуют на рынок. Некоторые рынки необходимо вообще отдать в государственную (или союзную) монополию, причем как производство, так и импорт (алкоголь, табак, лекарства, детское питание, отдельные виды продовольственных товаров, оружие, добыча и переработка природных ресурсов, драгоценные металлы и камни и т.п.). Такая мера позволит дополнительно подстраховывать рынки соответствующих товаров (услуг) от всевозможных кризисов, минимизировать риски и поддерживать устойчивость экономики.

е) Устойчивость единой союзной валюты и стабильность цен должна обеспечиваться грамотной организацией и регулированием общесоюзной экономики, ее высокой конкурентоспособностью, значительной емкостью союзного рынка, максимально возможной самодостаточностью общесоюзной экономики со значительной долей наукоемкого сектора, а конвертируемость единой союзной валюты – высокой конкурентоспособностью союзной экономики, достаточными совокупными золотым и прочими драгоценными запасами, а также запасами других материальных ценностей. Каждое государство-член создает свои национальные запасы золота, драгоценных металлов и камней, других материальных ценностей, которые учитываются в качестве национальных долей в совокупных союзных запасах. Поэтому формирование золотовалютных и иных материальных запасов в обеспечение устойчивости единой общесоюзной валюты должно находиться в национальной юрисдикции государств-членов, а добыча золота и иных драгоценных металлов и камней, а также иных сырьевых ресурсов – в их государственной монополии.

ж) Банковский процент, по сути, представляет собой цену за «аренду» денег у банка. Поэтому эта цена должна также варьироваться в допустимых пределах и также состоять из двух составляющих: трудовой и рыночной. Трудовая составляющая легко подсчитывается по количеству банковских служащих, их оплате труда, установленной по Единому реестру профессий, специальностей и должностей, другим затратам, а рыночная составляющая зависит от количества потенциальных заемщиков на рынке, количества банков, среднего размера кредита на одного заемщика, общего объема свободных ресурсов в банковской системе страны, а также политикой Центрального

банка. Спрос на кредиты может быть удовлетворен значительным объемом свободных ресурсов в банковской системе, который в достаточной степени может быть обеспечен за счет перевода на банковские счета работников части их зарплаты, которая превышает пределы, установленные Единым реестром должностей (см. выше пункт 1). Если предпринять комплекс вышеназванных мер, то банковскую ставку можно также снизить до разумных пределов в коридоре от минимальной до максимальной по каждому виду кредитов. При этом в целях недопущения инфляции государства-члены и Союз должны создать такие условия, чтобы кредиты, идущие на развитие, были бы гораздо дешевле потребительских кредитов. Для этого необходимо дифференцировать процентные ставки по кредитам в зависимости от приоритетов. Представляется, что минимальная процентная ставка должна быть по кредитам, выдаваемым гражданам и застройщикам на жилищное строительство, а также на создание и развитие высокотехнологичного и экологически безопасного производства. Минимальная процентная ставка по приоритетным направлениям кредитования в частных банках должна обеспечиваться специализированными государственными, межгосударственными и общесоюзными фондами развития, формируемыми государствами-членами, либо напрямую союзным и национальными бюджетами в соответствии с принятыми Стратегическими планами социально-экономического развития Союза и государств-членов соответственно.

ж) Необходимо перейти к следующей методологии оценки товаров длительного пользования (недвижимость, технологические машины и оборудование, некоторые другие). Очевидно, что любой товар длительного пользования со временем в результате физического и морального износа теряет свою первоначальную стоимость. При этом трудовая и рыночная составляющие цены обесцениваются по-разному (например, несмотря на то, что предлагаемая к продаже квартира старая и физически порядком износилась, в силу рыночного спроса на жилье в данной местности и в данном районе цена на нее может быть в условиях нерегулируемого рынка достаточно высока). Повышению цены (вернее, ее трудовой составляющей) товара может способствовать, очевидно, его соответствующий ремонт. Исходя из этого, следует, на наш взгляд, принять соответствующий законодательный акт, признающий естественную потерю товаром своей первоначальной стоимости в результате физического и морального износа с течением времени. Данным актом следует установить нормы физического и морального износа конкретных видов товаров длительного пользования с течением времени (по аналогии с нормами амортизации), а также закрепить положения о том, что стоимость бывших в пользовании товаров в результате проведения текущего или капитального ремонта может быть увеличена на сумму такого ремонта. Разумеется, необходимо наличие и компетентного государственного органа, реализующего предлагаемую ценовую политику. Представляется, что такая ценовая политика на рынке недвижимости и других товаров длительного пользования будет не только способствовать стабильности цен, высокой занятости, инвестиционной активности, быстрому обновлению основных фондов предприятий, а также относительно быстрому обеспечению доступным жильем населения.

з) Необходимо отказаться от нынешнего понимания сущности недвижимости (земля + объекты, как естественные, так и искусственные, жестко с ней связанные) и

перейти к следующей ее интерпретации. Под недвижимостью предлагается понимать только объекты, созданные человеком на земле и жестко с ней связанные, включая посаженные человеком насаждения, а собственно землю, земельные участки и иные природные ресурсы исключить из этого понятия.

Почему? Земля и природные ресурсы даны нам Богом, поэтому они должны принадлежать всему народу в целом и быть бесплатными для него. Они должны управляться государством в интересах всего народа. Из этого следует, что ни земля, ни иные природные ресурсы страны не должны быть объектом частной собственности, объектом купли-продажи. Пользоваться землей должны быть вправе все граждане страны на основании права землепользования, в том числе бессрочного. Поэтому государство должно вести земельный кадастр, дифференцируя земли по предназначению и качеству, и выдавать заинтересованным гражданам и юридическим лицам земельные участки в обоснованных законом размерах под определенный вид деятельности бесплатно, но под условием целевого и бережного с ними обращения. В противном случае земли должны изыматься. Правом использовать имеющиеся в собственности народа и в его интересах любые природные ресурсы должно обладать только государство в лице соответствующих государственных унитарных предприятий (госмонополия на природопользование), а частные компании, в том числе и иностранные – только право обслуживать госпредприятие на основе подряда. Это может быть продажа оговоренной части добытого и переработанного сырья государству по установленным им (или Союзом) ценам либо какой-то иной механизм взаимоотношений между частной компанией и государством по вопросам добычи и переработки природных ресурсов. При этом цены на природные ресурсы и продукты из них, в особенности на внутреннем рынке, должны быть также фиксированными и определяться из расчета фиксированных затрат труда на их добычу, транспортировку, хранение, переработку и т.д. При продаже природных ресурсов на внешний рынок автоматически включается механизм мировых рыночных цен, и за счет разницы цен на внутреннем и внешнем рынке государство сможет получить дополнительные значительные доходы, которые должны идти на общенациональные цели развития. Такая мера позволит устойчиво развиваться, держать общую ценовую ситуацию под контролем, эффективно управлять экономикой, активно развивать высокотехнологичное производство (в частности, оборонно-промышленный комплекс) и национальный экспорт товаров с высокой добавленной стоимостью.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Байльдинов Е.Т. Договор о Евразийском экономическом союзе: шаг вперед, два шага назад. Евразийский юридический журнал. 2014. № 10. С. 25–33.
2. Достижение социальной гармонии как цель права в XXI веке: Материалы Международной конференции. Краснодар, 2009.
3. Иванова О.В. Социальная гармония и пути ее достижения: социально-философский анализ. Дисс. ... канд. философ. наук. Чита, 2011.
4. Семашко Л.М. Тетрасоциология: ответы на вызовы. СПб: Изд-во СПбГТУ, 2002.

Джоробекова Айнур Эшимбековна,
заведующая кафедрой «Международные
отношения и право» Дипломатической академии
МИД Кыргызской Республики
имени К.Дикамбаева, директор Центра
русских исследований
Кыргызского национального университета
имени Ж.Баласагына,
доктор политических наук

Интеграционные форматы в Евразии

АННОТАЦИЯ

Анализируются процессы региональной интеграции на евразийском пространстве с акцентом на Центральную Азию. Автор рассматривает эволюцию интеграционных процессов с 1990-х гг. до настоящего времени, выявляя объективные и субъективные причины первоначальной фрагментации региона, а также факторы, способствовавшие возобновлению многостороннего сотрудничества в 2010–2020 гг. Особое внимание уделяется механизму Консультативных встреч глав государств Центральной Азии как ключевому протоинтеграционному формату. Отмечается двойственное влияние внерегиональных держав, которые одновременно способствуют решению экономических задач и препятствуют углублению внутрирегиональной интеграции. Делается вывод о том, что Центральная Азия, обособляясь от постсоветского пространства, сохраняет отдельные черты его субкомплекса, а форсированная интеграция, предполагающая растворение национальных государств, представляется контрпродуктивной.

Ключевые слова: региональная интеграция, Центральная Азия, Евразия, постсоветское пространство, Консультативные встречи глав государств Центральной Азии, протоинтеграция, регионализация, геополитическое присутствие, сопряжение интеграционных процессов

Развитие региональных интеграционных процессов является одной из отличительных черт современности. Региональная интеграция выступает одновременно следствием глобализации и ответом на ее вызовы. В условиях трансформации мирового порядка, ускорившейся в начале 2020-х гг., интеграционным процессам стали присущи разнонаправленность, взаимопереплетение, мозаичность, несовпадение контуров военно-политической и экономической интеграции. Особенно отчетливо данные характеристики проявляются на евразийском пространстве, где сформировалась высокая концентрация интеграционных, протоинтеграционных и квазиинтеграционных форматов.

Центрально-Азиатский регион, с одной стороны, находится на стыке интеграционных процессов в рамках ЕАЭС, ОДКБ, СНГ, ШОС, Организации тюркских государств и других многосторонних форматов, а с другой стороны, формирует собственные протоинтеграционные структуры в рамках механизма Консультативных встреч глав государств региона. Одновременно Центральная Азия является одним из основных регионов реализации китайской инициативы

«Один пояс – один путь». В этой связи особую актуальность приобретает изучение предпосылок, процессов и перспектив сопряжения евразийской и центральноазиатской интеграции.

Оценивая причины доминирования центробежных процессов начального этапа регионализации Евразии, следует исходить не столько из реальной экономической и политической ситуации на постсоветском пространстве, сколько из воспринимаемых и субъективно интерпретируемых факторов. В условиях отсутствия гражданских институтов процесс принятия политических решений носил элитарный характер. Решения зачастую принимались узким кругом лиц, а стремление новых государств к укреплению собственной государственности и поиску выхода из кризиса сопровождалось желанием избавиться от ощущения периферийности и обрести самостоятельную роль в мировых делах.

Совокупность объективных и субъективных причин привела к тому, что государства Центральной Азии стали ориентироваться на развитие внешних связей преимущественно за пределами Евразии. Такая ориентация стимулировалась не только экономическими интересами, но и географической близостью, а также историко-культурными связями.

Несмотря на центробежные тенденции, сохранялись предпосылки для поддержания целостности постсоветской подсистемы международных отношений. Не произошло распада исторической общности, а Россия сохранила роль одного из полюсов постсоветской системы. Возникшие локальные интеграционные группировки сохранили свое региональное лицо, оставаясь субкомплексам евразийской подсистемы.

Анализ процессов первой половины 1990-х годов показывает, что многие решения, принимаемые на высшем уровне, носили декларативный характер. Позиции политических элит и реальные потребности экономического взаимодействия постепенно расходились. Этот период характеризовался институционализацией намерений регионального воссоединения: были созданы ЦАС, ЦАЭС, Центральноазиатское экономическое сообщество. Однако принятые программы и соглашения во многом оказались столь же декларативными, как и механизмы СНГ. В регионе сохранялись проблемы взаимных неплатежей, хронического дефицита товаров и капиталов, а также территориальные, конфессионально-этнические и водные противоречия.

Геополитическое и экономическое присутствие крупных внерегиональных держав, с одной стороны, способствовало решению ряда экономических проблем центральноазиатских государств, а с другой стороны, как правило, не содействовало их интеграции. Ориентация на внешние центры силы стимулировала процессы фрагментации и создавала условия для структурных изменений в постсоветской подсистеме международных отношений.

Первоначальные попытки внутрирегиональной интеграции оказались малорезультативными. Однако автономизация центральноазиатской подсистемы в 2010-е гг., сопровождавшаяся укреплением суверенитета и внешнеполитической субъектности государств региона, стала предпосылкой возобновления комплексного многостороннего сотрудничества.

Смена власти в Узбекистане в 2016 г. положила начало масштабным социально-экономическим преобразованиям. Курс Шавката Мирзиёева на открытость, привлечение иностранных инвестиций и улучшение отношений с соседями придал дополнительный импульс региональным процессам. В 2017 г. была выдвинута инициатива создания формата Консультативных встреч глав государств Центральной Азии.

Первая встреча состоялась в Астане в марте 2018 г., вторая – в Ташкенте в 2019 г., третья – в Туркменбаши в августе 2021 г. Четвертая Консультативная встреча, прошедшая в Чолпон-Ате в июле 2022 г., состоялась уже в новой международно-политической обстановке. Военная конфронтация вокруг Украины, санкционное давление на Россию и транзит власти в Казахстане усилили стимулы к выработке государствами Центральной Азии общих позиций.

Встреча в Чолпон-Ате фактически стала платформой для продвижения Казахстаном и Узбекистаном программы внутрирегиональной интеграции. По итогам встречи Казахстан, Узбекистан и Кыргызстан подписали Договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве в целях развития Центральной Азии в XXI в.

В 2023 г. состоялись первый Межпарламентский форум государств Центральной Азии и первая пятисторонняя встреча министров транспорта. В Душанбе прошла пятая Консультативная встреча глав государств региона, по итогам которой было принято решение о создании постоянно действующего органа – Совета национальных координаторов по делам Консультативных встреч.

9 августа 2024 г. в Астане состоялась шестая Консультативная встреча глав государств Центральной Азии. По ее итогам были приняты Совместное заявление глав государств Центральной Азии, Концепция развития региональной кооперации «Центральная Азия – 2040», Дорожная карта по развитию регионального сотрудничества на 2025–2027 гг., План промышленной кооперации, Меморандум о взаимопонимании по развитию транспортно-логистических центров, а также ряд документов в сфере транспорта и энергетики.

Активизация механизма Консультативных встреч в 2022–2024 гг. свидетельствует о формировании протоинтеграционной повестки и соответствующих институтов. Вместе с тем геополитическое присутствие великих держав продолжает оказывать двойственное воздействие на процессы регионализации. С одной стороны, оно способствует решению отдельных экономических задач, а с другой – препятствует углублению внутрирегиональной интеграции.

Представляется, что интеграционная политика в Центральной Азии не должна форсироваться в направлении растворения национального государства в региональной общности. Практика показывает, что подобные процессы болезненно воспринимаются политическими и экономическими элитами. Сохранение национальных государств как субъектов международных отношений остается одним из основных факторов стабильности региональной системы.

Таким образом, Центральная Азия, являясь формирующейся автономной региональной подсистемой международных отношений, уже во многом обособилась от постсоветского пространства, однако продолжает сохранять ряд свойств субкомплекса постсоветской подсистемы международных отношений.

Исаев Евгений Николаевич,
аспирант Московского государственного
лингвистического университета

Роль мигрантов на рынке низкоквалифицированного труда России

АННОТАЦИЯ

Доклад затрагивает тему трудовой миграции в Российскую Федерацию низкоквалифицированной рабочей силы, которая является большинством в сравнении с мигрантами других уровней квалификаций. Берется во внимание национальный признак прибывающих мигрантов на заработки, среднеазиатские мигранты занимают важную позицию в потоке мигрантов в Россию. Важными внешними факторами, связанными с миграцией на данный момент являются развитие цифровых платформ и устанавливаемые запреты на работу мигрантов в отдельных видах экономической деятельности в некоторых субъектах России. Цифровые платформы позволяют мигрантам иметь довольно легкий доступ к трудовой деятельности, когда как запреты затрудняют их положение. Помимо законодательных инициатив на их опыт трудовой деятельности в России влияют отношение к ним в обществе и уровень их субъективного благополучия. В этом и заключается проблема исследования. Для ее решения используются методы анализа литературных источников и синтеза. В полученных результатах мы опираемся на несколько ключевых пунктов: 1) недостаток статистической информации о мигрантах в ряде сфер занятости; 2) препятствия интеграции мигрантов в российском обществе; 3) негативное влияние выделенных факторов на благополучие мигрантов. Делается вывод о необходимости комплексного и периодического мониторинга состава мигрантской рабочей силы в Российской Федерации, отношения к работающим мигрантам и их субъективного благополучия.

Ключевые слова: трудовая миграция, Средняя Азия, интеграция, занятость, низкоквалифицированный труд, Россия, цифровые платформы

Занятость мигрантов, которые приезжают на заработки в Россию, составляет большой интерес для научного сообщества в связи с изменившимися механизмами трудовой миграции. Компании активно нанимают мигрантов, так как они являются источником дешёвой рабочей силы, и зачастую информация о возможности такого трудоустройства доходит до будущих работников ещё до переезда [9]. Для самих мигрантов работа в низкоквалифицированной сфере занятости зачастую становится едва ли не единственной возможностью заработка в чужой стране. При этом как нельзя проще с технической точки зрения сейчас обстоит ситуация с оформлением на низкоквалифицированные позиции. Де-факто такой работник предоставлен сам себе и не имеет прямого работодателя в виде руководителя, а последний воплощен как посредник между трудовым агентом с клиентами [8]. То есть при таких условиях мигранту не нужно заранее иметь знакомство с работодателем или связей для трудоустройства, архитектура современных цифровых платформ предполагает низкий порог входа для низкоквалифицированных работников.

В настоящее время наблюдается тенденция введения запретов на работу в определенных сферах для мигрантов в ряде регионов Российской Федерации¹. Поэтому направление миграции в Россию может стать менее предпочтительным. Но здесь важна также характеристика местонахождения, региона работы, о чем мы поговорим далее в контексте восприятия мигрантов населением.

Мы делаем упор и говорим именно о низкоквалифицированном труде, так как в современных российских условиях именно такую нишу занимают мигранты. Среднеквалифицированные и высококвалифицированные сегменты составляют значительно меньшую долю среди общего объема работающих мигрантов [5]. Необходимо отметить, что они занимают разные сферы занятости: большая их часть работает в сфере услуг и торговли, остальные в сферах транспорта, строительства, сельского и лесного хозяйства². Национальный состав мигрантской рабочей силы в Российской Федерации тяготеет к среднеазиатским мигрантам³. Поэтому, говоря про мигрантов, мы подразумеваем не мигрантов в целом, а именно значительную ее часть – выходцев из Средней Азии.

Когда как для некоторых из сфер занятости мигрантов, таких как такси⁴, доставка⁵ и домашняя работа [7], доступны значения численности работников, для многих других не предусмотрена подобная статистика. Это не позволяет оценить базовое состояние как отраслей экономики, так и индивидуальные представления самих работников о труде. А так как контингент в подобных сферах достаточно разнообразен, это в свою очередь затрудняет осуществление поддержки данных групп.

Теперь поговорим про интеграцию мигрантов. Мигранты важны в экономическом плане, но отношение россиян к ним плохое, особенно к среднеазиатским по сравнению с другими выходцами из постсоветских государств [4]. В массовом сознании хотя и отмечается позитивная оценка труда мигрантов, жители Санкт-Петербурга, к примеру, негативно по большей части относятся к самой по себе миграции [6]. Они не готовы, чтобы мигранты оставались в стране. Разделение на мигрантов, которые останутся жить навсегда и приезжающих на заработки также различно по отношению к ним. Несмотря на то, что предпочтение незначительно больше дается вторым (15,4% по отношению к 16,0%), вариант, когда страна не нуждается ни в ком из обоих встречается у респондентов чаще (37,5%) [3]. Привычность к мигрантам одной национальности является еще одной

¹ Запрет на привлечение иностранных граждан, осуществляющих трудовую деятельность на основании патентов, к работе по отдельным видам экономической деятельности в субъектах Российской Федерации // Консультант Плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_478180/.

² Рязанцев Сергей при содействии Олега Корнеева, Россия и Казахстан в Евразийской Миграционной Системе: Тенденции Развития, Социально-экономические Последствия Миграции и Подходы к Регулированию, CARIM-East RR 2013/43, Robert Schuman Centre for Advanced Studies, San Domenico di Fiesole (FI): European University Institute, 2013.

³ Там же, с. 11.

⁴ Дептранс Москвы назвал долю мигрантов среди водителей такси // РБК. 2022, август 4. URL: <https://www.rbc.ru/society/04/08/2022/62eb77d79a7947993951ee34>.

⁵ Исследование РАЭК и НИУ ВШЭ: Работа в доставке готовой еды и продуктов питания – доступный и удобный способ дополнительного заработка для россиян // Ассоциация электронных коммуникаций (РАЭК). 2022, март 29. URL: <http://raec.ru/live/raec-news/13010/>.

характеристикой отношения населения к мигрантам. Например, для жителей Дальнего Востока России ранний поток переселенцев из Китая сменился на мигрантов из Средней Азии, но тем не менее применяемый к ним стигматизирующий дискурс сохранился [1]. Поэтому можно заключить, что отношения в обществе к мигрантам далеки от сугубо положительных.

Благополучие также является одним из значительных факторов для мигрантов. Если говорить именно про субъективное благополучие мигрантов, то установлена связь между ним и уровнем доверия в регионе к мигрантам. Доверие статистически значимо и положительно взаимосвязано с уровнем благополучия мигранта [2]. То есть та среда, в которой они оказываются имеет значительное влияние на их опыт.

Мы рассмотрели основные положения состояния и занимаемой роли мигрантов на рынке низкоквалифицированного труда России. Были выделены основные препятствия в их интеграции и осуществлении трудовой деятельности. Для помощи в их преодолении предлагается проведение периодического мониторинга состава мигрантской рабочей силы в Российской Федерации, отношения к работающим мигрантам и их субъективного благополучия.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Бляхер Л.Е. Кто, как и почему говорит о мигрантах на Дальнем Востоке России // Мир России. Социология. Этнология. 2026. Т. 35. № 1. С. 28–53.
2. Камалов Э.А. Субъективное благополучие мигрантов в России: влияние региональных характеристик и миграционного законодательства // Экономическая социология. 2020. Т. 20. № 1. С. 11–43.
3. Мукомель В.И. Интеграция мигрантов: вызовы, политика, социальные практики // Мир России. Социология. Этнология. 2011. Т. 20. № 1. С. 34–50.
4. Мукомель В.И. Среднеазиатские мигранты на российском рынке труда: до пандемии // Социологические исследования. 2022. № 1. С. 63–75.
5. Мукомель В.И. Среднеазиатские мигранты на российском рынке труда во время и после пандемии // Социологические исследования. 2024. № 12. С. 44–59.
6. Соколов Н.В. Работающие, но чужие: парадокс восприятия мигрантов массовым сознанием (по результатам исследований в Санкт-Петербурге) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2017. Т. 137. № 1. С. 80–96.
7. Флоринская Ю.Ф., Мкртчян Н.В., Карцева М.А. Женщины–наемные работники в домохозяйствах Москвы и Санкт-Петербурга // Женщина в российском обществе. 2022. № 2. С. 87–102.
8. Шевчук А. В. Теоретизируя цифровые платформы: концептуальная схема для гиг-экономики // Экономическая социология. 2023. Т. 24. № 5. С. 11–53.
9. Altenried M. Mobile workers, contingent labour: Migration, the gig economy and the multiplication of labour // Environment and Planning A: Economy and Space. 2024. Vol. 56. № 4. P. 1113–1128.

Калин Виталий Иванович,
депутат Верховного Совета Приднестровской
Молдавской Республики, председатель комитета
Верховного Совета Приднестровской
Молдавской Республики по образованию, науке,
культуре, общественным объединениям, спорту,
информационной и молодежной политике

Приднестровье и евразийские интеграционные процессы: адаптация к современным геополитическим реалиям

АННОТАЦИЯ

В докладе рассматриваются место и роль Приднестровской Молдавской Республики в евразийских интеграционных процессах в условиях трансформации глобального геополитического пространства. Автор анализирует исторические предпосылки формирования евразийского курса ПМР, а также современные вызовы, с которыми сталкивается республика: международную непризнанность, отсутствие прямой территориальной связи с ЕАЭС, зависимость от внешних рынков, усиление санкционного давления и изменение логистических маршрутов на фоне региональных конфликтов. Особое внимание уделяется культурно-цивилизационному аспекту евразийской интеграции – сохранению многонационального характера общества, языковой среды и межэтнической стабильности. В докладе обосновывается поэтапная модель интеграции ПМР, включающая гуманитарное, информационное, культурное и экспертное сотрудничество, и подчеркивается, что евразийский курс рассматривается как стратегический инструмент сохранения государственности, экономической стабильности и политической субъектности республики.

Ключевые слова: Приднестровье, ПМР, внешнеполитический курс, международная непризнанность, многонациональное общество, русский язык, культурно-цивилизационная идентичность, гуманитарное сотрудничество, постсоветское пространство, геополитическая адаптация

Современные международные отношения характеризуются усилением процессов регионализации, формированием новых интеграционных объединений и трансформацией глобального геополитического пространства. В этих условиях особое значение приобретают вопросы выбора внешнеполитических ориентиров государств и территорий, находящихся в условиях ограниченного международного признания. Одним из наиболее показательных примеров подобной адаптации выступает Приднестровская Молдавская Республика, которая рассматривает евразийскую интеграцию как стратегическое направление собственного развития и инструмент сохранения государственности.

Актуальность исследования обусловлена тем, что в современных условиях геополитической нестабильности Приднестровье вынуждено адаптироваться к изменяющейся архитектуре международных отношений, усиливающемуся экономическому давлению со стороны внешних акторов, а также к трансформации

интеграционных процессов на постсоветском пространстве. В этой связи особый научный интерес представляет анализ места ПМР в евразийских интеграционных процессах, а также механизмов адаптации республики к новым геополитическим реалиям.

Приднестровская Молдавская Республика является одним из немногих политических образований постсоветского пространства, официально закрепивших евразийскую интеграцию в качестве стратегического внешнеполитического приоритета. Формирование данного курса связано как с историко-культурными особенностями государства, так и с необходимостью обеспечения экономической и политической устойчивости республики в условиях международной непризнанности.

Официальное закрепление евразийского вектора произошло в 2012 г. после утверждения новой Концепции внешней политики ПМР, в которой процесс евразийской интеграции был обозначен в качестве ключевого приоритета государственной политики. Данный курс во многом основывался на результатах референдума 2006 года, в ходе которого большинство населения республики высказалось за дальнейшее сближение с Российской Федерацией.

Следует отметить, что трансформация внешнеполитических ориентиров Приднестровья была обусловлена изменением региональной геополитической обстановки. В числе основных приоритетов для Приднестровья остаются мирное урегулирование отношений с Республикой Молдова, а также поиск интеграционных механизмов, способных обеспечить экономическую стабильность и политическую субъектность ПМР.

Современное геополитическое положение Приднестровья характеризуется высокой степенью внешнеполитической уязвимости. Углубление сотрудничества Республики Молдова с Европейским союзом, участие в соглашениях о свободной торговле и постепенная адаптация молдавского законодательства к европейским стандартам существенно повлияли на положение приднестровской экономики. Экономическая система ПМР, имеющая выраженный экспортно-ориентированный характер, оказалась тесно связанной с европейскими рынками, что усилило зависимость республики от внешних политико-экономических факторов.

Особое значение в контексте евразийской интеграции приобретает культурно-цивилизационный аспект развития Приднестровья. Республика представляет собой многонациональное пространство, в котором исторически сформировалась система межэтнического взаимодействия и сосуществования различных культурных традиций.

На территории ПМР проживают представители различных национальностей: русские, молдаване, украинцы, болгары, гагаузы и другие этнические группы. При этом русский язык выполняет функцию языка межнационального общения и является важным элементом общественной консолидации. В отличие от ряда других постсоветских государств, в Приднестровье удалось сохранить относительно стабильные межнациональные отношения и избежать серьезных этнополитических конфликтов.

В данном контексте евразийская интеграция рассматривается не только как экономический или политический проект, но и как механизм сохранения сложившейся модели культурного сосуществования. Для Приднестровья евразийская

идея тесно связана с сохранением собственной идентичности, многонационального характера общества и историко-культурной самобытности региона.

Экономическая составляющая евразийского курса ПМР обусловлена высокой степенью открытости приднестровской экономики и ее зависимостью от внешних рынков. В условиях нестабильности внешнеторговых связей евразийское направление рассматривается как возможность диверсификации рынков сбыта и расширения экономического сотрудничества с государствами постсоветского пространства. Особое значение в данном контексте имеет взаимодействие с Российской Федерацией, которая остается важнейшим экономическим и политическим партнером ПМР.

В то же время руководство республики осознает объективные ограничения полноценной интеграции в евразийские структуры. В связи с этим наиболее реалистичным вариантом рассматривается поэтапная модель интеграции, включающая гуманитарное, информационное, культурное и экспертное сотрудничество.

Кроме того, Приднестровье стремится использовать механизмы так называемой «мягкой силы» для укрепления гуманитарных связей с евразийским пространством. Значительная роль в данном процессе отводится публичной дипломатии, информационному взаимодействию и формированию позитивного образа ПМР в странах Евразии.

Несмотря на активное продвижение евразийского курса, Приднестровье сталкивается с рядом серьезных ограничений. Основными препятствиями остаются международная непризнанность республики, отсутствие прямой территориальной связи с государствами Евразийского экономического союза, а также высокий уровень зависимости экономики от внешних рынков.

Дополнительные сложности создает современная региональная геополитическая ситуация, включая конфликт между Россией и Украиной, изменение логистических маршрутов и усиление санкционного давления. Все это требует от Приднестровья постоянной адаптации внешнеэкономической и внешнеполитической стратегии.

Вместе с тем евразийская интеграция продолжает рассматриваться в Тирасполе как один из ключевых инструментов обеспечения долгосрочной устойчивости республики. В перспективе данный курс может способствовать укреплению гуманитарных связей, развитию экономического сотрудничества и сохранению политической субъектности ПМР в условиях нестабильной международной среды.

Особенность приднестровского подхода заключается в сочетании политических, экономических и гуманитарных компонентов интеграции. Республика стремится адаптировать евразийскую идею к собственным условиям развития, используя ее как инструмент укрепления внутренней стабильности и расширения международного взаимодействия.

В современных условиях дальнейшая эффективность евразийского курса ПМР будет зависеть как от внутренней устойчивости республики, так и от трансформации международной и региональной политической среды, а также от готовности евразийских государств к развитию новых форм сотрудничества с непризнанными территориями.

Крыштановская Ольга Викторовна,
директор Научного центра цифровой социологии
«Ядов-центр» Российского государственного
гуманитарного университета (РГГУ),
доктор социологических наук

Киреев Егор Юрьевич,
старший научный сотрудник Научного центра
цифровой социологии «Ядов-центр» Российского
государственного гуманитарного
университета (РГГУ),
кандидат социологических наук

Политические элиты постсоветского пространства: интеграция или разобщение?

АННОТАЦИЯ

Представлены результаты социологического анализа механизмов формирования российской политической элиты и степени влияния на нее выходцев из государств постсоветского пространства. На материале биографического и просопографического исследования составов элиты в 1998, 2004, 2014 и 2024 г. реконструируется динамика территориального происхождения лиц, занимающих высшие властные позиции. Теоретический каркас исследования опирается на проблематику соотношения центра и периферии в сложных политических системах, а также на расширительное толкование понятия «токенов» как фигур периферийного происхождения, кооптируемых в ядро центральной власти для обеспечения косвенного политического контроля. Установлено, что при общем снижении представленности выходцев из большинства бывших союзных республик в российском истеблишменте сохраняется устойчивое присутствие Украины, что объясняется исторической близостью, демографическим весом и спецификой государственной кадровой политики. Сделан вывод о том, что эрозия постсоветского компонента в элите свидетельствует о сужении каналов «мягкой силы», что актуализирует задачу пересмотра стратегий рекрутирования и интеграции управленческих кадров на евразийском направлении.

Ключевые слова: политическая элита, центр и периферия, постсоветское пространство, токены, миграция элит, «мягкая сила», союзные республики, истеблишмент, империя

За три десятилетия, прошедшие с момента распада Советского Союза, бывшие союзные республики институционально закрепили статус независимых государств, выстроили суверенные политические режимы, пересобрали языковые политики и заново артикулировали стратегии национальной идентичности. Тем не менее остается открытым вопрос о том, какие именно человеческие и сетевые связи продолжают соединять Россию с этим пространством на институциональном и биографическом уровнях. Формально перестав существовать как единое государство, прежняя политическая система продолжает воспроизводиться в жизненных траекториях лиц, занявших позиции в верхних эшелонах российской власти.

Задача настоящего доклада – выявить, различается ли вклад выходцев из разных бывших союзных республик в формирование российской политической элиты и какие из этих территорий сохраняют наибольший структурный вес.

Любое крупное государство нуждается в системе объединяющих структурных элементов, обеспечивающих его долгосрочную устойчивость. В классической литературе в качестве таких скреп обычно называют хозяйственную взаимозависимость, единое правовое поле, язык, историческую память, культурные нормы или идеологический консенсус. Значительно реже в качестве самостоятельного фактора устойчивости рассматривается политическая элита – группа лиц, аккумулирующая власть, перераспределяющая ресурсы и воплощающая в кадровой форме отношения между центром и периферией [3; с. 44]. При имперской логике управления центр традиционно направляет на места своих представителей – генерал-губернаторов, наместников, администраторов [4]. При федеративной модели, напротив, регионы делегируют в столицу своих представителей, способных артикулировать локальные интересы. Большинство реальных политических систем комбинируют оба механизма. Недостаточная представленность периферии в центре порождает чувство политической исключенности, стимулирует сепаратистские настроения и поиск альтернативных источников легитимности; чрезмерная представленность, напротив, фрагментирует политическое пространство, размывает общегосударственный интерес и превращает федеральный центр в арену территориального лоббизма.

СССР представлял собой показательный пример сложной многоуровневой кадровой системы: будущие руководители союзных республик отбирались, проходили идеологическую и профессиональную социализацию и постепенно включались в общесоюзную номенклатуру. Они должны были выступать одновременно как «свои» для региона и как «свои» для центра [6]. Для описания этой логики в социологической и политологической литературе закрепилось понятие «токенов»: фигуры, чье включение во власть призвано демонстрировать представленность определенных социальных или территориальных групп без обязательного предоставления им соразмерного политического влияния [5].

В настоящем исследовании данное понятие используется в расширительном ключе. Под токенами понимаются представители периферийных территорий, целенаправленно кооптированные в ядро центральной власти таким образом, чтобы одновременно репрезентировать периферию и выступать проводниками интересов центра. Это управленческий инструмент опосредованного влияния: он позволяет метрополии действовать мягко и незаметно, без прямого администрирования, используя фигуры двойной легитимности. Токен – не просто знак формального равенства, но особая политическая фигура, через которую центр символически присваивает право говорить от имени включаемых групп, не устраняя структурную асимметрию власти [2]. Постсоветская рецентрализация восстановила функциональный эквивалент советской модели: механизм производства регионально легитимных, но политически зависимых от центра фигур, способных транслировать управленческие практики и поддерживать каналы доверия.

Эмпирической основой исследования стал биографический анализ четырех составов российской политической элиты, зафиксированных по состоянию на 1 января 1998, 2004, 2014 и 2024 гг. Выбор указанных временных срезов обусловлен политической логикой трансформации российской государственности. Срез 1998 г. отражает позднюю ельцинскую конфигурацию власти накануне финансово-политического кризиса. Срез 2004 г. фиксирует первую сложившуюся президентскую команду после институциональных реформ начала 2000-х годов. Срез 2014 г. относится к моменту достижения высокой степени консолидации вертикали власти и начала нового этапа в позиционировании страны на международной арене. Срез 2024 г. демонстрирует современную конфигурацию элиты после масштабных геополитических трансформаций. Такой подход позволяет проследить траекторию российской элиты и увидеть основные тренды.

В исследование включались лица, занимавшие высшие государственные должности в Администрации Президента РФ, Правительстве РФ, обеих палатах Федерального Собрания, судебной системе на уровне высших судов, в руководстве субъектов Федерации, а также на ключевых постах в федеральных службах, надзорах и иных институтах общегосударственного значения. Всего было проанализировано 2 605 биографий. Поскольку часть персон входила сразу в несколько временных срезов, сумма по годам не совпадает с числом уникальных индивидов.

Для каждого элитария фиксировались следующие показатели: место рождения, место получения первого высшего образования, ранние этапы профессиональной карьеры, а в тех случаях, когда это возможно, этническая самоидентификация или происхождение. Такой набор индикаторов позволил различить три типа связи с бывшими союзными республиками: номинальную территориальную связь через рождение; более глубокую образовательную социализацию; профессиональную социализацию, когда начальный и нередко важнейший карьерный опыт был получен на территории соответствующей республики. Последний тип особенно значим в аналитическом отношении, поскольку именно он создает наиболее плотные и устойчивые сети контактов, обеспечивающие трансляцию управленческих практик и символического капитала. Источником информации служили открытые биографические материалы, размещенные на официальных сайтах органов власти, политических институтов, ведомств, а также архивированные интернет-страницы предыдущих лет. Исследование носило не только описательный, но и сравнительно-динамический характер.

Анализ состава Политбюро ЦК КПСС в период с 1957 по 1990 г. показывает, что советская система не была симметричной: Украина была представлена в высшем партийном руководстве постоянно и в конце 1950-х и середине 1960-х гг. имела по два представителя одновременно, тогда как Казахстан и Белоруссия почти всегда были представлены одним членом или кандидатом. Большинство остальных союзных республик появлялись в Политбюро лишь эпизодически и к концу советского периода имели, как правило, по одному представителю, что подчеркивает их токенизированный характер участия в союзном центре.

Особое положение Украины и Казахстана имело объективные основания. РСФСР численно почти втрое превосходила Украинскую ССР (147 против 51 млн

человек)¹ и имела ВВП, примерно в шесть раз больший, чем УССР (около 507 против 83 млрд долларов в ценах 1991 г.)², тогда как население большинства других республик не превышало 20 млн человек³, а их экономический потенциал измерялся несколькими десятками миллиардов долларов. При этом около 4,4 млн украинцев проживали в РСФСР, а более миллиона русских – на территории Украинской ССР, что размывало границу между «центром» и «периферией» на уровне повседневных биографий и семейных сетей. Политическое представительство коррелировало с демографическим и экономическим весом территории, а высокая степень культурной и инфраструктурной взаимопроницаемости делала Украину второй опорной конструкцией союзного государства.

После 1991 г. логика элитного рекрутирования начала меняться. Национальные государства формировали собственные правящие группы, внутренние политические рынки замыкались, а старые карьерные туннели постепенно сокращались. Данные нашего многолетнего исследования «Мониторинг российской элиты» показывают, что за четверть века доля уроженцев России среди представителей политической элиты выросла с 84,8% до 88,8%, то есть почти каждый девятый элитарий постсоветского периода родился уже вне пространства бывших союзных республик. При этом Казахстан сократил свое представительство почти втрое (с 3,2% до 1,2%), Белоруссия и Азербайджан – примерно вдвое, тогда как доля уроженцев Украины остается заметной и относительно стабильной, колеблясь в диапазоне от 5 до 7% во все рассматриваемые годы.

На этом фоне Украина сохраняет уникально высокий уровень присутствия: в 2024 г. доля ее уроженцев остается выше, чем у любой другой республики. Параллельно Россия переживала рост притока трудовых мигрантов из Центральной Азии. Постсоветские связи не исчезли, но изменили социальную направленность: высокостатусные управленцы уходили из российской власти, а их место в миграционных потоках занимали низкоквалифицированные работники. Переход от элитной мобильности к трудовой миграции – один из ключевых трендов последних 30 лет. Если в советское время межреспубликанская мобильность была в значительной степени мобильностью управленцев, инженеров, ученых и партийных кадров, то в постсоветской России она все в большей степени ассоциируется с трудовой миграцией из бедных регионов в более богатый центр.

Возникает резкий социальный контраст. Одни и те же направления миграции существуют одновременно, но их качественное наполнение противоположно. Массовая миграция привозит людей с относительно низким объемом культурного и профессионального капитала, занятых в строительстве, сервисе, коммунальной сфере и низкоквалифицированном труде. Элитная миграция, напротив, требует длительной социализации, образования, доступа к каналам власти, символического

1 По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_89.php?reg=0.

2 По данным Всемирного банка на 1991 г. по курсу доллара США на 2025 г. URL: <https://datacatalog.worldbank.org/search/dataset/0037712>.

3 По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_89.php?reg=0.

признания и сложных сетей доверия. Именно эта вторая форма миграции в большинстве постсоветских направлений почти исчезла. Страна, принимающая крупные потоки трудовых мигрантов, но утрачивающая элитные и интеллектуальные каналы связи с соседними обществами, ослабляет свои возможности культурного и политического влияния. Она включена в демографические потоки, но в меньшей степени контролирует циркуляцию смыслов, идей и кадров. В долгосрочной перспективе это может рассматриваться как фактор сужения интеграционного и внешнеполитического потенциала России.

Украина оказывается единственной бывшей союзной республикой, которая сохраняет устойчивое и статистически заметное присутствие в российском истеблишменте. Этот факт выглядит парадоксально: российско-украинские отношения XXI в. развивались по линии нарастающего кризиса – политическое отдаление, языковые конфликты, сокращение товарооборота, последующая военная эскалация. Все это должно было бы вести к обрыву кадровых каналов. Но на практике мы видим иную картину. По нашим расчетам, из около 900 фигур современной российской политической элиты 167 человек, то есть 18,6%, имеют ту или иную биографическую связь с Украиной: примерно каждый двадцатый родился на ее территории (5,3% корпуса), сопоставимая доля получала там первое высшее образование или работала, а не менее одного из восьми элитариев (12,8%) указывают украинское происхождение или корни. Хотя эти группы частично пересекаются, суммарная картина показывает, что почти пятая часть элитного корпуса в том или ином виде «прошла» через украинское пространство, что и требует отдельного объяснения.

Для объяснения этого парадокса мы выдвинули три гипотезы. Первая – историко-структурная: Украина была второй по значимости республикой СССР, обладала высокой представленностью в союзных органах. Вторая – демографическая: большой размер украинской диаспоры и большое количество смешанных браков обеспечили эффект ассимиляции, в результате чего значительная часть людей с украинскими корнями растворилась в российском истеблишменте [1]. Третья – политико-инструментальная, которая связана со стратегией институционального примыкания к центру, воспринимаемому самими участниками как более сильный и ресурсно обеспеченный.

По данным Международной организации по миграции⁴, в постсоветский период Россия и Украина образовали один из крупнейших в мире двусторонних миграционных коридоров, сопоставимый по масштабу с ведущими глобальными маршрутами. Принципиально важно, что это было именно двустороннее движение, а не односторонний поток из «бедной» страны в «богатую»: циркуляция населения в обе стороны формировала многочисленные биографии двойной принадлежности, в которых переход между двумя государствами воспринимался как перемещение внутри единого социального пространства, а не как радикальная смена мира. Социологически это чрезвычайно значимо, поскольку именно такой тип мобильности создает наиболее благоприятную среду для появления фигур-

⁴ International Organization for Migration. World Migration Report 2024. Geneva: IOM, 2024. P. 23. URL: <https://datacatalog.worldbank.org/search/dataset/0037712>.

посредников, способных перемещаться между политическими, культурными и административными контекстами.

Анализ годов входа в политическую систему показывает, что присутствие связанных с Украиной персон формировалось волнами: рубежи 2000 и 2004 г. – оформление новой президентской команды и перестройка архитектуры федерального управления; после 2014 г. – крымский кейс (Аксенов, Константинов, Цеков); после 2022 г. – представители восточных и южных регионов, оказавшихся в эпицентре конфликта, включенные в структуру Совета Федерации и региональных администраций. Украинское присутствие – не пассивное наследие, а результат продолжающегося политико-административного рекрутирования, когда государство сталкивается с задачами территориальной интеграции, политического посредничества и управления пространствами со сложной идентичностью.

В современной российской элите остаются заметны следы позднесоветского порядка. Они проявляются не в сохранении прежних институтов и юридических границ, а в биографической, сетевой и кадровой структуре: через происхождение, образование и раннюю карьеру элитариев продолжают просматриваться старые маршруты мобильности. В этом смысле российская политическая элита выступает своеобразным «архивом» бывшего союза, в котором зафиксированы траектории включения разных территорий. Этот архив не нейтрален: он может активизироваться в зависимости от политической конъюнктуры, кадровых запросов центра и геополитических целей государства. Там, где государство заинтересовано в опосредованном влиянии, старые имперские биографии могут стать ресурсом новой политики.

Проведенный анализ позволяет выделить несколько устойчивых тенденций: сокращение доли выходцев из большинства постсоветских республик; превращение России в реципиента массовой трудовой миграции при ослаблении каналов элитной интеграции; сохранение заметного украинского компонента в составе элиты; использование механизма опосредованного кадрового управления через фигуры двойной принадлежности. Все эти процессы задают новую конфигурацию связей между центром и постсоветским окружением.

С точки зрения интеграции постсоветского пространства такая конфигурация скорее проблематична, чем полезна. Замена элитного уровня коммуникации преимущественно трудовой миграцией свидетельствует об ослаблении сетевых связей на высокостатусном уровне. В условиях конкурирующих влияний на евразийском поле ключевое значение приобретают не только сами миграционные потоки, но и способы рекрутирования и интеграции элитных кадров постсоветского происхождения. Если ставится задача развития каналов «мягкой силы» и расширения социокультурного влияния, то в этой сфере необходимы более продуманные и последовательные стратегии. Советская система при всех ее ограничениях уделяла такому кадровому инструменту большое внимание; современная Россия унаследовала отдельные элементы этого механизма, но часто использует их фрагментарно и непоследовательно. Восстановление программ подготовки кадров для дружественных стран, расширение квот на обучение в ведущих вузах РФ с последующим трудоустройством в совместных предприятиях ЕАЭС, создание

транснциональных экспертных платформ, – все это может стать инструментом возрождения элитной мобильности. Влияние государства на соседние пространства опирается не только на экономические и дипломатические инструменты, но и на рекрутирование людей, способных выступать носителями соответствующих компетенций, связей и политико-административного опыта.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Бубликов В.В. Украинская идентичность в России накануне 2022 г. // Вестник антропологии. 2023. № 1.
2. Евстафьев Н.В. Взгляд христианских авторов на практику девширме в Османской империи XVI в. // Славяноведение. 2024. № 4. С. 16–25.
3. Филиппов А.Ф. Sociologia. Наблюдения, опыты, перспективы: в 2 т. Т. 1 / под общ. ред. С.П.Баньковской. СПб.: Владимир Даль, 2014. 384 с.
4. Шутов Р.Н. Генерал-губернатор и правитель наместничества в системе административно-территориального устройства Российской империи в 1775–1796 гг. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2021. Т. 26, № 190. С. 151–157.
5. Lapidus G.W. Women in Soviet Society: Equality, Development, and Social Change. Berkeley: University of California Press, 1978. 381 p.
6. Martin T. The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939. Ithaca: Cornell University Press, 2001. 496 p.
7. World Migration Report 2024. Geneva: International Organization for Migration, 2024. 386 p.

Ленькин Денис Юрьевич,
аспирант Московского государственного
института международных отношений (МГИМО)
МИД России

Конструктивистский подход к изучению истоков приднестровского конфликта

АННОТАЦИЯ

В рамках доклада изложен конструктивистский подход к изучению истоков приднестровского конфликта, в основу которого положены теоретические наработки Р.Брубейкера и предложенная докладчиком идейная пара «хозяева» – «гости». Анализируя события 1989–1991 гг. в Молдавии, автор приходит к выводу о применимости данного подхода к изучаемым событиям и к другим конфликтам на постсоветском пространстве.

Ключевые слова: приднестровский конфликт, конструктивизм, Брубейкер, Молдавия, Приднестровье

В Концепции внешней политики Российской Федерации от 31 марта 2023 г. провозглашается, что наиболее важным направлением внешней политики являются отношения со странами-участницами СНГ¹. Для выстраивания полноценных отношений необходимо знать, как они закладывались. В отношениях России и Молдавии таким основанием стало разрешение приднестровского конфликта.

В рамках нашего доклада мы предлагаем изучить идейную сторону приднестровского конфликта при помощи конструктивистского подхода. За основу мы возьмем труд Р.Брубейкера «Новое видение национализма. Государственность и национальный вопрос в Новой Европе» (1996). Р.Брубейкер предлагает рассматривать государственность, нацию и национализм как социально и институционально конструируемые категории. Такой подход позволяет анализировать конфликты как результат взаимодействия внутренних факторов [6, р. 6].

Однако такой подход не избыточен, поскольку он не объясняет принцип взаимоотношений между народами внутри отдельно взятой республики, когда одни нетитульные народы принимали требования «национализирующегося государства», а другие заявляли о своих культурных и политических правах. Нам кажется, что идейная пара «хозяева» – «гости» могла бы дать ответ на интересующий нас вопрос.

Р.Брубейкер утверждает, что в СССР нация и национальность были глубоко институционализированы. Так, территория СССР была разделена на национальные республики и автономии, а сами граждане были подразделены на множество

¹ Концепция внешней политики Российской Федерации: утверждена Указом Президента Российской Федерации от 31 марта 2023 г. № 229 // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/>.

национальностей. Иными словами, национальное структурирование территории и общества выступало одной из фундаментальных когнитивных и социальных форм, что и составляет сущность институционализации. По мнению Р.Брубейкера, в условиях ослабления центра, эти глубоко институционализированные формы были быстро политизированы, что во многом предопределило характер распада СССР [6, р. 17-18].

Вместе с тем институционализация нации и национальности в СССР содержала внутреннее противоречие, заключавшееся в несовпадении территориальных и этнодемографических границ национальных сообществ [6, р. 32-40]. На примере молдавской нации (народа) проследим это противоречие.

С одной стороны, молдаване располагали собственной национально-территориальной автономией. Образованная в 1924 г. Молдавская АССР в 1940 г. была преобразована в союзную Молдавскую ССР. Молдаване составляли 64,5% населения республики [2, с. 152]. Они были «хозяевами» автономии, что подразумевало у них определенные преимущественные права как «владельцев» данной республики. К концу существования СССР представители молдавского народа занимали большинство руководящих постов в Коммунистической партии Молдавии (КПМ) и местных Советов [5, с. 188]. В самой партии удельный вес молдаван составлял 45,8%². Однако эти преимущества носили преимущественный, а не исключительный характер. Р.Брубейкер объясняет данную особенность особой ролью русского народа и русского языка в советской национальной политике [6, р. 28-29, 40].

Нам кажется, что применительно к Молдавской ССР более корректно говорить не столько об особом положении русских, сколько о значении немолдавского населения в целом. В 1989 г. они составляли 35,5% населения республики. Наиболее весомыми были украинцы – 13,8% – и русские – 13% [2, с. 152]. В силу институциональной структуры национальных республик они воспринимались и воспринимали себя в качестве «гостей» этой республики, т.е. они, будучи такими же полноправными жителями Молдавской ССР, как и молдаване, признавали преимущественное положение титульной нации. Вместе с тем их роль в политической и экономической жизни оставалась весьма значительной. Представители немолдавского населения составляли 45% работников органов государственного и хозяйственного управления и 53% руководителей предприятий промышленности, сельского хозяйства, строительства и транспорта [5, с. 188]. В КПМ их доля, получается, составляла 54,2%, из которых доля русских составляла 28,3%, а украинцев – 19,7%³.

В то же время представляется обоснованным вывод Р.Брубейкера относительно особой роли русского языка. По наблюдению П.М.Шорникова, здесь существовало «реально функционирующее, хотя и асимметричное, двуязычие» [5, с. 188]. Русский язык был родным или им свободно владели 68,5% населения, в т.ч. 57,6% молдаван и 92,2% национальных меньшинств, среди которых 99,7% русских и 79,7% украинцев. Для сравнения, молдавский язык был таковым для 67% населения, в т.ч. 97,1%

молдаван и 12,4% национальных меньшинств, среди которых 11,8% русских и 14,3% украинцев⁴. Эти показатели свидетельствуют о том, что именно русский язык выполнял роль средства межнационального общения, тогда как широкое распространение молдавского языка обеспечивалось прежде всего численным преобладанием титульной нации.

С другой стороны, значительная часть молдаван проживала за пределами Молдавской ССР. В 1989 г. в других союзных республиках проживало 558 тыс. человек, или 16,6% всех советских молдаван. Из них 324,5 тыс. человек находились на территории Украинской ССР, а еще 173 тыс. человек – в РСФСР [2, с. 154]. Наиболее многочисленные группы были сосредоточены в Одесской и Черновицкой областях Украины. Здесь молдаване, подобно другим нетитульным народам, оказывались в положении «гостей», признавая преимущественное положение украинской нации.

В период перестройки в Советской Молдавии, как и в других союзных республиках, заметную роль в общественно-политической жизни стало играть национал-демократическое движение. Первоначально оно было представлено рядом общественных объединений, которые 20 мая 1989 г. консолидировались в Народный фронт Молдавии⁵. Именно это объединение во многом определяло общественно-политическую повестку республики и способствовало политизации этнокультурной формы молдавской нации.

Особенность молдавского случая заключалась в том, что внутри национал-демократического движения сосуществовали два конкурирующих направления – румынизм и молдовенизм. Сторонники румынизма рассматривали молдаван как часть румынского народа и выступали за объединение населения по обоим берегам Прута в рамках единого румынского государства. Молдовенисты, напротив, отстаивали самостоятельность молдавской нации и ее культурно-историческую специфику. По мнению П.М.Шорникова, румынисты занимали более активные позиции, поскольку молдовенизм значительно хуже подходил для мобилизации населения на основе межэтнического размежевания [1, с. 124-125; 5, с. 191]. В результате национал-демократическое движение в Советской Молдавии приобрело преимущественно румынистский характер.

Задавая тон перестроечным процессам в республике, национал-демократическое движение увлекало за собой и национальную бюрократию, которая стремилась сохранить за собой позиции, полученные за годы советской власти. Все это способствовало политизации территориально-политической формы молдавской нации, постепенному превращению Молдавской ССР в полноценное национальное государство. Именно в этой постепенности, «возвращении» полного контроля нации над территорией и состоит концепция «национализирующегося государства» (nationalizing state), первого из трех элементов триады Брубейкера. В

² Республика Молдова: от перестройки к независимости, 1989–1991: секретные документы из архива ЦК Компартии Молдавии. Кишинев, 2011. С. XXXVI. URL: <https://arhiva.gov.md/wp-content/uploads/2024/08/35186638.pdf>.

³ Там же.

⁴ Расчеты проведены на основе следующих данных. См.: Всесоюзная перепись населения 1989 г. Распределение населения Молдавской ССР по наиболее многочисленным национальностям и языку // Демоскоп Weekly. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_lan_89_mo.php.

⁵ № 54. Справка о создании Народного фронта Молдавии, 22 мая 1989 г. // Республика Молдова: от перестройки к независимости, 1989–1991: секретные документы из архива ЦК Компартии Молдавии. Кишинев, 2011. С. 111–115. URL: <https://arhiva.gov.md/wp-content/uploads/2024/08/35186638.pdf>.

таком государстве, пишет Р.Брубейкер, национальная элита продвигает развитие языка, культуры, демографического превосходства, экономического благосостояния и политической гегемонии титульной нации [6, р. 46, 63].

Им противостоял конгломерат контрнационалистических сил, который 8 января 1989 г. объединился в Интернациональное движение в поддержку перестройки «Единство»⁶. Показательно, что на учредительном съезде 8 июля собрались представители множества народов Молдавской ССР, в т.ч. и представители титульной нации: среди 432 делегатов было 14 молдаван, 253 русских, 84 украинца, 39 евреев, 15 гагаузов, 4 болгарина и представители других национальностей⁷. Интердвижение «Единство», можно сказать, представляло из себя оплот и рупор национальных меньшинств Молдавской ССР, второго элемента триады Брубейкера. Рассуждая о «национальных меньшинствах» (national minority), Р.Брубейкер обращает внимание, что он понимает под этим не группу, а ряд политических установок, для которых характерно: (1) публичное заявление о принадлежности к определенной этнокультурной нации, отличной от доминирующей нации; (2) требование государственного признания самобытности этой этнокультурной нации; (3) отстаивание определенных коллективных культурных или политических прав. А движения принимают в работу эти установки, чтобы претендовать на право выражать интересы той или иной этнокультурной нации [6, р. 60-61].

Из приведенных критериев Интердвижение «Единство», по сути, соответствовало только третьему. Это можно объяснить тем, что движение возникло как негативная реакция молдавского общества на проекты национал-демократических сил по переустройству межнациональных отношений в Советской Молдавии. На данном этапе зарождения приднестровского конфликта противники национал-демократов попытались пойти против логики перестройки, предложив проверенную временем программу интернационализма. Однако в эпоху перестройки такие обращения воспринимались как обыденное желание оставить все «по-старому»⁸.

Основным пунктом противостояния обозначенных сил, из-за которого и вспыхнул приднестровский конфликт была реформа языкового режима в Молдавской ССР. На момент утверждения законов о языке 31 августа – 1 сентября 1989 г. национал-демократическое движение заняло бескомпромиссную позицию: государственным языком должен быть объявлен исключительно молдавский, наравне с русским им должны владеть руководящие и рядовые работники организаций и предприятий республики, на нем же должно вестись делопроизводство и его должны использовать как рабочий язык. Возражения со стороны контрнационалистических сил, которые требовали признать государственными и молдавский, и русский язык, из-за чего радикальность нового языкового режима смягчилась бы, отвергались. Законы о

⁶ № 52. Краткие сведения об основных неформальных объединениях, действующих в Молдавской ССР, апрель 1989 г. // Республика Молдова: от перестройки к независимости, 1989–1991. Секретные документы из архива ЦК Компартии Молдавии. Кишинев, 2011. С. 108.

⁷ № 119. Характеристика и содержание деятельности политических и политизированных общественных движений, конец октября 1989 г. // Там же. С. 302–303.

⁸ № 119. Характеристика и содержание деятельности политических и политизированных общественных движений, конец октября 1989 г. // Там же. С. 303.

языке были приняты с незначительными изменениями, национал-демократическое движение одержало победу, а действовавшие вопреки логики перестройки контрнационалистические силы проиграли.

Поражение контрнационалистических сил привело к выделению из их рядов более активной и последовательной части – приднестровское рабочее движение. В отличие от Интердвижения «Единство» приднестровцы, представленные Объединенными советами трудовых коллективов Тирасполя и Рыбницы, Рабочим комитетом Бендер, начали отстаивать права конкретно своей территории, а не всей Молдавии в целом. Именно в период летне-осенней забастовки 1989 г. начала формироваться идея об уникальной приднестровской идентичности, которая объединяла людей разных национальностей, разделявших схожий исторический опыт и ценности [7, р. 536-537]. Можно сказать, что, следуя логике перестройки, приднестровцы заявили о себе как о «национальном меньшинстве», втором элементе триады Брубейкера. Теперь они соответствовали трем элементам их позиции. Оправданность такой позиции была продиктована тем, что они не воспринимали себя как «гостей» Молдавской ССР, а как их полноправных «хозяев».

По мере «национализации» Молдавской ССР росло и противодействие со стороны Приднестровья. Установка нового государственного флага – румынского триколора – саботировалась на левом берегу Днестра. В принятом 23 июня 1990 г. заключении по политико-юридической оценке пакта Молотова-Риббентропа провозглашение союзной Молдавской ССР 2 августа 1940 г. объявлялось незаконным, что было воспринято приднестровцами как косвенное подтверждение неправомерности присоединения и левого берега Днестра к Молдавской ССР [3, с. 82]. Проведенные в течение 1990 г. референдумы об автономии в левобережных районах подготовили почву для провозглашения 2 сентября 1990 г. Приднестровской Молдавской ССР. Молодая республика нуждалась в признании, в первую очередь, того, кто бы смог обеспечить ее существование. Одним словом, Приднестровье нуждалось во «внешней национальной родине», третьем элементе триады Брубейкера.

Р.Брубейкер пишет, что для «внешней национальной родины» (external national homeland) характерно осознание национальной общности, выходящей за пределы государственных границ и гражданства, и представление об ответственности как за своих граждан, так и за соотечественников, проживающих в других государствах и имеющих другое гражданство [6, р. 66-67]. В контексте приднестровского конфликта на такую роль могли претендовать три актора – союзный центр, РСФСР или Украинская ССР. Если союзный центр воспринимался как традиционный авторитетный арбитр в спорах между народами, то обращение к поддержке РСФСР и Украинской ССР было обусловлено историческими, культурными и демографическими связями региона с обеими республиками, а в случае Украины – еще и общей границей.

Союзный центр не мог выполнить такую роль. Его главной целью было привлечь Молдавию к подписанию нового союзного договора. А в ССР Молдова последовательно дистанцировалось от такого курса. Закон от 28 ноября 1990 г. о гражданстве лишил гражданина возможности быть одновременно гражданином СССР и Молдавии. За этим последовал отказ от участия в разработке нового союзного договора и от проведения референдума о сохранении СССР. В Приднестровье же,

напротив, поддержали проведение референдума и активно добивались возможности подписать новый союзный договор. Тем не менее, в Москве не пошли на признание Приднестровской Республики.

Схожую позицию занимало и руководство РСФСР. Раннее достигнутая договоренность о том, что представители Приднестровья будут присутствовать при подписании официальных документов между Россией и Молдавией, не выполнялась [3, с. 99]. Направленная в ноябре 1990 г. комиссия Верховного Совета РСФСР не выявила признаков дискриминации русского населения региона [3, с. 109-110], что также не способствовало формированию особых отношений между Россией и Приднестровьем. Начало вооруженной эскалации приднестровского конфликта в 1992 г. и укрепление позиций консервативного крыла российской элиты способствовали тому, что Россия взяла на себя роль «внешней национальной родины», приняв под свою юрисдикцию 14-ю армию и с ее помощью защитив Приднестровскую Республику.

Более благоприятной для Приднестровья выглядела позиция Украины. Киев в целом воздерживался от активного вмешательства в молдавские события, ограничиваясь защитой собственного территориального суверенитета. Показателен эпизод, имевший место в январе 1991 г., когда председатель Верховного Совета ССР Молдова А.К.Мошану предложил украинской стороне обсудить территориальный обмен, предполагавший уступку Приднестровья в обмен на территории Южной Бессарабии и Северной Буковины. Отказ руководства Украины обсуждать подобные инициативы свидетельствовал о нежелании Киева пересматривать существующие границы [3, с. 132]. В то же время украинское руководство не поддержало и приднестровский проект. Не без санкции украинской стороны 29 августа 1991 г. в Киеве был арестован лидер Приднестровской Республики И.Н.Смирнова, который прибыл, вероятнее всего, для обсуждения перспектив вхождения региона в состав Украины [4, с. 69-70].

Примечательно, что Молдавия, будучи «национализирующимся государством», выступала еще в качестве «внешней национальной родины» по отношению к молдавскому населению Украины. Регулярно поднимался вопрос о положении молдавского языка в Южной Бессарабии и Северной Буковине, а необходимость их реинтеграции обосновывалась соображениями исторического, культурного и экономического характера. В июне 1989 г. впервые Народным фронтом Молдавии были выдвинуты территориальные претензии к Украине, выраженные в лозунге «Вверх к горам и выход к морю»⁹. Логическим итогом стало то, что в Декларации о независимости Молдавии от 27 августа 1991 г. граница с Украиной фактически признавалась незаконной¹⁰. В сочетании с распространенными в тот период идеями возможного объединения Молдавии с Румынией подобные заявления надолго стали одним из факторов напряженности в отношениях между Киевом и Кишиневом.

Во-первых, характер распада СССР был обусловлен его институциональной структурой. Институционализация нации и национальности как двух

основополагающих элементов советской системы таила в себе явное противоречие – они не совпадали, – что и предопределило формирование триады Брубейкера: национализирующееся государство – национальное меньшинство – внешняя национальная родина.

Во-вторых, в случае молдавской нации большинство ее представителей проживали на территории Молдавской ССР, где они пользовались правами «хозяев» автономии. В то же время положение немолдавского населения в политической и экономической жизни, а также роль русского языка как подлинного средства межэтнического общения делали эти права преимущественными, а не исключительными. Меньшая часть молдаван проживали за пределами Молдавской ССР, преимущественно в приграничных областях Украинской ССР, где они уже были «гостями» украинской автономии.

В-третьих, на первых порах в роли «национализирующегося государства» выступило национал-демократическое движение, которое по мере усугубления конфликта поддержало национальная бюрократия. Особенностью молдавского случая стало то, что в авангарде движения по эмансипации народа стояло течение румынистов, выступавших, по сути, за самоликвидацию этого народа. Вопреки логике перестроечных процессов им противостоял конгломерат контрнационалистических сил, отставивший права всего недовольного населения Молдавии.

В-четвертых, камнем преткновения стали законы о языке, которые были призваны реформировать языковой режим в Молдавской ССР, расширив применение молдавского языка и вытеснив русский язык с его прежних позиций. Представители немолдавского населения, практически не владевшие молдавским языком, видели в этой реформе экзистенциальную угрозу.

В-пятых, принятие законов о языке привел к перегруппировке контрнационалистических сил и обособлению движения за автономию Приднестровья, которые, повинуюсь логике перестройки, заявили о себе как о национальном меньшинстве. Осознание себя в качестве полноправных «хозяев» своей территории создавало фундамент для образования автономии. Провозгласив свою республику, они нуждались в поддержке и признании.

В-шестых, в роли «внешней национальной родины» могли выступить союзный центр, Россия и Украина, которые по той или иной причине отказывались от поддержки Приднестровья. С началом кровопролития на левом берегу Днестра в 1992 г. и под воздействием консервативных сил только Россия поменяла свою позицию, защитив Приднестровскую Республику и обеспечив ей существование и по сей день.

В-седьмых, примечательно, что по отношению к молдаванам Украины Молдавия выступала с позиции «внешней национальной родины», которая стремилась реинтегрировать Южную Бессарабию и Северную Буковину.

В-восьмых, пример Молдавской ССР прекрасно демонстрирует актуальность применения триады Брубейкера и предлагаемой нами связки «хозяева» – «гости». Рассмотренная в рамках данного доклада теоретическая рамка может быть использована исследователями и для изучения идейной составляющей других конфликтов на постсоветском пространстве.

⁹ № 74. Информация о митинге Народного фронта Молдавии, состоявшегося 25.06.89 г. на площади Победы, 26 июня 1989 г. // Республика Молдова: от перестройки к независимости, 1989–1991: секретные документы из архива ЦК Компартии Молдавии. Кишинев, 2011. С. 139–140.

¹⁰ Серегин М., Сигал Л. Молдова: раздел советского наследия // Коммерсантъ Власть. 02.09.1991. № 35. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/663>.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Бабилунга Н.В. Приднестровский конфликт: истоки, характер, особенности // Феномен Приднестровья. 2-е изд., перераб. и доп. Тирасполь: РИО ПГУ, 2003. С. 123–186.
2. Галущенко О.С. Динамика численности и ареал расселения молдаван в конце XIX – начале XXI веков // Revista de etnologie și culturologie. 2008. Vol. 3. P. 141–155.
3. Кодряну Г. Днестровский разлом. Приднестровский кризис и рождение ПМР: роль и место спецслужб. Тирасполь: ГИПП «Типар», 2002. 208 с.
4. Смирнов И.Н. Жить на нашей земле. М.: Советский писатель, 2001. 236 с.
5. Шорников П.М. Приднестровье в контексте гражданского конфликта в Молдавии: взгляд из Кишинева // Феномен Приднестровья. 2-е изд., перераб. и доп. Тирасполь: РИО ПГУ, 2003. С. 187–226.
6. Brubaker R. Nationalism reframed. Nationhood and the national question in the New Europe. Cambridge University Press, 2009. 202 p.
7. Harrington K. Mobilising the Masses: Explaining the Rapid Rise of Worker Activism in Transnistria in the Late 1980s // Comparative Southeast European Studies. 2023. Vol. 71, № 4. P. 517–545. <https://doi.org/10.1515/soeu-2023-0021>

Матяш Александр Иванович, директор информационно-аналитического департамента Исполнительного комитета СНГ

В этом году исполняется тридцать пять лет с момента распада СССР и образования на геополитическом пространстве, которое он занимал, Содружества Независимых Государств.

За это период СНГ прошло сложный путь институционального обустройства, выработки приоритетов функционирования и определения места в системе международных отношений.

СНГ сталкивалось с комплексом проблем, связанных с историческими трансформациями, экономическими различиями, политическими противоречиями и внешними факторами. Эти вызовы влияли на динамику развития организации и её способность решать общие интеграционные задачи.

СНГ в своем развитии переживало и подъемы, и спады. Однако у входящих в него народов никогда не исчезала тяга к сохранению общего пространства – экономического, социального, гуманитарного, а также неделимого пространства безопасности. Даже когда сложные внутриполитические трансформации в государствах СНГ приводили к смене лидеров, в большинстве случаев оставалось устойчивое понимание, что необходимо сохранить сложившиеся производственные связи, отстоять традиционные ценности, объединяющие нити общей истории. Не только ради памяти о славном прошлом. Ради будущего.

И в преддверии очередного юбилея Содружество переживает непростые времена, однако при этом удается сохранять возможности для дальнейшего развития и накапливать ресурсы для решения сложных проблем входящих в СНГ суверенных государств.

К своему 35-летию Содружество подошло, сохранив костяк организации и цивилизационную привлекательность. Входящие в него государства имеют стабильные показатели экономического роста и повышения благосостояния населения. Созданы предпосылки для структурного обновления организации, в том числе в формате СНГ+, поскольку интерес к Содружеству возрастает, а само оно демонстрирует свою открытость. В перспективе возможен солидный синергетический эффект от сложения потенциалов различных интеграционных объединений на евразийском пространстве, где СНГ может по праву занять центральное место как старейшая организация с неисчерпанным потенциалом.

Пространство СНГ – один из крупнейших мировых рынков: здесь проживает более 270 млн человек (примерно 4,4% мирового населения) и производится 4,3% глобального ВВП. Содружество занимает около 16% мировой территории; на долю СНГ приходится 20% мировых запасов нефти, 40% природного газа, 25% угля, 36% урана, 20% золота, цинка и свинца, 10–12% запасов никеля, меди, молибдена, 10% производства электроэнергии. Здесь расположены 25% мировых запасов леса, почти 11% возобновляемых водных ресурсов (пресной воды) и 13% пахотных земель.

Объединение концентрирует в своих руках колоссальные возможности для развития производства, инфраструктуры и человеческого капитала. И эти возможности надо рационально совместно использовать в интересах нынешнего и будущих поколений.

Сохраненное общее культурное и образовательное пространство является одним из ключевых факторов устойчивости интеграционных процессов. Наши страны и народы объединяют общие духовно-нравственные ценности, основанные в том числе на бережном отношении к традициям и совместному прошлому.

Стабильно развивающиеся наука и образование стран СНГ получают существенные бонусы за счет межнационального сотрудничества и объединения потенциалов. Целый ряд национальных университетов, где сформирована надежная академическая и исследовательская школа, имеет статус базовых организаций СНГ в различных областях знания. Сотрудничество в гуманитарной сфере является одним из самых динамичных треков в СНГ, что подтверждает его востребованность в обществе.

За годы существования СНГ сформирована масштабная договорно-правовая база, способствующая дальнейшему развитию политического диалога, построению на новой базе механизма взаимовыгодной торгово-экономической кооперации, гуманитарного партнерства, сотрудничества в сфере обеспечения безопасности. Принята Концепция дальнейшего развития СНГ и Стратегия экономического развития Содружества на период до 2030 г., Стратегия научно-технологического развития на период до 2035 г., соглашения о свободной торговле и свободной торговле услугами.

Не меньшую значимость для Содружества имеет дорожно-транспортная синергия, которая снижает затраты на трансграничное перемещение пассажиров и грузов и превращает автомобильную и железнодорожную сеть отдельных республик в элементы евразийских транспортных коридоров, попутно создавая на их территории обновленную инфраструктуру и рабочие места, обеспечивая наполнение налогами и пошлинами бюджеты различных уровней. Таким образом грандиозные транспортные и логистические программы способствуют улучшению жизни простых людей на местах, стимулируют их заинтересованность в образовании и расширении компетенций.

Сегодня Содружество Независимых Государств представляет собой глубоко интегрированное, взаимовыгодное экономическое и политическое объединение, обеспечивающее эффективное развитие каждого его участника. Для стран СНГ актуальны схожие задачи модернизации народного хозяйства и перевода его на инновационный путь развития. Уверен, что по мере их решения привлекательность интеграционной перспективы СНГ будет объективно возрастать.

Предлагаю обсудить пути дальнейшего развития СНГ, варианты решения имеющихся проблем, нейтрализации центробежных процессов, в значительной мере подогреваемых извне.

Прудников Антон Дмитриевич,
ассистент Российского государственного
гуманитарного университета (РГГУ),
кандидат исторических наук

ГУАМ как главный антироссийский проект на постсоветском пространстве в 1992–2025 гг.

АННОТАЦИЯ

Рассматривается деятельность международной организации под названием ГУАМ (Грузия, Украина, Азербайджан, Молдова). Данная организация – самый известный пример интеграционного проекта на постсоветском пространстве без участия России. Более того, показано, что с самого своего создания в конце 1990-х гг. организация действовала исключительно в антироссийских интересах, пытаясь заручиться поддержкой западных стран, а США и ЕС рассматривали эту структуру как ключевой противовес российскому влиянию на территории СНГ. Цель – комплексно проанализировать особенности деятельности организации в постсоветский период, выявить ключевые проблемы и противоречия в ее работе. В исследовании показано, что в 2000-е гг. в рамках организации обсуждалось создание зоны свободной торговли, энергетические проекты в обход территории России. Наиболее активный период в работе ГУАМ – 2005–2009 гг.: проводились многочисленные саммиты и встречи, в том числе с участием западных представителей. Однако реальных успехов в реализации организацией заявленных целей в эти и последующие годы не наблюдалось. По мнению автора, это связано прежде всего с разными целями участников на международной арене и, соответственно, их различными ожиданиями от вступления в ГУАМ. В частности, не все участники ГУАМ готовы идти на прямое противостояние с Россией в условиях нынешнего конфликта на Украине. Как представляется, в ближайшее время ГУАМ сохранится в качестве форума для дискуссий по общим вопросам.

Публикация выполнена в соответствии с реализацией государственного задания по теме «Комплексные исследования процессов в странах постсоветского пространства, Центральной и Восточной Европы», код научной темы FSZG – 2024-0006.

Ключевые слова: ГУАМ, постсоветское пространство, интеграция, антироссийский проект, евразийская интеграция, Украина, украинский кризис

Динамика развития интеграционных процессов на пространстве Большой Евразии в XXI в. заставляет нас пристальнее следить за разнообразными международными проектами на этой территории, в том числе не только с участием России. Так, некоторые организации прямо провозгласили о своих намерениях интеграции с Западом.

Среди подобных проектов наибольший интерес представляет Организация за демократию и экономическое развитие – ГУАМ. Основные участники – Грузия, Украина, Азербайджан, Молдова. Некоторое время в организацию также входил Узбекистан. Целью настоящего исследования является анализ развития этой организации в постсоветский период и определение ее дальнейших перспектив.

Организация официально возникла в конце 1990-х гг. В ключевых документах, которые принимались в этот период, подчеркивалась необходимость усиления

многостороннего сотрудничества с целью сближения и последующей интеграции с европейскими и евроатлантическими структурами¹. То есть с идейно-концептуальной точки зрения, как мы видим, инициатива изначально носила антироссийский характер. На это указывает также тот факт, что встречи, где обсуждались ключевые вопросы, часто проходили в западных странах при поддержке их представителей.

В начале 2000-х гг. продолжала формироваться организационная структура проекта² и укреплялась международная поддержка данной инициативы, прежде всего со стороны США и ЕС³. Отметим при этом, что среди конкретных областей многостороннего сотрудничества, прежде всего, выделялась экономика⁴. Однако конкретных успехов сотрудничества в торгово-экономической сфере не просматривалось.

По мнению некоторых экспертов, общими интересами членов организации были поиск новых форм сотрудничества в сфере энергетики и перспективы более углубленного взаимодействия с евроатлантическими структурами [2, с. 120]. Однако, с моей точки зрения, не все члены организации были заинтересованы в политическом и ценностном сближении с Западом. Например, Узбекистан в начале 2000-х сократил свое участие в проекте, а уже в 2005 г. вообще покинул его ряды.

Азербайджан также в силу специфики своей модели общественно-политического развития сложно назвать государством, которому близка либеральная демократия в западном варианте. Хотя Баку, тем не менее, продолжил участие в проекте, поскольку, как представляется, был заинтересован в экономических преференциях и в поддержке со стороны организации в конфликте с Арменией.

Отношение президента Украины Л.Кучмы к ГУАМ в целом тоже было неоднозначным, поскольку, помимо Запада, Кучма искал экономической поддержки со стороны России. Как следствие из этого, ОДЭР–ГУАМ постепенно отошла на второй план в украинской политике. Это напрямую повлияло в том числе на работу всей организации в целом, поскольку Украина является самой крупной ее экономикой и ключевым политическим актором. Президент Молдавии В. Воронин также в общем старался соблюдать баланс между Россией и Западом.

Новую жизнь в ГУАМ вдохнул приход к власти в Грузии и на Украине М.Саакашвили и В.Ющенко в результате т.н. «цветных революций» в 2003 и 2005 г. соответственно. После этих событий власти Грузии и Украины резко сместили свою внешнюю политику в сторону США и ЕС. Интерес к такой структуре, как ГУАМ, в данном случае напрямую был связан с тем, что в политике Киева и Тбилиси своеобразным новшеством стала идея т.н. «демократизации» постсоветского пространства по западным лекалам, разумеется, находившая поддержку США и стран Европы.

1 Joint Communiqué of the Meeting of the President of Azerbaijan, Georgia, Moldova and Ukraine (Strasbourg, October, 10, 1997). // GUAM. URL: <https://guam-organization.org/joint-communique-of-the-meeting-of-the-president-of-azerbaijan-georgia-moldova-and-ukraine-strasbourg-october-10-1997/>.

2 Statute of the Council of Ministers for Foreign Affairs of GUUAM States // GUAM. URL: <https://guam-organization.org/statute-of-the-council-of-ministers-for-foreign-affairs-of-guam-states/>.

3 United States-GUAM Joint Statement (New York, September 14, 2002) // GUAM. URL: <https://guam-organization.org/united-states-guam-joint-statement-new-york-september-14-2002/>.

4 Yalta GUUAM Charter 2001 // GUAM. URL: <https://guam-organization.org/yalta-guam-charter-2001/>.

Как следствие, апрельский саммит ГУАМ в 2005 г. был широко поддержан иностранными наблюдателями со стороны Европы и США. На этой встрече активно обсуждались политические вопросы работы организации [2, с. 380]. Речь шла, в частности, о необходимости урегулирования замороженных конфликтов на территории СНГ без участия России, что, разумеется, не способствовало хорошему отношению к организации в Москве и повышало общий градус напряженности вокруг ГУАМ. Об этом свидетельствует, например, Декларация против черных дыр в Европе, принятая участниками ГУАМ в 2005 г., и реакция на нее российской стороны⁵.

На саммите ГУАМ в Киеве в мае 2006 г. активно обсуждались вопросы энергетики и развитие маршрутов транспортировки энергоресурсов в обход территории нашей страны [2, с. 381]. Украинские представители заявляли, что Киев крайне заинтересован в этом проекте и будет прилагать необходимые усилия для его дальнейшей разработки⁶. Тема энергетики нашла свое отражение в ключевых документах, которые были приняты на саммите⁷. Помимо Украины, энергетические проекты по своим соображениям активно поддерживал Азербайджан.

По оценкам исследователей, до конца десятилетия в рамках ГУАМ прошло еще несколько крупных встреч при активной поддержке и присутствии западных представителей, в частности, саммит, состоявшийся в 2007 г. в Баку [1, с. 90]. Однако к концу 2000-х гг. в практической реализации заявленных обещаний обозначился явный кризис: участники не могли договориться между собой по основным приоритетам в работе организации. Одни страны (Украина) делали акцент в большей степени на энергетику, другие (Молдова) – были в первую очередь заинтересованы в разрешении де-факто замороженных конфликтов на постсоветском пространстве. При этом тот же Азербайджан, который вроде бы проявлял интерес к обоим направлениям, не устраивала общая антироссийская риторика организации, которая к тому времени стала более чем очевидной.

Не стоит сбрасывать со счетов и тот немаловажный факт, что активизация деятельности ГУАМ в 2005–2009 гг. (пусть, как мы видим, довольно декларативная) идеологически подпитывалась политическим тандемом Саакашвили-Ющенко, а с уходом с поста украинского президента последнего в 2010 г. данный фактор потерял свое значение, и к 2014 г. деятельность организации практически сошла на нет.

С 2014 г. российская (или если точнее – антироссийская) проблематика снова заняла центральное место в работе организации, и это привело к очередному относительно всплеску деятельности ГУАМ. Страны-члены ГУАМ на официальном уровне высказывали свою поддержку Украине, критикуя действия российской стороны в Крыму и на Донбассе. Были приняты соответствующие международные

5 Владимир Воронин и Михаил Саакашвили подписали две совместные декларации // PRESS обозрение. URL: <https://press.try.md/item.php?id=54221>.

6 Бологов П. Остров ГУАМ. В Киеве открылся саммит тех, кому не нравится СНГ // Lenta.ru. URL: <https://lenta.ru/articles/2006/05/22/guam/>.

7 Charter of Organization for democracy and economic development – GUAM // GUAM. URL: <https://guam-organization.org/charter-of-organization-for-democracy-and-economic-development-guam/>.

документы⁸. Обсуждались также экономические вопросы, в том числе энергетические проекты и формирование Зоны свободной торговли в рамках организации⁹. Рассматривалась возможность расширения внешних связей организации со странами Азии, в том числе с Японией¹⁰. Однако, как и ранее, дальше общих дискуссий дело не пошло: реализации каких-либо крупных проектов по-прежнему не предвиделось.

К началу российской СВО в 2022 г. диалог в рамках ГУАМ по разным направлениям носил достаточно формальный характер. Это фактически констатировали Зеленский и Алиев в телефонном разговоре в мае 2020 г., придя к выводу, что работе организации нужно придать новый импульс¹¹. Тем не менее в реальности эти разговоры ни к чему не привели.

С 2022 г. украинский фактор в работе организации играл еще более значимую роль, чем ранее. На это указывает, например, факт председательства Украины в ГУАМ в 2023 г. Официальная повестка работы организации в этом году подразумевала в том числе «защиту суверенитета и территориальной целостности государств-членов организации, создание новых экономических возможностей, взаимодействие с Европейской Комиссией по вопросам транспортного коридора ГУАМ»¹².

То есть Киев пытается использовать данную площадку в антироссийских целях для решения собственных геополитических и экономических вопросов в контексте военного противостояния с Москвой. Насколько это перспективно? Как представляется, абсолютно бесперспективно. Во-первых, далеко не все члены ГУАМ на данном этапе горят желанием вступать в прямую конфронтацию с российской стороной. Мы это видим на примере той же Грузии, которая заметно изменила свой внешнеполитический курс в последние годы в сторону большей рациональности, в связи с чем уже имеет определенные проблемы в отношениях с ЕС. Во-вторых, даже при огромном желании силы и ресурсы всех стран-членов ГУАМ вместе взятых без активной поддержки Запада абсолютно не сопоставимы с военными и экономическими возможностями Российской Федерации. При этом коллективный Запад сегодня сам испытывает глубокий внутренний кризис, а США при Трампе вряд ли будут активно поддерживать подобные неэффективные инициативы, что в целом ставит дальнейшие перспективы ОДЭР–ГУАМ под вопрос.

Таким образом, встает вопрос о смысле существования и дальнейшем целеполагании ГУАМ в текущем формате сегодня, с учетом того что кроме одной русофобской риторики и пустых дискуссий, не подкрепленных опытом реализации конкретных стратегических проектов, организация не может предложить

фактически ничего. В чем же причины несостоятельности данной инициативы по итогам практически 30 лет ее существования?

Прежде всего, это общая экономическая слабость государств-членов ГУАМ и их зависимость от внешней конъюнктуры: взять хотя бы пример нынешней Украины. Сам проект ГУАМ во многом зависит от поддержки Запада. Часто говорят о негативном влиянии извне на процессы евразийской интеграции (ЕАЭС, СНГ, Союзное государство и т.д.), в случае же с ГУАМ мы имеем дело с уникальным примером интеграционного проекта, который сам полностью является следствием внешнего влияния на процессы постсоветской интеграции. Поэтому вряд ли можно говорить о стабильных перспективах организации.

С другой стороны, в ближайшие годы вряд ли стоит ожидать полного распада и физической ликвидации ОДЭР–ГУАМ. Участники, скорее всего, сохраняют ее как площадку для переговоров по отдельным, интересующим их вопросам, приоритет отдавая развитию отношений на двусторонней основе.

Итак, анализ наиболее известной попытки построить международный интеграционный проект на пространстве бывшего СССР без участия и в обход интересов России позволяет сделать вывод об абсолютной безальтернативности таких инициатив, как, например, ЕАЭС (Евразийский экономический союз). Иной вариант в текущих политических и экономических реалиях представляется попросту невозможным.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Белащенко Д.А., Толкачев В.В., Шмелев А.П., Шоджонов И.Ф. Деятельность ГУАМ на постсоветском пространстве: намерения, результаты, перспективы // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2021. Т. 14. № 3. С. 84–105.
2. Прудников А.Д. Основные проблемы и итоги деятельности Организации за демократию и экономическое развитие – ГУАМ в 1997–2022 гг. // Экономическая история. 2023. Т. 19. № 4. С. 376–389.

⁸ Joint Statement by the GUAM Parliamentary Assembly, the Baltic Assembly and the parliamentary delegation of the Republic of Poland // GUAM. URL: <https://guam-organization.org/joint-statement-by-the-guam-parliamentary-assembly-the-baltic-assembly-and-the-parliamentary-delegation-of-the-republic-of-poland-2/>.

⁹ Украина воскресила ГУАМ: подписаны договора о ЗСТ и «Шелковом пути» // ИА REGNUM URL: <https://regnum.ru/news/225497>.

¹⁰ GUAM–Japan Cooperation Program // GUAM. URL: <https://guam-organization.org/guam-japan-cooperation-program/>.

¹¹ Зеленский предложил «вдохнуть новую жизнь» в ГУАМ // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20200527/1572066035.html>.

¹² Председательство в ГУАМ перешло к Азербайджану // Bakuinform. URL: <https://bakuinform.az/az/news/predsdatelstvo-v-guam-pereslo-k-azerbaidzanu>.

Рахимов Комрон Хакимджонович,
 доцент кафедры теории и истории
 международных отношений РУДН имени
 Патриса Лумумбы, руководитель Сектора
 Центральной Азии Центра исследований
 постсоветских стран,
 кандидат исторических наук

Никонова Вера Андреевна,
 РУДН имени Патриса Лумумбы

Террористические угрозы в Центральной Азии как фактор энергетической безопасности в атомной дипломатии России

АННОТАЦИЯ

Терроризм на пространстве Содружества Независимых Государств (СНГ) сохраняет характер одной из наиболее серьезных транснациональных угроз, затрагивающих не только внутреннюю безопасность государств региона, но и устойчивость всей системы международных отношений на постсоветском пространстве. Особую значимость эта проблема приобретает в условиях усиления нестабильности в соседних регионах, прежде всего в Афганистане и на Ближнем Востоке, откуда исходят каналы радикализации, вербовки и перемещения боевиков, включая граждан стран СНГ. Для России данная проблематика имеет двойное значение. С одной стороны, она связана с необходимостью укрепления механизмов коллективной безопасности в рамках СНГ и предотвращения распространения экстремистских сетей. С другой стороны, она напрямую соотносится с внешнеполитическими и энергетическими интересами России, включая реализацию атомной дипломатии на Ближнем Востоке, поскольку устойчивость прилегающих регионов является важным условием успешного продвижения долгосрочных международных проектов. Международный терроризм в Центральной Азии выступает одним из факторов формирования энергетической стратегии и атомной дипломатии России, поскольку региональная нестабильность влияет на реализацию долгосрочных внешнеполитических и энергетических проектов РФ. В этих условиях изучение терроризма в СНГ позволяет выявить взаимосвязь между региональной безопасностью, внешней политикой России и ее стратегическими инициативами за пределами постсоветского пространства.

Ключевые слова: терроризм, СНГ, Центральная Азия, атомная дипломатия, энергетическая безопасность, Россия, международное сотрудничество

Терроризм в современном мире остается одной из наиболее опасных угроз международной и региональной безопасности. Его транснациональный характер, высокая адаптивность к изменяющимся политическим условиям и способность использовать слабые места государственных и межгосударственных институтов делают эту проблему особенно актуальной для стран СНГ. Для постсоветского

пространства террористическая угроза усугубляется геополитической близостью к нестабильным регионам, прежде всего к Афганистану и Ближнему Востоку, а также наличием факторов радикализации, миграционных потоков и деятельности международных экстремистских сетей.

Особое значение исследование терроризма в СНГ приобретает в контексте внешнеполитических интересов России¹. Борьба с террористическими угрозами в регионе связана не только с обеспечением национальной и коллективной безопасности, но и с поддержанием устойчивой международной среды для реализации долгосрочных внешнеполитических проектов². В этом смысле тема может быть рассмотрена в более широком контексте, включая взаимосвязь между региональной безопасностью и атомной дипломатией России на Ближнем Востоке, поскольку успешное продвижение энергетических инициатив требует стабильности в сопредельных и стратегически значимых регионах.

Актуальность данной темы обусловлена необходимостью комплексного анализа террористических угроз в пространстве СНГ, выявления их источников, форм и механизмов распространения, а также оценки эффективности существующих мер противодействия. Изучение данной проблемы позволяет не только глубже понять специфику международного терроризма в постсоветском пространстве, но и определить его влияние на внешнеполитические и интеграционные приоритеты государств СНГ, прежде всего России.

Теоретические основы. Терроризм в государствах Содружества Независимых Государств (СНГ) следует рассматривать как элемент современной системы транснациональных угроз безопасности, формирующихся в условиях глобализации, усиления миграционных процессов и развития сетевых коммуникаций. В научной литературе терроризм определяется не только как совокупность насильственных действий, направленных на достижение политических целей, но и как сложный социально-политический феномен, тесно связанный с кризисами государственности, радикализацией населения и международной нестабильностью [2].

Согласно позиции российского исследователя А.И.Долговой, современный терроризм характеризуется высокой степенью организованности, трансграничным характером деятельности и активным использованием информационно-коммуникационных технологий. В свою очередь, Ю.М.Антонян указывает, что террористическая активность в постсоветском пространстве во многом обусловлена сочетанием социально-экономических противоречий, межэтнических конфликтов и влияния внешних экстремистских центров³.

Для государств СНГ проблема терроризма имеет особую актуальность вследствие сохранения прозрачности отдельных участков границ, интенсивных миграционных потоков, исторически сложившихся политико-экономических связей, а также географической близости к регионам повышенной нестабильности,

¹ Договор о сотрудничестве государств-участников СНГ в борьбе с терроризмом от 04.06.1999 (ратифицирован Россией 28.12.2004). Подписан Азербайджаном, Арменией, Беларусью, Казахстаном, Киргизией, Молдовой, Россией, Таджикистаном. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi>.

² О противодействии терроризму: федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ (в ред. от 2024 г.) URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58840/.

прежде всего к Афганистану. После прихода к власти движения «Талибан»³ в 2021 г. государства Центральной Азии столкнулись с возрастанием угроз распространения религиозного экстремизма, незаконного оборота оружия и проникновения международных террористических организаций⁴.

В нормативно-правовом аспекте противодействие терроризму в странах СНГ основывается как на международных актах, так и на региональных соглашениях. Ключевое значение имеет Федеральный закон Российской Федерации от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму», определяющий правовые и организационные основы борьбы с террористической деятельностью⁵. На межгосударственном уровне важную роль играет Договор государств-участников СНГ о сотрудничестве в борьбе с терроризмом от 4 июня 1999 г., предусматривающий координацию деятельности специальных служб и обмен оперативной информацией⁶. Кроме того, значительное место занимает Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом 2001 г., закрепившая механизмы регионального взаимодействия государств Центральной Азии, России и Китая⁷.

В современных условиях особую опасность представляют не только классические террористические организации, но и их децентрализованные региональные структуры, функционирующие по сетевому принципу. Известный политический аналитик Б.Хоффман отмечает, что современные террористические группы активно используют цифровые платформы для пропаганды радикальной идеологии, вербовки новых участников, финансирования и координации деятельности [21]. Как подчеркивает М.Кастельс, развитие сетевого общества существенно трансформировало механизмы политического насилия, сделав террористические организации более мобильными и менее зависимыми от конкретной территории [20].

Таким образом, анализ терроризма в странах СНГ требует комплексного подхода, учитывающего политические, социально-экономические, религиозные и внешнеполитические факторы. Террористическая активность в регионе находится в непосредственной взаимосвязи с ситуацией в сопредельных государствах, прежде всего на Ближнем Востоке и в Афганистане, что обуславливает необходимость международного сотрудничества и выработки единых механизмов коллективной безопасности.

Региональная безопасность. Для государств Центральной Азии и всего пространства СНГ одной из ключевых угроз региональной безопасности продолжает оставаться так называемый «афганский фактор», оказывающий комплексное влияние на

военно-политическую и социально-экономическую ситуацию в регионе. Нестабильность в Афганистане способствует распространению радикальной идеологии, усилению наркотрафика, незаконного оборота оружия, а также трансграничному перемещению боевиков и членов международных террористических организаций. По мнению ряда исследователей, например, Д.Б.Малышевой [6]; И.К.Якубова [18]; М.О.Нессара [8], именно афганское направление в последние десятилетия стало основным источником дестабилизационных процессов для государств Центральной Азии.

Особую обеспокоенность вызывает активизация террористических структур, связанных с организацией «Исламское государство»⁸ и иными радикальными сетями, действующими в приграничных районах Афганистана. Б.Хоффман отмечает, что данные группировки стремятся расширить свое влияние на постсоветское пространство посредством вербовки населения, распространения экстремистской пропаганды и использования нелегальных миграционных каналов [21]. Наиболее уязвимыми в этом отношении считаются Таджикистан, Узбекистан и Кыргызстан, что обусловлено как географической близостью к Афганистану, так и наличием сложных социально-экономических проблем, способствующих радикализации отдельных групп населения.

В научной литературе подчеркивается, что современный терроризм в Центральной Азии тесно связан с транснациональной организованной преступностью, прежде всего с наркотрафиком. Согласно данным Управления ООН по наркотикам и преступности (UNODC), так называемый «северный маршрут» транспортировки афганских наркотиков проходит через территорию государств СНГ, что создает дополнительные финансовые ресурсы для террористических и экстремистских организаций⁹. В связи с этим борьба с терроризмом рассматривается не только как задача обеспечения государственной безопасности, но и как элемент противодействия международной преступности.

В данных условиях особую значимость приобретают механизмы многостороннего сотрудничества в рамках СНГ, Организации Договора о коллективной безопасности и Шанхайской организации сотрудничества. Государства региона реализуют совместные антитеррористические учения¹⁰, программы обмена оперативной информацией и меры¹¹ по укреплению пограничной безопасности. Существенную роль в координации действий играет Антитеррористический центр СНГ, деятельность которого направлена на совершенствование взаимодействия специальных служб и правоохранительных органов государств-участников¹².

³ Движение «Талибан» признано в России террористическим и запрещено, 18+. В РФ в 2025 г. приостановлен запрет на деятельность движения «Талибан».

⁴ Угроза международного терроризма: аналитический доклад // МГИМО (У) МИД России. Москва, 2017. URL: <https://mgimo.ru/upload/2017/03/imi-odkb-igil.pdf>.

⁵ О противодействии терроризму: федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ (в ред. от 2024 г.). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58840/.

⁶ См. Договор о сотрудничестве государств-участников СНГ в борьбе с терроризмом от 04.06.1999 (ратифицирован Россией 28.12.2004). Подписан Азербайджаном, Арменией, Беларусью, Казахстаном, Киргизией, Молдовой, Россией, Таджикистаном. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi>.

⁷ Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (подписана 15.06.2001 (ратифицирована Россией 10.01.2003)). URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi>.

⁸ * «Исламское государство» – организация признана террористической и ее деятельность запрещена на территории Российской Федерации. URL: <http://www.fsb.ru/fsb/npd/terror.htm>, 18+.

⁹ United Nations Office on Drugs and Crime (UNODC). World Drug Report 2023: Executive Summary. Vienna: UNODC, 2023. URL: https://www.unodc.org/res/WDR-2023/WDR23_Exsum_fin_DP.pdf.

¹⁰ Министерство иностранных дел Российской Федерации. Заявление МИД России по итогам встречи министров иностранных дел стран СНГ // МИД России. URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/integracionnye-struktury-prostranstva-sng/1749684.

¹¹ Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (подписана 15.06.2001 (ратифицирована Россией 10.01.2003)). URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi>.

¹² Положение об Антитеррористическом центре государств-участников СНГ: решение Совета глав государств СНГ от 30.11.2000 № 11/1 // ЕИС СНГ. URL: <https://eccis.org/document/1109>.

Российская Федерация в последние годы последовательно подчеркивает необходимость усиления международного сотрудничества в сфере противодействия терроризму и экстремизму. В Концепции внешней политики Российской Федерации 2023 г. указывается на приоритетность обеспечения безопасности на евразийском пространстве и укрепления взаимодействия с государствами СНГ в борьбе с транснациональными угрозами¹³. Кроме того, в 2024 г. российское руководство заявило о намерении расширять совместные программы противодействия терроризму, включая координацию с международными организациями и развитие механизмов коллективной безопасности¹⁴.

Таким образом, терроризм в странах СНГ выступает не только как внутрирегиональная проблема, но и как составная часть более широкой архитектуры евразийской безопасности. Современные террористические угрозы имеют транснациональный характер и требуют комплексного подхода, основанного на сочетании национальных мер, международного сотрудничества и коллективных механизмов обеспечения безопасности.

Связь с атомной дипломатией. Связь данной темы с атомной дипломатией России на Ближнем Востоке можно раскрыть через категорию стратегической устойчивости. Реализация российских энергетических и атомных проектов за рубежом требует предсказуемой международной среды, а рост террористических угроз в сопредельных регионах повышает значение безопасности как внешнеполитического ресурса. Энергетическая дипломатия Российской Федерации занимает ключевое место в формировании ее внешнеполитической стратегии, особенно в отношении ведущих мировых игроков на энергорынке. Россия, являясь достаточно крупным экспортером и производителем энергетических ресурсов, а также обладая значительными запасами углеродов вовлечена в глобальные энергетические процессы и активно продвигает энергетическое сотрудничество со многими странами. В современной политической обстановке, когда динамика конкурентной борьбы за региональные энергетические рынки и мировой энергетический рынок довольно велика, Российской Федерации требуется поиск новых методов внешнеполитической деятельности, обеспечение многовариантности транспортных средств связей для транзита энергоресурсов и формирование устойчивых партнерств с производителями и потребителями. Согласно Энергетической стратегии Российской Федерации на период до 2035 г., основой экономики России, обеспечивающей значительную долю доходов бюджетной системы и валютных поступлений российского экспорта, является экспорт энергоносителей¹⁵. Исходя из этого, наиболее важной и первостепенной задачей

¹³ Концепция внешней политики Российской Федерации, утв. Президентом РФ В.В.Путиным 31 марта 2023 г. // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586>.

¹⁴ Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о дальнейшем углублении отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия в новую эпоху // Официальный сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/6132>.

¹⁵ Энергетическая стратегия Российской Федерации на период до 2035 г., утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 9 июня 2020 г. № 1523-р // Официальный сайт Правительства Российской Федерации. URL: <http://static.government.ru/media/files/w4sigFOiDjGVDYT4IgsApssm6mZRb7wx.pdf>.

для сохранения устойчивости энергетической дипломатии является создание устойчивых условий для развития данного процесса, способствующих укреплению национальной экономики и расширению геополитического влияния России.

Атомная дипломатия России на Ближнем Востоке предполагает долгосрочные политические, экономические и технологические обязательства, а значит, опирается на общую репутацию России как государства, способного обеспечивать стабильность и участвовать в урегулировании кризисов. В этом смысле борьба с терроризмом в СНГ имеет косвенное, но важное значение: она укрепляет позиции России в более широком пространстве международной безопасности и создает благоприятный фон для ее внешнеполитических инициатив. Таким образом, опыт России в обеспечении региональной безопасности и противодействии транснациональным угрозам способствует укреплению ее статуса надежного партнера при реализации долгосрочных атомно-энергетических проектов.

Терроризм как транснациональная угроза. В современных международных отношениях терроризм рассматривается как одна из наиболее опасных транснациональных угроз безопасности, способная оказывать дестабилизирующее воздействие одновременно на несколько государств и целые регионы. В отличие от традиционных форм политического насилия, современный международный терроризм характеризуется высокой степенью мобильности, сетевой организацией, использованием цифровых технологий и тесной связью с глобальными миграционными и финансовыми потоками. По мнению исследователей, транснациональный характер терроризма обусловлен процессами глобализации, развитием информационного общества и усилением межгосударственной взаимозависимости [15].

Для государств Содружества Независимых Государств данная проблема имеет особую актуальность, поскольку пространство СНГ исторически объединено тесными экономическими, политическими и миграционными связями. Наличие протяженных границ, активных миграционных процессов и единого информационного пространства создает условия, которые могут использоваться террористическими структурами для вербовки новых участников, финансирования экстремистской деятельности, перемещения боевиков и распространения радикальной идеологии¹⁶. Во многом террористические организации стремятся использовать социально-экономические противоречия и кризисные явления в отдельных государствах СНГ для расширения своего влияния.

Особенность терроризма на постсоветском пространстве заключается в том, что он редко существует исключительно в локальной форме. В большинстве случаев террористическая активность связана с влиянием внешних центров радикализации, прежде всего афганского и ближневосточного направлений. После вооруженных конфликтов на территории Сирии, Ирака и Афганистана значительная часть международных экстремистских структур стала ориентироваться на расширение деятельности в Центральной Азии и сопредельных регионах. В этой связи угроза

¹⁶ Договор о сотрудничестве государств-участников Содружества Независимых Государств в борьбе с терроризмом от 04 июня 1999 г. // docs.cntd.ru. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901824672>.

терроризма для стран СНГ приобретает не только внутренний, но и международный характер, затрагивая вопросы коллективной безопасности и межгосударственного сотрудничества.

В научной литературе подчеркивается, что современный терроризм тесно связан с иными транснациональными угрозами, включая незаконный оборот наркотиков, торговлю оружием, нелегальную миграцию и деятельность международной организованной преступности. Данные процессы формируют устойчивые каналы финансирования террористических структур и способствуют их адаптации к меняющимся политическим условиям. Как отмечает Б.Хоффман, современные террористические организации все чаще функционируют по модели децентрализованных сетей, что значительно осложняет их выявление и нейтрализацию [21].

В этих условиях противодействие терроризму в рамках СНГ требует не только реализации национальных мер безопасности, но и эффективной координации действий между государствами. Правовую основу такого взаимодействия составляет Договор о сотрудничестве государств-участников СНГ в борьбе с терроризмом от 4 июня 1999 г., предусматривающий совместное проведение антитеррористических мероприятий, обмен оперативной информацией и взаимодействие специальных служб¹⁷.

Таким образом, терроризм в пространстве СНГ следует рассматривать как составную часть глобальной системы транснациональных угроз. Его специфика заключается в сочетании внутренних факторов нестабильности и внешнего влияния международных радикальных структур. Это обуславливает необходимость комплексного подхода к обеспечению безопасности, основанного на сочетании национальных мер, международного сотрудничества и укрепления региональных механизмов коллективной безопасности.

Механизмы противодействия в СНГ. Особую роль в обеспечении безопасности на пространстве СНГ играет Российская Федерация, которая рассматривает стабильность Центральной Азии как один из важнейших элементов собственной национальной безопасности. Данная позиция закреплена в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации и Концепции внешней политики Российской Федерации, где среди приоритетов обозначены укрепление безопасности на постсоветском пространстве и развитие механизмов коллективного противодействия транснациональным угрозам¹⁸.

Существенное значение имеют многосторонние механизмы взаимодействия, позволяющие государствам региона реагировать на угрозы совместно. Примером такого сотрудничества являются ежегодные совместные антитеррористические учения государств СНГ и Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ). Так, в ходе учений «Рубеж»¹⁹ и «Нерушимое братство»²⁰ отрабатываются сценарии пресечения проникновения вооруженных групп через государственные границы,

ликвидации террористических ячеек и координации действий силовых структур различных государств. Другим примером выступает операция «Канал», регулярно проводимая государствами ОДКБ и направленная на перекрытие маршрутов наркотрафика из Афганистана, который рассматривается как один из основных источников финансирования международных террористических организаций²¹.

Практика показывает, что современные террористические структуры активно используют различия в национальных правовых режимах, сложность контроля приграничных территорий и возможности цифровых коммуникаций. Именно поэтому борьба с терроризмом сегодня выходит за рамки исключительно пограничной безопасности и становится важным элементом политики региональной устойчивости. В частности, после обострения ситуации в Афганистане в 2021–2024 гг. государства Центральной Азии усилили координацию с Россией по вопросам мониторинга приграничной обстановки, обмена разведывательной информацией и противодействия распространению экстремистской идеологии.

Связь между обеспечением безопасности на пространстве СНГ и внешнеполитической деятельностью России прослеживается также в сфере международного энергетического сотрудничества, включая реализацию крупных проектов атомной дипломатии на Ближнем Востоке. Российская государственная корпорация «Росатом» участвует в строительстве и эксплуатации стратегически значимых объектов атомной энергетики, среди которых атомная электростанция «Эль-Дабаа» в Египте, атомная электростанция «Аккую» в Турции и проекты сотрудничества с Ираном по развитию АЭС «Бушер»²².

Реализация подобных проектов требует долгосрочной политической стабильности, устойчивых международных коммуникаций и высокого уровня доверия к России как к стратегическому партнеру. В этой связи эффективность российской политики по противодействию транснациональным угрозам, включая терроризм, способствует укреплению ее международного авторитета и повышению предсказуемости внешнеполитического курса. Например, обеспечение стабильности на южных рубежах СНГ позволяет России концентрировать ресурсы на реализации масштабных экономических и инфраструктурных инициатив за пределами постсоветского пространства, включая проекты в сфере мирного атома на Ближнем Востоке.

Таким образом, терроризм в СНГ представляет собой многомерную угрозу, затрагивающую не только вопросы внутренней безопасности государств региона, но и более широкие внешнеполитические и экономические интересы России. Наиболее остро данная проблема проявляется в Центральной Азии, прежде всего в Таджикистане, где афганский фактор способствует усилению рисков радикализации, трансграничной преступности и проникновения террористических сетей. В этих условиях развитие механизмов коллективного противодействия терроризму становится важнейшим условием обеспечения региональной стабильности и успешной реализации долгосрочных международных проектов Российской Федерации.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (в ред. от 2020 г.). URL: <http://www.constitution.ru>.

¹⁹ Рубеж // ОДКБ. URL: <https://www.odkb-csto.org/training/rubezh/>.

²⁰ Нерушимое братство-2020 // Официальный сайт Организации Договора о коллективной безопасности. URL: https://www.odkb-csto.org/training/indestructible_brotherhood/.

²¹ Антитеррористические мероприятия в рамках ОДКБ // Официальный сайт Организации Договора о коллективной безопасности (архивная версия). URL: <http://www.odkb.gov.ru/e/azkk.htm>.

²² Строящиеся АЭС за рубежом // Росатом. URL: <https://rosatom.ru/production/design/stroyashchiesya-aes-za-rubezhom/>.

Проведенный анализ показал, что терроризм в странах СНГ представляет собой сложную транснациональную угрозу, оказывающую влияние не только на внутреннюю безопасность отдельных государств, но и на общую устойчивость евразийского пространства. Особое значение в этом контексте имеет Центральная Азия, где афганский фактор продолжает создавать риски распространения радикальной идеологии, трансграничной преступности, незаконного оборота оружия и деятельности международных террористических организаций. В связи с этим обеспечение безопасности в регионе остается одним из важнейших направлений сотрудничества государств СНГ, ОДКБ и ШОС.

В ходе исследования было установлено, что борьба с терроризмом в странах СНГ имеет значение не только для поддержания региональной стабильности, но и для реализации более широких внешнеполитических интересов Российской Федерации. Безопасность на постсоветском пространстве является важным условием сохранения стратегической устойчивости России и позволяет государству эффективно осуществлять долгосрочные международные проекты в сфере экономики, энергетики и высоких технологий.

Особое значение данный фактор приобретает в контексте атомной дипломатии России на Ближнем Востоке. Современные проекты Госкорпорации «Росатом», включая строительство АЭС «Аккую» в Турции, АЭС «Эль-Дабаа» в Египте и развитие сотрудничества с Ираном в рамках проекта АЭС «Бушер», рассчитаны на десятилетия и требуют значительных финансовых вложений, технологического сопровождения и устойчивых межгосударственных отношений. Реализация таких проектов невозможна без высокого уровня международной безопасности, политической предсказуемости и доверия к России как к стратегическому партнеру.

В этом контексте противодействие терроризму следует рассматривать не только как задачу обеспечения национальной безопасности, но и как один из факторов успешного продвижения внешнеполитических инициатив России. Эффективное участие Российской Федерации в обеспечении стабильности на пространстве СНГ способствует укреплению ее международного авторитета, повышает уровень доверия со стороны зарубежных партнеров и формирует благоприятные условия для реализации масштабных энергетических проектов за пределами постсоветского пространства.

Таким образом, связь между проблематикой терроризма в СНГ и атомной дипломатией России носит стратегический характер. Обеспечение безопасности в Центральной Азии и на пространстве СНГ в целом создает необходимые предпосылки для укрепления российских позиций на Ближнем Востоке, расширения международного энергетического сотрудничества и реализации долгосрочных проектов в атомной сфере. Следовательно, региональная безопасность выступает не только самостоятельным направлением государственной политики, но и важным ресурсом внешнеполитического влияния России, обеспечивающим эффективность ее атомной дипломатии в современных международных условиях. Следовательно, исследование терроризма на пространстве СНГ позволяет рассматривать региональную безопасность не только как самостоятельный объект анализа, но и как один из факторов, определяющих эффективность реализации российской атомной

дипломатии на Ближнем Востоке в условиях трансформации современной системы международных отношений.

Библиография

1. Аскеров М.-А.И., Исаев Л.М., Коротаев А.В. Афганский кризис и угроза исламистского экстремизма в Таджикистане // Азия и Африка сегодня. 2022. № 12. С. 16–22.
2. Грачев С.И. Терроризм и контртерроризм в условиях глобализма: монография. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И.Лобачевского, 2007. 354 с.
3. Каримова М.И., Хеззекова К.Т., Рахимов К.Х. Сотрудничество Российской Федерации и Республики Таджикистан по противодействию терроризму в рамках ОДКБ (1991–2024 гг.) // Постсоветские исследования. 2025. Т. 8. С. 137–150.
4. Курылев К.П. Ключевые интересы России – цели и задачи в Центральной Азии // Постсоветские исследования. 2026. № 1. С. 9–25.
5. Курылев К.П., Баранник М.А., Станис Д.В. ШОС как несущий элемент конструкции Большой Евразии // Постсоветские исследования. 2020. № 8. С. 627–632.
6. Малышева Д.Б. Безопасное развитие Центральной Азии и афганский фактор // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2013. № 2. С. 105–125.
7. Миргород Д.А., Парубочая Е.Ф. Атомная энергетика как инструмент внешней политики России на Ближнем Востоке // Вестник ВолГУ. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2023. Т. 28, № 2. С. 214–225.
8. Нессар М.О. Афганский фактор в политике стран Центральной Азии. Трансформация восприятия // Observer: журнал теории и политики. 2025. № 4. С. 40–56. https://doi.org/10.48137/2074-2975_2025_4_40/.
9. Первушин В.В. Влияние ситуации в Афганистане на обстановку в центральноазиатских республиках СНГ в контексте продолжающейся радикализации населения приграничных с ним районов // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. 2024. № 4. С. 63–68.
10. Рахимов, К.Х. Международное сотрудничество государств-членов ШОС в области обеспечения региональной безопасности: монография. М.: Русайнс, 2025. 443 с.
11. Рахимов К.Х., Пономарева, А.С., Фофанова, Д. И. Деятельность ОДКБ и СНГ в борьбе с наркотрафиком и организованной преступностью в Центральной Азии // Проблемы постсоветского пространства. 2025. Т. 12. С. 297–313.
12. Рахимов К.Х., Нгуен Ч. З. ОДКБ как пояс безопасности Центральной Азии в условиях новых вызовов и угроз // Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Серия общественных наук. 2025. № 2. С. 178–186.
13. Рахимов К.Х. Региональная система безопасности: на примере взаимодействия СНГ, ОДКБ и ШОС // Центральная Азия и Афганистан: вызовы безопасности и контуры сотрудничества: монография. М., 2025. С. 146–156.
14. Рахимов К.Х. Россия и страны СНГ: основные вехи интеграции, проблемы и перспективы развития // Центральная Азия как формирующаяся подсистема международных отношений: монография. М., 2024. С. 113–122.
15. Розанов А.С. Международный терроризм как глобальная проблема современности // Век глобализации. 2012. № 2. С. 115–118.
16. Улфатшоева М.Ф., Улфатшоева М.Ф. Международный терроризм и его влияние на безопасность Таджикистана в рамках постсоветского пространства // Мировая политика. 2025. № 4. С. 124–132. <https://doi.org/10.25136/2409-8671.2025.4.75496>.
17. Чикризова О.С., Шумакова А.А. Проблема терроризма на постсоветском пространстве // Постсоветские исследования. 2020. Т. 3, № 4. С. 290–296.
18. Якубов И.Х., Нуриддинов У.К. Афганский фактор в Центральной Азии: текущие тенденции и перспективы развития // Постсоветские исследования. 2021. Т. 4, № 4(6). С. 470–478.
19. Яшлавский А.Э. «Афганский филиал» ИГИЛ*²³ как угроза Центральной Азии // Россия и новые государства Евразии. 2023. № III(LX). С. 105–119.
20. Castells M. The Power of Identity: The Information Age, Economy, Society and Culture, Volume II. 2nd ed. Malden, MA; Oxford, UK: Blackwell, 1997. URL: [https://cdn.oujdalibrary.com/books/1001/1001-the-power-of-identity-the-information-age-economy-society-and-culture-volume-ii-second-edition-information-age-series-\(www.tawcer.com\).pdf](https://cdn.oujdalibrary.com/books/1001/1001-the-power-of-identity-the-information-age-economy-society-and-culture-volume-ii-second-edition-information-age-series-(www.tawcer.com).pdf).
21. Hoffman B. Inside Terrorism. New York: Columbia University Press, 1998. URL: <https://archive.nytimes.com/www.nytimes.com/books/first/h/hoffman-terrorism.html>.

Рязанцев Роман Сергеевич,
 слушатель Дипломатической академии
 Московского государственного института
 международных отношений (МГИМО) МИД
 России, председатель ОО «Русская община
 Абхазии»

От сетевой дипломатии к «российской диаспоре в мире»: проектная трансформация государственного управления в условиях глобальной турбулентности

АННОТАЦИЯ

В рамках данного исследования был проведен комплексный анализ эволюции дипломатических моделей государственного управления в период с 1648 г. по начало 2026 г. Автор исследовал переход от классических иерархических структур к сетевым и проектным форматам взаимодействия, уделив особое внимание роли соотечественников за рубежом. Проведен сравнительный анализ стратегий работы с диаспорой в Китае, Турции и Израиле, а также изучен практический кейс Русской общины Абхазии в период кризисов (пандемия и гуманитарные миссии). Доказано, что традиционный отраслевой подход к международной деятельности исчерпал себя. Установлено, что наиболее эффективной формой управления является интегральная проектная модель, объединяющая политический, экономический и гуманитарный контуры влияния. Ключевым элементом структуры признан централизованный Проектный офис, способный координировать горизонтальные связи диаспоры с государственными институтами (МИД, Минэкономразвития, Минпромторг, Россотрудничество и др. ведомствами).

Результаты исследования имеют практическое значение для реализации Указа Президента РФ о проведении в 2026 г. Года единства народов России. Предложенные механизмы «Деловых послов РДМ» и единой цифровой платформы позволяют трансформировать диаспору из пассивного объекта социальной поддержки в активный субъект продвижения российского экспорта, трансфера технологий и защиты цивилизационных ценностей. Это создает устойчивый «внутренне-внешний контур» управления, независимый от политической конъюнктуры недружественных стран.

Благодарности: автор выражает признательность научному руководителю Н.А.Ершовой за рекомендации по внедрению проектного управления в интегральные модели дипломатии.

Ключевые слова: глобальная турбулентность, российская диаспора в мире, сетевая дипломатия, проектное управление, дипломатия единства, государственное управление, соотечественники, «мягкая сила»

Современный этап развития системы международных отношений характеризуется переходом в состояние перманентной турбулентности. Как отмечают ведущие аналитики, переломным моментом стал март 2025 г., когда скорость геополитических изменений окончательно превысила возможности классического

стратегического прогнозирования. Традиционные механизмы межгосударственного взаимодействия, сложившиеся в рамках Вестфальской системы и закреплённые после 1945 г., обнаруживают глубокую институциональную дисфункцию. Кризис легитимности и эффективности ООН, ВТО и ОБСЕ свидетельствует о необходимости поиска новых инструментов государственного управления внешней деятельностью [7].

Исследовательский вопрос заключается в следующем: каким образом трансформация дипломатии от классических моделей к сетевым и проектным форматам может обеспечить национальное единство и устойчивость государственного управления в условиях гибридных угроз? Автор выдвигает гипотезу, что формирование интегральной модели «Российская диаспора в мире» (РДМ), основанной на принципах проектного управления, позволит преодолеть ведомственную фрагментацию и создать эффективный контур влияния, объединяющий интересы государства и тридцатимиллионной диаспоры.

Целью работы является обоснование авторской концепции «дипломатии единства» и создание модели глобальной сети «Российская диаспора в мире» (РДМ) для преодоления институциональной фрагментации и повышения эффективности защиты национальных интересов в условиях «глобальной турбулентности».

Критический обзор литературы показывает, что если классические модели дипломатии глубоко изучены [2; 8], то феномен сетевой дипломатии будущего в условиях турбулентности остается малоисследованным. Вопросы «мягкой силы» и публичной дипломатии рассматривались в работах Дж.Най [9], М.М.Лебедевой [3] и А.В.Долинского [1], однако связь внешней деятельности с задачами внутренней национальной консолидации (в контексте объявленного в России 2026 г. – Годом единства народов) требует концептуального дополнения.

Методологическую основу работы составил системный подход и метод сравнительного институционального анализа. Исследование проводилось в три этапа. На первом этапе анализировалась трансформация госструктур РФ в 2025 г.¹ На втором этапе был применен метод сравнительных кейсов (benchmarking) для изучения опыта Китая (хуацяо), Турции (агентство ТИКА) и Израиля (программы «Таглит» и «Маса»). На третьем этапе, с использованием метода кейс-стади, анализировалась деятельность Русской общины Абхазии как прототипа будущей сетевой структуры РДМ. В качестве первичных источников использованы должностные регламенты торгпредств, статистические данные программ переселения и материалы практической деятельности автора.

В ходе исследования были обнаружены следующие закономерности.

Во-первых, выявлен «эффект фрагментации»: функции по работе с диаспорой распределены между пятью ведомствами, что снижает KPI проектов на 40% из-за дублирования.

Во-вторых, анализ зарубежного опыта показал, что ни одна страна не обладает единой цифровой платформой, интегрирующей госуслуги и экономическое партнерство диаспоры в режиме «одного окна».

¹ Указ Президента РФ от 29.08.2025 № 607 «О совершенствовании структуры Администрации Президента Российской Федерации». Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>.

В-третьих, опыт Русской общины Абхазии в период пандемии COVID-19 и гуманитарных миссий 2018–2025 гг. продемонстрировал, что сетевые структуры способны мобилизовать ресурсы в 3 раза быстрее официальных консульских служб за счет горизонтальных связей.

В-четвертых, подтверждена невовлеченность экономического блока: потенциал 3000+ крупных предпринимателей-соотечественников практически не используется в работе Торговых представительств РФ.

Полученные результаты означают, что Россия стоит перед необходимостью перехода к интегральной модели дипломатии. В отличие от выводов А.В.Долинского [1], который делал акцент на имиджевой составляющей, автор доказывает, что дипломатия будущего – это прежде всего проектное управление ресурсами.

Сравнение с результатами М.М.Лебедевой [4] показывает, что «сетевой суверенитет» сегодня невозможен без создания централизованного Проектного офиса в структуре Управления Президента по стратегическому партнерству. Это ключевое отличие от классической модели МИД. Проектный офис должен стать «технологическим ядром», обеспечивающим связь между политической волей и экономическим интересом диаспоры.

Работа опирается на данные начала 2026 г. Влияние санкционного давления недружественных стран может корректировать логику сетевых связей, что требует дополнительного изучения кибербезопасности цифровой платформы «Диаспора.РФ».

Модель «Деловых посланцев РДМ» предлагается внедрению в Минэкономразвития и Минпромторге. Создание сети гимназий имени М.В.Ломоносова (на примере пилота в Абхазии) позволит России создать долгосрочную систему образовательной франшизы, превосходящую «Институты Конфуция» за счет более глубокой интеграции соотечественников.

Эволюция дипломатии в условиях мировой турбулентности привела к возникновению концепции «дипломатии единства». Основным выводом исследования является необходимость трансформации разрозненных институтов в глобальную проектную сеть «Российская диаспора в мире». Реализация этой модели, подкрепленная созданием Проектного офиса и цифровой интеграцией, позволит превратить соотечественников в фундаментальную опору национального суверенитета и экономического развития Российской Федерации в XXI в.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Долинский А.В. Эволюция публичной дипломатии России: от «мягкой силы» к «умной силе» // Международные процессы. 2020. № 18(4). С. 87–102. <https://www.doi.org/10.17994/IT.2020.18.4.63.5>.
2. Зонова Т.В. Дипломатия: модели, формы, методы. М.: Аспект Пресс, 2018.
3. Лебедева М.М. Публичная дипломатия: теория и практика. М.: Аспект Пресс, 2017.
4. Лебедева М.М. Мировая политика. М.: КНОРУС, 2023.
5. Мухаметов Р.С. Институционализация публичной дипломатии в современной России // Дискурс-Пи. 2020. № 17(2). С. 118–131.
6. Парфенов Р.В. Проектный подход в современной дипломатии: возможности и ограничения // Полис. Политические исследования. 2023. № 5. С. 120–134.
7. Торкунов А.В. Современные международные отношения. М.: Аспект Пресс, 2020.
8. Цыганков П.А. Теория международных отношений. М.: Юрайт, 2024.
9. Nye J.S. Soft Power: The Means to Success in World Politics. New York: PublicAffairs, 2004.

Саркисян Павел Игоревич,
консультант Отдела информации и связей с
общественностью Секретариата ОДКБ

Организация Договора о коллективной безопасности как фактор интеграционных процессов в Евразии

АННОТАЦИЯ

В докладе анализируется роль Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) как ключевого фактора интеграционных процессов на евразийском пространстве в условиях кризиса глобальной системы международных отношений. Автор рассматривает ОДКБ в качестве действенного механизма обеспечения коллективной и национальной безопасности государств-членов, выделяя четыре основных направления взаимодействия: координацию внешнеполитической деятельности (включая совместную работу по актуальным международным проблемам и развитие трехстороннего формата ОДКБ–ШОС–СНГ), военное сотрудничество (функционирование Коллективных сил оперативного реагирования, миротворческих сил и региональных группировок войск), противодействие трансграничным вызовам и угрозам (терроризм, незаконный оборот наркотиков, нелегальная миграция, биологические угрозы, деструктивная деятельность в информационном пространстве) и совершенствование системы коллективного реагирования на кризисные ситуации. Особое внимание уделяется афганскому фактору как основному источнику трансграничных вызовов для Центральной Азии, а также Целевой межгосударственной программе по укреплению таджикско-афганской границы. В докладе подчеркивается, что географическая и ментальная близость евразийских народов, культурная общность, наработанные экономические связи и взаимное доверие являются неоспоримыми преимуществами для дальнейшего сближения. Автор отмечает конкурентный характер Центральной Евразии (интерес Китая, Турции, ЕС, США) и особые преимущества России как крупной евразийской державы – «ядерный зонтик», общий рынок, безвизовое пространство и влияние диаспор. Выступление адресовано специалистам в области международной безопасности, евразийской интеграции, военно-политического анализа и региональных исследований.

Ключевые слова: ОДКБ, Евразия, интеграция, военное сотрудничество, координация внешней политики, трансграничные угрозы, Коллективные силы оперативного реагирования (КСОР), стратегическая стабильность

Уважаемые коллеги,

Благодарю за возможность принять участие в конференции и рассказать о направлениях сотрудничества государств – членов ОДКБ, нацеленных на обеспечение безопасности в зоне ответственности. Учитывая временной лимит, постараюсь быть кратким.

Прежде всего, говоря о коллективной безопасности, нельзя не отметить, что на наших глазах происходит крушение международных договоренностей, на которых в течение десятилетий была основана система глобальной политики, безопасности и экономики. Мы наблюдаем кризис ключевых международных институтов, призванных обеспечивать мир и стабильное развитие, попытки ряда стран и блоков навязать свое видение мироустройства. Внешние обстоятельства накладываются

на вызовы и угрозы, сохраняющиеся внутри наших государств, ставя перед ОДКБ задачу нахождения оптимальных решений в сфере обеспечения коллективной безопасности.

Взаимодействие государств-членов ОДКБ происходит по нескольким основным трекам, первый из которых – координация внешнеполитической деятельности государств-членов.

В фокусе внимания ОДКБ – состояние глобальной стабильности, евразийская безопасность, контроль над вооружениями и меры доверия, региональные конфликты. Обстоятельное обсуждение этих тем в формате наших государств позволяет выступать с идентичных или близких позиций по широкому кругу актуальных международных проблем и проводить более согласованную линию на международной арене. Обмен мнениями на высшем и министерском уровнях дополняется экспертными консультациями по линии министерств иностранных дел государств-членов ОДКБ.

Также исходим из того, что укрепление безопасности и стабильности в Евразии неразрывно связано с дальнейшим развитием трехстороннего формата взаимодействия ОДКБ с ШОС и СНГ, призванного совместно формировать новую общеконтинентальную архитектуру взаимодействия в области безопасности, экономики и в гуманитарной сфере, служить сопряжению интеграционных проектов и гармонизации отношений центров развития в Евразии.

Отношения между тремя структурами последовательно расширяются как на уровне руководства, так и экспертов. В частности, 3 сентября в Пекине прошла тринадцатая встреча генеральных секретарей ОДКБ, ШОС и СНГ. Состоялась церемония подписания Дорожной карты по развитию трехстороннего сотрудничества, а также Совместного заявления Генеральных секретарей в связи с 80-летием окончания Второй мировой войны и 80-летия образования Организации Объединенных Наций.

Военное сотрудничество остается другим важным направлением взаимодействия государств-членов ОДКБ. Его цель – обеспечение коллективной и национальной безопасности государств-членов Организации путем поддержания в рамках необходимой достаточности и готовности оборонного потенциала каждого государства-члена, сил и средств системы коллективной безопасности ОДКБ к выполнению задач по предназначению.

Основу военного потенциала ОДКБ составляют Коллективные силы оперативного реагирования, региональные группировки войск, Коллективные авиационные и Миротворческие силы, объединенные военные системы и объекты военной инфраструктуры.

На плановой основе проводятся совместные мероприятия, направленные на повышение оперативности реагирования на кризисные ситуации, дальнейшее развитие сил и средств системы коллективной безопасности.

Еще одно принципиально важное направление совместной работы в формате ОДКБ – противодействие вызовам и угрозам безопасности государств-членов. В этой сфере приоритетное значение имеют борьба с международным терроризмом и экстремизмом, незаконным оборотом наркотиков, нелегальной

миграцией и торговлей людьми, криминальной и деструктивной деятельностью в информационном пространстве, противодействие биологическим угрозам.

Нами накоплен значительный практический опыт тесного взаимодействия в вопросах противодействия перечисленным вызовам и угрозам. Этот опыт используется в ходе проводимых компетентными органами государств-членов ОДКБ совместных операций постоянного действия «Наемник», «Канал», «Нелегал», «ПРОКСИ».

Их цель – противодействие терроризму, экстремизму, незаконному обороту наркотиков, пресечение незаконной миграции и недопущение использования информационно-коммуникационных технологий в преступных целях.

С учетом того, что Афганистан по-прежнему остается основным источником трансграничных вызовов и угроз в Центральной Азии, в ОДКБ внимательно отслеживаются связанные с «афганским узлом» вызовы и угрозы, координируются усилия по противодействию им с использованием возможностей Рабочей группы по Афганистану при Совете министров иностранных дел ОДКБ. В целях противодействия всему комплексу вызовов и угроз, исходящих с территории этой страны, Совет коллективной безопасности ОДКБ в ноябре 2024 г. утвердил Целевую межгосударственную программу по укреплению таджикско-афганской границы.

Ведется активная работа по совершенствованию системы коллективного реагирования на вызовы и угрозы. С учетом опыта проведения коллективной миротворческой операции ОДКБ в Республике Казахстан в январе 2022 г., которая стала убедительной демонстрацией взаимной поддержки и доверия, были внесены изменения в документы, определяющие порядок реагирования ОДКБ на кризисные ситуации. Они позволили максимально сократить сроки согласования, принятия и выполнения соответствующих решений.

В целом считал бы важным отметить, что вопросы политики и безопасности становятся все более многофакторными, т.е. зависят от все большего количества обстоятельств, становятся частью все более сложных причинно-следственных связей. В силу этого в ОДКБ особое значение придается укреплению информационного и аналитического направления совместной деятельности.

За прошедший период в этой сфере выполнен весьма серьезный объем работы. Мы активизируем потенциал Секретариата ОДКБ, налаживаем партнерские отношения с ведущими научно-исследовательскими центрами государств-членов Организации, специализирующимися на вопросах безопасности. Проведены исследования по ряду важных вопросов, состоялось большое количество мероприятий аналитического характера с участием ведущих экспертов.

При этом развитие обстановки требует от нас расширения контактов в государствах-членах, нахождения новых заинтересованных, компетентных и креативных партнеров. Наш основной вывод по результатам проведенной работы заключается в том, что именно взаимное доверие, способность находить общие подходы, выступать солидарно и создавать эффективные механизмы взаимодействия приводит к наилучшим результатам, приносит наибольшую отдачу для всех. И это ровно то, что лежит в основе идеи интеграции. В силу этого убеждены в том, что

вопросы совершенствования регионального сотрудничества заслуживают самого серьезного дальнейшего изучения.

В качестве общей оценки хотелось бы отметить, что польза интеграции как таковой аксиоматична. Более того, в современном мире она рассматривается как одно из необходимых условий развития государств. При этом важнейший фактор формирования и функционирования интеграционных структур – географический (как правило, он означает более удобную логистику, общность традиций, возможность общаться на одном языке, наличие наработанных контактов между людьми). В этом смысле географическая и ментальная близость евразийских народов является неоспоримым аргументом в пользу дальнейшего сближения. И это не говоря о том, что в период общей нестабильности принадлежность к эффективной интеграционной системе в ряде случаев может быть вопросом не только развития и благополучия, но и физического выживания.

Безусловно, важно учитывать и то, что Центральная Евразия (имея в виду территорию государств, входящих в ОДКБ, СНГ, ЕАЭС) представляет собой весьма конкурентный регион, и интерес к нему проявляют практически все крупные мировые игроки – в первую очередь Китай, Турция, ЕС, США. Но у России как у огромной и влиятельной евразийской державы есть особые преимущества в плане продвижения интеграции с соседями. Имея общее население свыше 200 млн человек и совокупную территорию более 20 млн кв. км, России и ее союзникам проще продвигать как коллективные, так и собственные интересы на мировой арене. Участие в интеграционных проектах с присутствием России также означает для ее союзников нахождение под надежным «ядерным зонтиком», доступ к большому рынку рабочей силы, капиталов, товаров и возможность перемещаться, жить и работать на огромных территориях без оформления виз и таможенных процедур. При этом нахождение в союзе подразумевает взаимное влияние сторон, т.е. союзники России, используя ее возможности, также смогут более активно продвигать свою повестку на региональной и мировой арене. Нельзя сбрасывать со счетов такой фактор, как наличие в наших странах многочисленных и интегрированных диаспор, созданных выходцами из соседних государств. Они вносят значительный вклад в развитие стран, в которых проживают, и служат мостом, связывающим наши народы и государства.

Подводя итог сказанному, хотел бы отметить, что у народов Евразии есть все для построения мирного и благополучного будущего, устойчивого развития, укрепления дружбы и сотрудничества. Это и культурная близость, и наработанные веками экономические связи, и сходство подходов ко многим политическим вопросам. Надо лишь рационально распорядиться этими ценными преимуществами.

Успех в этой работе станет весомым вкладом в продвижение интеграционных процессов и принесет отдачу в виде укрепления мира и стабильности в наших странах, необходимых для построения нашими народами безопасного и благополучного будущего.

Благодарю за внимание.

Сащенко Наталья Петровна,
руководитель Центра исследования социально-политических процессов, ведущий научный сотрудник Института социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра (ИСПИ ФНИСЦ), кандидат политических наук

Ментальные ресурсы интеграционных процессов: проблема диагностики

АННОТАЦИЯ

Теоретически обоснован комплексный подход к исследованию ментальных ресурсов интеграционных процессов на постсоветском пространстве. Дается анализ подходов в рамках социологических, культурологических, психологических концепций. Раскрываются возможные направления теоретического поиска факторов латентного влияния ментальных ресурсов на процессы интеграции / дифференциации, социальных групп и общества в целом. На основе данных Института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН и в сравнении с результатами исследований ведущих аналитических центров страны дана характеристика психологического состояния российского общества, в частности, динамики социального настроения за последние три года сквозь призму эмоционально-рациональных показателей. Выявлена взаимообусловленность тональной и предметной социально-политической направленности социального настроения, его социально-психологического механизма адаптации к травмирующему периоду кризисных событий. На примере социологического и социально-психологического анализа разнонаправленных идентификационных процессов в массовом сознании российского общества представлены результаты исследования социальных представлений молодых пользователей социальных сетей с разными идеологическими предпочтениями, социально-политическими настроениями. Аккумуляция в социальной памяти результата рефлексивной ориентации на социальные изменения оставляет в массовом сознании травмирующий семантический след, поддающийся диагностике и выявлению новых ориентиров-идентификаторов как потенциальных долгосрочных системных рисков в конкретной стране. В то же время анализ ментальных ресурсов общества и учет динамического характера этих ресурсов позволяет глубже понять специфику социального мышления больших социальных групп, критерии когнитивной оценки ситуаций, причины эмоционального фона восприятия социально-политических процессов и открывает горизонт будущих исследований ментальных ресурсов позитивных интеграционных процессов в странах СНГ.

Ключевые слова: диагностика, ментальные ресурсы, коллективная травма, семантическое

Спустя 35 лет после создания СНГ интеграционные процессы на постсоветском пространстве продолжают трансформироваться. Современная евразийская интеграция все в большей степени строится не только вокруг экономики и безопасности, но и вокруг гуманитарных связей, образовательного сотрудничества, совместной информационной политики и доверия между обществами.

Идея объединения стран, ранее входивших в состав Советского Союза, вновь обрела актуальность и стала значимым фактором в формировании внешнеполитических стратегий постсоветских государств. Эти страны видели в интеграционном сотрудничестве залог собственного прогресса. Тем не менее потенциал для развития различных форм объединения, будь то восточнославянская,

евразийская, азиатско-тюркская или другие, в политической, экономической, социальной, культурной и духовной сферах далеко не исчерпан. Все эти направления взаимосвязаны и переплетаются в процессе интеграции, приобретая все более комплексный и многогранный характер. К примеру, особый проект, Евразийский экономический союз (ЕАЭС), обладает значительным потенциалом благодаря своим богатым ресурсам, уникальному транзитному положению и выгодному сочетанию природно-географических, демографических и социально-экономических факторов, способствуя формированию особых духовно-нравственных ценностей.

Уходящая в историю национально-государственная идентификация советских людей, выраженная метафорой «советский народ» дает шанс реализоваться одной из компонент ценностных оснований интеграции на постсоветском пространстве, – социокультурной идентификации. Для граждан огромной державы, исторически пребывавших в условиях тесного сосуществования различных этносов и наций без четкого разделения, актуальной задачей становится сохранение и накопление наследия совместной жизни и деятельности предков. От них требуется предпринять решительные действия для более глубокой интеграции, стремясь к развитию и упрочнению вечных идеалов. Это включает в себя как экономический прогресс, так и нравственное совершенствование общества. Необходимо бережно отнестись к накопленному опыту, используя его как фундамент для дальнейшего плодотворного сотрудничества и сближения. Следует направить усилия на построение будущего, основанного на взаимопонимании, уважении и общих ценностях, что послужит залогом процветания и устойчивого развития всех народов, населяющих страну. Этот путь предполагает активное взаимодействие, обмен достижениями и совместное преодоление трудностей, опираясь на мудрость минувших поколений.

Одной из самых динамичных и перспективных форм сотрудничества в СНГ является сотрудничество в гуманитарной сфере. Базовой основой такой интеграции служат ментальные ресурсы государств, понимаемые как психические и когнитивные возможности, которые влияют на эффективность взаимодействия, формирование стратегий взаимодействия и достижение целей интеграции.

Ментальные ресурсы в интеграционных процессах включают как индивидуальные когнитивные и личностные, так и социокультурные характеристики, которые определяют эффективность взаимодействия стран или групп в рамках интеграционных объединений. На уровне общества ментальные ресурсы, являясь совокупностью психологических, когнитивных и интеллектуальных характеристик, представляют собой коллективные, социально обусловленные потенциалы, которые определяют динамику социального развития, инновационность и устойчивость общества.

Ведущие академические институты и группы ученых наших стран исследуют эти потенциалы: как индивидуальные, так и коллективные, социально обусловленные. В психологических исследованиях ментальных ресурсов индивидуальности ведется не только разработка и психометрическая проверка методик диагностики понятийных (категориальных и концептуальных) способностей как индикаторов сформированности индивидуального интеллектуального ресурса [20]; психофизиологических предпосылок активизации интеллектуальных и личностных ресурсов, включая показатели мозговой активности [5; 19]; когнитивно-стилевых

комплексов как результата избирательной интеграции свойств темперамента и характера [20], но и применяется диагностический комплекс экспресс-оценки ментальных ресурсов индивидуальности, который ориентирован на развивающую парадигму, где диагностика служит средством не постановки психологического диагноза, а формирования индивидуальных ментальных ресурсов [3].

На уровне общества ментальные ресурсы рассматриваются в социологии и социальной психологии. Компоненты структуры, к примеру, интеллектуальных (в том числе ментальных) ресурсов общества представляют собой совокупность характеристик общественного организма. Эти компоненты включают в себя как интеллект отдельных граждан, так и интеллектуальные ресурсы хозяйствующих субъектов (организаций), интеллектуальные ресурсы отдельных ведомств и институтов национальной экономики, интеллектуальный ресурс регионов, интеллектуальный ресурс государства. К примеру, через отношение граждан к интеграционным инициативам социологи могут определить преимущества и проблемы интеграции постсоветских государств. Так, в 2015 г. почти половина опрошенных жителей Беларуси убеждены, что «данное интеграционное межгосударственное объединение (ЕАЭС) приведет к расширению рынков сбыта для услуг и относительно конкурентоспособных белорусских товаров с высокой добавленной стоимостью – машин, оборудования и транспортных средств, созданию более благоприятных экономических условий» [5, с. 189]. Существовали также опасения по поводу возможного исхода наиболее компетентных кадров в государства ЕАЭС. В общей сложности 41,8% опрошенных выразили беспокойство относительно такого сценария. Менее чем треть населения страны выражает озабоченность по поводу потенциального ухудшения конкурентоспособности продукции белорусского производства. [5, с. 190].

За последние 5–6 лет в странах СНГ и в России, в том числе, происходили различные экономические кризисы, эпидемии, военные конфликты. Подобные события подрывают нормальный ход общественной жизни, вызывают у членов общества стресс и порождают состояние своеобразной «травмы» (Тощенко [17; 18], Штомпка [21]). Жители наших государств пережили глубокие нравственные, телесные и экзистенциальные потрясения. В сообществах, где социальные сдвиги воспринимаются как перманентное, неустраимое состояние «хронического» кризиса, накапливается семантическая память о травматических событиях. Этот опыт отражается не только на уровне отдельных личностей, но и в масштабах всего коллектива. В глубинах коллективного бессознательного сохраняется определенный семантический след, который деформирует привычное мировосприятие. В наиболее острых ситуациях, к примеру, во время вооруженных столкновений, когда духовные и культурные устои общества, а также его традиции и обычаи подвергаются натиску инородной цивилизации, эти травмы могут усугубляться, «люди теряют смысл жизни, их социальная организация распадается...» [22, с. 283].

Несмотря на наблюдаемую учеными Института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН положительную динамику за период 2022–2023 гг. и значительное снижение рисков для социально-политической устойчивости российского общества и государства, по-прежнему «сохраняются риски дистанцирования российского государства и граждан, отчуждения граждан от власти, ... недостаточный, по самооценкам, уровень вовлеченности граждан в политическую

жизнь страны» [9]. Возросшую роль социальных противоречий в массовом сознании россиян, и в частности, их значимой разновидности – идеологических противоречий, – отмечают социологи и политологи из академических институтов РАН [6; 8; 10; 13; 15]. При наличии у основной массы населения современной России последовательных и внутренне непротиворечивых идеологических воззрений, вместе с тем в 2024 г. отмечалось усиление процессов кристаллизации и поляризации идеологических воззрений, вплоть до прослеживания идеологической сегментации массовых слоев [16]. При этом роль различных компонентов идеологических воззрений изменяется во времени под влиянием внешних событий [14, с. 84].

Коллективная травма «задает уровень индивидуальной, служит эмоциональным фоном» [12, с. 39] для субъекта, а, следовательно, и распространению социального настроения в социально-психологическом пространстве. Как заметил Ж.Т.Тощенко, социальное настроение, будучи зависимым от психофизиологических элементов (состояния здоровья), складывается из непосредственного восприятия мира (чувств, эмоций), мировоззренческих компонентов (умонастроения, убеждений), личностных оценок социального опыта, социальных целей и интересов, а также духовных запросов и устремлений, что проявляется в социальных ожиданиях и социальной позиции его субъектов [18].

Как измерить кумулятивную травму, которая формируется социальными кризисами разной природы? В психологии существует в какой-то мере дефицит методик для измерения коллективной травмы. Для измерения травм, полученных в результате геноцида и межэтнических конфликтов, колониальных и гражданских войн, землетрясений социальными и политическими психологами используются разные зарубежные методики: Шкала мультимодальной экзистенциальной угрозы (MET) [24]; Опросник исторической межпоколенческой травмы (НПТТ-Q) [23]; Международный опросник травмы (ITQ) [25] и другие. Российские ученые из Института психологии РАН успешно ведут разработки диагностических методик [7], выявляя эмоциональную значимость трагических событий, определяя интенсивность переживаний, связанных с историческими событиями, измеряя тревоги по поводу будущего, коллективные чувства, отношение к социальным изменениям в стране, отношение к морально спорным социальным явлениям, выраженность коллективной травмы и др.

Обращение к семантическому полю сознания позволило социальным психологам МГУ, применяя качественные методы диагностики ментальных ресурсов [2], выявлять как репрезентирована травма в групповом сознании и процессах постпамяти. Применяя тематический анализ нарративных интервью представителей разных поколений, ученые через субъективные повествования выявили аспекты травматизации, представленные в коллективном опыте проживания определенного события. Внимание к биографическому методу, породившему «культурологическо-травматический дискурс ... в ходе биографических обсуждений [1, с. 69], уделялось и в исторической психологии, и в культурологии на протяжении XX в.

Однако возникают вопросы, которые все еще остаются открытыми. Это вопросы о психологических характеристиках массового сознания, о механизме закрепления в памяти одних смыслов и отторжения других, о механизме внедрения мифологем в политическую культуру и о степени воздействия новых смыслов на политическое

поведение. Ответы на эти вопросы подводят к пониманию механизма социального мышления, ответственного за выбор, направленность идентификационных образов и предопределяющего степень политической устойчивости государства. Социальные представления, являясь неотъемлемой частью социального мышления, испытывают непосредственное влияние любых изменений глобального контекста, что проявляется в изменении их содержания. В Институте социально-политических исследований ФНИСЦ РАН [11] на базе теории социальных представлений С.Московичи [26] нами были определены у молодых пользователей социальных сетей смысловые рамки восприятия социальной реальности, формирующихся фреймов и нарративов коллективной памяти, элементов социального мышления в форме социальных представлений, задающих в конечном счете, направленность изменений социальных представлений о своей стране и влияющих на устойчивость процесса социальной и гражданской идентификации. Выявлены различия в социальных представлениях молодежи разных профессиональных и половозрастных категорий, а также обнаружены различия в значимости и валентности элементов зоны «ядра».

Диагностика ментальных ресурсов как в психологии, так и в социологии – сложная задача, которая связана с рядом методологических и методических проблем. К числу таких проблем диагностики мы относим: и дискуссионность вопроса о специфике ментальных ресурсов у разных этнических групп, в разные временные периоды; и разрозненность эмпирических данных в разных сферах и видах деятельности; и межпредметная ограниченность существующих методик. Существует недостаток систематизированных исследований, посвященных природе, механизмам формирования и проявлениям ментальных ресурсов у разных народов в разные исторические периоды. Необходимы методы, которые бы учитывали контекст и специфику реальных жизненных ситуаций.

Таким образом, диагностика ментальных ресурсов требует комплексного подхода, сочетающего теоретические разработки специализированного методического инструментария и учет динамического характера этих ресурсов. Успешное применение в диагностике ментальных ресурсов как количественных методов (тестирования, опросники, стандартизированные методики), так и качественных методов (клиническое интервью, нарративный метод, метод экспликации ментальной продукции, анализ образных и вербальных метафор) позволяет глубже понять субъективный опыт, критерии когнитивной оценки ситуаций, специфику социального мышления больших социальных групп и причины эмоционального фона восприятия социально-политических процессов.

Важен научный диалог между странами с целью обмена научно-практическим опытом и разработки валидных методов исследований ментальных ресурсов интеграционных процессов в странах СНГ.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Аарейлайд-Тарт А. Теория культурной травмы (опыт Эстонии) // Социологические исследования. 2004. № 1. С. 63–72.
2. Баранова В.А., Донцов А.И. Коллективные воспоминания и культурная травма разных поколенческих групп // Социальная психология и общество. 2019. Т. 10. № 2. С. 29–46.

3. Волкова Е.В. Технологии развития ментальных ресурсов. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015. 256 с.
4. Дружинина С.В. Ресурсная роль интеллекта и креативности в самореализации подростков старшего возраста // Акмеология. 2015. № 4. Т. 56. С. 66–71.
5. Котляров И.В. Интеграционные процессы в человеческом измерении: социологические тренды // Менталитет славян и интеграционные процессы: история, современность, перспективы: материалы IX Междунар. науч. конф., Гомель, 21–22 мая 2015 г. / М-во образования Респ. Беларусь [и др.] ; под общ. ред. В.В.Кириенко. Гомель: ГГТУ им. П.О.Сухого, 2015. 231 с.
6. Латов Ю.В. Институциональное доверие как социальный капитал в современной России (по результатам мониторинга) // Полис. Политические исследования. 2021. № 5. С. 161–175.
7. Методики диагностики и программы исследования в социальной, политической и экономической психологии. / Отв. ред. А.Е.Воробьева, Т.А.Нестик, Н.Н.Хашченко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2026. 1080 с.
8. Российское общество и вызовы времени. Книга седьмая / ФНИСЦ РАН, Институт социологии. Под ред. М.К.Горшкова и Н.Е.Тихоновой. М.: Издательство «Весь Мир», 2024. 352 с.
9. Российское общество и государство: основания устойчивости и тенденции изменений. Социальная и социально-политическая ситуация: монография / Н.В.Березина, Н.М.Великая, О.В.Гребняк [и др.]; отв. ред. В.К.Левашов; ФНИСЦ РАН. М.: ФНИСЦ РАН, 2024. 432 с.
10. Сащенко Н.П. Процессы интеграции/дифференциации в российском обществе: вопросы методологии // Наука. Культура. Общество. 2022. № 4. С. 22–35.
11. Сащенко Н.П. Структура социальных представлений молодежи о России: проблема идентичности // Наука. Культура. Общество. 2020. Т. 26. № 3. С. 8–18.
12. Семилет Н.В. Концепция трансгенерации коллективной травмы: способы исцеления // Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири, 2014. № 2. С. 37–50.
13. Соколов Б.О., Завадская М.А. Индивидуальный опыт первой волны пандемии COVID-19 и политическая поддержка в России (по материалам опроса “Ценности в кризисе”) // Полис. Политические исследования. 2023. № 4. С. 152–167.
14. Социально-политическая устойчивость современного российского общества и государства: монография / В.К.Левашов, Н.М.Великая, О.В.Гребняк [и др.]; под ред. В.К.Левашова ; ИСПИ ФНИСЦ РАН. М.: Издательство «Мир Науки», 2025. 348 с.
15. Сушко П.Е. Представления россиян о путях развития России: распространенность и специфика // Социологические исследования. 2022. № 11. С. 25–37.
16. Тихонова Н.Е. Идеологическая сегментация массовых слоев населения в условиях обострения конфронтации с Западом (опыт эмпирического анализа) // Полис. Политические исследования. 2024. № 5. С. 136–153. <https://doi.org/10.17976/jpps/2024.05.09>. EDN: ICDAIE.
17. Тощенко Ж.Т. Общество травмы: между эволюцией и революцией (опыт теоретического и эмпирического анализа). М.: Издательство «Весь Мир», 2020. 352 с.
18. Тощенко Ж.Т. Социальное настроение – феномен современной социологической теории и практики // Социологические исследования. 1998. № 1. С. 21–34.
19. Хазова С.А. Качественные методы в исследовании ментальных ресурсов субъекта // Сибирский педагогический журнал. 2015. № 5. С. 143–148.
20. Холодная М.Л., Трифонова Л.В., Волкова Н.Э., Сиповская Я.И. Методики диагностики понятийных способ-ностей // Экспериментальная психология. 2019. Т. 12. № 3. С. 105–118. <https://doi.org/10.17759/exppsy.2019120308>.
21. Штомпка П. Социальное изменение как травма // Социологические исследования. 2001. № 1. С. 6–16.
22. Юнг К. Символическая жизнь / Пер. с англ. М.: Когито–Центр, 2003. 326 с.
23. Békés V., Starrs C.J. Assessing transgenerational trauma transmission: development and psychometric properties of the Historical Intergenerational Trauma Transmission Questionnaire (HITT-Q) // European Journal of Psychotraumatology. 2024. № 15(1). P. 2329510.
24. Hirschberger G., Ein-Dor T., Leidner B., Saguy T. How Is Existential Threat Related to Intergroup Conflict? Introducing the Multidimensional Existential Threat (MET) Model // Front. Psychol. 2016. № 7. P. 1877. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2016.01877>.
25. Cloitre M., Hyland Ph., Prins A., Shevlin M. The international trauma questionnaire (ITQ) measures reliable and clinically significant treatment-related change in PTSD and complex PTSD // European Journal of Psychotraumatology. 2021. № 12(1). P. 1930961. <https://doi.org/10.1080/20008198.2021.1930961>.
26. Moscovici S. Etude de representation social de la psychanalyse. These pour le Doctorates Lettres. Paris: PUF, 1960.

Таалайбек кызы Жанара,
заведующая отделом кадровой работы
и документации Дипломатической академии
МИД Кыргызской Республики
имени К.Дикамбаева, PhD

Россия и Кыргызстан: инструменты образовательного сотрудничества в контексте евразийской интеграции

АННОТАЦИЯ

В докладе анализируется образовательное сотрудничество между Россией и Кыргызстаном как один из наиболее эффективных и измеримых инструментов евразийской интеграции. Автор рассматривает семь практических каналов взаимодействия: институциональную базу (на примере Кыргызско-Российского Славянского университета и проекта его нового кампуса стоимостью 15 млрд рублей), квотный механизм подготовки кадров в российских вузах (700 мест ежегодно), совместные образовательные программы с двойными дипломами (включая магистерские программы Дипломатической академии МИД КР с ТГУ, РУДН и МГИМО), сетевые форматы СНГ и ШОС, экспорт образовательных услуг Кыргызстаном (более 55 тыс. иностранных студентов, или 24,3% от общего контингента), научные и публикационные площадки, а также цифровые платформы и совместную аналитическую работу студентов. Особое внимание уделяется сравнительному анализу квотной политики РФ в отношении государств СНГ: автор обосновывает необходимость пересмотра механизмов распределения квот с учетом уровня участия страны в интеграционных объединениях, наличия совместных университетов, интенсивности академической мобильности и вклада в региональное образовательное пространство. Доклад содержит три практические инициативы к 35-летию СНГ: создание российско-кыргызской цифровой образовательной платформы, запуск ежегодного студенческого аналитического клуба по евразийской интеграции и формирование реестра совместных образовательных программ. Выступление адресовано специалистам в области международного образования, евразийской интеграции, государственного управления и академической дипломатии.

Ключевые слова: Россия, Кыргызстан, образовательное сотрудничество, евразийская интеграция, Кыргызско-Российский Славянский университет (КРСУ), квоты на образование, двойные дипломы, академическая мобильность, СНГ, ЕАЭС, Сетевой университет СНГ, образовательный хаб, Центральная Азия, цифровые образовательные платформы, совместные образовательные программы

Уважаемые участники конференции!

В год обсуждения 35-летия СНГ важно говорить не только о политических и экономических итогах евразийской интеграции, но и о ее практическом гуманитарном содержании. Для Кыргызстана одним из самых устойчивых и измеримых направлений такого взаимодействия является образовательное сотрудничество с Российской Федерацией.

Главный тезис моего выступления заключается в следующем: российско-кыргызское образовательное сотрудничество уже стало не вспомогательным, а самостоятельным инструментом евразийской интеграции. Оно работает через университеты, квоты, совместные программы, кампусную инфраструктуру,

академическую мобильность, публикационные площадки и цифровые форматы взаимодействия.

Первый практический инструмент – институциональная база сотрудничества.

Наиболее показательный пример – Кыргызско-Российский Славянский университет имени Б.Н.Ельцина. Его значение состоит не только в подготовке кадров. КРСУ является постоянным межгосударственным каналом гуманитарного сотрудничества Кыргызстана и России. Это именно тот формат, где интеграция выражается не декларативно, а через ежедневный образовательный процесс, подготовку специалистов, научные связи и академическую среду.

Особое значение имеет проект нового кампуса и технопарка КРСУ. Российская сторона выделяет на его строительство 15 млрд рублей. Проект предусматривает не только строительство зданий, но и создание современной университетской инфраструктуры. Кыргызская сторона, в свою очередь, предоставляет земельный участок площадью не менее 30 гектаров. Это уже не просто образовательная помощь, а инфраструктурная инвестиция в долгосрочное присутствие российского образования в Кыргызстане и в укрепление общего евразийского образовательного пространства.

Второй инструмент – квоты и подготовка кадров в российских вузах.

Россия остается главным направлением внешней образовательной мобильности для граждан Кыргызстана. По данным, использованным в анализе системы высшего образования, число кыргызстанских студентов, обучающихся в России, выросло с 12 350 человек в 2019 г. до 16 240 человек в 2023 г. Рост за пять лет составил 31,5 процента. Для сравнения: в Турции в 2023 г. обучались 5 105 кыргызстанских студентов, в Казахстане – 3 125, в Китае – 2 980, в Южной Корее – 2 075.

Это показывает, что Россия занимает первое место среди стран, где граждане Кыргызстана получают высшее образование. Причем речь идет не только о количестве, но и о качестве направлений подготовки: инженерные, медицинские, педагогические, IT, юридические, экономические и гуманитарные специальности.

Квотный механизм также остается одним из самых конкретных инструментов сотрудничества. В 2023 г. Российской Федерацией было предоставлено 700 мест для подготовки граждан Кыргызстана за счет принимающей стороны. В 2026–2027 учебном году для Кыргызстана также выделено 700 квот на бесплатное обучение в российских вузах. Эти квоты включают не только обучение, но и стипендиальные механизмы и общежития. Таким образом, квоты являются прямым социальным лифтом для молодежи Кыргызстана и одновременно каналом подготовки кадров для экономики и государственного управления.

Сравнительный анализ квотной политики Российской Федерации в отношении государств СНГ

Отдельного внимания заслуживает вопрос распределения квотных мест Российской Федерации между государствами СНГ.

На 2024–2025 учебный год Кыргызстану было выделено 700 мест, рост составил около 7,7 % по сравнению с предыдущим периодом.

Однако сравнительный анализ показывает, что отдельные государства СНГ получают более значительный объем квот.

Например, Таджикистану на 2024–2025 учебный год было предоставлено 1 000 квотных мест, тогда как в 2022 г. их было 750, а в 2023 г. – 902 места

В случае Узбекистана, помимо общего потока обучающихся, только по квоте Правительства Российской Федерации обучались 1 674 человека, а общее число студентов Узбекистана в российских вузах и филиалах составляло около 53 тыс. человек

При этом Кыргызстан демонстрирует значительно более высокий уровень образовательной интеграции.

Кыргызская Республика одновременно участвует:

- в СНГ;
- ЕАЭС;
- ОДКБ;
- Сетевом университете СНГ;
- Университете ШОС;
- реализует межгосударственный формат через КРСУ;
- участвует в программах двойных дипломов и академической мобильности.

Кроме того, Кыргызстан выступает не только отправителем студентов, но и принимающей стороной.

По состоянию на 2024 г. в вузах Кыргызской Республики обучалось 25 073 студента из стран СНГ, в том числе:

- Узбекистан – 18 937 человек;
- Казахстан – 2 766 человек;
- Россия – 2 748 человек;
- Таджикистан – 450 человек

То есть Кыргызстан уже фактически выполняет функцию регионального образовательного центра Центральной Азии.

Поэтому представляется целесообразным в рамках дальнейшего развития интеграционного диалога СНГ рассмотреть вопрос пересмотра механизмов распределения образовательных квот, учитывая:

- уровень участия государства в интеграционных объединениях;
- наличие совместных университетов;
- интенсивность академической мобильности;
- вклад страны в региональное образовательное пространство;
- объем принимаемых иностранных студентов.

Таким образом, расширение квот для Кыргызской Республики следует рассматривать не как двустороннюю меру поддержки, а как инвестицию в развитие общего образовательного пространства СНГ.

Третий инструмент – совместные образовательные программы и двойные дипломы.

Особенно важно, что сотрудничество не ограничивается отправкой студентов в Россию. В Кыргызстане уже сформировался формат совместной подготовки специалистов с ведущими российскими университетами. Например, Дипломатическая академия МИД Кыргызской Республики реализует совместные

магистерские программы с Национальным исследовательским Томским государственным университетом с 2016 г., с Российским университетом дружбы народов – с 2019 г., с Московским государственным институтом международных отношений – с 2023 г.

Эти программы реализуются по направлениям «Международные отношения» и «Юриспруденция», включая профили «Евразийские исследования», «Мировая политика» и «Международное право». Выпускники получают дипломы российских партнерских вузов наряду с дипломом Дипломатической академии МИД КР. Только по совместной программе с Томским государственным университетом с момента подписания соглашения в 2016 г. подготовлено более 20 специалистов.

В этом и заключается практическая ценность интеграции: не просто подписываются меморандумы, а формируются конкретные кадры – специалисты по международным отношениям, праву, евразийской повестке и региональной политике.

Четвертый инструмент – сетевые форматы СНГ.

Кыргызстан участвует в многосторонних образовательных форматах, включая Сетевой университет СНГ и Университет ШОС. Сетевой университет СНГ важен тем, что он дает возможность студентам участвовать в совместных магистерских программах, проходить академическую мобильность и получать двойные дипломы. Для малых и средних государств СНГ такой механизм особенно важен, потому что он позволяет участвовать в общей образовательной системе без создания тяжелых новых институтов.

Для Кыргызстана это означает возможность встроить национальные университеты в евразийские образовательные цепочки: студент может обучаться в Кыргызстане, проходить часть подготовки в российском вузе, участвовать в совместных проектах и выходить на общий рынок труда СНГ и ЕАЭС.

Пятый инструмент – экспорт образовательных услуг Кыргызстана.

Здесь важно подчеркнуть, что Кыргызстан не должен рассматриваться только как страна, отправляющая студентов за рубеж. У Кыргызстана уже есть собственный потенциал образовательного хаба. В стране функционируют совместные и международные образовательные учреждения: КРСУ, Кыргызско-Турецкий университет «Манас», Международный университет «Ала-Тоо», АУЦА, Университет Центральной Азии в Нарыне, Международный университет Кыргызстана и другие.

По данным статистики, в 2023/2024 учебном году в вузах Кыргызстана обучалось 55 827 иностранных студентов при общем контингенте 230 206 обучающихся. Это 24,3% от общего числа студентов. По линии стран вне СНГ в 2024 г. обучались 24 480 студентов; крупнейшие группы – Индия: 12 610 человек, Пакистан: 9 110 человек, Китай: 910 человек, Турция: 444 человека. По странам СНГ в 2024 г. обучались 25 073 студента, включая 2 766 из Казахстана, 2 748 из России, 450 из Таджикистана, 123 из Туркменистана и значительный поток из Узбекистана.

Эти цифры показывают, что Кыргызстан уже обладает конкурентной позицией на региональном образовательном рынке. Поэтому евразийская интеграция в сфере образования должна строиться не только по модели «Кыргызстан получает», но и по модели «Кыргызстан участвует и предлагает».

Шестой инструмент – научные и публикационные площадки.

Для кыргызских университетов российское научное пространство имеет важное значение. Российские журналы, РИНЦ, совместные конференции, сборники и экспертные центры позволяют ученым Кыргызстана расширять публикационную активность и видимость исследований. Это особенно важно для молодых исследователей и преподавателей, которым необходимы доступные и признанные площадки для апробации научных результатов.

На практике это можно усилить через создание совместных тематических журналов и сборников СНГ, ежегодных российско-кыргызских научных школ, экспертных лабораторий по Центральной Азии, евразийской интеграции, миграции, безопасности, водной политике и международному праву.

Седьмой инструмент – цифровые платформы и совместная аналитическая работа студентов.

Следующий этап сотрудничества должен быть цифровым. Сегодня уже недостаточно обмениваться студентами только физически. Необходимо создавать совместные LMS-платформы, виртуальные доски идей, онлайн-курсы, цифровые лаборатории и аналитические клубы.

Например, студенты международных отношений Кыргызстана и МГИМО могут работать в смешанных онлайн-группах над темами евразийской интеграции, региональной безопасности, Центральной Азии, миграции, международного права и внешней политики. Такой формат дает сразу несколько результатов: студенты учатся командной работе, получают доступ к российской экспертной школе, формируют профессиональные контакты и готовят прикладные аналитические продукты.

Практическим примером цифровой образовательной интеграции уже выступает взаимодействие Дипломатической академии МИД Кыргызской Республики и МГИМО. В рамках аналитического клуба студентов Дипломатической академии планируется организация совместной работы со студентами МГИМО в онлайн-формате по актуальным вопросам международных отношений. Тематика взаимодействия будет охватывать вопросы евразийской интеграции, региональной безопасности, развития Центральной Азии, миграционных процессов, международного права и внешней политики.

Данный формат имеет особую ценность, поскольку позволяет перейти от традиционной академической мобильности к интеллектуальной интеграции. Студенты получают возможность совместно готовить аналитические материалы, участвовать в экспертных обсуждениях, формировать профессиональные контакты и работать в едином образовательном и исследовательском пространстве. По сути, речь идет о создании цифровой площадки подготовки будущих специалистов международного профиля в рамках евразийского образовательного сотрудничества.

На мой взгляд, к 35-летию СНГ можно предложить три практические инициативы.

Первая – создать российско-кыргызскую цифровую платформу образовательного сотрудничества, где будут размещены совместные курсы, проектные задания, экспертные лекции, базы практик и научных мероприятий.

Вторая – запустить ежегодный российско-кыргызский студенческий аналитический клуб по евразийской интеграции с участием МГИМО, РУДН, ТГУ, КРСУ, Дипломатической академии МИД КР и других вузов.

Третья – сформировать реестр совместных образовательных программ и двойных дипломов, чтобы сотрудничество стало прозрачным, измеримым и ориентированным на результат.

В заключение хочу отметить: сильная сторона российского образования для Кыргызстана – это не только историческая близость и русский язык. Его преимущество заключается в фундаментальной академической школе, широком наборе специальностей, развитой научной инфраструктуре и устойчивой системе подготовки кадров для стран СНГ.

Для Кыргызстана российское образование остается востребованным, потому что оно дает практический результат: подготовленных специалистов, профессиональные связи, научные публикации, доступ к большим университетским центрам и возможность включения в евразийское интеллектуальное пространство.

Живым примером успешного кыргызско-российского сотрудничества в сфере образования и науки являюсь я сама. Я являюсь выпускницей программы двойного диплома Кыргызского национального университета имени Жусупа Баласагына и Томского государственного университета. Кроме того, я стала первой выпускницей международной программы академической мобильности «Молодые ученые» Научно-исследовательского института развития коммуникаций.

Именно в рамках данной программы была сформирована и определена тема моей диссертации на соискание ученой степени доктора философии (PhD) по направлению «Международные отношения». Научное руководство исследованием осуществляли доктор социологических наук, профессор Комлева Валентина Вячеславовна (Российская Федерация) и доктор политических наук, профессор Джоробекова Айнуур Эшимбековна (Кыргызская Республика).

Данный опыт наглядно демонстрирует, что кыргызско-российское образовательное сотрудничество способствует подготовке высококвалифицированных кадров, развитию научных исследований и формированию новых поколений специалистов, способных эффективно работать в международной академической и экспертной среде.

Поэтому образовательное сотрудничество России и Кыргызстана следует рассматривать как один из наиболее работающих и перспективных механизмов евразийской интеграции. Его дальнейшее развитие должно идти через инфраструктуру, квоты, двойные дипломы, цифровые платформы, совместные исследования и подготовку кадров для общего рынка труда СНГ и ЕАЭС.

Благодарю за внимание.

Справочно: ключевые цифры, использованные в докладе

- 15 млрд рублей – финансирование строительства нового кампуса и технопарка КРСУ российской стороной; участок – не менее 30 га.
- 12 350 кыргызстанских студентов обучались в России в 2019 г.; 16 240 – в 2023 г.; рост за пять лет – 31,5%.

- 700 квот – предоставлено Российской Федерацией в 2023 г.; 700 квот – выделено Кыргызстану на 2026/2027 учебный год.
- 55 827 иностранных студентов обучались в вузах Кыргызстана в 2023/2024 уч. году при общем контингенте 230 206 студентов; доля – 24,3%.
- 25 073 студента из стран СНГ обучались в вузах Кыргызстана в 2024 г.
- 24 480 студентов из стран вне СНГ обучались в вузах Кыргызстана в 2024 г.
- Крупнейшие группы студентов из стран вне СНГ в 2024 г.: Индия – 12 610, Пакистан – 9 110, Китай – 910, Турция – 444.
- Совместные магистерские программы Дипломатической академии МИД КР: с ТГУ – с 2016 г.; с РУДН – с 2019 г.; с МГИМО – с 2023 г.; по программе с ТГУ подготовлено более 20 специалистов.

Шадский Алексей Викторович,
начальник отдела сотрудничества
в гуманитарной сфере
Первого департамента стран СНГ МИД России,
кандидат политических наук

В этом году Содружество Независимых Государств (СНГ) отмечает знаменательную дату – 35-летие со дня его создания. Содружество – не только наиболее представительная по составу из действующих в регионе организаций, но и уникальное объединение, в рамках которого государства в соответствии со своими национальными интересами выстраивают взаимодействие практически во всех направлениях сотрудничества.

Реализуются проекты в политической, экономической, культурно-гуманитарной сферах, в области безопасности. Осуществляется координация позиций по актуальным вопросам международной повестки дня. Сформирована и развивается солидная договорно-правовая база, насчитывающая более 650 международных договоров.

Именно опыт Содружества лег в основу других интеграционных форматов – Организации Договора о коллективной безопасности и Евразийского экономического союза.

Страны СНГ остаются друг для друга ближайшими торгово-экономическими партнерами, что имеет большое значение для поддержания высоких темпов экономического развития. Функционирует зона свободной торговли товарами и услугами, причем более 95% расчетов между Россией и другими государствами-участниками Содружества происходит в национальных валютах, а товарооборот за три последних года вырос почти на 35%.

Высоко ценим ответственную экономическую политику государств Содружества, которая во многом содействует перестройке внешнеэкономических связей и развитию кооперации.

Укрепление нашего сотрудничества является залогом усиления позиций Содружества на международной арене, улучшения условий доступа товаров из стран СНГ на внешние рынки, недопущения ущемления торгово-экономических интересов.

При этом в современных условиях необходимо оперативно реагировать на изменения внешнеэкономической среды, вырабатывать новые формы партнерства, адекватные реалиям сегодняшнего дня. Важно максимально мобилизовать внутренние силы и потенциал, продвигать собственные наработки и технологии, особенно в критически важных для индустриального и инновационного развития отраслях экономики.

Одно из ключевых достижений Содружества – сохранение единого культурно-гуманитарного пространства. Государства и народы СНГ объединяют общие духовно-нравственные ценности, основанные в том числе на бережном отношении к традициям и совместному прошлому.

Сотрудничество в этой сфере является одним из самых динамичных треков в СНГ. На этом направлении делается немало. Проводятся форумы творческой и научной интеллигенции, ученых, съезды учителей и работников образования, молодежи, множество интересных мероприятий, включая конкурсы, фестивали, тематические школы по разным направлениям образования, науки, искусства. С 2008 года определяются по широкой объединительной повестке темы гуманитарных годов. Так, 2025 г. был Годом 80-летия Победы в Великой Отечественной войне – Годом Мира и Единства в борьбе с нацизмом. Нынешний 2026 г. является Годом охраны здоровья.

Претворяется в жизнь Межгосударственная программа «Культурные столицы Содружества». 17 апреля с.г. состоялось ее открытие в армянском городе Мегри.

Хорошо зарекомендовал себя Международный проект «Молодежная столица СНГ». В текущем году ее принимает армянский Капан. В июне 2025 г. учрежден Форум волонтеров СНГ, и уже в этом году намечено провести его в Казахстане.

Нельзя не упомянуть сотрудничество в области спорта. В 2024 г. стартовал проект «Спортивные столицы Содружества», раз в два года, начиная с 2021 г., проводятся Игры стран СНГ. Третьи Игры состоялись в Азербайджане в сентябре – октябре 2025 г. Такие события особенно важны в условиях невиданной политизации спорта и узурпации отдельными странами международных спортивных структур.

Среди свежих реализованных проектов – Большой молодежный сводный хор государств – участников СНГ: его первое выступление было приурочено к празднованию 80-летия Победы и состоялось в Москве 9 мая 2025 г.

В стадии проработки – учреждение Международного кинофестиваля государств – участников СНГ «Содружество», «Академической столицы Содружества» (по предложению К.-Ж.К.Токаева).

Серьезное значение придаем совместной работе по противодействию переписыванию истории, отстаиванию правды об общем подвиге советского народа в Великой Отечественной войне. Главами государств Содружества учреждено почетное звание СНГ «Город трудовой славы. 1941–1945 гг.», которое в июне 2025 г. присвоено 19 городам стран Содружества. К 80-летию Великой Победы историками и архивистами наших стран подготовлен совместный труд «Народы Советского Союза и Великая Победа. 1941–1945». Всяческой поддержки заслуживает образовательная инициатива для школьников стран Содружества «Поезд Памяти», проводимая ежегодно в конце июня – начале июля под патронажем глав верхних палат парламентов России и Белоруссии.

Финансово поддерживает работу на гуманитарном треке Содружества Межгосударственный фонд гуманитарного сотрудничества государств – участников СНГ. В понедельник 25 мая с.г. Фонд отметит свое 20-летие. За эти годы им проведено уже более 1.200 тысяч мероприятий. Наша страна является единственной, кто вносит добровольный взнос на реализацию различных проектов Фонда. С этого года увеличили его до 350 млн. рублей.

Необходимо отметить и такой важный механизм на стыке науки, технологий и экономики, как Межгосударственная программа инновационного

сотрудничества государств – участников СНГ на период до 2030 г. Она утверждена главами правительств СНГ в ноябре 2020 г., став продолжением аналогичной Межгоспрограммы до 2020 г., и направлена на формирование и развитие межгосударственного инновационного пространства Содружества, создание условий для повышения глобальной конкурентоспособности экономики стран СНГ на основе взаимодействия национальных инновационных систем как внутри Содружества, так и с ведущими инновационными центрами мира. (Функции заказчика – координатора и Оператора Программы закреплены за Россотрудничеством и Фондом «Сколково» соответственно.)

В целом перечисленные аспекты не только способствуют раскрытию потенциала национальных культур, усиливают побратимские связи и наводят мосты взаимопонимания, но и придают ощутимый импульс всем аспектам сотрудничества наших стран, оказывая позитивное влияние на общий климат отношений между нашими странами и создавая мультипликативный эффект – как для экономик, так и для межчеловеческих отношений. Наглядное подтверждение этому – предстоящая в скором времени в Санкт-Петербурге с участием глав правительств стран СНГ Международная конференция по укреплению культурных связей и развитию креативных и творческих индустрий.

Видим множество возможностей и для новых начинаний, связанных с русским языком. В частности, на площадке Содружества в декабре 2021 г. Президент Казахстана К.-Ж.К.Токаев выдвинул инициативу создания Международной организации по русскому языку (МОЯ). В октябре 2023 г. Договор о ее учреждении был подписан лидерами России, Белоруссии, Казахстана, Киргизии, Таджикистана и Узбекистана. Документ вступил в силу. Это самостоятельная международная межправительственная организация, открытая для любых государств, заинтересованных в сотрудничестве по вопросам ее деятельности. Ее главной целью является укрепление всестороннего международного сотрудничества по вопросам поддержки и продвижения русского языка на основе принципов дружбы, добрососедства, межнационального согласия, доверия и взаимопонимания.

11 марта 2026 г. в Москве провели первую Министерскую конференцию МОЯ. Утверждены необходимые финансово-административные документы, избраны Генеральный секретарь (Наталья Александровна Бочарова) и ее заместитель (представитель Казахстана Алексей Юрьевич Волков).

С 1 апреля с.г. Организация официально начала свою работу. Формируется Секретариат, обживаются помещения на федеральной территории «Сириус» (Сочи). Верим, что со временем большое число стран проявит интерес к сотрудничеству с МОЯ, а в дальнейшем – и к полноформатному членству в этой структуре.

Продолжая тему разнопланового взаимодействия в Содружестве, необходимо отметить, что в Организации создана эффективная система многосторонних механизмов, направленных на укрепление международной безопасности. Плотная координация действий на данном направлении по линии СНГ и сопряжение усилий с другими региональными объединениями способствуют выполнению задач по борьбе с терроризмом и экстремизмом, наркотрафиком и организованной преступностью, охране внешних границ.

Плотно работаем над выстраиванием конструктивных и созидательных взаимоотношений с партнерами по Евразийскому экономическому союзу (ЕАЭС), это одно из стратегических направлений российской внешнеэкономической политики.

Совместно с коллегами способствуем обеспечению интеграционной устойчивости Союза в условиях негативных внешних факторов. В том числе в этих целях создан стабильный внутренний рынок, развивается единое таможенное, таможенно-тарифное и нетарифное, санитарно-фитосанитарное и карантинное регулирование, а также общая внешнеторговая политика. Традиционно большое внимание уделяем вопросам промышленной кооперации, продовольственной безопасности, выстраиванию бесшовного транспортно-логистического пространства, формированию независимой финансово-платежной инфраструктуры.

В 2025 г. закончился срок действия Стратегических направлений развития евразийской интеграции, так называемой Стратегии – 2025. В целях реализации документа подписано 8 международных соглашений, а также порядка 500 актов органов Союза. С 2021 г. по 2025 г. (время действия Стратегии – 2025) во всех государствах-членах зафиксирован рост ключевых макроэкономических показателей. За 2025 г. увеличение совокупного ВВП ЕАЭС составило 1,7%, промышленного производства – 1,6%, производства сельскохозяйственной продукции – 4,6%. Доля расчетов в национальных валютах составила 93%.

Что касается развития международной повестки Союза, отмечаем интерес к сотрудничеству с ЕАЭС со стороны широкого круга партнеров из ближнего и дальнего зарубежья. В 2025 г. вступило в силу полноформатное Соглашение о свободной торговле (ССТ) между Союзом и Ираном, а также были заключены аналогичные документы с ОАЭ, Монголией и Индонезией. Они дополнили уже имеющиеся в активе ЕАЭС ССТ с Вьетнамом и Сербией, а также непреференциальный торговый договор с Китаем.

Запущен переговорный процесс с Индией: в ноябре 2025 г. состоялся первый раунд переговоров о либерализации торговли, а в настоящее время в дистанционном формате ведется подготовка ко второму раунду обсуждения.

Завершена работа совместной исследовательской группы по изучению целесообразности заключения аналогичного торгового документа с Тунисом, по итогам которой сформирован доклад о потенциальном положительном эффекте данного шага.

Заключение соглашений о свободной торговле позволяет насыщать рынок стран ЕАЭС качественной импортной продукцией по доступным ценам и удовлетворять растущие потребности населения государств-членов. Одновременно установленные режимы свободной торговли дают возможность наращивать экспортные объемы и продвигать товары собственного и союзного производства на рынки третьих стран, что, безусловно, выгодно для экономоператоров всех государств-членов.

Одним из ключевых механизмов поддержания стабильности в Евразии выступает Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ). Россия твердо привержена развитию стратегического партнерства с государствами-членами Организации, рассматриваем данное направление как наш приоритет.

Исходя из этого, выстраиваем работу российского председательства в объединении в текущем году.

Ставим перед собой цели дальнейшей консолидации государств-членов ОДКБ, упрочения союзнических связей, углубления координации по ключевым международным проблемам. Приветствуем развитие контактов ОДКБ с государствами евразийского пространства и их интеграционными объединениями, прежде всего с СНГ и ШОС. Есть хорошая основа – «дорожная карта», которую утвердили в сентябре прошлого года три генеральных секретаря.

Особое значение придаем развитию силовой компоненты Организации, что особенно актуально в свете сохраняющейся нестабильности в ряде регионов. Акцент – на наращивании боевого потенциала Коллективных сил ОДКБ, оснащении их современным и совместимым вооружением и техникой. Такая работа выстраивается в соответствии с характером текущих и перспективных вызовов с учетом опыта современных вооруженных конфликтов.

Отработке действий по нейтрализации угроз безопасности в регионах коллективной безопасности будут посвящены намеченные на осень в России, Белоруссии, Казахстане и Таджикистане учения с различными компонентами Коллективных сил ОДКБ.

В ОДКБ определены конкретные меры противодействия государствами-членами террористическим угрозам. Расширяется инструментарий для совместной борьбы с незаконным оборотом наркотиков и оружия, с транснациональной организованной преступностью, незаконной миграцией, чему способствует регулярное проведение в рамках Организации специальных совместных операций, включая «Канал», «Нелегал», «Наемник». Углубляется партнерство в «новых» областях обеспечения информационной и биологической безопасности.

Мы прекрасно понимаем, что мир не стоит на месте, он стремительно меняется на наших глазах. В последние годы произошло много кардинальных изменений, которые являются составной частью магистральной тенденции – переходу к многополярной системе международных отношений.

Среди них – и набирающие обороты интеграционные процессы практически во всех регионах мира. Они обусловлены стремлением стран Мирового большинства усилить свои позиции и свой «голос» в международных делах, двигаться вперед на коллективной основе.

В данном контексте особую актуальность приобретает инициатива Президента Российской Федерации В.В.Путина по формированию Большого Евразийского партнерства (БЕП). Она призвана не допустить сегментации международных экономических контактов, их распада на разрозненные блоки и конструкции – всего того, что снижает общую эффективность хозяйственной деятельности. БЕП позволит создать надежную материальную основу для обеспечения устойчивого экономического роста – «бесшовную» транспортно-логистическую систему, самодостаточную платежную архитектуру, многостороннюю площадку для инновационного сотрудничества, широкую сеть экономических коридоров.

Полагаем, что для успешного становления Большой Евразии необходимы опыт СНГ и его активное подключение к проекту «интеграции интеграций». Ведь в

рамках Содружества созданы добротная нормативно-правовая база и эффективные инструменты развития исторически сложившихся торгово-экономических и гуманитарных связей. Эти наработки могут найти применение в рамках всего Евразийского континента.

В данном контексте хотелось бы отметить наращивание сотрудничества СНГ с внешними партнерами, в первую очередь с другими ведущими евразийскими структурами – ЕАЭС, ОДКБ и ШОС.

Недавно (10 октября 2025 г. на саммите Содружества в Душанбе) ШОС был предоставлен статус наблюдателя при СНГ, учрежден новый формат взаимодействия Содружества с заинтересованными государствами и организациями «СНГ плюс».

Резюме экспертной дискуссии «Интеграции евразийского пространства: к 35-летию СНГ»

Обсуждение современного состояния, эффективности и перспектив интеграционных процессов на евразийском пространстве, приуроченное к 35-летию Содружества Независимых Государств, показало, что СНГ сохраняет значение ключевой платформы многостороннего взаимодействия, из которой исторически выросли ЕАЭС, ОДКБ и другие региональные форматы. При этом дальнейшее развитие организации предполагает совершенствование интеграционных форматов на основе суверенного равенства государств-участников, баланса их национальных интересов и углубления практической совместимости принимаемых решений.

В ходе обсуждения было отмечено, что фундаментальные основы Содружества остаются прочными: общее культурно-гуманитарное пространство, исторически сложившиеся хозяйственные связи, значительный ресурсный потенциал. При этом участники дискуссии подчеркивали, что опора на историческую близость должна дополняться новыми, практически ориентированными форматами сотрудничества, отвечающими запросу на прагматизм, проектную результативность и безусловное уважение суверенитета.

Особое внимание было уделено вопросам экономического взаимодействия. Участники дискуссии констатировали, что высокая доля расчетов в национальных валютах, расширение сети соглашений о свободной торговле и последовательная работа по формированию бесшовного транспортно-логистического пространства создают прочный фундамент для углубления кооперации. Отмечалось, что реализуемые в рамках Содружества транспортные и логистические программы способствуют снижению затрат на трансграничное перемещение грузов и превращению национальных дорожных сетей в элементы евразийских коридоров. Вместе с тем полноценное раскрытие транзитного потенциала региона требует дальнейших скоординированных усилий по сопряжению транспортных инфраструктур и совершенствованию регулятивных процедур.

При рассмотрении проблем безопасности было подчеркнуто, что угрозы приобрели многофакторный характер, охватывая помимо военной сферы информационную, миграционную и экономическую составляющие. ОДКБ последовательно адаптирует механизмы реагирования, о чем свидетельствуют сокращение сроков принятия решений по кризисным ситуациям и реализация совместных операций, направленных на противодействие терроризму, наркотрафику и нелегальной миграции. Афганистан сохраняет статус основного источника трансграничных вызовов. В этих условиях особое значение приобретает укрепление информационно-аналитического взаимодействия. Отмечалось, что в ОДКБ наращивается потенциал аналитической работы, расширяются партнерские связи с научно-исследовательскими центрами государств-членов, проводятся

совместные исследования и экспертные мероприятия. Такое углубление сотрудничества позволяет формировать более полную картину рисков и способствует выработке скоординированных подходов при уважении суверенитета всех участников.

Отдельно была выделена роль гуманитарной составляющей как несущей конструкции интеграции. Экспедиция «Путешествие в Сердце Евразии» зарекомендовала себя как успешный проект, демонстрирующий востребованность форматов, основанных на горизонтальных связях и народной дипломатии. По итогам обсуждения предложено закрепить данный формат в повестке СНГ в качестве регулярного мероприятия с четкой институциональной основой, объединяющего деловой, научный, гуманитарный и медийный треки. В качестве перспективного проекта была отмечена Международная организация по русскому языку, начавшая работу в 2025 г. Ее деятельность отвечает запросу на расширение горизонтальных связей и укрепление народной дипломатии, формируя долгосрочный гуманитарный фундамент интеграционного взаимодействия.

Доклад «Роль мигрантов на рынке низкоквалифицированного труда России» спровоцировал оживленную дискуссию, выявившую высокую социальную чувствительность миграционной проблематики. Участники отмечали необходимость дальнейшего углубленного рассмотрения данной темы в рамках интеграционной повестки.

Участники сессии рассмотрели также вопросы, связанные с конфликтными узлами и различными интеграционными форматами на постсоветском пространстве. Обсуждались положение Приднестровья в контексте евразийских интеграционных процессов и истоки приднестровского конфликта; отдельное внимание было уделено анализу эволюции и деятельности формата ГУАМ. Отмечалось, что сохранение гуманитарных связей и культурно-исторической общности продолжает играть важную роль в поддержании диалога в условиях имеющихся разногласий.

Отдельное внимание было уделено проблематике информационно-коммуникационной политики на постсоветском пространстве. Прозвучавший доклад обозначил ключевые риски и перспективы в данной сфере; состоявшееся обсуждение подтвердило актуальность темы для дальнейшего интеграционного взаимодействия.

По итогам обсуждения были сформулированы следующие предложения по совершенствованию интеграционных механизмов на евразийском пространстве: разработать систему показателей эффективности механизмов ОДКБ, СНГ и двустороннего сотрудничества в сфере безопасности, охватывающую такие параметры, как скорость реагирования на кризисы, качество координации, уровень обмена информацией, готовность совместных сил, результаты учений; закрепить экспедицию «Путешествие в Сердце Евразии» в повестке СНГ в качестве регулярного мероприятия с четкой институциональной основой, объединяющего деловой, научный, гуманитарный и медийный треки; поддерживать и расширять деятельность Международной организации по русскому языку как открытой платформы для продвижения русского языка и укрепления межнационального согласия; способствовать сохранению и развитию гуманитарных, образовательных

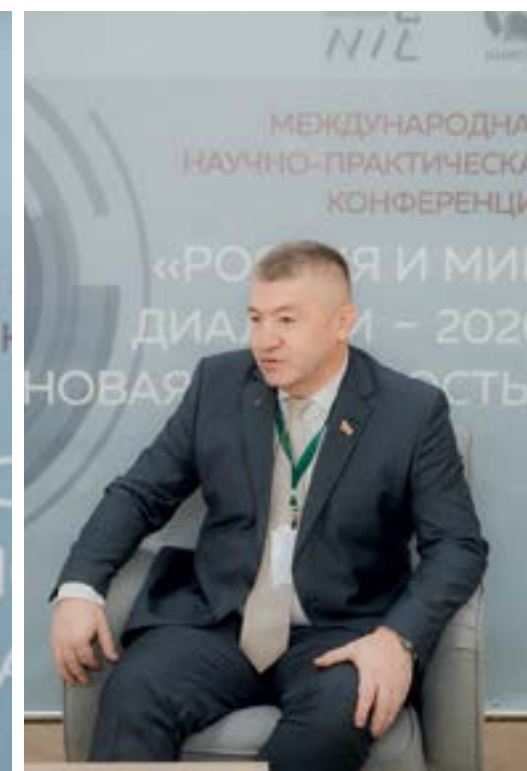
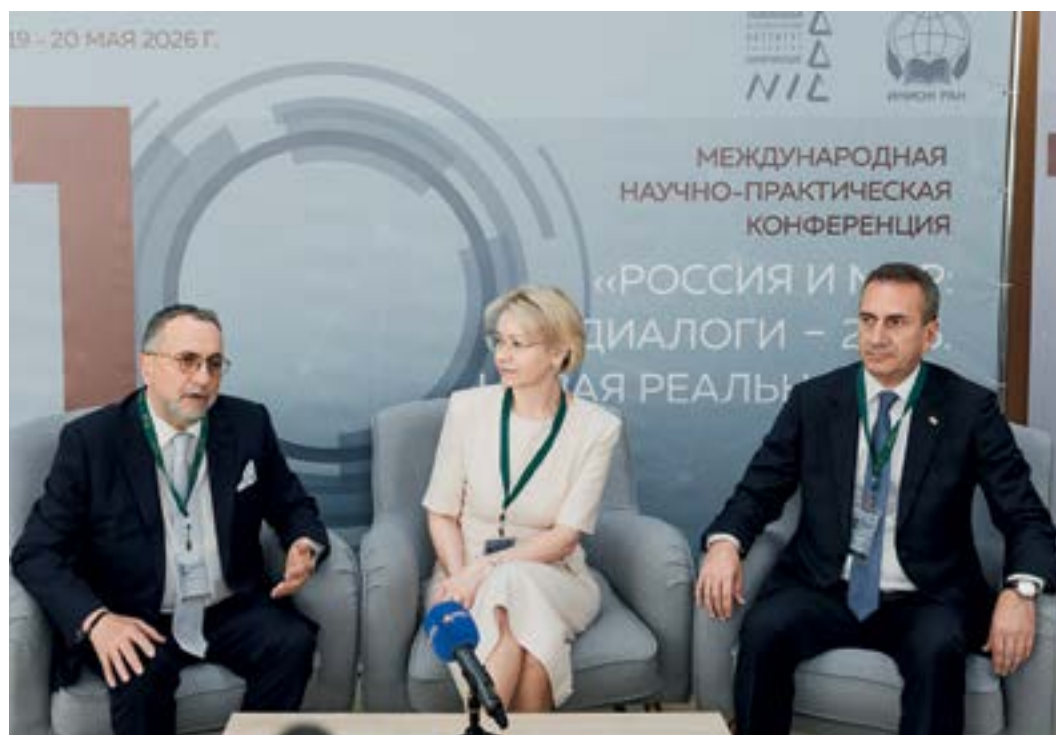
и культурных контактов с Приднестровьем как важному фактору поддержания устойчивого диалога.

Сессия подтвердила, что евразийское пространство сохраняет значительный потенциал для углубления многопланового взаимодействия. Дальнейшее развитие интеграционных процессов требует последовательного совершенствования существующих форматов при неукоснительном соблюдении принципов суверенного равенства, баланса интересов и практической совместимости принимаемых решений. Приоритетом должно стать наполнение повестки конкретными проектами в сферах транспорта, логистики, цифровизации, культурно-гуманитарного и научно-образовательного сотрудничества, где достигаются понятные и измеримые преимущества для всех участников. Залогом устойчивости такой модели является добровольность участия, транспарентность механизмов согласования и уважение национальных приоритетов каждого государства, что в совокупности формирует естественную, равновесную архитектуру взаимодействия при реалистичных ожиданиях и сбалансированных обязательствах. Именно прагматичный и взаимоуважительный подход, основанный на совместных интересах, способен придать евразийской интеграции долгосрочную внутреннюю прочность и устойчивость к внешним вызовам.

ФОТОГАЛЕРЕЯ













Гасумянов
Владислав
Иванович,
директор
НИИРК, д.э.н.



Свистунов Аркадий Николаевич,
депутат Государственной Думы РФ,
заместитель председателя Комитета
Государственной Думы РФ по
финансовому рынку



Исаков Владимир Павлович,
депутат Государственной Думы РФ,
заместитель председателя Комитета
Государственной Думы РФ по
молодежной политике



Матяш Александр Иванович, директор информационно-аналитического департамента Исполнительного комитета СНГ



Игнатьев Виталий Викторович, Министр иностранных дел Приднестровской Молдавской Республики (Приднестровье)





Йованович Милош, депутат Народной скупщины Республики Сербия XIV созыва (Сербия)



Пырванов Ивелин, депутат Народного собрания Республики Болгария LII созыва (Болгария)





Комлева Валентина Вячеславовна, заместитель директора по научной работе НИИРК, д.с.н.



Саиди Дилафруз Раббизода, депутат Маджлиси намояндагон Маджлиси Оли Республики Таджикистан VII созыва, к.т.н. (Таджикистан)



Назаралиев Ислам Замирович, председатель Российско-Таджикского делового совета при Торгово-промышленной палате РФ



Айдарбеков Чингиз Азаматович, экс-министр иностранных дел Кыргызской Республики, депутат Жогорку Кенеша VII созыва Кыргызской Республики, к.ю.н. (Кыргызстан)



Наумкин Виталий Вячеславович, академик РАН, член Наблюдательного совета НИИРК, научный руководитель ИВ РАН, д.и.н.



Дегтерев Денис Андреевич, главный научный сотрудник Центра изучения проблем переходной экономики ИА РАН, д.п.н.



Кузнецов Алексей Владимирович, и.о. директора ИНИОН РАН, член-корреспондент РАН, д.э.н.





Шабров Олег Фёдорович, профессор кафедры государственной политики факультета политологии МГУ имени М.В.Ломоносова, президент Академии политической науки, д.п.н.



Савина Мария Сергеевна, руководитель проектов зарубежных программ НИИРК

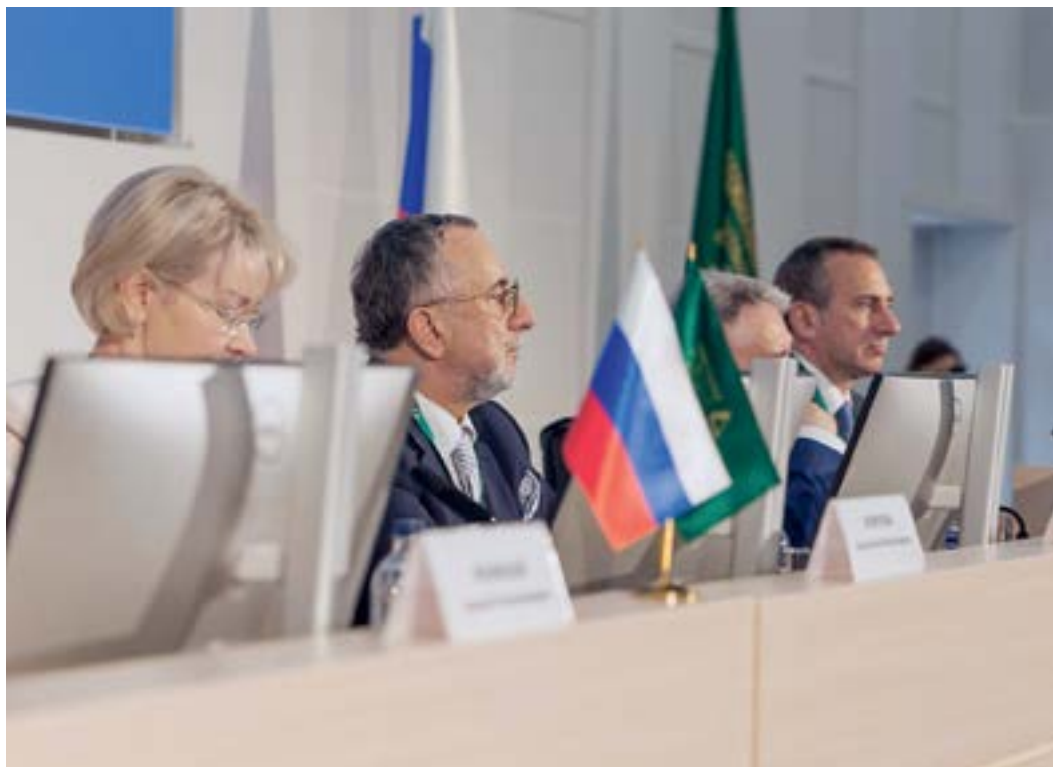


Барциц Олег Мсасович, Министр иностранных дел Республики Абхазия (Абхазия)



Тадтаев Таймураз Валерьевич, вице-спикер парламента Республики Южная Осетия, к.и.н. (Южная Осетия)







Белоусов Михаил Владимирович, заместитель директора по стратегии и развитию НИИРК, к.с.н.



Кикнадзе Тамар, руководитель департамента политических наук и международных отношений Грузинского технического университета, д.п.н. (Грузия)



Тедеев Вадим Ботазович, ректор Юго-Осетинского государственного университета имени Александра Тибилова, к.т.н. (Южная Осетия)



Тадтаев Таймураз Валерьевич, вице-спикер парламента Республики Южная Осетия, к.и.н. (Южная Осетия)



Айвазян Диана Степановна, независимый исследователь, к.п.н.



Гуксян Арман Феликсович, политолог,
директор гуманитарного фонда
«Международный институт развития -
МИР» (Армения)



г. Пономарева Анастасия Михайловна,
старший научный сотрудник Отдела
социологии и социальной психологии
ИНИОН РАН, к.с.н.



Саргсян Саргис Аразович, ведущий научный сотрудник Института Черноморско-Каспийского региона имени В.Б.Арцруни



Котова Юлия Артемовна, ведущий
эксперт Исследовательского центра в
сфере искусственного интеллекта по
направлению «Транспорт и логистика»
Института международных отношений
НИИУ МИФИ



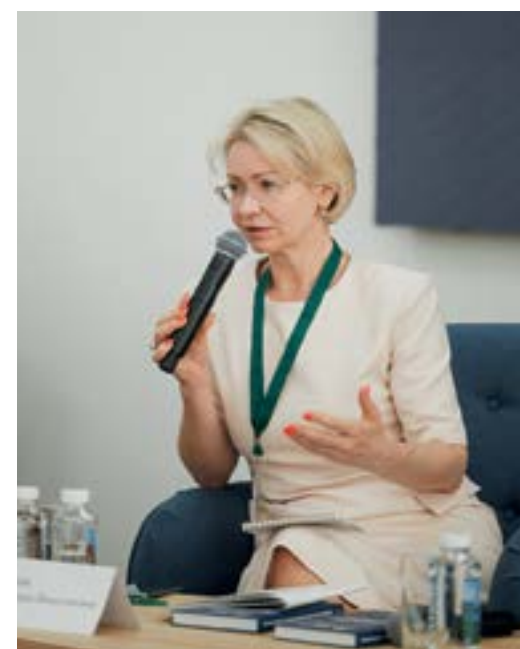
Тихонов Юрий Павлович,
преподаватель кафедры зарубежного
регионоведения и международного
сотрудничества РАНХиГС при
Президенте РФ



Нессар Омар, старший научный сотрудник Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока ИВ РАН, директор Центра изучения современного Афганистана, к.и.н.



Козюлин Вадим Борисович, главный научный сотрудник Центра военно-политических исследований Института актуальных международных проблем Дипломатической академии МГИМО МИД РФ, к.п.н.



Комлева Валентина Вячеславовна, заместитель директора по научной работе НИИРК, д.с.н.



Христофоров Василий Степанович, директор Института международных отношений и политических наук РГГУ, д.ю.н.



Саиди Дилафруз Раббизода, депутат Маджлиси намояндагон Маджлиси Оли Республики Таджикистан VII созыва, к.т.н. (Таджикистан)



Айдарбеков Чингиз Азаматович, экс-министр иностранных дел Кыргызской Республики, к.ю.н. (Кыргызстан)



Аллаберганов Кахромон Римберганович, начальник отдела политических исследований и изучения проблем региональной безопасности Международного института Центральной Азии (Узбекистан)



Рахимов Руслан Маратбекович, ректор Дипломатической академии МИД КР имени К.Дикамбаева, доктор философии (PhD) (Кыргызстан)



Бегалинова Калимаш Капсамаровна, профессор кафедры религиоведения и культурологии Казахского национального университета имени Аль-Фараби, д.ф.н. (Казахстан)



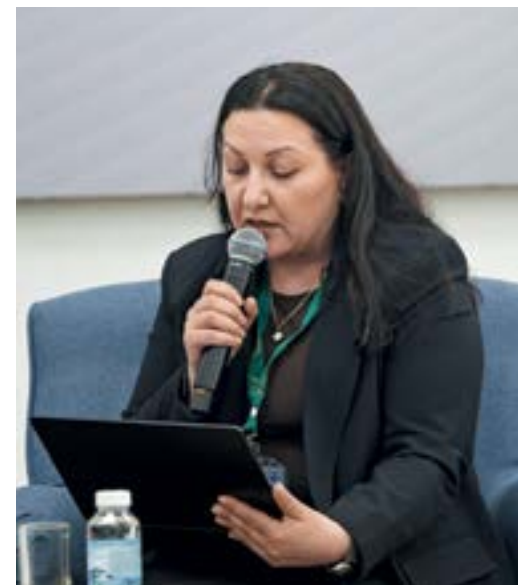
Тажибаев Алибек Тимитаевич, директор Центра аналитических исследований «Евразийский мониторинг» (Казахстан)



Камчыбеков Мырзабек Камчыбекович, проректор Кыргызского национального университета имени Ж.Баласагына, д.п.н. (Кыргызстан)



Искандаров Косимшо, главный ученый секретарь Национальной академии наук Таджикистана, д.и.н. (Таджикистан)



Минасян Нелли Арташесовна, руководитель исследовательского отдела отношений между Арменией и Китаем, между Арменией и Индией и стратегических исследований Ереванского государственного университета, к.и.н. (Армения)



Сбитнева Алина Игоревна, научный сотрудник Отдела Ближнего и Постсоветского Востока ИНИОН РАН, к.п.н.



Рожкова Злата Петровна, младший научный сотрудник Отдела Ближнего и Постсоветского Востока ИНИОН РАН



Назаренко Роман Русланович, директор цифровой лаборатории АНО «Международный центр региональной интеграции»



Салимзода Каримджон Хасан, соискатель кафедры государственного управления и национальной безопасности РАНХиГС при Президенте РФ



Ал Маамари Умар Шавкатович, студент РУДН имени П.Лумумбы





Курылев Константин Петрович,
заведующий кафедрой теории и
истории международных отношений
РУДН имени П.Лумумбы, д.и.н.



Рахимов Мирзохид Акрамович,
заведующий отделом Центра
новейшей истории при Академии
наук Республики Узбекистан, д.и.н.
(Узбекистан)



Иллерицкий Никита Игоревич,
ведущий научный сотрудник Центра
центральноазиатских исследований
ИКСА РАН, к.э.н.



Мармонтова Таисия Викторовна,
ассоциированный профессор
Международного университета
«Астана», к.и.н. (Казахстан)



Крылов Данила Сергеевич, научный сотрудник Отдела Ближнего и Постсоветского Востока ИНИОН РАН, к.п.н.



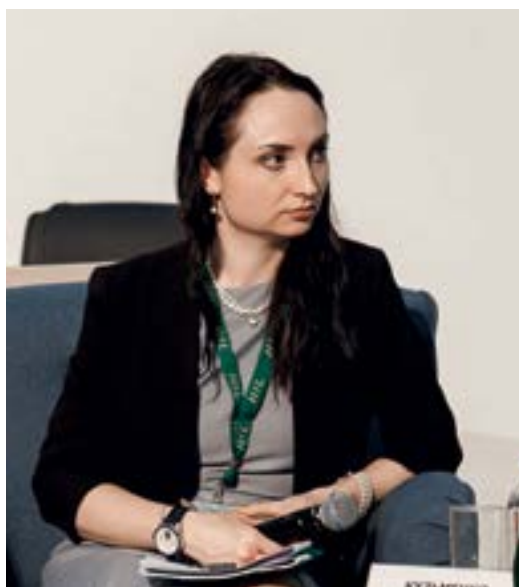
Вышегородцев Даниил Денисович, младший научный сотрудник Сектора экономических исследований ИМЭМО РАН



Гужев Илья Андреевич, младший научный сотрудник ИМЭМО РАН



Фрадин Илья Михайлович, управляющий ТКБ Банк, преподаватель МГИМО МИД России



Кузьменко Елена Алексеевна, руководитель проектов зарубежных программ НИИРК, заместитель главного редактора журнала «Россия: общество, политика, история», к.и.н.



Рубцов Юрий Викторович, ведущий научный сотрудник НИЦ фундаментальных военно-исторических проблем Военного университета имени князя Александра Невского Министерства обороны РФ, д.и.н.



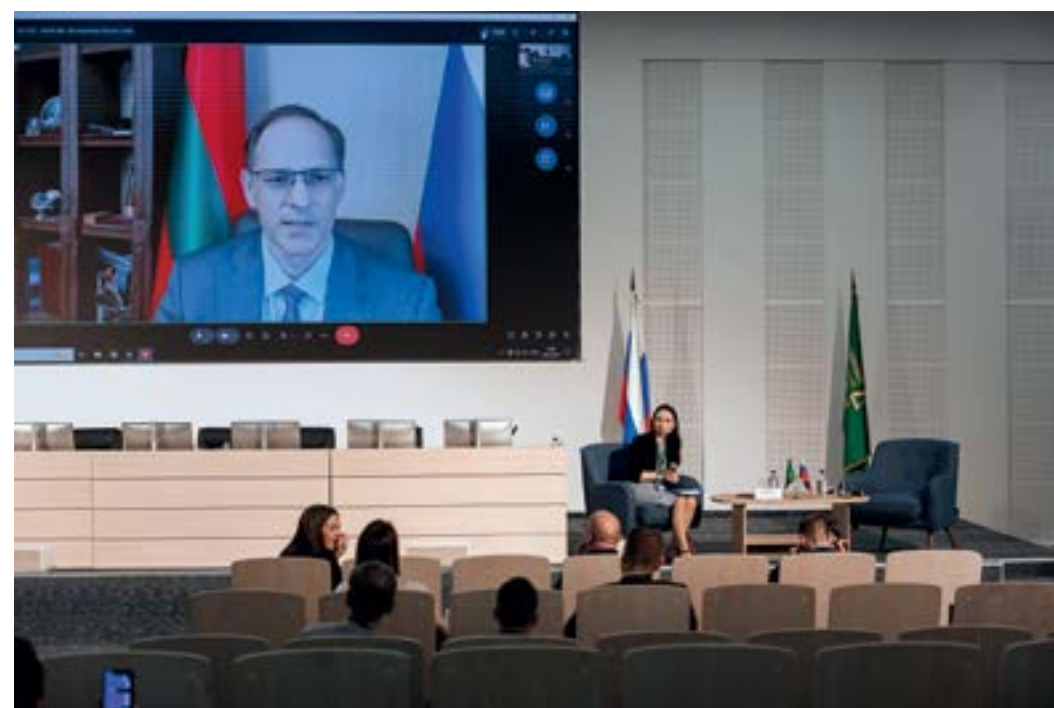
Лункин Роман Николаевич, заместитель директора по научной работе ИЕ РАН, д.п.н.



Бовдунов Александр Леонидович, заместитель директора учебно-научного центра «Высшая политическая школа имени И.Ильина» РГГУ, к.п.н.



Лазоркина Ольга Игоревна, аналитик Белорусского института стратегических исследований, к.и.н. (Беларусь)



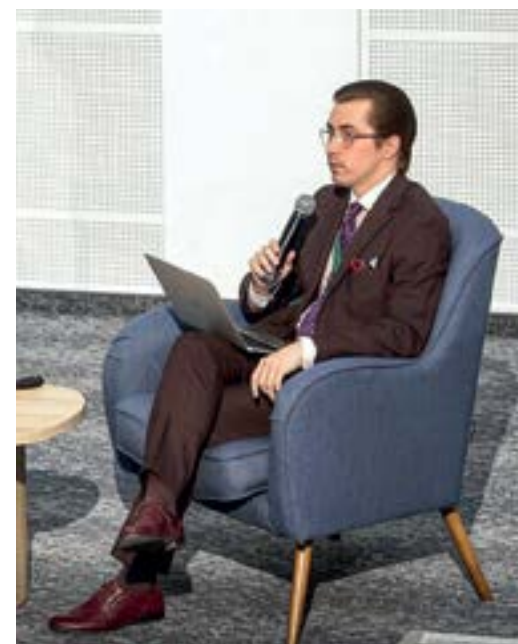
Игнатьев Виталий Викторович, Министр иностранных дел Приднестровской Молдавской Республики (Приднестровье)



Йованович Милош, депутат Народной скупщины Республики Сербия XIV созыва (Сербия)



Атлагич Синиша, руководитель Центра русских исследований факультета политических наук Белградского университета, д.п.н. (Сербия)



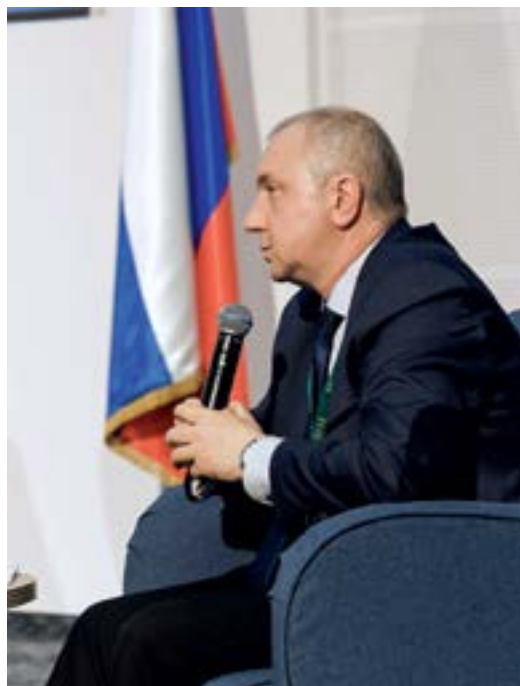
Антипов Даниил Романович, магистр Дипломатической академии МГИМО МИД РФ



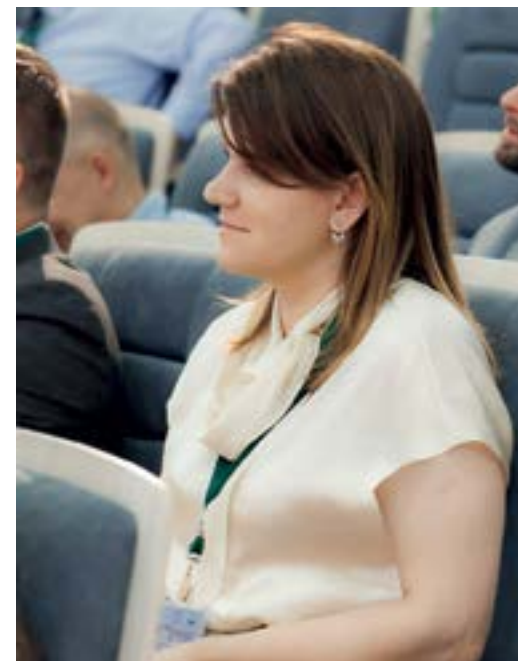
Азаренкова Алина Александровна, преподаватель кафедры МГЛУ



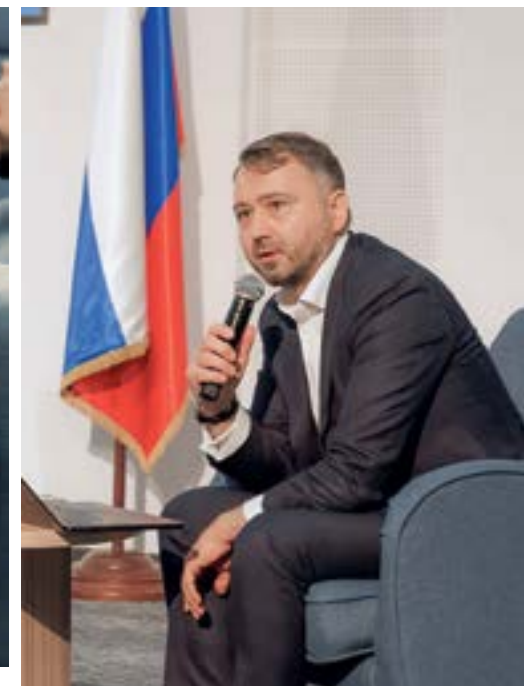
Котов Александр Владимирович, ведущий научный сотрудник Центра германских исследований Отдела страновых исследований ИЕ РАН, к.э.н.



Соловьев Эдуард Геннадьевич, руководитель Центра постсоветских исследований ИМЭМО РАН, к.п.н.



Тимакова Ольга Александровна, доцент кафедры политической теории Дипломатической академии МГИМО МИД РФ, к.п.н.



Фаттахов Азамат Ильгисович, аспирант Дипломатической академии МГИМО МИД РФ



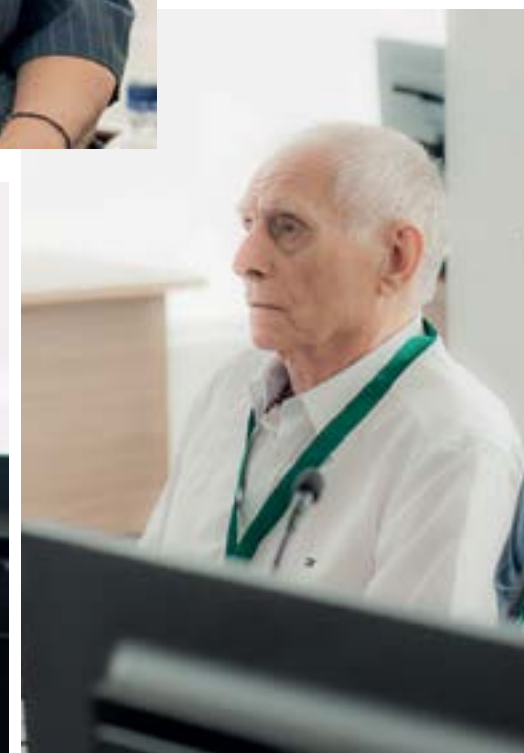
Аветисян Александра Сергеевна,
студент НИЯУ МИФИ



Жуликова Ольга
Валентиновна,
выпускающий редактор
научного журнала
«Россия и мир: научный
диалог», эксперт
НИИРК, к.с.н.



Фомин Максим Витальевич, ведущий
научный сотрудник ИКСА РАН, к.п.н.



Коваль Василий Петрович, доцент
кафедры зарубежного регионоведения
и международного сотрудничества
РАНХиГС при Президенте РФ,
Чрезвычайный и Полномочный
Посланник II класса, к.ю.н.



Доронина Мария Александровна, аспирант кафедры международных отношений и внешней политики России МГИМО МИД РФ



Бальбуров Дмитрий Леонидович, шеф-редактор журнала «Человек и мир: диалог»



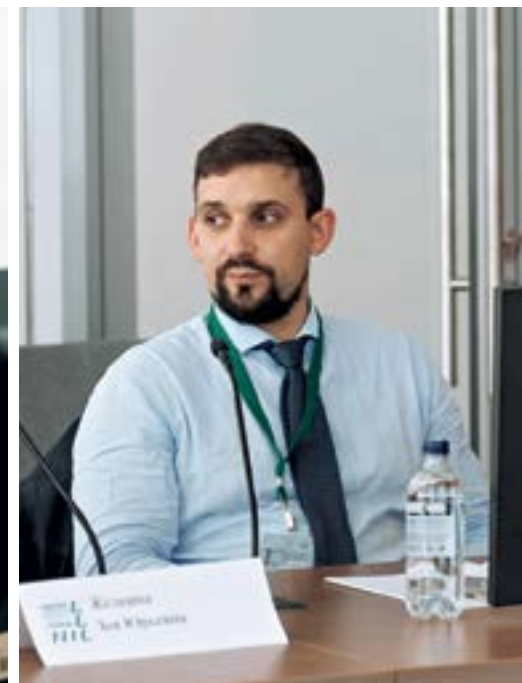
Белозёров Василий Клавдиевич, заведующий кафедрой политологии МГЛУ, д.п.н.



Трунов Филипп Олегович, ведущий научный сотрудник Отдела Европы и Америки ИНИОН РАН, д.п.н.



Шевелёва Юлия Романовна, преподаватель РАНХиГС при Президенте РФ



Чернега Сергей Юрьевич, третий секретарь Второго департамента стран СНГ МИД РФ



Гуржиева Ольга Валерьевна, директор программ взаимодействия с органами власти НИИРК



Гусейнов Рафаэль Джагидович, член Наблюдательного совета НИИРК, секретарь Союза журналистов России, член Союза писателей России, к.и.н.



Акулович Ирина Борисовна, советник-посланник Посольства Республики Беларусь в РФ (Беларусь)



Чернобай Андрей Иванович, первый секретарь Посольства Республики Беларусь в РФ (Беларусь)



Матяш Александр Иванович, директор информационно-аналитического департамента Исполнительного комитета СНГ



Шадский Алексей Викторович, начальник отдела сотрудничества в гуманитарной сфере Первого департамента стран СНГ МИД России, к.п.н.



Омаров Ильяс, советник Посольства Республики Казахстан в РФ (Казахстан)



Крыштановская Ольга Викторовна, директор Научного центра цифровой социологии «Ядов-центр» РГТУ, д.с.н.



Джоробекова Айнур Эшимбековна, заведующая кафедрой «Международные отношения и право» Дипломатической академии МИД Кыргызской Республики имени К.Дикамбаева, директор Центра российских исследований Кыргызского национального университета имени Ж.Баласагына, д.п.н. (Кыргызстан).



Исабеков Самат Сатарович, директор департамента таможенной инфраструктуры Евразийской экономической комиссии



Лукашин Александр Федорович, заместитель генерального директора АНО «Международный центр региональной интеграции».



Глотов Сергей Александрович, ведущий научный сотрудник отдела правопедания ИНИОН РАН, д.ю.н.



Байльдинов Ергали Темуржанович, координатор Центра международного сотрудничества Шакарим Университета, к.э.н. (Казахстан)



Таалайбек кызы Жанара, заведующая отделом кадровой работы и документации Дипломатической академии МИД Кыргызской Республики имени К.Дикамбаева, PhD (Кыргызстан)



Трохинова Ольга Игоревна, доцент кафедры международной коммуникации факультета мировой политики МГУ имени М.В.Ломоносова, к.п.н.



Барахвостов Павел Александрович, доцент кафедры политологии Белорусского государственного экономического университета, к.п.н. (Беларусь)



Прудников Антон Дмитриевич,
ассистент РГУ, к.и.н.



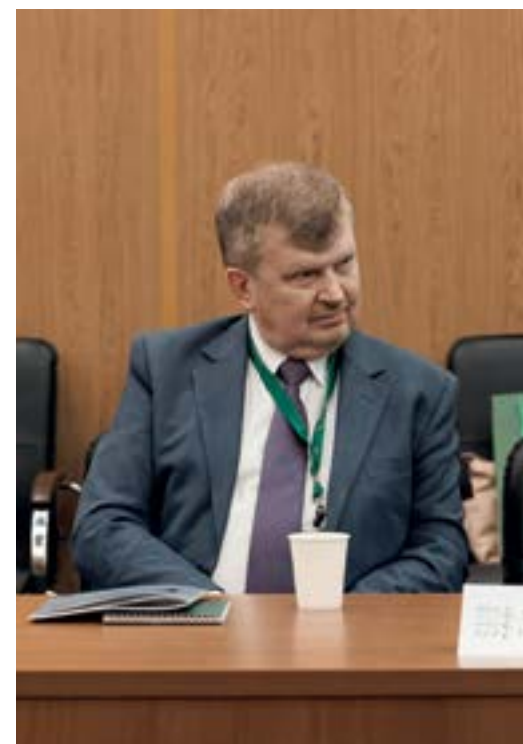
Рахимов Комрон Хакиmdжонович,
доцент кафедры теории и истории
международных отношений,
руководитель Сектора Центральной
Азии РУДН имени П.Лумумбы, к.и.н.



Исаев Евгений Николаевич, аспирант
МГЛУ



Ленькин Денис Юрьевич, аспирант
МГИМО МИД РФ



Бажатков Эдуард Владимирович,
начальник отдела международного
сотрудничества Межгосударственной
телерадиокомпании «Мир»



**Торжественное мероприятие,
посвященное 5-летию научного журнала
«Россия и мир: научный диалог»**



Наумкин Виталий Вячеславович, член Наблюдательного совета НИИРК, главный редактор журнала «Россия и мир: научный диалог», д.и.н.



Гасумянов Владислав Иванович, директор НИИРК, д.э.н.;
Гусейнов Рафаэль Джагидович, член Наблюдательного совета НИИРК, секретарь
Союза журналистов России, член Союза писателей России, к.и.н.;
Комлева Валентина Вячеславовна, заместитель директора по научной работе
НИИРК, заместитель главного редактора научного журнала «Россия и мир:
научный диалог», д.с.н.



Гасумянова Алина Владиславовна, заместитель главного редактора журнала
«Россия и мир: научный диалог», к.ю.н.



Жуликова Ольга Валентиновна, выпускающий редактор журнала «Россия и мир: научный диалог», к.с.н.



Виноградов Андрей Владимирович, член редакционной коллегии журнала «Россия и мир: научный диалог», д.п.н.



Бегалинова Калимаш Капсамаровна, член редакционной коллегии журнала «Россия и мир: научный диалог», д.ф.н. (Казахстан)



Дегтерев Денис Андреевич, член редакционной коллегии журнала «Россия и мир: научный диалог», д.п.н.



Рахимов Мирзохид Акрамович, член редакционной коллегии журнала «Россия и мир: научный диалог», д.и.н. (Узбекистан)



Шабров Олег Федорович, член редакционной коллегии журнала «Россия и мир: научный диалог», д.п.н.



Атлагич Синиша, член международного совета журнала «Россия и мир: научный диалог», д.п.н. (Сербия)



Джоробекова Айнур Эшимбековна, член международного совета журнала «Россия и мир: научный диалог», д.п.н. (Кыргызстан)



Искандаров Косимшо, член международного совета журнала «Россия и мир: научный диалог», д.и.н. (Таджикистан)



Барахвостов Павел Александрович, автор самых цитируемых публикаций в журнале «Россия и мир: научный диалог», к.п.н. (Беларусь)



Гаман-Голутвина Оксана Викторовна, член редакционной коллегии журнала «Россия и мир: научный диалог», д.п.н.



Кикнадзе Тамар, член международного совета журнала «Россия и мир: научный диалог», д.п.н. (Грузия)



Айвазян Диана Степановна, автор самых цитируемых публикаций в журнале «Россия и мир: научный диалог», к.п.н.



Грибин Николай Петрович, член Наблюдательного совета НИИРК, автор самых цитируемых публикаций в журнале «Россия и мир: научный диалог», д.ю.н.



Кузьменко Елена Алексеевна, автор самых цитируемых публикаций в журнале «Россия и мир: научный диалог», к.и.н.



Думина Евгения Валерьевна, автор самых цитируемых публикаций в журнале «Россия и мир: научный диалог», к.п.н.



Сажин Владимир Игоревич, автор самых цитируемых публикаций в журнале «Россия и мир: научный диалог», к.и.н.



Нессар Омар, автор самых цитируемых публикаций в журнале «Россия и мир: научный диалог», к.и.н.



Минасян Нелли Арташесовна, автор самых цитируемых публикаций в журнале «Россия и мир: научный диалог», к.и.н. (Армения)

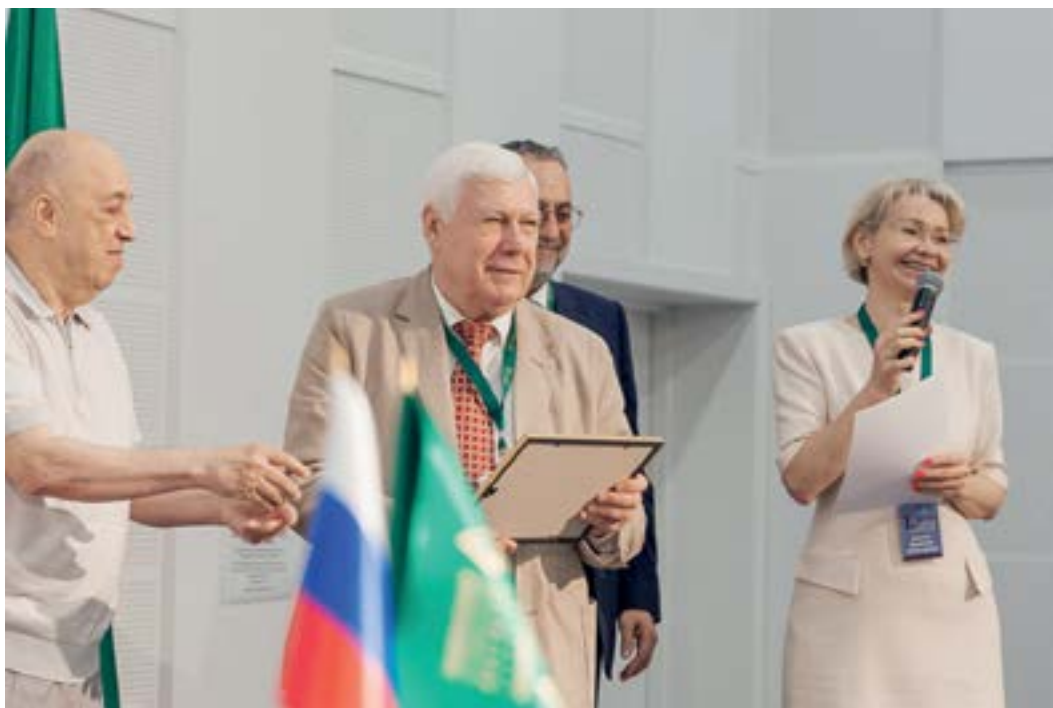


Христофоров Василий Степанович, автор самых цитируемых публикаций в журнале «Россия и мир: научный диалог», д.ю.н.



Яковлев Александр Иванович, автор самых цитируемых публикаций в журнале «Россия и мир: научный диалог», д.и.н.





Наука, исследования,
аналитика

Консалтинг,
рекомендации

Цифровые технологии
и решения

Издательская
и медиадеятельность

Просвещение
и обучение

Гуманитарные
коммуникации

*Искусство диалога
и доверия*

Москва, Коробейников переулок, 22, строение 1

+7 (495) 252-67-88

www.nicrus.ru

institut@nicrus.ru



Национальный исследовательский институт развития коммуникаций

приглашает к сотрудничеству в научных проектах

Результаты совместных научных исследований публикуются в журналах, коллективных монографиях, научных докладах. Разработанные рекомендации и предложения направляются в правительственные учреждения и международные организации.

Коммуникационные режимы и коммуникационные порядки в международной практике: международная научная лаборатория открыта для ученых и экспертов из России и зарубежных стран. Тематические линии исследований:

- теория и методология исследования коммуникационных режимов в странах и регионах;
- модуляция и фрагментация мирового коммуникационного порядка;
- модели и типы страновых коммуникационных режимов;
- социокультурные факторы формирования и воспроизводства коммуникационных режимов;
- политические факторы формирования и воспроизводства коммуникационных режимов;
- управляемость коммуникационных режимов;
- дружелюбность коммуникационных режимов;
- проблемы информационной безопасности в некоторых типах коммуникационных режимов;
- влияние новых акторов и новых практик на правила и структуры коммуникационных режимов.

Рейтинг дружелюбности коммуникационных режимов – международная экспертная группа открыта для ученых, аналитиков, специалистов в области международных отношений, политической регионалистики, международной коммуникации, информационной политики, социальной инженерии, связей с общественностью, массмедиа. Национальный исследовательский институт развития коммуникаций разработал методику анализа и оценки дружелюбности страновых коммуникационных режимов. Первый рейтинг дружелюбности коммуникационных режимов стран был опубликован в декабре 2021 года. Приглашаем ученых и аналитиков из разных стран войти в состав экспертов.

Международные гуманитарные коммуникации – научный проект открыт для ученых и экспертов из России и зарубежных стран. Проект реализуется с целью разработки и апробации моделей и технологий международных гуманитарных коммуникаций, направленных на развитие добрососедских отношений. Тематические линии исследований:

- системы международного гуманитарного сотрудничества в интеграционных объединениях (СНГ, ШОС, ЕАЭС, ЕС и др.);
- институционализация международных гуманитарных коммуникаций;
- трансграничные, приграничные модели гуманитарных коммуникаций;
- стратегии и приоритеты языковой и культурной политики стран добрососедства;
- политика социальной памяти в постсоветских странах;
- цифровые форматы международных гуманитарных коммуникаций.

Пояс добрососедства – научный проект открыт для ученых и экспертов из России и зарубежных стран. Пояс добрососедства – группа стран, с которыми граничит Российская Федерация, и стран, с которыми Россия непосредственно не граничит, но исторически имеет или налаживает культурные, хозяйственные, политические связи. Проект направлен на поиск направлений, перспективных участников, моделей и технологий развития добрососедских отношений, профилактику возможных конфликтов и улучшение взаимопонимания между странами и народами. Участники проекта свободны в выборе тематик исследования при условии формирования международных коллективов и их соответствия концепту добрососедства. Концепт добрососедства отражает содержательную и ценностную сторону соседства – мир, взаимопомощь, уважение ценностей и традиций друг друга, расширение сфер и инструментов сотрудничества.

Цифровые решения межкультурного, межнационального, межконфессионального диалога. Мониторинг цифровых проектов открыт для авторов проектов межкультурного, межнационального, межконфессионального диалога из России и зарубежных стран. Цель мониторинга – выявление и поддержка лучших проектов в сфере межкультурного, межнационального, межконфессионального диалога в цифровой среде. Национальный исследовательский институт развития коммуникаций содействует популяризации и реализации лучших цифровых решений для развития межкультурного, межнационального и межконфессионального диалога.

Международные НКО и гражданские коммуникации – международная лаборатория, открыта для экспертов из России и зарубежных стран. Цель научного проекта – разработка предложений по оптимизации использования ресурсов международных НКО для развития добрососедских отношений и дружественного гражданского диалога. Тематические линии исследований:

- организационно-правовые, культурные, политические, экономические факторы деятельности международных НКО;
- модели и технологии работы международных НКО.

Научная дипломатия – научный и издательский проект открыт для ученых из России и зарубежных стран. Проект направлен на развитие научных коммуникаций и разработку моделей международного научного сотрудничества. Тематические линии исследований:

- государственная политика и стратегии стран в сфере международного научного сотрудничества;
- совершенствование направлений и инструментов межстрановых научных коммуникаций;
- дипломатическая миссия ученых;
- новые технологии сотрудничества молодых ученых.

Национальный исследовательский институт развития коммуникаций содействует в развитии программ международной мобильности молодых ученых. Аспиранты и начинающие ученые из разных стран включаются в проекты Института и в совместные проекты Института и научно-образовательных учреждений России и зарубежных стран.

Институт издает научный журнал «Россия и мир: научный диалог – Russia & World: Scientific Dialogue» (РИНЦ, ВАК) и приглашает авторов к публикациям (<https://www.russia-world.ru/jour/index>).

Национальный исследовательский институт развития коммуникаций

Серия «Научные конференции»

Россия и мир: диалоги – 2026. Новая реальность

X Международная научно-практическая конференция.
Сборник материалов

Под научной редакцией В.В.Комлевой, О.В.Жуликовой

Макет и предпечатная подготовка

ООО «Издательский дом Perspéctum»
г. Москва, Коробейников пер., 22, стр. 1
Тел. +7 495 146 83 02

Подписано в печать 01.08.2026

Отпечатано

ОАО «Подольская фабрика офсетной печати»
Московская область, г. Подольск, Революционный проспект, 80/42
Тираж 500 экз.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ИНСТИТУТ
РАЗВИТИЯ
КОММУНИКАЦИЙ

